

Право любить

Архив публикаций

Раздел "Библиотека"

Наш сайт: <https://right-to-love.name> или <http://rightloveqoyz6ow.onion>

Содержание

[Вредно для несовершеннолетних](#)

[Понять и разобраться](#)

[Памфлет "Педофилы"](#)

[Приятные воспоминания](#)

[Криминальная сексология](#)

[Педофилия: радикальный взгляд](#)

Вредно для несовершеннолетних

На нашем портале представлен перевод книги "Вредно для несовершеннолетних. Опасность защиты детей от секса" американской писательницы Джудит Левин, PhD, адъюнкт-профессора университета Темпл. [Авторский сайт](#)

Предисловие

Д-р Джойслин Элдерс

Америка переживает затяжной сексуальный кризис. Мы прочно заняли первое место в западном мире практически по всем сексуальным проблемам: по подростковой беременности, абортам, изнасилованиям, инцесту, сексуальному злоупотреблению детьми, ЗППП, СПИДу и многим другим. Однако когда главный врач страны призывает к действиям, призванным улучшить сексуальное здоровье нации путем всеобъемлющего полового просвещения в школах, путем пропаганды воздержания среди подростков и других мер, направленных на воспитание в подрастающем поколении ответственного сексуального поведения, призывает разрушить наш "заговор молчания" в отношении сексуальности, мы предпочитаем отправить главного врача в отставку.

[Прим. переводчика: Surgeon General - главный врач гос. службы здравоохранения - высший медицинский пост в правительстве США (непосредственно подчиняется министру здравоохранения и социальных служб). Джойслин Элдерс занимала этот пост в администрации Клинтона, но вынуждена была подать в отставку из-за скандала, поводом для которого послужило ее публичное высказывание, что в качестве альтернативы сексу подросткам можно рекомендовать мастурбацию.]

Заболевания, передающиеся половым путем, - от просто серьезных до смертоносных - факт повседневной жизни американских школ и "спальных районов" городов по всей стране. Дезинформация и запугивание по поводу самых заурядных сексуальных практик, той же мастурбации, цветут пышным цветом. Несмотря на эти факты, несмотря на горячую поддержку, которую встречает у родителей идея детального сексуального просвещения их детей как в школе, так и дома, наше общество упорно не желает сделать сексуальное просвещение частью школьной программы всеобъемлющего санитарного просвещения и испытывает тревогу по поводу "детского секса", доходящую до истерики. Наша государственная политика в области сексуального образования, очевидно, мотивирована идеологией, а не соображениями практической пользы. Тем не менее какой бы распространенной, политически выгодной или популярной ни была та или иная программа, именно ее эффективность в плане профилактики и исправления того поведения, которое породило нынешний сексуальный кризис, должна быть определяющим фактором в ее оценках.

Парадоксальным образом автор этих строк, которая прославилась своей откровенностью в вопросах сексуальности, выросла в среде, в которой о сексе не говорили никогда. Моя жизнь началась среди людей, для которых любые упоминания о сексе были абсолютным табу, а теперь моя профессия обязывает меня к тому, чтобы почти ежедневно лицом к лицу сталкиваться с самыми тяжелыми проблемами, связанными с ним. Я знаю не понаслышке, что такое невежество, и понимаю, насколько важно, жизненно важно быть информированным. Мне приходилось общаться с родителями, которые только что узнали, что их ребенок родился с гениталиями, по которым затруднительно определить его пол, и с родителями, чьи дети не проявляли никаких признаков полового созревания. Я потратила значительную часть моей профессиональной жизни, пытаюсь просветить людей и разработать меры социальной политики, направленные на решение тех проблем, которые разъедают саму ткань нашего общества: подростковой беременности и ее частых последствий в виде нищеты, невежества и фактического рабства, ВИЧ, СПИДа и других

болезней, передающихся половым путем. Мой жизненный опыт во многом объясняет то, почему я часто не могу сдержаться, когда слышу, что кто-то осуждает главного врача страны, родителей или кого-то еще за призывы к использованию презервативов, например. Как очень верно и образно подметил Айра Райсс в своей книге "Преодолеть сексуальный кризис Америки", клятвы целомудрия рвутся гораздо легче, чем латекс, из которого сделаны презервативы. Истерия по поводу секса никак не дает нам подступиться к решению этих насущнейших проблем, а страдают от этого в первую очередь те, кто острее всех нуждается в информации: наши юные граждане, бедные и необразованные люди. Невежество не может быть блаженным.

Все это делает "Вредно для несовершеннолетних" книгой жизненно важной, дающей новый, пока еще единственный в своем роде взгляд на весь этот клубок критических проблем. Сводя воедино сведения, полученные из средств массовой информации (в том числе малоизвестных), из бесед с детьми, подростками и их родителями, и проницательный анализ, Джудит Левин пылко призывает к честности и откровенности в разговоре с детьми о сексе. Она срывает покров тайны с той консервативной политической "повестки дня", которая на самом деле стоит за многими мерами по так называемой "защите детей". Вероятно, самое ценное в ее книге - это то, как четко она обрисовала определяющий - и часто скрытый - факт дискуссий о сексуальности в нашей стране: влияние религиозных правых (или тех, кого я, как многие знают, в свое время назвала "очень религиозными не-христианскими правыми"). Я много раз говорила и писала о том отвращении, которое у меня вызывают люди, влюбленные в эмбрион (речь идет о "борцах против аборт" - прим. перев.), но не готовые палец о палец ударить, чтобы помочь уже родившимся детям. "Вредно для несовершеннолетних" не только делает предельно ясной жизненную необходимость предоставления откровенной и точной информации о сексуальности людям всех возрастов, но и предлагает толковую, позитивную и осуществимую программу для достижения этой цели.

Опасен не секс сам по себе, опасно отношение к нему как к чему-то опасному. Мы должны трезво и, может быть, в чем-то даже прозаично относиться к тому, что, в общем, и является прозой жизни. Джудит Левин убедительно доказывает, что существует тесная связь между теми ценностями, которые мы исповедуем в нашей сексуальной жизни, и теми ценностями, которые мы исповедуем как общество. Она права: секс - это вопрос морали, но не в том смысле, который пытаются навязать нам "христианские правые". Детей необходимо учить сексуальной этике и ответственности, дома и вне дома, точно так же, как мы учим их вести себя во всех сферах частной и общественной жизни. Учить детей самоуважению, позитивному самовосприятию, принятию правильных решений - вот что значит, в моем понимании, сексуальное образование.

Замечание автора

Большая часть исследований, послуживших основой для данной книги, включая интервью, были проведены с 1996 г. по начало 2000 г., статистические данные были обновлены в 2001 г. Имена и фамилии всех, о ком идет речь в книге, за исключением профессиональных и должностных лиц, изменены, как и некоторые личные подробности.

Благодарности

Одна из самых приятных вещей для автора книги - благодарить тех, кто помогал ему в ее написании. Конечно, среди них и те, кто кормил автора обедами и ужинами, и те, кто подсказывал ему идеи, и те, кто подбадривал его в трудные минуты этого процесса на протяжении всех лет работы над проектом. Поскольку процесс был трудным очень часто, а лет он занял очень много, автор получил от своих помощников очень много обедов и ужинов и очень много идей - и огромное количество жизненно необходимого ободрения. Так что начну с того, что попрошу прощения у тех, кого не называю; для тех же, кого называю, как всегда, делаю успокоительную оговорку: вы не несете ответственности за то, что в этой книге я что-либо нарушила, не соблюла, преступила или сгруппила.

Благодарю мою авторскую группу - Аллана Берюбе, Джеффри Эскофье, Эмбер Холлибо, Джонатана Каца и Кэроль Вэнс - за их ежемесячные порции верности, мудрости и макаронных блюд. Члены группы, а также Билл Финнеган, Джеймс Кинкейд, Гарри Маурер, Вэналин Грин, Пегги Брик, Лионор Тифер и Шэрон Лэм прочли рукопись частично или полностью (некоторые по несколько раз!) и высказали свои тонкие и щедрые замечания. В издательстве Mother Jones Сара Поллок оказала мне ценнейшее и бесконечно терпеливое наставление в подготовке того, что в конечном итоге стало Главой 3, а Джинн Броко спасла мою кожу, тщательно проверив все факты. Стив Фрейзер был первым, кто принял книгу к редактированию, когда все остальные бежали от нее, как черт от ладана, и оказывал ей высококвалифицированную и стимулирующую редакторскую поддержку, пока не ушел из издательского бизнеса. Издательский бизнес много потерял в лице этого знающего, серьезного и мужественного человека. Мне же повезло в конце концов попасть в заботливые руки Кэрри Маллен из Издательства Университета Миннесоты, которая всем доказала свою приверженность непопулярным идеям и научной объективности, не ограниченной рамками той или иной дисциплины. Я премного благодарна и рецензентам Издательства, которые точно указали мне на слабости книги. Там, где я к ним прислушалась, мне удалось найти более сильные аргументы.

Значительная часть процесса написания книги оказалась для меня настоящей битвой. С течением времени политический и коммерческий климат казался все более враждебным к ее идеям и - что более важно - к сексуальному счастью детей, что вызывало во мне чувство одиночества и уныния. В то же время те, кто остался верен идеям книги, только выросли в моих глазах. В моем ближайшем кругу Дебби Нейтан, Боб Шателль и Джим д'Антремон заслужили мое восхищение тем, что упорно продолжали трудиться на благо безвинно обвиненных во время "паник сексуального злоупотребления", когда уже почти все забыли о них. Лиэнн Кац, исполнительный директор Национальной коалиции против цензуры (ныне, увы, покойная), пророчески предвидела, каким культурным бедствием станет сексуальная цензура, и никогда не боялась рисковать собой во имя свободы всех форм человеческого самовыражения. Ее преемница Джоун Бертин оказалась ей достойной заменой. Среди психотерапевтов Лионор Тифер - не того сорта человек, которому все набиваются в друзья, зато она всегда оказывает влияние на представителей своей профессии, и не только своей, своей твердой, здоровой, "просексуальной" и в то же время антисексистской позицией и активизмом.

На страницах этой книги я бросаю стрелы критики в адрес сообщества всеобъемлющего сексуального образования (имеются в виду организации, выступающие за ознакомление детей/подростков со всеми аспектами сексуальности, а не только с теми, которые им "должно знать" - прим. перев.). Тем не менее без таких организаций, как Планируемое родительство (Planned Parenthood), Совет Соединенных Штатов по сексуальной информации и образованию (SIECUS), Сеть образования для семейной жизни (Network for Family Life Education) и Защитники юных (Advocates for Youth), и без таких прогрессивных педагогов, как Пегги Брик, Сьюзи Уилсон, Памела Уилсон, Дебора Роффман, Конни Маккэффри, Элизабет Каспарян и Лесли Кантор, в Соединенных Штатах не было бы и намека на приличное сексуальное образование. Когда я их критикую, и подчас резко, я делаю это со смирением.

Ряд библиотек и их библиотекарей оказали мне неоценимую помощь: SIECUS, Political Research Associates, библиотека Университета штата Вермонт и Нью-Йоркская публичная библиотека. Фонд Гольдензона предоставил мне средства на исследования, которые были необходимы для Главы 2.

Один из лейтмотивов моей интеллектуальной жизни - недостаточность большинства общепринятых категорий - Мужчина, Женщина, Ребенок, Нормальный, Отклоняющийся, их неспособность уловить значение того, что они призваны обозначать. Большинство из того, что интересует меня, попадает в бесконечную не-категорию Иное. Поэтому в почетном списке Иные помощники я благодарю (в алфавитном порядке): Билла Андриетте, Линн Микель Браун, Дэвида Воловица, Джанет Джейкобс и ее семью, сотрудников и подопечных центра District 202 в Миннеаполисе, Филипа Каушалла, Дайэн Кливер, Марти Кляйна, семью

Левиных, Расселла Миллера, Национальный союз писателей, Стива Нокса, Пола Оками, Урсулу Оуэн, группу "Пассовер", Флавио Помпетти, Джоун и Стива Рапппорт, Линду и Кевина Рид, Сьюзан Ричман, Марту и Марти Рот, комитет "Секс и цензура" Национальной коалиции против цензуры, Джонатана Силина, Чиро Скотти и литературную редакцию Business Week, Энн Снитоу, Лизу Спрингер, Кэролин Стэк, Лэрри Стэнли, Шэрон Томпсон, Денизу Трюдо, Джорджа и Бетси Уайтхед, Элизабет Уилсон, Эмили Файнштейн, Роджера Фокса, Марджори Хайнс, Дженни Хоффман, Кэрола Хопкинса, Дебру Хэффнер, Джулиуса Левина Силло и Энн Эйджи. Я выражаю мою глубочайшую признательность каждому из сотен моих источников, с которыми я подолгу беседовала, а подчас и прямо-таки донимала их своими расспросами, а в особенности - множеству родителей и детей, от которых я узнала многое из того, что мне было необходимо знать, но чьи имена я обещала сохранить в тайне.

Джой Хэррис - самый лучший литературный агент, о котором только можно мечтать, и гораздо больше, чем просто литературный агент. Ее талантливая сотрудница Стефани Абу закрыла собою брешь в нашем фронте и нашла пристанище для моей книги в тот момент, когда я почти уже потеряла надежду.

Я познакомилась с Дженис Ирвайн вскоре после того, как принялась за "Вредно для несовершеннолетних", и она стала "повивальной бабкой" моей книги в большей степени, чем какой-либо иной отдельный человек. Открыв мне свою душу, сердце, дом и обширные познания о предмете - несмотря на то, что она сама в тот момент работала над конкурирующим проектом, - Дженис Ирвайн стала моим главным интеллектуальным резонатором и, что не менее важно, дорогим другом.

Я посвящаю эти страницы моему партнеру Полу, чья верность истине и справедливости вдохновляет меня и чья любовь и юмор перед лицом всего ложного и несправедливого - одна из главных причин, почему я каждое утро поднимаюсь с постели.

Вступление

Опасность и удовольствие, родительство и детство

Снова появляется опасность, мать морали - великая опасность - но на сей раз вытесненная на индивида, на родных и близких, на улицу, на собственного ребенка, на собственное сердце, на глубочайшие тайники желания и воли.

Ницше, "По ту сторону добра и зла" (1886 год)

В сегодняшней Америке почти невозможно опубликовать книгу, утверждающую, что дети и подростки могут получать сексуальное удовольствие, не подвергаясь при этом никакой опасности.

Наверное, я должна была понять это еще пять лет назад, когда мой литературный агент начала рассылать предложение о публикации по коммерческим издательствам. Одно издательство за другим отвергало это предложение. "Левин - увлекательный автор, и ее аргументация сильна и провокативна, - писал один из издателей в типичном уведомлении об отказе, - но мы не представляем себе, как такая точка зрения может найти достаточное количество читателей, чтобы мы могли взяться за этот проект". Все уведомления завершались той или иной вариацией вечного товарищеско-редакторского: "Желаю удачи". Теперь всякий раз, когда я слышу эту фразу, мне чудится в ней саркастическое фырканье.

Когда один из самых серьезных коммерческих редакторов принял-таки мое предложение и я написала первую черновую рукопись, его отзыв был ободряющ, но трезв. "Это смелая книга, - писал он мне, - для которой, как становится удручающе ясно из присланных Вами глав,

трудно было бы найти худшее время". Он оказался, как никогда, прав. Он был уволен (не из-за моей книги), а моя рукопись была передана другому старшему редактору. Когда та отказалась (будучи матерью тринадцатилетней девушки, она написала мне дипломатично: "Я просто не могу относиться к некоторым из поднятых Вами вопросов достаточно объективно, чтобы быть Вашим наставником"), книгу приняла женщина, только что назначенная на эту должность. Она затеяла затянувшийся на целый год процесс, который должен был сделать книгу, как она выразилась, "более съедобной для родителей", которые теперь предполагались ее единственной целевой аудиторией. Она просила добавить в книгу "утешительных посланий", испещрила рукопись предупреждениями, молящими об удалении: "Это предложение неприятно для родителей". "Многим родителям это будет трудно переварить". Она предложила мне, чтобы не пугать родителей, убрать из вступления слово "удовольствие".

В результате рукопись так и не стала достаточно parent-friendly (англ. "дружественной к родителям", по аналогии с комп. user-friendly "дружественный к пользователю"). Рукопись покинула это издательство и скиталась по другим, где ее также признали коммерчески бесперспективной. Одна редколлегия даже назвала ее "радиоактивной". В ту же неделю, когда я получила этот "счетчик Гейгера", в "Нью-Йорк таймс" было опубликовано объявление размером в газетную полосу, в котором рекламировалась книга Джона Грея "Дети приходят с небес". Рекламный текст гласил, что, стоит только родителям прочитать эту книгу, как их дети станут здоровыми, счастливыми, послушными и успешными. Пухленькие херувимчики по краям наводили на мысль, что и крылышки у них могут вырасти.

Чтобы прогнозировать, какие книги будут пользоваться спросом, издатели стараются держать руку на коллективном пульсе; им нравится думать, что их рейтинги представляют собой некое подобие ЭКГ господствующей культуры. У них есть два вида "датчиков": цифры продаж аналогичных книг или других книг того же автора и нечто менее конкретное - субъективное ощущение ответственного редактора, которое в издательском бизнесе принято называть инстинктом.

Я знаю, что авторам легко находить оправдания, почему их книги не издаются, и, если я оправдываюсь, что же - прошу меня простить великодушно. Но также позвольте мне предложить объяснение того, что пришло с "Вредно для несовершеннолетних": да просто История с ней произошла. "Инстинкт", который руководил редакторами, ощущавшими себя и родителями, и доверенными лицами воображаемых родителей-читателей, находился под влиянием конкретных культурных, экономических и политических сил и событий прошлого и настоящего. Те силы и чувства, которые чуть не сожрали "Вредно для несовершеннолетних", - ровно то самое, о чем повествует "Вредно для несовершеннолетних".

Эта книга, в конечном итоге, о страхе. Страхи Америки по поводу детской сексуальности одновременно и специфически современны (я уверена, что четверть века назад у меня не могло бы быть подобных проблем), и глубоко историчны. "Вредно для несовершеннолетних" повествует о том, как этот страх смог вонзить свои когти в Америку в конце двадцатого века и как теперь, поддерживаемый сентиментальной, иногда циничной, политикой "защиты детей", он всецело поглотил наши мысли и действия. Книга исследует политику и практику, затрагивающую повседневную сексуальную жизнь детей и подростков - цензуру, психологию, сексуальное образование, семейное, уголовное и репродуктивное законодательство, а также тот сорт журналистики и "советов родителям", который предлагает "решения", лишь воспроизводящие страх, подобно "волшебным свечам" для торта, которые вспыхивают заново, сколько их ни задувай.

Архитекторы и практики всего вышеназванного для обозначения того, что они делают, используют выражение "защита детей". Но, как показывают истории реальных детей и их семей в моей книге, результаты их деятельности часто противоположны их словам. Воистину, сексуальная политика страха вредна для несовершеннолетних.

Частная жизнь

Если родители в начале двадцать первого века чувствуют страх, для этого есть веские причины. Глобализирующаяся экономика, создавая новое богатство, дает лишь условную и избирательную уверенность в завтрашнем дне. По данным Бюро переписи населения, опубликованным в начале 2000 года, доля населения США, не вылезавшего из нищеты, не меняется уже четверть века, замерев на отметке 12 процентов, а доходы и стоимость имущества наименее высокооплачиваемого сегмента трудящихся (нижних 20 процентов) за тот же период даже снизились. Даже у выгодоприобретателей нынешнего бума ощущение головокружительных возможностей может мгновенно превратиться в головокружение от нестабильности - как это произошло весной 2000 года, когда индекс акций высокотехнологичных компаний Nasdaq рухнул и за биржевым крахом последовали массовые сокращения штатов. Этот крах был тошнотворным напоминанием о 80-х годах, когда даже управляющим компаний не было пощады, поскольку их фирмы объединялись и закрывались, а новая метла экономической "гибкости" выметала "надежность занятости" как анахронизм, мешающий извлечению прибыли.

Иероглифы биржевой ленты Уолл-стрит, когда-то интересовавшие только богатых и их брокеров, стали вестниками судебных миллионов - не только потому, что владельцев акций стало как никогда много, но и потому, что стало как никогда много людей, которым не на что рассчитывать, кроме как на частный сектор. Снижая налоги на самых богатых, политики от обеих партий одновременно урезали государственную поддержку тех общественных институтов, которые помогают всем гражданам и объединяют их - таких, как школы и университеты, библиотеки, общественный транспорт, детские сады и ясли, больницы; государство даже вышло из "бизнеса" управления собственными тюрьмами. Результирующий "избыток", как заявил президент Буш, подписывая закон об исторически огромном сокращении налогов, должен был вернуться в виде будущих сокращений налогов "народу" - или, во всяком случае, самой богатой его части.

Социальным коррелятом экономической приватизации являются "семейные ценности" - идея, как ее сформулировала культуролог Лорен Берлант, что гражданство - дело интимной жизни, "только для членов семей". Не говоря уже о том, что она лишает гражданских прав тех, кто не является "образцовыми" членами семей (не состоящих в браке, геев и лесбиянок, подростков-беглецов, одиноких стариков), эта новая декларация Соединенных Семей Америки в сочетании с требованием экономической самостоятельности имеет парадоксальный эффект: она делает спасение хваленной, но "утопающей" Семьи делом рук самих "утопающих".

У ошеломленных родителей остаются лишь два источника совета и помощи: СМИ и рынок. Журналы для родителей называют очередную "опасность месяца", снабжая жаждущих ясности матерей и отцов списком готовых названий для их самых смутных страхов: радиация от телевизора, хлор, медицинские пипетки, "железные" таблетки, автоматы для открывания гаражных ворот, надувные шары, батуты, фуфайки на шнурках. Новостные еженедельники присоединяются к тревожному хору, провозглашая опасности менее конкретного, более "морального" свойства. "Как нам уберечь детей наших?" - вопрошала в середине 90-х обложка журнала "Лайф", окружив хрупкое личико голубоглазой девочки-блондинки венком из набранных жирным шрифтом ужасов: "СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ, ПОХИЩЕНИЕ, ТЕЛЕВИДЕНИЕ, НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ, РОДИТЕЛЬСКОЕ НЕБРЕЖЕНИЕ, НАСИЛИЕ, НАРКОТИКИ, СКВЕРНОСЛОВИЕ, ОТЧУЖДЕНИЕ". Под обложкой соответствующая статья, как и статьи о хлоре и фуфайках, предлагала мало ответов на заданный вопрос, за исключением тех, которые можно купить у частных фирм.

"Выращивание детей" становится все более суровым испытанием на соответствие жестким стандартам успеха и неотвратимости наказания за неуспешность, *личную* неуспешность. В конце 90-х годов девятнадцатилетняя мать-одиночка, получая то отказы, то волокиту в ответ на попытки добиться помощи ребенку от программы Медикейд (гос. программа бесплатной медицинской помощи малоимущим - прим. перев.), прилежно продолжала грудное вскармливание, не зная о том, что ее молоко было недостаточно питательным. Ребенок умер от истощения, а мать была осуждена уголовным судом за то, что заморила его голодом. Тем временем в пригородах родители - представители среднего класса - из кожи вон лезут, чтобы

соответствовать требованиям воспитания более закаленных, более здоровых, более компьютерно грамотных, "эмоционально умных" и, после известных массовых расстрелов в колорадской школе "Коламбайн", менее смертоносных детей. "Пока Челси готовится к отъезду, чтобы поступить в колледж, мы с Биллом постоянно прокручиваем в памяти последние 17 лет, - писала Первая Мама страны в журнале "Ньюсуик" в ожидании того, что ее гнездышко опустеет. - Мы всё спрашиваем себя, полностью ли мы использовали каждую минуту, чтобы подготовить ее к вызовам взрослой жизни". *Каждую минуту*, заметьте.

Паника

Вместе с ощущением социальной и экономической шаткости в последние два десятилетия разгорелась и паника по поводу детской сексуальности. Разменной монетой американских страхов часто становится все сексуальное; секс рассматривается одновременно и как неперемное условие личной самореализации и успеха, и как потенциальная причина самых ужасающих личных и социальных катастроф. А народные страхи по поводу секса всегда вьются вокруг самых уязвимых: женщин и детей.

Политическое выражение этих страхов в конце двадцатого века пришло из двух чуть ли не диаметрально противоположных источников. С одной стороны были феминистки, чье политическое движение вскрыло истинные масштабы изнасилований и домашнего сексуального насилия против женщин и детей и добилось принятия законов, карающих насильников и положивших конец логике "жертва сама виновата". С другой стороны религиозные правые ввели в политику понятие о том, что женщины и дети нуждаются в особой защите, поскольку они "по природе" чужды всякому сексу.

Как мы увидим далее, между двумя этими течениями возник нелегкий для них обоим, тем не менее имеющий прецеденты в истории, альянс. Сексуально консервативные феминистки объявили откровенную эротику насилием над женщинами; правые, собравшись с ними на некоем подобии встречи в верхах, проходившей на заседаниях Комиссии Миса по порнографии в 1986 году, ухватились за их теорию, дабы оправдать тотальные репрессии против взрослой порнографии, а затем и против якобы засилья "детской порнографии". Охота на ведьм, развернувшаяся по поводу "сатанистского сексуального использования детей" (которое как нельзя кстати подоспело к панике по поводу детской порнографии, а позже переросло в общую панику по поводу "злоупотребления детьми"), подействовала на страхи феминисток и правых, как философский камень. Феминистские волнения по поводу незащитности детей перед похотью взрослых постепенно разрослись в целую индустрию психотерапии, главным занятием которой является выискивание "забытого" сексуального злоупотребления в детстве пациенток. Религиозные консерваторы, в основном женщины из среднего класса, чувствующие угрозу своим "традиционным" семьям, исходящую от социально-сексуальных тектонических сдвигов, начавшихся в то время, перевели эти волнения на язык своих собственных мрачных предчувствий. Они видели, как "святотатство" - в виде аборт, разводов, гомосексуализма, внебрачного подросткового секса и секспросвета - повсюду изгоняет "святость". Для них не было ничего удивительного в том, что взрослые, с главным групповым насильником Сатаной во главе, объединяются в подпольные "сети", чтобы насиловать невинных детей.

На протяжении четверти века, в тесном сплетении умышленных политических стратегий, профессиональной беспринципности и народного остолбенения, сексуальное беспокойство накалялось до уровня тревоги, которая, бурно вскипая, выливалась во всеобщую панику; истерия полностью вытеснила рациональный дискурс, даже в залах солидных информационных агентств и высших судов. СМИ сообщали о том, что детям угрожают такие сексуальные опасности, которые их родителям не снились и в страшном сне. Помимо остервеневших от похоти сатанистов, отовсюду выпрыгивали интернетные хищники-обманщики, скаутские вожатые-порнографы, священники-насильники - СМИ заполонила целая армия сексуальных злодеев, которая, как утверждалось, была более коварной и многочисленной, чем когда-либо прежде. "Наставления "не разговаривай с незнакомыми" уже не достаточно, - гласила надпись на задней обложке опубликованной в 1997 году "книги советов" Кэрола Коупа "Stranger Danger" (англ. stranger - незнакомец, danger - опасность,

букв. "опасность, исходящая от незнакомцев"). - Того, что работало тогда, когда мы сами были детьми, для современного мира просто мало". Полицейские проводили инструктажи среди воспитанников детских садов на предмет того, как отличить "хорошее прикосновение" от "плохого прикосновения", учителя младших классов преподавали своим ученикам краткий курс (с последующими контрольными вопросами) по теме "sexual harassment", колледжи проводили с первокурсниками семинары по теме "изнасилование на свидании" в первую же неделю после их зачисления. А начиная с первого урока секспросвета детей муштровали в строгостях воздержания, в умении сказать "нет", чтобы защититься от безудержного вождения как своих сверстников, так и своего собственного.

Реальной новостью, стоявшей за всеми этими "новостями", гораздо более правдоподобной и потому, вероятно, гораздо более пугающей для послевоенного поколения родителей, чем сказки о насильниках младенцев в черных балахонах, была новость о том, что подростки занимаются сексом все больше, начинают им заниматься все раньше и их секс становится все изощреннее, со все более серьезными последствиями. А эта новость не далека от истины. Более раннее физическое созревание в сочетании с более поздним вступлением в брак означает, что между наступлением физической готовности к сексу и его "легализацией" проходят от пятнадцати до двадцати лет. Поэтому вряд ли кого-то удивит, что 90 процентов гетеросексуальных американцев совершают свое первое половое сношение до того, как вступают в брак (если вообще в него вступают), и у большинства из них это происходит до того, как им исполняется 20 лет (teenager по-английски - лицо в возрасте от 13 до 19 лет включительно; на русский это слово обычно переводят как "подросток" либо - реже - "тинейджер"; в оригинале книги teenager и adolescent - собственно "подросток" - употребляются как синонимы - прим. перев.). Один из четырех таких подростков заражается ЗППП каждый год: чаще всего это генитальный герпес, гонорея или хламидиоз.

С другой стороны, страх того, что дети занимаются сексом в средних классах школы, большей частью не обоснован: всего лишь две из десяти девочек и три из десяти мальчиков совершают свое первое половое сношение до того, как им исполняется пятнадцать лет; при этом среди подростков африканского происхождения таких больше, чем среди подростков латиноамериканского происхождения, а среди подростков латиноамериканского - больше, чем среди подростков европейского происхождения.

Однако если мы сравним сексуальную активность подростков 90-х с активностью их родителей в 70-х и их бабушек и дедушек в 50-х, мы не увидим бешеного роста. В середине века 40 процентов подростков сообщали о себе, что имели добрачный секс, из девушек - 25 процентов. В 70-х годах эти цифры значительно выросли. Но, как отмечают Барбара Эренрайх, Глория Джейкобс и Дирдри Инглиш, "сексуальная революция" была революцией на самом деле только для женщин, которые почувствовали, что могут вести себя так, как мужчины вели себя всегда; мужское сексуальное поведение изменилось не очень сильно. К 1984 году доля сексуально активных среди девушек в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет достигла почти половины. С тех пор рост подростковой сексуальной активности происходил не так быстро, а в последние годы она даже несколько упала. В 1990 году из девушек в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет сексуально активны были 55 процентов. К 1995 году этот процент вернулся на отметку 50. Сегодня он остается на уровне 50 процентов - в точности там, где он был в 1984 году. Что касается младших подростков, то в середине 50-х годов лишь три из ста девочек теряли девственность до своего пятнадцатилетия; в середине 70-х - одна из десяти; сегодня - две из десяти. Еще один фактор: в 50-х годах очень многие подростки занимались сексом, который не считался проблемой, поскольку не был добрачным: в то десятилетие США занимали первое место среди стран Запада по доле населения, вступающего в брак в подростковом возрасте.

Кроме того, количество "сексуально активных", то есть имевших хотя бы одно половое сношение, подростков ничего не говорит ни о качестве, ни о количестве самой этой активности, которое у многих из них весьма скромное. В одном типичном исследовании сексуально активных юношей в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет 90-х годов более половины признались, что за последний год "делали это" менее десяти раз, а 10 процентов - что "сексом", что бы они ни подразумевали под этим словом, не занимались ни

разу. Как сказал мне один исследователь-эпидемиолог, "большинство сексуально активных подростков не очень сексуально активны".

Несмотря на эти совсем не сенсационные факты, в СМИ почти каждое сообщение на тему подростковой сексуальности подается со всеми "приправами" сенсационности: шоком по поводу сообщаемых фактов и укоризненным испугом по поводу того, что читатели этих фактов не знают. "Все, что ваши дети уже знают о сексе* (*спорим, вы боитесь спросить)", - содрогалась обложка журнала "Тайм" в середине 90-х годов. "Десятки интервью с учениками средних классов приоткрывают шокирующий мир, с которым родители предпочли бы не сталкиваться", - обещала рекламная аннотация на обложке журнала "Ток", под которой скрывался материал Люсинды Фрэнкс о сексе и наркотиках в жизни небольшой группы нью-йоркских школьников из привилегированных семей. Статья, автор которой умудрилась в двух абзацах и посокрушаться о том, что детки слишком малы, чтобы справляться с эмоциональными сложностями сексуальных отношений, и посетовать на то, что они вступают в них без должной эмоциональной вовлеченности, носила типично гиперболический заголовок: "Сексуальная жизнь ваших детей".

Почти в каждой статье и передаче приглашенные эксперты расписывают причины, почему подростки занимаются сексом, и все эти причины исключительно плохие: на них давят сверстники, или ими манипулируют педофилы; они слишком много пьют или употребляют слишком много наркотиков; слушают рэп или скачивают порнографию; слишком загружены, или у них слишком легкая жизнь; ими злоупотребляют, или они сами любят злоупотреблять; чувствуют себя бессмертными или стремятся поскорее умереть; богаты и испорчены или бедны и деморализованы; их воспитывают в излишней строгости или в чрезмерной вседозволенности; они невежественны или слишком много знают.

На самом деле все эти глубокомысленные рассуждения спецов - большей частью чистые догадки. Демографы прогнали через свои компьютеры десятки социологических и биологических факторов развития, тысячи раз: расу и этническое происхождение, проживание в городе или деревне, структуру семьи и эмоциональную близость к матери, употребление наркотиков, успеваемость в школе и гражданство - в сочетании с "исходами": такими, как возраст начала и частота половых сношений, виды контрацептивов и частота их применения, частота аборт и живых рождений, разница в возрасте между партнерами, количество партнеров и, в последнее время и пока еще редко, доля анального и орального секса в половых контактах. И все эти исследования покрывают лишь маленький кусочек территории сексуального опыта. Консервативные законодатели практически прекратили государственное финансирование исследований сексуального поведения взрослых, их мотивов, их чувств. Что же касается исследований несовершеннолетних - соответствующие опросы, по сути, поставлены вне закона. Что дети и подростки чувствуют по поводу секса? Что они на самом деле делают? Очень немногие исследователи задают эти вопросы, и вряд ли в обозримом будущем их число заметно возрастет.

Испытывая брезгливость - или попросту находясь в неведении - относительно фактов, родители с готовностью принимают худшие догадки экспертов о сексуальных мотивах своих детей. Они как будто не в состоянии вообразить себе, что их детей в сексе привлекает ровно то же самое, что и их самих: им нравится человек, с которым они им занимаются, или они его любят. Секс дает им чувство красоты, ощущение того, что их ценят, счастья или силы. Да просто удовольствие.

СПИД нависает над всеми этими страхами и преувеличениями мрачной тенью и дает пищу паникерам. Он стал символом всего тайного и непостижимого, что есть в сексе, и этот факт усугубляется нежеланием руководителей здравоохранения и образования распространять среди подростков правдивую, трезвую информацию и проверенные методы профилактики. Это заболевание, которое совсем не сложно предотвратить, стало синонимом чего-то неуправляемого, непредсказуемого, синонимом страха. А если секс несет в себе беду, то и рассуждать об удовольствии - недостойно, даже безрассудно.

Сегодня факты говорят о том, что подростки учатся справляться с опасностями секса, не поступаясь удовольствием (в 90-х годах они пользовались презервативами даже чаще, чем взрослые), тем не менее подростковый секс продолжают рассматривать как нечто абсолютно неуправляемое и бедственное. В профессиональной литературе секс между подростками характеризуется как "фактор риска", в одном ряду с пьянством и ношением оружия, а потеря девственности - как "onset" (англ. "приступ", "наступление") полового сношения, как будто это болезнь. Один из научных журналов, часто публикующий доклады о половом поведении подростков, называется "Заболеваемость и смертность".

Рождение Ребенка

Желание защитить ребенка, хотя оно и не является чем-то природным или неизбежным, почти до боли понятно каждому, кто когда-либо его испытывал. "Все сводится к одному, - говорит Джанет Джейк, сорокашестилетняя мать из Сан-Франциско, наблюдая за тем, как ее двенадцатилетний сын несется на скейтборде вниз по тротуару, расположенному на крутом склоне, и перелетает через самодельную полосу препятствий, сооруженную из ящиков и досок. - Ты не хочешь, чтобы твоему маленькому было больно". В общем и целом, Джанет позволяет детям многое (ежится, но не запрещает скейтбордное лихачество). Но как только речь заходит о сексе, она становится, по ее собственным словам, "твердокаменным консерватором". Как и многие другие родители, Джанет полагает, что ее сексуальная "охранительность" по отношению к детям - "удел всех смертных".

Но идея о том, что именно секс - то, от чего "маленьким" может быть больнее всего, - едва ли удел всех смертных, будь то в настоящем или прошлом. Понятие о том, что секс угрожает чуть ли не самому существованию детей, лишает их детства, зародилось всего лишь около 150 лет назад.

Как пишет влиятельный французский историк Филипп Арьес, до восемнадцатого века европейские общества не рассматривали то, что мы теперь называем детством, как длительный период зависимости и защиты, продолжающийся и тогда, когда молодой человек уже вполне созрел физически и социально. Вплоть до примерно 1750-х годов, едва оторвавшись от материнской груди, человек вливался в великое людское море, где делил труд и досуг со своими собратьями, старыми и юными. Когда ему исполнялось семь, его могли отдать в судомойки или ученики сапожника; в четырнадцать он мог быть солдатом или королем, супругом и родителем; в сорок, более чем вероятно, он был уже мертв.

Теория Арьеса об "изобретении детства" вызвала ожесточенные споры и подверглась серьезному пересмотру, с тех пор как он впервые выдвинул ее в 1960 году (именно ему в значительной мере мы обязаны возникновением и развитием плодотворной и активной дисциплины "истории детства"). Хотя многие историки соглашались с его основополагающим тезисом, что положение молодых людей в обществе старших в прошлые века было более подвижным и они не пользовались теми мерами специальной защиты, которые созданы для них теперь, и что из-за высокой детской смертности у взрослых не формировалась эмоциональная привязанность к детям так скоро, как она формируется сегодня, все же в науке существует консенсус насчет того, что как взрослые, так и сами дети признавали существование отдельной категории человека, именуемой Ребенком. Л. Поллак, например, изучил 415 первичных источников за период с 1500 по 1600 год и пришел к выводу, что идея Арьеса "недоказуема... Даже если к детям и относились не так, как сегодня, из этого вовсе не следует, что их не считали детьми".

Касательно сексуальности и ее роли в "мирском грехопадении", однако, вплоть до восемнадцатого века детей рассматривали совсем не в том ключе, в котором их рассматривают сегодня: они не были обязательно "хорошими", а взрослые - "плохими", лишь в силу продолжительности их пребывания на земле. В пуританской Америке, на самом деле, все было ровно наоборот. Дети рождались во грехе, однако считалось, что они способны к исправлению через религиозное окормление и социализацию, которые происходили по мере того, как они росли. Как пишет Кэрин Кэлверт в своей изумительной книге об истории материальной культуры детства в Америке, игрушки и детская мебель периода пуританской

колонизации "подталкивали ребенка к контакту со взрослыми, к вхождению в их мир. Обычай укладывать детей спать в одну постель со взрослыми, использование помочей и ходунков для помещения детей в гущу взрослой жизни были следствием такого видения мира, при котором превращение несовершеннолетнего ребенка в цивилизованного взрослого рассматривалось как естественный и желанный ход вещей".

В середине восемнадцатого века, сначала в Европе, идеология "хода вещей" сменилась на свою прямую противоположность. Как показал исследователь культуры Джеймс Кинкейд, английские и французские философы эры романтизма сотворили образ Ребенка как существа, радикально отличного от взрослых, наделенного чистотой и "невинностью" - это неиспорченный "природный мальчик" Руссо, "чистый лист" ("tabula rasa") Локка. Это существо, родившись вне Истории, подвергалось порче входом в нее: невинности ребенка угрожало уже то, что он рос в мире взрослых, что означало его приобщение к взрослому рационализму и политике. К концу девятнадцатого века представление о детской невинности стало таким, каким мы его знаем сегодня: дети оказались чисты уже не только от политического и социального тлена, но именно от сексуального знания и желаний. По горькой иронии, как раз тогда, когда особенно безжалостной стала экономическая эксплуатация детей, взрослые решили спасти их от секса.

Представление американцев европейского происхождения о переходе от допубертатного детства к взрослости также претерпело огромные метаморфозы. На протяжении почти всей писаной истории Европы в жизни человека существовал некий смутно обозначенный период, называемый юностью, который примерно совпадал с тем, что мы называем подростковым возрастом, но определялся социальными, а не биологическими критериями. В американских колониях, как и в их европейских метрополиях, молодые мужчины (не женщины) становились экономически самостоятельными постепенно, получая в свое распоряжение наследственное имущество и одновременно беря на себя семейные финансовые обязательства, а также политические права. Когда старшие члены семьи решали, что юноша готов содержать собственную семью, он женился, официально становясь взрослым.

Знания о сексе также приходили постепенно, и ни святость девичьей чести, ни запрет на добрачный секс не были универсальными. На Американском континенте колониального периода среди рабов из Западной Африки "браки освящали материнство, а не секс", и рабыня выходила замуж обычно за отца своего первого ребенка - то есть "пост-фактум". В Колонии Чесапикского залива из-за нехватки женщин и девочек они пользовались известной мерой сексуальной свободы и в то же время подвергались нещадной сексуальной эксплуатации. В Мэриленде девочки выходили замуж начиная с двенадцатилетнего возраста, но и внебрачный секс, как желаемый, так и нежеланный, был широко распространен: до 1750 года у каждой пятой служанки рождался внебрачный ребенок, часто в результате изнасилования, совершенного хозяином. Что касается пуритан, их реальная жизнь не всегда являла собой примеры негибкого морализма, синонимом которого стала их деноминация. Добрачный секс, хотя и был запрещен, мог быть искуплен браком, и каждая третья невеста Новой Англии шла к алтарю, уже будучи беременной.

В Европе же, в начале двадцатого века, когда королева Виктория лежала на смертном одре, идеализированный ребенок столкнулся с радикальным ниспровергателем идеалов: Фрейдом. Его "Толкование сновидений" постулировало существование в ребенке врожденного сексуального "инстинкта", который "вынашивается" эдиповыми страстями семейной жизни и в конце концов трансформируется во взрослое вожделение, честолюбие и творческое начало либо, если недостаточно "прорабатывается", в невротические страдания. Несколько лет спустя человек, впервые приведший Фрейда к американским берегам, определил (одновременно закрепив за ней стойко дьявольскую репутацию) стадию фрейдистского сексуального развития, главным барьером для которой было женское: перенос клиторального эротизма во влагалище. В огромном томе, озаглавленном "Adolescence" (англ. "юность", "подростковый возраст"), детский психолог Стэнли Холл впервые употребил это слово в значении "состояние превращения во взрослого" - и оно испытывало на прочность каждого, кто проходил через него. Подростковый возраст был "долгим причащением скалолаза, идущего на смерть" и напоминал не что иное, как сцены из

фильмов об Индиане Джонсе, от которых волосы встают дыбом. "Поскольку его среда обитания постоянно усложняется, растет и опасность того, что в своем восхождении подросток может скатываться вниз, - писал он. - Новые опасности угрожают со всех сторон. Это самый критический этап жизни, ибо неспособность взбираться вверх почти всегда означает движение вниз, вырождение или падение". Самой страшной из этих опасностей было сексуальное желание.

Теория Фрейда о сексуальном бессознательном, которое постоянно "мутит воду", была его критикой рационализма эпохи Просвещения, но в то же время он поддерживал и определенную рациональность как путь к зрелости и социальному порядку. Приняв сексуальность как часть человеческих взаимоотношений на всех этапах жизни, Фрейд и Холл оказались не лучшими сынами викторианской эры. И все же они были сынами викторианской эры. Фрейд приучил людей к мысли, что детская сексуальность - это нормально, но в то же время убрал ее "с глаз долой", объявив, что большую часть допубертатной стадии она является "латентной". А Холл - даже более, чем Фрейд - изобразил "пробудившееся" подростковое вожделение как непереносимый источник страданий и бед.

И весь этот исторический опыт продолжает жить в нас: "духи времени" не вытесняют друг друга, как циклоны и антициклоны на компьютеризированной карте погоды. Мы все еще наделяем ребенка невинностью эры романтизма: вспомните "Дети приходят с небес" Джона Грея в окружении херувимчиков. Викторианский страх перед ядовитым знанием о мирской сексуальности все еще с нами; недавно он возродился с новой силой в виде демонического образа Интернета. Холловский образ подростковой сексуальности как "нормальной патологии" продолжает оказывать активное влияние на детскую психологию, педагогику и воспитание: что, как не он, проглядывает за "фактором риска" и "бушующими гормонами"?

Со времен Фрейда сексуальность детей и подростков официально считается "естественной" и "нормальной", только вот о значении этих слов мы все никак не можем договориться, а советы специалистов в книгах и статьях лишь подливают масла в огонь: "Не занимается ли ребенок сексом слишком рано, слишком много? Тот ли это секс, с тем ли человеком, с тем ли смыслом?" Дети и подростки продолжают жить каждый в своем историческом наследии: у одного предки были рабами из Африки, у другого - колонистами Чесапикского залива, у третьего - блудными, но прощенными пуританами. А современная семья не может отделаться от своего викторианско-фрейдистского наследия: от абсурдной задачи ввести ребенка в социальный мир сексуальности, одновременно защищая его от нее.

Подобно тому как покрытая угольной пылью и сажей, но в то же время сверкающая реальность жизни юных в городах эпохи промышленной революции девятнадцатого века столкнулась с тогдашней идеологией монашески-невинного детства, события двадцатого века разрывали детей и их сексуальность в двух направлениях одновременно. Начиная с направленных на защиту детей реформ Прогрессивной эры, закон и идеология возводили стену между детством и взрослостью кирпич за кирпичом. В то же время культурные, политические и экономические катаклизмы века непрерывно таранили эту стену, особенно в ее самом слабом месте - в точке перехода от детства ко взрослости, то есть в подростковом возрасте. Великая депрессия и Вторая мировая война заставили подростков стать к станку, покинуть дом, отправиться на фронт, поместив их таким образом в сексуально более раскрепощенную среду. В послевоенные годы автомобиль дал им подвижность; их родители, ставшие более обеспеченными, и экономический бум, давший возможность зарабатывать, снабдили их деньгами. А средства массовой информации дали им знания.

К концу двадцатого века традиционные вехи взрослости оказались в полном беспорядке. Брак теперь может следовать за обзаведением собственным домом, карьерой и кредитной историей; рождение ребенка может всему этому предшествовать. Двенадцатилетних принимают в колледжи; взрослые возвращаются в них, прожив полжизни; юные суррогатные матери вынашивают детей для женщин, решивших обзавестись потомством после климакса. Многие предпочитают жить вне брака и бездетными всю жизнь.

В нынешнюю эпоху "поздней современности", когда сюжеты из жизни более походят на постмодернистские "тексты", чем на романы девятнадцатого века, двух персонажей - Ребенка и Взрослого - становится все труднее отличить друг от друга. Оставаясь во многом полностью зависимыми от взрослых, дети по всему миру делят с нами труд и досуг во всех сферах жизни - в наемной рабочей силе и коммерции, в индустрии развлечений, в криминале, в войнах, в браке и в сексе.

Несмотря на то, что мы выделяем их в особую политическую категорию, в особую медицинскую и психологическую специализацию, в отдельные социальную субкультуру и рыночную нишу, дети двадцать первого века, возможно, отличаются от взрослых менее, чем когда-либо с века семнадцатого.

Вреден ли секс?

Ребенок порождает взрослого; взрослый - ребенка. Наша раздвоенность в отношении детей и нашей собственной роли в их жизни стара и глубока. "Христианство почитает своего бога как младенца в яслях, но в то же время христианская моральная традиция постулировала природную грешность детей", - пишет Марина Уорнер в своем замечательном эссе "Маленькие ангелы, маленькие чудовища".

Современные попытки защитить идеализированного ребенка, одновременно раздавив в нем грешника, с тем чтобы в результате получить приличного взрослого, своей фанатичностью и жестокостью напоминают китайский обычай бинтовать ножки девочек, с тем чтобы, когда они станут женщинами, их ножки оставались маленькими и красивыми. Нынешняя государственная политика в отношении несовершеннолетних и "консультации для родителей" балансируют между панической защитой детей и безжалостным наказанием детей. Как будто дети остаются беззащитно-невинными до некоей магической черты, переступив которую, мгновенно превращаются в неисправимых злодеев. Эта раздвоенность наиболее ярко проявляется в двух прямо противоположных тенденциях: продолжая повышать возраст согласия на секс, мы одновременно понижаем тот возраст, начиная с которого детей разрешено судить взрослым уголовным судом. И то, и другое мы делаем, само собой разумеется, "в лучших интересах" ребенка и общества.

Но что такое эти лучшие интересы ребенка? Политики и чиновники от медицины, пасторы и эксперты расходятся в вопросах практических стратегий и тактик обеспечения этих интересов, потому что среди американцев существуют огромные расхождения по фундаментальному вопросу: что такое хорошо, и что такое плохо вообще, не только для ребенка, а для каждого? Детство, как мы уже успели заметить, представляет собой историческое и культурное явление, что делает его и частью идеологии: это не только физический феномен, но и идея, сконструированная на каркасе моральных воззрений. Детство - это вопрос истории, культуры и морали, как и секс. Следовательно, и вопросы детской сексуальности являются моральными вопросами.

Какие вопросы о детском и подростковом сексе занимают американцев более всего в последние два столетия? Прежде всего, "заниматься ли им сексом" и "когда заниматься". И каковы же ответы? "Нет" и "Позже", когда они женятся или выйдут замуж либо, как минимум, "созреют". Единодушная поддержка подросткового воздержания, о которой свидетельствуют результаты опросов, однако, маскирует значительные расхождения между респондентами: один и тот же ответ на вопрос анкеты может иметь под собой совершенно разные моральные основания. Большинство взрослых хотят уберечь молодых людей от душевных травм и возможных вредных последствий секса. Но одни из них исходят из того, что, по их мнению, его риски превосходят способность почти всех детей и подростков справляться с ними, а другие просто считают любой секс аморальным, если он происходит не между двумя совершеннолетними гетеросексуалами, состоящими друг с другом в законном браке.

Так или иначе, *ли* и *когда* - не те вопросы, которые исследует моя книга, за исключением значения американского помешательства на них и того, как они определяют наше понимание

сексуальности и отношения к ней детей. Чтобы вы не считали мой подход каким-то странным или безответственным, напомню вам, что в Западной Европе эти вопросы также не считаются сколько-нибудь насущными. Сексуальное образование там основано на предположении, что, будучи подростком, человек переживает несколько сексуальных связей, а сексуальные игры, не доходящие до коитуса, начинают задолго до того (что и есть на самом деле) и что сексуальное выражение человеческих чувств - здоровая и счастливая часть взросления. Цель секспросвета эти страны видят в том (что вытекает и из их более спокойного отношения к сексуальности вообще), чтобы это сексуальное выражение было здоровым и счастливым, а достигают они этого путем привития детям и подросткам ценностей ответственности и обучения их технике безопасности и, да - удовольствия. Воздержание в европейских школах не ставится во главу угла, если вообще обсуждается.

Я не хочу сказать, что, стоит только взрослым прекратить подавлять несовершеннолетний секс, как в спальнях и на задних сиденьях автомобилей американских тинейджеров все станет тип-топ. Гомофобия и женоненавистничество не менее сильны в коридорах школ зажиточных пригородов, чем в офисе Джесси Хелмса (крайне консервативный сенатор - прим. перев.) или в студиях гангстерского рэпа; насилие, совершаемое подростками против своих сексуальных партнеров, цветет пышным цветом. Во многом из-за этой подростковой нетерпимости и бесчувствия многие подростки, особенно девушки, имеют опыт нежеланного или неприятного секса. Четыре миллиона подростков в год заражаются ЗППП, а половина из сорока тысяч новых ВИЧ-инфекций в год приходится на людей моложе 25 лет. И хотя общая смертность от СПИДа в США снижается, с 1993 года он является главной причиной смертей в возрастной группе от 25 до 44 лет. Секс среди американских подростков, как и секс среди американских взрослых, слишком часто не является ни равноправным, ни приятным, ни безопасным. Эта книга - изложение моей аргументации того, почему текущая психологическая, юридическая и педагогическая практика только усугубляет, а вовсе не облегчает это печальное положение вещей.

"Вредно для несовершеннолетних" утверждает, что секс сам по себе не вреден для несовершеннолетних. Истинный же источник вреда кроется в тех условиях, в которых некоторые дети и подростки занимаются сексом, в условиях, способствующих тому, что представители медицинских ведомств называют "нежелательными исходами", то есть, в первую очередь, нежелательной беременности и ЗППП, не говоря уже о том, что я также назвала бы нежелательным исходом: просто плохому сексу.

Вряд ли кого-то удивит, что это те же самые условия, которые способствуют и другим несчастьям детей. Некоторые из этих условий, как например отрицание или унижение женского и гомосексуального желания, могут по-разному выражаться в разных экономических классах и социальных средах, но встречаются везде. Другие являются результатом социального неравенства и дискриминации. Более 80 процентов девушек, ставших матерями в возрасте до 20 лет, происходят из бедных семей. Среди молодых людей, больных СПИДом, наблюдается огромная расовая диспропорция: хотя афро-американцы и латиноамериканцы составляют всего около четверти населения США, среди подростков мужского пола с этим диагнозом они составляют 56 процентов, а среди подростков женского пола - 82 процента. А из черных гомосексуальных мужчин в возрасте от 20 до 30 лет, проживающих в городах, почти треть заражены ВИЧ. Даже инцест высоко коррелирует с бедностью и неотделимым от нее семейным хаосом: вероятность того, что ребенок, чьи родители зарабатывают менее 15 тысяч долларов в год, подвергается сексуальному злоупотреблению в семье, в восемнадцать раз выше, чем для ребенка из семьи с годовым доходом более 30 тысяч долларов в год.

Именно эти несчастливые условия, а вовсе не желание физической близости, не детские порнографы, не аборты и даже не злобный вирус ВИЧ делают юных беззащитными перед опасностями, причиняют им вред. Бедные люди не менее моральны, чем богатые люди. Но бедность, как и секс, - явление, укорененное в моральных приоритетах, результат умышленной финансовой и социальной политики, препятствующей справедливому распределению здоровья, образования и богатства в богатой стране. Несправедливое

распределение сексуального здоровья и счастья также является частым результатом этой политики.

Секс - вопрос морали. Но не в каком-то уникальном смысле этого слова и не в большей степени, чем многие другие аспекты человеческих взаимоотношений. Секс - это не какая-то отдельная категория жизни; его не следует рассматривать как отдельную категорию и в искусстве, в образовании, в политике, в коммерции, в вопросах душевных травм или, наоборот, эмоционального обогащения. Детский и подростковый секс может быть моральным или аморальным. Моральным или аморальным может быть и наше отношение к тем детям и подросткам, которые желают его и стремятся к удовлетворению своего желания.

"Вредно для несовершеннолетних" начинается с двух отрицаний: секс сам по себе не вреден для несовершеннолетних; и американская кампания по защите детей ни от чего детей не защищает. Наоборот, часто она им вредит.

Но моя книга имеет и позитивный смысл. Она исходит из посылки, что секс, то есть прикосновения, разговоры и фантазии, направленные на получение физического удовольствия, является ценной и критически важной частью взросления, с первых лет жизни ребенка и до взрослого возраста. Я даже осмелюсь утверждать, что ценность удовольствия вообще - истинно американская ценность. Согласитесь: страна, изобретшая рок-н-ролл и шоколадный кекс с орехами и двойной помадкой, - это страна, любящая удовольствия. *"Жизнь, свобода и стремление к счастью"* - наши отцы-основатели считали счастье настолько важной вещью, что сделали его одним из принципов американской системы. А в понятие счастья входит и сексуальное счастье. Даже христианские фундаменталисты, которые, казалось бы, только и думают о том, как бы всем "обломать кайф", произвели на свет обширную и богатую литературу сексуальных - или, как они их называют, супружеских - советов.

К лучшему это или к худшему, но американская культура придает огромное значение сексу - *огромное*. Но если от взрослых ожидают сексуального мастерства, основам этого мастерства следует обучать и детей. Если учителя хотят, чтобы им верили в вопросах сексуальной ответственности, они должны быть честными и в вопросах сексуального удовольствия. Если родители хотят, чтобы их дети были счастливы сегодня и завтра, их долг - и они должны исполнять этот долг с радостью - помочь своим детям научиться любить как должно, то есть с уважением к другим и к самим себе, искусно телом и душой, морально - как должен быть морален любовник, друг и гражданин.

Мы, взрослые, имеем моральный долг перед детьми: не только защищать их и учить безопасности, но и дать им право получать удовольствие.

I. Вредная защита

1. Цензура

Сексуальные средства информации и двойственность знания

Понятия-близнецы "невинность" и "невежественность" суть носители двойной морали взрослых. Ребенок невежествен, если он не знает того, что взрослые хотят, чтобы он знал, и невинен, если не знает того, что взрослые не хотят, чтобы он знал.

Дженни Китцингер, "Дети, власть и борьба против сексуального злоупотребления"

На рубеже двадцать первого века Америку захлестнула цензура во имя защиты "детей" от "секса", причем оба понятия определяются весьма обширно. В 1990-х годах среди ее

наиболее частых мишеней были роман Джуди Блум о молодых взрослых "Дини", в котором девушка-тинейджер любит трогать свое "специальное место", а также классическая книга комиксов Мориса Сендака "На ночной кухне", потому что ее главный персонаж - мальчик лет пяти по имени Макс - снится самому себе обнаженным. Студентку-редактора ежегодника Университета Южной Луизианы уволили за то, что она опубликовала фотографию, на которой была изображена молодая женщина, кормящая молодого мужчину спагетти. Оба были без рубашек. Управление алкогольных напитков штата Нью-Йорк отказало в выдаче лицензии на продажу пива Bad Frog. Решение было мотивировано тем, что изображенный на упаковке мультяшный "лягух" с поднятым вверх средним пальцем и подписью "Амфибия с Позцией" "вреден для несовершеннолетних". Полу Зэлуму, ведущему детской научно-популярной телепередачи "Вселенная доктора Бикмана", продюсеры запретили отвечать на наиболее часто задаваемый зрителями вопрос: "Что такое пердеж?" Даже работникам сексуального образования запрещено говорить о сексе. В 1996 году, когда Роби Хэррис пришла на радиостанцию в Оклахоме, чтобы прорекламирровать свою книгу "Это совершенно нормально: меняющиеся тела, взросление, секс и сексуальное здоровье", ведущий попросил ее, чтобы она не произносила "слово на С" вслух. С Хэррис взяли обязательство называть секс "птичками и пчелками".

Историк культуры Мишель Фуко когда-то заметил, что секс "полицируется" не молчанием, а бесконечными разговорами, "задействованием" все новых и новых "дискурсов" социального регулирования - психологии, медицины, педагогики. Но наша эпоха, в изобилии производя "регулирующие разговоры" "сверху", в то же время породила взрыв неофициальных, анархичных и гораздо более интригующих дискурсов "снизу". Когда сексуальная революция столкнулась с бумом информационных технологий, расцвел пышным цветом "медийный секс". В подтверждение этому мы стали собирать статистику: шесть целых шесть десятых "сексуальных инцидентов" в час в наиболее популярных мыльных операх (десять лет назад - вдвое меньше); четырнадцать тысяч упоминаний о сексе и намеков на него в год на телевидении в целом (когда Оззи и Хэрриет спали каждый в своей постели, почти ни одного не было); кинофильмы, наиболее популярные среди подростков, "содержат не менее пятнадцати сцен половых сношений в течение менее чем двух часов" (в "Унесенных ветром" была одна, за кадром).

Сексуальные образы множились, как грязное белье: не успеешь постирать и убрать, как появляется новое. На Таймс-сквер, чьи улицы превращены теперь в "благоприятный для семейных посещений" молл "Диснея-Уорнера", неоновые вывески ныне закрытых заведений пип-шоу были выставлены в качестве экспонатов своего рода "музея темного прошлого" на задворках туристического справочного бюро. Тем временем над головами увешанных камерами тургрупп из Айовы высились биллборды размером с полдома, на которых рекламировалось нижнее белье Кэлвина Кляйна с топорщащимися под ним пенисами, огромными, как бревна из гигантской секвойи.

В то время как остается все меньше возможностей разделять аудитории по признаку возраста, пола, имущественного положения или места проживания, мы все более привыкаем к глобальной капиталистической экономике, которая, несмотря на все наше неодобрительное цоканье языком по этому поводу, находит секс как нельзя более "продавабельным" и в которой дети и подростки служат как сексуальным товаром (ДжонБенэ Рэмзи, тайские дети-проститутки), так и потребителями сексуальных товаров (кукол Барби, Бритни Спирс). Все это породило кампанию с широкой политической поддержкой за возвращение к "скромности" (слово позаимствовано из статьи Агнес Репелье "Отмена скромности", Atlantic, март 1914 г. - прим. автора), особенно когда "речь идет о детях".

История опровергает представление, что мы сегодня живем в мире "сексуальных речей", но не жили, например, три века назад. В любой таверне шестнадцатого века ребенок мог услышать сколько угодно "грязных песен" и увидеть сколько угодно хватания за "неприличные места". И все же есть причина для беспокойства по поводу "нефильтрованного", безудержного мира сексуальных знаний последних десятилетий: картинки и слова обрели в наше время беспрецедентное культурное влияние. Наша экономика производит мало "настоящих", материальных изделий; почти все, что мы делаем,

- оцифрованные идеи и средства для их распространения. По мере того как экономика сдвигается от Стального пояса к Кремниевой долине, граница между символическим и реальным стирается. Образ более не является копией вещи: он и есть сама вещь.

Никто не погружен в эту "гипермедийную" среду более, чем молодое поколение. Критик Рональд Джоунз, характеризуя двух молодых художников 1990-х годов, отличал их от теперь уже немолодых постмодернистов 1980-х, которые утверждали, что "то, как медиа представляют мир, является сконструированной фабрикацией". Молодые художники, писал критик, исходят из посылки, что "ненастоящность - естественный ход жизни". В конце двадцатого века у четверти детей к пятилетнему возрасту уже был свой, персональный телевизор. Их было бесполезно упрашивать выйти на улицу и заняться "настоящей" жизнью. К чему играть в любительский бейсбол, если с виртуального круга питчера можно забить самому Сэмми Соса? Даже технологизированная сексуальная речь более не отражает секс; она сама - секс. Шерри Тёркл, занимающаяся социальным анализом компьютерных коммуникаций в Массачусетском технологическом институте, описывает "экранные" эротические взаимодействия, которые "сетяне" называют "сексиком": "13-летняя сообщает мне, что сексуальными экспериментами она предпочитает заниматься в онлайн. Ее партнеры - обычно мальчики из ее школьного класса. При личной встрече, говорит, "они все время лапают". В онлайн же "приходится им разговаривать больше"

"Где ты черпаешь информацию о сексе?" - спросил телеинтервьюер пятнадцатилетнюю из маленького захолустного городка. "У нас 882 канала", - ответила девушка.

"Слишком много знают"

От диалога в любом современном ситкоме и Элис Крэмден покраснела бы. Тем не менее "публичная сальность" существовала задолго до "Лета любви", и всегда были типпер горы и дэны куэйлы, готовые ее обличать. "Невозможно предотвратить все, что способно загрязнить воображение, - сетовал анонимный автор трактата "Онания, или Ужасный грех самоосквернения и все ужасающие его последствия, в обоих полах рассмотренные, etc." - антимастурбационного бестселлера, опубликованного в Англии около 1700 года и вскоре экспортированного в Америку. - *Собаки* на улицах и *быки* в полях могут растревожить фантазию похоти, и возможно, что как мужеский, так и женский пол будет введен в соблазн сладострастия их собственной *домашней птицей*".

В конце девятнадцатого века Энтони Комсток, глава Нью-йоркского общества подавления порока, терзался по поводу неисчислимых моральных "ловушек для юных", подстерегающих их прямо в их собственных буржуазных семействах, в грошовых романах, в "листочках рассказов" и в самых обыкновенных газетных листках. Нью-йоркское общество за предотвращение жестокого обращения с детьми "внимательно следило за так называемыми городскими музеями", рекламы которых были, "словно магниты для любопытных детей". Как сообщалось в одном из отчетов Общества, просмотр спектакля, в котором демонстрировались "разврат, поножовщина, стрельба и кровопролитие", настолько травмировал десятилетнюю девочку, что та "бесцельно бродила вдоль Восьмой авеню, будто не в силах избавиться от ужасающих впечатлений, заполнивших ее юный разум".

В 1914 году уже Агнес Репелье, популярная консервативная эссеистка, клеймила издательскую и киноиндустрию, которая "зашибала деньгу" тем, что создавала поколение, гиперискусшенное во грехе. "Источники познаний [детей] многообразны и поразительно откровенны", - писала она в "Атлантике". Репелье, возможно, была первой, кто предложил систему кинорейтингов, прося "власти" оградить детей "от всех зрелищ, в которых идет речь о проституции".

Разложение морали при подстрекательстве СМИ вновь стало новостью в 1934 году. "Только подумайте о мире [подростка], заполненном электрическими огнями, пикантными кинокартинами, автомобилями, скоростью, джазом и ночными клубами, литературой, отдающей порнографией, театром, представляющим проблемы извращений, множеством дешевых журналов с выдуманными историями о настоящей любви, растущими культурами

нудизма и "откровенных исповедей", воцарившейся экономической неопределенностью, - писал доктор Айра Уайль о "Сексуальных проблемах подросткового возраста" в журнале Американской ассоциации социальной гигиены. - Общество пребывает в состоянии непрерывного расплава", - полагал Уайль и обвинял феминизм, атеизм, науку и даже капитализм в моральном и сексуальном дрейфе молодежи. Знакомо?

Таким инвективам всегда противостоял реализм в духе "а что вы хотите", который артикулирует ту же печальную историю, но полагает ее исход неизбежным. В 1997 году один из руководителей компании "Уолт Дисней" объяснял, каким образом СМИ и перемены в американской семье создали искушенного ребенка, который создал СМИ, которые изменили семью, которая создала ребенка... и зверь гонялся за собственным хвостом все быстрее и быстрее, пока не превратилось в масло (и прогоркло). "Сегодняшние восьмилетние - это вчерашние двенадцатилетние. Они смотрят очень неоднозначные передачи по ТВ. Нету этой невинности детства во многих детях, а тут еще распад семей и насилие. Мы не можем относиться к детям, как будто они все живут в типовых домах 50-х годов и все счастливы. Это смешно".

Насчет искушенности - факты подтверждают его правоту. В опросе 3200 учеников начальных классов городских и пригородных школ в 1970-х годах (до MTV!) "наиболее продуктивные результаты были получены в ответ на просьбу рассказать, "почему детям нельзя смотреть фильмы с рейтингами R и X" или "что такого есть в фильмах с рейтингами R и X, что детям знать еще рано". Тут дети принялись с уверенностью рассказывать все, что они знали, но что знать им было не положено". Сэмюэл Джейнус и Барбара Бесс, психологи, проводившие исследование, заключили: "Из этого видно, что мир взрослых поставил в своей коллективной психике некоего внутреннего цензора, который не желает признавать, что дети растут и накапливают опыт. Избирательность восприятия может "замазывать" детскую сексуальность и полностью ее отрицать, но не устраняет [эту сексуальность]".

Любопытные

Несмотря на столетия цензуры, наше отношение к знанию совсем не однозначно. С одной стороны, Прометей был закован в цепи за то, что принес людям знание. Библия говорит нам, что будить любопытство - значит растлевать. Ева воцарилась к запретному знанию; в этом, а не в сексе, состоял первый грех. Но мы также являемся и наследниками Просвещения, вот уже три века утверждающими, что знать - право человека, основа демократии и дар наших героев. Знание - защитник, исцелитель и освободитель.

В маленьких детях мы одобряем любопытство, и к середине двадцатого века детское любопытство по поводу частей тела и "откуда берутся дети" стало считаться нормальным и даже милым. На самом деле любопытство - это успокоительное объяснение тому, что иначе могло бы выглядеть, как стремление к телесному удовольствию. "С точки зрения ребенка, это исследование [тела] - примерно то же самое, что возиться с игрушками, чтобы понять, как они работают, или смотреть, как птички строят гнезда", - объясняет в колонке советов одного из женских журналов Тони Кавана Джонсон, самопровозглашенный эксперт по тому, что она называет детскими "проблемами трогания". Это объяснение прокатывается, когда наш маленький сынуля лезет ручкой в свои детские штанишки, но его гораздо труднее принять, когда он, совсем уже не маленький, расстегивает молнию своих фирменных джинсов взрослого размера; теперь это "рискованное поведение". Если в котенке любопытство умиляет, то кота, мы подозреваем, оно может и убить (английская пословица: "curiosity killed the cat" - "любопытство убило кошку (кота)"; ср. "любопытной Варваре на базаре нос оторвали" - прим. перев.).

Наш простейший и старейший страх по поводу того, как бы не выпустить наружу слишком много сексуальной информации - что дети "попробуют это дома", как только им представится такая возможность, что это будет для них своего рода инструкцией или пропагандой, моделью сексуального познания.

Взаимоотношения между видением чего-либо и деланием чрезвычайно сложны, чтобы не сказать больше. С одной стороны, интуитивно понятно, - и утверждается социальными науками - что то, что человек узнаёт о сексе, влияет на то, что он делает и чувствует. "Тело имеет историю и социальный контекст, которые формируют смыслы и переживаемый опыт", - пишет социолог Массачусетского университета Дженис Ирвайн. Секс - феномен культуры. В Соединенных Штатах поцелуи - первый этап секса. В Бирме секс не включает в себя поцелуи, которые там считаются чем-то негигиеничным и вообще противным. Секс - феномен истории. Если эротические свойства шелка были известны еще несколько тысяч лет назад, то резиновый фетиш не мог возникнуть ранее 1823 года, когда была разработана первая технология производства резиновых листов. Даже идея о том, что люди имеют "сексуальные идентичности", возникла менее ста лет назад, как показал историк гомосексуальности Джонатан Кац. До того мужчина, вступающий в генитальные контакты с другим мужчиной, был просто мужчиной, вступающим в генитальные контакты; он не был какой-то особой разновидностью человека, "гомосексуалом". На секс оказывают свое влияние книги, картины, кинофильмы, телевидение, реклама и то, что говорят твои друзья. Сколько женщин в 1970-х годах учились получать оргазм, читая о том, как это делают другие женщины, в "Докладе Хайта о женской сексуальности"?

Однако узнать о сексуальном акте вовсе не означает перевести тумблер желаний в положение "Вкл." или тумблер тела в положение "Полный вперед". На самом деле реакции на образ или идею полностью зависят от пережитого опыта и усвоенных сценариев поведения. Для ребенка этот опыт может включать в себя случай инцестуального контакта, волнующий эпизод взаимной мастурбации с другим ребенком, детсадовский инструктаж о "хорошем прикосновении" и "плохом прикосновении", шутку, услышанную на игровой площадке. Взаимоотношения между узнаванием о сексе и деланием секса "более похожи на глобальную метеорологическую систему, чем на химическую реакцию, - поведал мне специалист по раннему детскому образованию Университета штата Гавайи Джозеф Тобин. - Для этого нам нужна математическая модель хаоса: одна причина может иметь разнообразные следствия или те следствия, которых мы не ожидаем".

Тем не менее темное подозрение о прямой связи между знанием и деланием с самого начала породило неразрешимую головоломку для работников сексуального образования, которая мучает их по сию пору: как сообщать детям и подросткам факты о сексе, не разжигая их похоть. Педагоги, как и родители, беспокоятся, что если правильные взрослые ("мы") не сообщат детям правильные вещи о сексе (болезни и репродукция) правильным образом (клинически), то неправильные люди сообщат им неправильные вещи. Другими словами, сексуальное образование, как и законы о непристойности, основано на представлении, что можно отделить чистый секс от грязного секса.

В воспитательных целях чистый секс - это секс, происходящий в рамках постоянных, желательно юридически оформленных, гетеросексуальных отношений между совершеннолетними, имеющих своей целью продолжение рода; он включает в себя ответственный прекоитальный разговор, средства предохранения и посткоитальные объятия. Чистый секс - это нечто "научное". Маленьким детям его до сих пор часто объясняют, начиная рассказами о пестиках и тычинках (или о "миссис рыбе и мистере рыбе", как выразился ребенок в "Тетушке Мейм") и лишь затем осторожно переходя к теме "делания детей". (Эти "птички и пчелки" могут давать осечку, ведь дети все склонны понимать буквально. В 1980-х годах психолог Энн Бернштейн спросила четырехлетнего: "Что должна сделать тетя, чтобы у нее внутри начал расти ребенок?" Ребенок, который перед тем рассматривал книжки с картинками "о сексе для самых маленьких", начал так: "М-м... Сначала надо найти утку".) Старшим детям о сексе рассказывают анатомически корректным языком и показывают изображения таза в разрезе, на которых видны фаллопиевы трубы и семенные канатики, но не гениталии во плоти и волосах, как они обычно выглядят в жизни. Грязный секс - это все остальное: тот, что происходит в помещениях для прислуги, тот, о котором говорят на улице, в школьном дворе, пишут в "Письмах редактору" журнала "Пентхаус", показывают в сериале "Baywatch" и на сайте Hotbutts.com. Грязный секс приходит сам, без спросу, весь разукрашенный рекламой.

Однако попытки "очистить" секс - предприятие бесперспективное, примерно как сражения с ветряными мельницами. Прежде всего, чистый секс не привлекает внимание юных. "Когда в школе учат про секс, это тягомотина одна", - говорит старшеклассница корреспонденту CBS. "Это пенис, это вагина", - поясняет ее одноклассник. В то же время то, что мы считаем самыми возвышенными текстами и образами - Библия, или Шекспир, или древние индийские миниатюры - может быть грязным, как скотный двор. В "Пепле Анжелы" Фрэнк Маккорт вспоминает, как, будучи мальчиком, открыл душеспасительные страницы "Житий святых" Батлера и увидел "истории девственниц, мучеников [и] девственных мучениц ... хуже любого фильма ужасов в Лирик-синема". Антрополог Мэри Дуглас объясняет нам, что грязь - это "материя не на своем месте", но для ребенка, которому оно запрещено, любое сексуальное знание - "не на своем месте" и поэтому грязь. Спросите ребенка, замороженно разглядывающего в словаре только что обнаруженный тайничок слов, начинающих на "penis-", - аккуратно между "peninsulate" и "penitence", и она [ребенок] согласится с Дуглас: "Грязь - в глазах смотрящего". Покорный судьбе отец подвел итог всему этому, отвечая на анкету "Нью-Йорк таймс" о СМИ и детях: "Дети всегда будут хотеть смотреть то, что мы не хотим, чтобы они смотрели".

Они хотят это делать в том числе и потому, что мы не хотим, чтобы они это делали. Признаваясь во грехе юности - краже запретных плодов, блаженный Августин, один из отцов западной сексуальной тревожности, выразил это так: "Мое удовольствие было не в этих грехах. Оно было в самом преступлении".

Вред

Идея о том, что юные умы (а также женские умы и слабые умы) подвержены дурным мыслям, которые могут приводить к дурным поступкам, - фундамент всех законов о непристойности. В 1868 году английская антиклерикальная брошюра "Исповедальня без маски" была сочтена наказуемо непристойной, потому что ее текст мог "внушать умам молодежи обоюбого пола, и даже лицам в летах, мысли весьма нечистого и похотливого свойства". Юридическое определение непристойности "изменчиво", как пишет юрист Марджори Хайнс, специализирующаяся на вопросах Первой поправки к Конституции (устанавливающей принцип свободы слова - прим. перев.). "Веский" общественный интерес, требующийся, с точки зрения конституционного права, для ограничения свобод, установленных Первой поправкой, считается более веским, если предполагаемый адресат - несовершеннолетний. В случае взрослых, для того чтобы что-либо было признано непристойным, оно должно пройти трехкомпонентный "тест Миллера", названный так по делу "Миллер против штата Калифорния", рассматривавшемуся Верховным судом в 1973 году: оно должно быть "откровенно оскорбляющим" и апеллировать к "сладоэротическому интересу"; оно должно быть таковым в соответствии с местными "общинными стандартами" (так что книга, не вызывающая возражений в Калифорнии, может быть запрещена в Оклахоме); и оно должно быть лишено "серьезной юридической, художественной, политической или научной ценности". Эти три условия в совокупности установили намеренно высокую планку, в результате чего количество уголовных дел по обвинению в непристойности значительно сократилось. Стандарт "вредности для несовершеннолетних", установленный Верховным судом в 1968 году по делу "Гинзберг против штата Нью-Йорк", - это стандарт непристойности, применяемый к несовершеннолетним. Он требует соблюдения тех же условий, хотя и менее строго. Тем не менее как до "Миллера", так и после него суды поддерживают ограничения на доступ детей к широкой массе не дотягивающих до юридического определения непристойности, "не совсем порнографических", материалов, которые определяются как "неприличные" и, таким образом, потенциально вредные для несовершеннолетних. Как и в любом обвинении в непристойности, природа этого вреда - не физическая, и даже не измеримая каким-либо образом, а метафизическая: предполагаемая способность вызывать дурные мысли.

Развитие радио и телевидения поставило потенциальных цензоров перед гораздо более серьезным вызовом, чем книги и журналы. Не допускать попадания отдельных печатных изданий в руки несовершеннолетних читателей, вероятно, можно, просто помещая их в недоступные для них места в магазинах и киосках. Но радиоволну ведь не направишь только

на приемники, доступные исключительно взрослым глазам и ушам, поэтому суды поддерживали и продолжают поддерживать законы, ограничивающие время вещания передач с сексуальным содержанием или речью, считающейся "оскорбляющей", часами, когда дети (будь то дошкольники или старшекласники), как считается, должны спать.

Когда Интернет сломал все барьеры как в пространстве, так и во времени, начали предприниматься попытки ввести карательные меры против авторов и распространителей "неприличного" вообще, если несовершеннолетние в принципе могли получить к нему доступ. В 1995 году в рамках большого пакета телекоммуникационного законодательства Конгресс принял Закон и приличия в коммуникациях (CDA), который предусматривал 250 тысяч долларов штрафа или два года тюрьмы для каждого, кто мог "демонстрировать" в Интернете материалы, сочтенные "неприличными, развратными, сладострастными или грязными", таким образом, что юные пользователи Сети могли их увидеть.

В 1997 году Верховный суд США, рассматривая дело "Рино против ACLU", объявил CDA неконституционным, обосновывая это тем, что Интернет более похож на телефонную сеть, нежели на телеканал: он слишком обширен, и в то же время значительная его часть слишком приватна, чтобы его "полицировать". Чтобы дети были "в безопасности", пришлось бы привести миллионы передаваемых ежедневно сообщений и, по тогдашним оценкам, 320 миллионов веб-страниц к стандартам речи, принятым в детской телепередаче "Mr. Rogers' Neighborhood", что, как выразился бывший член Верховного суда Феликс Франкфуртер на заседании по другому делу, было бы все равно что "сжечь дом, чтобы изжарить поросенка". Консерваторы получили мощный удар, однако не сдались. Во многих штатах продолжали выдвигаться законодательные инициативы, направленные на ограничение доступа несовершеннолетних ко всему, к чему только возможно, начиная от веб-сайтов и заканчивая рок-концертами, но их авторы вместо слова "неприличное" стали использовать лучше определенное, хотя и тоже туманное, выражение "вредное для несовершеннолетних".

В 1998 году Конгресс 105-го созыва принял Закон о защите детей в онлайн (COPA), который по своей сути был аналогичен CDA, но отличался от него более узкой направленностью, регулируя лишь коммерческие "сайты для взрослых", требуя от них принимать меры, направленные на недопущение доступа несовершеннолетних, как например проверки номера кредитной карты. В соответствии с COPA, как и в соответствии с CDA, любой местный прокурор в любом штате мог предъявить обвинение владельцу сайта, находящегося в любом другом месте. В качестве меры наказания были предусмотрены штрафы в размере до 150 тысяч долларов за один день нарушения и до шести месяцев тюрьмы. В 1999 году, отдавая приказ о приостановлении действия COPA, судья федерального суда Филадельфийского округа Лоуэлл Рид выдвинул освященное веками возражение, что этот закон "производит охлаждающий эффект" на взрослую свободу слова, добавив к этому то, что порождено новыми технологиями: сайт в принципе не может верифицировать возраст своего посетителя, в результате чего его владелец может оказаться нарушителем закона, сам того не желая.

Правительство подало апелляцию, и, когда в июне 2000 года федеральный суд Третьего округа подтвердил первоначальный судебный приказ о приостановлении действия закона, его постановление пошло дальше постановления суда первой инстанции, нанося по самому фундаменту законов о непристойности в целом новый и потенциально более сотрясающий удар. Обеспокоенный тем, что прокурор какого-нибудь мелкого городишки в Луизиане может попытаться закрыть сайт в Сан-Франциско, то есть, по сути, низвести уровень свободы слова всей Калифорнии до уровня самого консервативного американского захолустья, судья Леонард Гарт заявил, что само понятие "общинных стандартов" утратило всякий смысл в век глобальных коммуникаций между людьми самых разных культур и моральных систем.

Свидетельства того, что сексуально откровенные образы или слова приносят детям вред, не убедительны - да их попросту нет. В 1970 году правительственная Комиссия по непристойности и порнографии ("Комиссия Локхарта") не обнаружила никакой связи между просмотром взрослыми порнографии и их плохим поведением и порекомендовала отменить законодательные ограничения на эротику. Члены Комиссии не только не нашли

подтверждений того, что просмотр эротики приносит вред детям, но, более того, высказали мысль, что он может "облегчить столь необходимый диалог между родителем и ребенком о сексуальных вопросах". В 1985 году Комиссия по порнографии под председательством рейгановского генерального прокурора Эдвина Миса ("Комиссия Миса"), назначенная специально для того, чтобы опровергнуть выводы 1970 года, также не смогла установить никаких фактических зависимостей между сексуально откровенными материалами и антиобщественным поведением. На самом деле, как показывают исследования, верно ровно обратное. Собеседования с лицами, совершившими сексуальные преступления, в том числе против детей, выявили, что будущие насильники обычно смотрят в детстве меньше порнографии, чем прочие дети; а если и смотрят, то начинают это делать не раньше других детей. По данным Джона Мани из Университета Джонса Хопкинса, одного из авторитетнейших в мире специалистов по сексуальным отклонениям, "большинство пациентов с парафилиями (отклоняющимися сексуальными фантазиями и поведением - прим. автора) сообщают о себе, что их воспитывали в строгом антисексуальном духе, что их родители о сексе никогда не упоминали либо активно подавляли и хулили его".

Впрочем, эти данные были, что называется, политически нерелевантны (безразличны). Хайнс, которая ранее возглавляла проект ACLU (American Civil Liberties Union - Американский союз гражданских свобод - прим. перев.) "Цензура в искусствах", пришла к выводу, что соответствующие законы регулярно принимались и поддерживались судами без какого-либо исследования каких бы то ни было свидетельств. Моральная "житейская мудрость" того, чтобы "укрывать" несовершеннолетних от сексуальных материалов, считается самоочевидной. Вопреки собственным выводам об обратном и несмотря на исторический момент, в который она заседала, - на пике сексуальной революции, даже состоявшая преимущественно из либералов Комиссия Локхарта подчинилась общественным настроениям и воздержалась от того, чтобы рекомендовать снятие ограничений на доступ несовершеннолетних к сексуальным материалам.

К тому времени, когда собралась на свое первое заседание Комиссия Миса, вред несовершеннолетним от грязных картинок и, таким образом, добродетель того, чтобы держать их от них подальше, были еще "очевиднее". Правые переживали свой звездный час, а "охвостье" феминистской фракции "избрало" порнографию не только причиной сексуального насилия над женщинами, но и объявило, что порнография сама по себе есть форма насилия. Комиссию возглавлял консервативный генпрокурор Эдвин Мис, а состояла она, главным образом, из проповедников-фундаменталистов, прокуроров-республиканцев, "полицейских нравов" и активисток антипорнографического движения. И, хотя львиная доля свидетельств, представленных Комиссии, касалась взрослых потребителей "материалов для взрослых" (и в которых она не смогла найти никаких убедительных доказательств вреда), свои рекомендации ограничить такие материалы она "приспособила" к народным страхам по поводу детей: "Дети узнают из этих материалов, что секс - это нечто публичное, коммерческое и что секс можно "расторгать" с любой степенью привязанности, любви, верности и брака, - гласил отчет Комиссии, - для нас это совершенно неверное послание в самое неподходящее время".

Комиссия Миса придала новую "легитимность" идее, что порнография причиняет вред, особенно детям, и с тех пор эта идея стала давать обильные всходы, перетекая в подозрение, что предоставление детям *любой* откровенной информации о сексе может их травмировать. В последние годы, выбирая своими мишенями то обнаженные фотографии в музейных экспозициях, то видеокассеты о контрацептивах, то (как выразился один флоридский пастор) "сатанинского" пурпурного динозавра Барни, сторонники цензуры рекламируют почти каждую свою атаку на свободу слова как попытку защитить детей. Критики же подозревают, что "повестка дня" правых радикально консервативна: полностью вычистить из публичного пространства все, что имеет хоть какое-нибудь отношение к сексуальности. Художники и защитники гражданских свобод сопротивляются, однако то, что когда-то считалось спорным, стало нынче "здоровым смыслом". Начиная с 1990-х годов все коммерческие производители помещают перед программами, содержащими сексуальные слова или образы, предупреждения "ВРЕДНО ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ", а американские музеи и художественные выставки - что было немислимо еще десять лет

назад, а в Европе и до сих пор воспринимается как анекдот - регулярно вывешивают аналогичные предупреждения о том, что представленные экспонаты могут быть для детей "неподходящими". Во многих из этих экспозиций вся "крамола" заключается в обыкновенных картинах или скульптурах, сделанных с обнаженной натуры. И, как мы увидим в следующей главе, самым крамольным объектом изображения являются обнаженные тела самих детей.

История одной программы сексуального образования демонстрирует эту перемену в отношении к вопросу, произошедшую в последнюю треть столетия. Примерно в то время, когда заседала Комиссия Локхарта, Унитаристско-универсалистская церковь США (отличается тем, что не верит в догмат Троицы и верит в загробное спасение всех людей, в т.ч. грешников; одна из первых стала венчать однополые пары - прим. перев.) разработала программу сексуального образования под названием "О твоей сексуальности", предназначенную для паствы доподросткового и подросткового возраста. На некоторых лекциях этой программы демонстрировались диафильмы с натуралистичными, откровенными рисунками людей, занимающихся разными видами сексуальной активности, от мастурбации до целующихся мужчин. Десятилетиями эта программа получала хвалебные отзывы и благодарности - без всяких возражений - от родителей-членов церкви, которая придерживается либеральных политических взглядов. Выпускники программы с радостью приводили на нее собственных детей.

И вот, в 1997 году двое родителей из города Конкорд, штат Массачусетс, заявили свой протест. Кто-то сообщил праволибертарному комментатору CBS Брайенту Гамблу, который ринулся на место событий, чтобы разоблачить шокирующую правду. "Угадайте, кто показывает сексуально откровенные фильмы детям? Церкви!" - гремели титры на заставке перед телесюжетом. Одна из оскорбленных матерей была показана в слезах, а "эксперт" по "злоупотреблению детьми" произнес с расстановкой и модуляциями в голосе: "Это может вызвать у некоторых детей тревогу - даже причинить им вред" (как сообщают источники в Массачусетсе, это тот самый "эксперт", который лжесвидетельствовал против работников детских садов, обвиненных в "сатанистском ритуальном сексуальном использовании детей" - прим. автора). Передача завершилась опросом зрителей, в котором 74 процента позвонивших проголосовали за вариант "Подросткам никогда нельзя показывать натуралистичные визуальные образы секса в рамках полового просвещения".

Вскоре после этого церковь утвердила новую программу сексуального образования "Вся наша жизнь", которую она начала разрабатывать несколькими годами ранее. По словам директора образовательных программ церкви Джудит Фредиаки, новая программа не более консервативна, чем "О твоей сексуальности", а, на самом деле, "гораздо более инклюзивна и проактивна" в своем "позитивном послании о сексуальности". Например, в параграфе о гендере и сексуальной идентичности подробно и "сочувственно" обсуждается транссексуальность, а вопрос воздержания, хотя и рассматривается также достаточно подробно, тем не менее "мы не говорим [детям и подросткам], какое решение им принимать" насчет их собственной сексуальной активности, говорит Фредиаки. "Мы даже не считаем себя вправе им говорить". И все же откровенные визуальные материалы (диафильмы для младших старшекласников и видео с неподвижными изображениями сексуальной активности для старшекласников) были убраны из новой программы и "переупакованы" вместе с унитаристскими религиозными наставлениями в виде факультативного приложения под названием "Сексуальность и наша вера". Оно продается только унитаристско-универсалистским конгрегациям, преподавать его имеют право только специально обученные педагоги, а присутствовать на занятиях по нему могут только те дети, чьи родители заранее просмотрели визуальные материалы и дали свое письменное согласие.

Стали ли сексуально откровенные образы вдруг ни с того ни с сего более опасны? Новая компоновка "более надежно помещает наши материалы под защиту Первой поправки, - говорит Фредиаки, - а наши конгрегации немного лучше защищены в своем окружении, особенно в более консервативном окружении Библейского пояса" (территория на Юге и Среднем Западе США с преобладанием приверженцев протестантского фундаментализма - прим. перев.). Стали ли картинки вдруг ни с того ни с сего вреднее для несовершеннолетних? Как мы уже успели увидеть, текущая "общепринятая мудрость"

утверждает именно это, и, как говорит Фреддиани, даже либеральные унитаристы-универсалисты не изолированы от популярных убеждений: "Как и все остальные, наши люди более осторожны, более консервативны". Когда ее комитет писал программу, он спрашивал мнения многих родителей, преподавателей и экспертов по развитию детей. Из последней группы, по ее словам, "никто не сказал, что [картинки] полезны, или необходимы, или даже просто подходящи. Правда в том, что у нас нет данных, чтобы продемонстрировать их ценность, или даже просто безвредность, кроме отдельных наблюдений". Тем не менее из отдельных наблюдений складывается картина. После того как тридцать лет подряд дети и подростки проходили через программу "О твоей сексуальности", образовав достаточный пул субъектов, с точки зрения любого исследователя, в психологической литературе нет ни единого упоминания о непропорционально большой доле унитаристов среди лиц с сексуальными отклонениями.

Фильтрация

Когда Верховный суд США отверг Закон о приличии в коммуникациях (CDA), поборники гражданских свобод вздохнули с облегчением по поводу прав взрослых, гарантированных Первой поправкой, и поднялись "всем миром", вместе с журналами для родителей и киберколумнистами, чтобы поддержать "шеренгу" новых компьютерных программ, призванных встать у пограничных застав, дабы "отфильтровывать" грязь, которую мутные воды Сети несут на наших детей. Эти программы носили названия, символизирующие заботу ("Сетевая Няня", "Киберситтер") и защиту ("Киберпатруль"). Билль о телекоммуникациях, к которому CDA должен был стать дополнением, впервые предусматривал также внедрение так называемого V-чипа - устройства, встраиваемого в телевизор, которое могло бы "отсеивать" передачи по рейтингам в соответствии с содержанием в них секса, непристойностей, насилия и т.п. Примерно в то же время в "Нью-Йоркере" была напечатана карикатура, на которой некая компьютерщица говорила своему коллеге: "У меня есть мысль, как встроить V-чип прямо в детей".

Шутка намекала на то, что облегчение было преждевременным. Конечно, родители могут как-то влиять на то, какие фильмы их дети смотрят, какие книги читают, какие сайты посещают. Но они не могут отфильтровать весь "грязный" секс, как бы они того ни хотели. И технология была не способна решить эту проблему, какой бы умной ее ни сделали программисты. Во-первых, компьютерно продвинутые дети каждый раз оказывались умнее. Один предприимчивый двенадцатилетний отличник запрограммировал компьютер так, чтобы тот записывал нажатия клавиш, при помощи которых отец мальчика устанавливал фильтр, что позволило ему отключать фильтр, скачивать порнографию и продавать ее приятелям.

Кроме того, технология оказалась не более разборчивой, чем сенатор-демократ Джеймс Эксон от штата Небраска, который спонсировал CDA. "Киберситтер" мог отличить грязное слово "penis" от чистого не лучше, чем это мог сделать человек. Поэтому и программы, и люди, нанятые для того, чтобы прочесывать списки веб-сайтов в поисках потенциальных нарушителей, считали, что "лучше перебдеть, чем недобдеть". "Америка Онлайн" заблокировала слово "грудь", пока раковые больные не пожаловались, что не могут попасть на сайты своих групп поддержки и информационно-медицинские сайты. В сверхсекретном списке "Киберпатруля" в качестве запретных значились сайты организации "Планирование семьи", феминистские, молодежные и гейские сайты, сайты, посвященные вопросам свободы слова и Второй поправки к Конституции (о праве на владение оружием - прим. перев.), а также такого рода "насильственная" информация, которую город Хиросима предоставлял о своем мирном мемориале (посвященном последствиям ядерной бомбардировки - прим. перев.). "Киберситтер" заблокировал сайт Национальной женской организации. Поэтесса Энн Секстон и ярмарка графства Сассекс блокировались всеми программами подряд из-за написания имен собственных, как и христианские сайты, предлагавшие видео на тему сексуальности. Даже якобы более чувствительная система PICS - программное обеспечение, использующее систему рейтингов и рекомендованное для школ и публичных библиотек, как и для дома - могла сделать "мир исследований [ребенка] более узким, чем даже его школьная библиотека, - указывает Марджори Хайнс, - потому что в Энциклопедии Британника есть статья о контрацепции", которая для PICS означала

эквивалент рейтинга R или X. Тем не менее к 1999 году почти на трети домашних компьютеров была установлена та или иная система фильтрации. А в декабре 2000 года, незамеченный во время долгой эпопеи пересчета голосов после президентских выборов, Билл Клинтон подписал Закон о защите детей в Интернете (CIPA), требующий от публичных библиотек установить фильтры на свои компьютеры или потерять федеральное финансирование; Джордж Буш, сменив его на посту президента, подтвердил свою приверженность цензуре в Интернете. На момент написания данной книги Американская библиотечная ассоциация и ACLU подали иски в суды, требуя признать CIPA неконституционным.

Противники государственного регулирования Сети обычно настаивают на том, что не государство, а родители должны решать, что видеть и читать их детям. Однако есть взрослые, которые считают, что дети могут принимать самостоятельные решения. В журнале "Wired" журналист Джон Кац написал, что, приняв технологических "заменителей" государственной цензуры, предусмотренной CDA, либералы продали свободу слова своим детям. Кац говорит, что ему и его жене не безразлична безопасность их четырнадцатилетней дочери, но что они также обучили ее сетевой грамотности и внушили ей моральный разум, иначе называемый совестью. В двух словах, они ей доверяют. Так что девочка путешествует по Сети без надзирателей, а то, что встречает в ней, обсуждает так же, как обсуждает просмотренные фильмы или события в школе. Что делать в случае неприятной или угрожающей ситуации, ее обучили еще в дошкольном возрасте: этот тактический прием называется "пользуйся языком". Для "интернетных подонков", говорит Кац, самая подходящая фраза: "Проваливай".

"Слишком рано"

Трудно сказать, чему детей "учит" порнография или любые другие сексуальные образы или слова, которые они встречают в СМИ. Тем не менее показания, заслушанные Комиссией Локхарта, говорят о том, что многие сексологи полагают, что сексуальная информация, поступающая до того, как человек становится способен ее понять, либо наводит скуку, либо "проходит мимо", либо, возможно, вызывает отвращение, но не вредит. Мать десятилетнего мальчика из Нью-Джерси рассказала мне, как ее сынишка спросил ее ни с того ни с сего, что такое "gim job". Когда она ответила ему недвусмысленно, объясняя все как есть, "он посмотрел на меня, типа, "ты шутишь?", потом сказал "ох", вылез из машины и пошел играть в футбол. Он, кажется, был в полном порядке после этого".

Подобно дочери Каца, ребенок, которому взрослые позволили пролистать заветную "контрабанду" и предложили совет и помощь, может быть способен критиковать или даже отвергать сексуальные образы, к которым он не готов. Крэйг Лонг, отец мальчика, с которым (отцом) я познакомилась в Чикаго, вел со своим сыном Генри откровенный и непрекращающийся диалог о сексе с самого раннего возраста. На свой одиннадцатый день рождения мальчик робко попросил подарить ему журнал "Плейбой". Обсудив вопрос с матерью Генри, Крэйг дал ему журнал, сопроводив подарок маленькой лекцией. "Я сказал ему, что реальные женщины не выглядят, как модели "Плейбоя", и обычно не распластаны для немедленного употребления". Несколько недель спустя Крэйг справился у сына о результатах. "Ну как, посмотрел журнал?" "Хмм, не особо". "Понравилось?" "Хмм, не особо". "Почему?" "Не знаю, па, - в конце концов ответил мальчик, - наверно, я слишком мал для всего этого".

Учитывая постепенную и идиосинкратическую природу созревания детей, отсчет времени в сексуальном образовании, вероятно, более напоминает солнечные часы, нежели олимпийский секундомер. Тем не менее отсчет времени, или "соответствие возрасту", обычно представляют как вопрос крайне чувствительный, просчеты в котором чреваты серьезнейшими, возможно, необратимыми последствиями. "Хотя секретность способствует опасному невежеству, слишком большая открытость может включить то, что предназначено оставаться выключенным до более позднего времени", - зловеще предупреждает своих читателей специалист по воспитанию детей Пенелопа Лич в книге "Redbook".

В 1990-х годах озабоченность проблемой отсчета времени привела к созданию двух стратегий ограничения. Производители кинофильмов, а позже и их коллеги на телевидении, поделили несовершеннолетнюю публику на точно определенные возрастные категории: этот фильм подходит для тринадцатилетних, но не для двенадцатилетних, тот - для семнадцатилетних в сопровождении взрослых (которым может быть восемнадцать), но не без сопровождения. Закон о приличии в коммуникациях взял другой курс: в нем понятие "несовершеннолетний" охватывало территорию, обширную, как Сибирь. С точки зрения этого закона, изображение пениса, входящего в вагину, травмировало семнадцатилетнего сексуально активного ученика выпускного класса точно так же, как трехлетнего дошкольника, с трудом выговаривающего слово "багина".

Все эти классификации обнажают глубокую тревогу по поводу того, что есть детство, и по поводу все убывающей возможности отделять мальчиков и девочек от мужчин и женщин. Либеральный педагог Нил Постман определил как момент "исчезновения детства" изобретение телеграфа в середине девятнадцатого века, которое со временем привело к расцвету СМИ, в результате чего люди всех возрастов узнали все сексуальные секреты. "А без секретов, - писал он, - детства не существует". Хотя оно было основано на географии, а не на возрасте, постановление судьи Гарта против Закона о защите детей в онлайне в 2000 году намекало на что-то подобное и в отношении возраста. Суды издавна определяли, какие кирпичи в стене, возведенной законом между несовершеннолетними и взрослым сексуальным миром, неоправданно ограничивали (бы) передвижения взрослых. Теперь судья, похоже на то, признал, что стена безвозвратно разрушена, а разрушившие ее вандалы - не порнографы и не сетевые педофилы, а сама технология. Точно так же, как глобальный капитализм и современные методы ведения войны диктуют участие многих детей мира в занятиях, долгое время считавшихся исключительно взрослыми - в коммерции и в криминале, в рождении и воспитании детей, в боевых действиях - современные СМИ дают даже "укрытым" детям знания об этих в прошлом взрослых сферах. Десятилетние в двадцать первом веке знают о процентных ставках и IPO .com'ов, о полицейской жестокости и озоновой дыре. И они знают о взрослой сексуальности, от аборт до садомазохизма.

Маловероятно, что концентрация информации или секса в воздухе уменьшится. Никакие законы, ни фильтры, ни бдительные родители не смогут отслеживать каждую страницу и каждый пиксель, проходящие перед глазами ребенка, начиная с возраста старше лет двух. В изысканном подростковом тоне саркастической жалости ученица восьмого класса средней школы Лора Мегиверн обратилась к родителям, которые вообразили себе, что должны и могут "защищать" своих детей подобным образом. "У меня есть что-то другое, что, возможно, вас заинтересует, - писала она в своей местной вермонтской газете. - Шкаф с замком" - куда детей положить и запереть.

Взрослые, возможно, имеют больше влияния на то, какую информацию потребляют их дети, чем думает Лора. Но она права в том, что цензура не есть защита. Наоборот, для того чтобы дети имели равный шанс на выживание в сексуальном мире, взрослым следует наполнить его точной, реалистичной информацией и обильными, разнообразными образами и историями любви и секса.

2. Охота на человека

Педофильская паника

Всем детям следует объяснить простыми словами, что есть взрослые мужчины, которые "не совсем здоровы и немного не в себе" и которые больше любят обнимать и целовать маленьких девочек, нежели взрослых женщин. Им нужно сказать, что таких мужчин не много, но что их следует избегать. После такого предупреждения у ребенка будет более или менее реалистичная оценка обстановки: с одной стороны, она будет знать о возможности таких сексуальных приставаний; с другой стороны, она не будет ожидать секс-маньяка за каждым кустом.

Поясняющее предупреждение не только уменьшает вероятность контактов между девочками и взрослыми мужчинами, но и минимизирует эмоциональные и психологические последствия, если такие контакты случаются.

Пол Бегард, Ян Рабох, Ганс Гизе, "Женская сексуальность" (1970 год)

Понятно, что наши дети должны всегда оставаться вне зоны контроля растлителя. Как только ребенок попадет под контроль похитителя/растлителя, он почти наверняка будет растлен, а возможно, даже похищен или убит. Тем не менее вам, вероятно, нет нужды запугивать ребенка до смерти. Большинство детей естественным образом боятся быть разлучены с семьей. Возможность быть похищенными для них достаточно пугающая, чтобы не было необходимости расписывать хладнокровные убийства.

Кэрол Коуп, "Stranger Danger" (1997 год)

"ЧУДОВИЩНО" - кричала шапка в "Бостон гералд" от 4 октября 1997 года. На этот раз газета, известная своей склонностью к гиперболическим заголовкам, не преувеличивала. Тремя днями ранее десятилетний Джеффри Кёрли из Кеймбриджа пропал среди бела дня, после того как вышел помыть собаку рядом с домом своей бабушки. Теперь он был мертв.

Как сообщается, сосед Джеффри двадцатиоднолетний Сальваторе Сикари и двадцатидвухлетний Чарльз Джейнс из Броктона заманили ребенка в кадиллак Джейнса, пообещав ему новый велосипед. Сикари, как явствует из его признательных показаний, вел автомобиль, в то время как Джейнс боролся с Джеффри на заднем сиденье, пытаясь принудить его к сексу. Несколько минут подряд мальчику весом в 80 фунтов удавалось отбиваться от мужчины весом в 250 с лишним фунтов; наконец Джеффри поддался огненному удушью пропитанной бензином тряпки, прижатой к его лицу.

Мужчины погрузили тело в багажник и отвезли на квартиру в Манчестере, штат Нью-Гемпшир, которую снимал Джейнс и украшал детскими плакатами. Глубокой ночью, опять-таки по словам Сикари, Джейнс уложил трупик на кухонный пол и изнасиловал его. После этого мужчины замесили цемент в пятидесятигаллонной емкости, запихнули в нее тело Джеффри, опрыскали его лицо известью, чтобы ускорить разложение плоти, и направились на север к мосту в Южном Бервике, штат Мэн, откуда сбросили пластиковый гробик в реку.

На двух отдельных судебных процессах, состоявшихся годом позже, оба мужчины валили вину друг на друга. Сикари был признан виновным в похищении человека и убийстве первой степени и приговорен к пожизненному заключению без права на условно-досрочное освобождение. Джейнс был признан виновным в убийстве второй степени, потому что присяжные не смогли с уверенностью установить, присутствовал ли он на месте преступления. Обвинения в сексуальных преступлениях им не предъявлялись. Джейнс так и не признал свою вину, даже кричал во время заключительного выступления прокурора, что не сделал Джеффри ничего плохого. Первое слушание о его условно-досрочном освобождении состоится после того, как он отсидит минимум двадцать три года.

Эта история была настолько ужасающей, что у любого родителя кровь в жилах превращалась в лед. Однако ужас требует объяснений, и, в то время как семья Кёрли пыталась извлечь из гибели своего ребенка духовные уроки, другие родители смотрели, как их дети колесят на своих велосипедах по улицам туда-сюда, и с отчаяньем ждали от властей, чтобы они сделали, сказали... что-нибудь. Каждому хотелось понять, каким образом двое мужчин смогли совершить такое жуткое злодеяние над приветливым, редкозубым мальчонкой в бейсболке Детской лиги, ежедневно улыбающимся с первых полос газет.

Сикари, по отзывам соседей, был опасным типом. Как-то раз он был пойман на пришкольной территории с кокаином под мышкой, который, как утверждают, собирался продавать, имел судимость за то, что избил руками и ногами двадцатилетнюю мать своего тогда еще годовалого сына. Одним из его излюбленных способов добывания денег было воровство детских велосипедов. За Джейнсом, который, в отличие от своего поделщика, имел работу, тем не менее тянулось длинное полицейское досье, в том числе семьдесят пять ордеров на арест: в основном за выписывание фальшивых чеков и кражи денег из банкоматов.

Но эти заурядные криминальные карьеры не предвещали той жестокости, которую эти двое обрушили на Джеффри. И уж точно они не давали того *смысла*, которого жаждали семья Кёрли и все более беспокоящаяся общественность. Казалось недостаточным назвать убийство Джеффри тем, чем оно было на самом деле: событием, лишенным всякого смысла, дьявольской аберрацией высокой психопатологии, преступлением настолько редким, что статистически его почти не существует. Эта необъяснимая трагедия нуждалась в объяснении.

За объяснением далеко ходить не пришлось. Как СМИ, так и их аудитория уже давно наловчились "прилаживать" любой поворот событий - выборы, новый продукт питания, убийство ребенка - к тому или иному социологическому "тренду", а об этом "тренде" слышали каждая мать и каждый отец в Америке. Наготове были эксперты со своими анализами, газетные базы данных выдавали преступления и преступников, подобных или "достаточно подобных" данному. Чудовищам требовалось название, и они получили его в первой же фразе первой статьи "Бостон гералд" о поимке подозреваемых: "Пара сексуальных хищников удушила десятилетнего кеймбриджского мальчика..."

Как могло произойти настолько гнусное событие? Оно произошло потому, что Сальваторе Сикари и Чарльз Джейнс были особой разновидностью людей: они были сексуальными хищниками, "педофилами". Из сотен других статей и телерепортажей читатели уже знали эту разновидность и были уверены, что эти двое - не единственные в своем роде. Более того, фотографии двух мужчин, растиражированные десятки раз вверху сотен газетных колонок, которые были посвящены этой истории в течение последующего года, наводили на мысль о толпе их собратьев, о целой армии убийц, ведомых извращенной похотью.

Педофил: миф

При слове "педофил" мозг заполняет целый рой образов и представлений. Педофилы - это хищники и насильники; уголовные кодексы называют их деяния сексуальными нападениями и сексуальными оскорблениями. Педофил выглядит, как каждый из нас, как любой из нас - "учитель, доктор, адвокат, судья, скаутский вожатый, полицейский, тренер, духовник", но его сексуальность делает его отличным от нас, большим: *педофилия* значит в качестве диагноза в "Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам" Американской психиатрической ассоциации - в каноне психопатологии. Педофилы ненасытны и неизлечимы. "Статистика показывает, что в 95% случаев тот, кто растлил ребенка, будет растлевать вновь", - заявил член сената штата Индиана, внося законопроект об уведомлении населения о проживающих поблизости бывших осужденных за сексуальные преступления. "Единственные растлители, которых можно считать полностью излеченными, - те, кого кастрировали хирургически", - как-то написала Энн Лэндерс.

Педофилы похищают и убивают детей, а те, кто похищает и убивает детей, - вероятно, педофилы. "Педофил, который похитил Адама с молла и убил его в 1981 году..." - так начинался очерк о растлителях, вышедший из-под пера репортера "Бостон гералд" Дж. Лоренса вскоре после убийства Джеффри. Он имел в виду до сих пор не раскрытое похищение и убийство шестилетнего Адама Уолша, которое подстегнуло создание Национального центра пропавших и эксплуатируемых детей и (как говорят злые языки) карьеру его отца Джона, который ныне ведет телепередачу "Самые разыскиваемые ФБР". Даже если ребенок останется в живых после связи с педофилом, мы считаем, что он неизбежно будет страдать от огромного вреда, причиненного ему этой связью. "Хищный педофил опасен, как раковая опухоль. Он действует так же тихо и незаметно, а его

присутствие обнаруживается лишь теми ужасными повреждениями, которые он причиняет", - констатировал детский адвокат и автор секс-триллеров Эндрю Вакс.

А имя педофилам - легион, они хорошо организованы и искусны в сокрытии своих злодеяний. "Я считаю, что мы имеем дело с заговором, с преступным предприятием детских хищников, тщательно выстроенным с целью избежать раскрытия", - поведала в 1984 году Конгрессу Ки Макфарлейн, директор Международного детского института в Лос-Анджелесе и одна из главных архитекторов страшилки "сатанистского ритуального сексуального использования" 1980-х годов. Если такое предприятие занимается детской порнографией или торговлей детьми, как столь часто утверждается, оно может иметь в своем распоряжении более мощные финансовые, юридические и общинные ресурсы, чем те, кто пытается его разоблачить. Десять лет спустя, после того как была развернута широкомасштабная национальная сеть штатных и федеральных агентов, специально предназначенная для их отлавливания, педофилы все еще были как-то странно невидимы. "На самом деле нет никаких цифр. Это скрытое преступление, которое часто не выходит на поверхность", - заявила в 1994 году Дебра Уитком, директор массачусетского Центра Образовательного Развития Инкорпорейтед, имея в виду "сексуальную эксплуатацию детей" в Сети, для борьбы с которой ее организация непосредственно перед тем получила 250 тысяч долларов правительственных субсидий.

Наверно, неудивительно, что в проведенном клиникой Майо исследовании беспокойств, на которые жалуются педиатрам, три четверти родителей боялись, что их детей похитят; треть сказала, что это было "частое беспокойство" - более частое, чем беспокойства о спортивных травмах, ДТП или наркотиках. И неудивительно, что убийство Джеффри Кёрли - на гребне волны широко освещавшихся жестоких преступлений - возродило кампанию за введение смертной казни в Массачусетсе или что именно в этом движении, став публичным адвокатом государственной мести, его отец Боб, пожарный механик, на короткое время нашел выход своему неопишуемому горю.

Факты

Проблема со всей этой информацией о педофилах - в том, что большая ее часть - либо неправда, либо требует таких оговорок, что делает обобщения невозможными. Прежде всего, улицы и Интернет-чаты не кишат растлителями, похитителями и убийцами. Согласно полицейской статистике, 95 процентов якобы похищенных детей оказываются "сбежавшими и выброшенными" из дому либо детьми, которых увозят собственные родители, не "поделив" на бракоразводном процессе. Согласно исследованиям, проведенным в соответствии с Актом о помощи пропавшим детям 1984 года, количество детей, похищаемых и убиваемых нечленами семьи, оценивается в цифру от 52 до 158 в год. Экстраполируя из другой статистики ФБР, получаем шансы от 1 на 364 тысячи до менее чем 1 на 1 миллион. Шансы ребенка погибнуть в ДТП выше в 25-75 раз.

К счастью, педофильские зверства совершаются еще реже, чем похищения-убийства. Например, в 1992 году - в год, когда выпущенный условно-досрочно сексуальный преступник из Нью-Джерси изнасиловал и убил семилетнюю Меган Канку, в честь которой были названы законы об уведомлении населения - девять детей младше двенадцати лет пали жертвами аналогичных преступлений из более чем сорока пяти миллионов представителей данной возрастной группы. Что же касается Адама Уолша, на которого "Бостон геральд" сослалась как на "всем жертвам жертву" растлителя-убийцы, обвинение в его похищении вообще никому не предъявлялось. Как сообщают детективы из Флориды, где было совершено это преступление, отец Адама распустил слух, что похитителем был педофил, главным образом, через широко цитируемую книгу о растлителях, несмотря на то, что в уголовном деле о похищении не было ни подозрений, ни вообще каких-либо намеков на секс.

Растления, похищения и убийства детей незнакомцами редки. И, по данным ФБР и ученых, эти виды преступлений не растут. Некоторые исследователи даже считают, что некоторые формы "растления", например эксгибиционизм, наоборот, идут на спад.

Более того, процент так называемых педофилов в населении мал, хотя и трудно сказать, насколько мал. "Я пишу на доске "1, 5, 21, 50" и спрашиваю студентов: "Каков процент педофилов в стране?" - говорит Пол Оками, профессор кафедры психологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, который проанализировал данные по педофилии в Америке. - Ответ: каждая из этих цифр верна". Это потому, что "педофил", в зависимости от местных законов, восприятия психолога или установок журналиста, может быть кем угодно, от первокурсника колледжа, однажды мастурбировавшего, фантазируя о двенадцатилетней, до взрослого, имевшего сексуальный контакт с младенцем.

Что касается "клинически чистой" разновидности, то Оками считает, что пропорция американцев, чье половое влечение направлено преимущественно на допубертатных детей, колеблется около 1 процента. Основываясь на членских списках так называемых педофильских кружков, полицейских досье и собственном опыте, бывший редактор чикагского информационного бюллетеня для педофилов "Страна чудес" Дэвид Тэхтер оценил их число в "может быть, 100 тысяч". Уголовная статистика не свидетельствует о больших или растущих числах педофилов. Даже несмотря на то, что возраст согласия повысился и частота арестов за низкоуровневые сексуальные преступления резко подскочила ("низкоуровневыми", или "малоопасными", сексуальными преступлениями американская уголовная статистика называет "ненасильственные сексуальные преступления" - прим. перев.; в 1992 г. за низкоуровневые сексуальные преступления были помещены под стражу в восемь с лишним раз больше человек, чем в 1980 г.: Bureau of Justice Statistics, "Correctional Populations in the United States," report, Washington, D.C., 1992 - прим. автора), аресты за изнасилование и другие сексуальные преступления, в том числе против детей, в 1993 году составили всего лишь около 1 процента от всех арестов.

Педофилы обычно не являются насильниками, если только не использовать выражение *сексуальное насилие над детьми* в моральном, а не буквальном смысле. Они очень редко применяют силу или причиняют физические травмы детям (Paul Okami and Amy Goldberg, "Personality Correlates of Pedophilia: Are They Reliable Indicators?" Journal of Sex Research 29, no. 3, August 1992). На самом деле ничто не может быть менее похоже на те некрофильские мерзости, которые якобы вытворял Чарльз Джейнс с умерщвленным Джеффри, чем то, что делают с детьми большинство педофилов. Опускаясь на уровень развития ребенка, а не пытаясь вытянуть ребенка на взрослый уровень, большинство мужчин, занимающихся сексом с детьми, склонны ограничиваться поцелуями, взаимной мастурбацией и "бесконтактными" видами взаимодействия, такими как вуайеризм и эксгибиционизм (Glenn D. Wilson and David N. Cox, The Child-Lovers: A Study of Paedophiles in Society, London: Peter Owen; в одном из исследований менее пятой части педофилов сказали, что желали генитального контакта, в то время как еще одна пятая хотела "несексуальной, платонической дружбы" - прим. автора).

На самом деле, по мнению некоторых психологов, может и вовсе не быть такого явления, как "типичный" педофил, если вообще существует такое явление, как педофил. Качества, которыми ученые и полиция "маркируют" его, например пресловутая робость и пережитая в детстве травма, не подтверждаются со статистической достоверностью (Okami and Goldberg, "Personality Correlates": исследование, проведенное на членах одной из британских педофильских организаций, выявило, что "большинство [субъектов] не проявляют признаков клинически значимой психопатии или расстройств мышления" - прим. автора). Что еще важнее, сексуальный контакт с ребенком сам по себе не означает педофилию. "Большинство сообщаемых в полицию актов сексуального злоупотребления детьми совершают не педофилы", а мужчины, находящиеся в постоянных отношениях со взрослыми женщинами и мужчинами, говорит Джон Мани из Университета Джонса Хопкинса, крупнейший специалист по сексуальным аномалиям. Это мужчины, подобные Чарльзу Джейнсу, который в своем дневнике писал о любви с первого взгляда к "прекрасному мальчику" с "восхитительным загаром и кристально-голубыми глазами" и в машине которого полиция нашла литературу Североамериканской ассоциации любви между мужчинами и мальчиками (NAMBLA), но который тем не менее имел взрослую любовницу, а также, по слухам, был любовником Сикари, который тоже имел любовницу.

Другими словами, может не быть ничего такого в человеке фундаментального, что делало бы его "педофилом". В так называемых педофилах нет какой-то генетической, или неизлечимой, болезни. Мужчины, вожделеющие к детям, могут менять свое поведение, чтобы соответствовать нормам общества, которое это поведение люто ненавидит. От педофилии можно отречься; выражаясь медицинским языком, который мы теперь используем для описания этой сексуальной склонности, от нее можно "вылечиться". На самом деле, вопреки утверждениям политиков, процент рецидива у лиц, осужденных за секс с детьми, - один из самых низких среди всех категорий преступников. Анализ тысяч субъектов в сотнях исследований, проведенных в США и Канаде, выявил, что около 13 процентов осужденных за сексуальные преступления подвергаются повторному аресту, по сравнению с 74 процентами осужденных вообще. Если осужденных лечат, их рецидив становится еще ниже. Штат Вермонт, например, сообщил в 1995 году, что после лечения рецидив составил всего 7 процентов у педофилов, 3 процента - у осужденных за инцест и 3 процента - у осужденных за "бесконтактные" преступления, такие как эксгибиционизм.

Враг - это мы

Все эти рациональные рассуждения могут ничего не значить для родителей. Девять детей из сорока пяти миллионов насилуют и убивают? Не высока вероятность, конечно, но если это случится с твоим малышом, кого волнует статистика? И все же большинство родителей способны сверять свои иррациональные страхи с реальностью. Так почему же, несмотря на всю информацию об обратном, американцы упорно верят, что педофилы представляют собой одну из самых серьезных угроз для их детей? Что вселяет в людей такой страх?

Наша культура страшится педофила, как утверждают некоторые социальные критики, не потому что он ненормален, а потому что он обычен. И я не имею в виду, что это из-за того, что он может быть мороженщиком или отцом Патриком. Нет, мы боимся его потому, что он - это мы. В своем элегантно исследовании "культуры деторастления" литературный критик Джеймс Кинкейд прослеживает этот страх до середины девятнадцатого века. Тогда, пишет он, англо-американская культура сотворила детскую невинность, определяя ее как "безвожделенную субъективность", в то же время конструируя новый идеал сексуально-вожделенного объекта. И у той, и у другого были одни и те же отличительные черты: мягкость, умильность, податливость, пассивность - и это двойное культурное изобретение с тех пор ставит нас перед проклятой психосоциальной проблемой. Мы смакуем наше эротическое влечение к детям (посмотрите на детские конкурсы красоты, в которых участвовала ДжонБенэ Рэмзи). И в то же время мы находим это влечение омерзительным (посмотрите на публичный шок и отвращение в качестве реакции на "сексуализацию" ДжонБенэ в этих конкурсах). Вот мы и проецируем это эротизированное желание вовне, создавая монстра, чтобы его ненавидеть, охотиться на него и карать.

В своем классическом исследовании 1981 года "Инцест между отцом и дочерью" психолог-феминистка Джудит Герман предложила еще один источник самоотвращения, который может побуждать нас к проецированию. Злоупотребление детьми, пишет она, - это нечто очень домашнее, встроенное в структуру "нормальной", "традиционной" семьи. Возьмите отцовскую власть над семьей, которая проводится в жизнь насильем, в сочетании с женской и детской подчиненностью, с запретом на сексуальные разговоры и прикосновения, с освященной законом и традицией неприкосновенностью семейной тайны. Добавьте подавленные желания - и потенциальный гнойник готов, ожидая лишь подходящей возможности прорваться.

Работа Герман находилась на переднем крае того шокирующего подозрения, правдивость которого теперь твердо установлена. Если сексуальные преступления, совершаемые против детей незнакомцами, случаются редко, то инцест - часто. Как и в отношении педофилии, трудно сказать, насколько часто, потому что цифры инцеста столь же мутны, сколь и цифры секса между взрослыми и детьми вне семьи. С одной стороны, статистика "злоупотребления детьми" печально известна своей ненадежностью; например, из 319 тысяч сообщений, полученных в 1993 году, две трети не подтвердились (National Incidence Studies of Child Abuse and Neglect, vol. 2. Washington, D.C.: Department of Health and Human Services, 1993).

Расширение перечня тех, кто считается "членами семьи", возраста, до которого человек считается "ребенком", перечня взаимодействий, на которые навешивается ярлык "злоупотребления", вздули цифры инцеста. Как и то, что стало популярным подозревать инцест в качестве невидимого источника психологических страданий в последующей жизни, особенно у женщин. С 1980-х годов авторы "книг самопомощи" утверждают, что не нужно даже помнить о чем-либо сексуальном, чтобы знать, что оно имело место быть. "Если вы думаете, что вас растлевали, и ваша жизнь проявляет симптомы, - значит, так оно и есть", - провозгласила Эллен Бэсс в своей книге "Мужество исцеляться". "Симптомы растления", перечисленные в таких книгах, занимают полный диапазон от астмы до небрежения состоянием зубов.

С другой стороны, профессионалы под влиянием Фрейда отрицали существование инцеста на протяжении десятилетий, толкуя сообщения детей о реальных совращениях как эдиповы фантазии, а многие и до сих пор учитывают только случаи физического принуждения, сбрасывая со счетов неисчислимы факторы, оказывающие давление на ребенка, понуждающие его к тому, чтобы поддаться сексуальным домогательствам со стороны родителя из чувств зависимости, страха, верности или любви.

В любом случае, надежные источники свидетельствуют о том (оценка основана на сотнях статей, прочтенных автором - прим. автора), что более половины (по некоторым данным, почти все) случаев сексуального злоупотребления детьми совершают члены их собственных семей либо лица, заменяющие родителей. Федеральное правительство зарегистрировало более 217 тысяч случаев в 1993 году (меньше, чем утверждают истеричные СМИ, но все же очень много). Исследования подтверждают то, о чем и так можно догадаться: что худшее опустошение в ребенке производит не секс сам по себе, а предательство фундаментального доверия ребенка. И чем менее добровольны или более интимны сексуальные акты, чем дольше они продолжаются, чем старше становится ребенок, тем болезненнее непосредственная травма и тем более стоек долговременный вред от инцеста. Инцест качественно отличается от секса с неродным взрослым; первый почти неизбежно гораздо хуже.

Даже те, кого не убеждает утверждение Кинкейда, что культурное "мы" пускаем слюнки по поводу допубертатного Маколея Калкина, скачущего в одних трусах по фильму "Один дома", или метафора Герман о семье как инкубаторе инцеста, могут с удивлением обнаружить, что их собственные тайные вождения противозаконны. Подавляющее большинство так называемых педофилов не рыщут по улицам, чтобы найти добычу в виде маленьких детей. Так называемых преступников чаще всего ловят не на том, что они кого-то трогают, а на том, что смотрят на нечто, называемое детской порнографией (к которой я перейду чуть позже). А объекты их вождения - не "дети", а подростки примерно того возраста, в котором начала свою модельную карьеру Кейт Мосс. "Клиенты - обычно белые женатые бизнесмены из пригородов, желающие получить минет от юноши-тинейджера, но не считающие себя гееми, и гетеросексуальные мужчины, ищущие молодых девушек, - говорит Эдит Спрингер, много лет проработавшая с подростками-проститутками на Таймс-сквер в Нью-Йорке. - За все годы моей работы психотерапевтом и консультантом я ни разу не встретила того, кого СМИ рекламируют как "педофила"".

Психологи и правоохранители называют мужчину, любящего тинейджеров, гебефилом. Это психиатрический термин, обозначающий патологическое сексуальное отклонение. Но если бы мы ставили диагноз каждому американцу, для которого Мисс (или Мистер) Тинейдж Америка является оптимальным сексуальным объектом, нам пришлось бы назваться нацией извращенцев. Если бы тело подростка не было в нашей культуре идеалом сексапильности, старшеклассницы не морили бы себя голодом, заметив у себя появление вторичных половых признаков, а исполнительница главной роли (в кино и в жизни) не была бы обычно лет на двадцать-сорок моложе, чем исполнитель главной роли. Я спросила Мег Каплан, пользующегося широким авторитетом клинициста, занимающегося лечением осужденных за сексуальные преступления в Клинике полового поведения Психиатрического института штата Нью-Йорк, о медиализации и криминализации вкуса к подростковой плоти. "Покажите

мне гетеросексуала мужского пола, которого не тянет на подростков, - фыркнула она. - Пжалста".

Но вместо того чтобы обвинять наших друзей футбольных болельщиков, вместо того чтобы обвинять семью, мы ставим фургоны в круг и проецируем опасность вовне. "Отсеивайте каждого, кто может повредить вашему ребенку. Когда только возможно, ухаживайте за ним сами, - наставляет читателей журнала "Лайф" Кеннет Лэннинг из ФБР. - Скажите вашим детям, что если взрослый слишком хорош, чтобы быть правдой, то, может быть, то, что он говорит, - и есть ложь".

Генеалогия монстра

Через несколько дней после убийства Джона Керли "Бостон гералд" исполняла свой общественный долг, предоставляя полосы для неперемного культурного анализа "на скорую руку". "Интернет-чаты для секса, множасьщиеся сексуальные сцены на ТВ, легкий доступ к махровой порнографии оставляют после себя все больше детей с покалеченной психикой и, возможно, следующее поколение педофилов", - излагал свое мнение один "эксперт". Другой винил реформу системы социальных пособий, в результате которой матери-одиночки были вынуждены устроиться на работу, оставив детей предоставленными самим себе. "А растлителям только того и надо".

Как мы уже видели в Главе 1, панические оценки морального разложения мира не новы. Но им свойственно обостряться во времена социальных трансформаций, когда экономику трясет или когда рушатся общественные институты, и у многих людей возникает ощущение, что они теряют контроль над своими рабочими местами, над своим будущим, над жизнью своих детей. В такие времена монстр-деторастлитель незамедлительно выползает из-под обломков.

В новой англо-американской истории он впервые показал свой оскал в разгар индустриализации, в конце девятнадцатого века. В больших городах и фабричных поселках дети и подростки из бедных и рабочих семей покидали свои дома, чтобы отправиться туда, где можно было найти работу и где их ожидали новые возможности сексуального удовольствия, но в то же время и источники сексуальных и экономических страданий. Удовольствия юной трудящейся девочки - танцы, флирт, случайная проституция в целях пополнения скудного заработка - оскорбляли викторианскую и религиозную мораль. Ее страдания - эксплуатация и домогательства на фабрике, изнасилования, болезни и внебрачное материнство - вызывали ярость феминисток и социэкономических реформаторов. Английский писатель Генри Уэрсли назвал фабрику "школой порока", которая порождала в ребенке неподобающую "преждевременную искушенность" во "взрослом мире и его удовольствиях". Пресса, всегда готовая разжечь тлеющие угольки морального недовольства, "обнаружила" на дне общества рыночную нишу, в которой корыстный капитализм прелюбодействовал с половой распущенностью. Эта преступная связь была названа белым рабством.

В 1885 году популярный таблоид "Пел-Мел Газетт" познакомил лондонских читателей с "торговцем белыми рабынями". Выдержанная в сенсационном стиле серия статей под общим заголовком "Девственная дань новому Вавилону", которая стала одним из самых успешных "разоблачений" в истории журналистики, рассказывала о черном рынке, на котором невинных девочек их несчастные матери продавали местным сводням, которые, в свою очередь, проституировали их похотливым, лишенным всякой морали "джентльменам". Эти статьи послужили запалом для одной из величайших "моральных паник" в новой британской истории.

Когда аналогичная паника обрела почву в Америке около десятилетия спустя, она имела в буквальном смысле слова другой цвет кожи. Волны иммигрантов из Китая, Южной Европы и Ирландии наводняли города. И хотя рабовладение было отменено, расизм никуда не делся. Выражение "белое рабство" означало, что его жертвы, как утверждалось, происходили с севера Европы (фактически узаконенное массовое изнасилование негров-рабов их

хозяевами было признано лишь столетие спустя). В то же время торговцы соответствующим "живым товаром" почти во всех сообщениях о нем были смуглыми - зловещими почти по определению - евреями, итальянцами и греками.

Хотя взрослая проституция действительно процветала в новых индустриальных городах, торговля детьми по обе стороны Атлантики была почти целиком выдумана. Редактор "Пел-Мел Газетт", как оказалось, инсценировал похищение "пятифунтовой девственницы" (что обозначало ее цену, а не вес), вокруг которого и было построено все его "разоблачение"; "толпы детей-проститутки", о которых кричали лондонские "борцы против белого рабства", были "продуктом воображения сенсационной журналистики, рассчитанной на то, чтобы завладеть вниманием похотливой викторианской публики", по словам историка Джудит Валковиц. Масштабы проституции в Америке также были чудовищно раздуты преувеличениями: одна цифра, опубликованная в нью-йоркской суфражистской прессе, была помножена на 10. Тем не менее обе моральные кампании привели к целому валу сексуально репрессивного законодательства. Под воздействием "Девственной дани" в Великобритании возраст согласия был повышен с тринадцати до шестнадцати лет. В Америке между 1886 и 1895 годами двадцать девять штатов повысили свой возраст согласия с минимум семи до максимум восемнадцати. Некоторые из принятых тогда законов, например британская криминализация мужского гомосексуализма, просуществовали до конца двадцатого века.

Когда двадцатый век вступил в свои права, сексуальный монстр впал в спячку. Он был разбужен на короткое время Великой депрессией, когда массовые банкротства грозили эпидемией утраты мужской уверенности в себе, разжигая подозрения в "компенсаторной гипермаскулинности", которая должна была проявляться в патологической страсти к юным телам. Детораствитель, однако, вновь уснул, когда Вторая мировая война дала Америке реального врага и воцарилась немалая свобода нравов как в тылу - между женщинами и школьниками, которые заменили мужчин на фабриках, так и на фронтах, где холостые и женатые бойцы отдыхали от ратных трудов в сексуальных утехах с жительницами разоренных войной городов.

По окончании войны, однако, настало время возвращать межполовые и семейные взаимоотношения к "норме". Мужчины должны были вернуться к зарабатыванию на хлеб, женщины - к выпеканию хлеба. Гомосексуальная культура, первые искры которой появились в казармах и солдатских барах, должна была быть затушена. А подростки, вкусившие взрослого зарабатывания денег и взрослой половой свободы во время войн и Депрессии, должны были быть отправлены обратно в детство. Затянувшееся сопротивление этому требовало противоядия: угрозы обществу, которая сделала бы возврат к старому порядку более привлекательным. Прежде чем директор ФБР Джон Гувер и сенатор Джозеф Маккарти стали красить эту угрозу в красный цвет, они нацелились на розовый: первыми мишенями их расследований были гомосексуалы в Госдепартаменте (в английском языке розовый цвет является символом не только лесбиянства, но и мужского гомосексуализма - прим. перев.). Травля гомосексуалов в высоких кабинетах должна была служить примером извращенцев (и для извращенцев), свирепствующих, где им заблагорассудится. Фотомонтаж, помещенный в качестве иллюстрации к знаменитой статье Гувера 1947 года "В безопасности ли ваша дочь?", провозгласил возвращение сексуального монстра: три белые девочки в пышных платьицах и коротких носочках, убегающие от нависшей над ними гигантской мужской руки. "Женщины и дети страны никогда не будут в безопасности, - гласила подпись под картинкой, а дальше следовало захватывающее дух отточие: - ... пока выродки гуляют бесконтрольно".

В то время психология окончательно закрепляла свой статус в качестве новой профессии, что стало кульминацией продолжавшегося не один век процесса передачи социальных отклонений из ведения священников в ведение клиницистов. Новое учение дало монстру и новое название: "сексуальный психопат", которого растлевать детей заставляют "неконтролируемые и не поддающиеся контролю желания". К середине 1950-х годов предвоенная тревога по поводу маскулинности сфокусировалась на сексе между мужчинами, и, как в науке, так и в воображении публики, психопат приобрел стереотипные характеристики гомосексуала, и наоборот. Мальчикам наказывали никогда не заходить в

общественные туалеты без провожатых. А после каждого ужасного преступления, жертвой которого был ребенок, в обязательном порядке проводились облавы в барах для геев. Как и за полвека до того, газетные заголовки кричали о волне преступлений против детей: "Мужчина пристал к воспитаннице детского сада", "9 пунктов обвинения предъявлены растлителю девочек", "Что нам делать с сексуальными преступниками?" Но, как и за полвека до того, паника не была результатом реального увеличения количества насильственных сексуальных преступлений против детей. Тем не менее назначались комиссии, принимались новые законы и учащались аресты. Несмотря на то что большинство этих арестов, как и большинство арестов сегодня, были за мелкие нарушения вроде "непристойного обнажения" или гомосексуального секса по согласию, немногочисленные, зато массированно освещавшиеся в прессе насильственные преступления порождали оглушительный рев народных требований проводить облавы, вершить самосуд, сажать пожизненно, не выпускать из сумасшедших домов, кастрировать и казнить психопатов-убийц; что полностью возобновилось в 1980-х и 1990-х годах.

В 1960-х и 1970-х годах сексуальная паника уступила место сексуальному освобождению, в том числе, на короткое время, идее о том, что дети имеют право на сексуальное самовыражение. "Секс - это естественная потребность, - писали Хайди Хэндман и Питер Бреннан в 1974 году в своей книге "Руководство по сексу: информация и помощь для несовершеннолетних". - Если ты не слишком мал для того, чтобы хотеть секса, ты не слишком мал для того, чтобы заниматься сексом". Но, по мере того как провозглашались сексуальные права женщин и детей, все четче вырисовывалось и то принуждение, которому они подвергались. Феминистки стали поднимать свой голос против сексуального насилия, совершаемого под прикрытием семьи и любовных отношений; росло подозрение, что сексуальное злоупотребление детьми имеет масштабы эпидемии. Расцвела целая индустрия психотерапевтов, специализирующихся на "откапывании" прошлого злоупотребления и лечении его предполагаемых последствий.

Холодная война растаяла в разрядку [напряженности между США и СССР]; впервые за жизнь целого поколения американцы остались без внешних врагов и внутренних подрывных элементов. Новый политико-терапевтический альянс откопал все того же старого заклятого врага детской сексуальной невинности и безопасности. Однако в век информационных технологий старый деторастлитель-торговец белыми рабынями надел новую шляпу. Теперь помимо похищения и изнасилования детей он занимался их съемками с последующей продажей фото и видео с целью извлечения прибыли. Педофил нашел себе новое занятие - приработок порнографа.

Современный монстр

Детский порнограф, когда он впервые стал объектом публичного внимания в 1976 году, был довольно-таки хилым зверем и еще худшим бизнесменом. По правде говоря, он был почти банкротом. Полицейские рейды, проведенные с целью очистить Таймс-сквер для съезда Демократической партии, смогли "нарыть" лишь скудные крохи детского порно. Но этих нескольких стопочек пыльных черно-белых листов, изданных за десятилетия до того, которые к тому времени уже были незаконными, оказалось достаточно для целого нового крестового похода. Возглавила его команда, которая впоследствии стала символом "сил борьбы с детским порно": детский психиатр Джудиэнн Дензен-Гербер - основательница целой империи наркологических клиник, базирующейся в Нью-Йорке, под названием "Одисси-хаус" - и сержант полиции нравов Ллойд Мартин из Полицейского управления Лос-Анджелеса.

Оба носились от побережья к побережью, "накручивая" фантастические цифры. Выступая перед комитетом Конгресса в 1977 году, Дензен-Гербер оценила число жертв детской проституции и детской порнографии в 1,2 миллиона, в том числе фильмов, называемых "snuff", в которых показываются убийства для удовольствия зрителей-садистов. Мартин путешествовал по стране, выступая с речами, полными евангелического пыла, предупреждая Америку, например, в одной христианской телепередаче, что "педофилы держатся поблизости от рожениц, чтобы уже через несколько минут после родов схватить

малютку и изнасиловать". Выступая перед тем же комитетом Конгресса в 1977 году, он провозгласил, что сексуальная эксплуатация детей "хуже, чем убийство".

В течение последующих нескольких лет представители полиции свидетельствовали, что детская порнография была не более чем мелким бизнесом для узкого круга ценителей даже в период ее скромного расцвета в конце 1960-х годов. Первый же закон смел с улиц то небольшое детское порно, которое на них еще оставалось, и в начале 1980-х годов глава Подразделения общественной морали Полицейского управления Нью-Йорка объявил, что оно стало "такой же редкостью, как свитки Мертвого моря". Те 1,2 миллиона, которые Дензен-Гербер впоследствии еще удвоила, оказались произвольной цифрой, полученной путем учетверения ни на чем не основанной оценки, "подкинутой" одним автором с целью посмотреть на реакцию правоохранительного сообщества (Lawrence Stanley, "The Child Porn Myth," *Cardozo Arts and Entertainment Law Journal* 7 (1989): 295-358). Дензен-Гербер вскоре исчезла из поля зрения публики, попав под подозрение в растрате государственных средств и применении насильственных и унижающих пациентов методов в "Одисси-хаусе". Мартин позже был снят со своего поста в полицейском ведомстве за оказание давления на свидетелей и фальсификацию улик.

Но свою работу они сделали. Пресса продолжала тиражировать их фальшивую статистику. Не прошло и года после первой пресс-конференции Дензен-Гербер, как Конгресс принял Акт о защите детей от сексуальной эксплуатации 1977 г., запрещающий производство и коммерческое распространение непристойных изображений детей младше шестнадцати лет. Одной из первых потерь стала "Покажи мне!" - книга сексуального образования для детей до подросткового возраста, содержащая откровенные фотографии детей в возрасте лет от шести до тринадцати, занимающихся сексуальными играми. Когда книга была опубликована в 1970 году, ее просто осыпали наградами. В соответствии с новыми ограничениями на "детскую порнографию", ее стало незаконно публиковать, распространять, а позже даже просто владеть ею где-либо на территории Соединенных Штатов.

В 1979 году шестилетний белый мальчик из семьи среднего класса по имени Этан Патц повернул за угол по дороге в школу и пропал навсегда. Двумя годами позже голова шестилетнего Адама Уолша была найдена плавающей в одном из флоридских каналов. Федеральные и частные средства стали стекаться на помощь новоозначенной жертве: Пропавшему и Эксплуатируемому Ребенку. Вскоре сотни "пропавших детей" заклинали своих потенциальных спасителей с упаковок, содержащих квинтэссенцию материнства - молоко. Местные полицейские управления создавали спецподразделения по поиску детей, которые распространяли буклеты и рассылали инструкторов и лекторов. У родителей и воспитателей оставалось все меньше сомнений: растлитель-похититель - он везде.

Но самым пугающим было то, что он спрятался в том месте, куда самых беззащитных детей поместили для того, чтобы за ними ухаживали и оберегали: в детском саду. И заручился там поддержкой всемогущего союзника: ни больше ни меньше, самого Сатаны. В 1984 году СМИ затаив дыхание следили за тем, как на юге Калифорнии разворачивался суд над Пегги Баки, пожилой хозяйкой детского сада "Макмартин", и ее сыном Рэем, всеми любимым воспитателем. Трехлетние дети обвиняли их обоих в причудливых пытках - в изнасиловании в задний проход при помощи ножей и карандашей, в нанесении увечий животным, в том, что они занимались оральным сексом с клоунами - в "сатанистском ритуальном сексуальном использовании", которое якобы совершалось среди бела дня в классных комнатах при открытых дверях, куда другие воспитатели и родители могли зайти в любой момент.

Ни один ребенок ни о чем подобном и не заикался, пока их не "опросили" Ки Макфарлейн и ее команда социальных работников в Международном детском институте в Лос-Анджелесе, и на видеозаписях этих "опросов" видно, как смущенных и сопротивляющихся малышей их "интервьюеры" грубо подталкивают к тому, чтобы поддакивать скармливаемым ими самими историям. И неудивительно, что в конце этого самого долгого и самого дорогостоящего в истории США уголовного процесса именно эти видеозаписи позволили полностью оправдать семью Баки. Но похожие истории стали всплывать со зловещей регулярностью по всей стране. В 1994 году государственный Национальный центр по дурному обращению с детьми

и неисполнению родительских обязанностей сообщил результаты проводившегося в течение пяти лет анализа рапортов, поданных одиннадцатью тысячами психиатров и полицейских по всей стране, о более чем двенадцати тысячах случаях обвинений в сатанистском ритуальном сексуальном использовании. Это широкомасштабное расследование не нашло "ни единого случая, в котором имелись бы четкие улики, подтверждающие обвинения", ни единого снимка, ни негатива, ни одного из тех бесчисленных рулонов пленки с детской порнографией, которые якобы производили эти извращенцы. Тем не менее новые обвинения, ничуть не более обоснованные, продолжали поступать. Последний случай был в Уэначи, штат Вашингтон, когда в 1995 году сорока трем человекам были предъявлены обвинения в примерно двадцати девяти тысячах актов сексуального использования шестидесяти детей, все без единой улики. В начале нового тысячелетия многие невинные люди продолжают томиться за решеткой.

Дебби Нейтан и Майкл Снедекер пишут в своей книге "Молчание Сатаны", что страшилки детсадовского "сатанистского сексуального использования" питаются народными тревогами по поводу матерей, работающих вне дома, оставляющих детей на попечение посторонних людей. Но форму и вес этим страхам придало определенное мировоззрение, привязанное к конкретной политической "повестке дня". Это была "повестка дня" религиозных правых (которые верят, что Сатана в буквальном смысле слова ходит по земле), осторожно поддержанная сексуально консервативными феминистками - продолжение того альянса, который начался на Комиссии Миса в 1986 году.

Как подчеркивает антрополог Кэроль Вэнс, Комиссия Миса не была расположена рекомендовать политику, продвигаемую феминистками, как например помощь женщинам, желающим уйти от жестоких мужей и любовников, или юридическую защиту от насилия и экономической эксплуатации для работниц сексуальных услуг. Вместо этого она выстроила широкую федеральную сеть, предназначенную для вылавливания и уголовного наказания символических врагов ее собственных представлений о морали - то есть торговцев непристойностями. Но ее наступление на взрослую порнографию не встретило живой поддержки на местах. Несколько муниципальных антипорнографических постановлений, разработанных ее главными феминистскими союзницами Кэтрин Маккиннон и Андреа Дворкин, к тому времени уже были отменены судами как неконституционные. Прокуроры отказывались предъявлять обвинения в непристойности производителям материалов "для взрослых", потому что выигрывать такие дела стало почти невозможно.

Правые организации, которые долго бились за то, чтобы эротика подвергалась цензуре, были полны решимости не сдаваться. Проявив дальновидность, они бросили свою многострадальную девичью-"приличие" и подняли знамя защиты "семьи и детей". "Граждане за приличие через закон" (организация, основанная в 1957 году Чарльзом Китингом, который позже был осужден за мошенничество в особо крупных размерах, этим образцом приличия через закон) стали "Детским юридическим фондом", который впоследствии трансформировался в "Национальный юридический фонд семьи". "Национальная федерация за приличие" преподобного Дональда Уайлдмона превратилась в "Американскую семейную ассоциацию", а от "Национальной коалиции против порнографии" ответвился "Национальный юридический центр для детей и семей". Национальное управление по борьбе с непристойностью при Министерстве юстиции, созданное после Комиссии Миса, перекрестили в Секцию по эксплуатации детей и непристойности. Широкий, толстый враг "порнография" начал постепенно исчезать из поля зрения. Теперь пропаганда как антипорнографических феминисток, так и консерваторов стала концентрироваться на более утонченном "хардкоре" и более жуткой "детской порнографии".

И где же был этот новый порнограф? Дензен-Гербер с Мартином не поймали его на городских улицах. Ушел он от погони и в пригородных детских садах. Теперь, как утверждали его преследователи, беглец нашел способ быть везде и нигде. Он был в Интернете, затерявшись в толпах обменивающихся фотками с сексующимися детьми, подкрадываясь к детям в чатах и заманивая их в реальные мотели и моллы. Теперь, когда гостиную от диких киберпросторов отделял всего лишь модем, дом перестал быть безопасным местом. Как

протрубила обложка одного из журналов, посвященных "семейным ценностям", "КИБЕРПОРНО ПРОКРАЛОСЬ В ДОМ".

Запутавшиеся в Паутине

Вопреки гордым заявлениям ФБР, многие юристы и журналисты, включая меня, подозревают, что в Сети детский порнограф остался тем же мелким лавочником, которым он был на Таймс-сквер. Брюс Селкрэйг, правительственный следователь, назначенный в 1980-х годах для выяснения истинных масштабов детской порнографии в стране, а в 1996 году вышедший в Сеть в качестве журналиста, чтобы проверить ситуацию заново, пришел к тому же выводу. В дебатах о свободе слова в Интернете, пишет он, распространение детского порно представляет собой "утку размером со страуса".

Любители и полицейские признают, что практически все сексуально откровенные изображения детей, находящиеся в электронном обороте, - это все та же стопка желтеющих страниц, которую можно было найти на задних полках порномагазинов, только оцифрованная. Эти снимки сделаны, как правило, от двадцати до пятидесяти лет назад за океаном, плохо отсканированы и большей частью довольно целомудренны. Вероятно, именно поэтому федеральные агенты почти никогда не показывают "контрабанду" журналистам. Но когда мне удалось-таки взглянуть на "спецхран", скачанный Доном Хайком, заведующим национальной программой по детской порнографии в Таможенной службе США, в 1995 году, я была разочарована. Насчитав более пятидесяти фотографий и сбившись со счета, я нашла всего три, которые можно было бы назвать порнографическими: два снимка мастурбирующих подростков и один, на котором изображена полуодетая двенадцатилетняя, раздвинувшая ноги в позиции, более похожей на шпагат, нежели на порнографический "крупный план". Остальные были вроде пятнадцатилетней с короткой стрижкой в стиле 1950-х и улыбкой, как на тогдашней рекламе зубной пасты Irapa, сидящей прямо, обнаженной, но скромной, или двух белобрыхых шестилеток в одних трусиках верхом на велосипедах.

Так когда эти старые картинки обнаруживаются в Сети, кто их туда помещает? Адвокат Лоренс Стэнли, автор публикации в Benjamin A. Cardozo Law Review, которую многие считают самым полным и основательным исследованием детской порнографии 1980-х годов, пришел к выводу, что порнографы эти - почти исключительно сами копы. В 1990 году на полицейском семинаре в южной Калифорнии Р. "Тоби" Тайлер из Полицейского управления Лос-Анджелеса гордо заявил именно об этом. Государство разбило всех конкурентов, сказал он; теперь правоохранительные органы были единственным воспроизводителем и распространителем детской порнографии. Практически вся реклама, распространение и продажа лицам, рассматриваемым в качестве потенциальных нарушителей закона, осуществлялась федеральными властями в операциях "ловли на живца" (англ. sting operations) против тех, кто продемонстрировал (например своим членством в NAMBLA) то, что агенты считают предрасположенностью к совершению преступлений. Настойчивые попытки навязать товар "клиенту" были обычно многократными и не прекращались до тех пор, пока он не клевал на приманку. "Иными словами, никаких преступлений не было, пока государству не удавалось соблазнить людей на их совершение", - пишет Стэнли.

Если, как утверждает полиция, просмотр детского порно вдохновляет растлителей на то, чтобы выходить на улицу и соблазнять живых детей, почему федералы занимаются тем, что напоминают раздачу спичек поджигателям? Их ответ: чтобы остановить растлителей, пока они не нанесли очередной удар. Газетные сообщения об арестах все следуют одному лекалу: федеральный агент притворяется несовершеннолетним в онлайн, намекает на свое желание устроить свидание в реале либо соглашается на такое свидание, если его предлагает "клиент", и арестовывает незадачливого "растлителя", когда тот является на назначенную встречу. Но не менее логичным объяснением почти исключительному использованию "ловли на живца" для ареста "склонных к преступлениям" является то, что правительство, раздосадованное редкостью тех преступлений, которые оно само объявило эпидемией и вокруг которых выстроены гигантские сети правоохранительных операций, вынуждено их с(т)имулировать, чтобы оправдывать собственную деятельность.

Та же логика объясняет и почему объемы законодательства "против детской порнографии" растут год от года. Началось все с относительно простой криминализации производства и распространения, а дошло до простого обладания, а потом и до просмотра детской эротики у кого-либо в гостях. Возраст "ребенка" был увеличен с шестнадцати до восемнадцати лет, а порнографией были объявлены изображения, на которых нет ни голых детей, ни детей, делающих что-либо сексуальное, ни, по Акту о предотвращении детской порнографии 1996 г., вообще детей. Законодательство, которое изначально оправдывалось как средство защиты реальных детей, со временем разрослось в криминализацию сексуальных изображений любых людей, которые *предназначены выглядеть несовершеннолетними*. Это может быть, например, юно выглядящая взрослая азиатка, сладострастно сосущая леденец. Или сгенерированный на компьютере образ, созданный путем манипуляции пикселями, при которой взрослый "трансформируется" в ребенка либо ребенок начинает выглядеть так, будто он совершает сексуальный акт (на момент написания книги, т.е. в 2001 г., Акт 1996 г. назначен к слушанию Верховным судом на предмет проверки его конституционности - прим. автора).

Такие законопроекты почти неизменно вносятся консервативными республиканцами при поддержке крайне правых и фундаменталистских христианских организаций и антипорнографических феминисток. И, хотя некоторые законодатели в конфиденциальных беседах выражают сомнения по поводу того, что эти предложения защищают детей, они неостановимы. "Когда Сенат голосует "по вопросам детей", они все на одной стороне, - сказал мне в 1989 году Патрик Труман, лоббист Американской ассоциации семьи и бывший глава Национальной службы по борьбе с непристойностью при Министерстве юстиции. - Нам удалось провести самый жесткий закон в 1988 году - Акт о защите детей и принудительных мерах, потому что в нем были слова *эксплуатация детей*, хотя Большая его часть относилась к взрослой порнографии". Так помогают ли все эти государственные усилия поимке опасных педофилов?

С 1995 года действует оперативное подразделение ФБР по борьбе с детской порнографией под названием "Невинные образы", которое обучает специальных агентов на выделенные Конгрессом целевые ассигнования размером в десять миллионов долларов для отлавливания педофилов в Сети. С 1996 по 2000 год подразделение вело 2609 дел. Но лишь 20 процентов из них закончились обвинительными актами, и всего 17 процентов - обвинительными приговорами. Представитель ФБР Питер Гуллотта сообщил Джеймсу Кинкейду, что с 1995 года "Невинные образы" позволили добиться осуждения 439 человек. Как нашли этих преступников? "Это как рыбная ловля в пруду, полном голодной рыбы, - сказал Гуллотта Кинкейду. - Стоит только закинуть удочку с живой приманкой, как сразу клюет". Все это очень похоже на "подставу" (особенно для журналистов, подобных мне, которым довелось пообщаться с "рыбой" лично) (в США "подстава", т.е. доказательства, полученные путем провоцирования подозреваемого или "потенциального преступника", обычно считаются недопустимыми - прим. перев.) - та же тактика, которую описал Стэнли в 1980-х годах, только "проагрессивная" с "улиточной" почты (англ. snail mail - обычная, "бумажная" почта, т.е. медленная, как улитка) на электронную.

На данный момент самого громкого успеха федеральное правительство достигло в августе 2001 года, когда были арестованы два владельца компании Landslide Productions, Inc. и сто ее потребителей в городе Форт-Уэрт, штат Техас. Landslide содержала прибыльный порнографический веб-сайт, который предлагал, помимо взрослой порнографии, ссылки на зарубежные сайты, содержащие то, что по законам США считается детской порнографией. Владельцы были арестованы за обладание и распространение, а не за производство детской порнографии, подписчики - за обладание. Хотя один из этих подписчиков был идентифицирован как "зарегистрированный сексуальный преступник", а еще один - как имевший четыре судимости за "сексуальные преступления", ни один из арестованных в этой операции не обвинялся в злоупотреблении реальными детьми. Чтобы "выудить" любителей детского порно из более чем 250 тысяч большей частью законопослушных подписчиков, правительство рекламировало продажу детско-порнографических видеокассет и сидиромов от имени компании, контроль над которой оно тайно захватило в 1999 году. Когда человек делал заказ, ему высылались посылка, а при получении его арестовывали. Хотя для

закрытия одного сайта и ареста сотни потребителей потребовались четыре года и усилия несчетных агентов Министерства юстиции, а также тридцати местных оперативных подразделений по всей стране, финансируемых из федерального бюджета, генеральный инспектор Почтовой службы США Кеннет Уивер объявил, что Landslide - это "верхушка айсберга" в том, что "Нью-Йорк таймс" охарактеризовала своими словами как "растущий рынок детской порнографии в Интернете". Эта история была на первых полосах газет во всех регионах, где я только не проверяла, а "Нью-Йорк таймс" поместила ее на место, зарезервированное для самой важной новости дня - в правую верхнюю колонку.

Были ли эти подписчики предрасположены к совершению преступлений, кроме незаконного акта смотрения на образы несовершеннолетних, занимающихся или не занимающихся сексом? Гуллотта в беседе с Кинкейдом сообщил ему, что типичный представитель "улова" не имеет прежних судимостей. Из таких дел почти ни одно не доходит до судебного процесса; обвиняемые подписывают признательные сделки. Правительство называет это лишним свидетельством их вины. Но, опять-таки, при ближайшем рассмотрении таких случаев (на самом деле, большинства обвинений в "злоупотреблении детьми") оказывается, что на признательные сделки обвиняемые часто идут по совету адвокатов, чтобы исключить вероятность осуждения на длительные сроки, а также чтобы минимизировать ту личную катастрофу, которую представляет собой публичное разбирательство по таким делам для обвиняемых, даже если оно оканчивается оправдательным приговором.

К сожалению, признательные сделки, из-за отсутствия в них подробных письменных показаний, судебных допросов и версий событий, изложенных стороной защиты, делают почти невозможным определить, в чем человек на самом деле обвинялся, не говоря уже о том, делал ли когда-либо то, в чем "признался" (по американским законам, "признание" в признательной сделке может быть в любом уголовно наказуемом деянии, лишь бы было на то согласие прокурора и обвиняемого и одобрение судьи - прим. перев.). Федеральная статистика картину не проясняет. Как пишет Кинкейд, ни ФБР, ни Национальный центр пропавших и эксплуатируемых детей теперь не ведут статистику детей, реально "заманенных в опасность" в результате онлайн-знакомств, то есть того "исхода", страх перед которым и мотивирует все эти операции. А вот журналистов, мягко говоря, недостаточные данные очень даже обескураживают. В 1995 году, когда я освещала первый случай вынесения обвинительного приговора за обладание "похотливыми" видеозаписями несовершеннолетних, которые не были ни обнаженными, ни делающими что-либо сексуальное, я прибыла в Министерство юстиции в Вашингтоне, только для того чтобы узнать, что мой запланированный просмотр улик отменен, потому что... ну да, видеозаписи были незаконными. Если потерпевшие предстанут моим глазам, объяснил мне агент, это причинит им преступный вред (позже я узнала, что эти записи уже были частично показаны по Court TV [общедоступный телеканал, посвященный судебным процессам и вопросам правосудия - прим. перев.]). Проведя еще шесть часов за рулем, я добралась до западной Пенсильвании, где секретарь суда усадил меня перед телевизором с видеомagneфоном и я, зевая, просмотрела несколько часов плохо отснятого видео, уровень "похотливости" которого был не выше, чем у какой-нибудь рекламы туров на Багамы. Похожие ограничения были наложены и на освещение "дела Landslide". Как писала "Нью-Йорк таймс", "власти не раскрывают реальные адреса [зарубежных] сайтов", якобы предлагавших детскую порнографию, а единственные "модели", о которых сообщалось, были братом и сестрой из Великобритании, в возрасте шесть и восемь лет соответственно. При этом не уточнялось, были ли эти дети сняты в сексуальных сценах, а журналистам, понятное дело, не предоставили возможности убедиться в чем-либо воочию. В 1999 году ветеран журналистики Лэрри Мэтьюз, проработавший тридцать два года на радио, был приговорен к полутора годам федеральной тюрьмы за то, что получил и переслал детское порнографическое изображение в процессе журналистского расследования чатов, используемых для обмена детской порнографией. Что примечательно, в поле зрения прокуроров он попал потому, что сам донес о том, что назвал "ужасными вещами", - о постинге, оставленном матерью, похоже на то, предлагающей своих детей взрослым для секса.

Статистика, которую мне предоставили в Национальном центре пропавших и эксплуатируемых детей в 1996 году, показывает, что столь пугающая многих возможность,

которая и мотивирует всю эту деятельность, редко становится реальностью. Между 1994 и 1996 годами всего лишь двадцать три несовершеннолетних были соблазнены их взрослыми ухажерами на то, чтобы прийти к ним в моллы и гостиничные номера, ни один из этих "детей" не был младше тринадцати лет, а большинство были как минимум на пару лет старше. Опрос, проведенный в 2001 году Университетом штата Нью-Гемпшир, выявил, что почти каждый пятый из лиц в возрасте от десяти до семнадцати лет, выходящих в онлайн, получал сексуальные предложения от "незнакомцев", среди которых могли быть и взрослые, процент которых не уточняется. Тем не менее этому опыту вряд ли можно приписать какую-то широко распространенную вредоносность. Три четверти детей и подростков сказали, что эти предложения не доставили им никаких неприятностей. И, как пишут исследователи, "ни один несовершеннолетний в данной выборке не подвергся реальному сексуальному нападению в результате контактов по Интернету" (по законам большинства штатов, как "сексуальное нападение" квалифицируется любой сексуальный контакт с лицом, не достигшим возраста согласия данного штата; в данном исследовании имелось в виду именно это - прим. перев.). Что же касается педофилов, пойманных с поличным, насколько могу судить, известен всего один такой случай: печально известный клуб "Орхидея", члены которого по очереди занимались сексом с ребенком перед видеокамерами, транслирующими все это в реальном времени их собратям. Этот акт сексуального насилия был преступлением и до законов о детской порнографии, остается им и должен оставаться.

Тем временем местные власти с диким энтузиазмом ринулись в ширящиеся юридические определения "грязи", в результате чего все больше граждан оказываются не в ладах с законом из-за того, что производят и хранят в подлинном смысле слова невинные образы. В начале 1990-х годов генеральный прокурор штата Небраска приказал местному полицейскому сжечь девять тысяч слайдов с изображениями обнаженных детей (на каждом слайде было по одному ребенку, отличному от изображенных на остальных слайдах), собранных психологом Уильямом Фэрраллом для использования совместно с фаллоплетизмографом - прибором для измерения полового возбуждения. Психологи использовали показ этих картинок в сочетании с фаллоплетизмографическими измерениями для оценки успехов лечения тысяч осужденных за сексуальные преступления по всей стране. После принятия Акта о предотвращении детской порнографии в 1996 году полиция штата Оклахома конфисковала из пункта видеопроката копию фильма "Жестяной барабан", снятого по роману Гюнтера Грасса, удостоенному Нобелевской премии, за то, что в нем содержится совсем не откровенная сцена, в которой мужчина, отказывающийся вырастать из своего детского тела (чтобы не участвовать в фашизме), занимается с взрослой женщиной тем, что некоторые интерпретируют как оральный секс. В 1990-х годах стали множиться случаи, когда служащие пунктов проявки фотопленки, проинструктированные сообщать в полицию о всех "подозрительных" снимках, "сигнализируют" о таких классических фотках "на память", как мама в ванне с ребенком, что приводит к арестам фотографов, а то и того хуже. В Нью-Йорке служащие фирмы Fotomat донесли об обнаженных снимках шестилетнего мальчика, сделанных его отцом - студентом-фотографом. Парня увезли из дома в наручниках, а его детей прямо в пижамах срочно госпитализировали в целях диагностирования "растления". Никаких признаков растления не нашли, и судить парня не стали, но запретили ему появляться у себя дома в течение двух месяцев и видаться со своей младшей дочерью. Синтию Стюарт, мать из Оберлина, штат Огайо, "замели", когда служащий пункта проявки усмотрел "порнографию" в снимке ее восьмилетней дочери, купающейся в ванне. Стюарт удалось избежать уголовного преследования (и потенциальной тюрьмы) только тогда, когда она согласилась публично заявить, что два из ее снимков можно интерпретировать как "сексуально ориентированные", и позволила прокурорам их уничтожить; также она согласилась пройти шестимесячный курс психотерапии. Хотя она находит унижительное лицемерие всех этих "мероприятий" омерзительным, она пошла на них, чтобы спасти дочь от травмы уголовного процесса.

Ложная безопасность

Поборники гражданских свобод называют все эти законы неконституционными, потому что в них отсутствует правовая определенность: разумный человек не может знать заранее, нарушает он их или нет. Они оттянули миллионы долларов налогоплательщиков от реальной

заботы о детях и создали атмосферу пуританской слежки за всеми гражданами страны во имя сомнительной цели поимки небольшого числа людей, которые, предоставленные самим себе, возможно, не стали бы делать ничего более вредного для несовершеннолетних, чем мастурбация на картинки детей в купальниках.

Но законодательное наследие педофильской паники не только подрывает права, гарантированные Первой поправкой. Для американцев, осужденных за любые сексуальные преступления, законодательство, принятое в 1990-х годах, не без оснований можно считать жестоким и необычным, и при этом бессрочным, наказанием ("жестокое и необычное" наказание запрещает Восьмая поправка к Конституции США - прим. перев.). К 1999 году, по данным Центра пропавших и эксплуатируемых детей, все пятьдесят штатов приняли "законы Меган", требующие регистрации освобожденных условно-досрочно сексуальных преступников и уведомления населения; более жесткие законы дают штатам больше прав на федеральные субсидии для правоохранительных органов. Во многих штатах такие осужденные обязаны регистрироваться независимо от природы совершенных ими преступлений. В 2001 году судья в Корпус-Кристи, штат Техас, приказал двадцати одному "регистранту" вывесить на своих домах и автомобилях знаки с надписью "ОПАСНОСТЬ: Зарегистрированный Сексуальный Преступник".

Игнорируя индивидуальные различия, политики привычно называют бывших осужденных сексуальными хищниками - выражением, внушающим мысль о ненасытном аппетите и острых зубах. Но в результате эскалации риторики в 1990-х годах даже слово "хищник" стало казаться недостаточно пугающим. Следуя примеру, поданному штатом Канзас в 1994 году, по стране расползаются законы о "сексуально-насильственных хищниках", позволяющие помещать на неопределенное время в психиатрические заведения [тюремного типа] тех осужденных за сексуальные преступления, которые отбыли свое наказание, но почитаются склонными совершить новое преступление. Чтобы получить статус "сексуально-насильственного хищника", заключенный должен проявить "психическую ненормальность" или "расстройство личности" - диагнозы приблизительно столь же точные, как "настоящий псих", и столь же распространенные, как "хроническое переедание". Они весьма ярко напоминают мне о "не поддающихся контролю желаниях" 1950-х годов.

Люди, работающие с сексуальными преступниками, предупреждают, что такая политика не может принести добра, даже наоборот, может приносить зло. Начать хотя бы с того, что риск совершения повторных преступлений у лиц, осужденных за сексуальные преступления, гораздо ниже, чем у отбывших наказание за другие виды преступлений. Тем не менее ярость против сексуальных преступников зачастую гораздо сильнее, и законы об уведомлении населения служат фокусированию этой ярости. С самого своего возникновения подобные программы провоцируют издевательства и линчевание, что только усиливает изоляцию бывших заключенных, делает их ко всему безразличными, приводя к эффекту, прямо противоположному желаемому. "Вы исключаете человека из общины, у него нет друзей, он ненавидит сам себя, и вы подкрепляете те самые проблемы, которые как раз и способствуют сексуальному злоупотреблению, - сказал мне Роберт Фриман-Лонго, бывший директор программы "Более безопасное общество" и президент Ассоциации лечения лиц, совершивших сексуальное злоупотребление. - Вы делаете из него лучшего сексуального преступника".

Некоторые повадки уголовной юстиции, помимо всего прочего, похоже, и не имеют никакой иной мотивации, кроме как держать публику "на взводе". Летом 1997 года Министерство юстиции Калифорнии устраивало эдакие "аттракционы" на штатных ярмарках, на которых оно вывешивало светодиодные экраны, бесконечно прокручивающие список зарегистрированных сексуальных преступников штата с указанием их адресов - шестьдесят четыре тысячи человек. Чего шокированные посетители не знали - так это того, что, так как в Калифорнии регистрации подлежат все, кто имел судимость за сексуальные преступления начиная аж с 1940-х годов, многие из "хищников" в этом списке были осуждены за мелкие проступки без жертв вроде пользования услугами проституток или предложения секса мужчине в гейском баре. Том Мастерс, директор программы исправительного лечения в Государственной больнице штата Орегон, описал подобную "политическую линию"

достаточно лаконично: "Значительная часть уголовного законодательства является функцией политики, а не реабилитации или общественной безопасности".

И функцией общественного здравого рассудка не является, добавлю я. В 1984 году, в начале мании "сексуального законодательства", авторы финального доклада по проводившимся сенатором Уильямом Ротом Слушаниям по детской порнографии и педофилии подметили то, что они назвали парадоксом. "Хорошие законы часто дают новые аресты, - писали они, - что создает впечатление необходимости большего количества законов для обуздания того, что публика воспринимает как рост преступности". Тем не менее члены комиссии порекомендовали принять еще больше законов, которые создали еще больше бюрократии, еще больше агентов, еще больше расследований и еще больше арестов. А это, по словам Эрика Лотке из Национального центра заведений и альтернатив, создало еще один парадокс: у публики возникло ложное ощущение большей безопасности и в то же время большего страха.

В своей серии комиксов "К лучшему ли, к худшему" Линн Джонстон описала ту печаль и ощущение тупика, которые могут сопровождать эти противоречивые чувства. В одном из ее комиксов конца 1990-х годов отец по имени Джон мило беседует с пятилетней девочкой в супермаркете. Ее охваченная паникой мать несется по проходу. "ВАНЕССА!!! - кричит она. - Не разговаривай с этим мужчиной... мы не знаем, кто он такой!!!" Дома жена Джона пытается его утешить, в то время как он держит на коленях собственного ребенка. "Она просто защищала своего ребенка, дорогой", - говорит Элли. "Я знаю, - отвечает Джон. - Просто иногда я ненавижу мир, в котором мы живем". Читателю оставлялось домысливать, что именно в мире ненавидел этот архетипический родитель из поколения рожденных после войны - педофилов или паранойю.

Мать Ванессы делала "правильную вещь", как сказал бы местный полицейский, проводя инструктаж в детском саду или школе. Но, с точки зрения интересов ребенка, это была неправильная вещь. Паника по поводу взросло-детского секса, как и паника по любому поводу, порождает меньше правильных решений, чем неправильных, а неправильные решения могут быть фантастически неправильными. Решение генпрокурора Джанет Рино взять штурмом секту "Ветвь Давидова" в городе Уэйко, штат Техас, было основано в том числе на слухах о том, что на ее территории происходило "злоупотребление детьми". В возникшем в результате штурма пожаре погибли восемьдесят человек, в том числе двадцать четыре ребенка.

Попытки укрепить нуклеарную семью (семью в узком смысле, т.е. состоящую из родителей и детей - прим. перев.) путем разжигания подозрительности к незнакомцам раздробляют единое сообщество взрослых и детей; это может приводить к тому, что дети остаются беззащитными перед внутрисемейным насилием. Проецирование сексуальной угрозы на картонного монстра и вбухивание уймы денег и усилий в его покорение отвлекают взрослых от того, чтобы учить детей тонким навыкам любви, основанной на доверии и в то же время на умении разбираться в людях. В конечном счете дети становятся более уязвимы у себя дома и в мире.

3. Терапия

"Дети, которые растлевают", и тирания нормального

Хотя этот тип поведения совершенно нормален, он социально неприемлем.

Д-р Лоренс Кутнер об "играх в доктора", "Parents Magazine" ["Журнал для родителей"] (1994 год)

Когда я познакомилась с ним в конце 1996 года, Тони Даймонд был несчастливым мальчиком. Милый и послушный в один момент, в следующий он мог размахивать руками и ногами от ярости или погрузиться в тяжелые раздумья от отчаяния. Его успехи в учебе были замечательны; он много читал и писал незаурядные сочинения. Но у Тони были и неприятности со школой: он дрался и не слушался учителей и за свою короткую жизнь успел сменить их несколько. Как и другие мальчики его возраста - тогда ему было двенадцать, - любил "Звездные войны", бейсбол и животных. Дома у него был целый маленький зверинец: хомяк по кличке Непоседа, рыбка, кролик и говорливый попугай.

Тони не всегда хорошо вел себя со своей сестрой Джессикой, которая была на год младше, белокурая и пухленькая, в то время как он был темненький и стройный; она звезд с неба не хватала, а он был отличник. Их взаимоотношения производили впечатление чего-то яростного - яростной нежности, но и яростного антагонизма. Одним вечером они сидели, прижавшись друг к другу, тихо играли. Другой раз она забралась в машину, а он шлепнул ее ни с того ни с его.

В ноябре 1993 года Службы защиты детей графства Сан-Диего объявили Тони Даймонда источником страшной опасности для его сестры. Джессика сказала кому-то в школе, что ее брат "трогал ее спереди и сзади". Будучи обязана, в соответствии с Законом о предотвращении злоупотребления детьми и лечении 1974 года, сообщать о любых подозрениях на "злоупотребление детьми", даже совершенное детьми же, школа позвонила по телефону Горячей линии злоупотребления детьми. Социальный работник, проводивший первоначальный опрос "пострадавшей семьи", выявил предшествующие преступления Тони: в начальной школе он говорил "сексуальные слова" и заглядывал девочкам под юбки. В четырехлетнем возрасте лег на Джессику в ванне.

Основываясь исключительно на показаниях Джессики (за неимением других улик), суд по делам несовершеннолетних предъявил Тони обвинение в "сексуальном злоупотреблении" "несовершеннолетней" Джессикой, "включая, но не ограничиваясь, прикосновение к вагинальной и анальной областям ... помещение карандаша в ягодицы" (имелось в виду, что он тыкал карандашом по ее ягодицам), а также в том, что он угрожал обидеть ее, если она "разгласит растление". Джессика не раз меняла свои показания в течение последующих недель и месяцев, и что между ними на самом деле происходило, нельзя сказать наверняка.

Тем не менее интервьюер вынес уверенную оценку: "Из предварительной проверки дела становится ясно, что Тони - начинающий сексуальный преступник". Тони было девять лет.

Тони было суждено стать одной из историй болезни в новой "эпидемии" - "сексуализации" детей; одним из нового класса пациентов - "дети с проблемами сексуального поведения"; и одним из новой категории уголовных преступников - "дети, которые растлевают". Хотя некоторые несовершеннолетние, особенно юноши-подростки, действительно совершают настоящие сексуальные посягательства, даже насилуют других детей, "дети, которые растлевают", - совершенно иного порядка. Начиная с двухлетнего возраста им ставят диагнозы и лечат, а иногда и подвергают уголовному наказанию, за "несоответствующее" поведение, как например физические ласки, помещение предметов в гениталии или даже просто за их обнажение, показывание попы ("moonie") или "навязчивую" мастурбацию. Из того, что мне рассказывали с тех пор, как я начала освещать случай Тони, у меня сложилось впечатление, что сексуальные игры между братьями и сестрами рассматриваются как самая серьезная и в то же время, как ни иронично это звучит, самая распространенная разновидность весьма серьезной и совсем не редкой проблемы.

Растлевающих детей обвиняют в принуждении, хотя "жертва" часто охотно соглашается, получает удовольствие или не замечает "злоупотребления". И, хотя некоторые такие дети агрессивны в других отношениях - дерутся, воруют, устраивают поджоги, их "лечащие врачи" исходят из предположения, что сексуальное выражение эмоций действием представляет собой поведение совершенно иного, гораздо худшего порядка. Таким образом, имея мало подтверждений своей правоты, новая группа самозванных экспертов смогла убедить детозащитные ведомства в том, что каждому несовершеннолетнему с "проблемами

сексуального поведения" требуется терапия в целях профилактики "сексуальных преступлений".

Хотя события, постигшие Тони и его семью, кому-то могут показаться крайностью, они вовсе не уникальны. Освещая случай Даймондов для журнала Mother Jones, в Сан-Диего я познакомилась с Брайаном Флинном, которому в 1993 году, когда ему было четырнадцать, предъявили обвинение в непристойных и развратных действиях и оральной копуляции с несовершеннолетней - в фелониях (в США фелония - серьезное преступление, т.е. наказуемое лишением свободы на срок более года или смертной казнью - прим. перев.), караемых тремя и восемью годами тюрьмы соответственно. Его преступление, само событие которого отрицали оба предполагаемых участника, состояло в том, что он попросил - или, в зависимости от того, кто рассказывал эту историю и когда, позволил - своей десятилетней сестре лизнуть его пенис. После долгих уговоров Брайан признал себя виновным по первому пункту обвинения, за что провел более двух лет в карательных заведениях штата. Когда он ушел в самоволку с одного из мест принудительного пребывания, власти графства выслали на его розыски полицейский спецназ: полдюжины патрульных машин с громкоговорителями, предупреждающими соседей остерегаться "опасного сексуального преступника", и вертолет, на бреющем полете прочесывающий поросшие кустарником и деревьями приусадебные участки в окрестностях дома его отца. Брайан вылез по склону на возвышенность; один из полицейских бросился за ним в погоню с пистолетом в руке. Беглец перепрыгнул через забор и исчез в ночи. В конце концов его мать с тяжелым сердцем выдала его властям. "Я боялась, что он допрыгается до того, что его убьют", - сказала она мне.

После того как вышел мой материал в Mother Jones, я стала читать в газетах все больше и больше историй, подобных историям Тони и Брайана. В 1996 году в Манчестере, штат Нью-Гемпшир, десятилетний мальчик "прикоснулся [к двум девочкам] сексуальным образом" (он пытался схватить их на школьной игровой площадке), за что ему были предъявлены два пункта обвинения в изнасиловании. В Нью-Джерси неврологически ослабленный двенадцатилетний мальчик пощупал своего восьмилетнего сводного брата в ванне, за что был приговорен к регистрации по "закону Меган" - это клеймо может остаться на нем на всю жизнь. В 1999 году газеты на короткое время прямо-таки ошестинились сообщениями о "сети детского секса" в Йорк-Хейвене, штат Пенсильвания, в которой "дети начиная с семилетнего возраста ... учили друг друга заниматься сексом". Одиннадцатилетняя девочка была признана виновной в изнасиловании.

Мои собственные попытки разобраться в вопросе заставили меня с подозрением отнестись к этим сообщениям, и мои сомнения только усиливались, когда я получала отчаянные телефонные звонки от родителей, бабушек и дедушек, детям и внукам которых предъявлялись обвинения в похожих ситуациях. В 1999 году мать-одиночка с Лонг-Айленда (город Нью-Йорк) разыскала меня, чтобы попросить помочь ее тринадцатилетнему сыну Адаму, которого обвиняли в "сексуальном трении" о его одиннадцатилетнюю сестру (перед тем она похвасталась своим сексуальным опытом перед подругами, а потом подбила их на то, чтобы настучать на него школьному психологу). Адама арестовали, надели наручники, пригрозили, что будут судить по обвинению в фелонии как взрослого, а потом поместили в суровое католическое заведение (по вероисповеданию он был иудей) для принудительного прохождения программы реабилитации несовершеннолетних сексуальных преступников, откуда через год выпустили условно-досрочно под обещание, что как минимум еще год он будет лечиться амбулаторно. Бабушка из Мичигана, плача, рассказала мне по телефону, что учреждение для сексуальных преступников отказалось выпускать ее одиннадцатилетнего внука, потому что он не желал признаваться в преступлении, которого, как он настаивал, он не совершал. "Они всё говорили, что он в несознанке, то есть что лечение, дескать, не действует. Ну и продолжали держать за решеткой". Через четыре года, в середине 1990-х годов, по словам бабушки, мальчик покончил с собой.

Не менее важным, чем эти личные трагедии, постигшие конкретных детей, является тот эффект, который эта тенденция оказывает на всех детей, в том числе на тех, кто и близко не подойдет к детозащитному ведомству или к тюрьме для несовершеннолетних преступников.

История Тони является частным случаем постепенного патологизирования *нормативной* детской сексуальности, то есть того поведения, которое проявляют большинство детей. Это имеет свои последствия не только для поведения, почитаемого "девиантным", но и для сексуального поведения всех детей. Каждый раз, когда определяется - или, лучше сказать, изобретается - новая категория сексуальных отклонений, вся шкала так называемого нормального поведения калибруется на несколько делений вправо. Представления как профессионалов, так и неспециалистов о том, что является приемлемым для детей, подростков и их семей, сдвигаются в более консервативном, более напуганном, более запретительном направлении, прочь от терпимости, юмора и доверия.

Слово *нормальный* не является точным научным термином. Оно может обозначать то, что делают большинство людей, или то, что некоторые люди считают здоровым, моральным, обычным или естественным, в противоположность нездоровому, греховному, чудному или противоестественному. Оно может обозначать то, что считает приемлемым моя мама, мой священник или психолог на ток-шоу Опры Уинфри. Или оно может обозначать то, что считаю приемлемым *лично я*. Нормальное чрезвычайно подвержено колебаниям вместе с каждой переменной ветров в политике и в истории. Рядящееся в тогу научного и неизменного, на самом деле оно субъективно и крайне текуче. Вот почему выше я использовала слово *нормативный* - статистический термин, просто обозначающий, что делают большинство людей. Именно поэтому нигде в этой книге я не использую обычный либеральный аргумент в защиту детской сексуальности: что она "нормальна и естественна". Нормальное проблематично, потому что нельзя иметь нормальное, если не имеешь ненормального. Чтобы в мире могло существовать приемлемое поведение, должно быть и "неприемлемое" (или "несоответствующее") поведение. Чтобы были "правильные" люди, должны быть парии.

Истории, подобные истории Тони, являются как одной из причин, так и симптомом консервативного дрейфа "нормального" в последние двадцать пять лет, комбинации влияния правых на государственную сексуальную политику с одной стороны и феминистской озабоченности "злоупотреблением" с другой. В результате каждый, для кого воспитание детей является повседневной заботой, в начале нового века держится начеку в отношении патологии. Пегги Брик, видный специалист в области сексуального образования, проведшая несколько десятилетий, путешествуя по стране, проводя семинары по детской сексуальности для родителей, воспитателей и учителей, рассказала мне, как она была встревожена, когда такие семинары стали заполнять "эксперты" по "проблемам сексуального поведения" и когда родители, которых до того стремление их детей к сексуальному удовольствию хотя и озадачивало, но одновременно и забавляло, стали беспокоиться по поводу опасности, якобы исходящей от него. Знакомый психолог рассказала мне о событиях, происходивших в привилегированной частной школе на острове Манхэттен (г. Нью-Йорк) в 1990-х годах. Будучи там воспитателем, она организовала представление для родителей, в котором ученики нулевого класса (соответствует подготовительной группе детского сада - прим. перев.) разыгрывали сцены из сказок, в которых она позволяла некоторым из них одеваться в костюмы противоположного пола. Это дало им возможность почти в буквальном смысле побыть в шкуре других людей, объяснила она. Родителей это привело в бешенство. Не подвергаются ли дети преждевременной "сексуализации"? Не может ли такая игра повредить их хрупкой гендерной идентификации? Последовала череда собраний и "круглых столов", однако приглашенный эксперт, детский психолог, волнения родителей не успокоил. Вместо этого он высказал мысль, что такая игра может мобилизовать "гендерную дисфорию" - крайне редкое ощущение пребывания в теле чужого пола.

Колонки советов родителям в женских журналах, которые десятилетиями заверяли, что нет абсолютно ничего плохого в том, что дети трогают друг друга, мастурбируют и непрерывно говорят о пенисах, теперь препарируют вопросы "как много - не слишком много" и "не слишком ли рано". Где прежде читатели встречали добродушного доктора Спока и передового психолога Сола Гордона, теперь они видят наморщенный лоб гуру "проблем сексуального поведения" Тони Кавана Джонсон, демонстрирующей диаграммы с "зонами опасности", окрашенными в красный цвет.

А раз существует ползучая патология, начали бояться взрослые, то должна расти и опасность для других, "здоровых" детей. Большинству людей казалось, что администрация школы в Южной Каролине среагировала слишком резко, почти до абсурда, когда вынесла официальное порицание веснушчатому первокласснику Джонатану Преветту за то, что он поцеловал одноклассницу. Но с тех пор правила "нулевой терпимости" к флирту между учащимися кое-где стали лишь экстремальнее. Например, в 2001 году в школьную учетную карточку восьмилетней дочери моих вермонтских знакомых было занесено обвинение в "sexual harassment". Ее преступление: послала однокласснику записку с вопросом, не желает ли он стать ее "бойфрендом".

Эта политика, проводимая школами, не сильно выбивается из нормы. Школьные директора действуют в рамках растущего консенсуса: что физическая демонстрация нежных чувств между детьми есть "секс" и что секс между детьми всегда травматичен.

Ни сном ни духом

Когда Дайэн Даймонд пригласила патронажного работника в свой дом, увешанный и уставленный ангелочками, фигурками Будды, детскими призами, грамотами и растениями, у нее была наивная вера в профессии, помогающие людям. Эта маленькая, подвижная женщина сама имела богатый опыт попыток исцеления от психологических проблем, как традиционными методами, так и методами в стиле "нью-эйдж", и как на духу вывалила всю историю своей семьи, уснащая свою речь психологизмами. Она рассказала патронажному работнику, как, будучи беременна Джессикой, бежала от мужа, который бил ее и насиловал, душил годовалого Тони; сказала, что "свободна от наркотиков и алкоголя" вот уже пятнадцать лет; сообщила, что как-то раз, когда Джессика была маленькая, какой-то мужчина в парке совершил перед ней акт эксгибиционизма, о чем было заявлено в полицию. Дайэн поведала представителю Служб защиты детей (CPS), что была обеспокоена неустойчивостью настроения сына, тем, что он часто впадал в депрессию; опасалась, что он может быть склонен к самоубийству, и надеялась, что они помогут ему найти лечение.

Но этой историей самосовершенствования, мужества и заботы о детях она, похоже, лишь подписала себе приговор; для ее дознавателей это была история семейной патологии. Психолог написал, что Тони "был свидетелем" изнасилования его матери, хотя в тот момент ему было несколько месяцев от роду; таким образом он сам оказался "жертвой злоупотребления". Нежеланное лицезрение пениса Джессикой было добавлено к списку ее "виктимизаций". Один из "оценщиков" в CPS написал, что, возможно, Дайэн склонна к злоупотреблению веществами. А поскольку в то время Дайэн больше беспокоилась о Тони, нежели о Джессике, которая поводов для беспокойства не давала, в CPS решили, что Дайэн "преуменьшает" ее "растление", и объявили ее неспособной защищать дочь. Тони сделали подопечным суда по семейным делам и изъяли у Дайэн.

Что ускользнуло от внимания Дайэн - так это то, что на пустынной земле Сан-Диего паника по поводу "злоупотребления детьми" произрастала так же пышно, как огненно-алые суккуленты и темно-красная бугенвиллия. Начиная с 1980-х годов это графство было арендой целой вереницы очень шумных, хотя и оказавшихся ложными, обвинений в "злоупотреблениях", в том числе в "сатанистском ритуальном сексуальном использовании" детей. В 1992 году расследование, проведенное большим жури присяжных, выявило, что детозащитные ведомства и суды по делам несовершеннолетних графства были "системой, вышедшей из-под контроля", которая в своем рвении защищать детей от "растления" отнимала у родителей сотни детей по обвинениям, оказавшимся ни на чем не основанными. Когда в систему попал случай Тони, многие из тех, кому большое жури предъявило обвинение в уголовных преступлениях, еще работали в ведомствах, судах и полиции графства.

Не знала Дайэн и о том, что южная Калифорния была эпицентром целого общенационального движения. Репортер "Сан-Диего таймс юнион" Марк Зауэр предвидел, что истерия вот-вот грянет. В начале 1990-х годов он присутствовал на проходившей в городе Сан-Диего "конференции по сексуальному злоупотреблению", на которой психолог

Тони Кавана Джонсон и социальный работник Ки Макфарлейн представили свою работу о "детях, которые растлевают". Он был поражен. "Сначала они констатируют, что никаких исследований нет, что мы, на самом деле, ничего не знаем о сексуальном поведении нормальных детей, - вспоминал он в интервью, которое дал в 1996 году. - А потом вытаскивают диаграммы в форме "пирогов" и разные графики и битый час определяют эту новую аномалию. И все конспектируют, как бешеные".

Макфарлейн набила руку на откапывании "растления" там, где его и в помине не было. В лос-анджелесском Международном детском институте, где она и тогда еще продолжала работать, Макфарлейн возглавляла команду, проводившую допросы 400 детей для печально известного суда над "Макмартинном", которая "обнаружила", что 369 из них были жертвами странных ритуалов "сатанистского использования", в том числе анального изнасилования, нанесения увечий животным и похищения через секретные туннели, ни одно из которых не подтвердилось. Джонсон пустила в оборот неологизм "дети, которые растлевают", в 1988 году, работая вместе с Макфарлейн в ее институте над Программой поддержки абוזивно-реактивных детей (SPARK), которая до сих пор продолжает лечить несовершеннолетних "растлителей".

Как и во время предыдущей "чумы", пророки этой утверждали, что ее масштабы огромны, но мы их не замечали, потому что не смотрели. "[Дети-растлители] вызывают в нас чувство неловкости, - писала Макфарлейн в "Когда дети растлевают", - такой неловкости, что до недавнего времени нам приходилось отрицать их существование и/или преуменьшать поведение. Мы называли их поведение "исследованием" или "любопытством", пока они не становились достаточно взрослыми для того, чтобы нам было удобно назвать его тем, чем оно является на самом деле: сексуальным злоупотреблением другими детьми. Кто они? - продолжала она. - До настоящего времени не многие стали объектами нашего внимания." В одной статье в "Лос-Анджелес уикли" было написано, что, по утверждениям специалистов, от 80 до 90 процентов таких преступлений никогда не выявляются. Ни "специалисты", ни автор статьи не приводили никаких подтверждений этих цифр. Вскоре, однако, цифры появились, сгенерированные вечным двигателем расширяющихся определений "злоупотребления", породивших поправки к уголовным кодексам, в результате которых участились аресты и появились новые "доказательства" эпидемических масштабов явления. Хотя маловероятно, что сексуальное поведение несовершеннолетних радикальным образом развернулось в насильственную сторону в последнее десятилетие, в 1994 году Министерство юстиции США зарегистрировало десять тысяч "Других насильственных сексуальных преступлений", совершенных несовершеннолетними (в них не входит насильственное изнасилование ["forcible rape" - это выражение в английском языке используют, чтобы отличить "настоящее" изнасилование от "statutory rape" - "изнасилования по закону", т.е. от секса по согласию с лицом, не достигшим возраста согласия данной юрисдикции]), что на 65 процентов больше, чем в 1985 году.

Эта вольная гипербола - и разросшаяся полицейская активность - оказались хороши для бизнеса. В середине 1990-х годов каталоги литературы по "злоупотреблению детьми" уделяли все больше и больше страниц этому юному девианту, и значительная часть этих публикаций, как и публикаций Джонсон, издавалась на деньги авторов, то есть не проходила рецензирования коллегами-учеными в университетских издательствах и профессиональных журналах. Плодились учебные кассеты и симпозиумы, и стоили они недешево: в 1996 году одна такая аудиокассета продавалась за пятьдесят долларов; сегодня допуск на двухдневный семинар обходится в несколько сотен.

В 1984 году еще не было программ для лечения таких детей. Макфарлейновская SPARK была основана в 1985 году. Десяток лет спустя в базе данных вермонтского Фонда за более безопасное общество значились 50 программ стационарного типа и 394 программы амбулаторного типа для детей младше двенадцати лет с "сексуальными проблемами поведения" и более 800 программ для подростков. Когда я спросила одного экспонента на большой конференции по сексуальному злоупотреблению, почему его массачусетский стационар для подростков с проблемами, просуществовавший к тому времени 90 лет, незадолго до того тоже учредил у себя такую программу, он сказал, что судьи все менее и

менее склонны направлять несовершеннолетних правонарушителей на общую реабилитацию, предпочитая упереть их прямо в тюрьму. Но, без сомнения, отчасти благодаря шуму, поднятому такими людьми, как Макфарлейн, суды стали с большей охотой направлять юных сексуальных преступников на программы сексуальной терапии. "Откровенно говоря, - сказал он мне, - это было коммерческое решение".

Вся эта активность основывалась на почти полном вакууме эмпирических данных о том, что дети на самом деле делают в сексуальном плане (выше я использовала слово *нормативный*, но, честно признаться, при скудности тех данных, которыми мы реально располагаем, в этом слове не намного больше содержания, чем в слове *нормальный*). Терапевты в большой степени полагались всего лишь на несколько исследований, особенно на исследование психолога Уильяма Фридриха из клиники Майо в Рочестере, штат Миннесота, который опросил около 880 матерей на Среднем Западе на предмет того, какое сексуальное поведение они наблюдали у своих детей в возрасте от двух до двенадцати лет. Пол Оками, доктор психологии, который тогда был научным сотрудником Университета южной Калифорнии и первым начал критиковать этот диагноз в профессиональной литературе, сухо заметил, что трудно найти менее надежный источник информации о детском сексе, чем рассказы матерей. За подробностями диагностирования большинство этих новых специалистов обращались к джонсоновскому контрольному перечню детских сексуальных поведений, в котором они были разделены на три категории: "естественные"; те, которые должны вызывать у наблюдателя тревогу; и те, при виде которых ребенка следует немедленно тащить к врачу. Для детей от старшего дошкольного возраста до четвертого класса школы, например, "взгляды на гениталии, ягодицы, груди взрослых" находились в колонке "Естественные и ожидаемые", однако "*прикосновения/пристальные взгляды* на гениталии и т.д." были помещены в список "Проблематичные", а "*исподтишка или насильно прикасается к гениталиям*" было под рубрикой "Требуют профессиональной помощи". Эти определения, мало того что произвольны, были основаны на выводах, полученных из наблюдений 1980-х годов, настолько слабых и тавтологических, что им самое место где-нибудь в "Стране чудес": "В то время как в настоящее время не существует норм того, что есть нормальное сексуальное поведение детей, - писала Джонсон в 1988 году, - проявленные поведения ... ведут к тому, что мы категоризируем их как находящиеся за пределами нормального диапазона сексуальной активности для их возрастной группы".

Тем не менее, по мере того как диагноз "проблемы сексуального поведения" набирал популярность в кругах "борцов с сексуальным злоупотреблением", открылся и путь для его более широкого признания, которое, в свою очередь, привлекло к нему внимание СМИ, источники финансирования и бизнес. Исследование, рассчитанное на пять лет, в котором предоставлялась и оценивалась терапия для сотен "сексуализированных" детей младше двенадцати лет в штатах Оклахома, Вермонт и Вашингтон, было профинансировано двумя миллионами долларов из бюджета государственного Национального центра по дурному обращению с детьми и неисполнению родительских обязанностей - самым крупным и самым продолжительным ассигнованием в его финансовых ведомостях того периода. И, как будто этого мощного финансового подкрепления было еще недостаточно для придания новой девиации законного статуса, некоторые психологи, в досаде на то, что официально нельзя было объявить ребенка, занимающегося сексом с ребенком младше него, "педофилом", пытались добиться включения диагноза "расстройство неправомерного сексуального поведения/злоупотребления" в библию психиатров - в "Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам" (DSM). Не дожидаясь решения DSM, Национальное исследование частотности дурного обращения с детьми и неисполнения родительских обязанностей - официальный подсчет, который правительство США ведет причинению вреда детям в их собственных семьях - в 1996 году добавило новую категорию в рубрику "другое или неизвестное сексуальное злоупотребление": "недостаточный или ненадлежащий контроль за добровольной сексуальной активностью ребенка". Все дети, то бишь, нуждаются в защите от их собственной неправильной сексуальности. А родители, которые занимают позицию невмешательства в детские сексуальные игры, уже одной этой позицией совершают "растление".

"Сексуализация"

Вышеозначенная теория не оставляла Дайэн Даймонд и ее семье никаких шансов. Как только ее сын стал объектом интереса властей, не только он, но и она автоматически попали под подозрение в качестве "растлителей".

Джессика с самого начала проходила по делу в качестве "жертвы", хотя, вероятно, так никогда и не станет известно, какая часть их сексуальных игр с братом происходила по обоюдному согласию. Позже государственный социальный работник охарактеризовал ее как неспособную "отличать воображение от реальности". Тем не менее в мае 1994 года Джессика сказала этому социальному работнику, что ее мать легла на нее в постели. (Она также сказала, что другой социальный работник ее "хотел растлить", но этому обвинению не дали хода.) Дайэн, чья "криминальная карьера" состояла из одного неоплаченного штрафа за неисправный габаритный фонарь, объяснила, что просто нагнулась над дочерью, чтобы выключить электрическое одеяло. Тем не менее был сделан вывод, что "сексуальное злоупотребление" имело место, и Джессику отправили в патронатную семью, населенную двумя неблагополучными девушками-подростками - весьма интересный выбор для ребенка, спасаемого от "излишней сексуализации". Патронатная мать, однако, оказалась бдительной и пожаловалась социальному работнику, что во время семейных визитов Дайэн прикасалась к коленям и шеем своих детей и клала руку на талию Джессики.

На самом деле в материалах этого дела содержится подробное изложение не только жизни семьи под постоянной слежкой, но и того, что очень похоже на всемерные усилия с целью оправдать отъем детей у Дайэн. Несмотря на частые описания беспроblemных и счастливых визитов, взаимной любви и заботы матери и детей, Дайэн характеризуется в них как "самооправдывающаяся и театральная", подозрительная и сопротивляющаяся, "саботирующая" так называемый план воссоединения семьи, как ни иронично это звучит, тем, что настаивает на том, чтобы ей позволили проводить больше времени с детьми. Мысль о том, что эти "симптомы" могли быть ятрогенными, то есть вызванными самой этой попыткой государственного "лечения", даже не высказывается. Когда читаешь эти несколько тысяч страниц, трудно отделаться от впечатления, что детозащитным агентам все было заранее ясно о семье Дайэн, еще то того, как они попытались в нее влезть.

То, что им преподали на "курсах по злоупотреблению" (если у них были такие курсы; начальник службы надзора за условно-досрочно освобожденными несовершеннолетними секс-преступниками сказал, что его ведомство такие курсы не предоставляло) было главным догматом теории о "детях-растлителях": что "не соответствующее возрасту" поведение является симптомом того, что его "виновник" - сам жертва растления. Откуда еще, по логике этой теории, семилетнему может прийти в голову засунуть мелок или пенис кому-либо во влагалище? Отсюда и термины "абузивно-реактивный" и "сексуализированный", почти универсально употребляющиеся для описания "растлевающих" детей младше двенадцати лет.

Первый изъян этой теории - в том, что так называемый цикл растления - представление о том, что растленные дети сами растлевают - и тогда многими подвергался сомнению, а теперь по существу дискредитирован. Даже сама Тони Кавана Джонсон заявила, что многие растленные дети не вырастают растлителями. На самом деле *большинство* - как минимум две трети - не вырастают. Вторая проблема - в утверждении, что у допубертатных детей проявления сексуального поведения сами по себе являются признаками растления. Однако невозможно определить какое-либо множество "симптомов" растления, которые не наблюдались бы у других детей той же возрастной группы. Независимо от того, пережили ли они травматичный опыт или нет, большинство детей, судя по всему, проявляют более или менее одинаковые типы сексуального поведения.

Психологи, пытающиеся выискивать симптомы растления, указывают на эти факты как на демонстрацию того, насколько трудно может быть его диагностировать. Но можно и по-другому интерпретировать эти факты: *широкий диапазон сексуального поведения является для детей нормативным*. Несмотря на скудность эмпирических данных мы знаем, что мастурбация распространена повсеместно с раннего возраста, более заметно среди маленьких мальчиков, чем среди маленьких девочек. Как и "игры в доктора", всовывание

пальцев в естественные отверстия и тому подобное времяпрепровождение. В так называемые латентные годы, то есть в возрасте примерно от семи до одиннадцати лет, дети продолжают мастурбировать, трогать друг друга и влюбляться в одноклассников, одноклассниц и просто в соседских мальчиков и девочек. На самом деле исчезновение видимого сексуального поведения, вероятно, означает лишь то, что дети усвоили послание, исходящее от взрослых, состоящее в том, что взрослые не хотят его видеть. "По всей видимости, сексуальный интерес и, вероятно, какие-то формы активности продолжаются" в среднем детском возрасте, пишет Фридрих, "но, по мере того как дети усваивают культурные стандарты, эти интересы становятся скрытыми". Однако вместо того чтобы признать этот диапазон иницируемого детьми сексуального интереса и поведения, понятие о "сексуализированном" ребенке постулирует, что требуется некое патологическое, травматичное событие (вероятно преждевременное, недобровольное сексуальное взаимодействие со взрослым), чтобы ребенок стал вести себя сексуально или, во всяком случае, сексуально некоторым определенным образом.

Поборники теории "детей, которые растлевают", утверждают, что, даже если ребенок не подвергается растлению и сам не растет растлителем, "не соответствующие возрасту" сексуальные игры свидетельствуют о его эмоциональном неблагополучии. Конечно, иногда свидетельствуют. Но, с другой стороны, кто должен определять, что та или иная сексуальная активность является признаком неблагополучия, если ребенок не выглядит неблагополучным ни в результате этой активности, ни в каком-либо ином смысле? Тони Кавана Джонсон предлагает ключ к разгадке того неблагополучия, которое больше всего заботит ее и ее коллег - не к неблагополучию детей. Ее "диаграмма поведения" призывает родителей обращаться за профессиональной помощью, когда эротизированные игры детей "направлены на взрослых, которым неловко быть их объектами", когда ребенок "хочет оставаться обнаженным на людях, после того как родители сказали "нет"", или когда он "трогает гениталии животных".

Что плохого в этих вещах? Я задала этот вопрос профессору социальной работы Университета штата Джорджия Элли Килпатрик, которая провела углубленное исследование детских сексуальных переживаний и их последствий у женщин. "Они выводят из себя родителей", - ответила она.

Социальные работники, натасканные вынюхивать растление, зачастую выходят из себя даже сильнее, чем родители. Джуди Коул, директор клинических служб Сан-диегского центра защиты детей, сказала мне в 1996 году, что ей надоело "видеть, как родители преуменьшают и отрицают поведение своих детей", даже четырехлетних. "Они просто не понимают, что то, что делают их детки, часто является растлевающим поведением, которое неприемлемо".

"А что было бы приемлемо?" - спросила я.

"Мастурбация время от времени, если она не на людях. Кое-какая сексуализированная игра, вопросы, откуда берутся дети. Погодки часто делают "покажи-мне-свой-а-я-тебе-покажу-свою". - Тут же поспешила добавить: - Не хочу сказать, что это правильно или следует поощрять. Но, вероятно, это не травматично".

"Значит, хорошим лозунгом было бы "Смотри, но не тронь"?" - осведомилась я.

Коул улыбнулась: "В оптимальном мире".

Коул не является исключением среди профессиональных детозащитников в том, что подозревает опасность в "излишнем трогании" детьми или детей. В Вирджинии, например, в одном опросе, проведенном среди психиатров и юристов, большинство респондентов ответили, что считают родителей, часто обнимающих десятилетних детей, целующих детей в губы или появляющихся в обнаженном виде перед пятилетним ребенком, кандидатами на "профессиональное вмешательство".

Ценности и данные

Взрослые ответственны за то, чтобы учить детей правильному поведению. Мы не позволяем ребенку отправиться на свадьбу или на заснеженную улицу в купальнике. Но если что-либо полагается неправильным, потому что оно может причинить вред, как определить вред - и исправить его, - не спрашивая ребенка, чувствует ли он какой-либо вред, что-либо неприятное вообще? Я попросила Барбару Боннер, которая руководила самым крупным компонентом (в Оклахома-Сити) пятилетнего исследования на средства Национального центра по дурному обращению с детьми и неисполнению родительских обязанностей, логически объяснить, почему поведение называют неправильным и вредным, если самого ребенка (или его родителей) оно не беспокоит. Попросту говоря, зачем навешивать на ребенка ярлык жертвы, если сам он себя жертвой не ощущает?

Боннер, женщина предупредительная и благонамеренная, на какое-то время задумалась. "Я не знаю, следовало ли бы использовать степень приятности или неприятности как критерий правильности или неправильности, - сказала она после долгой паузы. - Жертва должна определяться кем-то другим, не самим ребенком".

Почему? "Ну, если ребенок есть шоколад целый день, мы же его останавливаем, нравится это ему или нет".

Но ведь есть шоколад целый день - доказуемо вредно, не унималась я. От этого образуется кариес, и в нем есть кофеин, который перевозбуждает и замедляет рост детей. Вреден ли ненеприятный секс?

Боннер дружелюбно рассмеялась в ответ на аналогию с шоколадом. Наконец сказала: "Как, надеюсь, компетентные люди, и как общество, мы рекомендуем то, что считаем правильным и служащим лучшим интересам детей". "В лучших интересах ребенка" разработанные ее программой Правила сексуального поведения для шести- и семилетних включали в себя "Нехорошо трогать интимные места других людей" и "Нехорошо показывать свои интимные места другим людям" - действия, которые могут считаться совершенно уместными, нормальными и даже благотворными во многих семьях и общинах.

Боннер признала, что рекомендации ее команды не основывались на эмпирических исследованиях; было бы невозможно предсказать или измерить вред от определенных сексуальных переживаний, потому что воспроизведение их в клинических условиях создало бы очевидные этические проблемы. Но, высказала она догадку, слишком много секса слишком рано "может заставить [детей] стать слишком сексуально-стимулированными и предпочитать сексуальное поведение спорту, танцам и другим более подходящим занятиям. Во взрослом возрасте беспорядочные связи могут быть". С другой стороны, добавила она с характерной для Среднего Запада откровенностью, "могут и нормальными оказаться. Мы не знаем, на самом деле. У нас нет долговременных исходов".

На самом деле кое-какие "долговременные исходы" детского секса у нас есть. Выполненный в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе исчерпывающий обзор литературы и проведенное там же крупное когортное исследование семей, продолжавшееся с момента рождения у них детей до момента, когда им исполнилось восемнадцать лет, выявили, что три четверти детей занимались мастурбацией или каким-либо иным видом секса с другими детьми еще до того, как им исполнилось шесть лет. Было ли "пагубное влияние" такого опыта - "главный эффект", коррелирующий ранние сексуальные игры с детским неблагополучием или последующей дезадаптацией, по гипотезам многих психологов? "Таких корреляций не наблюдалось", - заключили авторы исследования.

Даже инцест между братом и сестрой (самое распространенное поведение, насколько могу судить, в делах о "детях-растлителях") сам по себе не травматичен. Исследование, проведенное на 526 студентах в Новой Англии, не обнаружило "никаких различий ... по множеству показателей взрослого сексуального поведения и сексуальной адаптации" между теми, у кого был сексуальный опыт с братом или сестрой, теми, у кого был такой опыт с ребенком из другой семьи, и теми, у кого такого опыта вообще не было. Социолог Флойд Мартинсон, "серый кардинал" исследований детской сексуальности, собрал десятки

воспоминаний о счастливом сексе по согласию между детьми младше двенадцати лет, в том числе о сексуальных играх между братьями и сестрами и между детьми с разницей в возрасте более пяти лет, то есть о двух вариантах, маркируемых в литературе о "детях-растлителях" кроваво-красными флажками (информанты Мартинсона рассказывали о вагинальном сексе, фелляции и анальном сексе, как и о более "детских" практиках разглядывания и взаимной мастурбации - прим. автора).

На самом деле практически всё, что Тони Кавана Джонсон считает должным вызывать тревогу, где-нибудь в другой стране или части света является обычным, просто не заслуживающим внимания. Клеллан Форд и Фрэнк Бич в своем классическом исследовании "Модели сексуального поведения" проанализировали данные по 191 народу мира, в том числе по американцам. "Пока взрослые члены общества позволяют им это, - обнаружили они, - незрелые мальчики и девочки занимаются практически всеми видами сексуального поведения, встречающегося у взрослых мужчин и женщин", в том числе "орально-генитальными контактами и попытками копуляции". Каннингем и Макфарлейн в своем тексте о "детях, которые растлевают", клеймят "аномалией" "воспроизведение конкретной взрослой сексуальной активности" - поведение настолько повсеместно распространено на планете, что у антропологов есть для него вполне затертое название: "сексуально-репетиционная игра".

Но для того чтобы увидеть, что ценности различаются, не нужно исследовать племя идейцев кикапу. Голландские сексологи Тео Сандфорт и Пегги Коэн-Кеттенсис провели в Голландии опрос, аналогичный влиятельному опросу Фридриха, и получили поразительно несовпадающие результаты. Каждая пятая голландская мать видела свою дочь мастурбирующей при помощи какого-либо предмета, тогда как среди американских матерей таких было менее 1 процента; каждая пятая голландская мать сообщила, что ее маленький сын раздевал других людей, а из американских матерей такое сказали всего 4,4 процента. Сандфорт и Коэн-Кеттенсис высказали предположение, что, может быть, маленький Ханс чувствует себя раскрепощеннее, играя в комнате, в которой присутствует "мама", чем маленький Мэтью в комнате с "мамами", или что "мама" менее стесняется сообщать об этом интервьюеру. Повторное исследование, которое провел сам Фридрих в 1998 году, выявило, что "матери с более высоким уровнем образования и более либеральными взглядами на секс сообщили о большем количестве сексуального поведения" у своих детей, возможно, потому что чувствовали себя "более спокойно" по отношению к обсуждаемому предмету.

Эти исследования обнажают нечто замечательное в отношении ценностей и исследований: своего рода принцип неопределенности Гейзенберга в социальной науке, о котором говорят антропологи, согласно которому присутствие наблюдателя и его точка зрения влияют на то, как он описывает - измеряет, так сказать - изучаемое явление. Увидеть не должно означать поверить, поскольку ценности влияют на то, что показывается (дети знают, что взрослые хотят видеть, а что не хотят, и в соответствии с этим выбирают, что скрывать), и ценности влияют на то, что мы замечаем. От моральных суждений, сознательных или неосознанных, зависит не только суждение о том, что нормально, но даже "научная" оценка того, что нормативно.

"Негативная смычка секса с насилием"

"Вот уже восемь лет я говорю о сексе как о явлении на континууме", - сказала Тони Кавана Джонсон, когда я взяла у нее интервью в 1996 году в ее офисе в Пасадене, штат Калифорния. Наверное, подозревая, что я - одна из ее "очернителей", перед тем она отменила две условленные встречи со мной с целью проведения интервью, каждая из которых потребовала полудюжины телефонных звонков и нескольких факсов, а когда я прибыла-таки на назначенную в конце концов встречу, потратила первые двадцать минут из отведенного мне часа на то, чтобы допрашивать меня на предмет того, как я собираюсь представлять ее работу. Женщина, построившая крепкий бизнес на чрезвычайщине, теперь была полна решимости предстать перед публикой в образе друга умеренности. "Нормальная, здоровая сексуальность - вот что нам нужно в детях, - настаивала она (не

определяя значения своих терминов). И добавила: Проблема в негативной смычке секса с насилием".

Конечно, детей следует отучать совать пальцы, куда не просят. Как и Джонсон, большинство наблюдателей, какую бы сторону баррикад в сексуальных дебатах они ни занимали (включая меня), повергает в ужас "негативная смычка", проявляемая двенадцатилетними мальчиками, которые развлекаются тем, что нападают на девочек в городских бассейнах, и старшеклассниками-футболистами, совершающими групповые изнасилования одноклассниц. Даже Верховный суд, удовлетворив в 1999 году иск девушки, обвинявшей свою школу в том, что она не защищала ее от неоднократных враждебных и нежеланных сексуальных "знаков внимания", заявил, что *sexual harassment* (можно перевести как "сексуальное надоедание" или даже как "сексуальные издевательства", хотя американские юристы и феминистки толкуют этот термин, как им заблагорассудится, нередко просто как выражение сексуального интереса, ухаживание и т.п., если оно происходит в "неположенном месте" или даже в любом месте, но всего лишь не по инициативе "жертвы" - прим. перев.) не следует рассматривать как нормальный ход событий в жизни подростков. Джонсон права в том, что помещает вопрос *согласия* в центр своих теорий.

Но где эта "смычка" секса с насилием становится "негативной", и когда она становится достаточно "ненормальной", чтобы рассматривать ее как расстройство или как преступление? В точности так же, как слово *злоупотребление*, слово *согласие* для разных людей означает разные вещи. Переговоры, обсуждение условий являются частью детских сексуальных игр. Они могут включать в себя подкуп, хитрости, сопротивление, взаимные уступки и элементы неравенства сил, как и любые другие взаимоотношения между детьми. "Старше и больше", однако, не обязательно означает "сильнее". И широкий диапазон поведения, в котором различия в силах между детьми играют роль, по всей видимости, является нормативным (или, если я разочаровала вас в *нормативном*, очевидно безвредным). Психологи Шэрон Лэм и Мэри Коуксли провели письменный опрос трехсот психологически здоровых студенток колледжа Брин Мор (престижный частный женский колледж в пригороде г. Филадельфия - прим. перев.) об их детском сексуальном опыте. Эти молодые женщины описывали волнующие игры в порнозвезд, проституток, изнасилования и секс-рабынь, в которые они играли, когда им не исполнилось еще и десяти лет, что указывает на то, что смычка секса с насилием, или смычка секса с неравенством сил, также может быть "нормальной". Симона де Бовуар в своих "Воспоминаниях благовоспитанной девицы" описала приятное возбуждение, которое она испытала, когда инсценировала на своей младшей сестренке "умерщвление плоти", практиковавшееся католическими святыми. А сексолог Лионор Тифер высказала мысль, что принуждение, даже если его необходимо скорректировать, не следует патологизировать. "Дети толкаются, дерутся и требуют, пока их не приучают жить в обществе, - говорит она. - Агрессивность нормальна для детей". При нынешней американской культуре никого не должно удивлять, что, проявляя свою агрессивность, ребенок может использовать лингва-франка сексуальности как средство выражения своих эмоций.

Вред также существует на континууме, и исходить он может из разных источников. Как мы видели в предыдущей главе, секс несовершеннолетних, с кем бы он ни происходил, часто травмирует их не сам по себе, а в результате того, что взрослые сходят с ума по его поводу. Что же касается "проблем сексуального поведения", травма от "лечения" может быть гораздо тяжелее, чем сама "болезнь".

Героическое вмешательство

Летом 1994 года, когда психолог Филип Каушалл начал осуществлять надзор над семейными визитами Даймондов, он был шокирован тем, что дети находились в патронатной семье. Он признавал наличие проблем между матерью и детьми, но не видел никаких оснований для их разлучения. В сентябре он стал рекомендовать властям вернуть детей домой.

Примерно в то время Джесси начала посещать "Daughters & Sons United" - группу поддержки жертв, в которой, как она рассказала, ее учили про "хорошую вину и плохую вину",

последнюю она поняла как "когда ты на кого-то наябедничала, и тебе стыдно". "Она выходила с этих собраний сердитая и взвинченная, - вспоминает Дайэн. - И каждый раз начинала "я на тебя донесу, мама", когда у нее случались вспышки гнева".

Терапию обоих детей продолжал проводить Каушалл, но то, что происходило в его уютном кабинете, уставленном игрушками, не соответствовало требованию, предъявленному Тони, чтобы он проходил "лечение для сексуальных преступников". В октябре 1995 года, почти через два года после "преступления", суд поместил его в группу для "сексуально реактивных детей" (SRC) - под надзор социального работника Дэвида Макуэртера, автора оригинальных и важных исследований гомосексуальных пар, который впоследствии стал "царем" графства Сан-Диего по лечению несовершеннолетних правонарушителей. Каушалл поощрял детей сотрудничать; он надеялся, что это был последний обруч, через который должна была прыгнуть семья, чтобы наконец воссоединиться. Однако Макуэртер, который называл работу группы SRC "мягкой конфронтацией", написал Каушаллу, извещая его о том, что Тони "дисruptивен" (т.е. подрывает, срывает работу с ним - прим. перев.). Тони не хотел называть себя преступником, что является первым требуемым шагом к "выздоровлению", да еще и давал понять, что другим детям делать этого тоже не следует. Каушаллу и Дайэн было ясно, что Тони считал обвинение неправильным и несправедливым. "Мам, - сказал он как-то Дайэн, - там один мальчик сидит за *moonin*!"

Про себя Каушалл считал подход Макуэртера, скорее всего, изначально неспособным привести к успеху. "Терапия может быть необходима, - сказал мне Каушалл, чье вмешательство в дело семьи, весьма вероятно, предотвратило отдачу детей на усыновление. - Но если вы лечите кого-то от того, что конкретно называете "сексуальным преступлением", вы подрываете лечение автоматически, потому что закрепляете в сознании пациента мысль, что он сексуальный преступник, то есть формируете в нем ровно то сознание, которого в нем быть не должно".

Тем не менее доктор Каушалл считал, что Тони еще повезло отделаться "мягкой конфронтацией", потому что, как бы ни старались адвокаты добиваться помещения своих юных клиентов в программы лечения вместо более суровых мест заключения несовершеннолетних преступников, различия между наказанием и лечением становятся все менее очевидны. Значительная часть того, что проходит под вывеской "лечения от сексуальных преступлений" (например все возрастающее число программ "эмоционального роста" и других программ модификации поведения, предназначенных для детей и подростков с проблемами поведения или склонностью к насилию), оспаривается как сомнительная терапия и даже как насилие, злоупотребление само по себе. Более того, в отличие от несовершеннолетних, чью судьбу решают уголовные суды, дети и подростки, попавшие в систему "лечения", полностью лишены тех правовых гарантий, которые имеют взрослые, даже совершившие самые чудовищные преступления.

Когда я прибыла в расположенное в Сан-Диего заведение Макуэртера, предоставляющее "Программу и службы сексуального лечения и образования" (STEPS), режим в нем был, конечно, не самый худший. Но он был типичным для того рода "терапии", которой подвергают нынче детей и подростков, обвиняющихся в сексуальных преступлениях: буквально пропитанным консервативными сексуальными ценностями, бихевиористским в своих подходах и использующим в работе персонала классические манипуляции по методу "хороший полицейский - плохой полицейский". Его заявленные намерения звучали, как пропаганда прав детей: способствовать самоуважению и сопереживанию, согласию и равенству. Но его практика не имела ничего общего с согласием, а права как детей, так и их родителей в ней почти полностью игнорировались. Как только ребенок прикасался к пенису или ягодицам своего ближнего, он автоматически становился неспособен к моральному суждению; вопрос, насколько то, что он сделал, было на самом деле аморально, обсуждению не подлежало. Ни о какой презумпции невиновности не могло быть и речи: пока пациент утверждал, что невиновен, он считался "в неосознанке" (психотерапевтический эквивалент "неуважения к суду") и мог быть исключен из программы, что означало невозможность вернуться в семью.

Либо и того хуже: "лечение", в отличие от тюремного срока, могло продолжаться сколько угодно лет, в течение которых как он сам, так и его друзья были полностью лишены права на неприкосновенность личной жизни. Всё, что он говорил, могло быть доложено властям, а во многих программах он был обязан еще и регулярно предоставлять список всех, с кем занимался сексом.

"Встать, Эктор! - рявкнула помощник директора STEPS Дайэн Барнетт, ведя меня в свой кабинет мимо двух мексиканских мальчиков лет четырнадцати, согнувшихся в коридоре. - Эти мальчики наказаны. Им удавалось незаметно проскальзывать, манипулировать или мухлевать, - сказала она. - Они хороши, - улыбнулась и сделала эффектную паузу. - Но мы лучше".

При поступлении в STEPS мальчики и их родители подписывали контракт на пятнадцати страницах, по существу, отказываясь от своей свободы мысли и действий на срок до трех лет и более. Контракт, в частности, гласил:

"Я понимаю, что от меня требуется вести ежедневный письменный учет в журнале ... моих девиантных сексуальных фантазий либо иных конкретных мыслей, относящихся к моему сексуально агрессивному поведению. В течение двух первых месяцев моего пребывания в STEPS я составляю и предоставляю персоналу мою автобиографию в письменном виде, которая будет включать в себя описание: (а) моих прошлых сексуальных преступлений, фантазий и состояния сознания во время преступлений; (b) любых сексуальных и/или физических противоправных действий, которым я когда-либо подвергался; (c) истории моего сексуального поведения помимо прямых преступлений; (d) того, как я скрывал мою проблему и избегал поимки. Автобиография будет не короче шести страниц."

Используя когнитивно-поведенческий подход, общий для многих тюремных программ лечения сексуальных преступников, программы, подобные STEPS, пытаются изменить действия мальчиков путем обучения их новому мышлению. Как объяснила Барнетт, в STEPS мальчикам давали указание записывать "цикл" всех мыслей, чувств и ощущений, которые у них были непосредственно перед, во время и после сексуального "преступления". Затем разрабатывались "резервные планы" - мыслительные процессы, свободные от "ошибок мышления", с тем чтобы использовать их для избегания повторных "преступлений". Когда он начинал мечтать о сексе с ребенком младше него, например, мальчик мог представлять себя самого за решеткой. От мальчиков требовали подробно докладывать о каждом акте мастурбации, признаваясь во всех фантазиях, которые еще оставались в их раздетом донага воображении. Восемь часов в день, пять дней в неделю, с примерно двухчасовым перерывом на школьные занятия они находились под постоянным наблюдением, зарабатывая очки за хорошее поведение и теряя их, например, за произнесение слова "отъебись". Прикосновения, будь то агрессивные или нежные, были запрещены персоналу и мальчикам, потому что, как сказала Барнетт, "эти мальчики не знают своих границ".

Даже вне здания STEPS следила за ними. Мальчикам не позволяли контактировать с их "жертвами" без разрешения программы и даже оставаться наедине с кем бы то ни было, считающимся в "возрасте жертвы". Их заставляли проходить внезапные тестирования на наркотики, запрещали пребывать в одиночестве, а также они были обязаны сообщать каждой своей потенциальной пассии "законного возраста", что являются сексуальными преступниками. "Я всегда буду запирает дверь туалета, пользуясь туалетом, если в здании, в котором находится туалет, присутствует еще кто-либо", - гласил контракт.

"Как только они развили в себе достаточную эмпатию, - поведала мне Барнетт, - мы начинаем смотреть на искупление", которое представляет собой процесс, состоящий из двадцати шагов, первый из которых - Разоблачение преступления, последний - Обретение умения простить себя, а в середине располагаются Предотвращение самоубийства и Нахождение смысла жизни.

Седьмым шагом было Принесение извинений на коленях жертве, семье жертвы и собственной семье мальчика. Такие "сеансы" обычно вызывают тревогу и гнев семьи

пациента, сообщила мне Барнетт. "Иногда родители говорят: "Мы вас отдадим под суд!" Мать кричит: "Я тебя убью!" Это очень эмоционально. - И продолжила более спокойным голосом: - Когда колени мальчика ударяются о пол, он чаще всего рыдает. Для родителей это выглядит, будто я это делаю нарочно, издеваюсь над ними. Но я им говорю: "Когда все это закончится, вы получите назад своего любимого мальчика"".

Их любимого мальчика, послушного, сломленного, испуганного от девиантных фантазий. Или, может быть, от всех сексуальных фантазий.

Приносит ли подобное лечение добро? Тюремный проект ACLU судился с несколькими похожими программами для взрослых, в том числе с одной в Вермонте, в которой в рамках "психодрамы" пациентов заставляли имитировать анальное изнасилование, в то время как психотерапевт выкрикивал непристойности в их адрес. Свидетели-эксперты показали, что такое лечение не только не является доказанно эффективным, но и с высокой вероятностью причиняет психологические травмы, и суд приказал тюрьме прекратить то, что судья счел жестоким и необычным наказанием под видом лечения. Директор той программы Уильям Питерс был также содиректором вермонтского компонента исследования "сексуальных проблем поведения", проводившегося Барбарой Боннер, помогал ей разрабатывать лечение для детей. Методология программы Макуэртера и других подобных программ также поразительно напоминает то "лечение", которому в 1950-х и 1960-х годах подвергались геи и лесбиянки с целью избавить их от влечения к представителям своего пола. Те, кто прошел через такое лечение, обычно свидетельствуют о его печальных последствиях для их самооценки и чувства собственного достоинства, а также о полной неспособности "перекоммутировать" эротические механизмы, устоявшиеся на протяжении долгих лет. Но там-то хотя бы "диагноз" был правильный; те люди действительно были гомосексуалами. А у детей в консультационном кабинете Джонсон или в заведении Макуэртера могло и вовсе не быть тех болезней, от которых их пытались лечить. Они не были насильственными сексуальными преступниками (в противном случае они не подлежали бы помещению в эти программы); они даже могли не быть активной стороной в сексуальных контактах. Многие из них были просто детьми, занимавшимися сексом, который вывел взрослых из себя.

[Примечание автора: Другие исследования также критически анализируют - и находят неоправданным - сексуально-специфичное лечение для молодых насильственных сексуальных преступников в том числе. Одно исследование сравнило мальчиков, совершивших чрезвычайно жестокие сексуальные преступления, с другими молодыми насильственными преступниками и нашло, что обе группы пережили детство, омраченное тяжелым насилием, но не сексуальным злоупотреблением, и что в обеих группах присутствовал один и тот же набор психиатрических и неврологических расстройств, включая депрессию, слуховые галлюцинации, паранойю и часто "грубо аномальную ЭЭГ" или эпилепсию. "Гипотеза о том, что сексуально агрессивные преступники отличаются нейропсихиатрически от других видов насильственных преступников, приведшая к созданию специфических программ для сексуальных преступников, - заключили исследователи, - должна ... быть пересмотрена в свете наших данных". Dorothy Otnow Lewis, Shelley S. Shankok, and Jonathan H. Pincus, "Juvenile Male Sexual Assaulters," American Journal of Psychiatry 136, no. 9 (September 1979): 1194-96.]

Я спросила Верна Булло, сексолога, потратившего более полувека на изучение детской сексуальности, что он думает об этих теориях и лечениях "сексуальных проблем поведения". Он хмыкнул с отвращением. "Все это напоминает мне героическую гинекологию [в начале двадцатого века], которая рассматривала сам по себе процесс деторождения как патологическую вещь" и давала женщинам лекарства, чтобы сделать беременность более "нормальной". Булло подвел итог: "Вот и здесь мы имеем героическое вмешательство в детскую сексуальность со стороны людей, которые понятия не имеют о том, о чем говорят".

Жестокое и обычное

В глазах государства, отчаяние Дайэн Даймонд, усиливавшееся с каждым месяцем и годом, было лишь еще одним доказательством того, что она никудышная мать, и обрекало ее на

еще более долгое разлучение с детьми. После того как она сделала особенно гневный телефонный звонок в кабинет одного из социальных работников, после чего перезвонила и поговорила с ним более спокойным, извиняющимся тоном, этот работник записал в деле: "Я глубоко обеспокоен тем, что только что произошло. Не удивлюсь, если у нее происходит некий психический срыв".

Стоило только этой повести быть вписанной в скрижаль - сумасшедшая мать делает мальчика растлителем, виктимизирует девочку - любая альтернативная версия более не могла быть рассказана. Когда Джесси призналась, почти сразу же после своих первых показаний, в том, что "говорила неправду" о своей матери, было решено, что ребенок проявляет "аккомодационный синдром", то есть, страдая от того, что ее вырвали из привычной жизни, жлет, чтобы вернуть все на свои места. Только Каушалл и одна социальная работница поверили отказу Джесси от ее прежних показаний и проявили какое-либо сочувствие к Дайэн. Эта работница задокументировала радостные обмены подарками и безмятежную посадку овощей, после чего присоединилась к мольбам детей, чтобы их отпустили домой. Но ее советы, поддержанные Каушаллом, были проигнорированы, а сама она была необъяснимым образом отстранена от дела. Ближе к концу 1994 года Дайэн продала свою машину, чтобы нанять адвоката, который помогал бы ей оспаривать судебные решения. Она провела Рождество без детей, ожидая суда, который откладывался восемь месяцев подряд. В феврале 1995 ей было отказано в удовлетворении апелляции без объяснения причин.

Тони был в очередной патронатной семье, теряя вес и надежду. "Имеются сообщения, что миссис Даймонд грубит" патронатной матери, писала CPS в своем рапорте суду, поданном в то время. Каушалл писал в CPS рапорт за рапортом, пытаясь убедить ее в том, что жизнь на казенных условиях и разлука с матерью губит детей.

По законам Калифорнии, после двух лет содержания ребенка под опекой штата суд по семейным делам обязан вынести решение, передать ли ребенка в долговременный патронат, лишить родителей прав и отдать ребенка на усыновление либо вернуть его домой. По-видимому, сочетание бюрократической усталости, ничтожности оснований для лишения родительских прав и знания о том, что Дайэн не отдаст детей без свирепой битвы, побудило CPS к тому, чтобы начать переговоры о возвращении Тони и Джессики домой. Эта измученная семья наконец воссоединилась в начале 1996 года.

"У меня нет ни малейших сомнений, что то, что было сделано, - в сто раз хуже любой проблемы [Даймондов], какая бы она ни была, вообще говоря", - говорит Каушалл с гневом и отвращением. "Они получили хорошую дозу смертоносного коктейля из фанатизма и некомпетентности". Джессика, по его мнению, "усвоила, что, стоит ей только заикнуться о сексе, как все роняют ножи и вилки и слушают, открыв рот. Она знает, что секс - мощное оружие". Тони настрадался от бесчувствия и предательства взрослых; он остался подавленным и недоверчивым. Для обоих детей, говорит Каушалл, "вред, который причинил их развитию разрыв с матерью, огромен".

Но когда я пришла к ним в гости в 1997 году, в солнечное мартовское воскресенье, все казалось каким-то непримечательным. Джесси ушла на "конкурс уродливых собак" с церковным волонтером, а мы с Дайэн и Тони поехали на машине в Ла-Холью, чтобы поплескаться в приливных бассейнах. Тони часто обнимал маму, требовал пойти в "Макдональдс" и дулся, когда этого не происходило - в высшей степени нормальное поведение, на мой неподготовленный взгляд. "Я героическая мать", - сказала мне Дайэн, оценивая материальный ущерб от выпавших на ее долю испытаний в тридцать тысяч долларов с лишним. Она болтала о "наших планах" переехать в Аризону или, может быть, в Орегон, потому что "нам очень нравится тамошнее взморье". Она часто употребляла слово "мы", будто боясь упустить это местоимение, которое так легко потерять.

Мы с Тони отлепляли улиток от скалы, когда Дайэн объяснила ему, что я собираюсь писать об их семье. Взгляд Тони стал серьезен. "Вы собираетесь писать о жестоком обращении с детьми в Калифорнии?" - спросил он.

От испорченности к болезни

В последние два столетия моральные судьи переместились с пастырской кафедры в клинику. Как выразился историк медицины Питер Конрад, "испорченность" теперь описывается заново под названием "болезнь". Этот процесс избирателен. Алкоголизм, который когда-то считался моральным пороком, теперь рассматривается как заболевание, в то время как наркомания по-прежнему карается как проступок, за который предусмотрены в качестве обязательного минимума жестокие тюремные сроки, даже если виновник всего лишь хранит запрещенный наркотик, независимо от того, применял ли он насилие для того, чтобы за него заплатить. Категория детских "сексуальных проблем поведения", с одержимостью ее "целителей" крайностями и их зловещими предсказаниями будущих несчастий, является реинкарнацией "болезни" восемнадцатого-девятнадцатого веков под названием "мастурбаторное помешательство", скрещенной с составом преступления Прогрессивной эры под названием "сексуальная преждевременность" и преступлением конца двадцатого века под названием "сексуальное злоупотребление", а также с добавлением изрядной порции того расстройства, которое имеет народное название "сексуальная зависимость".

Жестокие методы, применявшиеся для приведения "извращенцев" к стандартам нормальности, легендарны в анналах медицины. Пытки водой, колесование и четвертование, кастрация, лоботомия - по сравнению с этим то, что происходило в STEPS, не страшнее ароматерапии. Тем не менее на детей по всей Америке продолжают навешивать ярлыки девиантов - клеймо, которое может остаться на них на всю жизнь.

Противоядие от жестокого или необычного обращения - не в том, чтобы утверждать, что то, что считалось или считается девиантным, на самом деле "нормально" или "естественно". Ибо нормальное - это то, что данная конкретная культура или данный конкретный исторический период называют нормальным: мужская гомосексуальность считалась нормальной в Древней Греции; межпоколенный секс в качестве сексуальной инициации был и есть нормален во многих доиндустриальных обществах; даже изнасилование является исторически нормальным во время войн. Чтобы далеко не ходить, мы можем посмотреть на последовательные издания DSM и обнаружить, что в тот же момент, как мы перестаем диагностировать одну психопатологию, ей на смену приходит другая (в год, когда был убран диагноз "гомосексуализм", после значительного давления со стороны движения за права геев и лесбиянок, был добавлен новый детский синдром "гендерная дисфория", или глубокий дискомфорт от того биологического пола, в котором родился). Это действительно очень сложно - говорить позитивно о сексуальности детей, не прибегая к паллиативам *естественный и нормальный*; я сама часто обращаюсь к моему потрепанному Тезаурусу Марча. Чтобы не оказываться в ловушке *нормального*, которое автоматически подразумевает, что всё, попадающее в его сферу, безвредно, а всё, что за ее пределами, вредно, нам требуются некие более нейтральные описания действительно переживаемого опыта и оценки действительно причиняемого вреда. Спросить самих детей было бы неплохим началом. А пока не мешало бы быть такими же честными, как Барбара Боннер из Оклахомы, которая сказала мне: "Пока мы не будем лучше осведомлены о сексуальном развитии детей, нашей работой будут продолжать управлять [моральные] ценности".

Есть ценности, по поводу которых родители и профессионалы, священники и политики согласятся, что их следует прививать детям: быть добрым, внимательным, уважительным к окружающим и к самому себе, избегать насилия и принуждения в сексе, как и во всем остальном. Но "нормальность" - добродетель переменчивая и спорная, а учитывая ее потенциал как сообщницы в терапевтических злоупотреблениях и социальной изоляции, и вовсе переоцененная.

4. Преступления страсти

"Изнасилование по закону" и отрицание женского желания

Я на самом деле не думаю, что было совершено преступление. Два человека любили друг

друга, и родители встряли, чтобы помешать этому.

Хезер Ковальски, "потерпевшая", Соединенные Штаты против Дилана Хили

В апреле 1997 года Роберт Ковальски вылетел в Нью-Йорк из Потакета, штат Род-Айленд, чтобы принять участие в "Шоу Мори Повича". Его жена Полина ждала дома у телефона, по которому Пович должен был ее интервьюировать. Ковальские были родителями трех подростков. Их младший ребенок и единственная дочь тринадцатилетняя Хезер уже три недели как пропала вместе со своим двадцатиоднолетним бойфрендом. "Если бы Хезер могла позвонить домой, она бы позвонила", - настаивал Роберт, который, как сообщали газеты, был в командировке в то время, когда Хезер сбежала из дому.

Ковальские рассказывали, что они не позволяли Хезер встречаться с молодыми людьми. Годом ранее, когда они узнали, что она общается с мальчиками в чате, Роберт прекратил семейную подписку на "Америку Онлайн". Но вскоре Хезер была снова в чате, используя аккаунт подруги, и в феврале познакомилась там с неким парнем по имени Дилан Хили. Дилан жил всего в десяти минутах езды от нее, в Провиденсе. Пять дней спустя они встретились, и Дилан начал преданно ухаживать за ней, покупая ей ювелирные изделия и плюшевых зверушек, часто звоня ей домой по телефону. Когда Ковальские узнали, сколько лет Дилану, как они позже сообщили газетам, они запретили ей встречаться с ним.

Но страсть любит препятствия, и влюбленные упорствовали. Хезер с подругами придумывали способы, как ускользнуть из-под родительского надзора. "Следующий раз, когда позвонишь мне домой и папа спросит, кто ты такой, скажи, что ты Патрик из "Хаскиз". ОК? ОК!" - писала она Дилану. Когда звонить домой стало невозможно, он дал ей пейджер и сотовый телефон. Он звонил в школу Хезер, где она была отличницей, и, выдавая себя за ее отца, просил отпустить ее с уроков, откуда она шла прямо к нему на квартиру. Там они разговаривали, смотрели телевизор, ели что-нибудь вкусненькое и занимались любовью.

Ковальские заявили на Дилана в полицию, которая предъявила ему обвинение в создании помех родительскому попечению, что является мисдиминором (мисдиминор - легкое преступление, наказуемое лишением свободы на срок не более года либо штрафом - прим. перев.), и отпустила под залог, приказав воздерживаться от встреч с Хезер. Та явилась на слушание по его делу, нарушив прямой запрет матери, и плакала в зале суда. Они продолжали встречаться. Ковальские, как можно себе вообразить, уже не зная, что с этим делать, добились судебного запрета на общение Дилана с Хезер. "Я не могу поверить, насколько все становится плохо, - писала Хезер Дилану 23 марта. - Всё, чего мы хотим, - быть вместе. Разве мы просим многого?! Я тебя так ♥, я просто не хочу тебя терять".

Два дня спустя Дилан забрал Хезер с остановки школьного автобуса, как обычно. Он ей не угрожал, не принуждал, и позже, когда полиция объявила ее в розыск, она считалась сбежавшей из дому, а не жертвой похищения. Он же был беглым преступником, нарушившим условия освобождения под залог и запрет на общение. Уже после того как парочка исчезла, полиция возбудила против него новое дело по обвинению в восьми актах квалифицирующегося как фелония "сексуального нападения на несовершеннолетнюю": "изнасилования по закону".

С 25 марта по 19 апреля, которое оказалось следующим днем после передачи Мори Повича, Хезер и Дилан путешествовали по Род-Айленду, Нью-Гемпширу и Массачусетсу в его неоновом-зеленом джипе "Рэнглер". Они останавливались в прибрежном мотеле, брали напрокат видео, пробовали блюда экзотических кухонь (особенно им понравилась индийская еда), а когда денег осталось мало, перебивались пресными хлебцами и подливкой в кафе для дальнбойщиков. Разглядывая дома, мимо которых проезжали, они фантазировали о том, как поженятся, родят детей и будут жить долго и счастливо. В последний день в Потакете кто-то заметил нервного молодого человека, пытающегося обналичить в одном из банков чек, который он украл из спальни своей матери. Рядом с банком был обнаружен неоновом-зеленый джип "Рэнглер" с девочкой-подростком внутри. Последовал звонок в полицию. Последние слова, которые Хезер сказала Дилану: "Копы идут за нами".

Неудивительно, что их узнали. Эта история освещалась почти ежедневно в местных газетах, местными радио- и телестанциями, а также бостонскими СМИ. "Ю-Эс-Эй Тудей" и газеты по всей стране затем последовали их примеру. ФБР вывесило на своем сайте объявление "Внимание: преступление/Пропавший человек" с изображением широкой белозубой улыбки Хезер в окружении льняных волос, а также другое объявление под заголовком "Разыскивается ФБР" с изображением Дилана и подписью "вооружен и опасен", хотя он совсем не был вооружен и вряд ли был опасен, если не считать тавтологии, что он был опасен, потому что закон говорит, что секс опасен для несовершеннолетних. Благодаря глубоко посаженным темным глазам и пухлому личику он выглядел даже моложе, чем она, почти как щеночек. "Ангелы-хранители" развесили свои листовки с объявлением о пропаже человека на всех остановках общественного транспорта в Бостоне и его окрестностях, а "КиберАнгелы" - онлайн-подразделение этой добровольческой гражданской армии по борьбе с преступностью - разместили его на своем сайте под впечатляющим заголовком "ЦАРЬ ХРИСТОС ПОСЫЛАЕТ МОЛИТВУ И РОЗЫСК ПРОПАВШЕГО ПОДРОСТКА" ("Царь Христос" - название церкви, прихожанами которой были Ковальские). Когда был показан сюжет в передаче Повича, посыпались телефонные звонки о том, что их якобы видели аж в Луизиане. Должен был быть сюжет и в "Самых разыскиваемых в Америке", но Хезер вернулась домой раньше того дня, на который был запланирован показ.

Дилана в итоге приговорили к тюрьме на срок от двенадцати до двадцати четырех лет по совокупности обвинений в федеральных и штатных преступлениях. Он получил пожизненный запрет на общение с Хезер.

Откуда столько внимания к одной девочке, из тысяч, сбегаящих из дому каждый год? Для СМИ и горожан, прокуроров и полиции, для родителей Хезер и судей два факта отличали эту парочку от остальных: их возраст - она в самом начале ранней юности, он в начале взрослого возраста - и утверждение, что она была "заманена по Интернету".

Последнее было просто чудесным материалом для СМИ. "Семьи, которые разодрал в клочья Интернет! - так объявил свой сегмент о Ковальских Пович, придавая телепередаче ее типично гиперболическую силу. - Я имею в виду, он здесь, он вокруг нас, он - везде!" Для прокуроров, которые, судя по всему, были полны решимости послать сигнал другим онлайн-негодяям, Дилан был как нельзя кстати в качестве показательного примера. "Проблема данного случая - в использовании компьютеров сексуальными хищниками для эксплуатации детей, - заявил федеральный прокурор Арнольд Хафтейлен, отвечая на вопросы репортеров со ступенек здания федерального суда после вынесения приговора Дилану. - В Интернете - там просто эпидемия хищников". Адвокат Дилана неоднократно заявлял, что, если бы эти молодые люди познакомились не в онлайн, не было бы такой шумихи, и его клиент отделался бы гораздо более мягким приговором.

Зона опасности

"Точно так же, как вы не позволили бы вашему ребенку играть одному в городском парке три часа подряд, - предупреждал некий сержант полиции читательниц одного из женских журналов, - вам не следует позволять ему играть одному в Интернете". Но такие предупреждения звучат иронично, потому что они теряют всякий смысл, как только ребенок становится достаточно взрослым, чтобы считать, что он лучше знает, где и с кем ему играть. Ибо если вашему "ребенку" тринадцать или четырнадцать, он, вероятнее всего, *будет* играть один в городском парке, вполне возможно с друзьями, которых вы не знаете и которых вовсе не обязательно одобрили бы, если бы узнали. Подростки, у которых есть деньги, колеса и желанья, требующие удовлетворения, всегда находятся в движении между домом и улицей, между детством и взрослостью. А "опасность", как пишет антрополог Мэри Дуглас, "лежит в переходных состояниях".

Законы о возрасте согласия, которые берут свое начало в британских Вестминстерских статутах конца тринадцатого века, являются попыткой внести безопасность в эту зону опасности путем прочерчивания четкой линии между детством и взрослостью и

криминализации, в "изнасиловании по закону", нарушения взрослым этой линии. Закон полагает младшую партнершу категорически неспособной сказать "да" или "нет" сексу. Поскольку она по определению бессильна - как лично, так и юридически - сопротивляться либо добровольно отдать свою "добродетель", государство, которое видит свой интерес в том, чтобы хранить эту добродетель, сопротивляется за нее.

Хотя теперь мы считаем чем-то само собой разумеющимся, что такие законы основаны на принципе, что несовершеннолетние имеют особое право на защиту, первоначально объектом защиты был не сам ребенок, а ее девственность, которая считалась собственностью отца. "Жертва" всегда была женского пола, и даже в 1981 году Верховный суд подтвердил конституционность криминализации секса с девочками при отсутствии криминализации секса с мальчиками. Верховные судьи отметили большой риск секса для девочки, связанный с возможностью беременности, но не большую дискриминацию девочки, заключающуюся в том, что она полагается никогда не желающей секса. Несколько лет назад законы штатов стали включать и мальчиков как потенциальных жертв "изнасилования по закону". Но, частично потому, что молодым женщинам столь свойственно заниматься сексом с мужчинами, которые старше их как минимум на три года, частично потому, что уголовные дела за "изнасилование по закону" часто возбуждаются по поводу беременности, в огромном большинстве таких дел речь идет об отношениях взрослого мужчины с несовершеннолетней женского пола. Далее по списку идут добровольные гомосексуальные отношения между мужчинами и несовершеннолетними мужского пола, которые, возможно, рассматриваются нашей культурой как феминизированные.

Закон кодифицирует живучую сексистскую идею: что в сексуальных отношениях есть только один желающий партнер - мужчина. На романтическом языке мы называем его соблазнителем, а ее совращенной, или падшей, женщиной; на современной помеси готической метафоры с социобиологическим жаргоном он хищник, она добыча; на юридическом языке он преступник, она жертва. Во всех трех вариантах один виноват, вторая невинна. Возраст, особенно когда разница в возрасте между партнерами невелика, часто служит подменой других презумпций относительно пола. Мужчине позволено желать, но также он подозревается в том, что сексуально хищен по своей мужской природе и поэтому заслуживает морального осуждения. Если он старше, он заслуживает уголовного осуждения.

Конечно, молодых женщин насилуют: почти все жертвы изнасилований - женского пола, а более половины жертв изнасилований в стране - моложе восемнадцати лет, по данным Министерства юстиции. Чем моложе девушка и чем больше разница в возрасте между ней и ее старшим партнером мужского пола, тем больше вероятность, что она чувствует принуждение к тому, чтобы согласиться на половое сношение с ним, во всяком случае в первый раз.

Однако "изнасилование по закону" - это не тот секс, жертва которого говорит, что *не* хотела его. Это тот секс, которого она *хотела*, но про который взрослые считают, что она только думала, что хотела, потому что слишком мала, чтобы знать, что не хотела. Тем не менее девочки-подростки упорствуют в том, чтобы выражать свои собственные желания. "Если он виноват, то и я виновата", - заявила своим родителям одна шестнадцатилетняя из Эль-Пасо, когда те пригрозили донести в полицию на ее двадцатилетнего бойфренда, о чем она поведала в разговоре со мной. Поскольку успех уголовного дела в суде зависит от согласия "жертвы" свидетельствовать против своего любовника, что среди подростков весьма редко встречается, многие прокуроры признают, что понятие-оксюморон "изнасилование по согласию" делает преследование, а тем более выигрыш таких дел крайне проблематичным занятием.

"Интернетный Ромео" и Джульетта, лишенная возжелания

История Дилана и Хезер в точности соответствовала культурным кодам, вписанным в закон, как, впрочем, и заключенным в них противоречиям. Не было сомнений в том, что Дилан совершил преступление как взрослый, но действовал он, как подросток: алчущий, импульсивный, безответственный, отчаянный. Хезер, которая тогда училась в восьмом

классе, вела себя, именно как агрессивно-вызывающий младший подросток: не слушалась родителей, прогуливала школу и сбежала из дому. Тем не менее с Диланом она сотрудничала в нарушении закона. И она делала то, что делают взрослые: занималась сексом.

Помимо этого и помимо предыстории Дилана и описаний семьи Хезер в распоряжении СМИ было очень мало сведений как о нем, так и о ней, либо не было вовсе. Его семья избегала общения с прессой, а ее семья признавала, что не знала о нем практически ничего. Не имея фактов, СМИ пересказывали мелодраму о "девочке, заманенной по Интернету", в чем им помогала семья Хезер. Полиция рассказывала сюжет триллера, с хорошими парнями и плохими парнями и насилием, выскакивающим из-за каждого угла.

Дилана обычно называли по фамилии ("Хили"), Хезер - по имени ("Хезер"); его называли "мужчиной", ее - "девочкой". Даже когда их обоих называли по фамилиям, он был активной стороной, она - пассивной: "Хили уговорил Ковальски встретиться с ним лично," - писал один из репортеров. Пресса окрестила Дилана "интернетным Ромео". Роб Ковальски характеризовал его как "Свенгали" (гипнотизер из романа Дж. Дюморье "Трильби" - прим. перев.). "Я теперь думаю, что Хезер стала жертвой некоей психологической и эмоциональной манипуляции, произошедшей за очень короткое время, - сказал ее отец на передаче Повича. - Так что, по моему мнению, она могла сбежать с этим типом по собственной воле, но на каком-то этапе ее свободная воля была утеряна, она этого может даже не осознавать". Полина сказала "Ассошиейтед пресс", что Дилан "промыл мозги" ее дочери.

Местная пресса намекала на "темное" прошлое Дилана, писала о двоих его детях, которым тогда было два и пять лет, рожденных "вне брака", и цитировала их матерей, которые обвиняли его в "контролирующем" и "абузивном" поведении. Одна из них добилась в суде приказа о запрете на общение против него. Также утверждалось, что он предложил двум девушкам-подросткам деньги, чтобы те занялись с ним сексом в номере мотеля. Когда они отказались, как утверждала полиция, он стал звонить им по телефону и послал одной из них электронное письмо угрожающего содержания. Сам Дилан эти обвинения отрицал.

Эти сомнительные и оспариваемые факты использовались для того, чтобы навлечь подозрения на другие факты, которые были бесспорны. Как только было обнаружено его "полицейское досье", явно робкий "компьютерный ботаник" тут же превратился в "якобы робкого "компьютерного ботаника"". Пресса последовательно при помощи инсинуаций преувеличивала и без того длинный список предъявленных ему уголовных обвинений. "Хили также обвиняется в восьми случаях изнасилования в Провиденсе и трех случаях создания помех родительскому попечению в Потакете", - сообщали газеты в конце материала о том, что ему предъявлены обвинения в федеральных преступлениях, что звучало, как описание серийного насильника. Умолчали они о том, что все эти обвинения были за добровольные отношения с одним-единственным человеком - Хезер Ковальски.

Обратно пропорциональны злодейству и коварству персонажа мужского пола в мелодраме "Девочка, заманенная по Интернету" были невинность и неискушенность персонажа женского пола. "Она еще маленькая девочка. Она нуждается в заботе, как маленькая девочка", - описывал Роб Ковальски свою дочь Повичу. "Она пошла с ним добровольно, - заявил "Бостон Глоб" шестнадцатилетний брат Хезер Джейсон. - Ну, добровольно в том смысле, как пятилетняя выходит из детсада, а тут подваливает взрослый мужик в фургоне и предлагает леденец на палочке".

Для старших членов семьи вождение Хезер было ошибкой, недоразумением, как и ее любовь к Дилану, о которой она рассказывала своим подругам. "Я не думаю, что тринадцатилетняя что-либо знает о любви, - сказала ее мать Полина Ковальски. - Я думаю, она оглупела от детской влюбленности и счастлива тем, что ей оказывают внимание". Пович назвал Хезер и другую, четырнадцатилетнюю, пропавшую под Рождество вместе с ушедшим в самоволку двадцатидвухлетним служащим ВВС, "двумя детьми ... которыми сманипулировали и выманили из дома по Интернету мужчины старшего возраста". А

местная пресса раз за разом возвращалась к заезженным фразам о детскости Хезер: о плюшевом мишке, которого ей подарил Дилан, о мягкой игрушке, которую "прижимала" одна из ее подружек, собравшихся, чтобы торжественно встретить ее по возвращении.

Во время ее отсутствия Роб и Полина подчеркивали, какая она была всегда хорошая и нормальная. "Она всегда вела себя лучше всех, у нее всегда были самые лучшие отметки, всегда самая вежливая была. Когда надо было дома прибраться, всегда работала вместе с матерью", - поведал ее отец, обрисовав модель идеальной женственности и одновременно невольно дав взглянуть на свою собственную роль и роль сына (или отсутствие оной) в поддержании домашнего порядка. Вкусы и интересы Хезер были также "типичны" для девочки: любила ходить по магазинам, тусоваться с подружками и смотреть "Беверли-Хиллз 90210", по словам матери. Еще и играла на трубе в оркестре - занятие, уже не столь типичное для женщин.

Когда она вернулась, было сделано все возможное, чтобы уберечь этот образ, и семейство, непосредственно перед тем красовавшееся по телевизору на всю страну, позаботилось о сохранении "прайвеси" своей дочери. Она появилась перед телекамерами всего один раз на несколько минут, окруженная матерью, двумя братьями и лучшей подругой Дженнифер Бордо, которой было пятнадцать. "Я знаю, что то, что я сделала, неправильно, и я не хочу, чтобы кто-нибудь другой это делал, потому что научилась на своей ошибке", - смущенно продекларировала она, подавляя произвольное хихиканье. На вопрос, что она делала с Диланом двадцать два дня подряд, ответила: "Мы смотрели телевизор и спали". Занимались ли сексом - об этом не упомянула.

Это было последнее, что пресса услышала от Хезер. На судебном заседании, на котором был вынесен приговор Дилану, ее семья окружила ее плотной фалангой. Телефоны ее родителей в справочниках не значатся. Я писала ей дважды, но она не ответила.

В конечном итоге, вероятно, эта незаполненность [ее образа] послужила мелодраме лучше, чем если бы публике позволили с ней познакомиться. В повести о "Девочке, заманенной по Интернету" и в законе невинный ребенок определяется именно своей пустотой, ничтожностью, тем шаблоном, в который другие могут вписывать пассивность, наивность и лишенность всякого вожделения.

Реальные люди

Любой, кто копнул бы глубже, немедленно обнаружил бы, что Дилан и Хезер были сложнее, а их история - гораздо неоднозначнее, менее драматична и более печальна, чем это представляла пресса. Несмотря на девятилетнюю разницу в календарном возрасте, эти молодые люди были, судя по всему, ближе друг к другу в эмоциональном и интеллектуальном плане. Дилан жил самостоятельно, но его квартира оплачивалась из доверительного фонда, оставленного его отцом, который покончил жизнь самоубийством. Дилан не закончил школу и не мог удержаться на работе, потому что страдал клинической агорафобией (его доктор сказал ему, что у него "социальные фобии"), а также обсессивно-компульсивным синдромом и хронической депрессией. Дилан, по словам его матери Лоры Бартон, всегда был "хрупок". (В настоящее время он принимает лекарства от беспокойства и обсессивного расстройства, но, когда я навестила его в тюрьме, он сказал, что в депрессии и почти ни с кем не разговаривает. Он, как мне кажется, всю свою обсессивность вложил в фанатичный проект "выжать" вегетарианскую диету из тюремной столовки и автоматов, продающих "мусорную" еду. В результате чего с момента ареста похудел на двадцать фунтов.) Его "камикадзевское" понятие об истинной любви было почерпнуто из телепередач, кинофильмов и комиксов. Своими эмоциональными и образовательными ограничениями, которые он описал в длинном заявлении, зачитанном его адвокатом перед вынесением приговора, Дилан был подобен большинству других мужчин, находящихся в сексуальных связях с младшими девочками-подростками, как утверждают психологи. Своей честной любовью, по словам прокуроров, он напоминал других мужчин его возраста в подобных связях. Как и у его собратьев, незрелость Дилана и его недостаточная способность зарабатывать могли делать его менее привлекательным для взрослых женщин. Но он был

шикарным и искушенным для девочек, таких как Хезер. Во всяком случае у него была машина, деньги и право покупать пиво и сигареты.

Возможно, из-за психологических проблем, которые он описал на восьми страницах в своем заявлении суду, Дилан не был особенно разумным или ответственным молодым человеком. Но его преступления не были насильственными. И хотя история его жизни не изобилует нежными или зрелыми отношениями с женщинами, не описывает она и "хищника". И уж никоим образом не назовешь его "педофилом". Одна из его бывших подруг была на год младше него; другая была старше. Что же касается Хезер, "важным различием было то, сбежал ли он с тринадцатилетней потому, что его тянуло на маленьких девочек, или потому что он неловко чувствовал себя со сверстницами", - прокомментировал его адвокат, говоря, что имело место второе. В своем заявлении Дилан подтвердил это впечатление: "юность [Хезер] позволила мне преодолеть мои страхи", - написал он.

Да и Хезер не была той плоской фоткой чистого агнца, которая красовалась на первых полосах газет. Совершенно очевидно, что эта вежливая, всегда готовая помочь по дому, прилежная девочка делала все возможное, чтобы одурачить своих родителей и бросить вызов их авторитету и авторитету школы. Позже Полина неуверенно возразила одному из репортеров, что Хезер была, наверное, "довольно необузданная и бунтарская", но, как сказал мне тот репортер после вынесения приговора Дилану, он умолчал об этих ее словах в своей газете. В конце концов, девочка сотрудничала в нарушении федерального закона, чтобы сбежать со своим бойфрендом, хотя, вероятно, слабо представляла себе последствия (по-видимому, ни одному из ребят просто в голову не пришло, что ее родители будут их искать, пока, отходя ко сну в номере мотеля, они не увидели свои лица в одиннадцатичасовых новостях по ТВ). Тем не менее на своей пресс-конференции Хезер не выказала ни угрызений совести, ни сожалений сверх тех слов, которые произнесла. "Очень легкомысленно она относится к той нервотрепке, через которую пропустила свою мать", - сказал мне один из присутствовавших на пресс-конференции репортеров. После своего короткого заявления Хезер ускакала под ручку с подружкой Дженнифер, смеясь вместе с ней.

По ее хорошо написанным письмам к Дилану видно, что Хезер была девушкой, хорошо умеющей выражать свои мысли и чувства, взрослой для своего возраста. И, хотя ее родители и судья называли это "щенячьей любовью", она совершенно определенно была влюблена в Дилана. Но также она была и по-детски глупой, капризной и подверженной переменам настроения. "График" переписки с Диланом с ее стороны показывает пики и провалы, сражения, периодически сменяющиеся примирениями. В какой-то момент газетные сообщения о прежних любовных связях и детях Дилана, по-видимому, настолько ранили ее, что она была готова порвать с ним, потому что он держал эти связи в секрете несмотря на заключенный между ними "пакт" рассказывать друг другу всё. "Ты собирался ждать, пока мы поженимся?" - потребовала она ответа в письме, написанном после его ареста. Но также она и старалась изо всех сил сохранить к нему доверие. "Мое сердце велит мне забыть об этом. То было в прошлом, то была не я, он действительно ♥меня. А потом мой мозг говорит мне: ты что, охуела, брось этого козла". Но уже в следующем предложении ее романтические мечты перевешивают сомнения. "Я думаю, что самое лучшее время, которое у меня когда-либо было с тобой, - это когда мы были вдаль от всех, я смотрела на тебя спящего и думала, какая чудесная у нас когда-нибудь будет жизнь... Я люблю тебя". Она вложила в это письмо маленький камешек и розу. Хезер, кажется, была так же зачарована романтической мелодрамой своих отношений с Диланом, как и ее хроникеры в СМИ.

На большинстве фотографий Хезер она изображена с толстой золотой цепочкой и тонким распятием на шее - и то, и другое ей подарил Дилан. Это сочетание передает то внутреннее противоречие, которое и на самом деле было в ней: она была одновременно жесткой и ранимой, агрессивной и женственной, "плохой" и "хорошей".

Права родителей, ответственности родителей

Другая властная иерархия, поддерживаемая законами о возрасте согласия, - иерархия

возраста в семье. Категорически аннулируя право несовершеннолетней соглашаться, закон отдает ее сексуальность в руки взрослых. В тринадцатом веке право отца на девственность дочери было неоспоримым. Она (как и ее мать) была его имуществом, и, если он подозревал кого-то в нарушении владения, то мог потащить виновного к мировому судье, словно конокрада. Сегодня, хотя прокуроры и стараются получить показания девушки против ее бойфренда, они не являются обязательными для выигрыша дела в суде. Закон проводит различие между желанием заняться сексом и информированным согласием, а, поскольку несовершеннолетний по закону является "неинформированным", то достаточно доказать, что он или она занялся (занялась) сексом со взрослым партнером - и обвинительный приговор обеспечен. Разбирательство может быть инициировано теми людьми, которых больше всех задевают такие отношения: по данным прокуроров, почти две трети заявлений в полицию о незаконном сексе с несовершеннолетними поступают от их родителей. Закон дает родителям огромную власть: они могут, по сути, посадить молодого человека своей дочери за решетку.

Конечно, родители ответственны за то, чтобы направлять своих чад в сторону безопасных отношений и подальше от небезопасных, по мере возможности, что для многих означает отговаривание или запрещение любовных связей со значительно старшими людьми. Но не все семьи одинаковы. Одна женщина, теперь сама мать подростка, рассказала мне о продолжавшихся четыре года отношениях, которые у нее начались в шестнадцать лет с мужчиной, который был старше на десятилетие. Ее мать "сошла с ума", когда узнала, но в конце концов полюбила этого человека и с радостью приняла в свою семью. В другом сценарии родительская забота и совет могут отсутствовать в семье напрочь, что само по себе способно толкнуть девушку в объятия старшего мужчины, который в таком случае может сыграть в ее жизни "квазиродительскую" роль. В конце 1990-х годов социальный психолог Линн Филлипс проинтервьюировала 127 жительниц Нью-Джерси, которые, будучи несовершеннолетними, состояли в сексуальных связях со взрослыми в тот момент или когда-либо в предшествующей жизни. Одна из них, шестнадцатилетняя Джилл, была немного недовольна своим тридцатитрехлетним любовником Карлосом, потому что он был строг и в то же время эмоционален, принимал за нее все решения и контролировал каждый шаг. Но она принимала это его отеческое поведение как "крайнюю защиту", оправданную ее возрастом. Более того, Джилл считала, что Карлос "спас ее от жизни, полной всякого рода надругательств, наркотиков и неудач в школе, которым попустительствовали ее мать и бабушка".

В семье Ковальских, судя по всему, проблема заключалась не в чрезмерной заботе, ни в ее отсутствии, а попросту в том, что семья распадалась на части, едва способная выдержать еще и внешнее давление. На телевидении Роб и Полина были строгой, но любящей и сплоченной парой, и пресса тиражировала сценарий семьи честной, крепкой и как один убитой горем. "Вы сделали всё, что должна делать семья, чтобы уберечь вашу дочь", - Мори Пович вывел голос Полины Ковальски из телефона в эфир. "Правильно", - вставила она, не дождавшись завершения фразы. "...от этого типа".

Однако, по многим признакам, Ковальские не были той всемерно поддерживающей друг друга, тесной ячейкой, которую они изображали на его шоу. На самом деле, как явствует из материалов Главного суда первой инстанции графства Провиденс, Роб и Полина конфликтовали между собой начиная с 1994 года, в июле 1996 года подали на развод и уже разъехались к тому моменту, когда Хезер от них сбежала. Хотя основная масса материалов бракоразводного дела не находится в открытом доступе, ходатайства, относящиеся к вопросу попечения над Хезер, подтверждают рассказ Дилана о том, что ее родители воевали между собой из-за его отношений с ней. Например, Полина утверждала, что Роб "поощрял" Дилана и Хезер тем, что прикрывал их связь и позволял им разговаривать по телефону и встречаться в нарушение "запрета" Полины на эту связь. Еще одно утверждение Полины - что "впоследствии Дилан Хили забирал Хезер из школы, притворяясь ее отцом, просящим отпустить ее с уроков" - подразумевало, что Роб подстрекал - или по крайней мере инспирировал - и это его поведение. Полина просила суд запретить Робу навещать Хезер, но суд прошение не удовлетворил.

Хезер была явно не в ладах с матерью. Маловероятно, чтобы тринадцатилетняя сбежала из дому на три недели "по прихоти", как это утверждала Полина. На своей пресс-конференции Хезер сказала, что не звонила домой, потому что боялась, что ее домашний телефон прослушивается и ее с Диланом найдут. "Я вовсе не была уверена, что хотела вернуться домой прямо тогда", - заявила она. Непосредственно перед их бегством она написала Дилану, как ей плохо дома: "Ты - единственное, что осталось в моей жизни, чтобы я могла не быть несчастной".

Ковальские, судя по всему, рассматривали свою дочь двумя способами: как хрупкую фарфоровую куклу и как непослушного маленького дьявола. Но выглядело это так, будто они были неспособны видеть оба эти образа одновременно. Роб изображал изумление, что девочка, которая, что называется, маршировала под знаменем семьи, вдруг так резко "выскочила из рядов". Еще менее вообразимо, вероятно, было то, что его маленькая девочка так хотела, чтобы ее любил мальчик, что ради этого готова была нарушить закон. В совокупности все это было похоже на вынужденный выбор для Хезер, быть ли ей хорошей девочкой или плохой, и, как это делают многие девочки с незапамятных времен, она выбрала быть плохой. Адвокат Дилана сказал мне: как жаль, что семья не обратилась к психологам, вместо того чтобы бежать со своей фрустрацией к полицейским. Мать Дилана сожалеет о том же: "Если бы только ее родители позвонили мне! Может быть, мы бы все поговорили вместе, и..." Ее голос оборвался. Вместо того, будто порываясь очиститься от всех своих внутрисемейных драных противоречий, "узаконить" свой гнев и страх, Ковальские обратились к закону, который не терпит полутонув.

Но одно дело - раздражение Ковальских и как они обошлись со своей фрустрацией. Совсем другое дело - что сделали полиция и суды, когда получили их случай в свое распоряжение. "Совершенно понятна реакция родителей, которые сходят с ума, если их тринадцатилетняя дочь встречается с двадцатиднолетним парнем, - сказала Шэрон Лэм, профессор психологии в вермонтском Колледже св. Михаила и автор книги "Проблема с обвинениями: жертвы, виновные и ответственность", когда прочитала черновик этой главы. - Но юридическая система должна же ко всему подходить рационально и справедливо".

К сожалению, законодатели и суды в последние десятилетия ведут себя, словно слетевшие с катушек мамы и папы, поймавшие свою тринадцатилетнюю дочь "с полочным" на кушетке в гостиной. Вдохнув новую жизнь в законы, низводящие консенсуальные уравнивания любви, похоти, нужды и силы до нападений мерзких хищников из темных закоулков на беспомощных жертв, государственные деятели 1990-х годов все яростнее атаковали сложные социальные проблемы тупым инструментом уголовного закона, вводя в него исторически огромные наказания.

В 1995 году один калифорнийский социолог обнаружил показатель, согласно которому как минимум половина детей, рожденных незамужними матерями-тинейджерами, были зачаты мужчинами старше двадцати лет. И тут вдруг буквально все - от левофеминистской журналистки Кэты Поллит до архиконсервативного Совета семейных исследований - стали кричать "ИЗНАСИЛОВАНИЕ!!!" Американская ассоциация адвокатов сформировала специальный комитет для выработки юридических ответов на эту новооткрытую проблему. Обе политические партии в своих предвыборных платформах 1996 года поклялись атаковать этот вид "злоупотребления детьми", и закон о "реформе" социальных пособий, подписанный президентом Клинтон в конце его первого срока, призывал "штаты и местные юрисдикции агрессивно проводить в жизнь законы о возрасте согласия", требовал от программ соцобеспечения штатов разработать образовательные программы для правоохранителей, консультантов и педагогов по "проблеме изнасилования по закону" и предписывал генпрокурору США изучить связь между "изнасилованием по закону" и подростковой беременностью, делая при этом основной упор на "хищных старших мужчин". Губернатор Калифорнии Пит Уилсон выделил восемь миллионов долларов из пятидесяти двух миллионов, ассигнованных на программу предотвращения подростковой беременности, для материального поощрения уголовного преследования "совратителей" с целью сократить число несовершеннолетних матерей, получающих детские пособия; Техас, Флорида, Джорджия, Мэриленд и ряд других штатов вскоре последовали примеру Калифорнии. В 1996

году прокурор графства Джем (штат Айдахо) Даглас Вэриер пошел еще дальше: криминализировал весь подростковый секс, приводящий к беременности. Откопав закон 1921 года против блуда (внебрачного секса), предъявил обвинения сразу нескольким беременным девочкам и их бойфрендам.

Калифорнийские данные по взрослым отцам детей несовершеннолетних матерей впоследствии были оспорены экспертами-демографами, которые назвали эти столь разрекламированные цифры завышенными (Lynn M. Phillips, "Recasting Consent: Agency and Victimization in Adult-Teen Relationships," in *New Versions of Victims: Feminists Struggle with the Concept*, ed. Sharon Lamb (New York: New York University Press, 1999)) и указали на то, что в политических дебатах причины деторождения несовершеннолетними предельно упрощаются, попросту говоря, представляются в ложном свете (Patricia Donovan, "Can Statutory Rape Laws Be Effective in Preventing Adolescent Pregnancy?", *Family Planning Perspectives* (January/February 1997); см. также: "Issues in Brief: and the Welfare Reform, Marriage, and Sexual Behavior," Alan Guttmacher Institute report, 2000; Kristin Luker, *Dubious Conceptions: The Politics of Teenage Pregnancy* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996)), а новые государственные инициативы не оказывают никакого доказуемого влияния ни на секс как таковой, ни на деторождение как его результат. В опросе, проведенном Американской ассоциацией адвокатов, например, лишь каждый пятый адвокат ответил, что "правовое принуждение мужчин к ответственности [за отношения с несовершеннолетними] путем уголовного преследования и применения законов об алиментах является подходящей реакцией" на подростковую беременность.

Эти законы заставили людей на местах делать извращенный выбор между невыносимыми вариантами. В калифорнийском графстве Ориндж, после того как вступила в действие программа губернатора Уилсона, работники социальных служб штата начали тайно организовывать браки своих беременных подопечных, некоторым из которых было по тринадцать лет, с взрослыми отцами их детей, чтобы предотвратить уголовное преследование, которое иначе разрушило бы эти неповрежденные отношения (Matt Lait, "Orange County Teen Wedding Policy Raises Stir," *Los Angeles Times*, Orange County Edition, September 2, 1996. Исследователь проблем здравоохранения Лора Линдберг нашла, что такие связи не являются столь неустойчивыми, как некоторые могут подумать. Когда она справилась у пятнадцати-семнадцатилетних матерей, имевших старших партнеров, через 30 месяцев после рождения ребенка об их текущем положении, она нашла, что эти пары по-прежнему близки эмоционально и неразлучны: Laura Duberstein Lindberg et al., "Age Differences between Minors Who Give Birth and Their Adult Partners," *Family Planning Perspectives* 20 (March/April 1997) - прим. автора). А у предполагаемых "выгодоприобретательниц" подобные законы встретили почти универсальное презрение. "Предположим, [парень] садится в тюрьму, - терпеливо объясняла несовершеннолетняя мать из Сан-Хосе репортеру. - Она не получает никакой поддержки. Она садится на пособие". Когда старшеклассников графства Джем опросили по поводу крестового похода "против блуда", проводимого тамошним прокурором, они охарактеризовали его как нелепую попытку вмешательства в их личную жизнь, не говоря уже о том, что эта попытка, с их точки зрения, была совершенно неспособна предотвратить будущие беременности. Школьники, из которых примерно половина уже имела сексуальный опыт, предложили менее карательную стратегию решения проблемы беременности: в одном опросе 79 процентов заявили, что желают лучшего сексуального образования.

Оказывает ли уголовное преследование за "изнасилование по закону" конструктивный эффект на "виновного", "жертву" или ее семью? Исторически, "по мере того как их традиционные формы [семейного, религиозного и общинного] сексуального регулирования подвергались эрозии, многочисленные родители - иммигранты и урожденные американцы, черные и белые - искали судебного вмешательства, чтобы обуздать своих мятежных дочерей", - пишет историк Мэри Одем, которая изучила судебные дела, проходившие в Калифорнии в 1880-х и 1920-х годах. Но те судебные чиновники не гонялись за торговцами белыми рабынями, умыкнувшими, по мнению родителей, их дочерей; не издавали они и строгих судебных выговоров вроде "слушайся маму и не ходи на танцы". Вместо этого, особенно с наступлением двадцатого века, стереотип сексуально активной девочки как

жертвы трансформировался в стереотип ее же как "девиантки" или "делинквентки" (несовершеннолетней преступницы). Суды предъявляли девочкам все больше обвинений в "преждевременной сексуальности" (в занятии сексом или в видимом желании им заниматься) и отправляли в реформатории (исправительные школы), лишая таким образом их семьи столь необходимых им заработков и помощи по дому со стороны дочерей. (Историк Рут Александер нашла такие же неудовлетворительные для семей исходы в исследованных ею делах, проходивших в штате Нью-Йорк в 1930-х и 1940-х годах. Когда подавшие заявление родители узнавали, что обязательный минимальный срок по статье за "неправомерное половое поведение" составляет три года, большинство из них впадали в шок. После чего, в то время как их девочки томились за решеткой в Бедфорд-Хиллз, в нескольких часах езды от г. Нью-Йорк, матери заваливали начальников тюрьмы письмами с мольбами об уменьшении срока заключения и более гуманном обращении с их дочерьми (интервью с Александер, июль 1998 г.). - прим. автора).

В то время как дурно ведущие себя мальчики оказывались в суде по обвинению в тех же правонарушениях, за которые судили взрослых мужчин - например за воровство или хулиганство, - девочек наказывали более жестоко, чем мальчиков, и за более мелкие нарушения - без жертв, особенно за преступление "преждевременной сексуальности". Эта "сексуализация женской девиантности" продолжается и в наши дни, как пишет криминолог Меда Чесни-Линд. К началу 1960-х годов трем четвертям всех арестованных девочек предъявляли обвинение в "неправомерном половом поведении", регистрировали в системе как "лиц, требующих надзора", или объявляли неисправимыми - термины, рисующие в воображении эдакого часового, неусыпно глядящего в окно спальни, чтобы стеречь "неисправимую". В конце двадцатого века девочка, подобная Хезер, рассматривалась уже и как жертва, и как неисправимая. Она была одновременно и падшей женщиной девятнадцатого века, и современной шлюхой, которая "сама виновата". Для таких девочек в эру "суровой любви" наказание - перевоспитание в целях их защиты.

Юридические решения не дают ни эмоционального удовлетворения (что, вообще-то говоря, и не входит в задачи закона), ни исправления плохих ситуаций. В начале двадцатого века "законы о возрасте согласия и система ювенальных судов лишь увековечивали стигму и поддерживали наказание девочек из рабочего класса, проявляющих нестандартное половое поведение", - пишет Одем. В конце века мы видим то же самое, с тем лишь добавлением, что теперь законы наказывают и нестандартное половое поведение мальчиков, если оно гомосексуальное. Но закон увековечивает и стигму, налагаемую на поведение, не являющееся таким уж нестандартным: на "межпоколенные" отношения. На самом деле соединение более высокого, более богатого, более сильного, более взрослого мужчины с менее крупной, более юной, менее опытной женщиной - не только романтический идеал, но и норма. Исследования, проводимые с 1970-х годов, каждый раз показывают, что, независимо ни от каких законов, большинство девочек (девушек) теряют девственность с кем-то старше себя. На момент написания книги это означает, что от десятой части до четверти всех избранных любовников юных женщин - преступники.

Но главное (на что указывает Линн Филлипс) - подобные законы ничего не дают для удовлетворения потребностей в любви и совете, в экономической автономии, в уважении, социальном статусе или сексуальной субъектности, которые могут толкать некоторых девочек на такие связи, не исправляют они и возрастное и гендерное неравенство, которое не позволяет этим девочкам на равных вести со своими партнерами переговоры о безопасном сексе, беременности или деньгах и делает их уязвимыми перед домашним насилием и одиночеством.

В случае Дилана, Хезер и их семей трудно вообразить себе, что именно, если вообще что-либо, дало применение закона.

И справедливость ни для кого

[Прим. перев.: "и справедливость для всех" - слова из утвержденной Конгрессом клятвы на верность флагу США.]

Золотой осенью 1997 года Дилану Хили вынесли приговор - сначала в здании федерального суда, а на следующий день в суде штата, в краснокирпичном судебном комплексе столицы штата Провиденса. Осужденный сидел в тонких ножных кандалах и оранжевом тюремном комбинезоне, выглядя скорее ошеломленным, нежели кающимся, в то время как секретарь суда оглашал длинный список обвинительных вердиктов и наказаний подобно средневековой католической ектенье, объявляя каждый отдельный акт "фелониального сексуального нападения на несовершеннолетнюю" с соответствующим периодом епитимьи. Дилан получил от двенадцати до двадцати четырех лет тюрьмы по шестнадцати штатным обвинениям, включая двенадцать обвинений в фелониальном сексуальном нападении, плюс по двум федеральным обвинениям в пересечении границ штатов с целью заняться сексом с несовершеннолетней - на основании Акта Манна, принятого в 1915 году на гребне паники "белого рабства". После оглашения каждого пункта обвинения и наказания судья просил осужденного подтвердить, что тот понял суть вынесенного по его делу решения.

Он понял - буквально, во всяком случае. Но заявление Дилана, которое за него огласил адвокат, говорило скорее о трагедии эмоционального нездоровья и незрелости, нежели о преступном злом умысле, более о незаконнорожденной любви, чем о криминальном неправомерном поведении. "Я принимаю полную ответственность" - так начиналось заявление, в котором подчеркивалось, что оно не имеет своей целью "оправдать или преуменьшить" преступления Дилана. Но, рассказывая о своих детстве и юности, отравленных невыносимой робостью и одиночеством, искупленных девочкой, которая "дала мне возможность почувствовать себя таким счастливым, каким я не чувствовал себя никогда, [и] принесла радость в мою жизнь", он не казался осознавшим тот моральный урок, который должно было преподать его наказание. Более того (стратегическая оплошность, допущенная вопреки совету адвоката), казалось, что Дилан признаётся в том, что сделал бы это снова. По мере того как росли препятствия к тому, чтобы они с Хезер были вместе, по его собственному признанию, росла и его одержимость: "Я любил ее без ума и бежал с той, которую любил".

Первые пять лет и четыре месяца заключения Дилана послали отбывать в федеральную исправительную тюрьму усиленного режима Рей-брук в Адирондакских горах штата Нью-Йорк. Его сокамерник, который застрелил человека, отбывал меньший срок и имел более низкую "классификацию опасности", чем Дилан. Когда я навестила его в тюрьме, было ясно, что Дилан по-прежнему без ума от Хезер. Этот обычно неразговорчивый молодой человек говорил четыре часа подряд, и всё большей частью о ней. Несмотря на то что лекарства, которые он принимал, несколько умили его одержимость, он не отказался от своего высоко-романтического понятия о любви, которая, в конце-то концов, и есть одержимая любовь. Его мать говорила мне, что в тюрьме он читает, в основном, книги самопомощи. Но когда я спросила его самого, он сказал, что его самая любимая книга всех времен - "Грозовой перевал" Эмили Бронте, которую он прочитал дважды. "Она начинает просто бредить, так она влюблена в него, - описывал он героиню романа Кэти Эрншо, чья любовь к цыгану Хитклиффу была почти демонической. - Она говорит, что будет ждать его всегда, даже несмотря на то, что он не слишком хороший парень - да он, можно сказать, просто злодей. - Тут Дилан слегка ухмыльнулся, наверное, сравнивая свою собственную неидеальную репутацию с чудовищностью этого литературного персонажа. - Даже если она умрет, смерть не остановит ее любовь; она будет его ждать". На протяжении нашей беседы Дилан будто несло от прикованной ко дну депрессии (он сообщил мне, что находился под особым наблюдением в связи со склонностью к суициду) к мечтательности без якорей. Он объяснил свой план: найти другого адвоката, который добьется отмены запрета на его общение с Хезер и сокращения срока заключения. Когда он выйдет, она будет уже в том возрасте, когда они смогут пожениться.

В то время как Дилан томился за решеткой, Хезер вернулась в школу. Похоже, для нее это было нелегко, во всяком случае в первое время. Когда в суде ее спросили, что "может измениться для тебя в школе, с соседями, с друзьями из-за того, что с тобой произошло", она, по-видимому, истолковала это как то, что сделали журналисты и родители, а не как то, что у нее произошло с Диланом. Между ним и ней ничего не изменилось, написала она. Что же касается остальных, "некоторые люди относятся ко мне хорошо, а некоторые другие

называют меня шлюхой. Но в основном все просто тарашатся, когда я иду по улице".

Сразу после ареста Дилана Полина Ковальски выглядела так, будто ей очень хотелось, чтобы пребывание Хезер по ту сторону закона и на самом деле было наваждением, хотелось думать, что Хезер и правда была выманена из правильной жизни злодейским взрослым, а теперь, когда злоумышленник водворен за решетку, ее девочка вернулась под мамино крылышко и ей уже ничто не должно угрожать. Она была готова предоставить Хезер некоторую ограниченную "свободу действий". Собиралась разрешить ей выход в Сеть, но только для выполнения "школьных домашних проектов": никаких чатов. Надеялась, что ей с дочерью удастся больше разговаривать друг с другом. "Хочу, чтобы она снова стала нормальной тринадцатилетней девочкой", - говорила Полина.

Однако не похоже на то, что демонизация Дилана Хили много чего нормализовала для семьи Ковальских. "Зато всё изменилось для остальных членов моей семьи, - писала Хезер в своем заявлении суду. - Они считают, что Дилан пытался меня у них отнять и использовать для секса. Поэтому теперь они гораздо бдительнее следят за тем, что я делаю, и мама считает, что должна принимать за меня все решения". Каждому родителю приходится балансировать между дозволением и надзором - и Хезер, вероятно, действительно нуждалась в большем надзоре, чем получала в семье. Но бдительность Полины, похоже, лишь еще сильнее обратила Хезер против нее. Роб утверждал в своих бракоразводных ходатайствах, что Хезер хотела жить с ним; Дилан говорил то же самое. Но когда бракоразводный процесс Ковальских достиг своего завершения в феврале 1998 года, суд постановил, что физически и юридически опека над Хезер будет осуществляться обоими родителями и она должна проводить по одной неделе с каждым из родителей попеременно.

Когда я последний раз разговаривала с матерью Дилана Лорой Бартон, ее декларации оптимизма были едва способны скрыть ее скорбь и тревогу. "Мы любим и поддерживаем Дилана", - всегда говорила она, информируя меня о его учебе, настроении и диете. Мы никогда не обсуждали вопросы его безопасности в тюрьме, где "деторастителям" не живется хорошо. Лора разговаривала с Диланом по телефону каждые несколько дней, но редко когда могла позволить себе восьмичасовую поездку, чтобы добраться к нему на свидание. А пока она пыталась придать стабильности существованию своего сына в далеких Адирондаках, все стало более шатко в ее скромном кирпичном домике в Провиденсе. Брак Лоры с Томом Бартоном, мирным бородатым дорожным рабочим, был окончательно разрушен стрессом ареста и осуждения Дилана. Давние трещины в их отношениях расширились, и пара разошлась незадолго до десятой годовщины своей свадьбы.

Делая жертв

"Суд надеется, при любви и поддержке ее родителей и других членов семьи, что потерпевшая придет к осознанию того факта, что то, что сделал подсудимый, - неправильно, и что, когда она повзрослеет, она примет как данность, что то, что с ней произошло, было сделано с ней, а не из-за нее", - произнес нараспев судья штата Род-Айленд, вынесший приговор Дилану, пригвождая Хезер строгой полуулыбкой. По-видимому, судья счел себя обязанным исправить ощущение Хезер, задокументированное в судебных материалах, что она не жертва, что Дилан не повредил ей ни физически, ни эмоционально. Сидя в первом ряду галерки для публики между своими временно объединившимися родителями, одетая в простые подростковые джинсы, хлопчатобумажную фуфайку и подаренные Диланом ожерелья, с волосами, слегка подкрашенными в рыжий цвет, Хезер кусала нижнюю губу и глотала слезы, слушая оглашаемый приговор. Теперь она сидела и смотрела на свои ладони, сложенные между ног, будто ее ругают.

Многие психологи считают, что реакции взрослых даже на самое настоящее сексуальное злоупотребление могут усугублять ситуацию для ребенка, как в ближней, так и в дальней перспективе. "Часто ребенку причиняется не меньше вреда тем, как система обходится с его случаем, чем травмой, связанной с самим злоупотреблением", - гласил доклад Национального центра по дурному обращению с детьми и неисполнению родительских обязанностей 1978 года. Но методы системы не стали ощутимо лучше в последующие два

десятилетия, особенно учитывая факт учащения уголовных преследований взрослых за отношения с несовершеннолетними. Когда девочка испытала то, что она рассматривает как отношения любви и секса по согласию, нет ничего хорошего в том, чтобы говорить ей, что она подверглась манипуляции и виктимизации. "Внушать ей самой и окружающим, что она погублена на всю жизнь и что этот человек - гад, который только делает вид, что любит ее - это часто причиняет массу вреда", - так прокомментировал [один из таких случаев] Фред Берлин, психиатр из Университета Джонса Хопкинса, весьма уважаемый специалист по лечению сексуальных преступников.

Как можно предотвратить вред юным, а не причинять его? Как нам вообще узнать, что вредно, чтобы иметь какие-то ориентиры, направляя их в сторону счастливых и безопасных сексуальных отношений?

Первый ответ прост, говорит профессор социальной работы Университета штата Джорджия Элли Килпатрик: "Спросите их". Дайте им описать их сексуальные переживания, не навешивая на них заранее ярлык злоупотребления. В 1992 году Килпатрик опубликовала результаты исследования, основанного на тридцатитрехстраничном опроснике о детском сексуальном опыте, розданном 501 женщине, принадлежавшей к разным экономическим классам, расам и образовательным цензам. Вместо того чтобы использовать морально и эмоционально нагруженное выражение *сексуальное злоупотребление*, она задала им конкретные вопросы: "Сколько Вам было лет, как часто, с кем Вы занимались сексом?" "Были ли инициатором Вы или Ваш партнер?" "Какие в точности это были действия ("целовались и обнимались", "Вы показывали свои половые органы", "делали минет" и т.д.)?" "Было ли это приятно, по доброй воле, по принуждению?" "Как Вы себя чувствовали после этого?"

Килпатрик нашла, что 55 процентов ее респонденток занимались тем или иным видом секса в детстве (в возрасте от рождения до четырнадцати лет), и 83 процента - в подростковом возрасте (от пятнадцати до семнадцати лет), в подавляющем большинстве случаев с мальчиками и мужчинами, которые не были им родственниками. Из них 17 процентов ощутили этот секс как злоупотребление, и 28 процентов сказали, что он причинил им вред. Но "большинство детей и подростков, участвующих в том или ином виде сексуального поведения, находят его приятным. Они его инициировали и не чувствовали особой вины или вредных последствий", - поведала она мне. А как насчет возраста? "Мои исследования показали, что разница в возрасте - без разницы" для того, как женщины вспоминают о своих ощущениях от детского сексуального опыта, и его долговременных последствий.

Подростки часто целенаправленно стремятся к сексу со старшими партнерами, и делают они это по понятным причинам: старший человек дает им ощущение их собственной сексуальной привлекательности и взрослости, защищенности и особости; часто секс с этим человеком лучше, чем со сверстником, который мало что способен дать в плане удовольствия и навыков. Некоторые подростки роман со взрослым воспринимают скорее как спасение, нежели как виктимизацию. Как написал Райан, подросток, сбежавший из родительского дома в Миннесоту, чтобы жить в коммуне со своим взрослым любовником: "Джон - первый человек в моей жизни, который позволил мне быть тем, кем я хотел быть. ... Без Джона я был бы мертв, потому что наложил бы на себя руки". На самом деле совсем не редкость, что ребенок-"жертва" воспринимает своего "насилника" как лучшего друга, что привело к созданию нескольких чудных диагностических и криминологических речений. Уильям Прендергаст, бывший тюремный психолог и нынешний вездесущий "эксперт" по злоупотреблению детьми, например, рассуждает об "изнасиловании по согласию" и "псевдопозитивных" реакциях молодых людей на сексуальный опыт со взрослыми.

Конечно, существуют различия между полами в том, как они реагируют на ранний секс. Закон их не выдумал. Мальчики привыкли думать о себе как о "желателях" и инициаторах секса, как о стойких "игроках", легко оправляющихся после житейских "ударов любви". Поэтому среди мальчиков "самооценка негативных эффектов" секса в детстве "необычна", как явствует из проведенного психологами Брюсом Райндом и Филипом Тромовичем метаанализа национальных выборок людей, имевших такой опыт. Девочки и женщины, с

другой стороны, гораздо чаще, чем мальчики, становятся жертвами инцеста и изнасилования, и гендер усугубляет любые связанные с возрастом неравенства сил, возможные в межпоколенных отношениях. Филлипс нашла, что девочки говорили о том, что вступали в такие партнерства охотно и нередко рационально, об удовлетворении тем взрослым статусом, который они из них извлекли. Но также они часто и "теряли бдительность со старшими парнями", соглашались на секс без презерватива, на то, чтобы бросить школу, порвать связи с подругами и семьями, которые иначе могли бы помогать им в случае разрыва отношений. Ее информантки старшего возраста предложили другую точку зрения, с которой можно рассмотреть такие отношения, часто говоря о своих прошлых старших любовниках уничижительно, а о своем выборе с сожалением. Филлипс указывает на то, что подобное "плохое поведение" и "задний ум" не являются исключительной особенностью отношений типа "старший-младшая". Юный любовник может точно так же изменять и с меньшей вероятностью оставить юную женщину с ребенком и без всякой помощи.

Девушки, которых исследовала в своей книге "Пойти до конца" Шэрон Томпсон, нарисовали гораздо более позитивную картину таких романов. Немногим более 10 процентов из четырехсот девочек-тинейджеров, с которыми Томпсон беседовала на протяжении 1980-х годов, "сообщили, что активно выбирали для сексуального опыта мужчин или женщин старше себя не менее чем на пять лет". У этих девочек "не было сомнений, что они могут отличить злоупотребление и принуждение от согласия". [В беседе] они представляли себя инициаторами, "настоятелями" [на завязывании и продолжении отношений] и "покидателями" в этих отношениях, ловко "перевертывающимися" между взрослой искушенностью и детской ветреностью в соответствии со своим текущим настроением или любовными целями.

Которая же история верна - свободно выбранная любовь или медоречивый обман? "Обе", - мудро сказала Томпсон, когда я задала ей этот вопрос. Филлипс, по-видимому, с ней согласна. "Вместо того чтобы постулировать, что отношения типа "взрослый-подросток" *на самом деле* являются формой виктимизации или что они *на самом деле* представляют собой бесппроблемные, добровольные партнерства, - чем продолжать твердить, что желание означает согласие или что разница в возрасте означает имманентную неспособность соглашаться - нам нужно сделать шаг назад и "прощупать" нюансы отношений "взрослый-подросток" с точки зрения участвующих в них юных женщин", - пишет Филлипс. Если мы хотим обучить юных женщин, как избегать потенциально "эксплуататорских" отношений, "эти стратегии должны обращаться к [их] переживаемым реалиям, а также к тем культурным и личным ценностям, которые они сами, их семьи и их общины исповедуют в этом вопросе". Филлипс призналась в двойственном отношении к законам о возрасте согласия.

[Примечание автора: Я также задала этот вопрос видному сексологу и психотерапевту Лионор Тифер. Она ответила: "Вы должны учитывать субъективность и сферу опыта каждого отдельного юного человека. Вы не можете объяснить эти вещи универсалиями - социобиологией или социологией. Вопросы силы не устраняются" индивидуальными объяснениями, тем не менее; "они сложны". Тифер привела пример Моники Левински. "С одной стороны, вы можете сказать, что она сильна: она заставила лидера свободного мира желать ее. С другой стороны, там присутствует определенное бессилие и вытеснение амбиций" на сексуальное завоевание.]

"Сценарии всмятку"

""Сценарий жизни" - наши ожидания того, что мы будем делать сначала, что потом, что еще позже, и так далее в жизни - теперь чрезвычайно смят в США и Западной Европе", - сказала профессор педагогики Учительского колледжа Нэнси Леско в своем интервью 2000 года. Типичные представления американцев 1950-х годов - что сначала они будут учиться, затем устроятся на работу, потом женятся, потом родят детей - более не являются обязательно тем, что думают дети и подростки. "Ничто из этого более не является чем-то несомненным, - говорит Леско. - В результате смысл понятий "детство" и "взрослость" оказывается под сомнением и требует переопределения".

Такое переопределение является тонкой и непрекращающейся задачей; оно требует серьезной общественной дискуссии и никогда не будет завершено раз и навсегда. В 1800 году возраст согласия составлял десять лет по всей Америке. В 1880 году, после паники "белого рабства", когда десятилетние могли работать на фабриках по четырнадцать часов в день, он составлял шестнадцать. В 1990-х годах возраст согласия в буквальном смысле слова гулял по всей карте: в штате Гавайи в 1998 году - четырнадцать, в Вирджинии - пятнадцать, в Миннесоте и Род-Айленде - шестнадцать, в Техасе - семнадцать, в Висконсине - восемнадцать. В Нью-Гемпшире секс с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, считался незаконным, даже если оба партнера не достигли этого возраста.

Но секс - лишь один из маркеров социальной взрослости, на власть над которыми претендует закон. Возраст, с которого человек может законно пить спиртные напитки, курить, бросить школу, сделать аборт, не уведомляя родителей, просмотреть фильм со сценами насилия или секса или сесть во взрослую тюрьму, также является предметом споров, как и вопрос, должны ли родители отвечать по закону, если его нарушают их дети. Иррациональным образом, по мере того как возраст сексуальной инициации медленно понижается, возраст согласия повышается. И, в то время как "взрослый" секс становится преступлением для несовершеннолетних, именно и только в сфере насильственного преступного поведения "дети" рассматриваются как полностью зрелые: в конце 1990-х годов в Чикаго одиннадцатилетнего мальчика судили за убийство как взрослого, и на момент написания книги уголовные суды над несовершеннолетними, проводимые по взрослым законам, стали почти обыденностью.

[Примечание автора: В большинстве штатов подросткам разрешается водить автомобиль и даже вступать в брак раньше того возраста, когда им становится "можно" заниматься внебрачным сексом. В Массачусетсе на момент написания данной книги можно вступать в брак с двенадцати лет, но если кто-то, кто не является ее мужем, вставит палец во влагалище пятнадцатилетней, даже с ее прямо выраженного согласия, ему может быть предъявлено обвинение в "изнасиловании по закону". По статье кодекса штата, озаглавленной "Преступления против целомудрия, etc.", за фотографирование обнаженных ягодиц семнадцатилетней полагается до двадцати лет тюрьмы.]

Не существует четко различимого момента, в который человек становится готов принять на себя взрослую ответственность, не очевидно и то, что только совершеннолетние достаточно зрелы для того, чтобы им можно было предоставлять взрослые привилегии. Люди не становятся взрослыми в шестнадцать, восемнадцать или двадцать один год, если вообще становятся. Продолжавшееся три десятилетия исследование тридцати тысяч подростков и взрослых привело к выводу, что в когнитивном и эмоциональном плане обе возрастные группы функционируют на среднем уровне развития, соответствующем шестнадцатилетнему возрасту (Mike A. Males, *Scapegoat Generation: America's War on Adolescents* (Monroe, Me.: Common Courage Press, 1996)).

Юридически "назначать" некий класс людей категорически неспособным соглашаться на сексуальные отношения - не лучший способ защищать детей, особенно если "дети" включают в себя всех от рождения до восемнадцати лет. Уголовный закон, который не может не проводить четких линий, не является подходящим способом разрешения семейных конфликтов на почве несовершеннолетней сексуальности. Однако если без таких законов невозможно обойтись, они должны делать то, что Филлипс предлагает в отношении сексуального и любовного образования: находить некий баланс между субъективным опытом и правами юных, с одной стороны, и ответственностью и прерогативой взрослых, заключающихся в том, чтобы обеспечивать их лучшие интересы, чтобы "знать лучше", с другой. Хорошим образцом разумного законодательства является законодательство Голландии.

Голландский парламент в 1990 году сделал секс с людьми в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет законным, одновременно оставив за ними право использовать установленный в законе шестнадцатилетний возраст согласия, если они сами чувствуют, что

их принуждают или эксплуатируют. Родители могут подать заявление (жалобу) вопреки воле ребенка младше шестнадцати лет, но только если они могут представить Совету по защите детей убедительные аргументы в пользу того, что действуют в лучших интересах ребенка. "Это законодательство, таким образом, предоставило голландским детям в возрасте от 12 до 16 лет условные права согласия на сексуальное поведение, а власть родителей была условным образом уменьшена, - пишет Дэвид Эванс в своей книге "Сексуальное гражданство". - В то же время было признано, что все, кому не исполнилось 16 лет, уязвимы перед эксплуатацией и злоупотреблением и имеют право на соответствующую защиту. ... Общее законодательное послание здесь состоит в том, что дети старше 12 лет сексуальны и потенциально самоопределяемы и что они остаются более слабой стороной в сравнении со взрослыми и подлежат соответствующей защите, но не под автономной властью родителей".

Этот голландский закон, в своей гибкости, отражает ту самую позднесовременную "смятку" - мешанину возрастов и переживаемых опытов на заре двадцать первого века. "Если бы мы признали, что более не собираемся [проживать наши жизни] в старом порядке ... мы смогли бы перестать думать о детях и подростках как о "недостаточных", "становящихся", - говорит Леско. - Мы смогли бы начать видеть их как способных, знающих и понимающих. ... Это могло бы стать отправной точкой иного обращения с их сексуальностью".

5. Бесполое просвещение

От "целомудрия" к "воздержанию"

Есть "мейнстримное" сексуальное образование, и есть правое сексуальное образование. Но нет левого сексуального образования в Америке. Все называют себя "педагогами воздержания". Все.

Лесли Кантор, директор образовательных программ Американского совета сексуальной информации и образования (1997 год)

В 1981 году сенатор-республиканец от штата Алабама, впервые избранный на эту должность, баптист с апокалиптическим именем Иеремия придумал способ, как "забороть" подростковую беременность, одновременно покорив то, что он считал моральным бичом о двух концах: подростковый секс заодно с абортами. Вместо нескольких успешных национальных программ, предоставляющих услуги контрацепции и консультации девушкам-подросткам, Акт о семейной жизни подростков Иеремии Дентона (AFLA) предлагал остановить подростковый секс путем чистой пропаганды. AFLA предусматривал финансирование школьных и общинных программ, направленных не "повышение самодисциплины и другие благоразумные подходы" к подростковому сексу. Оппоненты сразу же окрестили его инициативу "воспитанием целомудрия".

Поначалу реакция прессы и публики выражала озадаченность. "Потрясающе", - комментировал персонаж серии комиксов Гэрри Трюдо "Дунсбери" Зонкер, сидя вместе с Майком Дунсбери на своей веранде и пытаясь вообразить себе, что же должен означать этот целомудренный билль. Проверки документов при входе на фильмы с Брук Шилдс? Финансируемые правительством грузовики с громкоговорителями, разъезжающие по улицам субботними вечерами и орущие "А ну прекратите!""? "Ух ты", - сказал Зонкер, остолбенев от такой мысли.

Но когда влиятельный сенатор-республиканец от штата Юта, председатель Комитета по трудовым и человеческим ресурсам Оррин Хэтч объявил себя спонсором билля, законопроект резко набрал вес. "Это невежественное законодательное предложение называют "законом о целомудрии", но оно вовсе не является шуткой", - говорилось в редакционной статье "Нью-Йорк таймс", которая тогда осуждала этот билль.

Конечно, какая уж там шутка. AFLA стал первым федеральным законом, специально предназначенным для финансирования сексуального образования, и он действует до сих

пор. Ему пока не удалось достичь смелых целей, поставленных его авторами, а именно искоренения подросткового секса, подростковой беременности и абортов зараза. Но для Новых Правых с "имперским президентом" Рональдом Рейганом во главе, незадолго до того триумфально обосновавшихся в Вашингтоне, он был большой победой. Для юных людей, для их сексуальной автономии и безопасности он был тяжким ударом - первым из сплошной череды, не прекращающейся до сих пор.

В последующие два десятилетия крупные, хорошо финансируемые национальные консервативные организации, поддерживаемые верной пехотой, набранной из волонтеров, маршировали от школьного округа к школьному округу, обстреливая учителей и учебные программы, информирующие школьников об их телах, об их сексуальных чувствах, о контрацепции и абортах. Эти атаки встречали лишь местное, очаговое сопротивление. Сексуальное образование и до того было "политическим захолустьем"; едва ли кто обращал на него внимание. В отличие от их оппонентов, у поборников секспросвета хотя и была пара национальных организаций, не было общенационального движения, не было согласованной культурно-политической "повестки дня". Как подчеркивает социолог Дженис Ирвайн, ни феминистки, ни левые политики не бросились им на помощь; геи и лесбиянки включились в борьбу только в 1990-х годах, когда атаки [правых] стали концентрироваться все недвусмысленнее и враждебнее на них самих. Наиболее прогрессивные и политически подкованные специалисты по сексуальному образованию работали вне системы государственных школ, вследствие чего имели лишь ограниченное влияние на государственную политику и мало что могли сделать непосредственно для большинства ребят. На низовом уровне видимые силы "против секспросвета" были обычно ничтожны, часто это были лишь один-два разъяренных родителя и их пастор. Но местные оборонительные порядки оказались более хлипкими, и гарнизоны всеобъемлющего сексуального образования, уже едва способные держаться, начали падать один за другим.

Теперь, двадцать лет спустя, можно считать, что войны за сексуальное образование почти полностью выиграны правыми. В 1997 году Конгресс США выделил четверть миллиарда долларов, которые должны были расходоваться в течение пяти лет, на усиление воспитания в целомудрии, название которого было заменено на менее "церковное", более напоминающее программу "двенадцати шагов" слово *воздержание*. Как часть всеобъемлющего "билля о реформе социальных пособий" государственное Бюро здоровья матери и ребенка предоставило субсидии тем штатам, в которых осуществлялись программы, имеющие своей "исключительной целью обучение тем социальным, психологическим и медицинским преимуществам, которые дает воздержание от сексуальной активности". В стране, где лишь один из десяти школьников получает более сорока часов полового просвещения в любой год, эти положения запрещают финансируемым организациям сообщать ребятам что-либо о контрацепции или презервативах, кроме того, что они "не работают". В стране, где 90 процентов взрослых занимаются сексом до брака и не менее 10 процентов - геи и лесбиянки, закон "подписывается" под одним посланием, и только под одним: что "моногамные отношения в рамках брака, основанные на взаимной верности, являются ожидаемым стандартом человеческой сексуальной активности". Секс, не скрепленный узами брака, - так от педагогов требуют говорить детям, - "с высокой вероятностью влечет за собой вредные психологические и физические последствия".

Сначала эти условия вызвали реакцию оппозиции у многих в стране. Но в конце концов все штаты один за другим приняли обещанные за них деньги. Во многих штатах их тратили большей частью на разработчиков внешкольных образовательных программ. Но на протяжении десятилетия правая пропаганда и политические действия толкали сексуальное образование в государственных школах неуклонно в сторону целомудрия. Теперь это "толкание" усилилось "тягой" из Вашингтона, и, что называется, процесс пошел. К 1999 году целая треть школьных округов (государственных школ) использовала в своих учебных планах программы "только воздержания". В общенациональной выборке преподавателей сексуального образования, исследованной Институтом Алана Гуттмахера, 41 процент респондентов назвали воздержание самым важным посланием из всех, которое они стремились донести до своих учеников, по сравнению с 25 процентами в 1988 году. За те же десять с небольшим лет число учителей, говоривших на своих занятиях исключительно о

воздержании, возросло в одиннадцать раз - до почти 25 процентов с всего 2-х. Результаты исследования показали "резкий спад ... поддержки со стороны учителей освещения многих тем, в том числе предохранения от беременности, абортов, сведений о получении контрацептивов и медицинских услуг по ЗППП, а также сексуальной ориентации", - комментировал один из докладов. "Более того, пропорция учителей, которые на самом деле освещали эти темы, также уменьшилась".

Сегодня обучение воздержанию исповедуется, кажется, почти всеми поголовно. Единственное, что еще осталось обсудить, - следует ли учить *только* воздержанию. Федерация планирования семьи, которая на протяжении десятилетий была у правых официальным агентом Сатаны на Земле, почти в одночасье переметнулась в лагерь "воздержальщиков"; лишь несколько ее мужественных местных организаций продолжают идти против течения, как например организации Большого Северного Нью-Джерси и Нью-Йорка. Хотя он был флагманом Америки в деле продвижения всеобъемлющего сексуального образования и его доблестным защитником начиная с 1964 года, Совет Соединенных Штатов по сексуальной информации и образованию (SIECUS) также публично поклялся в верности воздержанию. "SIECUS поддерживает воздержание. Повторяю: SIECUS поддерживает воздержание, - так начала одно из своих типичных выступлений середины 1990-х годов его тогдашний президент Дебра Хэффнер. - Но SIECUS не поддерживает обучение молодых людей одному только воздержанию". Даже "Защитники юных" - наверное, единственная в своем роде, самая прогрессивная независимая организация сексуального образования и сторонница школьного полового просвещения в стране (в 1997 году она призвала штаты отвергнуть субсидии на условиях "билля о реформе социальных пособий" "решительно и безоговорочно") - теперь расхваливают воздержание, хотя и сопровождают это более либеральными посланиями в своих публикациях. Сегодня всеобъемлющее сексуальное образование называет себя "образованием воздержания-плюс", чтобы отличить себя от программ "только воздержания".

Родители в опросах огромным большинством поддерживают сексуальное образование, освещающее широкий диапазон тем, в том числе контрацепцию и даже аборты и сексуальную ориентацию. Но, без сомнения, мотивируемые страхом перед СПИДом, они тоже любят воздержание. В общенациональной выборке родителей, опрошенных в 2000 году Семейным фондом Кайзера, 98 процентов назвали профилактику ВИЧ/СПИДа в числе тем, которые, по их мнению, должны преподаваться в школах, а воздержание оказалось на втором месте с минимальным отрывом: его назвали 97 процентов.

Идею, что секс является нормативной - и (Боже упаси!) позитивной - частью подростковой жизни, невозможно произнести на публичных форумах Америки. "Есть "мейнстримное" сексуальное образование, и есть правое сексуальное образование, - сказала Лесли Кантор в 1997 году, будучи в очередной поездке по стране с связи с ее работой для SIECUS. - Но нет левого сексуального образования в Америке". Она имела в виду и свою собственную организацию. Через каких-нибудь пятнадцать лет после того, как газета Джойс Пёрник осудила целомудрие как допотопную идею, эта колумнистка "Нью-Йорк таймс" почувствовала себя обязанной вставить оговорку в свою критику новых положений о "только воздержании". "Очевидно, - начала она, - никто - начиная с христианских правых и заканчивая либеральными левыми - не возражает против того, чтобы ... поощрять половое воздержание".

Этот консенсус проблематичен по двум причинам. Во-первых, во всем мире большинство людей совершают свое первое половое сношение или эквивалентный гомосексуальный акт в подростковом возрасте. А во-вторых, ничто не свидетельствует о том, что уроки воздержания, будь то изолированные или сопровождающиеся дополнением в виде более полного освещения сексуальности и методов профилактики, на самом деле удерживают подростков от полового сношения более чем на несколько месяцев.

С другой стороны, кажется очевидным, что американским взрослым свойственно поучать детей не заниматься сексом. Большинство из них делали это всегда. Но логика, что это необходимо и хорошо - предлагать воздержание как один из нескольких сексуальных

"вариантов" - обоснование, даваемое приверженцами обучения "воздержанию-плюс" (бывшими приверженцами всеобъемлющего обучения) - более кажущееся, нежели реальное. Когда несколько лет назад ее спросили, почему в названии ее новой учебной программы особо выделено слово *воздержание*, прогрессивный сексуальный педагог (которая когда-то сама пыталась остановить потоп программ воздержания) сказала: "Потому что это один из способов, который подростки могут выбрать как решение проблем секса". Ее собеседница, психотерапевт-сексолог с языком, острым как сабля, ответила ей: "Ну да. А еще покончить с собой". Причина обучения воздержанию - не практика. А идеология.

Никакого секса, пожалуйста. Мы работники сексуального образования

Конечно, Оррин Хэтч и Иеремия Дентон не являются изобретателями сексуального образования как инструмента предотвращения секса. На протяжении всей истории, как пишет Патрисия Кэмпбелл в своем историческом обзоре "текстов по сексуальному образованию", "каков бы ни был тон [этих текстов] - напыщенный или более непринужденный, - их целью всегда является обучение [молодых людей] текущему одобряемому сексуальному поведению для их возрастной группы". А текущее одобряемое сексуальное поведение для возрастной группы любого ребенка почти во все времена - совсем никакого сексуального поведения.

"[Сексуальное обучение] должно подчеркивать опасности внебрачного коитуса, моральные и физические, без которых ... такое обучение вряд ли будет иметь большой сдерживающий эффект", - писал один из "прогрессивных" отцов "сексуального обучения" в 1906 году, излагая цели своей дисциплины. К 1922 году, когда федеральное правительство озаботилось тем, чтобы опубликовать собственное руководство по сексуальному образованию ("Средняя школа и сексуальное образование"), оно практически полностью исключило сексуальность из учебных курсов. Прилагаемые к руководству медицинские опросники, например, предположительно использовавшиеся для "разведки" сексуальной жизни учащихся, тщательно избегали этого предмета, вместо того задавая такие жизненно важные вопросы, как "Тщательно ли ты пережевываешь пищу?". Мегабестселлер Эвелины Дювалль 1950-х годов "Факты жизни и любви для тинейджеров" репетировал удушающий протокол одобряемого подросткового светского поведения на десятилетия вперед, в мельчайших подробностях: "Когда они подходят к кассе, Мэри делает шаг назад и смотрит на рекламные плакаты, в то время как Джон покупает билеты". Но жизнь и любовь для тинейджеров означали "свидания", которые, как это специально подчеркивалось, не подразумевали секс. В конце вечера Мэри "не забывает о том, что нельзя слишком долго задерживаться у двери".

Основатель современного прогрессивного сексуального образования доктор Мэри Калдерон уже не требовала говорить "нет", но настаивала на том, чтобы говорить "подождите". Выступая в 1964 году перед первокурсницами Колледжа Вассара (престижный частный гуманитарный женский колледж в штате Нью-Йорк, основанный в 1861 г. бизнесменом М. Вассаром - прим. перев.), Калдерон, тогда президент "Планируемого родительства", всемирно известная поборница контрацепции, а вскоре после того ставшая президентом-основателем SIECUS, не морализировала, не нагнетала страхи. Но все же она обещала свободу юности и удовлетворение во взрослом возрасте, которых, по ее мнению, можно было достичь только избегая добрачного секса. Воздержитесь теперь, говорила она студенткам, и у вас будет "время ... чтобы вырасти в женщин, которыми вы предназначены быть". Строгости самоограничения будут вознаграждены эмоционально и сексуально более удовлетворяющими браками, утверждала она.

Хотя ее советы теперь выглядят вполне умеренными, Калдерон и ее единомышленники подвергались яростным атакам со стороны правого лагеря, который чернил их при помощи маккартистских и антисемитских инсинуаций и обвинял в подрыве американского образа жизни как такового. "Борьба продолжается - борьба между теми, кто верит в родительскую ответственность, и теми, кто пытается захватить контроль над мышлением американской молодежи, - декларировал глухой бас на антисекспросветовском ролике, выпущенном Обществом Джона Бёрча. - На кону - будущее ваших детей и вашей нации".

Ученики Калдерон, которые впоследствии стали поколением основателей современного прогрессивного и "мейнстримного" сексуального образования, были первыми, кто намекал, что секс, хотя и не всегда одобряется, является тем не менее нормативным подростковым поведением. Некоторые были неприкрытыми сторонниками детского сексуального освобождения. "Секс - это естественная потребность. Если ты не слишком мал для того, чтобы хотеть секса, ты не слишком мал для того, чтобы заниматься сексом", - провозгласили Хайди Хэндман и Питер Бреннан в своей книге 1974 года "Руководство по сексу: информация и помощь для несовершеннолетних". Психолог Сол Гордон написал целую стопку книг, которые были не столь радикальны, как книга Хэндман и Бреннана, но тоже уважали способность юных людей принимать самостоятельные решения. В своей книге 1975 года "Ты" Гордон ответил на вечный вопрос "Готов(а) ли ты к сексу?" серией встречных вопросов: "Зрел(а) ли ты? Влюблен(а) ли ты? Используешь ли ты средства предохранения?"

Когда читаешь эти книги, поражаешься полному отсутствию в них слова *воздержание*, которое вошло в популярный лексикон не ранее начала 1980-х годов (поиск по всем американским журналам и газетам в системе Lexis-Nexis выдал две статьи за 1980 год, обе из которых были о папе римском). "Мейнстримное" сексуальное образование в 1970-х годах продолжало долбить "никакого секса!", но книги, подобные книгам Гордона, также представили и важный штришок либерализма в отношении к детской сексуальности.

Целомудрие

В самом деле, 1970-е были знаковым десятилетием для сексуальной автономии юных - не только на улицах и в рок-клубах, но также и в школах, клиниках и высших судах страны. После решения 1973 года по делу "Роу против Уэйда" (в 1973 году Верховный суд США в своем решении по этому делу постановил, что право на аборт является "фундаментальным правом", т.е. его полный запрет противоречит Конституции - прим. перев.) либералы и феминистки выиграли целую череду судебных исков, что гарантировало бедным женщинам и женщинам-подросткам права на информацию и услуги по контрацепции, на что Вашингтон и штаты ответили учреждением крупных программ, предоставляющих такие услуги. Это резкое увеличение количества клиник, подотчетных правительству, имело неожиданный результат, подмеченный историком здравоохранения Констанцией Натансон: вдруг появились горы данных о подростковом сексе, применении противозачаточных средств, беременности и ее прерывании - данных того рода, которые до того собирались только о бедных. Либеральные организации планирования семьи начали подумывать о том, чтобы использовать эти данные для вербовки своих сторонников. Правые начали подумывать о том же.

Потом, в 1976 году, кое-какая статистика, сочащаяся пропагандистским потенциалом, появилась. Поддерживающий планирование семьи Институт Алана Гуттмахера выпустил доклад, озаглавленный "Одиннадцать миллионов тинейджеров", который объявил о национальной "эпидемии" подростковой беременности. "Нежеланная беременность случается с нашими юными женщинами - не только среди бедных и представительниц меньшинств, но и во всех социоэкономических группах, - сообщил президент Института Конгрессу. - Если бы у меня была дочь, я бы сказал, [что это происходит] с "нашими" дочерьми".

Это было не совсем так. Прежде всего, нежеланная беременность случалась большей частью не с дочерьми демографов, докторов и вашингтонских бюрократов. Как тогда, так и теперь более 80 процентов матерей-тинейджеров в Америке происходят из бедных семей. И даже среди этих юных женщин не было никакой эпидемии. Одиннадцать миллионов - это было общее число людей моложе восемнадцати лет, имевших хотя бы одно половое сношение. Беременностей среди тинейджеров случалось на самом деле меньше миллиона в год, а среди матерей-тинейджеров шесть из десяти были по закону совершеннолетними - восемнадцатилетними и девятнадцатилетними. Да, незамужние и неженатые подростки в 1970-х годах больше занимались сексом, чем в предшествующие десятилетия. Но материнство

среди подростков достигло своего пика за весь двадцатый век в середине 1950-х годов, когда каждая десятая девушка в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет рожала. С тех пор этот процент неуклонно снижается.

Несмотря на это идея эпидемии подростковой беременности сфокусировала общественное беспокойство по поводу более не стесненной [условностями] половой жизни девочек-подростков. Политически это сослужило службу как либералам, так и консерваторам: первые доказывали необходимость репродуктивного здравоохранения и просвещения для сексуально активных тинейджеров, а вторые пытались поприжать здравоохранение, просвещение и, в первую голову, секс.

Федеральные выборы 1980-го года дали консерваторам их шанс. Избиратели вернули республиканцам контроль над Сенатом, который перед тем был оплотом демократов двадцать восемь лет подряд, и поместили Рональда Рейгана в Овальный кабинет (рабочее место президента США в Белом доме - прим. перев.). Новый президент на каждую должность, имеющую отношение к половому просвещению, контрацепции или абортам, назначил человека, являющегося противником и первого, и второго, и третьего. "Эти люди предоставили антиабортному движению такой форум в правительстве, какого у него не было никогда", - говорит Сьюзан Коэн, которая ныне занимает должность старшего политического аналитика в Институте Гуттмахера. Для движения за репродуктивные права, добавляет Билл Гамильтон, который тогда был лоббистом "Планируемого родительства", выборы 1980-го года были "катастрофическим поражением". Для всеобъемлющего сексуального образования это было начало конца.

Через несколько месяцев после того как начал заседать Конгресс 97-го созыва, Оррин Хэтч ответил согласием на просьбу президента демонтировать Раздел X Закона об общественном здравоохранении 1970-го года, предусматривающий контрацептивные услуги для бедных и юных женщин. Хэтч задумал сделать это путем урезания на четверть ассигнований на эту программу и "перепакывания" ее целиком в виде общих ("блочных") субсидий штатам. Сваленный в одну кучу с субсидиями на борьбу с грызунами и фторирование воды и не снабженный требованием к законодателям штатов выделять деньги на репродуктивные услуги, Раздел X вполне мог прекратить выполнять свою функцию источника репродуктивных услуг.

Тем временем неподалеку от него фанатик борьбы с абортами Иеремия Дентон председательствовал в подкомитете по социальным службам Комитета по трудовым и человеческим ресурсам Оррина Хэтча, стараясь застолбить себе место в истории. С помощью нескольких друзей, включая католическую поборницу контрацепции сестру Теда Кеннеди Юнис Шрайвер, он разработал Сенатский билль 1090 - Акт о семейной жизни подростков (AFLA). Вскоре его поддержал и сам Хэтч.

AFLA был, образно выражаясь, трезубцем: один его "зубец" продвигал усыновление/удочерение в качестве "позитивной" альтернативы внебрачному материнству или абарту, хотя в то время 96 процентов беременных подростков отвергали усыновление/удочерение как жестокий и ненужный вариант. Второй "зубец" запрещал государственное финансирование любой организации, работники которой только произносили слово "аборт" в разговоре с подростком, не то что производили саму операцию. "Воспитание в целомудрии" было третьим, самым спорным, "зубцом".

Но и публичная полемика, и высмеивание в прессе - от политических карикатур в местных газетах маленьких городков до редакционных полос "Нью-Йорк таймс" и "Вашингтон пост", - судя по всему, едва ли поколебали уверенность нового большинства на Капитолийском холме. При мощной агитационной поддержке Национального комитета за право на жизнь и Американской лиги жизни, проводимой в провинциальных городках, и при том, что внимание поборников планирования семьи было отвлечено на авральную попытку спасти Раздел X, Сенатский билль 1090 просвистел через Сенат, словно пуля. Когда вопрос о нем встал во время окончательного бюджетного согласования, конгрессмен-демократ от Калифорнии Генри Уэксман, председатель подкомитета по здравоохранению Комитета по коммерции и

самый активный защитник Раздела X, был вынужден пойти на сделку с Хэтчем и Дентоном. Уэксману было позволено сохранить Раздел X, но только вместе с AFLA, привязанным к нему, словно веревка с гремящими консервными банками.

"AFLA был антиабортным ответом на политику планирования семьи, заложенную в Разделе X", - подытожила семнадцать лет спустя Джуди Десарно, президент и исполнительный директор Национальной ассоциации планирования семьи и репродуктивного здоровья. Тогда, добавила она, большая часть сообщества планирования семьи вздохнула с облегчением. Если бы Раздел X был потерян, миллионы бедных женщин не получали бы никаких репродуктивных услуг, сказала она. "Это было прискорбно, - добавила Коэн из Института Гуттмахера, - но важно то, что реально действующая профилактическая программа доказала свою жизнеспособность на протяжении вот уже более десятка лет, и AFLA практически не повредил этой программе".

Другие были в корне не согласны с оценкой, что AFLA причинил мало вреда. Среди его хулителей были юристы проекта "Репродуктивная свобода" ACLU, которые считали, что, пусть он и не повредил Разделу X, он мог повредить сексуальному образованию - и Первой поправке. В 1983 году в деле "Кендрик против Боуэна" они доказывали, что часть этого закона, относящаяся к сексуальному образованию, была троянским конем, исподтишка протаскивающим ценности христианских правых, особенно их непреклонное неприятие аборт, в государственные школы за государственный счет. AFLA, утверждали они, нарушал конституционный принцип отделения церкви от государства.

Верховный суд в конце концов - десять лет спустя - решил, что AFLA соответствует Конституции в том, как он был написан - "на первый взгляд", - но что на практике правительство действительно продвигало некоторые религии и дискриминировало другие. Суд назначил ACLU наблюдателем за исполнением закона, что неофициально они делали на протяжении всего этого судебного процесса.

Но, как теперь считают многие, было уже слишком поздно. Некоторые из крупнейших получателей правительственных субсидий, в том числе Sex Respect и Teen-Aid, к тому времени успели превратить свои оплаченные на средства налогоплательщиков, разработанные церквями, антисекспросветовские учебные программы в большие и прибыльные коммерческие предприятия. Respect, Inc., которая получила более \$1,6 миллиона в виде федеральных и штатных субсидий в течение 1980-х годов, в начале 1990-х заявила, что ее программы использовались в четверти школьных округов Америки. Teen-Aid, которая между 1987 и 1991 годами получила по AFLA субсидий в общей сложности на \$784 683, стала одним из крупнейших издателей программ "только воздержания", которые мало чему учат, кроме "просто скажи "нет"".

Это субсидирование - и подмена федеральных средств на контрацепцию долларами на целомудрие - происходило без малейшего стеснения. AFLA "был написан с нескрываемой целью перенаправить [федеральные] деньги, которые иначе пошли бы в "Планируемое родительство", организациям с традиционными ценностями, - сообщал один из обозревателей "Консервативного дайджеста". - Эта благородная цель здесь была совершенно определенно достигнута. Если бы не начальный капитал, предоставленный правительством, "Sex Respect", возможно, так и остался бы идеей, не вышедшей за пределы аспирантской диссертации". Бывший представитель SIECUS Дэниел Дейли сказал в 1997 году: "В первые годы после принятия AFLA эти деньги шли напрямую от правительства христианским фундаменталистским группам, которые образовали инфраструктуру организаций, наиболее яростно выступающих против всеобъемлющего сексуального образования сегодня". Тогда же был заложен и тот дискурс о подростковом сексе, который формирует политику по сей день.

"Проблема добрачных подростковых сексуальных отношений"

В докладе своего комитета по Сенатскому биллю 1090 от июля 1981 года Дентон цитировал

статистику, распространяемую Институтом Гуттмахера (ему, вероятно, было невдомек, что эта организация носит имя одного из виднейших в истории борцов за право на аборт). Сенатор декларировал, что государству следует озаботиться "нуждами беременных подростков", и предложил рецепт, которому могли бы аплодировать все профессионалы, занимающиеся планированием семьи: *больше профилактики*.

Но профилактики чего? Бедности? Подростковой беременности? Внебрачного материнства?Abortов? Дентон объявил, что может искоренить все перечисленное, предотвращая то, что он видел как причину всех бед: *подростковый секс*. В том, что позже стало центральным маневром в консервативной риторике о подростковой сексуальности на протяжении десятилетий, Дентон "схлопнул" четыре отдельных события - секс, беременность, роды и аборт - в одну "широко распространенную проблему". Он приписал "серьезные медицинские, социальные и экономические последствия" всем четырем, а затем "свернул" все это в одно гигантское пугало: *"проблему добрачных подростковых сексуальных отношений"*.

Эту "проблему" усугубляло целое десятилетие социальной политики, которую он и Хэтч суммировали в своем письме в "Нью-Йорк таймс" как "полтора миллиарда долларов налогоплательщиков [расходуемые] на "планирование семьи"". Противозачаточные средства и аборты, рассуждали они, приводят к подростковому сексу, который приводит к беременности. Их логическая "ловкость рук" была потрясающей: контрацепция и аборты вызывают подростковую беременность.

Но настоящей бедой, как это видели спонсоры законопроекта, был не просто подростковый секс. Это был секс за спиной у мамы и папы. "Глубокий карман государства финансирует это вмешательство между родителями и их детьми в школах и клиниках вот уже 10 лет, - писали Хэтч и Дентон. - Неудивительно, что проблемы подростковой сексуальной активности становятся все хуже и хуже". Иными словами, клиники, предоставляющие конфиденциальные услуги подросткам, к чему их обязал Верховный суд еще в 1977 году, разрывали семью на части, способствуя освобождению детей за счет вновь артикулированного подмножества семейных ценностей - "прав родителей". (Позже в консервативном лексиконе "родители" превратились в "семьи", подразумевая гармоничную и сплоченную ячейку без конфликтов между полами и поколениями.)

В течение десятилетия, то ли от вынужденного реализма, то ли от искренней поддержки предоставления юным женщинам прав, руководители страны соглашались с либеральным сообществом планирования семьи, рассматривая несовершеннолетних пользовательниц медицинских услуг как самостоятельных действующих лиц в их собственных сексуальных жизнях. Но в начале 1980-х годов, когда AFLA уже стал законом и росло политическое давление справа, была возрождена проверенная временем тема: родители должны контролировать все аспекты сексуальности своих детей. "Я не против планирования семьи, когда мы планируем семьи, - заявил Дентон прессе. - Однако неземансипированные несовершеннолетние семьи не планируют".

Планирование семьи задолго до того стало эвфемизмом контрацепции, которая была тропом современной, сознательной, технологически усовершенствованной сексуальной жизни. Для "планировщиков семьи" профилактика означала предотвращение незапланированной беременности. Теперь профилактикой стало предотвращение секса, и ее следовало проводить не противозачаточными таблетками, а обличительными тирадами и идеологией. AFLA утвердил сексуальное образование под эгидой "семейной жизни". А в идеальной семье родители держали своих детей в безопасности путем отрицания их сексуальности и их автономии, и дети могли чувствовать себя в безопасности, принимая рамки детства.

Триумф "воздержания"

Сексуальность была "семейной жизнью". И только семьи - то есть состоящие в браке друг с другом мамы и папы - могли заниматься сексом. В 1996 году человек, принесший

внебрачный минет и эротические игры с сигарами на телевидение в прайм-тайм (имеется в виду президент США Клинтон, против которого в Конгрессе велась процедура импичмента в связи с его внебрачной связью с Моникой Левински, которая происходила прямо в Овальном кабинете в рабочее время; также Клинтон любил красоваться перед телекамерами, "эротично" куря сигары - прим. перев.), подписал закон, который должен был отлучить от госбюджета тех работников сексуального образования, которые не придерживались этого кредо: статью 501(b) "Воспитание воздержания" Закона о социальном обеспечении 1997 года. Чтобы получать деньги из Вашингтона, штаты должны были добавлять к каждому федеральному доллару два из своей штатной казны, которые иначе могли бы тратиться на более всеобъемлющие программы. Федеральное правительство не просто поощряло "только воздержание"; оно старалось отбить охоту ко всему остальному.

Положения о финансировании "только воздержания" были платиновым стандартом консервативной идеологии сексуальности и семьи. И, так же как и в случае вдохновивших их программ AFLA, их абсолютность вызвала неодобрение большинства американцев. Так что поначалу ведомства здравоохранения и образования ряда штатов противились тому, чтобы тратить свои ограниченные средства на проповедование воздержания школьникам, половина из которых уже занималась сексом, а некоторые успели родить детей или заразиться ВИЧ. Некоторые защитники подростков, полового просвещения и репродуктивных прав (наиболее громко из них это делали "Защитники юных") публично хвалили свои местные бюрократии, поощряя их отвергнуть эти федеральные средства. Но многие штаты уже имели аналогичные, если не еще более ограничительные, законы. Из двадцати трех штатов, в которых сексуальное образование было обязательным, менее половины требовали преподавания контрацепции, и во всех из них предписывалось обучение воздержанию.

В конце концов каждый штат обратился за федеральными субсидиями на "только воздержание" в первый же год, и все, кроме двух, получили их. Пять штатов приняли законы, устанавливающие обязательное преподавание "только воздержания" в качестве стандарта для детей школьного возраста. В 2000 году по инициативе архиконсервативного конгрессмена от Оклахомы Эрнеста Истука язык AFLA был приведен в соответствие с языком закона о социальных пособиях, и еще двадцать миллионов долларов были ассигнованы на теперь уже без сучка без задоринки доктринерские субсидии по AFLA. Такие организации, как "Защитники юных", SIECUS и Национальная коалиция против цензуры в тот год начали кампанию с целью заблокировать продолжение ассигнований на "только воздержание" в 2001 году. Но при Джордже Буше в Белом доме и при том, что не многие конгрессмены желают попусту тратить свой политический капитал, оппонировав ей, беспроblemное выживание этой программы почти гарантировано.

В одном смысле, широкая поддержка воздержания логична. Американцы всё еще убеждены, что подростковая беременность имеет масштабы пандемии, и во времена, когда через секс передается смерть, сдерживать обмен подростковыми телесными жидкостями - привлекательная идея для родителей, педагогов и даже самих ребят.

Но в другом смысле, тем не менее, она бессмысленна - и по простейшей из причин: всеобъемлющее, не "воздержательное" сексуальное образование работает. А "воспитание воздержания" - нет. Во многих европейских странах, где подростки занимаются сексом не меньше, чем в Америке, сексуальное образование начинается с младших классов. Оно проникнуто незашоренным, даже полным энтузиазма, отношением к сексуальному; оно откровенно; и оно не учит воздержанию. Цифры нежеланной подростковой беременности, абортов и СПИДа в любой из западноевропейских стран в разы ниже, чем у нас; средний возраст первого полового сношения примерно тот же, что в Соединенных Штатах.

Программы воздержания, с другой стороны, не меняют отношение учащихся на сколько-нибудь продолжительное время и едва ли меняют их поведение хотя бы на йоту. К 1997 году в научной литературе были опубликованы шесть исследований, показывающих, что эти занятия не достигают своей цели: побудить ребят отложить половое сношение. В одном случае ученики мужского пола, проходившие курс "только целомудрия", на самом деле

занимались сексом больше, чем контрольная группа. После введения в действие новых правил предоставления социальных пособий исследование 659 афро-американских шести- и семиклассников, опубликованное в "Журнале американской медицинской ассоциации" (JAMA), вынесло тот же вердикт. Через год после занятий ребята, прошедшие программу "только воздержания", совершали половое сношение в той же пропорции (приблизительно каждый пятый), что и ребята, прослушавшие уроки, делающие основной упор на использование презервативов, с той лишь опасной разницей, что первой группе ничего не говорили о безопасном сексе. "Трудно понять логику, лежащую в основе решения ассигновать средства именно на программы воздержания", - комментировала редакционная статья JAMA. Заявление, выражающее консенсус Национальных институтов здравоохранения по вопросу профилактики СПИДа, вынесло еще более убийственное обвинение: обучение "только воздержанию" потенциально смертоносно. Этот "подход вводит политику в прямой конфликт с наукой и игнорирует обильные свидетельства того, что другие программы эффективны", - заключила группа, в которую входили многие ведущие эксперты страны по СПИДу. "... программы только воздержания не могут быть оправданы перед лицом эффективных программ, особенно учитывая тот факт, что мы стоим на пороге международного кризиса в эпидемии СПИДа".

Если трудно понять логику, лежащую в основе политики "только воздержания", может быть поучительным узнать, что ее поборники гордо игнорировали логику. Хотя одной из "спусковых пружин" той законодательной инициативы была продолжающаяся озабоченность внебрачными деторождениями, сотрудники аппарата Палаты представителей, работавшие над законопроектом, признали в своем комментарии для членов Конгресса, что "... мало что свидетельствует о том, что какая-либо конкретная политика или программа может уменьшить частоту внебрачных деторождений". Положим, это не правда: существует сколько угодно политик - от обучения пользованию контрацептивами до стипендий для студенток, способных уменьшить частоту внебрачных деторождений подростками. Но закон о социальных пособиях вовсе и не предназначался для уменьшения деторождений подростками, как бы то ни было. Он предназначался для того, чтобы сделать заявление: "поместить Конгресс на сторону общественной традиции ... что секс должен быть ограничен рамками супружеских пар". Подобно миссионерам, заставляющим туземцев отбросить своих местных богов и принять новую догму целиком и без оговорок, его авторы ожидали - да что там, казалось, почти смаковали - сопротивление их идеям на местах. "В том, что как практика, так и стандарты многих общин в стране входят в противоречие со стандартом, требуемым законом, - писали они, - и состоит вся суть".

Сторонники всеобъемлющего образования, с другой стороны, утверждают, что руководствуются надежными данными, а не идеологией, или, во всяком случае, не консервативной, антисексуальной идеологией. Так что же побудило их принять воздержание?

Они устали. Из измотало морально и, во многих случаях, разорило финансово целое десятилетие яростных атак со стороны организованных христианских правых, в том числе сотни прямых личных угроз божьей карой или ее эквивалентом от человеческих рук. (В одной из кампаний консервативные "Озабоченные женщины за Америку" организовали отправку в Конгресс тридцати тысяч писем, обвиняющих SIECUS в поддержке педофилии и убийств младенцев. "Ты будешь гореть в озере огненном", - было написано лишь в одном из тысяч, посланных непосредственно президенту SIECUS Хэффнер.) Школьные учителя были под постоянной слежкой, что сделало их более осторожными. Некоторые перестали пользоваться ящиками для анонимных вопросов, в которые ученики клали свои нескромные записки, зная, что получают на них прямые ответы; теперь это было слишком опасно-непредсказуемо. Некоторые рассказали мне, что их директора советовали им посылать учеников, задающих нескромные вопросы, указывающие на то, что они "сексуально активны", к школьным психологам для разговоров с глазу на глаз (что подразумевало, что секс - не только вещь приватная, но и психологическая и социальная проблема). Все больше и больше становилось среди них тех, кто прекратил обсуждать с учащимися "больные" вопросы, как например вопрос абортов, или перестали информировать их о том, где взять средства предохранения. В 1998 году SIECUS опубликовал методическую книгу под

названием "Заполняя пробелы: темы в сексуальном образовании, которые трудно преподавать". Эти темы включали в себя "безопасный секс", "презервативы", "сексуальную ориентацию", "разнообразие", "возможности для беременных", "сексуальное поведение", "секс и общество" и (несообразно, но, предположительно, потому что его невозможно было не включать в каждый список) "воздержание". В общем, "пробелы" - это было буквально всё, за исключением половой анатомии и болезней.

Но даже те, кто продолжал преподавать своим ученикам эти "пробелы", "толкали" им и воздержание, независимо от того, считали ли они сами, что оно того стоит или нет. "Факт состоит в том, что мы все должны делать реверансы воздержанию, прежде чем сможем сказать что-либо еще. С точки зрения профессиональной карьеры, не делать их - почти самоубийство, - сказала мне с сожалением Лесли Кантор, вице-президент по образованию нью-йоркской городской организации "Планируемого родительства". - Подавляющее большинство подростков в Америке и во всем мире вступают в половую жизнь до того, как им исполняется двадцать лет. Это просто факт, и говорить о чем-либо еще - пустая трата времени. [Тем не менее] если в вас не видят сторонника воздержания ... если вы учитель, вряд ли вы сохраните свою работу, а если вы человек "извне", вас вообще не допустят ни до какого сексуального образования".

Названия программ всеобъемлющего образования стали белыми флагами, выброшенными, чтобы обозначить эту капитуляцию. "Жить по-умному: понимать сексуальность", издававшаяся ETR Associates, самым крупным издателем программ "мейнстримного" сексуального образования в стране, стала "Секс может подождать: программа обучения сексуальности на основе воздержания для средних классов школы". Издававшиеся с 1986 года "Планируемым родительством" "Позитивные образы: новый подход к обучению контрацепции" реинкарнировались в "Новые позитивные образы: обучение воздержанию, контрацепции и половому здоровью", хотя их содержание говорит об уроках воздержания примерно столь же скупое, как и содержание их предшественницы. Брошюра об обучении пользованию контрацептивами, изданная в 2000 году Национальной кампанией за предотвращение подростковой беременности, носит название "Лучше этого только одно". Имеется в виду, что лучше контрацепции - только воздержание, которое эта кампания с самого начала объявила оптимальным способом защиты от нежеланной беременности. Но для скептического наблюдателя это может быть сигналом того, что кампания решила использовать не самый лучший метод сексуального образования, потому что самый лучший стал политически необороняемым.

Обескураживание со стороны противников и "реальполитик" - эти два фактора мотивировали постепенное отступление сторонников всеобъемлющего сексуального образования. Но, возможно, ему способствовало и нечто другое - если не на организационном, то на личном уровне. К началу 1990-х годов поколение "сексуальных революционеров" стало поколением родителей, и, особенно учитывая присутствие СПИДа на дворе, они начали всё больше пугаться за своих детей. "Именно потому что многие из нас экспериментировали с сексом в раннем возрасте, мы знаем, насколько проблематичным это может быть, - писал врач из Нью-Мексико Виктор Страсбургер в бестселлере "Как сделать так, чтобы ваши дети говорили "нет" в 90-х, когда вы сами говорили "да" в 60-х". - Только теперь, когда мы сами стали родителями, мы готовы признать, что, может быть, совершили ошибку, начав заниматься сексом в слишком юном возрасте". Он не пояснил, что подразумевал под "проблемами" и каковы последствия той "ошибки". Через четырнадцать лет после выхода его книги "Ты" Сол Гордон и его жена Джудит написали "Растить ребенка консервативно в мире сексуальной вседозволенности", в которой невозможно опровергли свою прежнюю релятивистскую позицию в вопросе готовности к сексу. "Мы думаем, что молодым людям не следует совершать половое сношение, пока им не исполнилось как минимум восемнадцать лет и пока они не являются студентами, не работают или не живут самостоятельно", - советовали они. (В названии одного из последующих изданий - по маркетинговым соображениям, или совесть выиграла? - авторы заменили слово *консервативно* на *ответственно*.)

В отличие от более ранних книг Гордонов, "Растить ребенка" обращалась не к самим подросткам, а к их родителям, назначенным теперь стражами сексуальной жизни своих

детей. И, подобно Хэтчу с Дентоном и разработчикам положений о пособиях, эти авторы обращались прямо к родительским страхам. Этими страхами, должно быть, объясняется отсутствие сопротивления среди родителей, поддерживавших всеобъемлющее сексуальное образование, когда немногие (а это почти всегда были очень немногие) его хулители начали появляться на собраниях школьных советов. Когда педагоги Питер Скейлз и Марта Роупер оценили обстановку на поле битвы за сексуальное образование в 1996 году, они обнаружили, что "вне света софитов большинство "сторонников" и "противников" сексуального образования разделяют многие общие базовые ценности и надежды в отношении детей".

Они также разделяли и общие тревожности. И у прогрессивных сексуальных педагогов, большинство из которых сами были родителями, тоже были тревожности. Шутка, популярная среди них в середине 1990-х годов, говорила сама за себя:

Вопрос: Кто такой консерватор?

Ответ: Либерал с дочерью-подростком.

Только-Воздержание: страх и свобода

Согласно популярному руководству "Sex Respect", написанному консервативной христианкой, вот лишь некоторые из опасностей внебрачного секса:

"Беременность, СПИД, чувство вины, герпес, разочарование родителей, хламидиоз, неспособность сконцентрироваться в школе, сифилис, смятение, аборт, свадьба "под дулом пистолета", гонорея, эгоизм, воспалительные заболевания таза, разбитое сердце, бесплодие, одиночество, рак шейки матки, бедность, потеря самоуважения, потеря репутации, "использованность", самоубийство, злоупотребление веществами, тоска, утрата веры, собственническое отношение к людям, затруднения в общении, изоляция, уменьшенная способность приобретать друзей, бунт против прочих семейных стандартов, отчуждение, потеря самообладания, недоверие к [противоположному] полу, восприятие людей как сексуальных объектов, трудности с формированием долговременных привязанностей, разнообразные другие заболевания, передающиеся половым путем, проявления агрессивности по отношению к женщинам, внематочная беременность, сексуальное насилие, утрата чувства ответственности перед другими людьми, утрата искренности, ревность, депрессия, смерть."

"Печаль, а не счастье, порождает подростковый секс", - провозглашает брошюра, изданная той же компанией, а "подростковый секс порождает печаль". В программе "Безопасный секс", продаваемой политически влиятельным, выступающим за воздержание и против права на аборт Медицинским институтом полового здоровья (MISH), красуются семьдесят пять полноцветных слайдов пораженных болезнями половых органов. А в фильме "Второго шанса нет" школьница спрашивает школьную медсестру: "Что если я захочу заняться сексом до того, как выйду замуж?" Та отвечает: "Ну, я думаю, тебе просто придется быть готовой к тому, что ты умрешь". Не просто так сторонники всеобъемлющего сексуального образования называют подобные программы основанными на страхе.

Но у авторов программ только-воздержания была проблема с тем, чтобы им верили. Каждый мальчик и каждая девочка знают, что их мама и папа, если они были такими, какими были 90 с лишним процентов представителей послевоенного поколения (поколения "бейби-бума"), "делали это" до того, как поженились, принимали противозачаточные таблетки, имели аборт и остались после всего этого живыми, здоровыми и, насколько можно судить, невредимыми (если только добрый секс не привел к облысению и невосприимчивости к приличной музыке). Чтобы преодолеть скепсис потенциальных потребителей, преподавателям воздержания нужно было не только внушать ребятам причину бежать от соблазнов секса; им пришлось направлять их также *на* что-то такое, к чему стоит стремиться. Поэтому, веря в то, что подростковый секс является формой саморазрушения, "только-воздержатели" (они же активисты движения за запрещение абортов) просят ребят

"выбрать жизнь" (активисты движения за сохранение права на аборт называют себя "борцами за право выбора" (Pro Choice), а активисты движения за запрещение аборт в пику им называют себя "борцами за жизнь" (Pro Life) - прим. перев.) - не обязательно их текущую жизнь, но лучшую жизнь в будущем. "Нашей целью должно быть внушить [им] надежду на их будущее: будущий брак, мужа или жену, семью", - гласят методические рекомендации MISH (не сильно отличаясь в этом от Мэри Калдерон, выступавшей перед студентками Колледжа Вассара).

Таким образом, используя попеременно то мрачный, то воодушевляющий стиль, христианские программы учат школьников бороться с вожделием. Это задача, вполне достойная самого блаженного Августина. "Некогда в юности я сгорал от желания найти удовлетворение в адских удовольствиях, - признавался измученный богомолец. - Если бы только кто-то мог обуздать мое расстройство". Воздержание - это не легко, но цель достижима, подбадривают "только-воздержатели". А если у тебя не получилось с первого раза, тебе дают второй шанс: ты можешь дать обет "вторичной девственности". Если бы только у Августина был курс "Sex Respect". Имея такой вариант, он, вполне вероятно, смог бы разрешить свою знаменитую дилемму: страстное желание быть целомудренным, но не теперь.

Конечно, как и юный Августин, современный тинейджер обычно не думает так далеко вперед. Когда не срабатывает ни кнут, ни пряник (болезни и смерть кажутся невероятными, а будущее счастье призрачным и отдаленным), должно быть какое-то более сладкое, более непосредственное обещание, которым можно помахать прямо перед подростковым носом. Адвокаты целомудрия придумали золотое колечко, которое блестит как для ребят, так и для их родителей: "свобода".

"Половое воздержание в подростковом возрасте дает свободу развить уважение к самому себе и к окружающим, использовать свою энергию для достижения жизненных целей, для творческого выражения собственных чувств, для развития необходимых навыков общения, умения ценить самого себя, для достижения финансовой устойчивости перед обзаведением семьей и для установления большего доверия в браке", - пишет MISH. Одна из версий "Sex Respect" имеет подзаголовок "Выбрать истинную половую свободу". А "Teen-Aid" утверждает: "Оставляя секс на потом, ты получаешь свободу".

Единственная "свобода", оставленная в этих текстах для скепсиса, - это "репродуктивная свобода", которую авторы "Teen-Aid" поместили в кавычки и, отмечая феминистское происхождение этой идеи, перечисляют ее в списке "мифов добрачного секса", которым школьников призывают бросать вызов. ("*Подумай*: Кто каждый месяц с беспокойством ждет очередного менструального цикла? Чей образ жизни круто изменен?") "Мужчинам" дают указание хорошенько взвесить: "Где свобода в том, чтобы беспокоиться, не забеременела ли девушка?" Как и обычно в "преподавании воздержания", гендерно-нейтральные "тяготы секса" признаются, но требования гендерного равенства отвергаются, даже опорочиваются - здесь подразумевается, что феминистки борются за "пирог в небе" (pie in the sky - в английском языке символ глупой, несбыточной мечты; ср. "журавль в небе") и что для "мужчин" самое благоразумное - соблюдать свою патерналистскую обязанность перед "девушками" путем уважения их чистоты.

Идея свободы, парящая, словно ария над остигато сексуальной опасности, была блестящим рекламным ходом, резонирующим с одной из главных тем американской истории и рекламы. Свобода может означать что угодно - от всеобщего избирательного права до двадцати семи сортов напитка Snapple, а несвобода - что угодно от рабовладения до дискомфорта, испытываемого от недостаточно тонких гигиенических прокладок. Но, как говорила женщинам, чьи жизни были посвящены производству детей для правящих классов, тетушка Лидия в дистопически-футуристическом романе Маргарет Этвуд "Рассказ служанки": "Есть два вида свободы. Свобода на и свобода от". Имея в виду демократический, отмеченный равенством полов период, предшествовавший тоталитарной теократии, живо напоминающей ту, установить которую, вероятно, не отказались бы в Соединенных Штатах радикальные христиане, Лидия говорит: "В дни анархии - то была свобода на. Теперь же вам дают

свободу от. Не недооценивайте ее". Рассказчица, хотя то и дело прячется за страх, который уже успела отчасти внушить ей защита тетушек, тоскует по сбивающей с толку, но пьянящей "свободе на".

Как и их литературные прообразы, самые умные из продавцов воздержания, видимо, понимают внутренним чутьем, что подростки разрываются между соблазнами этих двух видов свободы. Популярная культура тянет их к "свободе на" занятию сексом, их учителя предлагают им "свободу от" всех сексуальных и эмоциональных сует и неразберих, присущих взрослению, сами же школьники то находятся под впечатлением, то махают рукой на опасности, гиперболизируемые в "воздержательных" учебных программах. Подобно рекламе, которой приходится постоянно наращивать свою завлекательность, чтобы на нее продолжали обращать внимание при все растущем обилии прочей рекламы, "воздержателям" приходилось делать секс все страшнее и страшнее, а целомудрие в то же время все слаще и слаще. Игнорируя прочую информацию об удовольствии, которую могло бы предложить хорошее сексуальное образование, страх и свобода имели шанс в напряженной и долгой борьбе с подростковым вожделением.

Семейная жизнь

Если детям воздержание предлагает свободу от взросления, то родителям оно предлагает не менее невозможный побочный продукт: свободу от того, чтобы видеть, как дети взрослеют. Это обещание полностью созвучно тому, чего консервативные родители хотят для себя и своих детей, и иногда оно выполняется, по крайней мере частично. Женщина, с которой я познакомилась на съезде консервативной христианской организации "Озабоченные женщины за Америку", рассказала мне, что "кризисная беременность" ее пятнадцатилетней дочери в конечном итоге оказалась "благословением". Отрекшись от своей сексуальной связи и дав обет "вторичной девственности", девочка воссоединилась с семьей. В послеродовой период, перед тем как отдать ребенка на усыновление, она проводила время с матерью, ходя с ней по магазинам, разговаривая и молясь; она играла со своими сестрами, каждую неделю ходила в церковь с отцом. В прямом смысле слова еле держащаяся на ногах, оторванная от тех удовольствий, которые тянули ее к ее бойфренду и прочь от семьи и церкви, она была "закинута" обратно в детоподобную зависимость и благодарность - ровно в том возрасте, в котором иначе могла бы с презрением отвергнуть движимые лучшими побуждениями настойчивые просьбы родителей, чтобы отправиться в самостоятельный полет.

Для более умеренных или либеральных родителей желание такой "свободы" внутренне более противоречиво. Большинство взрослых американцев стойко поддерживают половое просвещение в школах: еще в самом первом опросе "Гэллапа" - в 1943 году - 68 процентов родителей высказались "за", и даже самый мощный обстрел с правого фланга в 1980-х и 1990-х годах не смог разрушить базу этой поддержки, которая неизменно набирает более 80 процентов. Но родители также поддерживают и воздержание. Большинство из них признают, что их дети, вероятно, будут заниматься сексом в подростковом возрасте, другими словами, но, учитывая грозящие детям опасности, они хотели бы, чтобы этого не происходило.

"Воздержание-плюс" адресовано именно этим матерям и отцам. "Плюс" обращен к рациональному признанию, что секс будет происходить. Но в то же время "воздержание" мощно перекликается с глубоким родительским желанием: защитить и "не отпустить" своих детей, выставив охрану вокруг их детства. В этом смысле воздержание - обращение вспять или, как минимум, оттягивание взросления детей, которое для их родителей является историей утраты, поскольку дети устанавливают эмоциональные, страстные связи с людьми и ценностями вне пределов семьи.

Даже для тех родителей, которые радуются пробуждающейся сексуальности своих детей, это может означать утрату. Одна феминистка, убежденная сторонница сексуальной свободы, рассказала, как она наблюдала за своим сыном, которому тогда было около семнадцати лет, стоящим рядом со своей девушкой у окна ее гостиной. "Они не обнимались и не целовались,

но каждая часть их тел соприкасалась, - вспоминала она. - Свет из окна окружал их, но между ними света не было. И тут я поняла, что непосредственно перед тем они занимались любовью. - Двадцать лет спустя воспоминание об этом все еще вызывает выражение нежной грусти на ее лице. - Я ушла на кухню и расплакалась, потому что знала, что больше не являюсь самой важной женщиной в жизни моего сына".

В заявлении, опубликованном в 1997 году в прессе на правах рекламы, президент SIECUS Дебра Хэффнер критиковала преподавание только-воздержания как разновидность неисполнения обязанностей взрослых по отношению к детям. "Когда мы ведем себя так, будто сексуальность - это только для взрослых, - писала она, - мы бросаем подростков на произвол судьбы, чтобы они познавали свою сексуальность без чьей-либо помощи, методом проб и ошибок". Ее тезис был верным и критически важным: точная, поданная в позитивном ключе и действительно донесенная информация о сексуальности делает этот процесс более счастливым, более легким и гораздо менее опасным для юных людей. Только-воздержание дает родителям ложное обещание, что сможет избавить их от того ужаса, который для них представляет созерцание детей, попытавшихся и потерпевших неудачу (потому что, когда те доберутся до секса, то будут уже взрослыми и смогут сами справиться). Однако и всеобъемлющее сексуальное образование может поощрять не менее нереалистичную, хотя и глубоко лелеемую, родительскую надежду: что подростковая сексуальность может быть рациональной, защищенной и свободной от "разбитых сердец".

"Природа подростковой любви такова, что она полна терзаний, а потом кончается", - комментирует автор книг и бывший сексуальный педагог Шэрон Томпсон, сочувственно смеясь. Томпсон видит потенциальную "обучающую ценность" не только в избегании любовных ловушек, но и в самих "жизненных ударах". Она выступает за "любственное образование", но также знает и то, что взрослые не могут уберечь детей от *le chagrin d'amour*. Вопреки тому, что подразумевает призыв Хэффнер - чтобы взрослые не "бросали" подростков на путь сексуальных проб и ошибок, факт заключается в том, что сексуальные отношения - по определению то, чем подростки занимаются сами, и единственный способ, которым подростки могут им обучиться, - пробовать, что обычно подразумевает и неудачи. "Зрелости", включая сексуальную зрелость, невозможно достичь без практики, а в сексе, как в катании на лыжах, практика не бывает без риска.

Заявление Хэффнер вполне соответствует современной вере, что родители могут участвовать в каждом аспекте жизни своих детей, от футбола до секса. Неудивительно, что именно в этом направлении поворачивается ныне сексуальное образование. В 1980-х годах "сексуальное образование" было переименовано в "образование для семейной жизни", даже "Планируемым родительство", чтобы послать сигнал, что сексу место в контексте гетеросексуальной репродуктивной семьи. Помимо сексуальной ответственности, во многих программах "семейной жизни" школьников обучают навыкам хозяина/хозяйки и родителя, что определяло взрослость в прошлые века. В одном из таких курсов был урок заполнения налоговой декларации. Почти во всех программах в начале курса раздаются бланки для получения письменного согласия родителей. Эта тактика, изначально используемая для смягчения оппозиции со стороны местных общин, также сигнализирует и молчаливое согласие де-факто со стороны педагогов с тем, что родители имеют "право" контроля над сексуальностью своих детей.

Сторонники всеобъемлющего сексуального образования, которые издавна поощряют родителей на откровенный разговор с детьми с самого раннего возраста, всегда признавали также и то, что многие родители не хотят этого или не могут. Теперь, однако, это сбалансированное понимание незаметно дрейфует - подгоняемое штормовой силой политического давления справа - в сторону большего полагания на родителей. Этому дрейфу сопутствует появление многих программ для обучения родителей тому, чтобы быть "первыми сексуальными педагогами для своих детей", как это всегда говорится.

"Обучение родителей" - прекрасная идея. Но, из-за того что его политическая цель - некая либеральная версия "семейных ценностей", а не образование высшего качества, в некоторых таких курсах приоритеты расставляются не вполне понятным образом. Один из

таких курсов - "Мы можем поговорить?" - состоящая из четырех семинаров программа для родителей, включающая в себя видео и обсуждения соответствующих тем, разработанная талантливым дизайнером Домиником Капелло при поддержке Национальной ассоциации образования и Сети информации о здоровье. Прослушав семинар для педагогов, я выразила Капелло мою обеспокоенность тем, что было мало похоже на то, чтобы программа ориентировала родителей в отношении того, что говорить, и что в результате они могли сказать не соответствующие действительности или нетерпимые вещи своим детям: что мастурбация приводит к слепоте, например, или что "папа на тебе живого места не оставит, если принесешь в подоле". "Здесь полно информации", - возразил он, показывая двадцать страниц (с большим количеством пустых мест и картинок) о пубертате, репродукции, беременности, СПИДе и анатомии в скоросшивателе о трех кольцах, предназначенном для слушателей-родителей. (Я посоветовала ему в следующем издании включить клитор в список имеющих значение женских органов.) "Но это лишь первый шаг, - сказал Капелло, открытый гей, начавший свою карьеру с должности арт-директора в радикальном журнале для геев. - Мы пытаемся помочь родителям научиться доносить свои ценности" - какие бы ни были эти ценности.

Союзники всеобъемлющего сексуального образования продолжают агитировать за повышение профессионализма среди преподавателей (которые теперь с неменьшей вероятностью могут быть учителями физкультуры или другими "новобранцами поневоле") путем их более требовательной подготовки и сертификации. Они продолжают лоббировать обязательное всеобъемлющее сексуальное образование, проводимое в школах квалифицированными педагогами. И все же нарастающая пропаганда и программное "сползание" к кухонному столу, в тот самый момент, когда учителям в классах затыкают рот, равносильны капитуляции перед "повесткой дня" правых. "Обучение родителей", даже высококвалифицированное, утверждает новую ортодоксию, что родители обладают секспросветовской волей и компетенцией, то есть как раз тем, отсутствие чего мобилизовало основателей сексуального обучения почти век назад.

Эти недавние сдвиги в сторону "обучения родителей и родителями" обнаруживают противоречие внутри секспросвета. С одной стороны, они соответствуют историческому консерватизму этой дисциплины, которая всегда ограничивала секс рамками брака и ставила себе целью укрепить родительский авторитет. С другой стороны, они представляют собой отступление от критики семьи, неявно присутствующей в сексуальном образовании на основе школ, которое подписывается под сексуально-интеллектуальной автономией детей и наводит на мысль, что семья, с ее иерархической структурой, с ее невротами, невежеством и всевозможными табу, вовсе *не* является лучшим источником сексуального образования.

Успехи и провалы

После непрерывного роста начиная с 1970-го года коитальная активность американских подростков чуточку снизилась в 1990-х годах, в то время как уровни подростковых беременностей и деторождений упали на 17 и 19 процентов, соответственно (тем не менее остались самыми высокими в развитом мире, примерно сравнимыми с уровнями в Болгарии). Как и следовало ожидать, многие связывают эти два факта с распространением консерватизма среди ребят, в том числе с принятием идеи хранить девственность. Новую популярность девственности приписывают преподаванию воздержания.

При ближайшем рассмотрении, однако, причинная связь между преподаванием воздержания и снижением уровня подростковых беременностей оказывается, в лучшем случае, слабой. Крупное аналитическое исследование, проведенное Институтом Гуттмахера, связывает это снижение примерно на четверть с тем, что подростки откладывают сексуальный дебют, зато на три четверти с тем, что они стали лучше пользоваться контрацептивами. В Европе, где подростки занимаются сексом не меньше, чем в Америке, уровни подростковых беременностей составляют примерно четверть от наших.

[Примечание автора: Примерно три четверти девочек пользуются тем или иным методом

предохранения в свой первый раз; целых две трети подростков говорят, что регулярно пользуются презервативами - в три раза больше, чем в 1970 году. Контрацептивные инъекции и импланты длительного действия также набрали популярность у подростков. "Why Is Teenage Pregnancy Declining? The Roles of Abstinence, Sexual Activity and Contraceptive Use," Alan Guttmacher Institute Occasional Report, 1999. Национальная кампания за предотвращение подростковой беременности опросила самих подростков насчет того, что, на их взгляд, является главной причиной снижения подростковых беременностей в последнее десятилетие. Из 1002 опрошенных 37,9% назвали беспокойство по поводу СПИДа и других ЗППП; 24% отнесли это на счет большей доступности контрацептивов; и 14,9% сказали, что снижение объясняется возросшим вниманием к вопросу. Всего лишь 5,2% назвали "меняющуюся мораль и ценности", и 3,7% сказали "стало меньше подростков, занимающихся сексом". With One Voice: American Adults and Teens Sound Off about Teen Pregnancy (Washington, D.C.: National Campaign to Prevent Teen Pregnancy, 2001).]

В Нидерландах, где воздержанию не учат, контрацепция доступна бесплатно через национальную службу здравоохранения, а презервативы повсеместно продаются в торговых автоматах, "подростковая беременность практически полностью устранена в качестве медицинской и социальной проблемы", - пишет д-р Симоне Буйтендэйк из Голландского института прикладных научных исследований. Менее 1 процента голландских девушек в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет беременеют каждый год. "Прагматичный европейский подход к подростковой сексуальной активности, выражающийся в широком предоставлении конфиденциальных и доступных контрацептивных услуг подросткам, является ... центральным фактором, объясняющим более стремительное падение цифр подростковых деторождений в странах Северной и Западной Европы по контрасту с более медленными подвижками в этом направлении в Соединенных Штатах", - комментируют авторы другого, кросс-национального исследования Института Гуттмахера.

Возможно, существует даже обратная зависимость между преподаванием воздержания и падающими уровнями беременностей. Начать хотя бы с того, что, так как многие программы воздержания внушают ребятам, что воздержание от половых сношений - единственный верный способ предотвратить беременность, и безмерно преувеличивают ненадежность противозачаточных средств и презервативов, у учащихся складывается впечатление, что контрацепция и методы предотвращения заражения ЗППП не работают. В результате чего отказываются от них как от бесполезных или не знают, как ими пользоваться. Обучение контрацепции, с другой стороны, работает: подростки, проинформированные о методах предохранения и презервативах, предохраняются с вероятностью, на 70-80 процентов большей, чем те, кто не получал таких уроков.

На более фундаментальном уровне, однако, есть общепризнанная в социальной науке истина: одно дело - установки, совсем другое - поведение. В одном крупном опросе, проведенном недавно по заказу правительства, всего лишь около четверти ребят, не имевших половых сношений, сказали, что собираются расстаться с девственностью до того, как им исполнится двадцать лет. В реальности же таких оказывается в два раза больше. Мало того, благими намерениями вымощена дорога к тому, что представители медицинских ведомств называют плохими исходами. В данном случае таким исходом оказывается еще одна печальная истина: "хорошие девочки попадают впросак". Хорошая девочка по определению не может носить с собой презервативы и смазку. Как пишут в курсе "Планируемого родительства" "Позитивные образы": ""Воздержание" часто терпит провал - в том смысле, что люди, имевшие *намерение* воздерживаться, совершают половое сношение, не используя при этом ни контрацептивов, ни презервативов".

В своем недавнем анализе широкомасштабного Национального когортного исследования подросткового здоровья социолог Колумбийского университета Питер Берман посмотрел на успехи "клятв целомудрия". Эти клятвы, обычно даваемые принародно в рамках мероприятий, проводимых христианско-фундаменталистским движением за девственность, действительно дали миллионам подростков личную твердость духа и поддержку среды, необходимые для того, чтобы откладывать вступление в половую жизнь - в среднем на

восемнадцать месяцев дольше сверстников. Но в конечном итоге такие клятвы оказываются контрпродуктивны для развития навыков сексуальной ответственности в последующей жизни. Когда они нарушили свой обет - а нарушили его почти все, - эти падшие ангелы оказались худшими пользователями средств предохранения по сравнению со сверстниками, начавшими половую жизнь раньше. Опубликовано в JAMA филадельфийское исследование, проведенное среди учеников средних классов, выявило тот же результат. Когда школьники, прошедшие курс только-воздержания, совершали половое сношение годом позже, каждый третий из них делал это, не предохраняясь. Из тех, кого учили пользоваться презервативами, на такой риск пошли менее одного из десяти.

Выяснился и еще один не особо афишируемый "выверт" статистики: когда аналитики Центров контроля заболеваний (ведомство федерального правительства США - прим. перев.) посмотрели на уменьшающиеся цифры подросткового секса более внимательно, они обнаружили, что мальчики стали совершать половых сношений меньше (на 15 процентов в 1997 г. по сравнению с 1991 г.), но у девочек этот показатель вовсе не уменьшился. У девочек уменьшилась лишь частота *незащищенных* половых сношений. Пользование презервативами является более правдоподобным объяснением той отрадной новости, что подростковая беременность идет на убыль, нежели целомудрие.

В конечном счете, занятия по сексуальному образованию могут быть не более ответственны за любые сексуальные "исходы", чем то общее культурное поле, в которое эти занятия встроены. "Защитники юных", проводящие ежегодные летние туры по европейскому полю сексуального образования для американских педагогов, отмечают, что относительно низкие уровни подростковых беременностей, аборт и ЗППП, наблюдаемые на Континенте, коренятся более всего в отношении европейцев к сексу. "Взрослые видят интимные сексуальные отношения как нормальные и естественные для старших подростков, как позитивный компонент эмоционально здорового взросления, - говорится в кратком докладе по занятиям, проводившимся на ранних турах. - В то же время юные [европейцы] считают, что "глупо и безответственно" заниматься сексом без защиты, и пользуются правилом "Безопасный секс или никакого секса". Моральность сексуального поведения оценивается через индивидуальную этику, включающую в себя ценности ответственности, любви, уважения, терпимости и равноправия".

Конечно, привитие ценностей - то, ради чего в значительной мере проводится и всегда проводилось сексуальное образование. Правые говорят об этом с меньшим стеснением, чем левые. К сожалению, из вышеприведенного возвышенного списка терпимость и равноправие трудно отнести к ценностям, исповедуемым большинством американских подростков. Но, как обнаружил Берман, то же относится и к любви с уважением, выражающимся через целомудрие. На самом деле интересным обстоятельством в связи с клятвами целомудрия является тот факт, что девственность должна оставаться ценностью меньшинства, а давшие такую клятву - контркультурной кликой, чтобы эти клятвы были успешны. Как только более 30 процентов учащихся той или иной школы дают такую клятву, "заклятые" девственники тут же начинают ее нарушать либо отрекаться от нее.

Как бы там ни было, большинство "мейнстримных" профессиональных организаций сделали вывод, что снижающиеся уровни подростковых беременностей можно объяснить сочетанием пропаганды воздержания с просвещением в вопросах контрацептивов и безопасного секса; в 1999 году Американская медицинская ассоциация и другие авторитетные организации заявили о своей поддержке обучения "воздержанию-плюс". И не подлежит сомнению, что многие из этих социально-сексуальных перемен состоялись благодаря всеобъемлющим, или "воздержательным-плюс", учебным программам. И все же есть свидетельства того, что самые впечатляющие успехи таких программ заключаются в "плюсах": терпимость школьников к сексуальной инакости, их возросшее пользование контрацептивами и презервативами и усовершенствованные навыки ведения переговоров с (потенциальными) сексуальными партнерами.

Так каковы же результаты выступления "воздержателей-плюс" в главной дисциплине: в побуждении подростков откладывать половое сношение? Ребята, получающие полное меню

тем сексуального образования, откладывают половое сношение дольше, чем те, кто таких уроков не получает. Но если считать в месяцах "сохранения девственности", успехи "воздержателей-плюс" почти столь же плачевны, как у "только-воздержателей". Согласно экспертному заключению по результатам работы одного из "плюсовых" планов, его учащиеся откладывали половое сношение в среднем в течение семи месяцев. Иными словами, подросток, сопротивляющийся под Новый год, сдастся Четвертого июля (День независимости США - прим. перев.).

"Преступная" деятельность

В то время как десятилетие сменяется десятилетием, некоторые педагоги государственных школ, работающие с программами всеобъемлющего сексуального образования, трудятся все усерднее, идут на риски, чтобы преподавать то, что необходимо преподавать. Другие ходят по струнке и впадают в уныние. Некоторые оставляют свою работу, чтобы перейти в альтернативные организации: в церковные, общинные, гейские и лесбийские или антиспидовско-просветительские группы, в прогрессивные местные отделения умеренных национальных организаций вроде "Планируемого родительства" или в редкие новаторские предприятия наподобие нью-джерсийской Сети образования для семейной жизни, издающей великолепный журнал и сайт Sxetc.com, редактируемые подростками.

Но имеющие влияние в масштабах страны прогрессивные сексуальные педагоги представляют собой лишь маленькую команду, численность которой к тому же постоянно убывает: Дженис Ирвайн, которая изучает общинные конфликты на почве сексуального образования последние десять лет, а до того сама была сексуальным педагогом, смогла насчитать меньше дюжины таких людей. Некоторые педагоги "извне", видя, как их идеи оттесняются все дальше и дальше на обочину, начали обсуждать возможность вывести сексуальное образование из государственных школ вообще, с тем чтобы сосредоточить усилия на стратегиях продвижения сексуального образования через некоммерческие СМИ и местные общины - идею, которую другие люди, включая меня, критикуют как изначально ошибочную.

Некоторые в прошлом преданные идее учителя выстроились у только-воздержательной кормушки, наплевав на этику. Одна консультантша по секспросвету из Миннеаполиса смело сказала мне как-то утром в 1998 году, что "мы делаем секспросвет неправильно последние пятнадцать лет". В смысле? "Мы говорим, что секс вреден для ребят, а это же не правда". Это мое интервью с ней проходило впопыхах, потому что днем она должна была вести семинар для учителей - по новым городским программам только-воздержания. А...? "Таким образом у меня больше бизнеса в городе", - объяснила педагог. Если женщина с такими убеждениями стала их скрывать, чтобы проповедовать евангелие целомудрия молодым учителям, какая может быть надежда на следующее поколение педагогов, не говоря уже об их учениках.

Эта учительница из Миннеаполиса была крайним примером медленной, но верной сдачи позиций значительной частью секспросветовского мейнстрима в ответ на требования наглого правого меньшинства. Но еще не столь крайним. Осенью 2000 года супермейнстримная Национальная кампания за предотвращение подростковой беременности (в городе Вашингтон) разместила на правах некоммерческой рекламы свои агитки в редактируемых молодежью изданиях - таких как "Teen People" и "Vibe". Каждая из них представляла собой фотографию подростка (был прилежно сфотографирован представитель каждого этноса и каждого молодежного стиля) с напечатанным поперек нее огромными буквами словом: НИКТО, НИКЧЕМНЫЙ, ДЕШЕВЫЙ, ГРЯЗНЫЙ, ОТВЕРЖЕННЫЙ, ХЕР. Более мелкий, гораздо менее четкий шрифт смягчал эти поношения: "Теперь, когда я дома с ребенком, больше НИКТО не зовет меня"; "Потребовался всего лишь один ХЕР, чтобы моя девушка забеременела. Во всяком случае, так говорят ее подруги." (Хер - это, по всей видимости, был не мальчик на картинке.)

Некоторые профессионалы, включая президента "Защитников юных" Джеймса Уэгонера,

были глубоко возмущены этим воскрешением гадких стереотипов сексуально активных и беременных подростков и обвинили кампанию в том, что она возлагает всю вину на подростков, которым "общество" отказывает "в доступе к информации и конфиденциальным услугам в области полового здоровья - и в подлинной заинтересованности в будущем". Но в одной из своих рассылок Национальная кампания подняла на щит хвалебные отзывы подростков, которые (сами?) написали ей, чтобы поблагодарить за эту рекламу. "Она не романтизирует секс, - писал один из них. - Она просто показывает реальность".

Да, эта кампания показала реальность на рубеже двадцать первого века: опозоривание и обвинения по-прежнему окружают подростковую сексуальность, а сторону обвинения представляют не долбящие в Библию проповедники, а "ответственные" сексуальные педагоги и сами подростки. Правые, кстати, тоже осудили эту рекламу - за то, что в ней не было призывов к воздержанию. Но "Фокус на семью" ("околоцерковная" межконфессиональная организация американских евангелических христиан-протестантов - прим. перев.) мог бы увеличить ее и развесить по всей сцене на своем съезде 2001 года. Хорошенькая латиноамериканочка с надутыми губками и словом ДЕШЕВАЯ, большими яркими буквами высеченным на ее голом животе, смуглый мальчик в бейсболке козырьком назад и с алым клеймом НИКЧЕМНЫЙ - именно они, лучше, чем что-либо, придуманное нанятыми ими пиар-фирмами, провозгласили благую весть для консервативных активистов: "Победа!"

Правые победили, но позволил им победить "мейнстрим". Сторонники всеобъемлющего сексуального образования имели стратегический перевес в 1970-х, а начиная с 1980-х стали позволять своим врагам захватывать все больше и больше территории, пока в руках правых не оказались закон, язык и культурный консенсус. Как ни печальна история этого сообщества, но оно должно принять на себя часть вины за то, что движение за только-воздержание сделало с жизнями юных. Комментируя его неспособность отстоять откровенное сексуальное образование во время лавины новых ВИЧ-инфекций среди подростков, Шэрон Томпсон сказала: "Мы посмотрим назад на это время и осудим секспросветовское сообщество как преступное. Это все равно что сидеть на ядерной электростанции, с которой происходит утечка радиации, и никому не говорить".

6. Принудительное материнство

Конец аборту

Джонни и Джейни на дереве сидят
ЦЕ-ЛУ-Ю-ЦА
Сперва идет любовь
Потом идет свадьба
Потом идет Джейни с детской коляской
детская считалка

Преподавание воздержания - хороший полицейский консервативного "перепланирования семьи", возвращающего человеческие отношения к тому, что правые рассматривают как "традиционную" структуру (папа сверху, мама рядом с ним, детки под ними), а секс - к его "традиционной" функции производства потомства. Но если подростка не получается уговорить задерживаться в асексуальном, контролируемом родителями детстве и он или она настаивает на том, чтобы быть юным и в то же время сексуальным, у правых есть плохой полицейский. Его работа состоит в том, чтобы перекрывать пути к аборту. Результатом является немедленный и беспалляционный приговор к материнству для любого "ребенка", преступившего сексуальную черту и совершившего ошибку. Принудительное материнство может осуществляться двумя путями: юридическим и культурным.

На юридическом фронте антиабортное движение действует с переменным успехом: многие его инициативы признаны неконституционными. Тем не менее его боевой путь на

протяжении почти тридцати лет показывает упорное продвижение к успеху. Почти с самого момента легализации аборта Верховным судом в деле "Роу против Уэйда" в 1973 году (до "Роу" только в 4 штатах аборт был полностью легален - прим. перев.) лоббисты и активисты обеспечивают свое постоянное присутствие в каждом законодательном собрании, включая Конгресс. Всего через четыре года после того решения президент Джимми Картер подписал "поправку Хайда", запрещающую федеральное финансирование аборт по программе Медикейд, что ударило по самым юным и самым бедным женщинам - которые одновременно оказались цветными - наиболее тяжело. Первой жертвой Хайда стала Роза Хименес, двадцатисемилетняя мать-одиночка из Техаса, получавшая социальное пособие, помощь по Медикейд, работавшая на фабрике электроники и одновременно учившаяся в колледже. Она умерла после незаконного аборта с чеком стипендии на семьсот долларов в кармане, предпочтя образование оплате легальной операции. К 2001 году тридцать два штата требовали родительского участия - либо в виде уведомления, либо в виде получения согласия - в случае, если аборт делается несовершеннолетней (в одном из последних таких штатов - в Вермонте - переход палаты представителей в руки республиканцев привел к тому, что соответствующий законопроект, который демократы держали в комитете на протяжении десятилетия, был-таки проголосован). В тот год Верховный суд признал неконституционным закон штата Небраска, запрещающий так называемый "аборт с частичным рождением", проголосовав за это решение пятью голосами против четырех, но антиабортисты немедленно вернулись к своей работе в штатах, с тем чтобы разработать законодательство, способное пройти проверку на конституционность. Следующее назначение на пост члена Верховного суда, которое, вероятнее всего, состоится при президентстве сторонника запрещения абортов Джорджа Буша, может обрушить хрупкое здание прав на аборт.

Когда они не ходят по коридорам законодательных собраний штатов, антиабортные активисты дежурят на тротуарах рядом с клиниками, крича и молясь. Их протесты не всегда удерживаются в рамках закона. С 1993 по 1997 год Министерство юстиции зарегистрировало более пятидесяти взрывов бомб и поджогов клиник, производящих аборты, и с 1993 по 1999 год семь человек, включая работников клиник и врачей, погибли в результате антиабортного терроризма.

Тем не менее, учитывая тот непрекращающийся ответный гам, который оно порождает, движение против права на выбор одержало монументальный - и парадоксальный - триумф в те десятилетия, что прошли после "Роу": *ему удалось добиться почти тотального публичного молчания об аборте в дискурсе подросткового секса.*

Моральные права

[Примечание переводчика: в оригинале заголовок - игра слов: Moral Rights можно перевести и как "моральные права", и как "моральные правые".]

Несмотря на значительно увеличившиеся дороговизну, опасность и волнения, которые их законы навлекли на юных женщин, ищущих возможности сделать аборт, противники права на выбор не достигли своей главной цели: остановить подростковый секс и аборты.

Исследования, проведенные в 1990-х годах, показали, что большинство девушек в мире занимаются сексом в возрасте до двадцати лет, а американские подростки, несмотря на снижение частоты абортов, главным образом, благодаря увеличившемуся пользованию презервативами в целях предотвращения заражения ВИЧ, делают аборты почти так же часто, как они делали их в период непосредственно после "Роу"; женщины моложе двадцати лет составляют примерно 30 процентов пациенток в операциях хирургического прерывания беременности. Более того, женщины продолжают получать аборты с поразительно похожей частотой по всему миру, независимо от того, является эта операция легальной или нет - в точности как это было с американками до "Роу", когда они отдавали свои жизни в руки парикмахеров и гангстеров, лишь бы те прервали их нежеланную беременность. (В 1950-х годах нелегальные аборты убивали, по разным оценкам, от пяти тысяч до десяти тысяч женщин в год.) В большинстве развитых стран хирургическое прерывание беременности - легальная, нормальная часть репродуктивной жизни женщин.

Даже противницы аборт делают аборт. По данным Института Гуттмахера, "женщины католического вероисповедания делают аборт на 29% чаще, чем женщины протестантского вероисповедания, а каждая пятая женщина, делающая аборт, - "заново рожденная" или евангелическая христианка". И все же непрекращающееся осуждение со стороны американских правых, выражаемое сентиментальной риторикой, иллюстрируемое изуродованными внутренностями и приводимое в исполнение смертоносными пулями, трансформировало эмоциональное и моральное восприятие аборта не менее, чем практические трудности его получения. К началу двадцать первого века уже мало кто мог говорить об аборте без ноток глубоких опасений или сожалений, если вообще говорил о нем. "Аборт по требованию и без оправданий" - это феминистское требование, раздававшееся перед "Роу", в 1999 году можно было услышать не чаще, чем в 1959 году. Для незамужних подростков это означает, что нежеланная беременность вновь обрела свое вековое звучание греха и гибели, а материнство опять стало ощущаться как почти неизбежная цена сексуального удовольствия.

Хотя право на прерывание беременности по-прежнему охраняется Конституцией, а опросы показывают, что поддержка права на выбор в целом существенно не уменьшилась, эта поддержка теперь не столь безоговорочна. Важнее всего то, что, согласно ежегодному опросу, проводимому Калифорнийским университетом в Лос-Анджелесе среди только что зачисленных первокурсниц (то есть среди тех, кому аборт понадобится с наибольшей вероятностью) поддержка права на выбор падает с каждым годом, за исключением одного, начиная с 1990 года.

Через четверть века после "Роу" народное движение за право на выбор можно считать практически мертвым. На броском Феминистском Экспо за Усиление [прав, власти, влияния] Женщин, устроенном Фондом феминистского большинства в середине 1990-х годов, не нашлось места ни одному выступлению, ни дискуссии о праве женщин на выбор. Во влиятельной статье в "Нью рипаблик" в 1995 году "феминистка силы" Наоми Вулф ругала женщин из среднего класса за те якобы беспечные "аборты переходного обряда для престижных загородных клубов; аборт типа "не знаю, что на меня нашло, это было такое хорошее шардоне"" и восхваляла феминисток, решивших обдумать аборт заново внутри "парадигмы греха и искупления". В одной из клиник в Техасе, в непосредственной близости от которой открылся христианский "центр кризисной беременности", а защитники Права на Жизнь проводили молитвенные бдения почти ежедневно, журналистка Дебби Нейтан наблюдала, как осажденные абортные "фронтвики" поддались некоей разновидности стокгольмского синдрома, принимая сомнения своих "захватчиков" насчет того, а является ли аборт такой уж хорошей идеей, в конце-то концов.

Австралийская проабортная активистка Мардж Риппер назвала этот новый тон "ужасизацией аборта". Под влиянием этой "ужасизации" проponentы аборта превращаются в его оправдателей, принимающих доводы своих противников в несколько смягченном виде: аборт - это зло, хотя и "необходимое зло". Это глубоко приватное "семейное" дело и никогда не предпочтительнее контрацепции. Как отметила журналистка Джанет Хэдли, этот последний довод подразумевает, ошибочно, что контрацепция всегда надежна и "безопасна", в отличие от аборта, который "опасен". Это делает контрацепцию "ответственным" выбором, а аборт - "безответственным". (На самом деле, согласно исследованию Института Гуттмахера, опубликованному в 1996 году, шесть из десяти пациенток абортариев пользовались контрацепцией, но она дала сбой.) Еще в 1980 году американские "провыборные" феминистки начали менять свой имидж на "просемейный", некоторые даже давали понять, что полагают, что если бы государство предоставляло хорошую помощь в уходе за детьми и здравоохранение, все захотели бы детей и аборт совсем вышел бы из употребления.

В начале 1990-х годов юристы, отстаивающие право на выбор, всё еще были в судах, врачи получали пули. Но лишь немногие защитники выбора казались желающими защищать этическую позицию за аборт как таковую - сложную, как любая серьезная этическая позиция - что право женщин прерывать беременность есть *моральное благо*. Немногие рассуждали вслух, что право женщин контролировать фертильность - этот биологический гандикап

женского пола - равносильно полному экзистенциальному равенству с мужчинами; и что использование чьего-либо тела против его (ее) воли равносильно не менее чем рабству. Единственный моральный аргумент в пользу выбора высказывался от имени детей: что желанным детям живется лучше - в мире, и так уже переполненном голодными, предоставленными самим себе, страдающими от дурного обращения детьми.

Либеральный Голливуд уж точно не защищает выбор. Паники по поводу беременности уже давно стали "подножным кормом" мелодрам ввиду их очевидного слезоточивого потенциала, и тем же, в целях драматических развязок, являются "ложные тревоги" и выкидыши. Но если беременность вплетена в сюжет, аборт - никогда не вариант и всегда трагедия. Да что там, "слово на А" даже произносится редко. В "Беверли-Хиллз 90210" молодая женщина и ее бойфренд дают обет не делать "самую большую ошибку в нашей жизни", чтобы не было потом, "о чем мы будем сожалеть" вечно (прерывать ее беременность). В драме CBS об адвокатах "Практика" честолюбивая, толковая администратор офиса афро-американского происхождения признается, не в силах и произнести запретное слово: "Я забеременела, когда мне было пятнадцать лет. ... Я не смогла бы ухаживать за ребенком. ... Да, я сделала это. ... Но не проходит ни дня, чтобы я об этом не думала". Целые киносюжеты построены на детях, у которых в реальном мире не было бы шанса, что их кто-то выносит. Даже ультраиничная, всегда без гроша, ненавидящая детей, макиавеллиевская антигероиня "Противоположности пола" и ее "голубой" бойфренд отвергают аборт.

Антиабортный синдром

Эти сюжеты разыгрывают психологический "синдром", изобретенный в конце 1970-х годов антиабортными "учеными": "постабортный синдром", или "постабортный психоз" - состояние стойкого чувства вины, сожаления и физического повреждения, якобы причиняемых абортом. Доказано, что постабортного синдрома не существует. Когда почти пять тысяч триста женщин ежегодно письменно опрашивали на протяжении восьми лет, оказалось, что на уровне их эмоционального благополучия эта операция никак не повлияла. Утверждения о связи аборта с раком груди также оказались необоснованными.

Но идея, что аборт неизбежно ужасен, укоренилась, в частности среди девушек-подростков. Для тех, кто слишком молод для того, чтобы помнить то ощущение паники и грозящей опасности, которое означала нежеланная беременность до "Роу" (или, во многих случаях, после него), высокая мелодрама и черно-белая мораль антиабортного сценария особенно соблазнительны. Четырнадцатилетняя черная девочка из Бруклина, у которой случился выкидыш, сказала мне: "Я бы *никогда* не сделала аборт, потому что думала бы об этом ребенке всю оставшуюся жизнь". Беременная шестнадцатилетняя из Эль-Пасо, девушка из богатой семьи, чемпионка по бегу и отличница (за ребенком которой будет ухаживать ее прислуга) собиралась рожать по той же причине. "Моя мама хотела, чтобы я [сделала аборт], - сказала она мне. - Но, ох, я бы не смогла с этим жить. Каждый год я думала бы, типа, моему маленькому исполнилось бы сейчас столько-то лет и какой он был бы?" Даже девушка-тинейджер, являющаяся лидером молодежной фракции левой, воинственно "провыборной" организации "Отказывайся и сопротивляйся!", выступая на митинге за право на выбор в 2000 году, во всеуслышание задалась вопросом, был ли ее недавний аборт "правильной вещью или неправильной вещью". Далее она признала, сопровождая свои слова жестикующей в стиле хип-хоп, что ее сомнения "вероятно, всунули в мою голову антивыборные фашисты". Она подозревала, что ее чувство вины было результатом промывки мозгов, другими словами. Тем не менее она испытывала чувство вины.

Те немногие количественные исследования этой темы, которые имеются на данный момент, склоняют к мысли, что чувства этих девушек широко распространены. В начале 1990-х годов Ребекка Стоун и Синтия Вашак проводили фокус-группы по теме аборта с подростками в возрасте от тринадцати до девятнадцати лет. В целом участницы этих групп высказывали "ошибочные представления и "случаи из жизни", относящиеся к абортам, чаще, чем надежные знания, описывая эту операцию как опасную, с медицинской точки зрения, эмоционально разрушительную и во многих случаях нелегальную". Источником этой

информации, как пишут авторы исследования, была, в основном, антиабортная пропаганда, обильная и часто специально направленная на внушаемых подростков. Мнения в пользу права на выбор, считают они, не так широко рекламируются и реже высказываются в адрес подростков как целевой аудитории. В 1998 году, обеспокоенный этим дисбалансом, Проект за образование в пользу права на выбор провел общенациональный опрос женщин в возрасте от шестнадцати до двадцати четырех лет с целью разработать кампанию некоммерческой рекламы, направленную на популяризацию права на выбор. Проект обнаружил, что, хотя почти две трети респонденток голосовали "за выбор", когда им предлагали два варианта - "за выбор" либо "за жизнь", эта пропорция сокращалась до всего лишь половины, когда их спрашивали, поддерживают ли они аборт. "Они за права женщин, - прокомментировала представитель проекта Мэрион Салливан, - но не обязательно за аборт".

Молодые мужчины тоже подвержены влиянию антиабортной пропаганды, которая может подкреплять мужскую гордость отцовства и их веру в отцовские привилегии, независимо от того, хотят ли они быть активными отцами. Значительное меньшинство канадских и американских молодых мужчин - около трети - сказали исследователям, что, по их убеждению, отец должен иметь юридическую прерогативу не разрешать своей партнерше делать аборт.

"Затемнение" в учебниках

Если ребята вообще что-либо узнают об аборте на уроках школьного секспросвета, они узнают, что это что-то плохое. Сравнительное исследование законов штатов о сексуальном образовании, проведенное в 1995 году Национальной лигой действий за права на аборт (NARAL), выявило, что всего лишь девять штатов упоминали аборт в своих законах о сексуальном образовании. Из этих девяти один лишь Вермонт требовал предоставлять учащимся нейтральную информацию об этой операции; остальные либо запрещали учителям обсуждать аборт как метод репродуктивного здравоохранения, либо разрешали говорить только о его негативных последствиях. В той четверти школьных округов, которые якобы покрывает "Sex Respect", ребята узнают, что аборт означает "убийство ребенка" и что его риски включают в себя "чувство вины, депрессию, тревогу", а также "тяжелую кровопотерю, инфекцию и прободение матки". На самом деле после "Роу" риски аборта резко упали, на 100 000 абортов приходится 0,3 смерти. В 1990 году риск осложнений в результате прерывания беременности составлял одну одиннадцатую от риска при родах, половину от риска при тонзиллэктомии и одну тысячную от риска при инъекции пенициллина.

На момент написания книги слово "аборт" трудно найти и на страницах программ "всеобъемлющего" сексуального образования. Издаваемая Girls Incorporated программа "для молодых женщин-подростков в возрасте от 15 до 18 лет" под названием "Заботясь о своих делах" рекомендует пользоваться средствами контрацепции и обсуждает относительную эффективность разных методов, но не обсуждает медицинское решение на тот случай, если презерватив порвется или диафрагма даст сбой. "Основанная на воздержании" программа ETR Associates "Секс может подождать" говорит учителям, что нужно обсуждать те стрессы, к которым приводит необходимость быть мужем или женой и одновременно учиться, работать и ухаживать за ребенком, и обращать внимание на "часто игнорируемый" вариант - усыновление/удочерение, но тема аборта проскакивает лишь в одном грозном (и, на мой взгляд, неточном) предложении: "Аборт, усыновление/удочерение и внебрачное материнство - равно сложные варианты". Тщательно разработанные "Новые позитивные образы", написанные двумя верными защитниками репродуктивных прав подростков, называют каждый контрацептивный метод, включая "экстренную контрацепцию" (также называемую "таблеткой следующего утра"), но аборт упоминают лишь вскользь. (Их авторы в "Планируемом родителстве" в настоящее время работают над новым текстом о преподавании темы аборта, хотя трудно себе представить, чтобы многие государственные школы включили его в свой учебный план.)

Программы для мальчиков, которые наконец осознаны как недостающее звено в сексуальной ответственности, часто обучают подростков методам предотвращения нежеланной беременности, но в особенности те программы, которые предназначены для внутренних городов (inner cities - этим эвфемизмом американцы называют центральные районы больших городов, населенные, в основном, неграми, а также другими небелыми меньшинствами, в которых царит нищета, чудовищная преступность, нет работы, почти нет нормальных учителей, врачей и т.п.; часто их можно назвать даже целыми "городами-гетто", потому что почти все белое население уже давно сбежало из них в пригороды и нет предпосылок для его возвращения - прим. перев.), "просвистывают" мимо аборта, чтобы сделать упор на брак и отцовство. Имея такие уютно звучащие названия, как "Папы многое меняют", эти программы доносят предупреждение: *Если хочешь заниматься сексом, будь готов к тому, чтобы содержать ребенка*. Хотя это может быть правильным посланием для тех юных пар, которые решают родить ребенка, оно предполагает, что они сделают именно такой выбор, особенно если они бедные, черные или латинос. Статистика поддерживает это предположение: в то время как почти три четверти забеременевших подростков из семей с высокими доходами делают аборт, чтобы поступить в колледж, сделать карьеру и выйти замуж, прежде чем обзаводиться детьми, подростки из менее богатых семей с менее широкими перспективами имеют меньше стимулов к тому, чтобы откладывать создание собственной семьи. Поэтому лишь 39 процентов бедных и 54 процента низкодоходных подростков прерывают свои незапланированные беременности. Тем не менее пропаганда, направленная на юношей, делает поспешный вывод, что, раз бедные подростки с высокой вероятностью *рожают* тех детей, которых они зачали, значит, они *хотят* их зачинать, поэтому их нужно от этого отговаривать. Эктор Санчес-Флорес, руководитель сан-францисской программы для молодых людей мексиканского происхождения "Дух возмужалости", полностью опроверг это представление. На конференции "Планируемого родительства" в 1998 году он сообщил, что целых три четверти ребят в его программе не хотят, чтобы их партнерши забеременели, и четверо из пяти хотят разделять [со своими партнерами] ответственность за предохранение.

Любопытно, что педагоги всеобъемлющего сексуального образования, из которых почти все являются сторонниками права на выбор, по всей видимости, были не прочь выкинуть аборт за борт - вероятно, тому есть неназванная причина. Помимо тех больших пробоин, которые сделали правые, в их лодке есть еще одна, не столь заметная течь. Как мы видели в Главе 5, начиная с 1990-х годов они соревновались уже в предотвращении подросткового секса, а не нежеланной беременности или нежеланных детей. В такой атмосфере призыв к аборту почти равносителен признанию поражения.

В доступе отказано

Если аборт исчезает как репродуктивная "свобода", со всеми эмоциями, которые тянет за собой это слово, то и право на него мимолетно, особенно для подростков. К концу 1990-х годов не было ни одной клиники, легально производящей аборт, почти в трети городских агломераций и в 85 процентах графств страны, по данным NARAL. Почти треть акушерских и гинекологических ординатур не учили процедуре аборта в 1992 году, по сравнению с 8 процентами в 1976 году. А в то время как право юных женщин на аборт и их возможности получить его неуклонно уменьшались, прерогатива их родителей не позволять им делать аборт увеличивалась. По состоянию на 1999 год, законы об уведомлении или согласии родителей действовали в сорока штатах. Две трети девочек по собственной воле разговаривают со своими матерями или отцами, прежде чем решиться прервать беременность, и еще больший процент родителей поддерживают их. Но у девочек, которые не информируют своих матерей или отцов, обычно есть на то веские причины: многие уже испытали на себе домашнее насилие, а если признаются, получают еще больше насилия. Законы об уведомлении родителей не увеличивают общение внутри семьи, что является их целью. Вместо того они намного увеличивают риски для юных женщин, оттягивая их аборт. В итоге всего этого, как сообщила Американская медицинская ассоциация в 1993 году, такие законы "могут побуждать несовершеннолетних прибегать к отчаянным мерам. Стремление сохранять тайну является одной из лидирующих причин нелегальных абортов после 1973

года". Тем не менее пропаганда, утверждающая, что законы о родительском согласии и уведомлении защищают несовершеннолетних, оказалась эффективной. Большинство родителей и молодых женщин одобряют эти законы.

В конце 1990-х годов законодатели загнали беременных юных женщин в еще более тесный семейный загон, запретив любому неродственнику, будь то близкий друг семьи, доверенный священник или даже родственник, не являющийся законным попечителем данной несовершеннолетней, помогать ей прервать беременность. В 1996 году женщина из Пенсильвании была осуждена за "создание помех родительскому попечению", когда отвезла тринадцатилетнюю девушку своего девятнадцатилетнего сына в штат Нью-Йорк, где таких правил нет, чтобы та могла сделать аборт. (Молодой человек был осужден за эти добровольные отношения как за "изнасилование по закону".) Летом 1998 года в Конгресс был внесен законопроект, объявляющий федеральным преступлением перевоз (либо перевод пешком) несовершеннолетней через границу штата (из штата, имеющего законодательство о родительском согласии, в штат, где такого законодательства нет) с целью аборта. Спонсоры законопроекта заслушали показания экспертов - работников здравоохранения, которые назвали его "вредным и потенциально опасным", и Кэрен и Билла Белл, супружеской пары из Индианы, дочь которых по имени Бекки умерла от осложнений, вызванных подпольным абортом, потому что стеснялась рассказать им о своей ситуации. Тем не менее инициаторы билля продолжали рекламировать его как меру по защите детей, хотя название предлагаемого закона - Акт о защите попечения над ребенком, невольно выдавало его истинное намерение. Билль, принятый Палатой представителей в 1998 и 1999 годах, должен был защитить не ребенка, а попечение как таковое. Когда речь идет об аборте, подразумевали авторы законопроекта, жизнь беременной девочки не так ценна, как абстракция, называемая семьей.

"Досовременный" сюжет

В большей части развитого секулярного мира в двадцать первом веке аборт рассматривается как нормальная часть репродуктивной жизни женщин. Но в Соединенных Штатах связь между сексом и деторождением, не прерываемая контрацепцией и абортами, теперь принята политическими деятелями на всех уровнях. Результатом стали принудительные, неэффективные "решения" проблем внебрачной беременности, незамужнего материнства и зависимости от социальных пособий, которая полагается его следствием, включая воскрешенные законы о "сворачивании малолетних" и старую добрую "свадьбу под дулом пистолета". Политический центр сдвинулся так далеко вправо, а символические временные рамки - так далеко назад, что даже "мейнстримные" организации стали принимать анахронизмы и называть их инновациями. На своем трехдневном Круглом столе по подростковой беременности и профилактике, состоявшемся в 1998 году, почтенный гигант социальных услуг Лига детского благополучия не подняла тему прерывания беременности ни на одной из десятков секций и рабочих групп. Вместо этого Лига посвятила специальную серию совещаний вопросам организации одного из типичных мест действия мелодрам 1950-х годов - "домов для незамужних матерей".

Без аборта повествование о подростковом вожделинии оказывается странным - и искусственным - образом отвяжано от современной социальной реальности. Вместо трезвой политики антиабортное движение заново переписало досовременную притчу, в которой злой рок оборачивается еще более злым роком, грех сурово карается, а секс является причиной гибели матери, ребенка и общества. Нет больше обдуманности в сексе; нет и роли технологии, или безопасной контрацепции, или "планируемого родительства". Совсем нет облегчения, даже радости прекращения нежеланной беременности и вновь обретенной возможности и права для женщин решать, что они хотят делать со своими телами и своими жизнями и когда они хотят это делать.

Но современная социальная реальность никуда не делась, и девочки оказываются зажаты посередине. В этом причудливом матче за то, является ли внебрачное материнство моральным, между вымышленным персонажем из телесериала и реальным политиком мать-

одиночка Мёрфи Браун отправила в нокаут своего хулителя Дэна Куэйла (бывший вице-президент США, который в своей предвыборной кампании 1992 г. ругал главную героиню одноименного телесериала - прим. перев.). В опросе 1994 года на вопрос, станут ли они матерями, если их репродуктивные годы будут подходить к концу при том, что у них все еще не будет мужа, больше половины девочек-подростков ответили утвердительно.

И все же на другой, темной стороне культуры пятнышко "незамужнего материнства" разрастается в густое, кровавое пятно. Отчаявшиеся девочки, включая старшекласниц из среднего класса, перед которыми открыты все пути, прячут свою беременность, рожают в номерах гостиниц, заворачивают новорожденных в мешки для мусора и оставляют их, живыми или мертвыми, в подсобных помещениях и на помойках. Для этих юных женщин "попасться", то есть оказаться сексуальными существами и "матерями по несчастью", означает позор и отречение. Аборт стал чем-то абсолютно невыносимым, страшной тайной хуже любой участи, которую только можно себе вообразить. Для этих подростков не существует никаких репродуктивных "вариантов".

7. "Вычищение" удовольствия

Опасно подавать детям мысль, как это делают некоторые книги, что ручная манипуляция органами может вызывать какие-то приятные ощущения, ибо известно, что сила внушения или любопытства приводила некоторых детей к экспериментам с самими собой, пока у них не выработывалась привычка.

Морис Бигелоу, "Половое воспитание" (1916 год)

В 1989 году, обозревая определения здоровой подростковой сексуальности, которые она собрала у сотен профессионалов на протяжении предшествующих лет, ветеран прогрессивного сексуального образования Пегги Брик отметила "глубокий провал во взрослом мышлении о подростковой сексуальности. Ряд понятий, центральных для человеческой сексуальности, отсутств[овали], - сказала она, - прежде всего, удовольствие, сексуальное удовлетворение и наслаждение и оргазм. Даже те взрослые, кто не верит в полезность обучения подростков "просто говорить "нет"", не склонны защищать *хороший* секс для подростков". В 1994 году, по данным SIECUS, менее одного из десяти курсов что-либо упоминали о сексуальном поведении вообще, и лишь 12 процентов программ секспросвета "сообща[ли] что-либо позитивное о сексуальности" в какой бы то ни было форме.

Примерно в то же время, когда Брик сетовала на бесплодность мышления сексуальных педагогов, социолог Мишель Файн наблюдала ее на практике в городских средних школах. Также пораженная тем, что отсутствовало, Файн написала статью в Harvard Educational Review, озаглавленную "Сексуальность, школа и подростки женского пола: отсутствующий дискурс женского вожделения". Статья была о том, что официальная линия секспросвета состоит в том, что девочки хотят любви, но что они не хотели бы заниматься сексом и что они соглашались на секс только в виде уловки, чтобы получить любовь. Так как считается, что эти поиски [любви] подвергают девочек риску эксплуатации со стороны неопытных мальчиков и грубых мужчин, темы обсуждений в классе сводились исключительно к женской виктимизации, сексуальному насилию и личной нравственности. В тех редких случаях, когда женское вожделение как-то обнаруживало себя, это был лишь "шепот", которым девочки "прерывали продолжающуюся [официальную] беседу". Симптомом этой проблемы было уже то, что несколько лет подряд статья Файн оставалась единственным обращением к теме вожделения в литературе о сексуальном образовании.

Мало что изменилось за прошедшее десятилетие. В то время как вожделение буквально захлестывает подростков с каждой стороны популярной культуры и общественной жизни, в программах государственных школ оно остается "спрятанной" темой. Но это спрятывание парадоксальным образом делает вожделение еще какой темой сексуального образования. Любой школьник, еще не до конца погружившийся в сонное состояние, знает, какие выводы следует делать из всех этих уроков о хламидии и раннем отцовстве: вожделение и

удовольствие опасны, а подростки должны учиться тому, как решительно не давать им спуску.

Почти во всех классах проводятся коллективные упражнения, в которых учащиеся подвергают "мозговому штурму" причины, почему ребята могут заниматься сексом ("Ээ... чтобы по биологии лучше оценку получить?"). Почти каждая учебная программа содержит отпечатанный на бумаге список таких причин, подобный списку в издаваемой Girls Incorporated программе воздержания-плюс для девочек в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет под названием "Will Power/Won't Power" (что-то вроде "Сила воли/сила неволи", в смысле "охота пуще неволи" :) - прим. перев.). В то время как программы только-воздержания признают одни только нечестивые причины для секса, "Will Power" предлагает мотивации как разрешенные, так и осуждаемые: "чтобы передать теплые, нежные чувства в отношениях; чтобы не быть одинокой; чтобы получить ласку; чтобы показать свою самостоятельность путем бунта против родителей, учителей или других авторитетных лиц; чтобы удержать отношения; чтобы показать, что она уже "взрослая"; чтобы стать матерью; чтобы удовлетворить любопытство". Нет в этом списке, как и почти ни в одном: *чтобы получить удовольствие*.

Хотя эти тексты учат, что секс является результатом эмоциональных потребностей и социального давления, тело, которое они представляют, - тело пубертата и репродукции: прорастающих волос, сверхактивных сальных желез, испускающих яйцеклетки маток и извивающихся зигот. В них физическое желание является животным ответом на возросшую выработку гормонов и императивом биологического вида к самосохранению; в то же время оно представляется интеллектуальным и эмоциональным ответом на мощную пропаганду: "MTV заставило меня сделать это". Самое близкое к признанию существования тела страстного желания и ощущений, что встречается в этих текстах, - это объявление "сексуальных чувств" и "любопытства" естественными или нормальными (незначительное меньшинство [программ] сообщают учащимся, что некоторых людей влечет к представителям своего пола, обычно оставляя самим учащимся решать, является ли такое предпочтение естественным или нормальным). Но способы, которыми такие чувства могут переживаться физически, редко описываются; они остаются ускользающими, почти метафизическими. Эти вычеркивания порождают странно расчлененное восприятие взаимоотношений между сексуальностью и телом. Ученица может знать, что такое эякуляция, и быть способна перечислить всех передаваемых половым путем микробов, могущих таиться в сперме, но ни разу не обсуждать в классе оргазм. Она может досконально изучить функционирование семенного канатика, но ничего не знать о клиторе.

Любопытно: хотя большинство таких курсов "не замечают" вожделение или удовольствие как причину занятия сексом и хотя физические признаки сексуального вожделения редко называются, все курсы снабжают учащихся набором "умений отказывать" и "тактик проволочки", предназначенных для того, чтобы сражаться с этим позывом, вкуче с обильным урочным временем на репетирование их в структурированных ролевых играх. (Эти тактики не внушают большой уверенности сему скептическому наблюдателю. "Уменьшение риска" от ETR, например, предлагает жевать пастилку от кашля, чтобы предотвратить глубокий поцелуй, а чтобы охладить "разгоряченный момент", подпрыгнуть и воскликнуть: "Ух ты, смотри, который час!") Вожделение, в тех случаях, когда признается, является (чаще, чем нет) вожделением чьим-то или вожделением толпы, которая ищет не секса, а конформности. "Давление сверстников" неизменно называется в числе главных причин занятия сексом.

Что касается гендера, программы только-воздержания продолжают демонстрировать то, что Мишель Файн описала десятилетие назад: сверстник, оказывающий давление, - мужского пола; отказчица-волохитчица - женского. Некоторые мейнстримные издатели в 1990-х годах озаботились тем, чтобы избавиться от этого проявления предрассудков. "Уменьшение риска", например, использует принципиально новый подход: одна из его вымышленных пар носит имена "Ли и Ли", которые не проявляют никаких очевидных признаков принадлежности к тому или иному полу и "посягают" друг на друга по очереди (отражают "посягательства" тоже по очереди). В "Ли и Ли" идеология целомудрия побилла козырем борьбу за освобождение женщин. От мальчиков теперь ожидают столь же мало вожделения, как от

девочек.

"The сексуальный акт"

[Примечание переводчика: определенный артикль "the" в данном контексте (в оригинале - "The Sex Act") обозначает безальтернативность, "тот самый" акт, подразумевая, что других не бывает; "A sex act" на его месте обозначало бы "один из". На русский эту тонкость английского языка передать трудно, в данном случае практически невозможно без специальных объяснений.]

Если фокус образования, основанного на воздержании, - риски беременности и болезней, то вполне естественно, что сексуальное поведение, о котором говорят учащимся, - то, которое несет в себе наибольший риск: половое сношение, которое, если не оговаривается иное, обозначает пенильно-вагинальное сношение. Многие из только-воздержателей прилежно стараются иного не оговаривать. В конце 1990-х годов я присутствовала на заседаниях комитета нью-йоркского городского Совета по образованию, который мэр-республиканец Рудольф Джулиани "упаковал" консерваторами и поручил ему пересмотреть программу секспросвета, написанную предыдущей администрацией, состоявшей из демократов. Значительная часть одного из заседаний была посвящена удалению слов "вагинальное", "анальное" и "оральное" из всех мест в тексте, где они служили определениями к слову "сношение". Один из членов Совета, который представился [мне] как отец, сказал: "Не нужно давать детям больше идей, чем они уже имеют".

Для педагогов с консервативной повесткой дня преподавание того, что секс означает гетеросексуальное половое сношение, - часть сути сексуального образования. Для гетеросексуальных неженатых и незамужних мальчиков и девочек, утверждают они, всё, что выходит за пределы держания за руки, коварно и греховно; гомосексуальность даже не рассматривается. (Даже для женатых и замужних людей секс за пределами полового сношения может быть сомнителен. В своем мегабестселлере "Акт брака" христианско-фундаменталистские брачные консультанты Тим и Беверли Лаэ предостерегают, что вибратор "создает эротическое ощущение, с которым не может сравниться ни один человек на земле", что подвергает приучившуюся к нему женщину риску того, что "одна из главных ее мотиваций к браку ... [окажется] уничтоженной". Также они предупреждают, что еще не все до конца ясно с потенциальными опасностями орального секса.)

Для сторонников всеобъемлющего сексуального образования, как мы видели в предыдущей главе, цензура обсуждений в классе не является умышленной в этом смысле. Для некоторых педагогов она представляет собой вынужденную капитуляцию перед лицом давления со стороны оппозиции (изгнание главного врача страны Джойслин Элдери за высказанную мысль, что мастурбацию можно было бы обсуждать на школьных занятиях, служит своего рода назидательной притчей). Для других сужающийся репертуар тем, которые они готовы обсуждать, сигнализирует постепенное, не вполне осознаваемое впитывание ценностей, стоящих за этим консервативным давлением. В любом случае, тем не менее, воздержатели-плюс не сдались до конца. Он не разжигают страх перед любым сексом и не пытаются убедить ребят, что секс является привилегией супружеских пар, как совместная налоговая декларация или предобеденный мартини. В программах воздержания-плюс *воздержание* означает воздержание от рискованного поведения, то есть от полового сношения.

Но при всем при этом воздержатели-плюс уделяют не много времени, если вообще уделяют, обсуждению более продвинутых аспектов физической близости (скажем, взаимной мастурбации), потому что, по иронии судьбы, честный разговор о мастурбации может навлечь на учителя больше неприятностей, чем разговор о вещах, находящихся в списках того, чего следует избегать, публикуемых журналом Good Housekeeping ("Хорошее домоводство"; издается также на русском языке под названием "Домашний очаг" - прим. перев.), хотя первое гораздо менее способно создать серьезные проблемы для тех, кто его практикует. Вывод из этого для учащихся напрашивается сам собой: взаимная мастурбация столь же непозволительна, как половое сношение. На протяжении 1980-х и 1990-х годов программы всеобъемлющего сексуального образования приводили списки того, что секс-терапевты называют "внешним сношением" (outercourse - это слово в английском языке

образовано от intercourse - "сношение" - путем замены inter на outer - "внешний"; кроме того, в американском произношении inter звучит неотличимо от inner - "внутренний" - прим. перев.), но большинство таких списков были туманными, скучными и короткими. Один из них предлагал учащимся лишь чтобы они "исследовали широкий диапазон способов выразить любовь и сексуальные чувства", без того чтобы "идти до конца". Часто назывались романтические практики, как например писание любовных писем. Но более явные эротические занятия, даже "бесконтактные" вроде "грязных разговоров" по телефону или мастурбации в присутствии партнера, не назывались.

Для авторов учебных программ эротическое творчество в эру воздержания - дело определенно неблагодарное. Автор первой версии брошюры "Планируемого родительства" 1997 года "Варианты контрацепции для тинейджеров" был достаточно смел для того, чтобы перечислить под рубрикой "Внешнее сношение" чтение эротики, фантазирование, ролевые игры, маски и секс-игрушки (сопроводив это предупреждением держать их в чистоте и использовать только надев на них презерватив). Но, хотя брошюра не обязательно должна была использоваться в государственных школах, эти советы были слишком "горячи" для того, чтобы данной организации не "жгло руки", и брошюра была подвергнута чистке: были оставлены только более степенные варианты, а именно мастурбация, эротический массаж и "трение телом". После чего, как сообщил мне источник в "Планируемом родителстве", хранившиеся на складе оригиналы были сожжены.

Даже прогрессивные педагоги могут обнаруживать, что поддерживают половое сношение как *the* сексуальный акт, сами того не желая. Джоун Раппапорт, которая, будучи учительницей, провела серию охватывающих широкий круг тем дискуссий под названием "Подростковые вопросы" в одной из частных школ на Манхэттене, была озадачена, когда услышала, как оценивают ее курс учащиеся средних классов. Когда ее спросили, говорит Раппапорт, что она узнала [на этих занятиях], "одна девочка ответила: "В основном, типа, *не занимайтесь сексом*"". Остальные ребята с ней согласились. Раппапорт провела выходные в раздумьях, как же так могло произойти, что программа, отражающая сбалансированное, терпимое и, как она думала, исполненное энтузиазма отношение к сексуальности, трансформировалась в "просто скажи "нет"".

Наконец она нашла разгадку. "Вы знаете, - сказала она, - мы много говорим о СПИДе и ЗППП, мы говорим об эмоциях и сексуальных идентичностях, о разных видах семей, о... ну, практически обо всем. Мы говорим, что мастурбация нормальна и что не нужно ее стыдиться или беспокоиться о ней. И да, мы отговариваем от полового сношения. Но мы никогда, ни разу не говорим о мастурбации как об *удовольствии* или о любых других способах получения сексуального удовольствия".

Положим, американский секспросвет никогда и не мыслился как форма эротического обучения. Ровно наоборот: большинство его деятелей как сегодня, так и в прошлом полагали и полагают, что дети и без того получают подобного больше, чем нужно. Эти люди рассматривают занятия в классах как противоядие против "излишне сексуализирующих" СМИ и "принудительной" культуры сверстников; их собственная роль - роль адвокатов информированной предусмотрительности против торговцев импульсивностью и более трезвых удовольствий детства, как например спорта и дружбы, против преждевременной тяги генитального секса. Редкий педагог выбивается из этой колеи. На неделе после того поучительного анализа Раппапорт дала своим шестиклассницам задание: "Идите домой и найдите свои клиторы". Учительница, которая сама тогда была матерью двух мальчиков-подростков, смеялась от удовольствия, вспоминая шокированные лица своих учениц, но в то же время понимала и опасности того, как поступила: "Была бы то государственная школа, меня бы уволили".

Подводя итог, можно сказать, что, хотя преподаватели воздержания-плюс не налагают требуемое правыми эмбарго на обсуждение секса вне гетеросексуального моногамного брака, их концентрация на половом сношении как на *the* запретном акте, вкупе с прикрыванием фиговым листком непенетративных сексуальных практик, имеет парадоксальный и, в конечном счете, вредный эффект. Как ни пытаются они *снять* акцент с

полового сношения, в конечном итоге оно оказывается перекрывшим собой всю картину. Выражение *заниматься сексом* возвращается по умолчанию в точности к тому значению, которое оно издавна имело для американских детей и подростков (и американских президентов) - к тому, что пенис делает во влагалище (про "американских президентов" - это намек на президента Клинтона, который, несмотря на то, что Моника Левински делала ему минет, в своих показаниях, которые он давал Конгрессу, утверждал, что "сексом" с ней не занимался, за что Конгресс (безуспешно) пытался обвинить его во лжи под присягой, с чем и был связан импичмент - прим. перев.). "Для ребят "заниматься сексом" означает иметь половое сношение, - рассуждает Раппапорт, вторя тому, что мне говорили многие другие учителя. - Так что, когда мы говорим "избегайте полового сношения", не упоминая все остальное, получается, что всего остального будто не существует. Они воспринимают это как "не занимайтесь сексом".

Когда разработчики учебных программ начали осознавать эту путаницу, они вставили в них упражнения, в которых учащиеся должны обсуждать, что именно означает воздержание. Тем не менее "главное послание", укоренившееся глубоко в родном языке, держится насмерть. Один педагог из Миннеаполиса так пересказал определение, которое дают воздержанию его ученики: "Мы делали эти вещи руками и ртом, и с трапецией, и с пони - но мы не занимались сексом".

Представляя половое сношение как "самую-самую" - и, подразумеваемо, единственно "нормальную" - сексуальную практику, педагоги не только увеличивают вероятность, что их ученики будут иметь посредственный секс, пока не наткнутся на какой-нибудь другой источник сексуального просвещения. Сознают они это или нет, но они также передают и постулат, что секс является главным образом гетеросексуальным и репродуктивным и, что важнее всего, что он всегда опасен.

Такой неинформированный секс, более того, *действительно* опасен. "Когда взрослые отрицают полный диапазон человеческого сексуального выражения и рассматривают только половое сношение как "секс", учащиеся лишаются важной образовательной возможности, - писала сексуальный педагог Мэри Крюгер в 1993 году. - Многие молодые люди считают, что не существует никакой приемлемой формы сексуального поведения, кроме полового сношения. Следуя этому положению, учащиеся могут подвергать себя риску нежелательной беременности или заболеваний, передающихся половым путем, совершая половое сношение, когда менее рискованное сексуальное поведение было бы не менее удовлетворяющим". В книге "Фатальные советы" ее автор и активистка борьбы против СПИДа Синди Пэттон горячо с ней соглашается. Распространение информации, имеющей критическое значение для обуздания эпидемии СПИДа среди молодых людей, "сделали практически невозможным ограничения, не позволяющие обсуждать пользование презервативами или обучать неконтактным формам секса", - пишет она. К 2001 году эти пробелы в образовании воздержания-плюс, по всей видимости, оставили изрядное количество подростков под впечатлением, что анальное сношение не несет в себе никакого риска. Эта практика, во всяком случае, происходит очевидно чаще, чем в предыдущих поколениях, особенно в общинах, высоко ценящих вагинальную девственность, и среди городских геев, тревожно большое число которых сообщают о себе, что занимаются самым рискованным из всех видов секса - незащищенным анальным сношением. Такая "профилактика" секса предотвращает реальную профилактику: болезней. В результате молодые люди гибнут.

Плохой секс

Та школьница из Миннеаполиса, которая играла с пони и трапецией, намекала на то, что показывают результаты скудных поведенческих исследований. Сексуальный опыт - по виду, частоте, возрасту дебюта - различается в зависимости от расы ребенка или подростка, его или ее экономического класса, а также от пола и от того, живет ли он или она в городе или деревне. Но в общем можно сказать, что страх перед СПИДом увеличивает распространенность непенетративных сексуальных практик среди подростков и детей. Уже в доподростковом возрасте большинство детей начинают "крутить" эротизированные

"романы". В 1997 году четверть четырнадцатилетних мальчиков сказали, что трогали наружные половые органы девочки, а 85 процентов тинейджеров кого-либо целовали в романтическом смысле. Почти треть старшеклассников в одном калифорнийском исследовании мастурбировали кого-то другого, и от четверти до половины занимались гетеросексуальным минетом или куннилингусом. Хотя они признают недостаточность статистических данных, некоторые деятели общественных наук считают, что журналисты преувеличивают количество орального секса среди подростков, особенно среди младших подростков.

Вдобавок к тому, что ребята делают, однако, не менее интересно и то, что те вещи, которые они делают, значат для них. В то время как поколение их родителей было склонно рассматривать оральный секс как более интимный, чем половое сношение, многие ребята видят то же самое ровно наоборот. Один четырнадцатилетний мальчик сказал репортеру, что половое сношение подразумевает "настоящую привязанность", а оральный секс вообще не обязательно означает какие-либо отношения.

Со всем этим троганием и сосанием, получают ли дети и подростки сексуальное удовольствие, даже если их учителя пренебрегают упоминать об этом? Это трудно узнать. Ибо, хотя оценщики программ сексуального образования могут измерить влияние обучения контрацептивам на практику предохранения или предоставления информации о заражении ВИЧ на пользование презервативами, они редко задают вопросы того рода, который помог бы им оценить влияние школьного ханжества (или "Баффи - истребительницы вампиров", если уж на то пошло) на то, как секс *ощущается* юными людьми в чувственном или эмоциональном плане.

Исследований качества детско-подросткового сексуального опыта практически нет. Добиться финансирования на то, чтобы опросить взрослых об их сексуальных установках или поведении, - уже тяжело; задать те же вопросы несовершеннолетним - почти криминал. Конгресс каждый раз блокирует опросы детей и подростков, в которых упоминается оральный секс. Вообразите себе, что означало бы обратиться в Национальные институты здравоохранения с целью выяснить что-либо о фантазиях шестнадцатилетних, об их желаниях, об их возбуждении или оргазме? Подобное, в глазах многих влиятельных членов Конгресса, граничило бы с сексуальным злоупотреблением.

И все же нет причин полагать, что дети и подростки чем-то отличаются от взрослых в этом отношении. Даже в самых благоприятных условиях удовольствие требует практики. А сексуальное невежество, соединенное с сексуальной виной, исходящей от родителей, священнослужителей, учителей и социальной рекламы, способствует паршивому сексу и всем тем эмоциональным "вредам", в которых преподаватели только-воздержания обвиняют подростковую сексуальную активность. Сексолог Лионор Тифер говорит: "Невозможно отделить вопросы принуждения и согласия, сожаления, невроза, вреда или злоупотребления от культуры, в которой нет сексуального образования".

Некоторые люди, с которыми я разговаривала, высказывают догадку, что нынешний подростковый секс может быть хуже, чем был у прошлых поколений. Стандартное объяснение - путаница в умах: СМИ говорят: "Просто делай это"; школы говорят: "Просто скажи 'нет'". По моему собственному ощущению, здесь всё сложнее. Начать хотя бы с того, что популярная культура, мягко говоря, эклектична в своих посланиях о сексуальности. По одному каналу мальчики в сериале "Queer as Folk" пялят друг дружку в подсобном помещении дискотеки; по другому - персонажи не могут укрыться от надзора ангелов. Элли Макбил проводит половину дня в оргазмических фантазиях о своих клиентах, а вторую половину дня ее соблазняют ее партнеры по адвокатской конторе; тем не менее, когда она узнаёт, что ее соседка по комнате переспала с мужчиной на первом свидании, то чуть не падает в обморок. Единственное стойкое, последовательное послание в СМИ - будь то о гамбургерах, таблетках от головной боли или о высокодоходных инвестициях - "получи это сейчас". Американцы всех поколений ожидают немедленного удовлетворения желаний - любых желаний.

Это требование иметь всё и сразу может быть пережитком культуры неизвиняющегося гедонизма шестидесятых годов. Но та культура предлагала средства и некоторое обучение в искусстве и ремесле немедленного и длящегося удовольствия: наркотики, досуг и доступное широким массам просвещение в сексуальных техниках - от эротического массажа до клиторального оргазма. В определенном смысле, эти культурные и эротические перемены оказались необратимы; просто внимательно посмотрите на полки с литературой для "работы над собой" в книжном магазине, если так не думаете (не говоря уже о полках с порнографией в любом пункте видеопроката какого-нибудь мелкого городка). Но упоение излишествами, которое характеризовало ту эпоху, обернулось раскаянием. Правые предъявили обвинение контркультуре как той "корзине", в которой нас всех несут в ад, и все кивают, как кроткие овечки. Один из результатов: юные люди, вероятно, чувствуют столь же острую сексуальную потребность, что была у их родителей в их возрасте. Но, поскольку они получают мало подлинного обучения удовольствию из какого-либо источника, они с меньшей вероятностью находят удовлетворение.

Хотя многие "сексуально активные" подростки совершают половое сношение лишь от случая к случаю, по их собственным рассказам можно судить, что, когда случается такая возможность, оно происходит быстро, и оральный секс - дело не менее поспешное. "Раньше мы делали всё такое медленное, целовались-ласкались, - рассказала мне одна семнадцатилетняя, которая незадолго до того рассталась с девственностью. - А теперь, как только мы начинаем, такое впечатление, что он сразу ищет презерватив". (Этот хотя бы ищет презерватив. Хотя 75 процентов подростков пользуются презервативами в свой первый раз, лишь 60 процентов говорят, что пользуются ими регулярно.) Школьный психолог с Лонг-Айленда (город Нью-Йорк) Дебора Раковски спросила одну девятиклассницу, что для нее означает секс. "Ну, это когда мальчик вставляет это в тебя и дергается минуты три", - ответила та. Как ты себя чувствуешь при этом? Девушка пожалала плечами. "Если таково ее представление о сексе, - сказала мне Раковски, - по-моему, все очень плачевно".

Сожаление

По крайней мере об одном феномене у нас есть предостаточно свидетельств: подростки занимаются сексом, которого они не хотят, а те, кто говорят, что не хотят, - большей частью девочки. В конце 1980-х годов видный сексуальный педагог Мэриан Хауард объявила, что самое большое желание, выражаемое восьмиклассницами, записывающимися на программу сексуального образования, которую она вела в Атланте, - научиться говорить "нет" так, чтобы не обидеть мальчика. В последующие два десятилетия публиковалось исследование за исследованием, демонстрирующее, что девочки занимаются сексом, которого они не хотят, что девочки, имеющие высокую самооценку, сексом не занимаются и что девочки, занявшиеся сексом, имеют низкую самооценку. В середине 1990-х годов сообщалось, что каждая четвертая девушка-тинейджер призналась, что ею когда-либо "злоупотребили" или заставили заниматься сексом на свидании.

Девушки неоспоримо чаще становятся жертвами сексуальной эксплуатации и насилия. Но гендерные презумпции, артикулированные Файн, влияют не только на ощущения юных людей по поводу самих себя и секса, но и - завуалированным образом - на то, как эти данные собираются и интерпретируются. Один из способов, которыми гендерные предубеждения протаскиваются в исследования, - под видом определений, даваемых в таких исследованиях, или их отсутствия. В одном из упомянутых исследований, проведенном престижным Commonwealth Fund, анкета, на которую предлагалось ответить девушкам, не определяла, что есть "злоупотребление", вообще. Другое - от высокоуважаемого Института Алана Гуттмахера - описывало злоупотребление как "когда кто-то в твоей семье или кто-то еще прикасается к тебе сексуальным образом в месте, в котором ты не хотела, чтобы к тебе прикасались, или делает тебе что-то такое сексуальное, что ему или ей не следовало делать". Эти исследования, другими словами, оставили щедрый простор для "вползания" неартикулируемых культурных допущений, как со стороны опрашиваемых, так и со стороны их интерпретаторов.

Если считается, что девочки не должны испытывать сексуальных желаний и их ставят на

охрану сексуальных врат, могли ли ученицы Мэриан Хауард найти какой-либо другой сохраняющий чувство собственного достоинства, самозащитный образ самих себя кроме того, чтобы говорить "нет"? Что для респонденток Института Гуттмахера означало "что-то ... что ему или ей не следовало делать"? Нэнси Келлогг с кафедры педиатрии Техасского университета в Сан-Антонио указывает на то, что подростки могут употреблять термин *злоупотребление* для обозначения желанного, но нелегального секса, как например между несовершеннолетней девушкой и взрослым мужчиной. Или, может быть, эти девочки хотят, чтобы к ним прикоснулся мальчик, но боятся, что, если дело дойдет до полового сношения, он не наденет презерватив? Если он ее все равно заставит, это будет изнасилование. Но боязнь последствий возбуждения - не то же самое, что нежелание, чтобы к тебе прикасались.

В 2000 году в опросе пятисот подростков в возрасте от двенадцати до семнадцати лет, проведенном Национальной кампанией за предотвращение подростковой беременности, почти две трети из тех, кто "занимался сексом", высказались в том духе, что лучше бы они подождали (в докладе употребляются расплывчатые термины *занимался сексом* и *сексуально активный*). Из девочек 72 процента сожалели [о своем сексуальном опыте], по сравнению с 55 процентами мальчиков. Более трех четвертей опрошенных высказали мысль, что подросткам не следует быть "сексуально активными" до окончания школы. Представитель кампании сказал, что опрос свидетельствует о том, что "многие подростки начинают более осторожно относиться к тому, чтобы заниматься сексом". Если бы все сводилось к осторожному отношению, а осторожное отношение выливалось бы в безопасный секс, было бы просто замечательно. Но эти данные приоткрывают больше, чем только осторожное отношение; они приоткрывают стыд. Подростки усваивают послание, что секс, которым они занимаются, - это [морально] неправильно и что, когда бы они им ни занимались, это слишком рано.

Эти результаты вызывают множество тревожащих вопросов. Не сродни ли эти выражаемые чувства "постабортному синдрому" - печаленности "задним числом", вызванной не обязательно самим опытом, но непрекращающимся огнем ругани со стороны учителей, родителей и СМИ? И почему девочки выражают их чаще, чем мальчики? Опять-таки, не связано ли это с до сих пор процветающей двойной моралью? Какая часть этого сексуального сожаления на самом деле связана с любовными разочарованиями? Не могло ли бы настоящее удовольствие, в секс-позитивной атмосфере, уравновесить или даже перевесить сожаление по поводу потери любви? Даже если секс не приносит удовлетворения, как обнаружила Томпсон, юный человек может вспоминать о нем с чувством счастья, гордости или тайного бунтарского ликования. Но, по моему внутреннему чутью, плохой секс с большей вероятностью оставляет после себя плохие чувства.

Все эти "белые пятна" в данных исследований во всяком случае напоминают нам об одном: большинство тестов, проводимых с помощью карандаша и бумаги, снимают лишь тончайший верхний слой с глубин сексуальности. В плане информирования нас о желании или удовольствии то пожатие плечами ученицы Раковски может быть не менее красноречиво, чем вся имеющаяся у нас статистика.

Изгнание сексуального желания и удовольствия не является исключительной особенностью школьных занятий, разумеется. Как мы видели в первой половине "Вредно для несовершеннолетних", понятие о том, что несовершеннолетняя сексуальность представляет собой проблему, буквально пронизывает наше мышление во всех областях. Если образы сексуального желания появляются в СМИ, критики называют их промывкой мозгов. В семье и между людьми разных возрастов, размеров или общественных положений секс всегда мыслится как принуждение и злоупотребление. В лучшем случае, секс в несовершеннолетнем возрасте - ошибка, достойная сожаления; в худшем - патология, трагедия или преступление. На секулярном языке общественного здравоохранения, занятие сексом - "рискованное поведение", подобное пьянству или анорексии. На языке религии - искушение и грех.

Всю дорогу, как на правом политическом фланге, так и на левом, взрослые называют

детскую сексуальность нормальной. Ненормальным, или нездоровым, считается, когда она приводит к каким-либо действиям. В "ответственных" кругах чуть ли не запрещено намекать, что юный секс - это не всегда что-то плохое, а говорить, что это что-то хорошее - встречается как ересь. Когда Наоми Вулф в своей довольно чопорной в прочих отношениях книге о подростковом сексе "Промискуитеты" одобрила идею эротического образования и привела несколько кросс-культурных примеров такового, рецензенты подняли ее на смех. Как вы, возможно, помните из вступления к "Вредно для несовершеннолетних", одна из бывших редакторов этой книги - либеральная, высокообразованная мать мальчика-младшеклассника - считала благоразумным начать употреблять слово *удовольствие* как можно дальше от начала книги либо вовсе его избежать.

В конце концов, есть что-то головокружительно утопическое в том, чтобы думать о сексуальном удовольствии, когда кругом маячат опасность и страх. Но идеализм - это только начало. Как нам быть одновременно реалистичными и идеалистичными в отношении секса? С маленькими детьми, детьми или подростками как нам их защищать, но не вторгаться, как учить, но не поучать, как быть серьезными, но не мрачными, игривыми, но не фривольными? Вторая часть книги предлагает некоторые способы того, как можно пересмотреть наши подходы к сексуальности детей и подростков, и приводит некоторые примеры разумной практики педагогов, родителей и друзей юности - практики, основанной на простом убеждении: эротическое удовольствие является даром и может быть подлинной радостью для людей всех возрастов.

II. Разум и сексуальность

8. Факты

... и правдивый вымысел

Я не знаю его - оно безымянное - это слово, еще не сказанное,
Его нет ни в одном словаре, это не изречение, не символ.

Нечто, на чем оно качается, больше земли, на которой качаюсь я,
Для него вся вселенная - друг, чье объятие будит меня.

Уолт Уитмен, "Песня о себе" (перевод Корнея Чуковского)

Для Фрейда детская сексуальность была неустанным поиском "разведданных". Вожделение к информации не замещало собой вожделение к физическому удовольствию; оно его дополняло. Сексуальность с самого начала ищет язык, чтобы объяснить себя, пишет детский психолог Адам Филлипс, толкуя Фрейда, а опыт, переживаемый телом, вдохновляет на новые слова, на новые "теории" и "истории".

В эру цензуры Фрейд поддерживал предоставление детям этого языка: информации об их частях тела и соответствующих процессах, о том, откуда дети берутся и как они рождаются. Его наследники - отцы "сексуального обучения" Прогрессивной эры - задались целью спасти детей от невежественности и неосмотрительности, навязываемых викторианством - большей частью в форме родительской "сдержанности", и в течение двадцатого века открытости становилось так или иначе больше.

Теперь, на заре двадцать первого века, когда СПИД все еще угрожает, а дети и подростки нуждаются в информации больше всего, направление течения переменялось в пользу того, чтобы говорить им меньше. Нам явилась стратегия цензуры, "переодетая" в совет родителям говорить больше, принять на себя роль первых сексуальных учителей для своих детей. Вот вам "семейная ценность", которую может поддерживать мейнстримный секспросвет, что-то такое, с чем никто, и в последнюю очередь его консервативные антагонисты, не будет спорить. Но эта кажущаяся безвредной, дружественной к родителям идея вряд ли будет

иметь эффект, дружественный к детям. Я не могу отделаться от подозрения, что противники сексуального образования на основе школ с радостью осознают, что произойдет в случае, если задача сексуального образования будет целиком спихнута на семьи: почти никто не будет ее выполнять.

Опросы подтверждают это подозрение. Родители говорят правильные слова: большинство из них согласны, что сексуальное просвещение должно быть их работой. Но когда дело доходит до *сексуальных* слов, не многие оказываются способны их говорить. Среди 1001 родителя, опрошенного в 1998 году Национальной ассоциацией коммуникации, секс был предметом, при котором они чувствовали себя "наименее в своей тарелке, обсуждая его" со своими детьми. Дети обнаруживают похожую неловкость и часто оценивают усилия своих родителей менее щедро, чем их мамы и папы, вероятно, хотели бы надеяться. "Паттерн, бросающийся в глаза прежде всего, - разница между родительским и подростковым восприятием" домашних разговоров о сексе, писала социолог Джанет Кан в 1994 году. Когда она опросила оба поколения в одних и тех же семьях, оказалось, что подростки неизменно помнят меньше тем этих разговоров, чем их родители. Национальное когортное исследование подросткового здоровья 1998 года нашло, что более половины подростков считают, что родители неплохо их понимают. Плохая новость состояла в том, что почти половина из них полагала, что мама и папа "врубаются" не совсем либо едва ли вообще "врубаются". То же исследование обнаружило, что 85 процентов матерей не одобряют, если их подростки совершают половое сношение, и сообщают эту свою ценность своим сыновьям и дочерям. В таких условиях не из каждой мамы получается наперсница сексуально активного юного человека, которой можно задать любой вопрос.

Даже про сексуально "прогрессивных" родителей нельзя сказать, что у них нет никаких проблем. В конце 1960-х годов, когда моя мама начала намекать, что неплохо бы мне поставить диафрагму, мне не особенно-то нужна была диафрагма. Но, вместо того чтобы объяснить ей, что, хотя я спала со своим молодым человеком, я оставалась "физиологической девственницей", я яростно объявила ей во всю мочь моей глотки, что это не ее "собачье дело". Как ни похвальны защитные родительские инстинкты, а интимные сексуальные отношения по обоюдному согласию, в том числе между несовершеннолетними, - дело приватное.

Дети усваивают в своих семьях их отношение к любви, к телу, к авторитету и равенству; они воспитываются в терпимости и доброте или в их противоположности в своем доме. Некоторые живут в семьях, достаточно спокойных, уверенных в себе для того, чтобы обсуждать всю "подноготную" секса. Но огромное большинство усваивает ее из окружающего мира. В Уганде, как сообщила "Денвер пост", широко задуманная национальная кампания просвещения в вопросах СПИДа просила сельских жителей преодолеть свою скромность и "говорить начистоту" со своими детьми. Выражая свой скепсис по поводу такого ожидания, автор репортажа указала на то, что "матери во всем мире находят трудным разговаривать со своими детьми о сексе". Но у африканцев, сообщила она, уже был обычай, обходящий родительское смущение. Одна зимбабвийская мать объяснила: "Тетушки с детьми разговаривают".

Хотя подростки говорят людям, проводящим опросы, что желали бы большего обсуждения секса со своими родителями, я полагаю, что, если бы у них был такой выбор, они предпочли бы обсуждать его с тетушками. Можно приписать это табу инцеста: дети не хотят знать о сексуальной жизни своих родителей, а с момента, когда у них, в принципе, может появиться своя, обычно не хотят, чтобы мама и папа знали о ней. Вот почему сто лет назад было изобретено "сексуальное обучение". Сексуальные педагоги - те самые "тетушки", только теперь "по профессии".

Есть тут настоящие сексуальные педагоги? Если есть, встаньте, пожалуйста. Мама и папа с детьми не разговаривают, и, как мы видели в Главе 5, тетушки на федеральном финансировании тоже не разговаривают - за исключением чтения по бумажке: "Просто скажи "нет". Выйди замуж". Куда подростку податься? В книжных магазинах и библиотеках плачевно мало книг советов по сексу и отношениям, которые являются всеобъемлющими,

секс-позитивными и которые не скучно читать, несмотря на то что спрос на них отчаянный. (На сайте amazon.com, который продает сотни тысяч названий книг, книги, подобные живой, прикольной, ничего не стесняющейся "It's a Girl Thing" Мэвиса Галланта, неизменно набирают рейтинги продаж в первых тысячах даже спустя годы после своей первой публикации. Как написала одна юная читательница в своем отзыве: "Лучшая книга из когда-либо мною прочтенных!") Некоторые журналы для девочек-подростков предлагают неискаженную информацию о контрацептивах и половом здоровье, но их послания автономии и принятия своего тела портятся вызывающими у читательниц комплекс неполноценности фотографиями худых моделей, статьями о диетах и общим редакционным уклоном в сторону помешанности на мальчиках. Редакторам также связывают руки угрозы рекламного бойкота со стороны религиозных консервативных организаций; именно такой бойкот окончательно добил "Savvy". Для мальчиков, которые, согласно издательской "житейской мудрости", ни об отношениях, ни о самих себе не читают, в продаже нет почти ничего.

Факты

К счастью, как раз тогда, когда источники информации о сексе иссякали в таких "приземленных" учреждениях, как государственная школа и издательство, они стали множиться в киберпространстве, где ребята и так уже привыкли читать. Дешевая и широко открытая Всемирная паутина стала предлагать изобилие остроумных, передовых, позитивно относящихся к удовольствию, заслуживающих доверия, дающих утешение, дружественных к пользователю сайтов о сексуальности для ребят и созданных ребятами, так же как и не предназначенных специально для юных посетителей, но полезных для всех занимающихся сексом или думающих о том, чтобы им заняться. (На самом деле на момент написания книги две лучшие из недавних книг сексуального образования представляют собой компиляции содержимого сайтов: "Книга ответов "Иди спроси у Алисы"" с одноименного сайта Колумбийского университета и "Deal with it!" с gURL.com.)

Да, любой двенадцатилетний с минимумом компьютерной грамотности может быстро "докликать" до фотографии мужчины в акваланге, заставляющего женщину с ампутированной ногой заниматься анальным сексом с морским огурцом (ну, морской огурец будет закрыт черным квадратиком, пока не введешь номер кредитной карточки). "Да черт, я выхожу в Сеть и вижу такое, от чего чувствую себя *амишем!*" (Amish - член крайне консервативной американской секты менонитов - "амишей" - прим. перев.) - воскликнул член группы не слишком стыдливых агитаторов, называемой "Шлюхи более безопасного секса". Но в своей работе внештатного сексуального педагога этот человек - Роб Йегер - поощряет ребят отыскивать всю сексуальную информацию, которую они только могут найти. И он знает, что они ее могут найти - актуальную и нецензурированную - в Сети.

Поскольку веб-сайты "сегодня здесь, а завтра далече", назвать какой-либо секспросветовский "киберканон" невозможно. Вместо этого я назову несколько конкретных сайтов, существующих на момент написания книги, в качестве образцов того, каким должен быть хороший ресурс.

Подробная, игривая, эгалитарная

"Иди спроси у Алисы", сайт о сексе и здоровье Колумбийского университета, поддерживаемый полудюжиной авторов, периодически консультирующихся с врачами университетской клиники, отвечает на сотни вопросов в день, задаваемых волнуемыми "первопоцелуйчиками", неопределившимися бисексуалами и бисексуалками, подростками, зараженными ВИЧ и желающими избежать заражения, девственниками, девственницами и влюбленными, еще не испытывавшими оргазм, из более чем пятидесяти стран.

"Мне 16 лет и меня никогда не целовали и у меня так много вопросов об этом, но я очень волнуюсь по этому поводу потому что боюсь, что все сделаю не так, - пишет пользовательница под ником Психанувшая от Первого Поцелуя. - В каком возрасте девочек

обычно целуют? Когда ты кого-то целуешь, вы оба двигаете языками одновременно? А куда ты двигаешь свой язык? Черт меня это сводит с ума. А потому что я никогда никого не целовала, я боюсь встречаться с парнем потому что что если он психанёт когда я скажу ему, что меня никогда не целовали, а, если он расскажет куче народу, я буду чувствовать себя такой дурой."

Спокойная, развеивающая тревоги и авторитетная, Алиса отвечает: "Нет нужды мандражировать по поводу своего первого поцелуя - чем более расслабленной ты будешь, тем больше удовольствия доставит это событие тебе и твоему везучему партнеру. Не видит Алиса никакой нужды и в том, чтобы рассказывать любому потенциальному партнеру свою историю поцелуев - или отсутствия оных".

Характерно обстоятельная и необидно юмористичная, Алиса затем переходит к более конкретным советам по поцелуйной практике. Она дает решительный отпор попыткам определить, что есть нормальное поведение, несмотря на то что "Нормален (нормальна) ли я?" сквозит во многих вопросах, задаваемых ей и каждому из остальных "экспертов" (особенно в извечных вопросах о мастурбации, размере пениса и гомосексуальности). "Каждый поцелуй будет немного особенным, в зависимости от многих вещей, как например кого ты целуешь, как ты к нему относишься и что происходит во время поцелуя, - пишет она. - Целование не является наукой".

Ценности Алисы - это ценности демократии, равенства, коммуникации и обоюдного согласия: "Твой язык, скорее всего, встретится с языком того человека, и это будет отправная точка для вас обоих: сообразить, что приятно друг для друга и что доставляет и не доставляет неприятных ощущений". Хотя она не раздает медицинские или поведенческие рецепты без врача, вопросы о половом сношении или анальном, оральном сексе сопровождаются советами по безопасному сексу. Информация о контрацепции и абортах, тестировании на ЗППП, гомосексуальности, профилактике и лечении СПИДа, а также о сексуальном насилии размещена по всему сайту, как и ссылки на другие ресурсы.

Секс-позитивная, "натуралистичная"

Как и Алиса, и как лучшие школьные учителя и тексты, сайты сексуального образования высшего качества сочетают реализм в отношении вероятности несовершеннолетней сексуальной активности с энтузиазмом, но не подначиванием, в отношении секса - своего рода позиция в пользу сексуального выбора. Этот баланс великолепным образом выражен на главной странице сайта чикагской взросло-несовершеннолетней Коалиции за позитивную сексуальность и в ее слогане "просто скажи "да"":

"Просто Скажи Да означает иметь позитивное отношение к сексуальности - гомосексуальной, гетеросексуальной или бисексуальной. Это означает говорить "да" тому сексу, которого ты хочешь, и "нет" тому сексу, которого ты не хочешь. Это означает, что нет ничего в тебе плохого или странного, если ты решаешь заняться сексом, и нет ничего в тебе плохого или странного, если ты решаешь им не заниматься. Ты имеешь право делать свой собственный выбор и право на то, чтобы другие уважали твой выбор. Секс доставляет удовольствие, когда все, участвующие в нем, настроены на него и когда они имеют информацию, необходимую для того, чтобы заботиться о себе и друг о друге."

Даже несмотря на то что они поддерживают такие широко открытые ценности, многие из этих сайтов о сексе вывешивают предупреждения, что их обсуждения могут быть местами "натуралистичны" (целью этого может быть успокоение беспокойных мам и пап или не в меру рьяных политиков или федеральных агентов). Подразумевается под этим то, что информация достаточно подробна, чтобы быть полезной для кого-то, кто намеревается ее так использовать. Поэтому, в отличие от преподавателей воздержания-плюс, которые могут учить пользованию презервативом при помощи вечнотвердого банана, или от преподавателей только-воздержания, цель которых - сделать так, чтобы слово "презерватив" ассоциировалось с чем-то настолько противным и ненадежным, что школьники и думать забудут обо всей этой ужасной "пенетрации", дизайнеры страниц о безопасном сексе

исходят из того, что презерватив будет надет на пенис, который затем будет вставлен в телесное отверстие другого человека. Эти сайты в обязательном порядке обсуждают ключевой - и слишком часто игнорируемый - компонент пользования презервативом: смазку, которая делает это профилактическое изделие более приятным по ощущению и менее способным рваться. На сайте "Просто Скажи Да" анимированный вялый пенис встает, чтобы принять свою резиновую шляпу, надеваемую чьими-то руками, затем снова становится вялым, и все повторяется до бесконечности. "Возбудишься", - советует текст под анимацией, отмечая еще одну важную деталь: что пенис должен быть в состоянии эрекции, прежде чем презерватив на него наденется. Данный орган, кстати, выглядит здоровеньким, но не пугающе большим.

Юная духом, понимающая и желающая помочь

Не менее важными в интерактивной вселенной Сети являются чаты между ребятами и личные истории, представленные на многих сайтах. На сайте gayplace.com, поддерживаемом силами Проекта для подростков ГЛБТН (что означает геи, лесбиянки, би, трансгендеры и "неопределившиеся") "SAFETeen" "Джейсон: история любви, решимости, надежды и смерти" рассказывает автобиографическую (и, возможно, приукрашенную) историю четырнадцатилетнего "невинного, юного [мормонского] мальчика ... стремящегося понять меня самого и мою сексуальность", влюбившегося в своего двенадцатилетнего товарища по скаутскому отряду по имени Джейсон. За несколько месяцев их "отношения расцвели в мощные узы любви. Мы стали единым целым - духом, душой и - достаточно часто - телом". Будучи выгнан из дому, Джейсон ударяется в бег, становится порноактером и в конце концов убивает себя. Мелодрама, наверно, но, судя по количеству подобных историй, наличествующему в Сети, стрела, бьющая прямо в сердца страдающих от изоляции гомосексуальных и лесбийских ребят и девчонок. Из общего числа молодых людей, совершающих попытки суицида, оцениваемого в пять тысяч человек в год, 30 процентов составляют геи, лесбиянки и отчаянно "неопределившиеся".

Чат на форуме Коалиции за позитивную сексуальность "Давай поговорим", не зная стеснений, обсуждает всё, начиная от садомазохизма ("Окей, вот вопрос. мне интересно было бы стать сабом, а потом возможно рабом. кто-нибудь из вас знает какие-нибудь сайты по этой теме? чтоб была в основном информация, не порно") до мольбы о помощи от религиозного мальчика, которому "крышу сносят мои гормоны", вопящего: "Есть какая-нибудь таблетка, которую можно принять, или еще что, чтобы полностью остановить это либидо или хоть как его обуздать?" Он получил всего один практический ответ: "Всё, что я могу сказать: не ешь острое".

gURL.com, онлайн-журнал для девочек-подростков, основан двумя женщинами, которые ушли во взрослость не настолько далеко, чтобы забыть ту боль и унижение ("Эти Гадкие Чувства"), но и ту сладость, которые означает быть девочкой-подростком, включая открытие сексуальности. Помимо предоставления точной и полной информации о таких физических предметах, как клитор и вагинальные выделения, интерактивная "Серия о сексуальности" в этом журнале бросает вызов тирании массовых СМИ в отношении сексуальных вкусов и ожиданий юных людей. "В мире думания о сексе сексуальным может быть что угодно, - писали веб-мастерицы в одном из выпусков. - Об этом бывает трудно помнить, когда тебя бомбардируют образами и всем таким из окружающего мира, старающимся указывать тебе, "ЧТО ЕСТЬ СЕКС(УАЛЬНО)"". Среди того, что написали посетители на странице, посвященной поцелуям, было, например, "Целовать веки [человека] - тоже прелесть".

Одно из изданий, выходящих как на бумаге, так и в виде пикселей, называется "Sex, Etc." (www.sexetc.org) - это отмеченный наградами информационный бюллетень, издаваемый для подростков подростками под эгидой Сети образования для семейной жизни в Университете Ратгерса (государственном университете штата Нью-Джерси). Обсуждая разнообразные вопросы от открытого усыновления ("открытым" усыновлением/удочерением называется такое, при котором биологическая мать (и, возможно, отец) заранее знакомится с приемными родителями, предполагая, что будет общаться с ними и после передачи ребенка

и что от ребенка не будут скрывать обстоятельства усыновления - прим. перев.) до родительского согласия на аборт, от депрессии до того, может ли мастурбация "как-то тебе повредить" (ответ, вкратце: нет), это хорошо написанное, красиво оформленное издание находит верный баланс между неуверенностью и компетентностью, между ощущением и фактом. Его расово, сексуально и экономически разнородная редколлегия обеспечивает широту диапазона выражаемых мнений и языка, на котором эти мнения выражаются.

Анонимная

Хотя взрослые развесили знаки "ОПАСНОСТЬ" по всем закоулкам киберпространства, онлайн-мир на самом деле является одной из самых безопасных сексуальных зон. Если юная особа имеет склонность испытать свои "клавиатурные способности" в киберсексе, она может экспериментировать с сексуальными позами и фантазиями, не беспокоясь о беременности, ЗППП и даже, большей частью, об эмоциональной вовлеченности. Если становится "слишком горячо", она может вежливо откланяться или просто удалить чересчур страстного ухажера.

Та же анонимность, которая придает киберсексу его текучесть и безопасность, служит "смазкой" и для распространения сексуальной информации. Анонимность его корреспондентов, обычно отмечаемая флагом принципиальной опасности Сети, избавляет детей и подростков от опасности испытывать чувство стыда, выглядя неуклюжими или стремными, распутными или излишне скромными. Вопросы, которые практически невозможно задать лично, легко задаются "виртуально". Один мальчик спрашивает Алису об этикете орального секса, а конкретно о том, кончать ли в рот девушки и как об этом говорить [с ней]. Он завершает свое письмо такими словами: "Я понимаю, что этот вопрос может показаться довольно-таки детским, но к кому еще я могу обратиться?" Ответ Алисы: "Обсудите это заранее. Потом, когда настанет большой момент, скажи: "Куда ты хочешь, чтобы я кончил - тебе в рот или куда-то в другое место?.. Я скажу тебе, когда буду на грани... или пролаю... или как-нибудь еще". Алиса поздравляет автора письма с тем, что он достаточно зрел для того, чтобы быть столь внимательным к своей партнерше.

Можно даже не говорить о тех постингах, ответы на которые могут спасти юного человека больше чем просто от стыда. "Мой молодой человек меня бьет". "Я занимаюсь сексом за деньги и хочу знать, надо ли пользоваться презервативом каждый раз". "Мои родители ненавидят меня за то, что я гей. Я хочу убить себя". Во Всемирной паутине одинокие могут быстро найти дружеское общение; несведущие - полную понимания, неморалистическую поддержку и жизненно важную практическую помощь. В лучшем случае испытывающий нужду мальчик или девочка может найти сообщество родственных душ, пытающихся справиться со маргинализированной сексуальной идентичностью, с насилием или "изнасилованием на свидании", с враждебными родителями или депрессией - и занести его в "закладки" на следующий раз.

Обильная, доступная

Многие взрослые аргументируют свою позицию тем, что во Всемирной паутине слишком много сексуально откровенных материалов - в виде порнографии. Спору нет, ее там предостаточно. Вредит ли она несовершеннолетним, которые на нее смотрят? Я задала этот вопрос специалисту по конституционному праву и автору книг Марджори Хайнс, которая изучила соответствующую литературу, вероятно, тщательнее, чем кто-либо в Соединенных Штатах. Ее ответ (изобилующий свойственными юристам и ученым оговорками): "Насколько мне известно, существует очень мало психологических исследований влияния просмотра порнографии на детей. И в той степени, в которой вообще можно говорить о научных доказательствах в социально-научных исследованиях, мое мнение таково, что не доказаны какие-либо широко распространенные или предсказуемые неблагоприятные психологические эффекты от просмотра порнографии несовершеннолетними". Мои собственные исследования той же литературы, как бы скудна она ни была, привели меня к тому же выводу. Порнография не вредит своему зрителю, и, особенно в случае юного

человека, пытающегося определиться со своей сексуальной ориентацией, может помочь исследовать фантазии и подтвердить, что у других людей такие же вкусы.

Но порнография предлагает лишь один вид информации: рудиментарные образы физических частей и перестановки их показа и контакта, благословенно свободные от оценочных суждений (если не считать "совершенных сисек Джессики" и т.п.). По моему мнению, проблема с сексуальной информацией в Сети - не в том, что ее слишком много, а в том, что слишком мало из того, что есть, действительно годится. Это то, что Дэвид Шприц, школьный компьютерный кудесник из Бруклендвилля, штат Мэриленд, нашел, когда в конце 1990-х годов вышел в Сеть в целях разведки ресурсов по сексуальности для своих одноклассников. По ключевым словам "сексуальное здоровье" его глазам предстала некоторая информация о СПИДе и ВИЧ, которая, по его мнению, могла тинейджеров запугать, несколько хороших страниц для геев и лесбиянок и обилие рекламы средств, помогающих в сексе, в основном от импотенции. "Одно из беспокоящих меня наблюдений", - писал он, было в том, "что даже из сайтов, кажущихся полезными для тинейджеров, было очень мало хоть как-то затрагивающих такие темы, как коммуникация или отношения". Всё, что он нашел в этом плане, был проект "Teen Love Connection", организованный двумя шестнадцатилетними, но это было нечто, более похожее на "игру в свидания или "бар для желающих познакомиться"", чем на источник информации. Когда он задал вопрос "Как узнать, влюблен ли я?" (между прочим, крайне часто задаваемый вопрос у тинейджеров), ответа он не получил. Шприц пишет с милой скромностью: "Кажется, хорошо, что мне это было не особенно нужно знать".

И наконец, то, что есть в Сети, слишком многим ребятам просто недоступно. В то время как процент американских домохозяйств с доступом в Интернет переживает бурный рост, а территория, покрытая Интернетом, быстро ширится, параллельно с этим ростом существует стойкий, даже расширяющийся расовый, этнический и экономический "цифровой водораздел". По состоянию на август 2000 года, более половины американских домохозяйств имели компьютер, а в Интернет выходили 41 процент из них. Но менее четверти негритянских и испаноязычных домохозяйств были подключены к Интернету - этот разрыв между ними, с одной стороны, и американскими семьями европейского и азиатского происхождения, с другой, увеличился за предшествующие два года. Неудивительно, что уровни доходов также отражаются на неравенстве в доступе к Сети. В то время как более чем у трех четвертей домохозяйств с доходами более пятидесяти тысяч долларов в год были аккаунты на доступ к Интернету, из зарабатывающих менее пятнадцати тысяч долларов они были всего у 12,7 процентов, а из зарабатывающих от пятнадцати до двадцати пяти тысяч - у 21 процента. Государственные и финансируемые из частных источников усилия по подключению к Интернету школ и библиотек в бедных районах могут мало что сделать для сексуального образования, в любом случае. Ибо под давлением политиков и местных общин многие из этих учреждений установили у себя фильтрующее программное обеспечение, а Конгресс ввел это как обязательное требование для каждого компьютера, находящегося в государственности, доступ к которому имеют несовершеннолетние. Подобные фильтры, как мы видели в Главе 1, блокируют ту самую информацию, которая могла бы предотвратить беременность или заражение ВИЧ или помочь ребенку или подростку выпутаться из неравноправных отношений. Чтобы получать факты, ребятам нужна свобода.

Правдивый вымысел

Еще одним наблюдением Фрейда было то, что, когда фактическая информация недоступна или в нее трудно поверить, сексуальный импульс ребенка обращается к изобретению объяснительных "теорий". Детская сексуальность, комментирует Адам Филлипс, "частью принимала форму жажды к связному рассказу, к удовлетворяющему вымыслу".

Такие рассказы являются не просто заменой истины. Так как столь значительная часть сексуальности кроется в "зазорах" между телом и тем, что может быть сказано о нем в учебниках, эти изобретения также являются истиной. Дети нуждаются в двух видах

информации: в "фактах" и в правдивых "вымыслах", в историях и фантазиях, несущих в себе смыслы любви, романтики и вожделения.

Задача этой книги - не в том, чтобы истолковывать сексуальность в коммерческой культуре на рубеже двадцать первого века. Достаточно сказать, что образов эротического - мириады и что они достаточно сложны, чтобы позволять критикам порицать недостаток сексуального "реализма" и в то же время переизбыток откровенности на ТВ в прайм-тайм и в продукции Голливуда, включая такие "подростково-сексуальные" (teen-steam) драмы, как "Бухта Досона", "Баффи - истребительница вампиров" и "Фелисити". Телевизионный секс действительно "нереалистичен" в одном смысле: в нем нет толстых, или инвалидов, или даже прыщавых (даже старики красивы), никто не вытаскивает презерватив в пылу страсти - а страсть почти всегда пылкая. С другой стороны, юные персонажи этих программ занимаются "реалистичным" сексом практически на полную ставку, включая неуклюжие поцелуи, паузы, чтобы спросить разрешения (в "Фелисити"), нежелательные беременности и, само собой разумеется, измены, разбитые сердца и "разборы полетов" после секса, с завидной регулярностью.

И все же, несмотря на изумительное количество сексуальных шуток и историй, качество этого продукта однообразно, как тяжелый труд: "либо романтическая поздравительная открытка ... либо ужасный, зверский акт агрессии", как охарактеризовал скудное меню Голливуда критик Стивен Холден. Ассортимент рекламы столь же скуп - оставляет потребителям желать переселиться в совершенные тела, занимающиеся совершенными соблазнами, подобно купальщикам Кэлвина Кляйна, целующимся и ласкающимся под водой и не нуждающимся в том, чтобы вынырнуть и подышать.

Наверно, как и от порнографии, от Голливуда и популярной музыки следует ожидать не многим большего, чем сырых элементов фантазии, оставляющих зрителю или слушателю наполнять их чувствами. У меня самой первым текстом по сексуальному образованию, который я расшифровывала (не всегда успешно) в больших объемах вместе с моей лучшей подружкой по шестому классу, был "Пейтон-плейс". Несколькоми годами позже я корпела над более поучительным, но по-своему не менее мелодраматичным, "Пентхаусом", оставленным на достаточно видном месте той на зависть светской семьей, в чьем современном, увешанном произведениями искусства доме я работала нянькой. Конечно, как и все остальные люди в развитом мире двадцатого века, целоваться я училась по кинофильмам.

Но если большая часть коммерческой культуры говорит на языке эротического, как турист, неуклюже листающий разговорник, есть что-то еще, что дети могут прочитать и увидеть. В школе сексуальное образование несомненно можно интегрировать в программу обучения как единое целое, не только в биологию и "уроки здоровья". Если сексуальное образование - образование в том, как говорить и чувствовать, а не только делать, тогда его следует относить к тому, что теперь называется словесным циклом. Я предложу здесь краткий, хотя и едва ли полный, список рекомендуемого чтения.

За их "высокую частоту сердцебиения" я рекомендовала бы не только сверхканоничных поэтов, подобных Шекспиру и Донну, но и Уитмена, этого переполненного радостью демократа любви, Эмили Дикинсон, прятанную свою страстную тоску между мазками загадочных строк, и современных поэтесс - таких, как Мюриель Рукайзер, Эйдриенн Рич и Соня Санчес, поющих каденции тела, в то же время ведя хронику борьбы за то, чтобы уравновесить достоинство с вожделением, равенство с неотразимым пленом любви и секса.

Чтобы удовлетворить подростковую жажду романтических историй, издательская индустрия штампует тысячи романов о "молодых взрослых" (young adult novels - можно перевести как "романы О молодых взрослых" или "романы ДЛЯ молодых взрослых". В этих романах речь идет о "молодых взрослых" (в возрасте 20 лет+/-) или - чаще - о "подростках" (в возрасте 12 лет и старше). Такая терминология повелась с 1802 г., когда британская писательница и критик детских книг Сара Триммер определила как "книги для детей" (books for children) книги для читателей младше 14 лет и как "книги для молодых (юных) людей" (books for young persons) книги для читателей в возрасте от 14 до 21 года. "Библиотечные службы для

молодых взрослых" (Young Adult Library Services) Американской библиотечной ассоциации определяют "young adults" как лиц в возрасте от 12 до 18 лет. Носители английского языка иногда употребляют словосочетание "young adults" вместо "adolescents" и вне этого контекста, чтобы подчеркнуть свое уважение к данной возрастной группе. Ср. с нынешним ("ооновским") определением "ребенка" - прим. перев.). Но эти романы повторяют примерно один и тот же сценарий (как его вкратце изложил продавец в моем местном книжном магазине, бывший в течение двух лет членом жюри, присуждающего премии за романы о молодых взрослых): "Он меня пригласит на бал? Нет, не пригласит. Я умру. Да, пригласит. Я спасена! Что мне надеть?" Но ведь и литературная классика пухнет от мелодрам. Кэти и Хитклифф в "Грозовом перевале" не вполне соответствуют этой вашей идеальной ролевой модели эгалитарных любовных отношений, зато что касается вожделения, тоски и страсти - ух! Флоберовские описания свиданий мадам Бовари могут быть непонятны многим тинейджерам. Но не волнуйтесь. Они могут объесться предвкушением и фрустрацией, ревностью и обманом, отчаянием и экстазом запретной любви (не говоря уж о той одежде) не хуже, чем сериалом "As the World Turns".

Язык эротического, как и само эротическое, может быть утонченным или грубым. "Когда писатель не бьет в точку при помощи "неприкрытого" языка, он отсылает читательницу обратно в самое себя, чтобы она обнаружила похожие сложности", - комментирует поэт и учитель Бэрри Валленштайн. Он рекомендует, за ее прикрытую сексуальность, поэзию Элизабет Бишоп. Чак Вахтел, романист и преподаватель писательского мастерства, превозносит "неприкрытый" язык, который он называет "обычным, домашним языком эротизма", как например похабные шутки и песни его детства итальянского мальчика еврейского происхождения из рабочего класса, которые звенят и сквозь его собственные произведения. В классной комнате, говорит Вахтел, ему постоянно напоминают о вечно живой способности эротического искусства "знакомить нас самих с нами самими", в чем, несомненно, заключается неувядаемая притягательность "Ромео и Джульетты" во многих ее перевоплощениях.

Для меня все беспокойства по поводу того, чтобы подвергать детей воздействию сексуальных материалов до того, как они к этому "готовы", были развеяны, когда я наблюдала за тем, как искрометный поэт и импресарио Боб Холман преподавал отрывок из стихотворения Сафо об эротической ревности шести- и семиклассникам на школьном литературном фестивале. Дети всё поняли - поняли экстравагантное смятение чувств, "выжатое" в несколько бодрящих строк - достаточно для того, чтобы сочинить свои собственные подражательные строфы. А для тех юных, кто не готов к вызову "взрослой" литературы, конец 1990-х годов оставил несколько редких работ для юных читателей, исследующих нюансы любви и сексуальности с мощью, юмором и стилем. Одним из замечательных авторов является хиппи-сюрреалистка Франческа Лиа Блок, чья героиня одноименного романа Уитзи Бэт описывает при помощи того цветистого многословия, которое многие юные читатели, вероятно, ценят: "Поцелуй про яблочный пирог "алямод" (с мороженым - прим. перев.) с ванильной сливочностью, тающей в жаре пирога. Поцелуй про шоколад, когда ты не ела шоколад целый год. Поцелуй про несущиеся мимо пальмы, тянущиеся розовые облака, когда вы гоните по шоссе, шипя шампанским. Поцелуй про прожектора, раздувающие небо, и вздымающееся море, орошающее, словно слезы, ваши ноги снизу доверху".

Изобразительное искусство раскрывает двери столь же широко, если не шире, для чувств и тайн сексуальности. Картины могут быть в буквальном смысле эротичными, с телами в чувственном или религиозном экстазе или боли. Но им не обязательно быть фигуративными, чтобы приводить в движение разум и чувственность. Когда Вэналин Грин, ребенок из рабочей семьи, увидела и написала свои первые живописные работы, это было откровение. "Искусство дало мне язык для вещей, которые я не могла бы почувствовать другими способами", включая сексуальные вещи, говорит Грин, которая теперь является удостоенным премий видеохудожником и профессором в высшей школе Чикагского института искусств, часто исследующим сексуальность в своих работах. Энн Эйджи, художник по керамике в возрасте сорока с лишним лет, описывает с фотографической точностью воспоминания платье своей матери, висевшее в складном саквояже на чердаке.

"Это были великолепные бирюза и зелень, водянистый узор, шелковистое", - сказала она мне. В возрасте четырех или пяти лет "я часто поднималась наверх, расстегивала саквояж и смотрела на платье, и прикасалась к нему, и нюхала его. Оно было прекрасно, и особенно, и тайно. У меня еще не было слов для этого, но я думаю, что именно тогда я впервые поняла, что такое секс".

Это всё незаменимые для развития опыты. Но с тех пор как школы стали утилитарными, организуя свои учебные планы для производства высокооплачиваемых специалистов по компьютерным наукам завтрашнего дня, гуманитарные науки и искусства стали вытесняться из программы. И когда религиозные фанатики, подобно минным тральщикам, обыскивают публичные библиотеки в поисках каждого слова "грудь" и каждого слова "трахать", каждой сцены мастурбации или секса, за которыми не следует божья кара, и заменяют их своими сухими проповедями о воздержании, они не лишают детей эротической информации. Вместо этого они оставляют младшее поколение наедине с широким, но лишенным глубины ломтем сексуальных образов - с голливудской чушью "щенячьей любви" и изнасилований, с бездушными соблазнами ситкомов и с безразмерной спандексной красотой MTV. Есть смысл предложить им альтернативу.

Способствует ли чтение Джейн Остен снижению подростковой беременности? Или повышению оргазмического потенциала? Один из рецензентов этих страниц беспокоился, что данная глава написана слишком "понаслышке", что я не представила достаточно сильных доказательств секспросветовской ценности литературы и искусств. Говорят, исследования показывают, что прослушивание музыки Моцарта улучшает успехи школьников в математике, что, предположительно, помогает им становиться этими самыми будущими техномиллионерами (может быть, я являюсь статистической аномалией, но я в детстве Моцарта слушала, а с математикой у меня крайне туго). Так что, наверно, исследования есть; признаюсь, я их не искала. Но основная мысль этой главы несколько иная: что удовольствия художественного эроса самоочевидны, и также кажется самоочевидным, что богатое воображение является душой хорошего секса.

Правые, как это с ними часто бывает, хорошо это понимают. Их реакции на все эти художественные выставки, которые они считают вредными для несовершеннолетних, не являются пустым беспокойством. Искусства опасны. Именно поэтому художники и поэты сидят в тюрьме при каждом репрессивном режиме на свете. Ничего нельзя поделать с тем фактом, что подвергнутый мукам Христос на картине эпохи Возрождения, томный, как любовник в посткоитальном измождении, способен вдохновлять на запретные мысли. Или что "Ромео и Джульетта" заслуживает рейтинга "X", который на него хотят навесить консерваторы. Подростки, занимающиеся страстным сексом, не слушающиеся родителей, принимающие наркотики и совершающие как убийство, так и самоубийство - это определенно плохая "ролевая модель", вовлеченная в высокорискованное поведение!

Язык поэта - это язык любовника. Он не останавливается, прославляя царство чувств, чтобы прикинуть, является ли его "контент" "соответствующим возрасту". Совсем наоборот. Вот вам Йейтс:

О любовь - хитрая штука,
Никто не мудр настолько,
Чтобы разведать всё, что есть в ней,
Ибо он думал бы о любви,
Пока звезды не убежали бы [с небес]
И тени не съели бы луну.
Ах, пенни, бурый пенни, бурый пенни,
Нельзя это слишком рано начать.

["Brown Penny" by William Butler Yeats в (малохудожественном) переводе вашего переводчика, то бишь меня :) – Iesh]

9. Чего недостает?

Гендер, равенство и вождение

Есть мощная норма гетеросексуальности - и мощный двойной стандарт. Девочки концентрируются, в основном, на внешности и бойфрендах, мальчики концентрируются на мачизме и сексуальных завоеваниях. Отклоняться - [средой] не принимается.

Лори Мэндел (Колледж Даулинга) о средних классах пригородных школ (1999 год)

Гендер начинает "срезать" возможности детей переживать тот или иной опыт с раннего возраста. Одна учительница подготовительной группы детского сада сказала мне, что мальчики в ее классе отказываются пользоваться красным карандашом, потому что "красный - девчачий цвет". К средним - первым старшим классам школы кодексы гендера оказываются уже буквально отлиты из стали и претворяются в жизнь как "неявными курсами гендера" в школьных программах, так и "правилами чувствования", за соблюдением которых строго следят как взрослые, так и другие дети. Ребята, особенно в раздираемые противоречиями ранне- и среднеподростковые годы, остро озабочены тем, что социолог Гэри Файн называет "управлением впечатлениями": личными усилиями по контролю и отслеживанию того, что о тебе думают другие. Для подавляющего большинства детей и подростков выживание в социуме - вопрос соответствия его нормам. А одна из самых надежных и безопасных стратегий выживания состоит в том, чтобы ходить по струнке гендера, старательно исполняя роль, отведенную телу, в котором родился, и держаться подальше от тех, кто ведет себя как-то иначе.

В школе, наверное, более, чем дома (поэтому родители иногда и приходят в ужас, когда застают врасплох своих детей в компании сверстников), как мужественность, так и женственность - узкие гимнастические бревна, с которых легко свалиться. Девочки должны вести себя так, чтобы казаться сговорчивыми на секс, но не слишком сговорчивыми. Если девочка сдержанна или горда, она "сука". Но если она разговаривает слишком "грязно" или ведет себя слишком сладострастно, она "шлюха" или "блядь". Если так ведет себя мальчик, им восхищаются как "игроком".

Если он так ведет себя по отношению к девочкам, имеется в виду. Потому что если мальчик робко или с недостаточным энтузиазмом, например, обсуждает размер груди своей одноклассницы, он может обнаружить, что подвергнут остракизму как "педик". Мужественность "полицируется", главным образом, мальчиками против мальчиков, а гомофобия служит полицейской дубинкой. "Всё, что является женственным, мальчики учатся отвергать: чувствительность, эмпатию, уязвимость", - говорит Дебора Раковски, психолог-консультант в одной из пригородных школ. Но это не только феномен жесткого конформизма пригородов. Кэроль Капуцик, мать семнадцатилетнего фанатика скейтборда по имени Макс, рассказывала, как ее сын участвовал в привычном "гноблении геев" (gay-bashing) несмотря на то, что вырос в сексуально "иконоборческом" Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка, со множеством геев и лесбиянок среди друзей семьи и соседей (официантками в тамошнем ресторане на углу служат геи в женской одежде). "Всё, что они ругают, - у них "педиковское", - говорит Кэроль. - Это "педиковский" фильм, "педиковские" штаны, "педиковская" видеоигра. Я даже слышала, как они какую-то еду называли "педиковской"". Она не думает, что ее сын употребляет это слово в обиду другим мальчикам, но говорит: "Хотя они кидаются этим словом, как будто оно ничего не значит, когда мальчика называют педиком, это может очень сильно ужалить".

Неудивительно, что не многие ребята-геи или лесбиянки находят в себе силы "открыться" в школьные годы. Как сказал мне один гетеросексуальный мальчик, окончивший школу в одном из сельских районов Вермонта: "Все всех называли "педиками" или "гомиками". Но гомосексуальных ребят в школе не было". Представляю себе, что в последнем он ошибался.

Австралийский социолог Боб Коннелл указывает на то, что стили мужественности и женственности различаются от школы к школе и в зависимости от социальных классов, рас и этнических групп. Майкл Райхерт, социолог из Пенсильвании, готовя свою работу о мальчиках, изучал как филадельфийские районы муниципального жилья для бедных, так и элитную подготовительную мужскую школу (preparatory school в США - частная, как правило

дорогостоящая, средняя школа, готовящая к поступлению в престижные колледжи - прим. перев.) в [богатом] пригороде, заметил, например, что мальчик из рабочего класса может утверждать свое доминирование тем, что избивает другого мальчика, в то время как мальчик из высших классов будет делать то же самое вербально, при помощи сарказма (вербальное "отшивание" - высокое искусство и в хип-хопе, разумеется).

Подростки следуют гендерным ролям даже тогда, когда притворяются по поводу секса. "В первых классах старшей ступени в три раза больше мальчиков, чем девочек, говорят о себе, что занимались сексом, в более раннем возрасте и с большим количеством партнеров. Что это значит? - задается вопросом социолог Майк Мейлз. - Некоторые девочки "ходят по рукам"? Мальчики занимаются сексом с инопланетянами? Друг с другом?" (В своем неверии в то, что последнее может происходить, Мейлз мало отличается от ребят, о которых говорит.) Другое исследование нашло, что, когда ребята лгут, мальчики с большей вероятностью лживо утверждают, что занимались сексом, а девочки - что до сих пор девственницы.

Что в гендерных нормах, вероятно, самое последовательное - это степень их тоталитарности. У ребенка, говорит Коннелл, есть выбор между тем, чтобы "войти в сговор, либо притворяться, либо соответствовать", когда он встречается лицом к лицу с берущими верх гендерными кодексами. Если он сопротивляется, он может пожать плоды в виде чувств самоуважения, внутренней цельности и некоторого освобождения. Но он также и поплатится за это. Как выразилась социолог Лори Мэндел: "Отклоняться - не принимается".

Ничто из этого не идет на пользу ребятам - или сексу. Ибо пока мальчики и девочки лезут из кожи вон, чтобы не раскачивать лодку гендера, мы видим свидетельства того, что гендер топчет корабль, за уходящий в пучину планшир которого они цепляются. Интересно, что не только гендерное поведение (то, что культурные теории называют *выступлением* гендера), но уже само по себе гендерное *мышление* сужает сексуальный опыт, в ущерб индивидуумам. Исследования показывают, что сильная вера в идеологии мужественности и женственности способствует плохим и небезопасным сексуальным отношениям. Джозеф Плек, психолог-исследователь из Иллинойского университета в Шампейне-Урбане и один из основателей профеминистского мужского движения, обнаружил, что молодые мужчины, подписывающиеся под традиционными идеологиями мужественности (например горячо соглашающиеся с тем, что мужчинам следует быть уверенными в себе или что мужчины всегда готовы к сексу), с меньшей вероятностью пользуются презервативами. Свидетельства насилия на свиданиях между тинейджерами отрывочны, тем не менее тревожны. Хотя некоторое число юных пар сообщают об отношениях, в которых присутствует частое взаимное насилие, девушки с гораздо большей вероятностью становятся жертвами, чем зачинщицами или виновницами; они сообщают, помимо крайних физических повреждений, об эмоциональной боли и страхе в результате таких инцидентов. Крайняя мужская идентичность, в том числе тот ее сорт, который социально вознаграждается, также ассоциирована с насилием. В 1986 году ФБР нашло, что игроки в студенческий футбол и баскетбол - мужская элита - на 38 процентов чаще фигурируют в полиции по делам о сексуальных нападениях, чем среднестатистический студент мужского пола. Члены престижных студенческих землячеств также непропорционально часто бывают замешаны в сексуальном насилии над женщинами.

И фемининность не служит девочкам хорошую службу в том, чтобы заботиться о самих себе в сексуальном плане. Как утверждает Дебора Толман, старший научный сотрудник Центра женских исследований при Колледже Уэллсли, "прослеживается ассоциация между идеологией фемининности и ухудшенным половым здоровьем". Чем более озабочена девочка тем, чтобы хорошо выглядеть и вести себя паинькой, тем с большей вероятностью она поддастся давлению со стороны сверстника или старшего парня, будет заниматься сексом в состоянии наркотического опьянения или идти на сексуальные риски, например на незащищенное половое сношение. "Отказ от общепринятой идеологии женственности", с другой стороны, "ассоциирован с большей субъектностью", - говорит Толман. Чем менее "девочкова" девочка, тем с большей решительностью она берет свою сексуальную судьбу в собственные руки, занимаясь сексом тогда, с тем(и) и так, как она хочет.

Гендерная сексуальность уходит гораздо глубже, чем социальные установки или поведение. Она формирует сами наши фантазии, которые являются неистощимым источником вожделения - не только того, чего, как мы считаем, мы должны хотеть, но и того, чего мы, в наших сердцах и промежностях, и правда хотим: молчаливый, угрожающего вида незнакомец мужского пола; сдержанная, но сексуально податливая, затем ненасытная соседская девушка. Без альтернатив этим глубоко въевшимся фантазиям (и опять-таки, особенно в гиперконформистские подростковые годы) эти карикатурные вожделения могут служить помехой процессу открытия и принятия индивидуальных особенностей того, чего человек может по-настоящему хотеть в сексе, и обретению эмоционального удовлетворения в отношениях.

Вожделение и чрезмерность

Вожделение - вероятно, наименее исследованный, наименее понимаемый аспект сексуальности. Откуда оно берется, на чем держится, как влияет на сексуальные реакции или удовлетворение? Эти вопросы большей частью ускользают от исследований сексологов, чей главный, сомнительный вклад в данный предмет в последние десятилетия состоит в том, чтобы проводить границу между двумя современными расстройствами, относящимися к количеству вожделения: между "недостаточным сексуальным желанием" и "сексуальной зависимостью" (первое очень похоже на "фригидность", второе - на "нимфоманию", хотя, в отличие от их предшественниц, эти современные версии, как утверждается, поражают мужчин, а не только женщин). "Слишком много" или "слишком мало" - с чьей точки зрения, для каких целей и по сравнению с чем? Сексологи-исследователи и клиницисты редко рассматривают социальную, историческую и политическую сложность этих вопросов. Как показали историки, понятие патологии, наседающей на границы нормальности, задает тон дискурса сексуальности с самых давних времен. И, точно так же, как нимфомания ныкалась по краям наших представлений о женской сексуальности, сами по себе определения детской сексуальности от раннего детства до подросткового возраста также подразумевают нависшую опасность чрезмерности. От "полиморфной извращенности" и этого докучливого детского "любопытства" до самых "бушующих гормонов", детская сексуальность всегда кажется угрожающей выплесками иррациональной, неконтролируемой сексуальной нужды. Правящий фрейдовский сюжет - о необходимости сублимации полового инстинкта: в нем подобный животному маленький ребенок становится цивилизованным взрослым и входит в опорный для человечества проект культуры. Традиционный секспросвет, рожденный на заре фрейдовской эры, предлагает логические обоснования умеренности и методы сопротивления этому "природно" патологическому или, как минимум, беспорядочному детскому вожделению. А если текущая ортодоксия гласит, что оптимальное сексуальное "здоровье" должно достигаться путем воздержания, само по себе подростковое вожделение является "фактором риска", ранним симптомом будущих сексуальных болячек, включающих в себя не только вирусы и беременности, но и эмоциональную травму сексуальных отношений, которые по определению "преждевременны". Как это описывают федеральные директивы финансирования только-воздержания, внебрачный, негетеросексуальный секс "с высокой вероятностью влечет за собой вредные психологические и физические последствия".

Секс-радикалы 1970-х годов - после Вильгельма Райха - взяли противоположный курс, утверждая, что подавление вожделения вредно для всех, начиная от детей и кончая целыми обществами. Цель "освободительного" сексуального образования поэтому была в том, чтобы дать свободу течению сексуальной энергии. Но таких радикалов нынче мало в наших краях, либо, во всяком случае, мало тех, кто готов высказывать свои мнения вслух. Прогрессивные сексуальные педагоги, чьи сердца, возможно, бьются под опасные ритмы сексуального освобождения, но чьи головы мыслят в рамках безопасных стратегий, предлагают компромисс между идеологическими полюсами: "Первый шаг в последовательности, устанавливающей сексуальные пределы, включает в себя принятие собственной сексуальности, - писали Дебора Роффман и Уильям Фишер, два прогрессивных сексуальных педагога. - Поскольку сексуальные нормы все еще подчеркивают, что тинейджерам не подобает быть сексуально активными, признание сексуального желания требует от тинейджеров признания, что они помышляют о нарушении важного социального

правила. ... [Но] подростки, которые не могут признать свою собственную сексуальность, очевидно, вряд ли будут планировать профилактику". Знай свое вождение, чтобы опасность тебя не одолела.

Признать свою сексуальность - непростая задача, тем не менее. "Образование вождения", возможно, помогло бы ей. А это возвращает нас к гендеру. Поскольку гендер столь глубоко влияет как на природу вождения, так и на способность его признавать, что, в свою очередь, влияет на уверенность человека в том, чтобы удовлетворять его счастливо и ответственно, такому образованию пришлось бы быть гендер-специфичным. Если нижеследующие наставления кажутся банальными, необходимость их делать - свидетельство текущего состояния сексуального образования и общественного мнения. Поистине, просто наставлять юных в том, чтобы они исследовали свое вождение, в нынешний момент может быть радикальной идеей.

Чему могут научиться девочки Вождение живет в теле

"Как мне узнать, когда я захочу секса?" - спросила свою мать Мелисса, тринадцатилетняя дочь одной вашингтонской профсоюзной деятельницы. "Когда ты захочешь его так сильно, что почувствуешь, что не можешь им не заняться", - ответила ее мать Андреа Эли. Она продолжила, сказав, что ты всегда сможешь заняться сексом в будущем, но, как только ты им занялась, это изменит то, что ты чувствуешь в отношении того человека, и ты не сможешь вернуть обратно то, что сделала, или "расчувствовать" обратно то, что почувствовала. Тщательно обдумай свое решение, говорила она. Это будет иметь эмоциональные последствия. Но также она и сообщала своей дочери, что зов тела, если он достаточно силен, заслуживает того, чтобы к нему прислушаться - что вождение стоит принимать всерьез.

Для некоторых девочек, как например для некоторых из тех, с кем беседовала Дебора Толман, сигналы вождения осязаемы и узнаваемы. Эти девочки описывают ощущения острой, срочной необходимости и "интенсивности, которую ни с чем не спутаешь", пишет Толман. "Эти чувства настолько сильны внутри тебя, что просто вот-вот взорвутся", - сказала одна девочка. Другая сказала: "Мое тело говорит "да да да да"" (а ее голова говорит "нет нет нет"). Вождение девочек-подростков может иметь симптомы, почти как у гриппа, сообщила [мне] психолог-консультант Дебора Раковски, смеясь и мотая головой. "Они говорят мне, что от него у них болит живот, что наводит сонливость, болит голова".

Но вождение не всегда говорит ясно. Чтобы слушать, необходимо интерпретировать. И, к сожалению, многие девочки говорят нам, что они не знают, чувствуют ли сексуальное вождение или удовольствие вообще.

Автор книг и бывший сексуальный педагог Шэрон Томпсон считает настоятельно необходимым, чтобы девочки учились распознавать и анализировать вождение, потому что это служит топливом для столь необходимой женской независимости. "Вот юная девочка, и она чувствует приятное возбуждение. Она может быть приятно возбуждена просто вообще, просто от мысли о том, чтобы быть в каких-то отношениях с кем-то или с каким-то таким человеком, от того, что она в своем теле в эту пору жизни". Каковы бы ни были чувства, сказала она мне, "очень важно для девочек узнавать и ожидать это чувство и понимать, что в нем есть сексуальная компонента. Тихо откинуться на спинку кресла в своем теле и в своем уме, и прикинуть все факторы, и научиться воспринимать его спокойно".

Мастурбация, говорит Томпсон, - первый шаг к пониманию - и владению - своим вождением. "Одна из вещей, которым учит мастурбация, - что многое из того, что ты чувствуешь, находится в твоём собственном теле. Столь многие девочки перечеркивают все чувства, которые они испытывают в отношениях с каким-то одним человеком. Они не признают, что значительная часть этих чувств на самом деле уже есть в них и они могут испытывать их и без того человека. Девочка может осознать: "О, у меня что-то было перед этими [отношениями]". Это [осознание] полезно и укрепляюще. Оно может пронести через

любовное разочарование", а также помочь девочке выпутаться из неравноправных или разрушительных, хотя и сексуально затягивающих, отношений.

Я спросила Томпсон, следует ли учить девочек - через книги и фильмы или через разговоры со взрослыми или друг с другом - как называть и классифицировать ощущения возбуждения. "Это жизненно необходимо, - ответила она. - У большого числа девочек есть эти чувства, а они и понятия не имеют, что это за чувства. Они лишь подозревают, что они имеют какое-то отношение к сексу". Когда случается возбуждение, "они впадают в некое состояние транса и отлучаются сами от себя; они не имеют представления о том, что происходит дальше. Их воспитали в вере, что таких чувств у них не будет, и это приводит их в эту истерику. Если бы только они знали об этих чувствах заранее и им было бы позволено их иметь, они могли бы узнавать их и принимать решения, как себя защищать". Томпсон советует педагогам пользоваться женской культурой "разговоров между девочками" - эмоционально насыщенных, подробных до мелочей и нескончаемых разговоров о любви и романтике - но редко когда конкретно о сексе. "Девочки час за часом будут обсуждать, кто что надел, - говорит она, - но кто-нибудь когда-нибудь спрашивает: "А у тебя вагина намокла?" Вот *это*, - говорит она, смеясь, было бы полезным разговором!"

Решающим для того чтобы этот разговор между девочками состоялся, является открытое послание от взрослых, что девочки *вождеуют* и что их чувства бывают не менее настойчивы, чем у мальчиков. Писательница Мэри Блейкли в 1970-х годах была воспитателем-консультантом в католической школе, где директор каждый год читал лекцию о сексе. "Он ставил два стакана на кафедру, - вспоминает она. - В один бросал таблетку аспирина, и она лежала там себе спокойно. Он говорил: "Вот так девочки чувствуют по поводу секса". В другой стакан директор, который был и священником, бросал "Алка-Зельцер", чтобы проиллюстрировать сексуальность мальчиков. "После чего в мой кабинет выстраивалась целая очередь отчаявшихся девочек, - рассказывает Блейкли. - Они сообщали мне: "Я "Алка-Зельцер", не аспирин! Со мной что-то не так?" Блейкли успокаивала их, что, дескать, с ними все так. На самом деле она имела в виду, что им повезло иметь такие "шипучие" чувства, и поощряла их возвращаться к ней и разговаривать больше, когда они думают о том, как их выразить.

Фантазии - способ исследовать запретные вожделения

В детстве танцовщица и поэтесса Флора Мартин, дочь позволявших многое, но не распутных родителей, мало чего слышала о сексе, кроме позитивных, правильных вещей. Но, конечно, ей неоткуда было узнать, каков он в реальности. Поэтому она представляла себе те его части, о которых знала, в образах своего собственного детского опыта. "Я думала, что половое сношение должно быть великолепно, - говорила Флора, когда мы разговаривали с ней в ее тридцать три года. - Иметь часть другого человека внутри тебя самой - это казалось таким... уютным. Как будто тебя обнимают изнутри".

Также у нее была активная, ранняя фантазийная жизнь. "Когда мне было лет семь, я часто, лежа в своей постели, фантазировала о том, как я вырасту и буду жить самостоятельно. В моей самой любимой фантазии у меня была большая квартира с одной-единственной комнатой. В комнате ничего не было за исключением двух вещей: огромной кровати с тысячами подушек и красивых покрывал и холодильника, набитого мороженым и пирожными. В моем представлении, быть взрослой означало иметь возможность заниматься сексом и есть мороженое с пирожными без конца".

Мне эта фантазия казалась такой приторной, но и такой *здоровой*, приличествующей продукту той чувственной, но в высшей степени здравомыслящей и честной семьи, которую я знала. Потом я узнала от ее младшей сестры, что мысли Флоры вошли в конфликт с одной из семейных ценностей Мартинов. Хотя Мартини высоко ценили как еду, так и сексуальность, они были снобами в отношении первой. В их доме на чрезмерное увлечение едой смотрели с неодобрением, а магазинные сладости были ниже всякого презрения. Для Флоры пирожные и мороженое - не секс! - давали то, что секс-терапевт Джек Морин называет одним из "краеугольных камней" эротизированного вожделения: нарушение

запретов. В семейной атмосфере сексуальной открытости и свободы, которая тем не менее передавала и ощущение границ, их дочь тянулась к тому, чем может быть секс в его самом лучшем виде: позволительным нарушением границ, запретным, но безвинным удовольствием.

Девочка может быть "секс-объектом" и сексуальным субъектом

"Моя главная проблема имеет отношение к тому, что женщин рассматривают как секс-объекты, - сказала медсестра Линда Бейли мне и группе матерей, собравшихся в одной из гостиных в Беркли, штат Калифорния, чтобы обсудить секс и воспитание детей. - Мне все еще очень трудно примириться с идеей, что Оливия будет порхать из одних сексуальных отношений в другие, потому что мне как-то вот так кажется, что она таким образом рассматривала бы себя как сексуальный объект, в противоположность тому, чтобы быть целым человеком. ... Я не знаю, как ей удастся совместить жесткость, и напористость, и независимость со всеми этими "секси" штучками про то, какой должна быть девочка". Бейли говорит, что еще в пять лет ее дочь узнала от воспитателей, что девочки красивы (либо должны быть красивы), в первую и главную очередь.

Может ли девочка заботиться о красоте и в то же время быть жесткой и напористой? Может ли она быть "секс-объектом" и в то же время "целым человеком"? В отличие от многих других феминисток, Шэрон Томпсон не слишком беспокоится по поводу девочек, которые прихорашиваются и завлекают. "Они примеривают на себя разные способы быть взрослой женщиной, - говорит она о проблеме "объективации". - Это почти продолжение одежного этикета. Это не обязательно что-то определяющее или плохое [для развития]. Когда ты примеряешь на себя способы того, как вести себя сексуально, по крайней мере, это уже какое-то признание, некое вступление во владение сексуальным "я"". Конечно, она хотела бы видеть гораздо более широкий диапазон того, что означает быть "секси" в американской культуре, включая лесбийские стили, "мужицкий", "женственный", толстый, тонкий и все, что между ними, как и я. "Это беда, что нам не нравятся стили проявления сексуальности, преобладающие в нашей культуре", - говорит она, имея в виду "мы" - феминистки. "Но когда ты надеваешь на себя один из этих образов, это не значит, что теперь ты можешь делать вид, что у тебя нет ума или души. Ты можешь владеть и другими частями самой себя".

Патрисия Виллас - сорокаоднолетняя американка перуанского происхождения, мать мальчика и двух девочек и менеджер по продовольствию. Она живет неподалеку от Линды Бейли (хотя и, что называется, по другую сторону железной дороги) в Окленде. Она говорит, что беспокоится по поводу своей тринадцатилетней дочери Мойры, которая начинает ненавидеть свое тело, потому что она полненькая. Виллас пытается помочь своей дочке соблюдать более здоровый рацион питания, а не сидеть на диете и не сходить с ума по поводу собственных размеров. В отличие от Бейли, Виллас больше обеспокоена тем, что ее дочь будет считать свое тело недостаточно "секси", а не "слишком секси". В разговорах с Мойрой она делает больший упор на позитивную ценность женской сексуальной субъектности, нежели на опасности мужской сексуальной объективации. Виллас верит, что сексуальное самопознание поможет Мойре принимать правильные решения. "Я хотела заниматься сексом, когда была тинейджером. ... Я хочу, чтобы Мойра понимала, как я училась на своем собственном теле, как это ощущается. Я мастурбировала, я фантазировала, и я занималась сексом с мальчиками. Секс - это изучение тебя самой, точно так же, как изучение всего остального, что тебе нравится. ... Я объяснила ей про клитор. Я показала: вот он где. Я говорю ей: "Ты требуешь этого [удовлетворения]. У тебя есть потребности. Тебе их удовлетворяют. И у тебя есть гордость, у тебя есть достоинство. Ты принимаешь решения"". "

Вождение само по себе не является гарантией сексуального удовлетворения

Мы все приучены думать, что сексуальное удовольствие - нечто само собой разумеющееся и что каждый знает, что секс приятен. Вот почему столь многие чувствуют, что с ними что-то не так, когда секс не "работает".

Но девочки не всегда имеют приятный опыт секса. И слишком многие из них начинают подозревать, что секс - это не то, в виде чего его обычно представляют, и что с этим мало что можно поделать, кроме как перестать ожидать многого. "Это не любовь, это даже не отношения. Это не такое уж всегда, знаете ли, удовольствие. Это просто то, что ты делаешь", - говорит одна пятнадцатилетняя из пригорода о "hooking up" (так американские подростки называют сексуальные контакты; на русский язык этот фразовый глагол - в данном случае в форме причастия - трудно передать, сохранив образную основу; изначально он означает "подключать(ся)" и употребляется, в основном, применительно к подключению кабелей, проводов, шлангов и т.п. - прим. перев.), что означает что угодно от легкого петтинга до анального или вагинального секса. Эмоциональная "отвязанность", подобная описанной ею, - не единственная причина подростковой сексуальной скуки, тем не менее. Удовольствие не приходит автоматически, даже когда нежность и вожделение присутствуют в избытке. "Было больно, но это было прекрасно" - такое описание первого полового сношения часто слышала Томпсон от девушек, с которыми беседовала, готовя свою книгу "Пойти до конца".

Когда я спросила калифорнийского брачного и секс-терапевта Марти Кляйна, в каких посланиях о сексе нуждаются юные, он ответил: "От секса не должно быть больно. Если от него больно, ты делаешь его неправильно". Но как перейти от "не должно быть больно" к тому, чтобы делать "правильно"? Ответ: юные должны узнать, что одного вожделения не достаточно, одной лишь любви не достаточно. Сексуальное вожделение воспитывается, а техника усваивается в процессе обучения.

"Это то, что я стараюсь делать по-другому, - сказала прохладным калифорнийским вечером в конце августа 1997 года Сэлли Кирнан, когда мы разговаривали с ее подругой и давним партнером по бизнесу Терри Рорти о воспитании их дочерей - четырнадцатилетней Ривер Кирнан и тринадцатилетней Хезер Рорти. - Я росла в Боулдере с либеральными родителями. Моя мать разговаривала со мной о механике секса - член входит во влагалище и т.п., - но она не говорила об удовольствии. Она сказала: "Тебе понравится, когда дойдешь до этого". Но я не могла себе представить ничего приятного в этом. - Сэлли откинула свои белокурые волосы за уши и продолжила: - Другая вещь, о которой моя мать никогда мне ничего не говорила - что происходят какие-то движения или эякуляция".

Две эти женщины - обеим за сорок - живут в богатом пригороде в районе залива Сан-Франциско, где у них собственный импортно-экспортный бизнес. Недавно они устроили для своих девочек специальный ужин, на котором поделились с ними частью своего опыта, премудрости, удовольствий и сомнений по поводу секса, любви и вожделения. Сэлли передала одно "главное послание": "Это не так, что вот есть этот акт и ты знаешь, что делать. Ты должна это открывать для себя. Я рассказала им о мастурбации. Что заниматься ей - хорошо, что мне было стыдно и не по себе, но [тем не менее] я занималась ей на протяжении всего моего подросткового возраста". Много позже она узнала, "что это часть того самого процесса открытия. Мне потребовалось пятнадцать лет, чтобы научиться экспериментировать, чтобы сообразить, что для меня работает".

Терри, крепкая и высокая, в отличие от миниатюрной Сэлли, рассказала Ривер и Хезер о своем первом разе, когда у нее было половое сношение. "Я ждала, пока моему молодому человеку исполнится двадцать один год. Все дело в том, что я была влюблена. Но все равно это было ужасно и больно. У меня началась крапивница. Мы понятия не имели, как это делать".

Тем не менее Терри убедила Сэлли, что слушать, как их матери расписывают в подробностях технику того, как это делать, будет слишком стыдно для девочек, особенно в ресторане. ("Моя дочь умирает от смущения, когда волосы у нее не на тот пробор", - заметила Терри.) Так что, хотя Сэлли воздержалась от наглядной демонстрации движения бедрами, которую планировала, она упомянула о "движениях" при половом сношении. Реакция: "Они обе хихикнули, как будто уже знали это", - говорит Сэлли. Несмотря на притворную испушенность девочек, говорит Терри, "мы видели, что они впитывают" [то, что мы им говорим], и девочки позже вернулись к своим матерям, чтобы задать дополнительные

вопросы.

В ресторане, тем не менее, они использовали все освященные веками подростковые тактики отвлечения смущения. "Ривер вела себя так, будто благосклонно слушает двух старых тетюшек, - говорит Терри. - Хезер засунула себе соломинку в нос".

Даже если желание сказочного романа, вероятнее всего, окончится разочарованием, желание секса, сопровождающее такие фантазии, не является ни неправильным, ни вредным

"Большинство раннего" (имеется в виду в старших классах школы) "сексуального опыта в нашей культуре вредно для девочек", - провозглашает клинический психолог Мэри Пайфер в своем бестселлере "Воскресить Офелию: спасти "Я" девочек-подростков". В своего рода истории о Питере Пэне на женский лад под названием "Маленькие Потерянные Девочки" (а также вторя работе гарвардского социального психолога Кэроль Гиллиган, которая отмечает падение женской уверенности в себе начиная примерно с одиннадцатилетнего возраста) Пайфер утверждает, что девочки имеют подлинный внутренний стержень, представляющий собой плоскогрудое, играющее в английский футбол (в оригинале употреблено слово soccer, в отличие от football, которым американцы называют исключительно американский футбол, очень мало похожий на английский football - он же soccer, обычно называемый футболом как в Англии, так и в остальном мире; в США в "soccer" в последние десятилетия предпочитают играть мальчишки из семей "среднего класса", а также девочки - прим. перев.) доподростковое "Я". Как только они оказываются в подростковом теле, внутри американской культуры, тем не менее, весь задор и энергия этого "истинного Я" истощаются, оставляя девочек уязвимыми перед депрессией и саморазрушением, нуждающимися в спасении. Главный посыл "Офелии" лежит в основе также и многих популярных советов о девочках и для девочек: что секс встает на пути того, чего они хотят и в чем нуждаются, чтобы расти счастливыми и здоровыми.

Невозможно спорить с тем, что американским девочкам приходится бороться изо всех сил, чтобы относиться хорошо к самим себе, когда их тела превращаются в тела женщин. Но сексуальность является как проклятием, так и благословением в этой борьбе за любовь к самой себе. Пайфер же в своей книге рисует ее как почти непрекращающееся проклятие, характеризует девочек, занимающихся сексом, как "пострадавших".

Семнадцатилетняя Лиззи "отбивается" от своего постоянного парня-старшеклассника и теряет девственность с более старшим, более опытным консультантом в летнем лагере. Когда Парень Номер Один узнаёт, он подбивает своих (и бывших ее) друзей, и они дразнят Лиззи и подвергают ее остракизму. Тем временем внимание со стороны ее летнего любовника сходит на нет. Лиззи в отчаянии, но через какое-то время приходит в себя. Она возвращается к учебе и находит утешение в уединении и в своих верных друзьях. Она снова начинает встречаться с парнями, на этот раз уже "не доводя дело до полового сношения", потому что, как утверждает Пайфер, "она была не готова справляться с той болью, которая следует за потерей любовника".

Но Лиззи ведь справилась с болью, и вполне неплохо. И трудно сказать, как это задним числом делает Пайфер, что боль Лиззи причинил именно секс. Львиную долю огорчения доставили ей ее неверные, конформистские и сексистские так называемые друзья. Она, возможно, какое-то время, что называется, "дула на воду" после своего разочарования, но, как признаёт Пайфер, она также и научилась "заботиться о самой себе и выдерживать неодобрение" и "принимать ответственность за сексуальные решения".

Чему еще она могла научиться? Чему-то полезному насчет самого секса от этого дьявольского лагерного консультанта (у которого было, в конце концов, больше практики в этом деле, чем у нее)? Начаткам различения того, что приятно для нее, от чего она чувствует себя достаточно спокойно, чтобы принимать удовольствие, или что может доставить удовольствие другому человеку? Если, как утверждает ее психотерапевт Пайфер (и канон консультативной литературы), секс был травмой, а это "получеломудрие" - исцелением,

значит, ей пришлось отречься от всего хорошего, связанного с сексом, который у нее был с этим молодым человеком, чтобы исцелиться.

Томпсон думает, что эта ортодоксия ведет к отсталости, и я с ней согласна. Девочек, говорит она, с гораздо большей вероятностью губит любовь, чем секс. Лучшим уроком для Лиззи могло бы быть, чтобы в следующий раз она умерила свои романтические ожидания. Тогда она смогла бы извлекать чувство самоуважения и радости из секса и из эмоциональной близости в отношениях. Подростковая любовь кончается, говорит Томпсон; такова ее природа. Если бы сексуальные педагоги и психотерапевты сумели отбросить предубеждение, что долговременная привязанность является высшей целью и единственным контекстом для сексуального выражения, они, вероятно, стали бы способны помогать юным (особенно девушкам, которые более обременены романтическими иллюзиями) наслаждаться такими отношениями, защищать себя, пока они длятся, и приходить в норму, когда они заканчиваются.

Любовь и сексуальное желание - не одно и то же, и любовь не всегда делает секс хорошим

Поскольку девочки получают так много посланий, что то, чего они на самом деле хотят, - любовь (и поэтому интерпретируют желание секса как любовь), взрослые, которым благополучие девочек не безразлично, "должны поставить знание о сексуальном желании девочек и понимание его в центр, а не погребать возможность сексуального желания и субъектности девочек под реляционными желаниями" (т.е. желаниями иметь "отношения", а не просто секс - прим. перев.), - пишет Дебора Толман.

Проблема, конечно, в том, что сексуальное желание погребается под реляционными желаниями не только в теории и не только взрослыми. Для многих девочек значительную часть времени любовь и желание секса ощущаются как перемешанные - так, что не разгребешь. Точно так же они ощущаются и многими взрослыми женщинами, что делает воспитание их дочерей тяжелой задачей.

"Я понимала любовь как то, к чему всегда стремилась, - говорит Терри Рорти. - Я не понимала секс [достаточно хорошо, чтобы он был] классным способом иметь любовь и выражать любовь". Через двадцать пять лет после своего первого сексуального опыта, который не принес удовлетворения в сексуальном плане, несмотря на глубокую любовь, Терри все еще находит трудным и болезненным разбирать, где любовь, где секс. На самом деле, говорит она, она и Сэлли планировали тот "ужин для девочек" на протяжении двух лет, но все откладывали. "А ведь причина-то, - говорит Терри, - была в том, что я ждала, когда мне в голову придет что-нибудь умное, стоящее того, чтобы мать сказала своей дочери - и чувствовала себя полной дурой. - Ее глаза наполнились слезами. - Я до сих пор чувствую себя дурой". Как и многие женщины, Терри бьется между романтической тягой любви и твердым ощущением себя самой как сексуального субъекта. Когда я спросила о вождении, она призналась: "Я не знаю, знаю ли я, когда, или что, или кого я воделею - правда, даже сейчас".

Она продолжила: "Я поняла, что после всех этих [сексуальных] полос в моей жизни я не чувствую, что у меня есть какой-то всеобъемлющий, дающий силы или возможности разговор, который я могла бы провести со своей дочерью. И это был источник огорчения. Я думаю, меня расстраивает то, что я боюсь, что моя дочь уже запрограммирована сделать все те ошибки, которые сделала я, определяя себя в терминах любви мужчины. - Она продолжила, делая усилие над собой. - Я все еще под властью романтики. Что я знаю о том, где проходит граница между сексом и любовью? Я не могу найти границу. Это меня беспокоит. Из-за этого я оказываюсь не очень счастлива немалую часть времени".

Сэлли наблюдала за Терри с нежностью, потом сказала: "Я думаю, это твоя конечная цель: что сочетание и того, и другого - самое лучшее". Терри в ответ глянула на нее с сомнением. Потом, спустя какое-то время, вид неуверенного торжества пересек равнины ее широкого ирландского лица. "Мы хотели что-то дать девочкам в плане того, чего ожидать, рассказать

им какие-то вещи полезные. Сэлли говорила, что требуется время, чтобы правильно освоить секс. А я говорила, что любовь стоит того, но даже если ты любишь кого-то, это не всегда делает секс хорошим".

Чему могут научиться мальчики

Мальчиков, как считается, вожделение переполняет. Наблюдая за уроком секспросвета для восьми- и девятиклассников с задней парты аудитории в закрытом заведении для мальчиков-делинквентов, я имела возможность убедиться, что, судя по их реакциям, это на самом деле так. Вел его талантливый молодой педагог из "Планируемого родительства" по имени Мэтью Бушеми, специализирующийся на работе с мальчиками. Программа на тот день была более или менее стандартная: сведения о женской репродуктивной системе, о менструальном цикле, о беременности и в конце фильм о деторождении. Но, параллельно с официальным дискурсом урока, неофициальный дискурс - дискурс вожделения - утверждал себя. От девочек Мишель Файн слышала "прерывания шепотом". В этом же зале провозглашения мальчиками своей похоти исполнялись фортиссимо (хотя они тоже были прерываниями). Но, как и девочки Файн, эти мальчики также передали и нечто, что отсутствовало. В их случае это был язык, который позволял бы выражать нюансы чувствования, в том числе сомнения по поводу сексуальности.

Стремясь к максимальной непринужденности, Бушеми шутил, поощрял активно участвовать более робких ребят ("Что начинает появляться у тебя на лице, когда ты достигаешь половой зрелости?" - спросил он как-то аудиторию шестиклассников и их отцов в другом городе в другой вечер. Один мальчик откуда-то сзади неуверенно ответил: "Акме?" [мальчик по ошибке сказал слово, обозначающее кульминацию, высшую точку, вместо слова "акне", обозначающего угреву сыпь - прим. перев.]). Он отвечал на все вопросы, не ругаясь и не морализируя.

В исправительной школе, где строго регламентируется каждая минута, подобная вольность, соединенная с обсуждаемым предметом, брела нервное напряжение, которое то и дело угрожало взорваться неистовством. В ту минуту, когда Бушеми доставал свои диаграммы на плакатных щитах, жилистый паренек, ерзая в металлическом кресле рядом со мной, дополнял урок своими собственными - якобы полученными на личном опыте - познаниями, ровно с той громкостью, чтобы его могли слышать только его соседи. Через некоторое время его пыл стал слишком жарок для того, чтобы удовлетворяться "камерным" выступлением, и, когда Бушеми упомянул вагину, мальчик выкинул руку вверх и крикнул: "Это киска, правильно?"

"Правильно, вагина - это киска", - спокойно ответил Бушеми, проясняя возможные недоразумения и поддерживая свой непринужденный контроль над ситуацией.

Этим вопросом и посыпавшейся затем чередой подобных мальчик, несомненно, бросал вызов авторитету Бушеми (в конце концов это привело к тому, что один из обычных учителей пригрозил выставить его за дверь). Также он разыгрывал вечный конфликт секспросветовской классной комнаты, заключающийся в том, что перед учителем стоит задача донести необходимую, незроческую информацию, а ученики жаждут "плотского познания". Он грязнил очищенный клинический дискурс легко узнаваемыми каденциями улицы.

Но также он выражал и нечто позитивное, присущее мужскому отношению к сексу (то, что, добавлю я, часто ставят мальчикам в упрек): его энтузиазм. Каждым своим замечанием этот мальчик зарабатывал залп хихиканья от сверстников, сопровождающийся их собственными комментариями, смеси одобрения и агрессии ("Уу, я бы ей воткнул в ..."). Но проявились признаки и иного рода раздвоенности в отношении к женщинам и их телам. Во время части урока, посвященной беременности, один из учеников спросил с трогательным участием, не повредит ли половое сношение беременной женщине или ее плоду. Затем во время короткого, откровенного фильма о деторождении повалил практически весь возможный спектр мужских реакций на женское тело, которого только можно ожидать от тринадцати- и

четырнадцатилетних. Сперва мальчики поглумились над парочками, уставившимися друг другу в глаза и разговаривающими о любви и детках. Потом поухали с изумлением и вкусом, когда камера показала крупным планом голую, раздвинутую промежность женщины, выглядящую неотличимо от порнографической "киски". Уханье быстро сменилось завываниями отвращения, или, может быть, страха, когда киска волшебным образом трансформировалась в образовательную, репродуктивную вагину и показалась окровавленная головка ребенка, а за ней липко плюхнулся послед. Уютные семейные сценки, завершающие фильм, вызвали, большей частью, кряхтение и сдавленные смешки, как будто мальчики либо были в изнеможении от только что увиденного, либо им было стыдно показать, что они тронуты. Я заметила, что некоторые из них следили за родами с восторженным вниманием, впав в транс.

Мальчики усваивают, что они должны хотеть секса, быть всегда готовы к нему и "хороши" в нем. Они с раннего возраста учатся обращать внимание на свои половые органы и называть хотя бы самое грубое проявление возбуждения (задержитесь поблизости от какой-нибудь группки семилетних мальчиков, и вы наверняка услышите слово "стояк" или его местный эквивалент). Но взрослые не дают им почти ни малейшего намека на потенциальные возможности их собственных тел, не говоря уже о телах женщин или других мужчин, и еще меньше стратегий того, как разбираться в том смещении любопытства, пыла, неловкости, страха и благоговения, которое они чувствуют. Как я имела возможность наблюдать в школе на Лонг-Айленде, эти чувства слишком часто вырождаются в поверхностную браваду и сексистский жаргон.

Образование мальчиков в плане вожделения поэтому должно отличаться от образования девочек. Попросту говоря, упор следует делать на другую сторону рубежа "любовь-похоть".

Мальчики - больше чем просто пульсирующие гормонами тела

Хотя мальчики чувствуют позволение испытывать свои сексуальные тела, вряд ли они ближе к знанию полного диапазона этого опыта, чем девочки. С самого начала от них ожидают, что они всегда хотят секса. "Мальчиков со всех сторон окружает давление к тому, чтобы превращать секс в товар. Секс - это "вещь", нечто, что нужно добывать", - сказала Толман, когда мы разговаривали с ней на ранних этапах ее долговременного исследования чувств мальчиков по поводу сексуальности и маскулинности. Она предположила, что эти требования требуют некоего отчуждения не только от чувств, но и от тела. "Мальчики рассматриваются как сплошное тело. Но если мы по-настоящему постараемся понять, что они испытывают, я побилась бы об заклад, что они наблюдают сексуальность глубоко диссоциативным способом. Они смотрят, а не чувствуют. Я не думаю, что мальчики получают невероятное сексуальное удовольствие, хотя и принято думать, что получают. Они, наверно, получают оргазмов больше, чем девочки. И кончить - действительно удовольствие. Но качество исполнения - это ведь тоже такая большая часть этого. С этим крайне неважно и у женщин, и у мужчин".

Если мы поможем мальчикам соединить чувства с качеством сексуального исполнения, это может поспособствовать сексуальному равенству, дает понять гарвардский психолог Уильям Поллак в своей книге "Настоящие мальчики: спасти наших сыновей от мифов отрочества". Чем вменять девочкам в обязанность сопротивляться, а мальчикам - воздерживаться от секса, нам следует признать, что мальчики - не более "сексуальные машины", чем девочки - сексуальные подстилки, пишет Поллак.

Девочка может быть как сексуальным объектом, так и сексуальным субъектом. То же относится и к мальчику

Видимая сексуальная ненасытность мальчиков на самом деле не сексуальна, подразумевает Поллак. Это прикрытие для страха мальчиков перед сексуальным унижением: "Их поведение представляет собой компромисс между страстным желанием быть с кем-то и страхами быть отвергнутым, дополнительно подпитываемыми бессознательными постыдными страхами раннего оставления [родителями? - перев.]". Ну,

может быть. Может быть, иногда.

Достижение равенства не требует, чтобы мы десексуализировали мальчиков, как мы уже десексуализируем девочек. Мужское самопризнание сексуальности - это нечто достойное прославления. Наоборот, послание мальчикам об их собственной сексуальности, как и о сексуальности девочек, должно быть таково, что она столь же изменчива, как и люди, в которых она живет, и что от каждой конкретной девочки можно ожидать, что иногда она хочет секса с каким-то конкретным человеком, а иногда не хочет. Помещение девочек на пьедестал чистоты - не то же самое, что уважение. Это лишь увековечивает разделение женского населения на дев и блудниц - разделение, поддерживаемое с унылой прилежностью школьниками нашей страны. Задача для мальчиков - в том, чтобы слушать и распознавать сигналы партнера. (Эти уроки равным образом относятся и к партнеру мужского пола, если таков выбор мальчика. Разница в том, что другие мальчики не прибывают с вуалью загадочности, окутывающей их со всех сторон.) Мальчики также могут ожидать от девочек, что те будут их слушать. Таким образом ни один пол не будет назначен на роль всегдашнего агрессора или сопротивляющегося, знатока или невинного.

У нас есть свидетельства, что это уже происходит и что практика в слушании со временем приносит плоды. Обнадеживающее исследование сексуального согласия, проведенное Шарлин Мюленхард и Сьюзан Хикман на кафедре психологии Канзасского университета, показало, что, хотя студентки и студенты часто дают понять, что они не прочь заняться сексом, разными способами, и те, и другие почти универсально понимают сигналы партнера противоположного пола. И - скатертью дорога дурным мифам - "прямой отказ (слово "нет") не воспринимался как способ выразить согласие ни женщинами, ни мужчинами", - пишет мне Мюленхард. "Они, судя по всему, были согласны, что "нет" означает "нет"".

Это, несомненно, хорошая новость. Следующей задачей для мальчиков будет слышать "да" и, что еще сложнее, выражения сексуального желания между абсолютным "нет" и абсолютным "да".

"Грязные слова" не обязаны быть чем-то унижительным

Поскольку мальчики чувствуют позволение "разговаривать грязно", а девочки такого позволения не чувствуют, мальчики являются хозяевами сексуального сленга, во всяком случае в государственных школах с совместным обучением. Наученные, что сексуальность девочек одновременно горячо желанна и отталкивающа и что их собственная сексуальность должна быть доминантной и "крутой", мальчики (и мужчины) используют "непристойные" слова, чтобы выражать вожделение и в то же время отрицать силу этого вожделения, донося до слушателей презрение к той девочке (или женщине), которая его внушает. Подобного рода двойственность может играть свою роль и в употреблении феминизированных непристойностей вроде "суки" или "киски" для оскорбления мальчиков, сочтенных недостаточно маскулинными или "крутыми". Подозревая, что для молодых людей грязные слова являются, главным образом, способом попонтоваться и лексиконом враждебности, большинство учителей, встретив слово "киска", будут его критиковать и запрещать к употреблению.

Тем не менее в уединении своих спален те же учителя и учительницы могут произносить то же слово со страстью, юмором и нежностью. Сексуальные слова, будь то "официальные" или сленговые, свое значение приобретают в контексте. "Для меня слово "шлюха" является комплиментом, - говорит психотерапевт Кляйн. - Оно просто обозначает женщину, которая любит секс и не стыдится его".

Имеет смысл не очищать лексикон мальчиков от "непристойности", а расширить значения, которые они могут вкладывать в привычный им эротический язык. Этого можно достичь только если контекст, в котором этот язык употребляется - секс и отношения, - станет более эгалитарным, что является гораздо более тяжелым и долговременным проектом, чем вычищение "плохих слов" из языка. А пока учителям, может быть, не следует делать поспешных выводов о намерениях, с которыми употребляются те или иные слова. Тем, что

он перевел "киску" в "вагину" без дальнейших комментариев, Мэт Бушеми, возможно, сумел передать послание, что сексуальный сленг можно употреблять нейтрально.

Секс делает уязвимым. А уязвимость имеет свои преимущества в сексе

Жесткое и "прозаичное" отношение мальчиков к сексу, возможно, защищает их от глубоких обид, но оно также является и непреодолимой преградой для глубокого удовлетворения. Процесс открытия самого себя начинается с вожделения. Конечно, мальчики тоскуют по любви и по конкретным объектам любви, и, когда они честны, признают, что в своем поиске имеют меньше попаданий, чем промахов. О своем первом (и, как он полагал, сильно запоздавшем) сексуальном опыте, который он получил в 1960-х годах, один мой знакомый рассказывал мне так: "О, я много думал о грудях, годами - *годами*. Но мне никогда не представлялось в самом буйном воображении, что я получу к ним *доступ*". Эта мужская тревожность по поводу того, что "мне никто не даст" удовлетворить вожделение, едва ли куда-то исчезла и в якобы развратные 2000-е.

И все же, пока от мальчиков ожидают, что они будут культивировать и выражать установку "черт возьми, почему бы нет" каждый раз, когда им выпадает сексуальная возможность, они могут упустить возможность научиться различать, чего они на самом деле хотят, и в этом процессе не воспринимать тот сексуальный опыт, который они получают, во всей его яркости. Хотеть большего - или хотеть чего-то или кого-то конкретного - означает возможность потерять больше. Но потенциально большее можно и приобрести. Уязвимость, неизбежно таящаяся в подлинном вожделении, дает свои преимущества.

"Мы любим пересказывать историю о Фетиде и Ахиллесе", - говорит Ники Феделе, психотерапевт, вместе со своей коллегой Кейт Дули возглавляющая проект "Мать-сын" в Учебном институте имени Джин Б. Миллер при Колледже Уэллсли в Массачусетсе. Как повествует миф, мать Фетида опускает своего сына Ахиллеса в реку Стикс, чтобы сделать его неуязвимым в грядущих боях. Но при этом она держит его за пятку, и именно в эту Ахиллесову пятку в конце концов попадает стрела Париса, смертельно раня героя.

Классическая интерпретация этого мифа возлагает на Фетиду вину за гибель Ахиллеса: материнская любовь делает мужчину слабым, а не сильным; ею объясняется его фатальный изъян. Но Феделе и Дули пропускают его через феминистскую интерпретацию. "Она дала своему сыну дар, - объяснила Феделе группе матерей на воскресном семинаре по воспитанию сыновей. - Она позволила ему быть человеческим (смертным). Мы говорим: давайте мальчикам быть уязвимыми и стать полностью человеческими".

Хотя Феделе и Дули задачу воспитания нежности мальчиков возлагают на матерей, отцы также определенно могут ее выполнять. Маурисио Вела, молодежный работник сальвадорского происхождения из Сан-Франциско, беспокоился по поводу давления, которое испытывали на себе его сыновья, недавно ставшие старшеклассниками, к тому чтобы быть мачо. В качестве противоядия он предложил пример нежного и мягкого, тем не менее сильного, мужчины. "Я целую моих мальчиков и постоянно их обнимаю. Я стараюсь говорить им, что я их люблю, как можно больше". И он говорит им в буквальном смысле слова нежным языком. "Я разговариваю с моими сыновьями на испанском, потому что в нем больше *кариньо*". "Кариньо" значит "любящая забота" (в буквальном переводе "дороговизна").

Эмили Файнштейн, женщина-скульптор, едущая в своем издавшем виды пикапе "Тойота" по муниципальным округам Нью-Йорка, чтобы преподавать разрешение конфликтов учащимся средних классов, видит их жесткость скорее как уловку, нежели как глубоко укоренившуюся личностную реальность. Ее истоки, особенно у более бедных мальчиков, с которыми она работает, - социальные и политические, по ее словам. "Я вижу этих невероятно мягкосердечных людей, которые хотят что-то изменить, которые хотят любить друг друга и которых систематически учат не показывать этого, - говорит Файнштейн. - Их постоянно "опускают" школа и культура. Они не хотят быть уязвимыми перед тем, что на них набрасывается ... [а] если ты не хочешь чувствовать, что тебя критикуют, принижают и

унижают, ты принимаешь эту позу, что для тебя ничто не имеет значения". Взрослые, говорит она, часто ошибочно принимают позу безразличия за цинизм и универсальное презрение ко всему. Она считает, что на самом деле все ровно наоборот. "Они чувствуют слишком много, нет места, чтобы это показать, поэтому поза говорит: "Меня ничто не возьмет". У них есть определенные вещи, которые им страстно небезразличны, где [вся потребность в принадлежности и в том, чтобы тебя ценили] и засела. Одежда, музыка, волосы: эти вещи отчаянно важны для них. Именно в них они имеют возможность показать, что хотят быть любимы".

Одно из главных упражнений, которые Файнштейн проводит с классом, - открытое выражение любящих чувств к друзьям - то, что она называет "подниманиями", антонимом "опусканий". Гомофобия стоит насмерть на пути к тому, чтобы мальчики выражали нежные чувства друг к другу. Но Файнштейн упорствует, и поднимания приближаются к намеченной цели. "Сначала мальчики подумают-подумают и скажут что-нибудь вроде: "У тебя хорошо получается заниматься спортом"". В конце концов, тем не менее, они начинают использовать это упражнение не только для того, чтобы выразить позитивную оценку другого человека, но для того чтобы признать наличие *отношений*. "Они все чаще и чаще будут говорить такие вещи, как: "Ты помог мне с математикой. Ты хороший друг"". Файнштейн думает, что гомофобные ограничения на мужскую нежность могут быть барьером для игривости и нежности мальчиков и в гетеросексуальном сексе - и что обучение открытому выражению близости может, наоборот, поспособствовать их проявлению.

Толман вторит этому утверждению, более недвусмысленно в отношении секса. "Мальчикам дают так мало инструментов для того, чтобы осознавать связь между сексом и любовью - что они тоже запутываются с этой связью". И все же она не теряет надежды. "Я просто должна верить в то, что часть человека - быть глубоко связанным с другим человеком. А это одно из того, что мы получаем в сексуальности".

Незнание не является чем-то "недостойным мужчины". Оно способно открывать ключи к вожделению

"Если среднестатистическому мужчине трудно спросить, как проехать куда-либо [когда он за рулем], можно представить себе, чего ему стоит отбросить свою браваду и эго, чтобы спросить что-либо насчет секса," - комментировал Элвин Кохолл, директор Гарлемского центра содействия развитию здравоохранения при факультете общественного здравоохранения Колумбийского университета, выступая на конференции "Планируемого родительства" в конце 1990-х годов.

Несколькими месяцами позже, разговаривая со мной в маленьком кабинете клиники для молодых мужчин нью-йоркской Пресвитерианской больницы ("базовая больница", или университетская клиника, Колумбийского и Корнелльского университетов - прим. перев.), коллега Кохолла Брюс Армстронг с ним согласился. "Мы так мало разговариваем друг с другом", - сказал этот врач, вздыхая. Это еще мягко сказано. Проведенный в середине 1990-х годов опрос тинейджеров, имевших сексуальный опыт, показал, что лишь треть из них разговаривали со своими партнерами (партнершами) о контрацепции и 40 процентов разговаривали о безопасном сексе, но каждый пятый ждал того момента, когда уже все случилось, прежде чем начать разговор. "Мы едва ли когда получаем возможность выслушать друг друга в ненапряженной атмосфере", - говорит Армстронг. Очевидно, атмосфера постели в момент полового сношения не является ненапряженной для многих подростков.

Клиника, которой руководит Армстронг, дает такую атмосферу. "Одна из на самом деле замечательных особенностей нашей клиники - в том, что, когда парни хотят поговорить с женщиной об их телах, наш женский персонал всегда готов к этому. Они хотят знать, на что похожи ощущения при женском оргазме, как ощущаются беременность и роды. - Он прервался, чтобы обсудить что-то с одной из практиканток, составляющих дополнительный персонал, с молодой американкой пакистанского происхождения, затем вернулся к нашему разговору. - Это не какие-то особо "чувствительные" парни. Это типичные такие

мачообразные ваши парни в мешковатых штанах из Вашингтон-хайтс и Северного Гарлема" - низкодоходного района Верхнего Манхэттена, населенного, в основном, американцами африканского и доминиканского происхождения, обслуживаемого больницей. Он сделал паузу, восхищаясь этими молодыми людьми, которых он называет "наши ребята". "Однако они задают такие пронзительные вопросы".

Эти молодые люди, очевидно, нашли не многих взрослых, с кем можно было бы откровенно поговорить о сексе, и меньше всего это могли бы быть их семьи. Как я уже отмечала, семей, имеющих для этого желание и способности, мало. Но они есть. Для одной из таких семей суть подхода ко всему - в том, чтобы создать атмосферу, в которой не знать - нормально. Та семья - невероятное домохозяйство, растящее Джереми Перголезе, которому было одиннадцать лет, когда я познакомилась с его родителями. В двух отдельных, населенных однополыми парами домах мать Джереми Кэроль и ее партнерша Бет Стайн воспитывают Джереми совместно со своими друзьями (а теперь и юридическими соопекунами) Джемом Марксом и его партнером Дэвидом Бутом. Трое из этих четырех родителей имеют профессии, связанные с сексом: Кэроль и Джем работают в одной клинике репродуктивного здоровья, а Дэвид - психотерапевт и профессор сексологии. Ввиду необычности их семьи и того, что они лесбиянки и геи, эти матери и отцы находят необходимым - и более или менее естественным - воспитывать эмоционально выразительного и сексуально информированного мальчика. Главное правило, говорит Джем: "Какие бы вопросы он ни задавал, мы говорим ему правду. А также мы говорим ему вещи, про которые он не спрашивает".

Какие вопросы он задает? "Я слышал, что можно заниматься сексом больше чем с двумя людьми одновременно. Как это делается?" (Ответ Джеда: "Представь себе трех мужчин, шесть рук, три пениса. Джереми: "Оохх, понял"".) В других, менее прямых, вопросах проявились тревожности Джереми по поводу сексуальности его отцов. "Папа, у тебя есть СПИД?" - спросил он Джеда в пиццерии, когда ему было семь лет. "Это был первый раз, когда он сам заговорил о нашей гомосексуальности", - говорит Джем, объясняя свою версию того, почему это был первый такой вопрос: Джереми приучился ассоциировать гейский секс с презервативами, которые его папы держат на виду, чтобы мальчик привык к ним и рассматривал как нормальную часть жизни. Но в школе единственная вещь, которую Джереми узнал о презервативах, - что они предотвращают СПИД. И он узнал от своих приятелей, что геи болеют СПИДом. Хотя Джеда удивило и опечалило то, что он и Дэвид упустили возможность донести это до Джереми раньше и что Джереми пришлось сомневаться и беспокоиться, он заверил своего сына, что как он сам, так и его партнер здоровы.

Сидя со мной в ресторане, Кэроль рассказала, что семья Джерри предлагает ему идеи того, как жить и любить, также и в более обычном смысле. "В наших двух домах он видит две радикально различные модели, - объяснила она. - Мы с Бет совершенно домашние. А там у них [у Джеда с Дэвидом] - свобода и независимость. Джереми не хочет, чтобы мы с Бет разошлись. Он думает, что пара - это нормально". Она благодарна "парням" за то, что те более откровенны в разговоре о сексе, который у нее вызывает больше смущения. Но, добавляет она, "я хотела бы, чтобы он был готов к эмоциональной части. Что если девочка влюбится? Что если ты влюбишься? Ты просто хочешь "делать это", или это в рамках постоянных отношений? Жестокий факт состоит в том, что он не будет ждать, когда будет готов. Большинство людей начинают заниматься сексом, когда они не готовы".

Просто быть сыном родителей - уже репетиция для мальчика в комедии и трагедии любви, думает Кэроль. "Вся сила, любовь и страх - те элементы, из которых потом вещи делаются сексуальными - уже есть, когда родители есть". При этих словах ее лицо смягчилось, как у женщины при мысли о любимом или у матери при мысли о сыне. "У нас "экзотические" взаимоотношения, но мы, должно быть, что-то делаем так, как надо. Или, может, нам просто повезло. Джереми - смешливый, обнимчивый, поцелуйчивый, забавный, интересный малыш. Он не боится чувствовать".

Дэвид ставит это в заслугу Кэроль и Бет, Джеду и себе в большей мере, чем просто стечению

обстоятельств. У него ведь тоже были родители, напомнил он мне, а он не вырос столь же открытым для целого диапазона чувств, как это выглядит в случае Джереми. Доступность родителя для любых вопросов о сексе имеет отношение к чему-то гораздо большему, чем просто к сексу, настаивает Дэвид. "Если ребенок узнаёт, что не нормально спрашивать про секс, он переводит это в "не спрашивай про другие не-нормальные вещи, которые могут возникнуть", - говорит он. - Это идет гораздо дальше секса. Это позволяет поддерживать открытую коммуникацию о том, что известно, и о том, что не известно. Ребенок усваивает, что нормально не знать, "терять лицо", быть озадаченным, испытывать двойственные чувства".

Растущий в домах, где маргинализированное вождение "нормально", и в то же время посещающий школу, где оно "ненормально", Джереми, вероятно, уже сейчас более спокойно чувствует себя в отношении двойственности и конфликтов, чем большинство детей. ("Твой отец - гей", - как-то раз язвительно заметил другой мальчик на детской площадке. "Да, я знаю, - ответил Джереми. - Ну и что?") Видя разные сексуальные стили и способы выражения среди друзей своих родителей и зная, что он сам может как последовать по стопам своих отцов, так и не последовать, он учится тому, что вождение непредсказуемо, лично, изменчиво и обширно в своих возможностях.

Гендер дает фиксированные точки отсчета и оборонительные средства против неоднозначностей и неизвестного сексуального будущего. Нетрудно понять, почему большинство ребят крепко цепляются за строго конформистские стили маскулинности и фемининности. Бросать вызов определенностям гендера - может приводить юных в замешательство на короткое время, но способно обогащать их жизнь на дальнюю перспективу. Спокойное отношение к неизвестному, быть может, - самый важный союзник в том, чтобы с пристрастием допрашивать вождение и удовлетворять его на протяжении всей жизни.

10. Хорошее прикосновение

Чувственное образование

Признаюсь,
я люблю то,
что меня ласкает.

Сафо

Прикосновение - хорошая вещь для детей и других живых существ, а депривация (лишение, недостаток - прим. перев.) прикосновений - плохая вещь. Мышата, если они прижимаются к своей матери, растут более упитанными; ягнята, которых не облизывают, остаются неспособны встать на ноги и могут вскоре умереть. А какой студент, прошедший курс "Psychology 101", может забыть печального детеныша макаки-резус из опытов Гарри Харлоу, цепляющегося за "искусственную мать" с клоунским лицом, туловищем из полотенец и электрической лампочкой вместо сердца, а в ситуации выбора между едой и объятиями выбирающего второе?

Человеческие маленькие дети, которых не держат на руках, не "расцветают", и, если выживают, могут быть неспособны к социальной адаптации. В 1915 году, посещая детские больницы и приюты, педиатр Генри Чапин обнаружил, что дети младше двух лет, несмотря на то что их досыта кормили и купали, гибли от кахексии (увядания организма), "чахли". Потребовалось несколько десятилетий, чтобы опознать второй элемент необходимого ежедневного минимума: прикосновение. Так как это традиционно считалось женской функцией, женщин направили в эти заведения, чтобы выполнять "нянчение" (держание детей на руках), и смертность этих детей резко упала. С тех пор дефицит прикосновений в детстве стали выявлять как причину патологий - от экземы до анорексии.

Любящие прикосновения, по-видимому, способствуют не только индивидуальному здоровью, но и социальной гармонии. Тиффани Филд, директор Института исследования

прикосновений при медицинском факультете Майамского университета, сравнила детей, играющих на площадках Флориды, с парижскими детьми и обнаружила, что прикосновения, которые дети получают от родителей, воспитателей и нянек, коррелируют с мирным и кооперативным характером игр между детьми (во Франции, согласно исследованию Филд, к детям прикасались чаще). Нейропсихолог Джеймс Прескотт сделал даже еще более грандиозные выводы. Анализируя информацию по четырёмстам доиндустриальным обществам, он заключил, что мирное общество начинается с прикосновения. "Те общества, которые давали маленьким детям наибольшее количество физической нежности, характеризовались низкими уровнями воровства, физической боли, испытываемой детьми ... и пренебрежимо малыми либо отсутствующими убийством, калечением и пытками врагов", в то время как общества с наименьшими количествами физической нежности характеризовались высокой частотностью всего вышеперечисленного. Прескотт утверждал, довольно огульно, что результаты его исследования "прямо подтверждают, что депривация телесного удовольствия в раннем детстве значимо связана с высоким уровнем преступности и насилия". Эта связь, подразумевал он, - биологическая: низкая "прикасаемость" программирует тело на "короткий взрыватель" (англ. метафора, обозначающая вспыльчивость; ср. "заводится с пол-оборота" - прим. перев.) и быстрый удар.

Антропологи согласны, что Америка - это в высшей степени "низкоприкасаемая", высоконасильственная культура. Но разнообразие Америки, ее мобильность и значительные объемы иммиграции, вероятно, опровергают любую биологическую природу взаимоотношений между первой характеристикой и второй. Более правдоподобное объяснение этим фактам и другим, найденным Прескоттом, - социальное. Культура, осыпающая нежным вниманием своих юных, может также поощрять терпимость к уязвимым и уменьшать охоту к физическому "мерению силами". Люди, воспитываемые в агрессивности и подозрительности в отношении вторжений против их собственных сексуальных "границ", с другой стороны, будут более самозащитными и "территориальными" и, таким образом, более воинственными, как социально, так и сексуально.

Социобиология, в особенности та ее разновидность, которая сравнивает людей с "другими животными", располагает еще более ограниченными возможностями для объяснения сексуального развития детей. Обезьянки Харлоу, может быть, были как мы в том, что касается нежничанья с мамой, но они также прилюдно мастурбировали и с такой же готовностью спарились бы с партнерами вдвое младше себя, как с ровесниками. Веди себя так в Америке - и тебя могут отправить в твою комнату без ужина или в тюрьму.

Иными словами, человеческое прикосновение получает свое *значение* в культуре, и первостепенное среди этих значений - является ли данное прикосновение, ответная реакция или даже часть тела сексуальной или нет. Пока западный ребенок не становится "цивилизованным", пенис, клитор, вагина или анус могут быть источниками приятных ощущений, как коленки или спинка, или интересными отверстиями, куда можно что-нибудь засунуть, как ротик или ушки - не тайными или трепетными "сексуальными" местами. Даже то, что, как утверждается, свидетельствует о биологической "естественности" детской сексуальности, исподтишка нагружается значением. Психологи и сексуальные педагоги любят вытаскивать ультразвуковые снимки, на которых виден пенис плода в состоянии эрекции, чтобы продемонстрировать, что дети сексуальны еще до рождения. Но то, что они называют внутриутробной "эрекцией", таким образом придавая ему сексуальную коннотацию, может быть не более чем нервным ответом на теплые волны околоплодной жидкости внутри матки. Альфред Кинзи назвал определенное сочетание детского "взбрыкивания", напряжения мышц и расслабления "оргазмом" (Кинзи также отмечал наблюдения "мастурбаторной активности" у маленьких девочек, приводящей к тому, что он называл оргазмом - прим. автора), но он так же легко мог бы наблюдать и личико грудничка, сморщивающееся в испуге, его тельце, напрягающееся в потуге, затем разрешающееся блаженным спокойствием, в то время как до него донесся бы характерный запах, исходящий от пеленок.

Яростные баталии недавнего времени по поводу сексуальности можно прочесть как споры из-за значений прикосновения - а точнее, из-за того, являются ли определенные

прикосновения между определенными людьми сексуальными и, если являются, являются ли "неподходящими" и потому "вредными". Не будет ли межпоколенное купание или плавание голышом, или спанье в "семейной постели", когда ребенок еще маленький, вредной стимуляцией детской сексуальности? Скучные имеющиеся у нас данные об этих практиках говорят, что в типичном случае не будет: на самом деле, такие расслабленные семейные прикосновения и лицезрения обычно находят неопасными и даже благоприятными для последующей сексуальной адаптации. Тем не менее в нынешние консервативные времена многие популярные авторы колонок советов рекомендуют родителям от них воздерживаться - на всякий случай.

Даже люди, относящиеся скептически к утверждениям о "чрезмерно сексуализирующих" прикосновениях, не могут их полностью игнорировать. Родители и воспитатели знают, что у них могут быть реальные проблемы с законом, включая потерю работы, репутации и даже опеки над собственными детьми, если они занимаются невинными, но "нестандартными" вещами, как например кормлением грудью детей, вышедших из младенческого возраста, или фотографированием детей голышом. Летом 2000 года в Шампейне, штат Иллинойс, пятилетнего сына тридцатидвухлетней женщины изъяли у нее и отдали в патронат, после того как нанятая ею нянька позвонила в местное детозащитное ведомство, утверждая, что ребенок хотел прекратить питаться материнским молоком, но мать ему не позволяла.

Что более пагубно, взрослые начинают подозревать самих себя в "извращенности", когда испытывают удовольствие от прикосновения к телу ребенка. В начале 1990-х годов в городе Сиракьюс, штат Нью-Йорк, одну мать забрала полиция и на короткое время посадила в тюрьму, после того как та позвонила по местной горячей линии, потому что была в панике от легкого возбуждения, которое испытала, кормя грудью свою дочь.

"Это территория, от которой шарик за ролики заходят, правда ведь? - задал мне риторический вопрос тридцативосьмилетний чикагский веб-дизайнер Крис Картер, бросая взгляд на ясноглазый фотопортретик своей полуторагодовалой дочки, висящий в желтой рамке рядом с его компьютером. - Где культура вторгается в то, что подобает и что не подобает, что является здоровым, а что нет. - Он помотал головой, будто пытаюсь встряхнуться. - Я принимаю ванны с Лили, и я держу ее и мою; она смотрит на мой пенис. Окей. Но это поднимает все эти тревожности насчет того, что хорошо для нее. Для нее хорошо видеть здоровые проявления сексуальности и спокойное отношение к своему телу, [психологический] комфорт, принятие своих отличий. Потом я думаю: *"Не делаю ли я что-то вредное для моего ребенка?"* Типа, вырастет и расскажет своему психоаналитику, что ей *"сексуально злоупотребили"*? А другая часть меня думает: *"Боже мой, я что, совсем рехнулся, что так думаю!"* Я все время стараюсь говорить самому себе: *"Просто расслабься!"* Просто расслабься: он с таким же успехом мог бы проконсультироваться у "психиатра" Мела Брукса, который советовал своему пациенту, страдавшему тем, что навязчиво рвал бумагу: *"Не сходи с ума! Не рви бумагу!"*

Не только родители, но и воспитатели запуганы по поводу прикосновения к детям той истерией 1980-х и 90-х годов, которая началась с ложных утверждений о "ритуальном сексуальном использовании" детей воспитателями детского сада "Макмартин" в калифорнийском Бейкерсфилде. Воспитатель Ричард Джонсон только что начал свой трудовой путь на Гавайях, когда газеты стали заполняться рассказами о причудливых сексуальных попытках в других детских садах.

"Какой удушающий эффект эта моральная паника произвела на молодого воспитателя, который до того беспокоился большей частью о том, как установить теплые, доверительные отношения со всеми детьми, вверенными его заботе, - писал Джонсон. - Я начал беспокоиться и сомневаться в самом себе, делая повседневные, до того казавшиеся самими собой разумными вещи: меняя подгузники, вытирая сопливые носики, расстегивая и застегивая джинсики двухгодовалого ребенка. ... Я стал думать, стоит ли удерживать и пытаться успокоить расшалившегося трехлетнего ребенка, используя "футбольный захват", чему меня мастерски учили на практических занятиях моего магистерского курса. Неожиданно чувство прикосновения, которое всегда было такой целостной частью моих

отношений с детьми (с моими собственными детьми и со всеми детьми, за которыми я ухаживал), начало ставиться под вопрос". Джонсон все более терял силу духа, видя, как эта паранойя костенеет, превращаясь в политику, и в конце концов перестал работать по профессии.

Хотя большинство более ранних обвинительных приговоров, вынесенных против работников детских садов, были отменены (и все они были дискредитированы), тот ужасающий и ужасающий период оставил после себя стойкое наследие: совокупность политик на всех уровнях системы воспитания и образования, направленных на то, чтобы не было даже видимости сексуальных прикосновений в воспитательных и учебных заведениях. Если будущим работникам этой сферы преподают какие-либо курсы по детской сексуальности, в этих курсах делается больший упор на сексуальные злоупотребления, нежели на ничем не примечательное развитие детей. В результате молодые воспитатели и учителя держатся начеку в отношении патологии. "Мои студенты, которым по двадцать с небольшим лет, приходят в шок, когда пятилетний тянет руку к груди воспитательницы. Они думают, что он "чрезмерно сексуализирован", - говорит мне Джонатан Силин, профессор дошкольного образования в нью-йоркском Учительском колледже. - Они не осознают, что это вполне обычное и нормативное поведение". Эти студенты затем устраиваются на работу в заведения, правила которых переписывают эти предрассудки и ошибочные представления в виде политик "никаких прикосновений", запрещающих воспитателям мужского пола менять подгузники или оставаться с детьми наедине, запрещающих персоналу как мужского, так и женского пола держать детей на коленях во время чтения или даже обнимать ребенка, упавшего с трехколесного велосипеда.

Детей в то же время тренируют искать сексуальный злой умысел в каждом прикосновении взрослого. Исследования показывают, что программы, подобные популярным курсам "хорошего прикосновения/плохого прикосновения", не имеют никаких положительных эффектов и имеют кучу отрицательных. Они подкрепляют предрассудки детей в отношении "плохих" людей (т.е. людей другой расы или одетых в рваную одежду) и повышают общие уровни тревожности, особенно у маленьких детей. Воспитанница детского сада отказывалась разговаривать со своей новой воспитательницей несколько недель подряд. Почему? Ее научили не разговаривать с незнакомыми. Неудивительно, что подобные программы делают детей особенно настороженными в отношении секса, прививая им мысль, как ее выразила психолог Бонни Трюделл, что "сексуальность - это нечто по своей сути скрытое, негативное и даже опасное". Они способны делать детей настороженными даже в отношении их собственных родителей. "Сидим мы на кухне, - рассказывает мать одной девочки дошкольного возраста из Чикаго, - а Силия говорит: "Не трожь мое тело, папа. Не трожь мою вагину". А я говорю: "Боже, где она это взяла?" Она взяла это в детском саду.

Ричард Джонсон - член небольшой, но растущей группы педагогов, полных решимости повернуть эту тенденцию вспять. Работы членов группы, собранные профессором раннего детского образования Гавайского университета Джозефом Тобином в антологию под названием "Дать место удовольствию в раннем детском образовании", представляют собой мощную, часто эмоциональную критику обучения "никаким прикосновениям". После их прочтения остается сильное ощущение, что слишком мало прикосновений может быть столь же вредно или даже хуже, чем слишком много прикосновений - что бы ни подразумевалось под "слишком много," и что в проигрыше оказываются как взрослые, так и дети.

Эта глава написана в защиту "чувственного образования" для детей дома, в детском саду и в школе. Образование в том, чтобы знать и понимать физические реакции тела, может и должно быть большей частью самообразованием, но взрослые играют в нем ключевую роль. Эта роль состоит из двух частей. Первая - активная - часть заключается в том, чтобы прикасаться к детям с любовью, ласково, но никогда не навязчиво, в течение всего их детства, включая отрочество, и передавать словом и делом послания, что удовольствие - вещь хорошая, но что прикосновение к другим должно делаться с их согласия. Вторая, наверное, более трудная часть работы включает в себя сдерживание самого себя: сделать шаг назад и "дать место" автономному чувственному и сексуальному удовольствию детей. В этом пространстве дети могут заниматься мастурбацией без чувства стыда и сексуальными

прикосновениями друг к другу с обоюдного согласия без вмешательств со стороны взрослых. По мере того как они становятся старше, а их сексуальность - целенаправленное, более генитально ориентированной и нацеленной на получение оргазма, они могут экспериментировать с "внешним сношением", с техниками непенетративного доставления сексуального удовольствия друг другу и в конце концов перейти к защищенному пенетративному сексу. Информация о способных доставлять удовольствие частях и практиках тела должна быть доступной беспрепятственно, но не должна навязываться ни одному ребенку.

Хотя и важно помнить об основных стадиях развития [ребенка] (двое шестилетних, играющие в доктора, - не то же самое, что двое семнадцатилетних, обменивающиеся оральными ласками), я избегаю общеупотребительного термина *соответствующий возрасту*, который я нахожу одновременно слишком конкретным и недостаточно конкретным. Как я показала в главах о "детях, которые растлевают", и об "изнасиловании по закону", этот термин может использоваться конкретно для кодификации "позволяющего" поведения (на самом деле термин *соответствующий* часто служит заменой *разрешенному законом*), которое затем используется для того, чтобы обвинять детей: семилетний, прикасающийся к влагалищу пятилетней, автоматически считается принуждающим ее; восемнадцатилетний, с юридической точки зрения, "насилует" свою шестнадцатилетнюю любовницу, даже если все у них происходит по согласию. На другом конце [этой палки] - *соответствующий возрасту* слишком расплывчат, чтобы применяться к любому конкретному человеку: он стирает не только различия между отдельными детьми в эмоциональной зрелости, уме или физическом развитии, но и все великое разнообразие американских семейных, общинных и культурных ценностей.

Мастурбация: фундаментальное сексуальное удовольствие

Западная культура мастурбацию презирует. Это само собой разумеется. С 1700 года, когда антимастурбационный трактат "Онания, или Ужасный грех самоосквернения и все ужасающие его последствия, в обоих полах рассмотренные, etc." мгновенно стал бестселлером в Англии, европейцы и американцы предъявляют обвинение за обвинением "самозлоупотреблению" как бичу отдельных душ и тел и как уничтожителю целых рас и обществ.

Среди взрослых мастурбация принижается как практика вынужденная, удел незрелых, нежеланных и отчаявшихся. В детях она представляет всё то, чему взрослые завидуют и что вызывает их неприязнь по отношению к юным: их мечтательность, жизнелюбие, непоседливость, поглощенность собой, секретности и бесконечное выделение склизких телесных жидкостей. В качестве секса она имеет, мягко говоря, сомнительную репутацию. Будучи не то чтобы гомосексуальной, но даже еще менее гетеросексуальной, мастурбация - вещь внебрачная, несемейная, нерепродуктивная, бесцельная и в высшей степени беспорядочная. И антисоциальная. "Логическое ударение в "одиночном пороке", вероятно, следует делать не столько на "пороке", понимаемом как удовлетворение незаконного желания, сколько на "одиночном" - на перенаправлении здорового желания назад, в само себя", - пишет историк секса Томас Лакёр.

В последние полвека ряд ревизионистов, зажав нос, нашли что-то хорошее, что можно сказать о мастурбации. Детский психоаналитик Элис Бейлинт в 1953 году заверяла родителей, что мастурбация - это "не умышленное непослушание, а помощь, предоставленная самой природой, против томления, боли, испуга, одиночества или возбуждения, вызванного в ребенке чрезмерными нежностями". Некоторые смелые прогрессивные педагоги в 1960-х годах характеризовали эту практику в более позитивном ключе. "Родительские установки, утверждающие радости сексуальной самостимуляции, могут помочь ребенку развить благоприятное ощущение его собственного тела", - советовала тогдашний президент "Планируемого родительства" Мэри Калдерон. Бенжамин Спок в начале своей деятельности выражал такое же спокойное отношение к тому, что дети трогают свои половые органы, как к другим функциям организма. Но в издании "Ухода за младенцами и детьми" 1976 года он почувствовал себя обязанным поднять маленький

красный флажок в отношении "чрезмерной" мастурбации. Доктор Спок не видел это именно как сексуальную проблему. Детишки, которые постоянно лезут ручками в свои штанишки, - "это обычно напряженные или страдающие от беспокойства дети", - писал он. "Они нервные не потому, что мастурбируют; они мастурбируют, потому что нервные". Работа родителей состояла в том, чтобы найти источник беспокойства и дать на него ответ, а не в том чтобы останавливать "детские шалости". Но, поскольку этот добрый доктор не определил, не мог определить, сколько это - "слишком много", родителям оставалось беспокоиться по своему собственному усмотрению.

В 1980-х годах, как мы видели в Главе 3, объявились самопровозглашенные эксперты, подобные Тони Кавана Джонсон, "сигналившие" о том, что упорное самоудовлетворение - симптом более глубокой сексуальной патологии или даже само по себе патология. Без сомнения, Джонсон питалась дремлющими, едва успокоенными родительскими страхами по поводу "самозлоупотребления" - но "экспертные" советы, подобные ее советам, также и сами питали эти страхи. Исследование, проведенное в середине 1980-х годов, нашло, что, хотя большинство родителей детей в возрасте от трех до одиннадцати лет принимали как факт, что их дети мастурбировали, все же менее половины из них хотели, чтобы у детей было позитивное отношение к самоудовлетворению.

Нет, "самозлоупотребление" никак не может сбросить с себя свое клеймо. Возьмите, к примеру, потрясающий коллективный поток сознания, задокументированный в стенограмме заседания Конгресса 28 сентября 1994 года. Это было то заседание, на котором члены Палаты представителей от Республиканской партии потребовали отставки главного врача Джойслин Элдерс, проступок которой состоял в том, что она высказала вслух мысль, в ответ на один из вопросов, заданных ей после речи, с которой она выступила перед работниками сексуального образования, что мастурбация является подходящим предметом для обсуждения на школьных занятиях. Это ее замечание, по словам одного из конгрессменов, было частью социального движения, "убивающего моральную ткань Америки", и лишь одним из симптомов упадка, проявляющегося также в автомобильном лихачестве, в нерешительной военной политике, нареченной "расползанием миссий", и в том, что гомосексуалов стали принимать в бойскауты. Год спустя, все еще продолжая чесать в голове, Элдерс написала в онлайн-журнале perve.com статью, озаглавленную "Это ужасное слово на М". "Какое другое слово одним только фактом своего произнесения, - вопрошала она, - может оправдать увольнение главного врача страны - да хотя бы и не главного врача?".

Фиаско с Элдерс лишило правительство США неутомимой защитницы здоровья детей, репродуктивных прав несовершеннолетних и всеобъемлющего сексуального образования, не говоря уже о рациональной политике в сфере наркотиков. Но этот вопиющий акт цензуры имел непреднамеренный эффект, выразившийся в расширении свободы слова - в том смысле, что "слово на М" попало на телевидение в прайм-тайм. А дискуссия такого рода, как говорят секс-терапевты, может быть ключом к тому, чтобы спасти многих людей - как детей, так и взрослых - от кучи несчастий и даже доставлять им капельку счастья. Психотерапевт и сексолог Лионор Тифер, которая проводит значительную часть своего времени в консультационном кабинете, исправляя повреждения, причиненные сексуальным невежеством в культуре, которая требует сексуальной виртуозности, но ей не обучает, является неустанным "пропагандистом" мастурбации. "Если вы собираетесь играть Рахманинова, - любит говорить она, - вам придется поупражняться в гаммах". Мастурбация - это гамма до-мажор секса.

Чтобы поощрять упражнение, должен ли родитель или воспитатель воскликнуть "О, ты мастурбируешь! Какая прелесть! Дай я покажу более эффективный метод"? Мнения расходятся. Не многие выступают за обучение технике. Лишь одна женщина из тех, с кем я беседовала, с любовью вспомнила день, когда ей было лет шесть, когда ее мама и она сама сняли свои трусики, изучали свои клиторы и обсуждали ощущения, которые они получали от прикосновения к ним. Большей частью, однако, американские дети проявляют признаки либо стыда, либо невежества в отношении мастурбации: кто-то сказал им скрывать ее и не заикаться о ней; или никто ее вообще не упоминал. Один из признаков: ребята

придумывают для этой практики свои собственные названия (среди собранного мною "словотворчества": *жатие* и *хлюпать мои места* от девочек, *тянуть* от мальчика, а еще от одной девочки - вызывающее странные ассоциации *свистение*). Еще одно свидетельство: после публикации "романа о молодых взрослых", в котором главная героиня мастурбирует, его автор Джуди Блум получила письмо от потрясенной читательницы с вопросом, где, черт возьми, писательница услышала об *этом*? Автор письма была уверена, что она единственная, кто это делает.

Поскольку мастурбация часто начинается в раннем возрасте и не вызывает у маленьких детей никакого стеснения, родители имеют-таки возможность непринужденно ее подкрепить. Детская игра назови-свои-части-тела позволяет родителям показать органы чувств ("Где твой нос? Воот твой нос! Где твой клитор? Воот твой клитор!"). Но даже малыши заслуживают того, чтобы уважали их приватность. "Мы смотрели на это так, что самоисследование любым человеком - это очень естественная вещь, которая неизбежно будет происходить", - говорит Джек Мартин, отец четырех детей. Но Мартин и его жена Лиа не устраивали надзор своим детям. "Я не припомню ни одного случая, чтобы мы застали их за этим, но я и не ожидал, что застану, - добавил он. - Я и не собирался допытываться".

Дочь Мартинов Флора, которой теперь тридцать с небольшим и которая сама - мать маленького мальчика, извлекала выгоду из проводившейся ее родителями политики открытого обсуждения сексуальности в сочетании с родительским уважением к приватности детей. Флора мастурбировала в шесть или семь лет и получала оргазмы с десяти или одиннадцати лет. Когда она была в том возрасте, к ней присоединилась ее тринадцатилетняя подруга. "Мы валялись на кроватях и раздевались", - вспоминает Флора. В конце концов они стали обсуждать технику. "Она должна была говорить: "Я делаю так", а я говорила: "Я делаю этак". Мы даже делали искусственные члены из туалетной бумаги и вазелина". Она рассказывала эту историю без стыда или сожаления; на самом деле, она говорила с ликованием.

В процессе неспешного, не отягощенного чувством вины исследования Флора сделала первые открытия собственного тела и собственных вкусов в том, как получать удовольствие. Общаясь со своей подругой, она научилась описывать то, что нравится ей, и слышать, что может быть приятно другому человеку. Девочки вместе отправились в путь самопознания и хорошей сексуальной коммуникации.

Сексуальные игры между детьми

Вопреки популярным представлениям, как говорят воспитатели-ветераны, нынешние дошкольники интересуются сексом не больше, чем дошкольники прошлых десятилетий (когда было меньше телевидения), хотя есть некоторые свидетельства того, что малыши, посещающие детский сад, играют в секс больше, чем те, кто детский сад не посещает. Моя собственная гипотеза этого такова: у детсадовцев больше возможностей найти себе партнера, и они в общем более "искушенные", чем их сверстники-домоседы; и, поскольку они более на виду у взрослых, об их поведении чаще сообщается. В любом случае, исследователи, обнаружившие эту повышенную активность, не нашли в ней никаких вредных эффектов.

Тем не менее эти факты создают проблему для воспитателей: наверное, чаще, чем родители, они становятся свидетелями детских сексуальных игр. Должны ли они на них реагировать, и если должны, то как? Если на это поведение закрывать глаза, как это делали Мартини, у воспитателя или учителя начальной школы могут возникнуть большие проблемы. Если привлекать к нему слишком много внимания, это может сконфузить ребенка и навлечь беду на педагога. Чтобы создать дилемму, игре даже не обязательно предполагать откровенно сексуальное трогание. Одна воспитательница рассказала мне, что получила выговор от администрации за то, что не вмешалась, когда кучка четырех- и пятилеток разыгрывала роды с куклой в "домовом" углу ее детсадовской комнаты. Она думала, что это была отличная игра, на самом деле, и, потому что одна из девочек перед тем присутствовала при родах своей маленькой сестреники, впечатляюще точная. Но ее

практикантка была этим встревожена (по-видимому, слишком встревожена, чтобы заговорить об этом со своей старшей воспитательницей) и, после того как один из маленьких мальчиков протянул ручку между раздвинутых ножек одной из девочек, пожаловалась директору детского сада, которая, в свою очередь, дала указание воспитательнице впредь останавливать такие игры. Директриса уверяла, что эта игра была безвредной и даже, возможно, воспитывающей, но боялась, что родители, если узнают, отреагируют, как эта практикантка. Старшая воспитательница пыталась убедить директрису, что такие ситуации дают хорошую возможность подобных родителей образовывать, но директриса осталась непреклонна. Мне та воспитательница сказала, что даже не знала, что сделает в следующий, неизбежный, раз, когда случится такая игра. Пятнадцать или двадцать лет назад, добавила она, такую игру сочли бы здоровой и ничем не примечательной.

Как взрослым принять менее истерический подход к детским сексуальным играм, который в то же время вобрал бы в себя то, чего достигли педагогика, психология и понимание сексуальной политики с 1970-х годов?

Делайте упор на дружелюбие и безопасность

Когда я познакомилась с И Джей Бейлифф (E. J. Bailiff) в 1998 году, эта жилистая, стриженная под "ежик", украшенная пирсингом "динамо-машина" была главным воспитателем в Желтой комнате финансируемого государством Центра дневного ухода за детьми "Детское освобождение" в Нижнем Ист-Сайде Манхэттена. Бейлифф была также студенткой в новаторском прогрессивном Бэнк Стрит Колледже, работая под началом Джонатана Силина, активиста борьбы против СПИДа, специалиста по раннему детскому образованию и одного из главных поборников того, чтобы "дать место удовольствию".

Несмотря на свое "хипповское" название, оставшееся с 1960-х годов, "Детское освобождение" - не какое-то особенно "иконоборческое" или прогрессивное учреждение, будь то в философии или методологии. Так что Бейлифф сумела найти баланс между своими более либертарианскими взглядами на детскую сексуальность и более осторожными склонностями администрации. Эта смесь хорошо работала и в плане уважения ко всем разнообразным семьям и культурам, представленным ее подопечными.

Она откровенно говорила с детьми о частях тела, о деторождении, о СПИДе и гомосексуальности. Она обнимала, целовала и гладила их постоянно. Она отправляла детей в туалет разнополыми группами и разрешала им задерживаться (когда время позволяло), чтобы они могли посмотреть на тела друг друга. Ее правила в отношении трогания детей детьми были просты: (1) "Убедись, что другой человек хочет этого, и остановись, если он или она не хочет"; и (2) "Давайте всегда будем в безопасности и заботиться о здоровье друг друга". Очень немногие родители возражали против какой-либо из этих практик за десять лет ее работы, говорит она, приписывая это непротивление как минимум частично тому, что обычаи воспитания детей, принятые в цветных общинах, обслуживаемых Центром, предполагают значительное физическое контактирование с детьми. Но И Джей говорит, что она делала бы то, что делает, даже если бы родители были недовольны, потому что "учиться о своем теле - большая часть того, чтобы учиться о самом себе". И, настаивала она, "невозможно учить ребенка, не прикасаясь к нему".

Провести с дошколятами хотя бы несколько часов означает проверить эти настроения на себе. Когда сидишь, окруженная двадцатью четырехлетками, тебя буквально захлестывают свидетельства того, что психологи развития называют их сенсорно-моторным стилем научения, и тот факт, что они не только учатся, но также и выражают и реагируют - "в прямом эфире" - глубоко в своих телах. В одном углу комнаты И Джей три девочки и один мальчик, рисуя, пели популярную тогда песенку и демонстрировали, как надо "shake your booty". Сидя в кружок "по-турецки", напевая о маленькой красной коробочке, мальчик с томными глазками по имени Киану спонтанно наклонился, обнял и громко поцеловал в щечку другого мальчика, сидящего рядом с ним. Взрослый, сидящий или стоящий рядом с этими детьми, чувствует, что они прислоняются к его телу, как большие собаки; в ответ трудно не погладить их по спине или по волосам.

"В моей комнате главное правило, в двух словах: быть хорошим другом, заботиться друг о друге. В том числе учиться улаживать разногласия между собой, без меня", - сказала мне И Джей. Дерущихся она всегда разнимала и помогала им "пользоваться словами" для разрешения конфликтов. Но открытая агрессия была довольно редким явлением в той многолюдной, солнечной Желтой комнате. Наоборот, "здесь столько поцелуев и объятий, потому что много по-настоящему сильных чувств здесь у всех". Она добавила, смеясь: "Есть вот одна проблемка с тем, что они передают друг другу свои сопли и микробы во все стороны. Поэтому я говорю им: "Поменьше слюнявых поцелуев, пожалуйста"".

Робин Ливитт, заведующая кафедрой образовательных исследований в Иллинойском уэслианском университете и специалист по "управлению" эмоциями и телами детей в дошкольных учреждениях, выразила это так: "Я думаю, что да, за детьми необходим надзор, чтобы ни одного ребенка не обижали и не трогали таким образом, каким он не хочет, чтобы его трогали. Наша роль, роль взрослых - защитная. Но я не думаю, что для дошкольников, например, трогание друг друга или смотрение друг на друга, когда они оба не против, - это что-то плохое. Мы думаем, что это что-то плохое, потому что мы вбиваем себе в голову, что поощряем недолжную сексуальность. Но дети не толкуют свое поведение так, так толкуем его мы".

Не спешите "цивилизовать"

Своей высокой степенью нежного трогания комната И Джей Бейлифф была несколько необычна. (Это более обычно для комнат, которыми заведуют женщины, даже в детских учреждениях с политиками "никаких прикосновений", потому что у воспитательниц больше свободы в этом отношении, чем у воспитателей мужского пола. Но воспитатели мужского пола - вообще редкость, а многие из них, как Джонсон, были выдавлены подобными политиками.) Это не означает, однако, что телу в раннем детском образовании не уделяется никакого внимания. На самом деле, аргументируют Ливитт и ее коллега Марта Пауэр, хотя учебный день и поглощен изучением цифр и цветов, игрой в кубики и сказками, его главная цель - "цивилизовать" чувства и тела детей, сделать их послушными, продуктивными, соответствующими нормам и приятными для тех, кто имеет над ними власть, социальными существами.

Нет нужды говорить о том, что это хорошо - учиться пользоваться вилкой и салфеткой во время еды, подтираться и мыть руки после туалета. Но Ливитт и Пауэр утверждают, что детские учреждения "перецивилизуют" тела детей, и часто с озадачивающей или карательной произвольностью. Ребенок слышит бесконечный поток физических инструкций: сиди "по-турецки", не на коленях; не ерзай. Не ковыряйся в носу. Подвинься ближе; нет, не сиди так близко. Ходи ровно, не прыгай. Ребенок должен приспособивать свои телесные потребности и желания не только к пространству, но и ко времени: ешь свое печенье в полдник. Будь голоден сейчас, не потом. Писай перед обедом, засыпай после обеда, просыпайся два часа спустя. В одной из своих статей Ливитт и Пауэр рассказывают о ребенке, который не может уснуть в тихий час, и его ругают и исключают из привилегированного круга "хороших спальщиков". Педагоги обычно оправдывают подобную негибкость аргументом, что такое поведение будет требоваться в начальной школе. "Они говорят: "Ну, ему же придется сидеть смирно за партой в первом классе", - говорит мне Ливитт. - Но скажите мне: что, правда, нужно целых три года, чтобы научиться сидеть за партой?"

Среди аспектов воплощенной в теле жизни, социализируемых детскими садами и школами, - разумеется, и сексуальный. Делается это двумя способами: во-первых, тем, что детям дают информацию, отвечают на их вопросы или преподают им более формальные уроки, включая программы наподобие "хорошего прикосновения/плохого прикосновения"; и, во-вторых, тем, что реагируют на их поведение, их игры смотрения и трогания, мастурбацию, "грязные разговоры" или физическую агрессию. Делая это, воспитатели и учителя присваивают значения тем способам, которыми дети живут в своих телах и с телами других людей.

Как мы видели в Главе 1, сексуальные педагоги и детские психологи согласны, что маленькие дети любопытны: "их переполняет любопытство по поводу того, как работают их тела, почему мальчики отличаются от девочек и как рождаются и растут малютки", как написано в руководстве "Планируемого родительства" по раннему сексуальному образованию детей "Здоровые основания". Чтобы удовлетворять то, что они рассматривают как здоровое любопытство ребенка, прогрессивные педагоги поощряют вопросы тем, что ведут себя так, чтобы быть "доступными для вопросов"; они дают точные, но "соответствующие возрасту" ответы; и они используют корректную терминологию для называния частей тела.

Это совершенно правильные, бесспорные практики. Но информирование любопытных умов также может быть и способом избегать тел детей и их беспокоящих вожделений. Лэрри Константин, психолог, чья работа о сексуальных переживаниях детей и их сексуальном опыте до сих пор остается самой поучительной (и вызывающей споры) за последние десятилетия, предположил, что страх перед детской сексуальностью придает форму сексуальному образованию. Уроки тяготеют скорее к "когнитивному", чем к "опытовому" подходу, что делает их большей частью неэффективными в донесении каких бы то ни было посланий. Четырехлетние мыслят конкретно, обращает наше внимание Константин. Как и все, они соединяют то, что им говорят, с тем, что они уже знают. Но то, что они знают, - буквально, непосредственно. Так что в их уме "яйцо" их мамы выглядит, как то яйцо, которое они ели на завтрак (один ребенок сказал о зачатии: "У мамы было яйцо, а у папы - штучка, чтобы его расколоть"). Мастурбация и телесные удовольствия, с другой стороны, - обычные детские переживания. "Последние - чувственные - аспекты - разумеется, те, что опускаются в большинстве [программ] сексуального образования в пользу первых - более интеллектуальных - материй", - пишет Константин. Другими словами, в этих программах преподается предостаточно уроков о теле, но уроки эти - большей частью дисциплинарные, запугивающие или интеллектуальные. "В дошкольных учреждениях много говорят о сексе - в основном, об опасном сексе и откуда берутся дети. Могут даже анатомически корректные куклы быть" или кукла-мама, родящая куклу-ребенка, говорит Джозеф Тобин из Гавайского университета. "Эти учреждения - не то чтобы ханжеские в этом отношении. Что отсутствует - и в этом заодно как правые, так и левые - удовольствие".

Будьте осмотрительны, называя "секс"

Как это видит Тобин, дошкольный преподаватель ходит по тонкой линии между признанием сексуальных аспектов определенных детских чувств и поведений и тем, чтобы не нагружать сексуальные значения на некоторые вещи, которые дети делают и которые похожи на взрослый секс, но не обязательно воспринимаются так самим ребенком. "В одном смысле, это хорошо - говорить, что сексуальные игры - это *сексуальные* игры, - объясняет Тобин. - Есть что-то, что делают дети, что то же самое, что делают взрослые, что связано с телом и вожделением. С другой стороны, не надо понимать сексуальность детей путем проецирования на нее вожделений взрослых". Как говорит Ливитт, дети не всегда толкуют свое поведение так, как его толкуют взрослые.

Взрослая спешка называть и судить может иметь результаты, наводящие на иронические мысли. "Наш ужас по поводу сексуальности на самом деле "сексуализирует" поведения, которые не являются сексуальными", - говорит Тобин. В то же время, если взрослые настолько боятся, что незротическое прикосновение может быть истолковано как эротическое, они избегают держать детей на руках или ласкать их, особенно когда дети становятся старше. Это лишает детей чувственных прикосновений и учит их воздерживаться от них, когда они сами станут взрослыми. Таким образом дети приучаются ассоциировать прикосновение *только* с сексом, вплоть до того что могут искать секса в раннем возрасте, когда то, чего они на самом деле хотят, - эмоциональная и телесная близость. Став взрослыми, они могут оказаться неспособны выражать любовь и близость иначе чем через секс.

Уважайте знание детей

Дети нуждаются в помощи, чтобы учиться контролировать свои телесные импульсы и договариваться о согласии - так же, как они должны учиться совместному пользованию игрушками, соблюдению правил игр, тому, чтобы не драться и выражать сострадание. Но нам нет нужды интерпретировать для детей все, что имеет отношение к прикосновениям, потому что у них уже есть свои собственные, совершенно обоснованные представления. "Нам нужно уйти от этой вот идеи, что дети - это нечто пустое, которое нужно заполнять премудростью взрослых", - говорит Джонатан Силин из Учительского колледжа.

Иллюстрируя этот принцип, педагог Сью Монтфорд рассказала историю о трехлетнем мальчике в детском саду. "Малыш сказал, что собирается жениться на такой-то, на девочке из его группы". "Да ты что?" - поинтересовалась воспитательница, приглашая его к развитию сюжета. "Сперва я ее поцелую, потом положу на мою кровать, сниму с нее подгузник и надену на нее штаны для больших девочек", - объяснил ребенок. Воспитательница могла бы рассердиться, когда мальчик завел разговор о снятии подгузника; могла бы истолковать его мысль о трогании обнаженного тела другого ребенка как сексуальную, даже извращенную. Вместо того она позволила ему рассказать его историю его собственным образом - и поняла ее его образом. "Для него то был ритуал брака", который "означал быть старше, быть взрослым" - просто как быть приученным к горшку. Монтфорд замечает: "Это бы так помогло - если бы взрослые просто слушали то понимание и знание, которое дети уже имеют, и приходили к ним туда, где они находятся".

Не нагружать значения на чувственные игры детей не означает никогда не говорить им, что мы о них думаем, если только мы не говорим ребенку, что он одержим дьяволом или что на руках у него вырастут бородавки, если будет трогать свой пенис. Дети нуждаются во взрослом подкреплении тех эмоций и ощущений, которые мы бы назвали половым возбуждением. Им нужны названия для приятных прикосновений, которые не несут в себе стыд и которые передают позитивные чувства в отношении тех ощущений, которые эти прикосновения вызывают. Какое имя мы можем присвоить вождению, возбуждению, физическому комфорту или трепету, без того чтобы импортировать слишком много взрослых значений? "Шагом в правильном направлении, - отвечает Тобин, - будет называть это удовольствием".

В царстве чувств дети - знатоки. Я спросила И Джей Бейлифф, делает ли она что-то конкретно, чтобы поощрять детей пользоваться своими глазами, ушами, носами и языками. "Посмотрите на них", - ответила она, взмахнув рукой над толпой детей. Одна девочка гордо демонстрировала пурпурную краску, которую только что смешала, другая строила гримасу кислой сливе, пробуя ее на вкус; один мальчик элегантно проводил рукой по буровой жидкости, скопившейся в желобе. Выражение на лице И Джей спрашивало: "Разве я должна что-то делать?"

Уважайте приватность детей

Нелегкая задача - социализировать сексуальность без того, чтобы запрещать ее, оправдывать и даже прославлять аппетиты ребенка без того, чтобы навязчиво участвовать в их удовлетворении. Один из способов сбалансировать эти императивы, о котором редко упоминают, - не делать ничего. На самом деле, значительная часть сексуального образования неявно, пусть и неосознанно, отрицает право ребенка на уединение.

Вот типичный пример - со страницы веб-сайта SIECUS, разработанной с целью помогать родителям принимать решения о том, как обходиться с сексуальностью своих детей. Эта страница представляет разные ситуации, затем приглашает родителей к тому, чтобы задавать вопросы самим себе, и подсказывает подразумеваемые значения и возможные исходы этих вариантов выбора. "Вы заходите в спальню вашего пятилетнего сына и застааете его и его друга Джонни со спущенными штанишками, - гласит описание одной из ситуаций. - Они смотрят на пенисы друг друга и трогают их". Почему они это делают? Потому что они любопытны, любопытство иногда включает в себя и трогание, а трогание приятно, объясняет SIECUS. Как должен реагировать родитель? Ругать и выгнать друга - это лишь передаст осуждение (и не остановит это поведение; дети, вероятно, будут продолжать это

делать, но лучше скрывать). Лучше всего, подразумевает SIECUS, признать любопытство детей, велеть им надеть штанишки, потому что "тело должно быть приватно", потом пригласить их посмотреть учебные картинки вместе с вами. Игнорирование такого поведения контрпродуктивно, подсказывает страница.

Послание о приватности здесь двойко. С одной стороны, "тело должно быть приватно" подразумевает, что дети не должны по согласию делиться друг с другом своими физическими сущностями. Если сексуальное удовольствие приемлемо, мастурбация - единственная приемлемая форма получения удовольствия, но мастурбацией следует заниматься в постели или в ванной комнате, приватно. Одним из критических элементов в этом и большинстве других подобных сценариев, однако, является не то, что родителю случилось наблюдать, а тот факт, что родитель вообще это наблюдает. Считается, что мама вольна входить в комнату ребенка без стука (разве, прежде чем трогать пенисы друг друга, дети не закрывают дверь?); она чувствует себя вправе комментировать то, что видит. Почему бы не посоветовать матери сказать "извините" и выйти из комнаты? Что ребенок может заслуживать приватности *от взрослых*, даже не рассматривается.

Я спросила Тобина, что он думает о часто предписываемой практике прокомментировать мастурбацию ребенка, при этом напомнив ему или ей, что такие вещи являются приватными. "Я не доверяю этим импульсам", - ответил он, тут же добавив, что взрослым не следует делать и противоположную вещь - осуждать это поведение. Он высказал мысль, что взрослым, быть может, следует позволить сексу оставаться несколько туманным, в то же время не делая его чем-то плохим или сбивающим с толку. "Пролить свет или рациональность на [сексуальность] - не всегда самая лучшая вещь. В конце концов, идеальная сексуальная жизнь взрослого не всегда связана с тем, чтобы быть открытым". Почему для ребенка это должно быть иначе?

Наверное, лучшая реакция на ласки по согласию между маленькими детьми - совсем никакой реакции. В детском учреждении это означает предоставить безопасную, дружелюбную, ненасильственную, упорядоченную среду, а затем *отступить*. "Лучшие [дошкольные] педагоги целенаправленно стремятся к некоему сознательному не-деланию, - говорит Тобин. - Конечно, они активны в своих классных комнатах, но когда дело касается вождения и его удовлетворения, они большей частью хотят уйти с пути познания ребенком окружающего мира и самого себя". То же самое, несомненно, можно сказать и о родителях дома. Тобин заключает: "Детям нужно пространство для "запретных" занятий вдали от взрослых глаз и без взрослых комментариев".

Внешнее сношение: удовольствие и безопасность

Помните эти первые сексуальные эксперименты? Вы, может быть, делали это на заднем сиденье машины, на местном кладбище или в вашей собственной постели - пока звук ключа в замке не заставлял вас судорожно искать ваш второй носок и брызгать водой на ваше покрасневшее лицо. Вы были неуклюжи, как черт-те что, вы понятия не имели, что надо делать, вы, может быть, ни разу не получили оргазм или подцепляли триппер слишком много раз (да, девочки, это реальность). Но те часы поцелуев и прикосновений, плюс часы понурого сидения за партой на уроках истории и страстной тоски по еще большему количеству поцелуев и прикосновений - сделали те первые сексуальные переживания незабываемыми. "Нам некуда было пойти, мы никогда не знали, когда мы сможем это делать. Мы ни разу не занимались оральным сексом, мы ни разу не совершили половое сношение. Нам даже так ни разу и не удалось раздеться! - рассказал мне один мой друг, окончивший школу в 1971 году, о своем первом школьном романе. - Но то был секс, горячее которого у меня не было в жизни".

Память имеет свойство приглушать тревогу и боль, "заглаживать" фрустрацию и принуждение; ностальгия выпячивает романтичность, приятное возбуждение и удовлетворение. Да что там, некоторые читатели этого отрывка, особенно мужчины, не согласились с ним *абсолютно*. Один из них оценил, что, может быть, "один на 300 000" согласится, что неуклюжий подростковый секс был чудесен. В своей собственной жизни

данный мужчина помещает его в одну категорию с другими "кошмарными" испытаниями подросткового возраста, включая "игру в футбол, появление угрей и питание стряпней моей матери". Один секс-терапевт напомнил мне, что сексуальное "*знание*, а не неведомость, улучшает сексуальное удовлетворение".

Я отлично поняла. И все же было что-то такое в тех "сеансах" со штанами, запутавшимися вокруг коленок, - помимо новизны секса, помимо предвкушения, помимо чувства нарушения запретов - что делало их прекрасными. Была и светлая сторона в том, чтобы быть "без понятия" о "правильных" способах того, как это делать, особенно если в вашем конкретном случае "ворота" той игры были вне досягаемости. Вы не неслись, как спринтер, по узкой, утопанной финишной прямой, чтобы с разбегу в них влететь. У вас не было никаких "ворот". Вы просто исследовали ваши тела и друг друга.

Секс-терапевты используют термин *внешнее сношение* для обозначения бесконечной коллекции актов, которые можно производить с телом, чтобы создать чувственное и сексуальное удовольствие, не совершая проникновение. Но внешнее сношение не требует даже соприкосновения двух тел. Писание письма или "секс по телефону" могут быть внешним сношением, может им быть и мастурбация. Важнее всего, как подчеркивают Марти Кляйн и Рики Роббинс в своей книге "Дай посчитаю способы: открывая великолепный секс без полового сношения", - что внешнее сношение - другой способ думать о сексе. Хотя значительная его часть может выглядеть как то, что мы называем предварительными ласками, оно не является подготовкой к Главному Состязанию. В самом деле, оно даже не предполагает, что половое сношение произойдет. Не имея заранее предписанного начала, середины или конца, пишут Кляйн и Роббинс, "в конечном счете, внешнее сношение - носитель, на котором люди пишут новый сексуальный сюжет".

Информацию о разнообразных сексуальных практиках можно найти в разных источниках - от gURL.com до "The Joys of Sex". Они могут быть доступны для изучения детьми и подростками в домашней обстановке. Преимущества внешнего сношения включают в себя улучшенную коммуникацию, сексуальное равенство, удовольствие и безопасность. Если юные любовники привыкнут к непенетративным удовольствиям как к "нормальному" сексу с самого начала, они могут избежать значительной части тех сексуальных несчастий, от которых страдают столь многие американские взрослые.

Преимущества внешнего сношения: улучшенная коммуникация

Внешнее сношение делает коммуникацию необходимой и потому увеличивает вероятность согласия. Поскольку внешнее сношение не происходит в заранее предписанном порядке, ни один из партнеров не может предсказывать, что придумает второй или что они могут придумать вместе. Они просто не могут заниматься любовью без коммуникации - либо в постели, либо вне ее. Это улучшает самоисследование и близость, взаимное знание и нежные чувства друг к другу. "У вас может быть успешное половое сношение с незнакомцем, - пишет секс-терапевт Тифер, - но чтобы получать удовольствие от петтинга, нужно, чтобы человек вам нравился. Поскольку физические ощущения не столь интенсивны, значительная часть удовлетворения должна проистекать от чувства того, что вы близки друг к другу". Обращать внимание на вербальные и физические сигналы друг друга и регулярно проверять, хорошо ли вашему партнеру, - это почти гарантирует полное согласие обоих в каждый момент процесса.

Но элементы внешнего сношения даже совсем не обязательно открывать в контексте сексуальных отношений. Роб Йегер, сексуальный педагог из Миннеаполиса и один из "Шлюх более безопасного секса", поощряет ребят подробно обсуждать с доверенным другом каждую сексуальную вещь, которая кажется им приятной в их воображении. Есть лишь одно базовое правило: "Вы должны дать обещание не говорить: "Фу, какое *извращение!*""

Сексуальное равенство

Поскольку внешнее сношение ломает гендерные роли, оно является благом для сексуального равенства. Очевидно, что у мужского и женского пола разные сексуальные

"оснастки", которые "заводятся" и "остывают" с разной скоростью и вообще по-разному работают. И - один из важнейших элементов в том, что мы чувствуем, когда речь заходит о сексе - некоторые из нас имеют то тело, которое вынашивает ребенка, а некоторые не имеют. Но технология - начиная от противозачаточных средств и заканчивая операциями по смене пола - большей частью смягчает сексуальные различия и основательно разупорядочивает те социальные порядки, которые когда-то порождала биология. Современная жизнь, в которой женщины тушат пожары, а мужчины пеленают грудничков, стирает большинство остальных различий, если мы ей позволяем.

Уберите из этой картины половое сношение - и различия между полами, оставшиеся в спальне, тоже можно устранить. Если они останутся, то только ради забавы или по старой памяти. Для тех же, кто хочет этого, внешнее сношение возвращает любовников к тому, что Фрейд называл полиморфной извращенностью - к детскому состоянию "полнотелесной" чувственности, в которой разные части тела не пользуются большим или меньшим уважением или большей или меньшей способностью к удовольствию. Лица мужского пола, женского или трансгендеры - все мы имеем рты, шеи, пальцы ног, анусы, мозги и нервные окончания. Все мы имеем сердца, голоса и души.

Когда люди перестают играть по знакомым правилам, они могут ощущать тревогу - или свободу. Неопытному мальчику-подростку не нужно "показывать класс"; его пенису не нужно "работать" в определенный момент. Девочке не нужно быть "готовой" к проникновению. Гетеросексуальной паре нет необходимости даже думать о том, чтобы гнаться за этой химерой - за одновременным оргазмом во время полового сношения. Освобожденная от гендерных ролей инициатора и реагирующей (или сопротивляющейся), делателя и "делаемой", проникателя и проникаемой, пара может играть со всеми этими ролями. Они могут начинать открывать новый вид сексуального равенства.

Демонтаж модели полового сношения также подрывает и презумпцию гетеросексуальности (что является лишь одной из причин, почему вы не слышите от христианско-фундаменталистских брачных консультантов предписаний заниматься внешним сношением). Мальчики могут делать то, что делают девочки, а девочки делают то, что делают мальчики, в гетеросексуальном внешнем сношении. Результат: как когда-то выразился один парень-гей, нет такого сексуального акта, который совершали бы геи, но не совершали бы гетеросексуалы (за исключением, разве что, получения оргазмов от слушания Джуди Гарланд).

Увеличившееся удовольствие

В своей статье, озаглавленной "Верните детские штучки", Тифер пишет: "Кожа - самый большой сексуальный орган, тем не менее многие из нас научились рассматривать как сексуальный лишь ничтожный процент доступной площади". Странно, что мы себя так ограничиваем. Кто из нас предложил бы сходить в поход с ночевкой на задний двор собственного дома?

Удовольствия внешнего сношения выходят за пределы количества дюймов тела, которые могут быть задействованы. На самом деле, внешнее сношение больше зависит от другого самого большого сексуального органа - мозга; оно более ограничивается гибкостью психики, нежели гибкостью конечностей. Фантазиями можно вербально делиться или не делиться; в обоих случаях они могут делать сексуальные переживания намного более жаркими - как во взаимодействии с партнером, так и без него. Во внешнем сношении можно пользоваться также любой "внетелесной" оснасткой, которую только могут придумать участники, лишь бы она была безопасной, практичной и комфортной для всех участвующих: взбитые сливки или плетки, плюшевые мишки или пенные ванны, MTV, "Звездные войны" или порнокассеты. Дети и подростки могут шептать "нежные пустяки" и вести "грязные разговоры" или создавать веб-сайты в честь друг друга. Кляйн и Роббинс высказывают мысль, что дышать вместе - способ соединиться с партнером и увеличить духовное переживание сексуальности.

И наконец, счастливый парадокс: при том, что внешнее сношение исключает форсированный марш к половому сношению, оно увеличивает вероятность оргазма для женщины. Многие женщины - и большинство девочек-подростков - не получают достаточного количества прикосновений, поцелуев или времени, чтобы почувствовать себя готовыми к половому сношению, не говоря уже о том, чтобы получить оргазм таким образом. А потом, когда все "закончилось" (то бишь парень кончил), - всё, шанс упущен. Ввиду физического расположения женских половых органов, половое сношение - обычно не самый эффективный способ достичь кульминации, в любом случае. Что же касается мальчиков и мужчин, хотя "считается", что они наслаждаются половым сношением больше, чем чем-либо еще, многие из них любят получать оргазм и другими способами. Изменить пути достижения оргазма обоими партнерами - это также может расслабить гендерные роли и поспособствовать сексуальному равенству.

Больше безопасности

Конечно, некоторые возразят, что обучение детей и подростков всем этим изыскам настолько их возбудит, что они не захотят заниматься ничем, кроме секса. И это подтолкнет их к половому сношению даже еще быстрее.

Опыт говорит об обратном. В Европе, например, некоторые курсы сексуального образования включают в себя именно уроки по разновидностям сексуального выражения (один знакомый рассказал мне, что смотрел шведский фильм, в котором приводятся техники трогания, способные доставить больше удовольствия). В значительной части Западной Европы подростки совершают первое половое сношение примерно в том же возрасте, что у нас. Взрослые пары, научившиеся наслаждаться некоитальными удовольствиями, обычно совершают половое сношение не каждый раз, когда занимаются любовью.

Внешнее сношение - это более безопасный секс, а те навыки, которые оно вырабатывает, делают и половое сношение, если оно случается, тоже более безопасным. Если юная пара получает достаточно удовольствия без полового сношения, они могут откладывать это решение на неопределенное время. В то же время во многих видах внешнего сношения практически отсутствует риск беременности или передачи ЗППП и ВИЧ (оральный и анальный секс может передавать определенные вирусы и бактерии, тем не менее, а незащищенное анальное сношение несет в себе самый высокий риск передачи ВИЧ, так что при этих практиках рекомендуется пользоваться презервативами). Многие виды внешнего сношения - взаимная мастурбация, совместное купание, поцелуи - безопасны на 100 процентов.

Навыки коммуникации и изобретательности и дух взаимности, которые воспитывает внешнее сношение, могут делать половое сношение более безопасным, когда и если юная пара решает сделать этот шаг. Те юные, кто привык думать и разговаривать о сексе и научился осознавать самого себя и партнера, с гораздо большей вероятностью подходят к половому сношению сознательно, с планированием наперед и с ясно выраженным и обдуманым желанием обоих партнеров. Это имеет очень мало общего с сексом, который "просто случается", с ЗППП или ребенком, "просто случающимися" в результате. Если есть планирование, то будут куплены презервативы и смазка; будут выбраны безопасное место и неспешное время. Первый раз, как и последующие разы, может стать более удовлетворяющим физически и эмоционально и гораздо безопаснее.

11. Община

Риск, идентичность и любовь в век СПИДа

[В] общинах, наиболее подверженных риску ... более безопасный секс стал средством вести переговоры о сексе и любви, построения уважения к самому себе и к другим в климате риска и страха. ... Более безопасный секс ... можно понять как символ более широкой потребности в чувстве заботливой ответственности, распространяющейся

от сексуального поведения на все аспекты общественной жизни.
Джеффри Уикс, "Изобретенные морали" (1995 год)

"Но как насчет СПИДа?" Этот вопрос возникает немедленно, почти каждый раз, когда я осмеливаюсь высказать мнение, что секс не вреден для несовершеннолетних. Часто это даже и не вопрос вовсе, а своего рода упреждающее заявление: пока существует СПИД, не может быть подросткового секса. В 1981 году, когда только гомосексуальные мужчины и их друзья знали о надвигающейся эпидемии, "воспитание целомудрия" было посмешищем. Но стоило только слову "ВИЧ" попасть на обложку "Ньюсуик", как очень скоро возник замечательный народный консенсус, что "никакого секса" - самое лучшее, что следует преподавать, и самое лучшее, что подросткам следует практиковать. Именно тогда, когда массовое общественное образование о путях передачи инфекций, презервативах и непенетративных формах секса было в высшей степени жизненно важным, СПИД стал оправданием для того, почему не надо говорить о сексе. "Требование правых "учить" воздержанию создало парадокс следующего поколения, - пишет Синди Пэттон в своей полной испепеляющей критики книге "Фатальные советы: как преподавание безопасного секса пошло не туда". - [П]риравнивание "никакого секса" к безопасному сексу внушает, что безопасного секса не бывает".

Этот парадокс не имел своим результатом массовое воздержание. Секс более или менее продолжался как ни в чем не бывало, но, вместо того чтобы заниматься им безопасно, многие юные "делали это", не ведая о различии между теми актами, которые способствуют передаче ВИЧ, теми, которые являются относительно более безопасными, и теми, которые практически исключают заражение. И, в точности как об этом предупреждала воинственная группа активистов борьбы против СПИДа "ACT-UP", молчание стало равносильно смерти. К середине 1990-х годов один молодой человек или девушка заражались ВИЧ каждый час каждого дня. И, в то время как смертность от СПИДа снизилась среди населения США в целом, эта болезнь стала лидирующей причиной смертей в возрастной группе от двадцати пяти до сорока четырех лет, многие представители которой заразились вирусом, вероятно, еще будучи подростками.

Если воздержание не является ключом, тогда что им является? Специалисты по общественному здравоохранению давно отмечают, что популяции, наиболее тяжело пораженные СПИДом, предсказуемым образом в значительной мере совпадают с популяциями, в иных отношениях пораженными неудовлетворительным состоянием здоровья, образования или жилья - и плохим положением в социальных иерархиях Америки. Частота заражений резко упала среди мужчин, занимающихся сексом с мужчинами, особенно среди белых открытых геев из среднего класса. Тем не менее, согласно оценкам 1990-х годов, от 20 до 30 процентов молодых геев заражались до своего тридцатилетия. В 1998 году из всех молодых американцев, зараженных ВИЧ, 63 процента были чернокожие. А исследование молодых цветных геев, проведенное в шести больших городах Национальными центрами контроля заболеваний с 1998 по 2000 год, выявило еще более шокирующую цифру: почти треть черных геев в возрасте от двадцати до тридцати лет ВИЧ-положительны.

Люди, находящиеся в экстремальных ситуациях, как обычно, подвержены и более экстремальному риску. Среди подростков-беглецов доля зараженных доходит до 10 процентов. В 1990-х годах половина из жителей города Нью-Йорка с ВИЧ были лицами, внутривенно употребляющими наркотики, многие из которых были молодыми людьми и не имели или почти не имели жилья или работы.

Эти закономерности еще более резко бросаются в глаза в глобальном масштабе. Например, в то время как эта болезнь уже опустошила Африку и медленно, но верно подминает под себя Южную Азию, согласно докладу ООН, почти тотальное сексуальное, социальное и экономическое унижение женщин в этих регионах выливается в катастрофические проценты зараженных ВИЧ и умирающих от СПИДа среди них. На Международной конференции по СПИДу 1997 года это ужасающее развитие событий было предсказано. "Социальные нормы и структурные факторы" оказывают важнейшее влияние на распространение и сдерживание

этой эпидемии, заключили участники конференции и порекомендовали политическим деятелям начать уделять больше внимания таким факторам.

Риск, иными словами, подобен самому сексу: он формируется из актов, которым их значение и относительный вес придает социальный контекст. Без фундаментальных перемен в самых всеобъемлющих из этих контекстов (в тех самых "структурных факторах", как например в экономическом, расовом и гендерном неравенстве) чума СПИДа не прекратится.

Застоявшиеся социальные структуры объясняют то, почему относительно зажиточные городские белые мужские популяции геев из среднего класса США смогли остановить распространение этой болезни относительно быстро в 1980-х годах и почему сегодня многие ВИЧ-положительные мужчины из этих общин проживают более долгие, более здоровые жизни с помощью дорогих лекарств и медицинских услуг. Они также объясняют и почему то же самое не произошло среди бедных цветных людей, женщин и наркоманов в Америке и Восточной Европе. В Африке страны, и без того опустошенные войнами и голодом, теперь наблюдают, как их народы сокрушает очередной удар, в то время как международные юристы ведут споры по поводу их "прав" покупать более дешевые непатентованные (generic) версии запредельно дорогих лекарств от СПИДа, запатентованных на глобальном Севере.

Хорошая новость состоит в том, что социальные нормы даже внутри этих неподатливых структур могут меняться - если люди ощущают, что перемены - в их интересах и если то, на что они переходят, не сильно более обременительно, чем то, к чему они привыкли. Провал "обучения воздержанию", вероятно, служит доказательством не столько упрямства нравов юных (эти нравы могут меняться на 180 градусов по прихоти рекламщиков), сколько того простого факта, что секс более привлекателен, чем воздержание. Воздержание обещает верное отрицание (ты не занимаешься сексом - и ты не забеременеешь и не заболеешь) в противовес положительному утверждению, связанному лишь с вероятностью отрицания (ты занимаешься сексом - и ты можешь не забеременеть и не заболеть).

Норма безопасного секса укоренилась наиболее прочно там, где она представляет собой не полный разворот уже установившихся норм, а некую вариацию на тему этих норм. Некоторые ранние геи-активисты борьбы против СПИДа, такие как Лэрри Крамер и Микеланджело Синьорелли, с тех пор раскаялись в своем былом сексуальном либертарианстве и предъявили обвинение "промискуитету" геев как виновнику их собственной гибели. Но другие активисты-интеллектуалы, как например Даглас Кримп и Джеффри Уикс, более убедительно доказывают, что изобретательная публичная сексуальная культура, определившая гейское освободительное сообщество, также предоставила и ту "золотую жилу" техник, из которой был "добыт" безопасный секс, и те сексуальную откровенность и интимные "сети", которые позволили широко распространить эту идею. Подобно им люди, занимающиеся профилактикой СПИДа в неблагополучных общинах, приняли стратегию "уменьшения вреда": они не пытаются заставлять наркоманов перестать употреблять наркотики, прежде чем получить помощь, например (хотя и предлагают лечение, когда возможно). Вместо этого они продвигают программы стерилизации игл и обмена грязных игл на чистые, чтобы употребляющие наркотики внутривенно не пользовались одной иглой на несколько человек, что является одним из главных путей распространения ВИЧ.

Успешная профилактика СПИДа, следовательно, должна быть основана как минимум на двух принципах: она должна признавать остроту проблемы ВИЧ и нужд - как личных, так и структурных - тех людей, на которых она нацелена. И она должна уважать их социальные нормы: их идентичности, ценности и вожеления, выражаемые в отношениях между индивидуумами и в рамках общин.

Чтобы воочию понаблюдать за сексуальным образованием и профилактикой ВИЧ, в которых эти принципы принимаются близко к сердцу - с умом, творчески и страстно, весной 1998 года я отправилась в Миннеаполис и Сент-Пол, штат Миннесота, где находящиеся в опасности, тем не менее цветущие общины гомосексуальных, лесбийских, бисексуальных и бездомных юношей и девушек являются получателями необычайной взрослой заботы и внимания.

По сравнению с другими городами, Двойной город (г. Миннеаполис и г. Сент-Пол, расположенные по обоим берегам реки Миссисипи напротив друг друга - прим. перев.) - далеко не самое худшее место для того, чтобы быть юным, гомосексуальным, бездомным или подверженным риску бросить школу, родить ребенка, заразиться ВИЧ или каким-либо иным образом "сбиться с пути". Неспешный, зеленый мегаполис управляемых размеров с историей прогрессивной политики и филантропии, с хорошо финансируемой сетью организаций социального обслуживания, с университетом, известным своими новаторскими исследованиями по сексуальности и СПИДу, и с целой стихийной индустрией заведений для "восстановления" - Двойному городу также повезло иметь и верные кадры гейских и лесбийских работников общественного здравоохранения и молодежных работников. Эти люди полны решимости сделать взросление гомосексуальных мальчиков и девочек более счастливым и безопасным для нынешнего поколения, чем оно было для их собственного.

Не все идеально в Двойном городе, разумеется. Для бездомных ребят не хватает коек, например. Как и везде, некоторые из самых нуждающихся потенциальных подопечных "выскальзывают из системы": подростки-беглецы и уличные подростки - по определению "ночные пташки". Большинство профессионалов, работающих в Двойном городе с подростками и по профилактике СПИДа, - белые мужчины, образованные, здоровые, красивые, в то время как многие их подопечные удовлетворяют мало каким из перечисленных характеристик. Те, кто формирует политику штата, по всей видимости, не всегда находятся в русле того, что делают работники "на земле". Например, во время обеденного перерыва на занятиях по профилактике ВИЧ, проводимых студентами и организованных центром непосредственной помощи бездомным подросткам "Project Offstreets", молодая штатная сотрудница сказала мне, что ее программа вскоре потеряет свое финансирование. Почему? Потому что количество случаев СПИДа среди подростков в Двойном городе пошло на убыль. "Ну, само собой, - с печальной иронией прокомментировала сотрудница. - Может быть, профилактика работает".

Если профилактика работает, почему работает? Как стратегии, разработанные в течение двадцати лет прогрессивными самодельными гейскими и лесбийскими организаторами и педагогами общественного здравоохранения, применяются на практике? Какие уроки мы можем извлечь из секса и обучения безопасному сексу в жизни юных Двойного города?

Встречайте людей там, где они находятся: идентичность и нужда

"Открывшиеся" гомосексуальные подростки имеют одно преимущество. В то время как преподавание только-воздержания внушает гетеросексуальным ребятам послание, что секс не является важным элементом взросления, когда мальчик или девочка объявляет свою идентичность в сексуальных терминах, у окружающих не остается иного выбора, кроме как иметь с ним дело как с сексуальным человеком. Это одновременно и благословение, и проклятие.

"Открытие" может дать подростку надежную принадлежность к социальной группе, способ встроиться в порядок вещей. Но злой близнец принадлежности - конформность, и, как мы видели в Главе 9, жестко гомофобная монокультура коридоров среднестатистической школы диктует, что "педики" должны подвергаться наказанию - должны получать постоянные напоминания о том, что им не место нигде в этом порядке. Некоторые штаты, и Миннесота - первый из них, учредили у себя юридически закрепленные политики против harrasment и альянсы между гомосексуальными и гетеросексуальными учениками и учителями во всех государственных школах. Тем не менее, сталкиваясь с остракизмом и насилием, гомосексуальные учащиеся бросают школу очень часто.

Жизнь в собственной семье для гомосексуального ребенка может быть не менее ужасна. "Открывающиеся" дети наталкиваются на родительские чувства горя, смятения, отрицания или гнева - настолько накаленные, что и для тех, и для других перспектива того, что ребенок будет питаться из мусорных ящиков и спать под мостами, может оказаться предпочтительнее, чем дальнейшее сосуществование под одной крышей. "Мой брат говорит моей маме: "Твой сын - педиковская жопа", - сказал Стивен Грейам, двадцатилетний афро-

американский гейский активист, вспоминая свои ранние подростковые годы. Он рассказывал это в своем выступлении на конференции по сексуальному образованию для учителей, проводившейся молодыми гражданами "Района 202" ("District 202") - миннеаполисского центра прямой помощи, укомплектованного и работающего "от и для гейских, лесбийских, бисексуальных и трансгендерных юношей и девушек". - Моя мама просто сказала мне: "Я не могу с этим согласиться. Я не могу тебя любить"". Пастор Стивена также заклеил его "грешником" и запретил появляться в церкви. Мальчику пришлось жить то в заведениях штата, то в самовольно заселенных пустых домах, то ночевать попеременно у разных друзей на протяжении значительной части его отрочества.

Враждебность со стороны семьи - на самом деле, одна из главных причин бездомности среди гомосексуальных подростков. Из 150 подростков, опрошенных в 1997 году в "Районе 202", 40 процентов сказали о себе, что были бездомными когда-либо прежде. В городах по всей стране от 25 до 40 процентов бездомных подростков называют себя геями или лесбиянками. А то, что они делают, покинув дом, - не всегда самые безопасные вещи. "Родительское безразличие или открытое отвержение гомосексуальных подростков частично ответственны за резкий рост проституции подростков мужского пола в Соединенных Штатах", - пишут специалисты по общественному здравоохранению среди подростков д-р Марта Стурдевант и д-р Гэри Ремафеди в обзоре специальных медицинских нужд гомосексуальных подростков. Если тебе четырнадцать и ты не можешь получить разрешение на работу или даже водительские права, секс - одна из немногих услуг, которые ты можешь предложить на рынке труда. "Это, может быть, самая политически неблагоприятная вещь, которую я только могу сказать, - говорит Пол Тёмке, старший патронажный работник по ГЛБТ в "Offstreets", - но иногда я думаю, что самый большой риск для этих ребят - их семьи".

Вряд ли кого-то удивит, что среди подростков-геев и лесбиянок употребление алкоголя и наркотиков держится на высоких уровнях, и, хотя опьянение само по себе не заставляет людей идти на риски, люди склонны в то же время делать некоторые опасные и разрушительные для них самих вещи. Отчаяние плюс снятие "тормозов" может равняться смерти, что приходит в голову, когда видишь непропорционально большую долю гомосексуалов и лесбиянок в статистике суицида среди мальчиков и девочек.

Гомосексуальная идентичность может быть источником и других, менее очевидных, проблем при взрослении и формировании "я". Гетеросексуальность гетеросексуального ребенка или подростка не помещает его идентичность в "клетку"; он гетеросексуал, да, но главным образом его видят как афро-американца, или филиппинца, или еврея, как "качка", или "гангстера", или "ботана". Но гомосексуал определяется тем, чем он не является: он не является гетеросексуальным. Это делает трудным даже для уверенного в своей гомосексуальности мальчика или девочки выразить свою индивидуальность. "Когда мальчик или девочка "открывается", это дает ему или ей свободу выразить и исследовать свою сексуальность, - говорит Эд Кегл, молодежный работник "Района 202". - Но это также и ограничивает, потому что это единственный способ, которым другие люди тебя видят: как "этого маленького педика" или "эту маленькую лесбиянку"". Шестнадцатилетняя лесбиянка-активистка подытожила эту дилемму: "Мне очень нравится быть лесбиянкой, - сказала она, проводя рукой по своему вишнево-красному "ежику". - Но иногда я хочу быть просто Дженни, не Лесбиянкой Дженни".

Многие ребята ощущают, что гомосексуальная идентичность описывает их не точнее, чем те названия, которые они унаследовали от изгнавших их общин. В одном исследовании учащихся классов с седьмого по двенадцатый в Миннеаполисе более 10 процентов сказали, что не уверены в своей сексуальной ориентации. "Я встречаю гораздо больше ребят, которые говорят о себе, что они би, или просто "сексуальные", не гомо или гетеро", - говорит Роб Йегер, этот пышущий энергией педагог по снижению рисков, работающий для организованного силами местного самоуправления Миннесотского проекта по СПИДу и член "Шлюх более безопасного секса", с которым я познакомила вас в одной из предыдущих глав. Кэри Паркер, девушка из "Района 202", называющая себя бисексуалкой, описала свою

ориентацию таким образом: "Есть согласные и гласные - а, е, і, о, u и иногда y. Вот это как раз я: *иногда y*".

Опасности "открытия" и несклонность подростков присоединяться к той или иной сексуальной "команде" могут приводить в замешательство тех, кто пытается проводить среди них культурно-специфичное или общинно-ориентированное преподавание безопасного секса. Это особенно верно, когда взрослые, как например те, что в Миннеаполисе, происходят из основанной на сильной гейской идентичности политики, социальных кругов и даже "карьерных путей". Один из способов, которым, кажется, каждый попытался справиться с этой текучестью идентичности, - классифицировать *оно* как еще одну "идентичность". Во всё удлиняющейся цепочке ярлыков, навешиваемых на "нетрадиционных" подростков - ГЛБТН - "Н" расшифровывается не как "нетрадиционные", а как "неопределившиеся". В каком-то смысле, эта характеристика могла бы подойти почти к каждому подростку.

Конечно, сексуальность - не единственный способ, которым люди себя идентифицируют. Даже если их родители иногда могут смотреть на них, как на подкидышей, гомосексуальные дети не рождаются в некоей заморской независимой стране Гомосексуалии и не завозятся в италяно-американский Саут-Сайд Бостона или мормонский Солт-Лейк-Сити Юты. И не все ребята отвергают свои религиозные или этнические общины происхождения, даже когда некоторые представители этих общин отвергают их. Лучшее преподавание безопасного секса учитывает сложное взаимодействие между идентичностями и лояльностями внутри любого конкретного человека или группы.

В афро-американской общине северного Миннеаполиса группа молодых мужчин и женщин, называющая себя Командой "Проверь себя", начала с того, что произвела на свет постер со слоганами "Проверь себя, прежде чем загубить себя", "Образуй свой ум, защити свое тело" и "Нет парашюта - нет прыжка", напечатанными поверх фотографии, изображающей компанию современно выглядящих чернокожих ребят. После того как постер завоевал приз на одном из конкурсов, им были выделены средства на установку шести биллбордов с тем же образом и посланием, а затем они принялись за работу "на районе", направляя энергию молодежных шаек на просвещение их сверстников в вопросах СПИДа и организуя источники бесплатных презервативов в каждом квартале. Позже аналогичный проект был предпринят и в одной из латиноамериканских общин города.

Одним из примеров наиболее умной и трогательной культурно-специфичной работы по ВИЧ/СПИДу, проводимой среди подростков Двойного города, является работа, задуманная и направляемая Миннесотской рабочей группой американских индейцев. Ее директор - Шэрон Дей, сорокашестилетняя индианка из племени оджибва, открытая лесбиянка, мать двоих детей и бабушка-опекун одного ребенка. "Нам нужно понять, что позволяет нам, коренным людям, выживать с начала времен", - сказала мне Дей голосом мягким и прочным на разрыв, как замша. Ее театральная работа началась с этого и смежных вопросов. "Если рождаемость является показателем частоты половых актов", - рассуждала она, высокая рождаемость коренных американцев (коренными американцами в США официально именуют индейцев - прим. перев.) "показывает, что мы не стали настолько подавленными, чтобы потерять эту способность - быть сексуальными. Почему так?" Западные психологические модели это не объясняют. Даже если родители - алкоголики или иным образом "дисфункциональны", индейские дети, такие как она сама, выживают неповрежденными, собирая интимность и безопасность с расширенной семьи (т.е. с родственников, помимо родителей - прим. перев.) и более широкой общины. В своем руководстве молодежной театральной труппой в составе рабочей группы, путешествующей из одного общинного центра, школы, резервации в другую по всему штату со спектаклями, направленными на повышение сознательности в вопросах СПИДа, говорит Дей, "мы стараемся заново переживать те традиции и выражения, которые сохранили в нашем народе эмоциональное и сексуальное здоровье".

"Любовь моей бабушки", написанная Дей в соавторстве с молодыми актерами, - на треть семейная мыльная опера, на треть - индейский обряд поиска видений (преследует цель

заручиться поддержкой духа-покровителя; обычно совершается индейскими юношами в период полового созревания - прим. перев.), на треть - агитпроп на тему безопасного секса. Спектакль начинается сценкой, в которой четыре мальчика бьют в один большой барабан и поют традиционные мужские песни своими высокими детскими голосами. Далее идут короткие реминисценции о бабушках, фотопортреты которых проецируются на большой экран. "Она хорошая повариха, ее волосы - сплошь черные, никакой седины, - говорит один мальчик. - Она бабушка что надо". Главная сюжетная линия - о гомосексуальном мальчике-студенте колледжа (его играет андрогинная четырнадцатилетняя девушка), который, вернувшись домой, сообщает своей семье, что ВИЧ-положителен. "Ах ты маленький педик!" - взрывается отец, грохая кулаком о кухонный стол. Напуганный и подавленный, юноша уходит. Но его поддерживает, и в конце концов восстанавливает, безоговорочная любовь его бабушки и сон-видение о бегстве от опасности. В финальной сценке группа скандирует его видение - "Я был на краю пропасти, у обрыва каньона. / Я заглянул за грань. / Это уже не так страшно для меня" - и просит зрительный зал молиться о больных. Семья, духовность, община, говорит Дей: "Вот что дает коренным людям возможность выживать, будь они гомосексуальные или гетеросексуальные".

В силу тех же причин Дей знает, что, насколько сексуальное образование должно фокусироваться на специфических культурных верованиях и практиках, настолько же оно должно быть всеохватным, чтобы в нем находилось место для тех юных, кто пал жертвами этих самых верований и практик. Стивену Грейаму, гомосексуальному мальчику, отвергнутому его пастором, например, повезло найти другую афро-американскую церковь, вероучение и богослужение которой напоминали те, что были у его старой конгрегации, с той важной разницей, что эта приняла его целиком, вместе со всей его сексуальностью и прочим. Другие гомосексуальные мальчики и девочки ощутили более радикальное отторжение со стороны своих единоверцев, вызванное антагонизмом к гомосексуальности, поэтому им пришлось найти другие источники для удовлетворения своих духовных нужд. В опросе "Района 202" 1997 года почти каждый респондент заполнил графу "религиозная принадлежность". Но чаще, чем другие религии, они вписывали в нее "Язычник" (имеется в виду американское движение "неоязычества" - прим. перев.).

Не рассовывайте людей по "клеткам": логическая ошибка "групп риска"

Идентичности множественны. Их грани иногда гармонируют; в других случаях они диссонируют. В профилактике СПИДа главная задача и трудность - находить людей там, где они себя аффилируют, и обращаться к их чувству принадлежности, с тем чтобы внушать им и подкреплять ценности и привычки безопасного секса. Но конструирование категорий также может таить в себе опасности. На самом деле, ошибкой (некоторые говорят "фатальной ошибкой") профилактики СПИДа на протяжении последних двух десятилетий была ее стратегия навешивания ярлыков на группы людей - не как на потенциально мощных союзников в борьбе против болезни, но как на скопления взаимно антагонистических вирусносных "распространителей вреда", или "групп риска".

Первое десятилетие просвещения в вопросах СПИДа в общественном здравоохранении говорило нам, что в мире СПИДа есть два вида людей. "Высокорисковые группы" включали в себя гомосексуальных мужчин, иммигрантов с Гаити и лиц, внутривенно употребляющих наркотики, а также их половых партнеров и детей. Этих людей называли жертвами СПИДа, но на самом деле думали о них как о тех, кто делает жертвами СПИДа других. В "низкорисковых и безрисковых группах" были пригородные подростки, гетеросексуалы, белые яппи - как выразилась Пэттон, те, кто удовлетворял критериям "настоящих граждан". Профилактика для "низкорисковых" людей означала избегание "ядовитых" популяций, во-первых, тем, чтобы держаться подальше от тех, кто подозрительно выглядит, и, во-вторых, тем, чтобы практиковать "отбор партнеров": допрашивание потенциальных партнеров на предмет их возможного вхождения или взаимодействия с "высокорисковыми" людьми и отбрасывание тех, кто может быть "небезопасными" любовниками. Подросткам не требовалось проводить этот "дискреционный процесс". Их инструктировали говорить "нет" всем без исключения.

Понятие о группе риска не помогло ни одной из этих предполагаемых групп. Людей, предположительно находящихся внутри нее, либо клеймили (и пренебрегали ими при разработке политик) за их якобы саморазрушительный образ жизни, либо игнорировали. Некоторые из "списываемых" в этот статус использовали это как мощный политический мотиватор: "ACT-UP" возникло из ярости гомосексуальных мужчин от того, что их исключали из числа законных получателей ресурсов здравоохранения. На других, тем не менее, клеймо "рискованного" лишь навело фатализм. Идея, что ты, вероятно, умрешь просто в силу того, что ты - определенный вид человека, не концентрирует ум замечательным образом на стратегиях спасения жизни. А для уже пострадавших людей это новое очернение лишь усугубило безысходность. "Индивидуумы, подвергавшиеся высокому риску", как например дети и подростки, подвергавшиеся дурному обращению, жившие на улицах, занимавшиеся проституцией, "часто видят себя как подверженных риску заражения ВИЧ", - говорит Гэри Ремафеди, директор проекта "Молодежь и СПИД" Университета Миннесоты. "Или они говорят: "Я гей. Это неизбежно, что я умру. Ну и что?"" Как говорит Джеффри Эскофье, нью-йоркский деятель общественного образования, социолог и активист борьбы против СПИДа, исследования показывают, что гомосексуальные мужчины, которые узнают, что весь ассоциируемый с геями секс, включая фелляцию, равно фатален, начинают верить, что они обречены, в результате чего больше занимаются самыми рискованными из всех практик. В одном сан-францисском исследовании мужчин в возрасте от семнадцати до девятнадцати лет, занимающихся сексом с мужчинами, 28 процентов сообщили о себе, что недавно занимались незащищенным анальным сексом - поведением, несущим в себе наивысший риск передачи ВИЧ; в исследовании молодых гомосексуальных цветных мужчин, проводившемся в шести городах, почти половина поступали так в предшествующие шесть месяцев.

Для людей как "внутри", так и "вне", однако, теория групп риска имела глубокий изъян: *не существует такой вещи, как дискретная социально-сексуальная популяция*. Ни одна группа не является островом; весь риск разделяется с потенциально неограниченной вселенной партнеров. Хотя в Америке большинство людей движутся по социальным колеям, отдельно от других рас и классов, даже самые "островные", осторожные люди не всегда остаются в этих колеях. Потребители наркотиков не кучкуются исключительно в притонах; они также часто посещают и модные ночные клубы. А мужчина, занимающийся незащищенным сексом с ВИЧ-положительным подростком-проституткой в городском парке, на следующий день может иметь секс с парнем, с которым он познакомился в местном баре, а тот, в свою очередь, будет заниматься сексом со своей женой - представительницей среднего класса - в пригороде.

Один из способов обойти опасности постулата о группах риска, в то же время сохраняя реализм в отношении того факта, что он вдолблен всем в голову, - использовать его для привлечения внимания людей, а затем перенаправить их мышление. Вместо того чтобы выбирать или отвергать определенных людей или "виды" людей, можно отвергать конкретные *виды поведения*. Как было написано на информационном плакате, вывешенном вместе с парой десятков других на стене "Района 202": "Быть юным и гомосексуальным НЕ обязано означать быть подверженным риску ВИЧ и СПИДа. ... Но вести себя небезопасно - означает".

Взяв зерно истины из идеи "групп риска" - что представители определенных социальных или сексуальных групп могут чаще проявлять виды поведения, способные передавать ВИЧ - и умерив его пониманием текучести общин и разнообразия индивидуумов внутри них, специалисты по профилактике СПИДа в последнее время выработали понятие "целевых популяций". Они состояются из людей, не "по природе" предрасположенных к риску, а из живущих в ситуациях высокого риска: например, в районе или в социальном окружении, большое число представителей которого заражены ВИЧ. Важнее всего, что специалисты идентифицируют эти популяции по сексуальному поведению: не по тому, как они одеваются, где выпивают или как себя называют, а по тому, какие акты они совершают. "МСМ", например, - это в данной сфере условное сокращение для "мужчин, занимающихся сексом с мужчинами" - категории, которая охватывает как мужа и отца-пуэрториканца, живущего в верхнем Манхэттене, но время от времени посещающего бар в Бронксе и занимающегося

сексом с мужчиной, так и белого подростка англосаксонского происхождения, красящего волосы в зеленый цвет и марширующего на Гей-параде улицы Кастро в балетной пачке и козлиной бородке.

В Миннеаполисе я наблюдала многочисленных работников антиспидовского просвещения в разных обстановках - от импровизированных бесед в обшарпанном городском парке до самодельной сцены в индейском культурном центре, от уроков, проводимых учащимися для учащихся в средней школе для вернувшихся к учебе недоучек, до занятий по сексу и СПИДу в "Районе 202". Во всех случаях преподаватели начинали с актов, которые, как они считали, могли совершать их слушатели, делая эти наиболее широкие определения по сексуальной или возрастной идентичности группы или, возможно, по ее религиозной или этнической принадлежности. Но они не делали никаких предположений относительно специфики предпочтений того или иного индивидуума. Лесбийская группа в "Районе 202" обсуждала пользование квадратиком латекса, называемым зубной прокладкой, который можно класть на вагину партнерши перед тем, как делать ей куннилингус. На конференции, проводимой центром для учителей, быстрая неформальная лекция от двадцатилетнего преподавателя на общественных началах напомнила им, что не следует забывать о таких специфически молодежных путях передачи инфекции, как пирсинг и татуировка. В то же время женщина, обращающаяся к юным лесбиянкам, говорила о противозачаточных средствах и других мерах предосторожности при пенильно-вагинальном сношении. А молодежный работник, выступающий перед пятнадцатилетними, счел нужным проинформировать их о рисках передачи ВИЧ при грудном вскармливании.

Гэри Ремафеди, который преподает молодым мужчинам-геям, описал баланс главного послания, идентичности и личных вкусов так: "Одно послание таково: "Всегда пользуйся презервативами, когда трахаешься". Но это подразумевает, что каждый гомосексуальный мужчина трахается. Поэтому другое послание таково: "Трахание не является фундаментальной частью того, чтобы быть гомосексуалом. Оно не каждому нравится. И каждый может наслаждаться практиками безопасного секса, которые не включают в себя сношение"".

Уважайте варианты выбора, который делают люди, как рациональные

Изрядная доля подростков, так или иначе оказывающихся в "Offstreets", в "Районе 202" или в программе Ремафеди при Университете, регулярно или время от времени прибегают к проституции, чтобы свести концы с концами. В "бухгалтерии" рисков и выгод жизни на улице секс является как плюсом, так и минусом. "Секс ради выживания" - секс в обмен на постель, душ или пару обуви - может предлагать также и некоторые личные [психологические] вознаграждения, как например товарищество или подкрепление со стороны взрослого. И, как и другой секс между взрослыми и несовершеннолетними, это не всегда взаимодействие страшного унижения или подчинения со стороны юного партнера. "Многие из этих подростков не видят секс ради выживания как проституцию", - говорит Людфи Нур, легкая в общении, добродушная директор образования по ВИЧ в "Offstreets". Ей вторит Хонна Ассер, молодая работница социально-ориентированных программ (по налаживанию контактов): "Этот подросток разговаривал со мной на днях, говоря: "Я ходил в клубы, и мне везло. Старшие люди хотели заниматься со мной сексом"". О непостоянных связях, которые "сегодня здесь, а завтра там", между подростками и взрослыми, она добавила: "Это могут быть отношения, продолжающиеся неделю, но для подростка это всё же отношения".

Конечно, проституция, в которой нет даже этих рудиментарных отношений, создает свои риски. Работающие девочки (и мальчики) уже давно приняли на вооружение свои собственные практики безопасности и защиты здоровья, в особенности пользование презервативами. Среди бездомных подростков, когда клиент - незнакомец, судя по всему, пользование презервативом является также правилом. Ни один работник образования не должен недооценивать способность юного человека принимать информированные решения относительно секса. Чтобы принимать информированные решения, однако, людям нужна информация, и некоторые эксперты по СПИДу аргументируют, что то, в чем они нуждаются, - тот вид подробной информации о рисках, которая повсеместно доступна в большей части

Европы, но которую департаменты здравоохранения США выдают с неохотой. Вместо того чтобы перечислять акты как либо безопасные, либо небезопасные, и точка, данные о так называемых относительных рисках, распространяемые в Париже или Берлине, говорят вам, что такое-то и такое-то поведение привело к заражению ВИЧ в определенном числе известных случаев в той или этой стране или что результаты по тому или иному другому поведению пока неокончательны. Будучи вооружены такими данными, люди могут делать выбор касательно своих сексуальных жизней тем же образом, каким они мастерят свою остальную жизнь: взвешивая вожеления и вознаграждения против опасностей и нежелательных последствий.

При всем при этом есть много причин не надевать резинку, если ты юный человек, продающий или обменивающий секс. За секс без презерватива больше платят, чем за секс с презервативом, поэтому принять на себя большой риск с каждого клиента, с тем чтобы обслужить меньшее число клиентов, может показаться разумным деловым решением. (В это уравнение входят и другие соображения: получить минет от клиента, что является довольно обычным актом для проститутки мужского пола, несет в себе крайне низкий риск для получателя. Для девушки в гетеросексуальном сексе верно обратное: будучи дающей стороной в оральном сексе и получающей в вагинальном сношении, она берет на себя практически весь риск заражения ВИЧ и другими ЗППП.)

Бездомный мальчик или девочка, продавая секс, может не защищать себя также и по менее очевидным, более печальным причинам. Такие молодые люди в типичном случае являются жертвами повышенного насилия; "более половины подвергались физическому дурному обращению, более трети - сексуальному злоупотреблению, более трети - побоям со стороны своих интимных партнеров за последний год", - гласит отчет об исследовании миннеаполисских гомосексуальных, лесбийских, бисексуальных и трансгендерных юношей и девушек, проведенном Исследовательским центром Уайлдера в 1996 году. Примерно раз в неделю, по словам Пола Тёмке, в "Offstreets" приходит девочка с жалобой на то, что ее изнасиловали. Для людей, к которым долго относились с рутинной жестокостью, особенно их "любимые", забота о самом себе может быть чуждым понятием. "Многие женщины и девочки не видят секс как источник удовольствия или свои тела как то, над чем они имеют контроль", - заметила Бет Земски, специалист по образованию в области СПИДа, работающая над проблемами гомосексуальных и лесбийских учащихся в Университете Миннесоты. Ине Ванвесенбеек, изучая вопросы сексуальной силы и бессилия в жизни голландских проституток и других молодых женщин, нашла, что те, кто поддавался требованиям клиентов обойтись без презерватива, чаще были более молодыми, употребляющими наркотики и иммигрантками и "уже подверглись большей виктимизации, как в детстве, так и во взрослой жизни, как на работе, так и вне ее". Как только о них распространялась молва как о "рисковых", их "наиболее часто посещали упорные нелюбители секса с презервативом".

Профилактика СПИДа для уличных ребят Двойного города поэтому подразумевает большее, чем просто засунуть пачку презервативов в тугий карман джинсов проститутки. "Со столь многими подростками из тех, с кем я работаю, обращались таким неуважительным образом, что они не могут уважать сами себя, - говорит патронажный работник проекта "Молодежь и СПИД" Джерри Террелл. - Треть из тех, кого я вижу, склонны к суициду, одна пятая активно употребляет химию, и потом, для бездомных подростков не существует завтра; всё - сегодня. Главное - помочь им представить себе, что есть будущее, и начать находить в нем какую-то зацепку, каким бы ни было это будущее. ВИЧ находится в конце длинной очереди других вопросов".

Вопросы эти - как эмоциональные, так и материальные. Когда исследователи Уайлдера спрашивали бездомных подростков, что могло бы реально изменить их жизнь, "прицел" опрашиваемых обычно фокусировался между теми "концами", которые они еле-еле сводят. Некоторые высказали пожелание о доступе к бесплатной стиральной машине. "Я могу носить грязную одежду, штаны, рубашки и всё такое, - сказала одна девочка. - Пока у меня есть чистое нижнее белье, я в порядке". В таких условиях безопасный секс может быть довольно-таки абстрактным и отдаленным понятием. ""Безопасность" означает найти ночлег на ближайшую ночь, - объяснила мне Эмбер Холлибо, которая ранее возглавляла проект

"СПИД и лесбиянки" в организации GMHC в Нью-Йорке. - Надеть презерватив - это не совсем приоритет Номер Один".

Тем не менее принятие на себя рисков не следует рассматривать как симптом патологии, как столь часто делают учителя, подростковые психологи и профессионалы здравоохранения. Вместо этого, говорит Джеффри Эскофье: "Люди также проводят рациональную оценку того, что их окружает. Они просчитывают вероятности". На улице ребята знают, что их жизнь по определению небезопасна, что они не могут устранить все риски. Поэтому задача - в том, чтобы вычислять наиболее вознаграждающий - финансово, практически, эмоционально - "маршрут" поведения, в то же время сопровождающийся наименьшими опасностями. Профилактическая работа состоит в том числе и в том, чтобы тоже понимать эту арифметику и помогать юным шаг за шагом перевычислять эмоциональные и материальные факторы, с тем чтобы они могли принимать решения, более целесообразные для самозащиты в сексуальном поведении, и следовать им. В "сексуальном образовании", которое он проводит с юными проститутками, сказал мне Джерри Террелл, "большая часть того, что я делаю, не имеет отношения к сексуальности".

Обдумайте заново все посылки: удовольствие, любовь и доверие

Уличные ребята - это не какой-то отдельный биологический вид. Даже для них секс - не одна лишь сплошная работа, эксплуатация или боль. "Секс - это мило, это интимно, это весело, это ничего не стоит, - сказал Пол Тёмке в ответ на мой вопрос о роли удовольствия в жизни его подопечных. - Эти ребята, у которых не было близких отношений с их семьями, или если они подвергались злоупотреблению, секс был действительно ужасной вещью. Открыть секс в качестве удовольствия - это так здорово". Он поворчал насчет неумной "лютеранскости" бюрократов, приходящих с проверками в его заведение: "Они заходят к нам, и их приводит в ужас, что у нас презервативы выложены у входной двери или что ребята смотрят мультики или курят сигареты". Бездомные ребята несут на себе все ответственности взрослой самостоятельности, рассуждал он. Почему они не должны получать и некоторые привилегии? Он сделал паузу, затем сказал: "Но секс - самая легкая вещь на свете. Трудно любовь найти".

Структуры личностей и обстоятельства жизни обездоленных подростков делают беспокойными и без того трудные поиски любви. С одной стороны, как пострадавшие от дурного обращения или отверженные дети, они отчаянно жаждут любви, готовы с головой окунуться в доверие. С другой стороны, как пострадавшие от дурного обращения или отверженные дети, превратившиеся в уличных "крысят", они натренированы на недоверие и обидчивы, иногда до параноидальности. Они хотят стабильности и моногамии, но в то же время им не терпится испытать свою сексуальность, иногда со многими партнерами (эти последние два противоречивых желания часто разделяются по гендерному признаку: девочки и женщины спешат к алтарю, так сказать, а мальчики и мужчины упиваются сексуальной новизной, разнообразием и количеством). В конечном счете, тем не менее, бездомные мальчики и девочки хотят того же, чего хочет каждый, настаивает Тёмке: любви и секса, плюс некоторой меры надежности - "постоянного партнера и чтобы не беспокоиться о том, как будут оплачены счета".

Любви? Постоянного партнера? Регулярной оплаты счетов? Эти желания были бы, как бальзам на сердце, для бюрократов, инспектирующих "Offstreets", или для пропагандистов воздержания-до-брака, утверждающих, что отношения, основанные на верности, - лучшее и единственное профилактическое средство против СПИДа. Но факт заключается в том, что любовь не является крепостью против СПИДа. Один из самых больших парадоксов профилактики ВИЧ - что любовь - не просто какая-то беззаботная любовь, но также и любовь, которой отчаянно желают и которую добросовестно лелеют - может усугублять опасности секса. В противоположность пропаганде, рекламирующей опасности "задней комнаты" бара или дискотеки и кабинки для переодевания на пляже, *как геи, так и гетеросексуалы с большей вероятностью занимаются незащищенным сексом в рамках основанных на верности и любви отношений, чем в случайных связях.* Доверие, в том смысле, в каком мы понимаем его сегодня, может быть "рискованной практикой".

"Один из самых поразительных и неизменно подтверждающихся выводов поведенческих исследований по гомосексуальным мужчинам - что более часто они сообщают о высокорисковом сексе с теми, кого сами характеризуют как "регулярного партнера или любовника"", - пишет британский медицинский социолог Грейам Харт. Исследовав 677 мужчин, Харт и его коллеги пришли к выводу, что "незащищенное сношение ... было способом выразить любовь и верность тому, чтобы разделить жизнь с любимым, которые чувствовали эти мужчины". Исследование использования презервативов гетеросексуальными подростками, проведенное Сарой Филлипс, привело ее к аналогичным выводам: "Как молодые люди, так и девушки, утверждавшие, что влюблены в своих партнеров, соглашались на половое сношение без презерватива со значительно большей вероятностью, чем сообщившие о себе, что не влюблены". Уверенность в том, что другой человек абсолютно моногамен, рассматривается - представителями всех социальных классов - как автоматическое право, прилагающееся к тому, чтобы любить этого человека. "Как только я вышла замуж - то всё, - заявила семнадцатилетняя преподавательница на общественных началах Киша, с размаху уперев сжатый кулак в бедро и подняв указующий перст на уровень лица. - Если он притащит мне домой СПИД, у меня будет право убить его". Если подразумеваемый "брачный контракт" с Кишей предусматривает, что ее муж должен знать, что будет "убит", если признается, что был ей неверен, - и поэтому будет чувствовать, что не может признаться - то может оказаться, что он убьет ее, только более медленно.

Хотя многие определения доверия не пересекаются гендерными границами, те, что пересекаются, ставят женщин в невыгодное положение. "Наблюдалось сильное разделяемое представление, что "постоянные" отношения основаны на доверии, - пишет психолог Карла Виллиг, перефразируя выводы, к которым пришли некоторые исследователи, беседовавшие с молодыми женщинами внутренних городов (о "внутренних городах" см. Главу 6 - прим. перев.). - В то же время [женщины] опознавали склонность определять отношения как "постоянные", чтобы оправдывать секс. Поскольку прекращение пользования презервативами может быть знаком увеличения приверженности отношениям, пользование презервативами в "постоянных" отношениях трудно поддерживать". В группе канадских студентов колледжей "для женщин [подразумеваемое соглашение между верными любовниками] означало доверять, что партнер будет раскрывать имеющую значение информацию, а для мужчин оно означало доверять, что партнерше раскрывать нечего. В результате женщины находили очень трудным просить пользоваться презервативами партнеров, которых они хорошо знали, но, как ни иронично это звучит, "они были наиболее способны защищать себя от всех трех опасностей - от беременности, болезней и эмоциональных травм - в случайных связях"". Предрассудок, что честные девушки несексуальны (кроме как с текущим партнером), более того, делает безопасный секс еще более трудным для юных женщин. Профилактика ВИЧ по плану может закрепить за девочкой дурную репутацию, говорит сексуальный педагог Роб Йегер. "Девочки говорят: "Если я вытащу презерватив, он подумает, что я шлюха"". Поскольку для женщины вероятность заразиться ВИЧ от партнера мужского пола гораздо выше, чем для мужчины заразиться от женщины, а слизистая оболочка влагалища у юных девочек более хрупка, чем у зрелых женщин, и поэтому еще более подвержена инфекциям, эти основанные на гендере посылки непропорционально подвергают опасности юных женщин.

Для многих людей уже просто завести разговор на тему защиты настолько угрожает доверию, что доверие требует абсолютной цензуры. Некоторые из тех, с кем беседовала Виллиг, даже дошли до того, что сказали, что требовать от долговременных пар начать разговаривать о пользовании презервативами или, паче того, пользоваться ими означало бы непоправимый разрыв в ткани общества. "Я имею в виду, должен быть какой-то элемент доверия где-то, - сказал [ей] молодой человек по имени Джон, - если только жизнь, как мы ее знаем, собирается происходить".

Настоящая любовь моногамна, доверие зависит от моногамии, а моногамия - от доверия, и доверие - краеугольный камень любви: к сожалению, с точки зрения вируса, передающегося половым путем, из этой формулировки просто прут потенциальные опасности. Во-первых, хотя статистика широко варьирует в зависимости от того, кто провел опрос, как задавались вопросы, и от сексуальности опрашиваемых, как минимум значительное число супружеских

и постоянных пар "ходят на сторону" по меньшей мере однажды, среди подростков - как минимум треть, и даже моногамные юные пары моногамны лишь серийно (этот термин обозначает, что "постоянные отношения" не означают для них "отношения навсегда"; за "постоянными отношениями" с одним партнером следуют "постоянные отношения" с другим партнером и т.д. - прим. перев.). Тем временем менее 60 процентов сексуально активных мальчиков-подростков, пользующихся только презервативами, говорят, что пользуются ими каждый раз.

Тем не менее многие из этих людей ставят свои отношения в зависимость от непогрешимой верности. Это создает почву для дилеммы, которую невозможно оправдать: признание в прегрешении смертельно угрожает отношениям, но сохранение его в тайне смертельно угрожает как самому человеку, так и его или ее любимому (или любимой). Информант Карлы Виллиг Джон признал, что поддержание общественного и личного контракта доверительного молчания может означать принесение в жертву некоторого количества "невинных жертв", чьи партнеры совершают "преступления бездействия". Действительно ли символический и моральный риск отказа от любовного доверия "как мы его знаем" выше риска свирепствующей ВИЧ-инфекции? Финансируемое из федерального бюджета обучение только-воздержанию отвечает, что да, выше, преподавая, вопреки фактам, что единственный безопасный секс - это секс в рамках "традиционного" верного (читай: несомненно моногамного) гетеросексуального брака.

К счастью, некоторые независимые антиспидовские педагоги, повинувшись велению своей совести, идут в противоположном направлении. "Я говорю им: *любовь не является ответом*, - говорит Роб Йегер. - Вирусу безразлично, влюблены ли вы, женаты ли вы. Ему безразлично, какая у вас любимая песня". И ему также безразлично, что ваша любимая песня считает любовью. Учитывая нынешние исторические обстоятельства, не терпящие отлагательств, политика признания и прощения, когда партнер отклоняется от намеченной моногамии, может быть *более* соответствующей любви, чем цензура, приводимая в действие ожиданиями ярости и отвержения. Но такие способы строить отношения требуют меньшей зависимости, меньшей ревности, менее непоколебимой уверенности в способности и воле другого человека заботиться о вас и в то же время - большей личной зрелости, гибкости, самостоятельности и самоуважения, и большего альтруизма от обоих партнеров.

За исключением альтруизма, эти эмоции отличны от тех, что мы привыкли ассоциировать с любовью. Тем не менее именно эти качества и ценности, а не слепую веру в "настоящую" любовь и не нюх ищейки на "рискованных" партнеров, нужно нам возвращать в юных.

Культивируйте лучшие ценности. Создавайте смелые новые сообщества

Многие из тех подростков, что проходят через заведения, в которых я вела свои наблюдения в Миннеаполисе и Сент-Поле, - по-настоящему "трудные случаи". Их тяжело уговорить прийти в клинику на повторный прием, не то что записаться на занятия для прохождения школьной программы экстерном или на курсы профобучения. Девушка-волонтер из "Района 202" Кэри Паркер, которая сама была бездомной, объяснила, почему бездомных ребят "уносит" все дальше и дальше от "нормализующих", находящихся под взрослым контролем установлений, таких, как школа и работа. "Вы не можете воткнуть [электрический] будильник под мостом", - просто сказала она.

Но "исключение из большинства" способно порождать также и крепкую аффилиацию (принадлежность, чувство принадлежности - прим. перев.), и, как показала история для чернокожих, женщин, геев и инвалидов, коллективное выживание является первым шагом к созданию стойкой общинной идентичности. Бездомные подростки образуют эдакие нечесанные общества взаимопомощи, сплоченные маленькие "племена", совместно ищущие еду или кров друг для друга, часто переходя с места на место в компании со стайкой не менее обездоленных собак. Для ребят из "Offstreets" групповая сплоченность - это всё, говорит Тёмке. "Они всегда хотят говорить "мы". Если бы мы смогли направить эту хорошую энергию в нужное русло, у нас было бы мощное сообщество".

В ранние годы движения за освобождение геев презируемые сообщества направили энергию ненависти, направленной против них, в нужное русло - обратили ее в гордость: например, приняли в качестве флагов отличия уничижительные слова *dyke*, *faggot* и *queer* (примерно соответствуют русским "лесбуха", "педик" и "гомик" - прим. перев.). Когда на них обрушилась эпидемия СПИДа, гомосексуальные мужчины и женщины повернули эту энергию в направлении агрессивной политической конфронтации, которую, при всей ее внешней ярости, питала любовь, как братская, так и эротическая. "Кризис СПИДа, во всем своем пугающем воздействии, неся на себе бремя страха болезни и смерти, идущих по пятам за удовольствием и вожделением, многим представляется воплощающим в себе оборотную сторону трансформации сексуальности недавних лет, предупреждением об опасностях того, что можно "зайти слишком далеко", - пишет британский социальный критик Джеффри Уикс. - Тем не менее во многих реакциях на него мы можем видеть нечто другое: оживление человечности, деятельные проявления солидарности и расширение значений любви, любви перед лицом смерти".

Любовь к самому себе и самоуважение необходимы для того, чтобы практиковать безопасный секс. Но эта история говорит о любви, которая идет дальше самого себя и даже дальше любимых. Это *общинная* любовь, своего рода современная агапэ, выросшая из разделяемой гордости идентичности и из коллективной самообороны и практикуемая в кругах личной дружбы и вожделения. *Любовь и полярность - те же чувства, которые способны отпугивать от безопасного секса - могут также и мотивировать его.* Людям не безразличны их общины, даже когда их общины враждебны к ним, и они надевают презерватив с мыслью об этом небезразличии. "Когда людей спрашивают, почему они практикуют безопасный секс, - говорит Джеффри Эскофье, - в качестве одной из главных причин они называют альтруизм". Он сослался на исследование гомосексуальных мужчин латиноамериканского происхождения, проведенное Центром исследований профилактики СПИДа Рафаэля Диаса в Сан-Франциско. "Самый частый ответ был такой: "Есть люди, которые на меня рассчитывают"". Эскофье заметил, что те люди, которые зависели от этих мужчин, не обязательно принадлежали к какому-либо гомосексуальному сообществу, а просто были членами семьи, друзьями и соседями в их латиноамериканских общинах происхождения. Что выявило это исследование и другие, говорит он, - это "высокий уровень интеграции даже в ту общину, к которой они испытывают двойственные чувства".

"Значительная часть профилактики [ВИЧ] нацелена на личную выгоду, - заключил он. - А это ошибка".

Америка совершила множество тяжелых ошибок, пытаясь защитить своих детей от опасностей секса. В основе этих ошибок лежит страх. Частью это "хороший" страх - что они заболеют или травмируются, потеряют свое направление, свое честолюбие, свое ощущение "я". Но значительная его часть - страх перед эросом, которому мы приписываем анархическую, катастрофическую разрушительную силу - силу уничтожить индивидов и самоё цивилизацию.

Однако эрос - не некое дикое животное, рыщущее вне цивилизующих значений, которые мы ему присваиваем, за пределами моральных норм, при помощи которых мы им правим. Мы творим эрос для нас самих и для наших детей; именно мы учим наших юных значениям и моральностям секса. В век СПИДа мы должны изобретать новые итерации лучших старых ценностей, создавая новые выражения любви, доверия, верности и взаимной защиты. Вдохновляемые и оберегаемые ценностями заботы, юные люди могут открывать свою сексуальную силу без того, чтобы подавлять или унижать других; они могут найти романтическую любовь, не поступаясь самозащитой. Они могут прибыть в божественное забвение секса сознательно, с ответственностью, обдуманностью и согласием.

Трудясь во имя победы над СПИДом и теми условиями, которые являются его сообщниками, мы должны помнить то, чему нас научили гейские и лесбийские герои одной из самых ужасных эпох современной сексуальности. Бесконечные дары эротического могут давать силу людям и объединять общины. Принять и объять удовольствие может быть величайшим оборонительным средством против опасности.

Эпилог

Моральность

В 1999 году команда социологов Университета штата Вашингтон в Сиэтле сообщила о своем открытии революционного метода профилактики подросткового насилия и других видов "рискованного поведения", включая раннее половое сношение. Они записали группу первоклассников, посещающих одну из самых жестких (в оригинале употреблено слово *tough(est)*, которое в специфически американском контексте относится к "внутренним городам" (см.) и означает, что данная школа (и/или жилой район) контролируется малолетними бандитами и/или их взрослыми паханами из "расовых меньшинств" - прим. перев.) школ города, на "тестовую программу", которую затем проводили с ними на протяжении всей начальной школы. С этими детьми обращались уважительно, поощряли их сотрудничать друг с другом и с учителями, вознаграждали за успехи, давали спокойное пространство для выполнения домашних заданий и учили, как говорить "нет" без того, чтобы подвергать опасности свои дружеские связи или социальный статус. К шестому классу отмечалось, что участники этой программы с гораздо меньшей вероятностью, чем ребята в "сравнимых школах без специального вмешательства", совершали акты насилия, пьянствовали, занимались половым сношением или беременели (либо от них беременели).

У одного из моих друзей и у меня есть название для этого типа исследований, которые собирают внушительный ряд научной методологии и статистики (и, обычно, денег), чтобы продемонстрировать то, что и без того яснее ясного почти каждому. Мы называем это "Исследования Показывают, Что Счастливые Люди Больше Улыбаются".

И тем не менее в последнее десятилетие второго тысячелетия, во времена, когда финансирование общественных наук совсем не щедрое, эти ученые почувствовали необходимость разработать крупное исследование и выбить гранты на шесть лет, чтобы продемонстрировать, что дети, с которыми уважительно обращаются, которых ценят, которым дают пространство, чтобы думать, и помогают достигать компромиссов, в то же время отстаивая собственные убеждения, более благополучны в последующей жизни. Эти тезисы были недостаточно очевидны, и недостаточному числу людей. На самом деле, для меня более тревожным аспектом этого исследования было то, чего не было в отчете. Если внимание к этим базовым нуждам представляло собой "специальное вмешательство", чему же подвергались все эти годы дети в контрольной группе? Если вы провели хоть сколько-нибудь времени в школе последних лет, вы знаете удручающий ответ: обычному "образованию".

Наверное, нам, взрослым, не помешало бы некоторое "разъяснение ценностей" (термин американского школьного образования - прим. перев.). Это я и хотела бы сделать в заключение.

Едва ли проходит хотя бы один день, чтобы какой-нибудь из лидеров нашей страны не встал перед телекамерой, не промокнул слезинку из уголка глаза и не продекламировал хвалебную оду в адрес Детей Нашей Страны. Но, если говорить правду, Соединенные Штаты не являются местом, дружественным к детям. Хотя бы потому, что, хотя мы, возможно, любим каждого ребенка в отдельности, в целом младшее поколение получает не слишком много уважения от старших. В 1997 году исследовательская группа *Public Agenda* опросила взрослых насчет того, что приходит им в голову, когда они думают о детях и подростках. Большинству респондентов первыми пришли в голову слова "недисциплинированные", "грубые", "испорченные" и "дикие". Чем старше были дети, тем чаще звучали эти характеристики.

Мы говорим, что мы любим наших детей. Но, как когда-то сказал мне один обманутый любовник, любовь - это не чувство, а действие. А Америка действует так, будто она не любит своих детей. Соединенные Штаты с большим отрывом отстают от других промышленно развитых стран по многим показателям детского благополучия и даже от некоторых неразвитых. В этой, единственной из всех развитых стран, не предоставляющей

здравоохранение всем своим гражданам, 11,3 миллиона детей в возрасте восемнадцати лет и младше не имеют страховки, и это число растет на 3000 в день. Частично вследствие этого кризиса здравоохранения каждая пятая американская мать не получает ухода за беременными, что предрасполагает их детей ко многим хроническим проблемам со здоровьем. Двадцать промышленно развитых стран превосходят нас в предотвращении детской смертности, по данным Фонда защиты детей, а процент детей, умирающих в возрасте до пяти лет, в нашей сказочно богатой стране тот же, что на Кубе, в отчаянно бедной стране.

Самый продолжительный в американской истории экономический бум (бум 1990-х - начала 2000-х годов - прим. перев.) для многих семей не улучшил их жизнь. Грядущая рецессия ударит по ним сильнее, чем по другим. Большое количество бедных работали в эти тучные годы, тем не менее нижняя пятая часть получателей заработной платы (20 процентов наименее высокооплачиваемых трудящихся) увидела, что их доходы упали по сравнению с 1970-ми годами, а процент бедных в стране упорно не сдвигается с отметки 12% уже десятилетиями, по данным Бюро трудовой статистики и Бюро переписи населения. "Реформа социальных пособий" - федеральный Закон о социальном обеспечении 1997 года и новые положения, учрежденные штатами в его фарватере, судя по всему, ухудшает жизнь беднейших американцев. Одно исследование 1999 года обнаружило, что самые бедные 20 процентов семей теряли в среднем по \$577 в год, а самые бедные 10 процентов - по \$800. По мере того, как ведомства штатов возводили всё больше барьеров к получению талонов на бесплатное питание, всё меньше бедных и работающих бедных семей обращались за ними. К началу 2001 года суповые кухни (кухни, готовящие суп для бесплатной раздачи всем желающим отстоять очередь за ним - прим. перев.) сообщали о самых длинных очередях, которые они когда-либо видели у своих дверей. В месяц после [терактов] 11 сентября [2001 года], когда восемьдесят тысяч нью-йоркцев потеряли свою работу, количество звонков на городскую горячую линию для голодных утроилось.

Хотя образ голодных, плачущих малышей работает как самая мощная пропаганда, есть свидетельства того, что реформа социальных пособий, возможно, вредит подросткам даже больше, чем маленьким детям. Исследования показывают, что ученики начальных классов, чьи родители находятся в программах, поощряющих занятость и продолжающих оказывать финансовую помощь, учатся лучше и попадают в меньшее количество неприятностей, чем те бедные дети, чьи родители не подвергаются такому режиму. Но, как говорит директор чикагского Объединенного центра исследований бедности, "с подростками - совсем другая история". Подростки в таких семьях проводят под надзором взрослых еще меньше времени, чем обычно. Поэтому они курят, пьют и плохо себя ведут даже больше, а их здоровье и школьные успехи ухудшаются.

Эти исследования сравнивают бедных детей с другими бедными детьми и подростками. Но факт состоит в том, что, в шесть или в шестнадцать, просто быть ребенком предрасполагает человека к бедности в Америке: бедных детей почти вдвое больше, чем бедных взрослых, а каждый шестой ребенок в Америке беден (12,1 миллиона в 1990 году), включая более чем каждого третьего афро-американского или латиноамериканского ребенка. Бедность является крупнейшим отдельным "фактором риска" для почти каждого способного разрушить жизнь недуга, которому только может быть подвержен мальчик или девочка, за исключением, разве что, "навязчивого шоппинга". Среди них и сексуальные риски, включая нежелательную беременность и слишком раннее материнство, СПИД и сексуальное злоупотребление.

"Злоупотребление детьми" не только связано с бедностью, сама бедность является "злоупотреблением детьми". Дэвид Гил, профессор социальной политики в Университете Брандейса и защитник детей по жизни, красноречиво это выразил. "Дети подвергаются злоупотреблению, дурному обращению, а их развитие стремится к торможению в результате широкого диапазона совершенно законных социальных политик и общественных практик, которые порождают, позволяют и увековечивают бедность, недостаточное питание, физическое и психическое нездоровье, безработицу, негодные жилье и городские районы, загрязненные и опасные среды обитания, школьные программы, лишённые осмысленного образования, повсеместное отсутствие возможностей и отчаяние, - писал он [в 1981 году]. -

Массовое злоупотребление и разрушение детей есть побочный продукт нормального функционирования нашего установленного социального порядка и его политических, экономических и культурных институтов". Это неправильно - выделять сексуальное злоупотребление как худший вред для детей, сказал мне Гил, когда злоупотребление детьми вообще - обычное дело.

Я не говорю, что нам надо беспокоиться о недостаточном питании и негодном жилье *вместо* того, чтобы беспокоиться о сексе. Или даже что если бы все хорошо питались и жили бы в нормальном жилье, то все сексуальные проблемы на свете решились бы (хотя многие решились бы). Вместо этого я говорю, что эти вещи связаны: способы, какими мы организуем наши экономические жизни и какими мы ведем наши сексуальные жизни и учим наших детей вести их жизни, связаны между собой более глубоко, чем вышеописанными линейными корреляциями. Они имеют отношение к одним и тем же базовым ценностям.

Один мой друг, обсуждая относительную "пугающую силу" разных фильмов ужасов во время поездки на Бали несколько лет назад, назвал "Челюсти" самым пугающим, в то время как его знакомый балиец проголосовал за "Экзорциста". "Как такое может быть, - спросил мой друг, - когда вы живете, со всех сторон окруженные водами, кишачими акулами?" "Ах, акулы, - сказал балиец, пренебрежительно махнув рукой. - Каждый знает, что акула едва ли когда ест человека. Но одержимость духами - *это* случается все время!"

Исторически мы склонны категоризировать проблемы как акул (материальные) или духов (моральные): болезнь или грех; недофинансируемые школы или отсутствие академических стандартов; недостаток вакансий на рынке труда или личная лень. Согласно тому же докладу Public Agenda, "американцы определяют проблему детей как преимущественно моральную по природе, не проблему денег или здравоохранения". Соответственно, решения, которые они выбрали, были из разряда "построения характера", а не "улучшения ситуации". Среди названных ими увеличение госфинансирования здравоохранения и ухода за детьми было на одиннадцатом месте из двенадцати, с увеличением социальных пособий на последнем. Выше по списку были комендантский час для несовершеннолетних (номер четыре) и ужесточение наказаний для тех, кто совершает преступления (номер семь).

Хотя улучшение качества американского образования было в этом списке на первом месте, а кандидаты в президенты США используют тему образования в своих предвыборных кампаниях уже, кажется, два десятилетия подряд, федеральное Министерство образования является, в сущности, пустой скорлупой, а Конгресс, имея такую возможность, не проявляет желания выделять доллары даже на починку крыш разваливающихся школьных зданий Америки. Средства, предлагаемые Вашингтоном для исправления чудовищного состояния общественного образования - талоны на оплату частных школ за государственный счет и стандартизированное тестирование, - не свидетельствуют о приверженности данному вопросу нынешнего "президента образования", которая была бы более стойкой, чем проявленная предыдущим - его папой. Джордж Буш младший вряд ли повернет тенденции вспять: Соединенные Штаты, которые полвека назад были одним из мировых лидеров по доле населения, получающего аттестаты о среднем образовании, в 1990-х годах отставали по этому показателю от Финляндии, Норвегии, Польши, Южной Кореи, Чехии, Франции, Германии, Канады и Ирландии. И всего лишь половина американской молодежи проводила хотя бы год в колледже.

Те респонденты опроса Public Agenda поняли это неправильно. Вы не можете отделить акул от духов. Деньги и здоровье - вопросы моральные, а там, где речь идет о государственной политике, вы помещаете ваши деньги туда, где находится ваша моральная приверженность. Вот почему единственные деньги, которые федеральное правительство когда-либо потратило на сексуальное образование, были деньгами на преподавание целомудрия. И почему, за более чем десятилетие смерти и опустошения целых общин, ни один американский президент даже не упомянул СПИД, не говоря уже о выделении средств на борьбу с этой болезнью (Билл Клинтон был первым).

Эта связь между деньгами и моралью действует также и в сфере личного характера. Это не случайность, что люди, попадающие в тюрьму, совершив преступления как насильственные, так и ненасильственные, - люди бедные, а многие из них еще и неграмотные.

"Реализовавшиеся люди не обижают других людей, - говорит Дэвид Гил. - Люди, чьи материальные, эмоциональные и духовные потребности удовлетворяются, - это в своей массе очень милые, симпатичные люди. Люди, чьи потребности блокируются и чье развитие блокируется, их конструктивная энергия трансформируется. Это может выражаться через домашнее насилие, сексуальное злоупотребление, уличную преступность, сумасшествие, саморазрушение, суицид - все эти вещи суть вариации на тему деструктивной энергии. Вопрос в том, какие социальные условия приводят к тому, что люди не развиваются?" Или, если сформулировать это наоборот, какие социальные условия приводят к тому, что люди развиваются до своего наивысшего потенциала - интеллектуально, эмоционально, духовно и сексуально?

Социальные условия формируются моральными приоритетами. Поэтому вопрос становится таким: какие ценности сделали бы мир таким, чтобы детям было хорошо в нем расти?

Не "семейные ценности", будь то ортодоксальная религиозная версия, утверждаемая Христианской коалицией, или светско-потребительская, продвигаемая каждым рекламным роликом о "сухих завтраках". Нет нужды говорить о том, что семья чрезвычайно важна для благополучия детей. Может быть, для того чтобы вырастить ребенка, и нужна деревня, но большинство детей возвращаются домой и спят в постели в своем доме с семьей; семья покупает кроссовки "Nike" и ставит курицу "Chicken McNuggets" на стол.

С другой стороны, когда мы обращаемся к конкретным случаям, "семейные ценности" - это другой способ сказать "приватизация", которая означает устранение государственной - то есть разделяемой - финансовой ответственности перед сообществом. Почти на каждом съезде групп, считающихся "моральным" или религиозным лагерем консервативного движения, как например "Озабоченных женщин за Америку", одним из объявляемых с особым почетом и принимаемых с особым энтузиазмом ораторов является неутомимый Гровер Норквист, возглавляющий организацию "Американцы за налоговую реформу" (ATR). Целью ATR является упразднение Федеральной налоговой службы и введение плоской налоговой шкалы, чтобы вы и Билл Гейтс платили по одной ставке, а в утопическом будущем, как это видится, вы не платили бы налогов вообще. После выступления Норквиста обычно встает кто-то из присутствующих в зрительном зале, чтобы обсмеять лозунг "Чтобы вырастить ребенка, нужна деревня". "Для этого не нужна деревня! - провозглашает она. - Для этого нужна семья!" Дикие аплодисменты. Что это значит? К черту деревню? Без банковского счета *сообщества* - без национальной казны, которой теперь угрожают массивные сокращения налогов для корпораций и богатых - именно это произойдет с нашими деревнями, и с нашими семьями и детьми вместе с ними.

"Семейные ценности" не сделают мир безопасным для детей, и уж точно не безопасным сексуально. Начать хотя бы с того, что большинство "злоупотребления детьми" происходит внутри семьи. А если экономическая безопасность и чувство разделяемой ответственности всеми взрослыми для всех детей являются одними из необходимых условий сексуальной безопасности, "семейные ценности" подвергают детей опасности дома и вообще везде.

Как я уже писала, именно во внешнем мире - не менее, чем в своем доме - дети учатся быть друзьями, работниками и любовниками. Поэтому родителям, которым не безразлично, что происходит с их детьми, нужно перестать видеть самих себя исключительно как маму Дженнифер или папу Джамала. Мама и папа являются также пожарными, веб-дизайнерами, докторами, лавочниками и управляющими корпораций; они являются соседями, членами школьных советов и избирателями. Мама и папа являются *гражданами*, и, если они хотят, чтобы их дети были в безопасности, они должны вести себя, как граждане, что означает присматривать и за другими детьми деревни тоже. А это идет дальше, чем обеспечить справедливое распределение налоговых долларов между всеми детьми.

Нам также нужно начать видеть детей как граждан. Двадцать пять лет назад корифей науки о развитии детей Гизела Конопка определила девять базовых условий того, чтобы дети могли расти счастливыми и здоровыми. Помимо таких личных нужд первой необходимости, как потребность детей экспериментировать с идентичностями и ролями, она назвала "потребность участвовать как граждане". На самом деле, она поместила ее в своем перечне на первое место. "Чувство принадлежности" и "ощущение ответственности перед другими" также были в этой девятке. Но ответственность и долг - это не всё, в чем нуждаются дети, говорила Конопка. Критически важны были также переживания, которые бы "культивировали способность наслаждаться жизнью".

Когда мы будем готовы пригласить детей в сообщество как полностью участвующих граждан, я верю, что мы также будем уважать их как людей, не столь отличных от нас самих. Это будет тот момент, когда мы станем уважать их сексуальную автономию и субъектность и осознаем, что один из способов помогать им культивировать способность наслаждаться жизнью - образовывать их способность к сексуальной радости.

Секс - вопрос морали, но преподавание "сексуальных ценностей" излишне. Те же вещи, которые делают вас надежным членом коллектива в третьем классе школы - сотрудничество, уважение, честность, - делают вас и внимательным любовником, человеком, последовательно практикующим безопасный секс, способным говорить "да" или "нет" сексу и уважать согласие партнера. Если мы хотим, чтобы дети защищали себя, в то же время не обижали других, гордились своей индивидуальностью, в то же время терпимо относились к чужим отличиям, если мы хотим, чтобы они балансировали спонтанность и осторожность, свободу и ответственность, это те способности и ценности, которые применимы ко всем сферам их частной и общественной жизни, среди которых сексуальность является не большей и не меньшей сферой.

Сказав всё это - вы не узнаете всё, что вам нужно знать, будучи в детском саду. Этические вопросы становятся сложнее по мере того, как вы взрослеете; критические моральные приоритеты конкурируют между собой, как например императив защищать детей против ценности уважать их выбор. С нашей стороны, в таком случае, быть моральными в отношении сексуальности детей значит находить баланс между этими приоритетами: не только охранять их тела и души от вреда, но и объять те глубокие награды, которые дает открытие "я" через близость и удовольствие, разделяемое с другим человеком. Быть моральными в отношении детей и их сексуальности значит перестроить наши представления о том, что служит их лучшим интересам и что на самом деле подвергает их опасности.

На одной из роскошных и загадочных фотографий Сэлли Манн изображена обнаженная трех- или четырехлетняя девочка, слегка прикрытая одеялом, дремлющая на деревянной террасе над мутной рекой. Ее лицо расслаблено, рот приоткрыт, бледное тело томно. На расположенный под ней берег заползает маленький аллигатор.

Присмотревшись к фотографии ближе, однако, мы замечаем, что аллигатор - не настоящий. Это надувная пластиковая игрушка с зубами и когтями, напечатанными на ней краской. Туман, поднимающийся над рекой, мешает разглядеть его карикатурную форму, он выглядит свирепым и подвижным. Фотография называется "Аллигатор приближается".

Что является этим аллигатором? Педофил с ароматом ребенка в ноздрях? Голливудский магнат, стряпающий коммерческий секс, который будет вторгаться в ее фантазии? Это беременность или СПИД, бедность или бездомность? Что это за люди и условия, могущие охотиться на плоть ребенка и пожирать его дух? Что это за дутые пузыри, поставленные на поток маскарады опасности? Граница между опасностями реальными и иллюзорными не всегда ясна. Как мы уже видели, выдуманный монстр может внушать страх и рвать на части не менее эффективно, чем реальный. А ведь если мы хотим мудро направлять детей, плывущих в водах вожделения и насилия, нам нужно знать разницу.

Что будет мешать ребенку, вступающему в эти потоки? Иерархии расы, гендера и красоты, заставляющие ее сомневаться в самой себе и презирать других, кто отличается.

Экономические и социальные неравенства, закрывающие ее горизонты до того, как она становится достаточно высокой, чтобы заглянуть за них. Сексуальные стыд и невежество, ведущие к неудовлетворенности в лучшем случае, к катастрофе в худшем.

А что будет удерживать ребенка на плаву? Знание и гордость от своего тела, свобода для своих чувств, уважение взрослых к ее уму, воле и приватности. Хорошая пища и безопасная кухня, чтобы ее есть, зеленое пространство, библиотеки, наполненные книгами и компьютерами, семья и друзья, имеющие время и средства, чтобы ее любить и не обижать. Община, заботящаяся о своих более маленьких, более слабых членах не менее, чем она носится со своими агрессивными и успешными, прославляющая счастье не менее, чем она выискивает злобу.

Аллигаторы таятся на дне сна каждого ребенка. Опасность неизбежна в детстве, и самой худшей болью для взрослых может быть бессилие ее предотвратить. Однако, когда дети выходят в большой мир, защищать их от секса - не защитит их от тех опасностей, которые имеют мало отношения к сексу, но могут в конечном итоге делать секс опасным.

Секс не вреден для детей. Это средство к самопознанию, любви, исцелению, творчеству, приключениям и сильнейшим ощущениям того, что ты живой. Есть множество способов, которыми даже самые маленькие дети могут быть к нему причастны. Наш моральный долг перед следующим поколением - сделать мир таким, чтобы каждый ребенок мог быть причастен к нему безопасно, таким, в котором нужды и вожделения каждого ребенка - к свершению, соединению, значению и удовольствию - смогут быть замечательным образом удовлетворены.

Понять и разобраться

Перевод книги [Сары Гуд](#) "Понять и разобраться. Педофилы в современном обществе".

Предисловие

Я обыкновенная англичанка средних лет, традиционной сексуальной ориентации, мать. А еще я ученый, занимающийся проблемой здоровья и здравоохранения. Когда я только начала осуществлять свой замысел, результатом которого является эта книга, меня очень злил тот факт, что дети по-прежнему продолжают подвергаться сексуальному насилию, и, кажется, ничто не может этому помешать. Мне хотелось понять почему. Однако меня сильно смущали портреты педофилов, которыми изобилуют меди-средства, и поэтому мне захотелось узнать как можно больше. Я ненавидела педофилов, как и любой из вас. Встреть я педофила где-нибудь на улице, то непременно прибила бы его собственными руками (и это несмотря на то, что вообще я довольно терпимая, миролюбивая христианка). Но в то же время, я не могла не видеть, что образы коварных и хитрых монстров, которые в изобилии были представлены в новостях и бесчисленных воззваниях благотворительных организаций, не могли быть верными. Они были неправдоподобны. Люди такими не бывают. И вот тогда я написала короткую научную заметку для предстоящей конференции. А после этого кое-кто со мной связался через e-мейл и стал делиться своим опытом и размышлениями. К моему великому удивлению, однажды я поймала себя на мысли, что общаюсь с человеком, стоящим «по ту сторону забора», с человеком, который испытывает сексуальное влечение к маленьким детям. А спустя время я стала переписываться и с другими педофилами. Была запланирована встреча с большой группой и интервью с ними, но она не состоялась. Вместо этого я запустила опросник и около пятидесяти человек на него ответили. С другими педофилами я встречалась и разговаривала. Из них только один находился в заключении; остальные были обыкновенными гражданами, живущими повседневными заботами. Вместе с тем, я разговаривала со многими специалистами и учеными, перечитала все, что смогла найти на тему педофилии, особенно те работы, которые рассматривали педофилию с точки зрения социологии. Эта книга явилась результатом. В этой книге нет ни описания того, какими бывают педофилы злыми и ужасными, ни того какими они бывают добрыми и прекрасными. Вам предлагается самим судить о них, исходя из их же собственных слов (опубликованных в академических работах, взятых из неофициальных признаний в интернете, приведенных в виде прямых цитат в данном исследовании), и составить свое собственное мнение. Эта книга предоставит вам информацию, к которой нет широкого доступа. Цель моей работы связать воедино данные разных научных дисциплин и выяснить, что на самом деле означает сексуальное влечение к детям в контексте нашей культуры и нашего понимания сексуальности. Данная книга не проста для прочтения, хотя я и стремилась сделать ее максимально удобочитаемой. Тема сексуального контакта взрослых с детьми весьма болезненная, и когда кто-то начинает разбираться в ней в контексте более широкого спектра сексуальных и социальных злоупотреблений детьми и женщинами на протяжении веков, ему эта тема не может не показаться глубоко печальной. Ей и следует быть печальной. Если коротко представить вывод этой книги, то он в следующем: сексуальные контакты с детьми необходимо предотвращать, но если наказывать человека за его сексуальные влечения, а не за его фактические поступки, то результат будет прямо противоположным тому, которого ожидали. Каждый из нас должен поступать зрело и ответственно для того, чтобы наши дети могли иметь счастливое детство, в котором не будет места злу. Ненависть к педофилам выглядит намного проще, но едва ли она сможет охранить детей.

Часть 1. Понимание педофилов

Введение

Данная книга необычна. В ней представлен взгляд из того мира, который доселе никогда не обсуждался и не описывался с достаточной глубиной. Ни на академическом уровне, ни на уровне популярных изданий. Но в этот мир, как бы парадоксально это не звучало, каждый, у кого есть Интернет, может получить моментальный доступ.

Первейшая задача этой книги – защита детства. Понять и разобраться в сексуальном влечении к детям с тем, чтобы сделать этот мир более безопасным местом для детей. Но вместе с тем я уверена, что книга имеет и другую ценность. Я намереваюсь наладить мост через существующую пропасть непонимания между теми, кто хочет защищать детей и теми, кто испытывает к ним сексуальное влечение – и признать, что порой это одни и те же люди. Я исхожу из того неоспоримого факта, что многие из тех людей, которые владеют детской порнографией и которые испытывают сексуальные желания по отношению к детям, скорее всего в своей повседневной жизни занимаются воспитанием детей: либо в качестве профессионалов, либо в качестве родителей. Эта книга исследует данную проблему и ищет ответ: как и почему они могут быть одними и теми же людьми, и как нам следует к этому относиться. В этой книге я хочу противопоставить тем эмоциям, которые витают вокруг педофилии, данные научных изысканий и материалы опросов. Эта книга представляет собой исследование настоящих педофилов, живущих обычной жизнью в обществе, в качестве противовеса тем образам, которые каждый может найти в ежедневных новостях, в призывах благотворительных фондов, в образовательных и обучающих материалах для профессионалов, в учебниках. Такие портреты чаще всего бывают упрощенными и психологически наивными. Они заставляют нас верить в плоские, надуманные и расплывчатые образы злых монстров, которые просто не встречаются в повседневной жизни. И еще: всем известно, что, когда бы не проводилось исследования и не собирались статистические данные, мы снова и снова обнаруживаем шокирующе высокий процент детей, подвергаемых сексуальному насилию. Данные по мальчикам колеблются в пределах 10-11% (Cawson et al. 2000; Itzin 2006). По девочкам между 21 и 25% (Itzin 2006; Cawson et al. 2000). В целом же, Всемирная Организация Здравоохранения установила, что 150 миллионов девочек и 73 миллиона мальчиков оказываются жертвами сексуального принуждения и других форм сексуального насилия с применением физического контакта до достижения ими восемнадцатилетнего возраста (WHO 2002). Здравый смысл подсказывает нам, что если такое количество детей подвергается сексуальному насилию, то мы должны знать насильников в лицо, мы, скорее всего, живем рядом с ними. Они вовсе не редкие ужасные монстры, обитающие в подполье и подстерегающие легкомысленного ребенка. Они среди нас и мы должны научиться понимать их.

На данный момент накоплено огромное количество исследований педофилии, среди которых встречаются исследования на темы сексуального злоупотребления детьми, детской порнографии, сексологии, сексуальных расстройств и отклонений, детской сексуальности и сексуальной политики. Однако подход, применяемый в этой книге, значительно отличается от прежних публикаций по своему отношению к самим педофилам (т.е. тем взрослым, которые сами признают в себе сексуальное влечение к детям). В книге нет утверждений, что педофилы страдают патологией, отклонением, склонны к преступлениям и злы по натуре. В ней даже не утверждается, что они чем-то отличаются от нас или что мы должны как-то особо подходить к их сексуальному влечению или к их решению действовать согласно этим влечениям. И несомненно, в наибольшей степени меня интересовала сама возможность добровольного отказа действовать согласно своим сексуальным влечениям в отношении детей—тема, которая до сих пор почти не изучена. Задача этой книги провести различие между не подчиняющимися воле желаниями и волевыми поступками и, следовательно, между сексуальным влечением как таковым, и действиями, которые этими влечениями вызваны. Это различие часто упускается из виду. Складывается впечатление, что авторы, писавшие на эту тему, либо даже не пытались проявить какое-то сочувствие к людям, подверженным сексуальному влечению к детям, либо выражали его в такой степени, что совершенно забывали о детях. На данный момент, большинство книг, посвященных изучению опыта педофилов, были написаны мужчинами (Rossman 1976; O`Carroll 1980; Wilson and Cox 1983; Sandfort 1987; Li et al. 1990; Feierman 1990; Plummer 1995); однако встречаются и книги, написанные женщинами: Yates 1978 and [Levine 2002](#) и многие из этих книг свидетельствуют о том, как мало существует понимания того, в чем дети – и мальчики и

девочки—действительно нуждаются в разные периоды своего развития: настолько они сосредоточены на симпатиях и антипатиях к взрослому мужчине. Я же в своей работе, прежде всего, сосредоточена на детях, хотя это и не исключает всех остальных: мы все были когда-то детьми, и мы все стремимся увидеть наших детей зрелыми и любящими взрослыми. Таким образом, эта книга отличается от всех прежних текстов на данную тему, поскольку она придерживается баланса между Сциллой демонизации педофилов и Харибдой реабилитации преступного поведения. Педофилы существуют, и мы должны научиться жить с ними, имея при себе полный запас знаний. Эта книга направлена на то, чтобы содействовать продвижению в сторону реалистичного понимания ситуации. В каждой главе я стремилась к демистификации сексуального влечения к детям, чтобы общество уже на новом уровне ответственности могло защищать детей от сексуального насилия. (Далее следует краткое изложение содержания всех глав – прим. переводчика.)

Глава I. Дэвид

История Дэвида никогда не попадет в заголовки газет, но мы должны услышать ее. Это история нашего времени, история глубокой грусти и боли. Она много может рассказать нам о нашем ужасе и страхе перед педофилией. Это ради Дэвида и ему подобных, как, впрочем, и ради всех детей была написана эта книга. Этот автобиографический отчет был направлен мне в качестве ответа на заключительный вопрос, который я задала в рамках своего исследования. Вопрос звучал так: «Есть ли какие-нибудь вопросы, которые мне следовало бы задать вам или информация, которой вы хотели бы со мной поделиться?»

Дэвид ответил, что мне следовало задать вопрос: «Задумывались ли вы когда-нибудь о самоубийстве, и если да, то насколько близко вы подошли к осуществлению замысла?» И далее он поведал мне о своем опыте. В слегка отредактированном и сокращенном варианте, представленном тут, Дэвид рисует детальную и живую картину того, что он испытал, будучи одиноким, насмерть перепуганным подростком, когда впервые узнал ужасную правду о том, что является педофилом.

Я помню точно, когда это началось. Мне едва исполнилось тринадцать, и я сдавал очень ответственный экзамен. Помню, как сидел в школьном зале вместе с сотней других учеников. Как все они очень нервничал и смотрел по сторонам в поисках моральной поддержки. И тут мой взгляд наткнулся на одного приметного мальчугана. Я не был с ним знаком, но что-то странное показалось мне в нем, хотя я и не понял, что именно. Он был довольно симпатичным мальчиком, но при этом обладал еще чем-то таким, что и привлекло мое внимание. Я взглянул на него еще раз, другой... Меня это несколько озадачило, но, в конце концов, я не мог думать об этом постоянно. Уже после, когда меня летом спрашивали: «Как прошел экзамен?», я задумывался про себя: «Не кажется ли это странным, что этот мальчик показался мне странным?»

Когда я пошел в эту школу, к моему удивлению тот странный мальчик оказался там же. Время шло, я постепенно освоился в новом окружении, перезнакомился с новыми людьми, начал обзаводиться новыми друзьями. И стал все больше и больше обращать внимание на этого мальчика. А однажды ночью, когда был уже в постели, я стал думать о нем, и вдруг, словно из ниоткуда, я вообразил, что целую его! Я отчетливо помню этот момент, помню дрожь по спине, едва я осознал, как это плохо... Больше всего меня беспокоил не сам воображаемый поцелуй мальчика, а то, что целовать его было приятно. Ужас заставил меня выкинуть эти мысли из головы, и я поклялся больше никогда об этом не думать. В конце концов, мне нравились женщины, они очень сексуальны, и вообразить себя вместе с Памелой Андерсон было тоже приятно.

Но этот мальчик был не только в моей школе и в моем классе, он входил в круг моих друзей. Вскоре я начал думать, что испытываю к этому мальчику влечение лишь потому, что у меня были сексуальные фантазии о нем. Они были действительно приятными, но я чувствовал, что все это не так, как надо. Я старался не смотреть в сторону привлекательного мальчика и очень быстро научился переводить рассеянный взгляд в

другую сторону, постепенно это вошло в привычку и едва ли не стало моей второй натурой. Вместе с тем, я пришел к убеждению, что одноклассники и друзья, с которыми я общался, ровным счетом ничего не замечают. Я стал понемногу успокаиваться. «Я не гей. Я вполне нормален, но немного сконфужен», — думал я. «Это лишь гормоны, и поэтому все, что мне нужно делать, это обождать, пока они улягутся. Я уверен, что я не гей!» Так прошел год.

Когда мне исполнилось четырнадцать, я все еще был в одной тусовке с этим мальчиком. Его присутствие неприятно напоминало мне о моей ненормальности. Время шло и моя «теория гормонов» дала первую трещину. Я начал подумывать, что может я и вправду гей? Хотя большую часть времени я не думал об этом, а просто жил.

А когда мне исполнилось пятнадцать, моя «теория гормонов» уже висела на волоске, но к тому времени и первый шок от мысли о гомосексуализме несколько поизносился. Я считал, что если эти проклятые гормоны вообще собираются успокоиться, они должны успокоиться уже сейчас. И я начал понемногу свыкаться с мыслью о том, что у меня гомосексуализм, и что это не самое худшее в мире. Меня все еще привлекали женщины, но соотношение было 75/25. И тогда я решил положить конец этому конфликту внутри себя и пошел на некоторые уступки. Я сказал себе: «Хорошо, я соглашаюсь с тем, что я поражен гомосексуализмом, но вот мои условия: ты, моя Гомосексуальность, должна забиться вон в тот угол и фантазировать там о чем угодно, а я отправлюсь в этот угол, и буду жить жизнью обычного гетеросексуала, как угодно мне, и будем притворяться, что мы незнакомы друг с другом. Я чувствовал, что мошенничаю, но другого выхода не было. Жизнь нормализовалась, время шло, и проблема перестала меня беспокоить как прежде. Я привык к ней и научился не замечать ее.

К шестнадцати годам я чувствовал себя достаточно счастливым. Но что-то поменялось. Как бы я не старался игнорировать свою гомосексуальность, я все же сделал некоторые наблюдения. Наблюдение номер один: почему те парни в моем классе, которые прежде казались мне привлекательными, сейчас привлекательными уже не кажутся? Как-то странно. Наблюдение номер два: если я гей, то почему меня не привлекает, например, Брэд Питт? Он симпатичный, и как я слышал, является идолом для геев, но когда я смотрю на него, он мне не нравится, как, впрочем, и другие взрослые мужики, какими бы симпатичными они не были. Наблюдение номер три (в беспокойстве): почему все парни, которые мне нравятся, находятся в возрасте двенадцати-тринадцати лет? Ведь они выглядят как мальчики. И тогда у меня появилось плохое предчувствие, что все идет совсем не так как надо. И чем больше я об этом думал, тем более обеспокоенным я становился. Я не знал, что случилось со мной и почему это случилось именно со мной.

Это был тот самый год, когда Отец Смит появлялся в заголовках на первой полосе всех газет, которые покупали мои родители. Новое зло появилось на свет из ужасного ада, и у него было название: Педофилия. Я никогда прежде не слышал этого слова. Отец Смит был педофилом и, как объяснялось в газетах, педофил, это человек, который испытывает влечение к детям. У Отца Смита был секс с мальчиками. А единственно, кто привлекал меня, были тоже мальчики. Вначале я отнесся к этому с недоверием. Ничто в мире не заставит меня творить тот ужас, который Отец Смит совершал с теми мальчиками. И я стал полагать, что та болезнь, которая была у Отца Смита, отличается от той, что была у меня. Я размышлял: почему он делал все эти вещи? Почему мальчикам нужно причинять вред? Какой в этом смысл?

Проходили недели, месяцы. Я читал все статьи о педофилии, которые мне попадались в родительских газетах. Я был осторожен, и очень внимательно следил за тем, чтобы ни мои родители, ни кто бы то ни было другой в доме, никогда не видел, как я читаю эти газеты. В одном воскресном выпуске, со ссылкой на глубоко-научные исследования педофилии, было, наконец, дано разъяснение, почему педофилы так жестоки к детям. Педофилия является «неизлечимой формой психического заболевания», писалось в

газете, и это лишь вопрос времени, обстоятельств и удобного случая для того, чтобы педофил набросился на свою жертву.

Как только я понял содержание статьи, меня осенила мысль, что педофилия, будучи болезнью, подобна раковой опухоли. Раковая опухоль сознания. Все что я знал о раковых опухолях, было то, что они вначале очень маленькие. Такие маленькие, что вы даже не подозреваете об их существовании. Но со временем опухоль начинает поражать все вокруг и, когда вы узнаете, что она у вас есть, то чаще всего бывает поздно с этим что-то делать. И она убивает вас. Я размышлял, что педофилия тоже вначале очень маленькая. Долгое время я даже не знал, что она у меня есть. Я думал, что это гомосексуализм. Мне только шестнадцать и поэтому я пока еще хороший, но с течением времени педофилия станет поражать во мне все хорошее и непорочное, а потом, стоит только дожидаться обстоятельств и удобного случая, и я тоже начну насилловать, избивать и убивать мальчиков! Я стану таким же злым, как Отец Смит. И мне не остановить это! Каждую ночь мысли об этом посещали меня снова и снова. Страх напал медленно, но уверенно.

«Что-то появляется», — думал я. «Что-то наподобие безжалостного и бесстыжего удовольствия от изнасилования и избивание невинных мальчиков». Ночь за ночью страх рос и рос в одиночестве. Я мог ощущать его. Как много ненависти к педофилам было выражено в этих газетах, и вся суть заключалась в том, что это было совершенно справедливое чувство в отношении людей, подобных Отцу Смигу. Подобных мне. Неожиданно пришла в голову мысль, что каждый в этой жизни: мои друзья, моя семья, мои мама и папа, все они должны ненавидеть меня, но пока об этом не знают. Я стал сторониться всех вокруг. Чтобы почувствовать себя одиноким в этом мире, в той схватке с раковой опухолью, в которой мне не суждено одержать верх.

Если бы я расхаживал с взволнованным лицом или вел бы себя как-то не так, то непременно нарвался бы на кучу вопросов со стороны родителей, учителей и одноклассников. Вопросов, на которые я не мог позволить себе роскоши ответить. Поэтому, когда я находился среди людей, я буквально возвращал себя в состояние меня прежнего. Думаю, что история с «гомосексуализмом» хорошо приучила меня к этому. Я не испытывал и не показывал своего страха при посторонних, и старался вести себя таким образом, словно никаких проблем не существует.

А ночью, когда я был у себя в комнате один, ящик Пандоры открывался, и оттуда сыпалось исчадье ада. Как можно жить с позором сексуальности, заставляющей насилловать мальчиков, был первый вопрос. И как можно продолжать жить с позором обреченности на то, чтобы уничтожать детей, был вопрос другой. Я спрашивал себя: «Имею я право жить дальше, зная, что буду творить с мальчиками в будущем?» Я чувствовал ответ, но пока не называл его. Самоубийство. Оно все уравнивает и все решит. Надежный и окончательный шаг, благодаря которому я никогда в жизни не причиню вреда ни одному мальчишке. Полный конец.

Я знал, что если мне не удастся найти свой способ избавления от педофилии, значит, я погибну от собственной руки. Поиск начался. Я не помню, чтобы кто-то из моего окружения когда-либо заговорил на эту тему, хоть и старался внимательно слушать. Я снова вернулся к газетам, читал и перечитывал статьи, стараясь читать «между строк». Я и сам точно не знал, что хотел найти, но я точно знал, что сразу узнаю, как только найду. Однако со временем я убедился, что в газетах мне найти ничего не удастся. Я их уже два с лишним года читал, но в них говорилось одно и то же, снова и снова. Надежда на то, что мне повезет найти в них что-то для своего спасения, постепенно угасла. Мысль о самоубийстве стала моим спутником, ночь за ночью. Прошли недели, и мой страх постепенно уступил место печальному приятию судьбы. Я сделал все, что мог. Я сделал все, что было в моих силах, перепробовал все способы. Выхода не было.

Я стал думать об идее суицида, и искал в этом смысл. А смысл заключался в том, что я хотел быть уверенным наверняка, что никогда не причиню вреда мальчику. И далее я размышлял, что то, чего я хотел добиться суицидом, было фактически спасением мальчиков, а людей, которые кого-то спасают, и особенно детей, называют героями. Термин «педофил» означает «причиняющий вред детям». Но ведь я собираюсь спасти детей, а не причинять им вред. А это значит, что никакой я не педофил. И уж если в этой жизни никто не любит педофилов, то героев непременно любят все. Все любят героев. Все любят... меня! Ну, конечно же, они любят! Вот, все стало совершенным. Все стало прекрасным. Все приобрело драгоценный смысл, все вопросы решены. Самоубийство, это не решение, самоубийство, это понимание! Совершенное понимание.

На следующее утро, когда я вышел из своей комнаты, я буквально витал в облаках. Я едва сдерживал улыбку на своем лице. Все стало совсем другим, таким замечательным. Ужасная болезнь проиграла схватку, и теперь у меня не было причин винить ни себя, ни кого-то другого. Все встало на свои места.

Через пару дней порхания в небесах, я понял, что пришло время составить план того, как я буду совершать акт суицида. И тем же вечером, запершись в своей комнате, я занялся поиском способа.

Существует множество способов совершить самоубийство, начиная от передозировки лекарства до прыжка под колеса автобуса. Я составил список приоритетов, которым должен был отвечать выбранный способ. Приоритет номер один: способ должен быть надежным. Приоритет номер два: способ должен быть быстрым. Приоритет номер три: по возможности, он должен быть безболезненным. Лучшим способом мне показалось перерезать вены бритвой в ванной комнате. Способ казался совершенным. Он абсолютно надежен, на все уйдет максимум пять минут, и, разумеется, чем глубже порез, тем меньше боли. Поскольку способ и место уже были выбраны, оставалось назначить дату. Я выбрал время через полтора месяца. Теперь оставалось только сидеть и ждать.

А в назначенный день я сидел в ванной с бритвой в руке, но так и не смог сделать этого! Хотя это был не последний раз в те первые годы, когда я был на грани самоубийства, никакой другой случай не производил на меня такого сильного впечатления. Моя психика хрустнула, и я эмоционально и логически завис в состоянии не на что более не способном, как только показывать людям себя таким, каким они хотели бы меня видеть, и только для того, чтобы однажды закончить дни в своей постели. Вся дальнейшая история от этой попытки и вплоть до настоящего времени была тем, что я называю медленной перестройкой мировоззрения и понимания жизни.

Опыт Дэвида как подростка, склонного к суициду, служит мощным напоминанием того, ради чего была написана эта книга и почему, как профессионалы, так и обычные люди нуждаются в информации, которую эта книга представляет.

Моей главной задачей при написании этой книги было сделать доступной информацию, способную помочь нам, как членам общества, понять, что значит быть человеком с таким сексуальным влечением. Информация этой книги должна помочь тем, кто, подобно Дэвиду, обнаруживает в себе влечение, которого они умышленно не выбирали и находятся в замешательстве по поводу того, что однажды могут превратиться в тех самых «злых монстров», которых в изобилии выдумывают газетчики и телевизионщики. Эта книга также и для всех тех, кто так или иначе связан с этой темой, будь он профессионалом, просто сочувствующим обывателем или другом, которого волнует судьба того, кто испытывает сексуальное влечение к детям. А еще она для тех, кто, может быть, был знаком с педофилами, будучи детьми, или имеет опыт сексуальных контактов со взрослыми, и хочет понять свой опыт более глубоко. И наконец, эта книга для всех тех детей, прежних, настоящих и будущих, чья жизнь находится под угрозой сексуального поведения других людей. Я выражаю искреннюю надежду на то, что эта книга будет способствовать их безопасности и поможет построить более безопасное общество, в котором мы все будем отвечать за свои поступки.

Глава II. Определения педофилии

Из отчета Дэвида видно, что получить информацию о сексуальном влечении к детям крайне сложно, и это имеет свои последствия. Поэтому оставшаяся часть главы будет посвящена основным фактам, способствующим лучшему пониманию этого феномена. В следующей части мы рассмотрим состояние проблемы с медицинской и исторической точки зрения, а также некоторые практические и политические трудности, которые встанут на пути ее понимания. А в заключительной части попытаемся дать общее представление о количестве педофилов в мире.

Для начала нужно четко различать сексуальное преступление (сексуальный контакт взрослого с ребенком, не достигшим возраста согласия) и педофилию (сексуальное влечение к детям, не достигшим возраста согласия). Сексуальные преступления против детей, в тех или иных формах, существуют с тех пор, как в законодательство было введено понятие юридического возраста согласия. До этого момента, а так же там, где понятия возраста согласия не существует, дети могли подвергаться сексуальным злоупотреблениям и насилию со стороны взрослых, хотя вред от таких действий мог и не признаваться. Строго говоря, педофилия, это узкая концептуальная категория, отличная от понятия сексуального преступления. Она должна отвечать медицинским критериям подобно другим психическим расстройствам, или иначе парафилиям (расстройствам сексуальной функции). Таким образом, современное определение педофилии связано с медицинской диагностикой и методикой лечения. В современном понимании педофилия является медицинским определением стойкой сексуальной ориентации, которая может выражаться, а может и не выражаться в поступках сексуального характера по отношению к детям. Сам по себе термин *paedophilia erotica* был введен в обиход немецким ученым-медиком Краффт-Эбингом, еще в девятнадцатом веке. Талантливый и влиятельный ученый, барон Рихард фон Краффт-Эбинг был назначен на должность профессора в Страсбурге еще в возрасте тридцати двух лет. Он посвятил свою жизнь тщательному описанию, анализу и классификации различных душевных болезней, которыми страдали его пациенты. Фанатично увлекшись вопросами секса и его разнообразными видами, он анализировал случаи необычной сексуальности, которые считал, скорее, следствием вырождения или, говоря на языке современной биологии, следствием ослабления генетического наследования, нежели результатом морального выбора, хотя и различал «вырожденцев» с фиксированными сексуальными желаниями и тех, кто хотел позэкспериментировать. Он обсуждал эти разновидности в ряде исследований, а результаты своих изысканий опубликовал в своей главной работе *Psychopathia Sexualis* (Сексуальная психопатия). Эта книга была впервые напечатана в 1886 году, выдержала множество редакций, репринтных изданий и переводов. Последнее издание на английском языке вышло в 1998 году (на русском языке книга издавалась несколько раз, как до октябрьского переворота, так и после. Одно из последних изданий вышло в 1996 году в издательстве «Республика». Электронную версию этого издания можно скачать тут: http://www.koob.ru/rihard_fon_kraft_ebingg/...vaya_psihopatia, прим. переводчика). Значение этого труда в истории психиатрии огромно: именно в ней впервые были употреблены термины садизм, мазохизм, фетишизм, некрофилия, гомосексуальность, гетеросексуальность и педофилия. Наряду с введением множества понятий, касающихся сексуального опыта, Краффт-Эбинг внес огромный вклад в научную медицину, судебную психиатрию и законодательную систему тем, что считал сексуальные девиации, скорее, медицинской, нежели юридической проблемой. Так, например, он утверждал, что гомосексуализм является не преступлением, а результатом психического расстройства, и, следовательно, гомосексуалисты нуждаются в лечении, а не заслуживают наказания. С работы Краффт-Эбинга, а так же с работ других психиатров конца девятнадцатого и начала двадцатого века берет свое начало современная сексология.

В то время как другие медицинские и психологические категории, созданные в девятнадцатом столетии вышли из употребления и были заменены более продвинутыми теориями, примечательно (и немного забавно), что эти старые сексологические термины не только не исчезают, но и получили широкую известность и распространение. И спустя 100

лет после введения классификации Краффт-Эбинга, одна из самых загадочных аномалий, педофилия, стала одним из самых затасканных брендов, используемых журналистами.

Педофилию часто соотносят, как оппоненты, так и защитники, с другим диагнозом, введенным Краффт-Эбингом, гомосексуализмом, и по крайней мере для защитников педофилии, такое соотнесение имеет свои основания. Гомосексуализм был вытеснен из разряда криминального (и, следовательно, наказуемого) поведения в разряд болезней (и, следовательно, подлежащего лечению), а затем, уже совсем недавно, в разряд нормального образа жизни. Таким образом, защитники педофилии как выбранного образа жизни смотрят на недавнюю декриминализацию мужского гомосексуализма (женский гомосексуализм, как правило, не считался преступлением), как на возможный вариант пути, который может ожидать педофилию в качестве медицинского диагноза. Беглый взгляд на историю «диагностики» гомосексуализма, таким образом, может послужить пониманию споров по поводу диагностики и определения педофилии. В то время как примерно в сорока странах гомосексуальное поведение по-прежнему считается запрещенным, в большинстве стран гомосексуализм был признан легальным и не считается психическим расстройством.

Почти все страны мира полагаются на две основные классификации медицинских диагнозов относительно психических расстройств: либо на Международную Классификацию Болезней, Раздел Психических Заболеваний, введенной Всемирной Организации Здравоохранения (ICD, в настоящий момент действует десятая редакция документа 1994) (В России она называется МКБ-10, прим. переводчика), либо на Руководство по Статистике и Диагностика Психических Расстройств Американской Ассоциации Психиатров (DSM, ныне действует четвертая редакция 2000-го года). Эти два ключевых текста по сути определяют, какие из психических расстройств действительно существуют, а какие нет, и, следовательно, лечение которых из них нужно оплачивать из страхового фонда. Вопрос, является ли данное состояние человека болезнью или нет, может коренным образом изменить его судьбу (является ли он на самом деле больным и действительно ли нуждается ли в лечении). Ответ на этот вопрос может радикально повлиять и на его окружение (следует ли окружающим воспринимать его как нормального или как больного). Поэтому нет ничего удивительного в том, что вопрос о диагностике гомосексуализма как заболевания вызвал столько споров в 1970 году. В конце концов, когда гомосексуализм признают заболеванием, нет смысла бравировать своей исключительностью. Сторонники движения за права гомосексуалистов в США часто использовали DSM в качестве основной мишени в борьбе, в которой обе противоборствующие стороны дрались на смерть за статус гомосексуализма: сохранять его или нет в списке заболеваний (Bayer 1981; Bayer and Spitzer 1982). После долгих споров гомосексуализм был удален из списка диагнозов в 1973 году, а в 1980 году возвращен как эго-дистонический гомосексуализм (т.е. гомосексуализм, который вызывает чувство дискомфорта у самого обладателя). Этот диагноз был опять же удален в 1986 году, а в 1993 он был удален из списка диагнозов в другой системе классификации, в ICD.

Некоторые участники этой компании склонны считать, что именно такая траектория пути ждет и другие парафилии (сексуальные расстройства), включая педофилию. О'Донохью (O'Donohue et al. 2000) рассмотрел ряд трудностей диагностирования педофилии, в то время как Мозер и Кляйнплатц (Moser & Kleinplatz 2003) пошли дальше, утверждая, что «ситуация с парафилиями параллельна ситуации с гомосексуализмом в начале 70-х. Но без поддержки тех политических уловок, к которым прибегали борцы за удаление гомосексуализма из списка заболеваний, парафилии продолжают находиться в списке DSM». Они представили свое мнение на симпозиуме, проходившем под эгидой Американской Ассоциации Психиатров (APA), на которой, очень сильно напоминая дебаты 70-х по гомосексуализму, прошла жаркая дискуссия по вопросу следует ли удалять педофилию и другие парафилии из списка диагнозов. APA оказалась под ударом столь стремительной атаки, что была вынуждена выступить с заявлением, в котором выражалась их позиция: «тот, кто вступает в сексуальные отношения с ребенком, совершает криминальный и аморальный поступок, который не может рассматриваться как нормальное и общественно приемлемое поведение» (Oseran 2003) (совсем недавно канадским парламентом было принято постановление считать педофилию сексуальной ориентацией, а не диагнозом: <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/2682310/posts>, однако я не стал бы

связывать это постановление с каким-то шагом на пути легализации сексуальных отношений с детьми. Цель этого постановления совсем другая, и имеет отношение, скорее, к медицине, которая бессильна помочь людям сексуально ориентированным на детей, нежели к области права, прим. переводчика).

Особо нужно выделить одного из участников этой компании, Ричарда Грина, адвоката, а так же профессора двух английских ВУЗов: Королевского Колледжа и Кембриджского Университета, который был одним из первых активистов движения за удаление гомосексуализма из списка заболеваний еще в далекие 70-е (Green 1972). А сейчас, спустя тридцать лет, он проталкивает идею удаления из списка диагноза педофилия (Green 2002: 469), утверждая, что «эволюция педофилии в различных редакциях DSM, напоминает приключения Алисы в Стране Чудес». Записки Грина это лишь один из множества комментариев по проблеме, считать ли педофилию психическим расстройством. Целый том Архива Сексуального Поведения (официальный печатный орган Международной Академии Сексуальных Исследований) был отдан под обсуждение, проходившее между двадцатью четырьмя участниками, которые так и не пришли к единому мнению (Gieles 2002). Проблема усугубляется еще и тем обстоятельством, что с момента первой публикации в 1952 году в DSM пять раз пытались изменить критерий диагностирования педофилии, и ни одна из редакций не отвечала всем требованиям.

Последняя из версий (DSM- IV- TR, APA 2000) предъявляет три условия, которым должен отвечать диагноз «педофилия». Первое, индивидуум должен в течении как минимум шести месяцев иметь периодически повторяющиеся, интенсивные сексуальные фантазии, сексуальное влечение, либо совершать действия сексуального характера в отношении неполовозрелого ребенка или детей (под неполовозрелым (допубертатным) ребенком в DSM подразумевается ребенок, не достигший тринадцати лет). Второе, индивидуум должен либо совершать действия, обусловленные сексуальным влечением, либо сексуальное влечение или фантазии должны причинять личные страдания, либо приводить к нарушению межличностных отношений. Третье, индивидуум должен достичь шестнадцатилетнего возраста и быть, по меньшей мере, на пять лет старше ребенка или детей, являющихся объектом сексуальных действий или фантазий. Сексуальное влечение может быть ограничено направленно на лиц, находящихся в близком родстве. Для того чтобы индивидуум был диагностирован как педофил, совсем не обязательно, чтобы он испытывал влечение исключительно по отношению к детям. Тем не менее, DSM не относит к числу педофилов подростков, находящихся в сексуальных отношениях с детьми двенадцати и тринадцати лет, хотя не совсем ясно по какой причине оно делает такое исключение.

Как указывал Грин и некоторые другие авторы, такое определение диагноза означает, что даже если индивидуум имеет повторяющиеся, устойчивые фантазии и сексуальное влечение к ребенку или детям, но не действует согласно своим влечениям, и эти влечения не причиняют ему заметных страданий и не приводят к нарушению межличностных отношений, то данный индивидуум не может быть диагностирован как обладатель педофилии. Такое определение является ошибочным, и поэтому мы не будем следовать ему на страницах этой книги, а будем пользоваться рабочим определением, в котором под педофилами будут подразумеваться лица, которые преимущественно или исключительно испытывают влечение к детям, не достигшим возраста согласия, независимо от того, действуют они на практике согласно своему влечению или нет (и испытывают ли они по этому поводу страдания, и не приводит ли влечение к нарушению межличностных отношений).

Трудности в этой области кажутся бесконечными. В предыдущей версии DSM (DSM-III-R) к критериям, определяющим парафилии, был добавлен клинически определяющий пункт «если лицо либо действует согласно своим влечениям, либо испытывает заметные страдания от них». Этот пункт указывал на то, что само влечение и фантазии не являются достаточным основанием для диагноза. В более поздней редакции (DSM-IV-TR 2000) формулировка критерия была подвергнута уточнению: определение педофилии отныне включало фантазии, сексуальное влечение, либо поступки, вызывающие клинически заметные страдания или приводящие к трудностям в общественной, профессиональной или

иной важной сфере деятельности. Изменение формулировки привело к неожиданным трудностям, которые АРА поспешила изложить. 18 января 2008 года, на своем веб-сайте АРА опубликовала разъяснения, касающиеся «Изменения формулировки клинически определяющих признаков для парафилии» (АРА 2008). В них АРА объяснила, что удаление упоминания действий вызванных влечением «явилось результатом неправильно истолкованных фундаментальных изменений в определении педофилии», что привело к ошибочному исключению тех индивидуумов, которые не испытывали страданий, в том числе и тех, чьи действия были вызваны педофильскими желаниями. У-упс! Прежняя формулировка была быстро восстановлена.

Что действительно демонстрирует эта сложная и запутанная смена формулировок, так это трудность дать точное определение педофилии. Поскольку термин «педофилия» является комплексным, он был не так давно подвергнут дальнейшему разделению на относительные категории: непиофилия (или инфантофилия) и эфебофилия (или гебофилия). Эти термины используются для определения влечений к младенцам и малышам, и влечения к подросткам, находящимся в возрасте, близком к возрасту согласия, соответственно. Например, термин «эфебофилия» используется широко известным сексологом д-ром Джоном Мани в написанном им предисловии к книге Тео Сэндфорта «Мальчики, вступающие в контакт с мужчинами» (1987), и он же описывает термины инфантофилия и непиофилия в сборнике, вышедшем под редакцией Джея Фирмана (Jay Feierman) «Педофилия: биосоциальные измерения» (Pedophilia: Biosocial Dimensions 1990; 451), где говорит «если предпочтительным объектом является младенец, то в качестве диагноза следует употреблять «инфантофилия». А если определяющим фактором является ношение подгузников, то следует употреблять греческий термин «непиофилия» (Мы еще вернемся к последствиям использования Джоном Мани термина «предпочтительный партнер» в отношении младенца). Не совсем ясно, изобрел ли Мани сам эти термины, хотя термин непиофилия (с упоминанием подгузников и без), кажется, используются в обществе педофилов. Тем не менее, эти термины не упоминаются ни в DSM, ни в ICD, и большая часть их упоминаний в сети отсылают читателя к сомнительной статье Википедии «Infantophilia» (Wikipedia 2008). Эта статья помечена (с января 2008 года), как подлежащая расширению, снабжению ссылками и дополнению цитатами или, другими словами, являющейся недостаточно научной для удовлетворения требований, предъявляемых Википедией как онлайн-энциклопедией. Так что, по всей вероятности, эти термины были взяты в употребление не из медицинских изданий (не обязательно написанных Мани), а прямо из среды педофилов, где они употребляются для самоидентификации (пример смотреть в Части 10 «Иен»).

Глава III. Количество педофилов в мире

В то время, как мой собственный опыт и то влияние, которое он оказал на формирование моего характера, мне хорошо известен, все же я убежден, что за его пределами не все так просто. Удручает, прежде всего, отсутствие сведений, цифр, достоверной статистики, что делает практически невозможным составление полной картины. А использование данных из газет и телепередач едва ли может привести к правильному результату. И, тем не менее, я пользуюсь теми данными, которые мне удастся раздобыть, несмотря ни на что. И думаю, что каждый, кто занимается этим вопросом, стоит перед такой же проблемой. (Дэвид)

Дэвид не единственный, кто испытывает трудности в поисках «сведений, цифр и достоверной статистики», способных прояснить вопрос сексуального влечения к детям. Охватив некоторые практические и политические сложности определения педофилии, давайте теперь взглянем на цифры. Этот раздел будет посвящен вопросу о количестве педофилов в общей популяции людей.

Ряд сведений можно получить без особого труда. Таких, как сведения о количестве осужденных в данное время за сексуальные преступления против детей. Если мы возьмем, например, ситуацию в Англии и Уэльсе – двух странах с общим населением в 53 миллиона человек, то к своему удивлению обнаружим, насколько низкими являются на самом деле цифры, отражающие количество сексуальных преступлений. В опубликованной Министерством Юстиции криминальной статистики за период 1997 - 2006 годы включительно большая часть данных о сексуальных преступлениях против детей содержится в таблице 3.13 на странице 70 Отчета (Ministry of Justice 2007). Я дополнила эти опубликованные данные материалами, полученными непосредственно из Министерства (личная переписка, май 2008г).

Для того, чтобы правильно разобраться в цифрах, следует вначале отделить доказанные преступления (когда человек был арестован, предстал перед судом, суд его счел виновным и назначил приговор) от случаев подозрения (когда человек не был арестован, но подпал под подозрение полиции и на него было заведено уголовное дело). Кроме того, нужно учитывать те изменения в законодательстве, при которых меняется формулировка понятия преступления, что, в свою очередь, определяет, какие преступления подлежат фиксации и отражению в статистике. При классификации преступлений обычно обращают внимание на пол ребенка и его возраст: от рождения до двенадцати лет, от тринадцати до пятнадцати (а для некоторых преступлений от тринадцати до семнадцати) и от восемнадцати и старше. Далее преступления подразделяются по возрасту преступника — был он младше или старше восемнадцати лет на момент совершения преступления: порой в разряд преступлений попадают отношения между шестнадцатилетней девочкой и ее семнадцатилетним бойфрендом, что неизбежно приводит к искусственному раздуванию цифр.

В этом исследовании я буду рассматривать лишь преступления, совершенные в отношении детей в возрасте от рождения до двенадцати лет лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста, и только если эти преступления касаются прямого сексуального контакта с ребенком, т.е. совокупление, изнасилование, попытка изнасилования, принуждение, противозаконная сексуальная связь, инцест и сексуальные действия, в том числе и совершенные лицами, находившимися в доверительных отношениях с потерпевшим ребенком.

В целом, семнадцать релевантных преступлений могут рассматриваться как преступления совершенные в отношении ребенка до тринадцати лет, из которых все, кроме двух (инцест с девочкой до тринадцати лет, и противозаконные сексуальные связи с девочкой до тринадцати) стали учитываться лишь с 2003 года, и таким образом имеют данные начиная с отчета за 2004 год. С тех пор, как стали отражать данные по этим семнадцати преступлениям, всего было оглашено 133, 397, и 552 приговора в отношении взрослых лиц старше восемнадцати за 2004, 2005 и 2006 годы соответственно. Эти приговоры касались преступлений, включающих случаи сексуальных действий со стороны лиц, находящихся в доверительных отношениях с ребенком (один приговор касался совращения мальчика; два приговора касались совращения девочек), случаи изнасилования мальчиков (три приговора), изнасилования девочек (семь приговоров); совокупления с мальчиком (одиннадцать приговоров) и инцестуальных связей с девочками (всего 103 приговора за период с 1997 по 2006 год). Прибавив к вышеупомянутым преступлениям все приговоры по сексуальным преступлениям в отношении детей, не достигших тринадцатилетнего возраста, за период с 1997 по 2006 год получим всего 1522 приговора.

Если взять цифру за 2006 год (когда наибольшее число взрослых получили приговоры за сексуальные действия с детьми не достигшими тринадцатилетнего возраста) то, как мы уже видели, получаем 552 приговора. А если вместо преступлений, совершенных в отношении детей до тринадцати лет, мы посмотрим на все сексуальные преступления, совершенные в отношении детей (независимо от возраста), то получим цифру в 2304 приговора за один только 2006 год. А если сюда прибавить и все случаи подозрения в совершении сексуальных преступлений в отношении детей (всего 755 случаев), то получим в результате 3 059

преступников, попавших в поле зрения полиции, включая как доказанные преступления, так и случаи подозрения.

Итак, получаем: из 53 миллионов человек, около 3000 могут быть либо подозреваемыми, либо приговоренными за сексуальные преступления в отношении детей ежегодно. Поскольку дети до 16 лет составляют примерно 20,2 % от всего населения Англии и Уэльса (Census, 2001), получаем, что взрослое население составляет в целом около 40 миллионов человек. Отсюда следует, что в среднем один из 13 000 взрослых оказываются либо подозреваемым в совершении сексуального преступления в отношении ребенка, либо приговоренным судом за подобные преступления, из которых один на 78 000 взрослых либо совершает преступления в отношении детей, не достигших тринадцатилетнего возраста, либо оказывается под подозрением. В то же время, если мы учтем и то обстоятельство, что преступления против детей совершаются преимущественно мужчинами, а не женщинами (Itzin, 2000), то получим цифру один мужчина на 40 000 (около 0.0025%).

Если же мы обратимся к использованию детской порнографии, внимание к которой увеличилось в последние несколько лет, то ее можно увидеть на примере Операции Руда (Operation Ore), в результате которой в Британии было арестовано 7 000 человек в 2003 году. Как это отразилось на статистике действительных и предполагаемых преступлений? В 2003 году, когда Операция Руда была в самом разгаре, цифры по Англии и Уэльсу более, чем удвоились. С 531 человека в 2002 году, они подскочили в целом на 1 287 человека, признанных виновными в приобретении, изготовлении или хранении непристойных детских фотографий. А с 2003 года, цифры застыли на приблизительной отметке 1000 человек в год: 1 162 человека в 2004 году, 1154 в 2005 и 934 человека в 2006-м (данные были получены от Министерства Юстиции через личную переписку, май 2008 год). Таким образом, даже если судить о количестве педофилов по преступлениям, связанным с детской порнографией, то, как и в случае прямых преступлений против детей, феномен выглядит мало впечатляющим.

Тем не менее, это контрастирует с происходящим в интернете. В следующей главе мы рассмотрим материалы интернета, включая наличие ссылок с предложением и обсуждением популярных «серий» детской порнографии (Jenkins 2001), пропедофильских веб-сайтов и присутствия фантазийной продукции с детской эротикой, таких, как эротические рассказы, альбомы с 3-D графикой, лоликон и шотакон манги (излишне сексуализированное изображение, соответственно, маленьких девочек и мальчиков). И эти феномены говорят о наличии довольно распространенного спроса на обсуждения, графические изображения, рассказы и другие материалы, имеющие отношения к сексуальному влечению взрослых к детям. Не давая внятных ответов на поставленные вопросы, эти свидетельства ставят ряд новых вопросов о распространенности явления и о довольно сложной взаимосвязи между фантазиями людей и их действиями.

Какие еще свидетельства мы можем привести для того, чтобы ответить на вопрос «Сколько всего педофилов?» Статистика едва ли ответит на этот вопрос. Психолог Поль Оками пишет:

Я пишу на доске цифры 1, 5, 21, 50 и спрашиваю своих учеников: «Которая из этих цифр соответствует проценту педофилов в стране?»... Правильный ответ: все цифры верны. (Paul Okami, quoted in Levine 2002; 25)

Сам Оками считает, что количество американских мужчин, испытывающих сексуальное влечение преимущественно к неполовозрелым детям, составляет около 1%, цифра, которая соответствует данным клинических и социологических исследований, о которых речь еще пойдет в этом разделе, но никак не вяжется с теми 0.0025 процента осужденных преступников.

Еще одним способом выявления может служить строение мозга и нейроэндокринный анализ. Этот способ обладает еще и тем достоинством, что помимо выявления количества педофилов в популяции, может многое сказать о биохимической базе педофилии (или, по

крайней мере, о некоторых ее аспектах). Исследователи изучают, в какой степени мозг мужчины был «маскулинизирован» и «дефеминизирован» гормонами, циркулирующими в теле матери, пока ребенок еще находился в утробе. Находясь в состоянии эмбриона, все дети имеют женский пол до тех пор, пока под воздействием специальных гормонов, у них не начинают развиваться внутренние детородные органы, гениталии и формируется мозг по «женскому» образцу. И только при относительном содержании определенных гормонов и относительном отсутствии других, зародыш приобретает мужской пол. Таким образом, для того, чтобы стать мальчиком, эмбрион должен быть и активно «маскулинизирован», и так же активно «дефеминизирован».

Процесс маскулинизации происходит первым; потом наступает процесс дефеминизации. Согласно биологическим исследованиям животных особей (Feierman 1990; Hutchison and Hutchison 1990), нейро-химический процесс маскулинизации создает связь между сексуальностью и доминирующим поведением в социуме то есть, соревновательную агрессивность, склонность к ухаживанию и коитальному поведению. Эта связь сексуальности со склонностью к общественному доминированию создает у мужчин влечение к «маленьким», «юным», и «беспомощным» личностям (Feierman 1990; 46). Фирман уверяет, что мозг педофилов «чрезвычайно маскулинизирован» (1990; 46; далее Фирман поправил сам себя: «Немного более маскулинизирован, чем мозг гетеросексуального мужчины» 1990; 53), отчего максимально сублильные (т.е. очень маленькие, слабые, юные и беспомощные) личности кажутся им особо сексуальными. Нейро-химический процесс дефеминизации устраняет модели поведения по женскому образцу (например, типичное выпячивание зада у млекопитающих для привлечения самцов – вспомнить хотя бы Мэрилин Монро, если угодно) и в то же время увеличивает вероятность того, что мужчинам такое «феменизированное» поведение покажется наиболее соблазнительным (вспомним и типичную реакцию гетеросексуальных мужчин на образ Монро). Фирман настойчиво заявляет, что педофилы «немного менее дефеминизированы», чем гетеросексуальные мужчины (1990; 53), а, следовательно, их в меньшей степени будет возбуждать типичная «женственность» в поведении. Социобиологические толкования человеческого поведения имеют довольно консервативную тенденцию вначале посмотреть на то, что есть, а затем искать объяснения в маловероятных примерах (у мышей, змей, птиц и т.д.) для того, чтобы истолковать и оправдать социальный status quo. И тем не менее, эта двумерная модель маскулинизации и дефеминизации мозга эмбриона предлагает как ответ на вопрос, почему некоторые мужчины могут находить детей сексуально привлекательными, так и прогнозирование, с учетом нормального протекания этого биохимического процесса, какое количество педофилов можно предполагать в популяции. Фирман, указывая только на мужчин, утверждает, что «главная тенденция в эволюции, это создавать гетеросексуальных мужчин через оптимальное соотношение маскулинизации и дефеминизации мозга еще во внутриутробном состоянии». А когда в уровне маскулинизации и дефеминизации происходит небольшой дисбаланс, то результатом оказывается гомосексуальность, педофилия (мужская или женская) и транссексуализм. Исходя из этой модели, Фирман предполагает, что в любой популяции мужчин педофилы являются более распространенной категорией, чем гомосексуалисты, которые, в свою очередь, более распространены, чем транссексуалы. Кроме того, он предполагает следующее:

Коль скоро распределение этих пунктов в модели отражает разные степени маскулинизации и дефеминизации мужского мозга, то существует основание считать, что разность их соотношения актуальна для всех мужчин, а не существует дискретно в виде произвольных, взаимно-независимых, исключительных категорий, таких как «гетеросексуал» или «андрофильный эфебофил» (человек испытывающий влечение к мальчикам подросткам). (Feierman 1990; 52)

В других словах Фирман имплицитно предлагает четыре важные гипотезы этой модели:

1. Педофилия вызвана химическими процессами в мозге еще до рождения: иначе говоря, педофилами рождаются, а не становятся.
2. Педофилы не выходят за рамки нормы, существующей для мужских особей человека.
3. Педофилы встречаются чаще, чем гомосексуалы.
4. Сексуальное влечение к маленьким и более феменизированным личностям, чем сам (включая мальчиков и подростков мужского пола) является частью континуума, свойственного в разной степени всем мужчинам, а не только педофилам, и поэтому невозможно провести четкую грань между педофилами и не-педофилами.

Фирман, разумеется, смешивает понятие «любовь» и сексуальное влечение, а с другой стороны, эти доводы требуют доказательства. Хатчисон и Хатчисон, например, работая над проектом Британского Совета по Медицинским Исследованиям в Группе Гормонального Развития и Поведения, писали о сексуальном развитии на нейрогормональном уровне:

Говорить о роли андрогенов нужно с осторожностью, учитывая, что большинство экспериментов в этой области проводилось на животных, преимущественно на крысах и птицах, в то время, как послеродовой социальный опыт, оказывает на развитие человека гораздо большее влияние, чем на развитие других видов. (1990; 538)

Фирману так же следовало бы объяснить, почему, уж коль скоро этот процесс является биологическим, мы не находим педофильного поведения у животных, включая приматов (для доказательства того, что мы действительно не находим, смотреть соответствующие главы в книге, отредактированной самим Фирманом, 1990).

(Вот выложенные в сети фрагменты этой главы: http://www.ipce.info/library_3/files/90_waal.htm Там сказано, например, что сексуальные контакты у обезьян случаются в любом возрасте и они важны для социализации особей. Сара Гуд, вероятно, имеет в виду, что у животных не обнаруживается фиксация только на детях. То, что у людей такая фиксация встречается, представляется вполне закономерным следствием наличия табу на секс с детьми, которого (табу) нет у животных. - dodo)

От положения Фирмана о том, что сексуальное влечение к детям может представлять собой континуум в пределах мужской сексуальности, перейдем к дальнейшему изучению вопроса о распространенности педофилии. Обратимся к «нормальным» взрослым, которые никоим образом не позиционируются как педофилы, и посмотрим, что они могут сказать нам о своем влечении к детям. Всего существует восемь исследований на сегодняшний день, в которых делается попытка ответить на вопрос о количестве педофилов через изучение реакции «нормальных» мужчин в общей популяции (одно из этих исследований включает так же и женщин). Исследования полагаются на три основных метода: прямые сообщения испытуемых (т.е. то, что респонденты сами говорят о своем сексуальном возбуждении при виде детей); ответы на специально разработанные опросники (которые включают в себя данные о «сексуальной импульсивности» и самоидентификацию), и данные физических исследований. Под физическими исследованиями подразумевается надетый на мужской пенис датчик, подсоединяемый к прибору, называемому «плетизмографом». Этот прибор замеряет степень реакции пениса, например, на показываемые графические изображения или проигрываемые аудио рассказы эротического содержания. Результаты (особенно если мы сравним их с статистическими данными о сексуальных преступлениях против детей) оказываются совершенно непредсказуемыми.

Если же взять вначале данные клинических исследований, то их всего пять (обсуждение этих исследований: Green 2002). В наиболее раннем (Freund and Costell 1970) изучались сорок восемь чешских солдат, которым показывали слайды с детьми, подростками и взрослыми, как женского, так и мужского пола. У всех солдат без исключения плетизмограф отметил положительную реакцию на взрослых женщин, у сорока из них (83%) была реакция на девочек-подростков, и у двадцати восьми (58%) была реакция на слайды с маленькими

девочками в возрасте от четырех до десяти лет. В следующем исследовании, которое было проведено пять лет спустя (Quinsey et al. 1975) эрекция «нормальных» мужчин на изображения девочек подростков и детей составила соответственно 70 и 50 % от их реакции на взрослых женщин. Фройнд и Уатсон (Freund and Watson 1991), изучая волонтеров из числа местных жителей с помощью плетизмографа, обнаружили, что 19% были ошибочно классифицированы в качестве имеющих сексуальное предпочтение к детям. В контрольной группе из числа обслуживающего персонала больницы 17% респондентов показали педофилическую реакцию (Fedora et al. 1992). И, наконец, в самом последнем исследовании подобного рода (Nagayama Hall et al. 1995) выборка из восьмидесяти волонтеров была набрана из общего населения. Во время исследования волонтерам показывали изображения и давали прослушать аудиозаписи с эротическими рассказами. Как изображения, так и рассказы касались взрослых женщин и девочек в возрасте до 12 лет. Сексуальное возбуждение фиксировалось как с помощью собственных признаний испытуемых, так и физически замерялось с помощью плетизмографа. В этой выборке, состоящей из предположительно «нормальных», 20% сами признались в педофильских интересах, и 26% показали положительную реакцию на изображения детей, которая была равна, или даже превышала реакцию на стимулы с изображением взрослых.

Таким образом, клинические исследования показывают, что в выборках из всех «нормальных» (т.е. которые сами себя не определяли педофилами) мужчин, количество способных возбудиться от детей в возрасте до 12 лет, колеблется в промежутке между 17 и 58%. Грубо говоря, в количестве от одного на шестерых, до каждого второго, мужчины испытывают сексуальное влечение к детям.

Помимо этих лабораторных исследований, на настоящий момент проводилось три анкетирования, вопросы которых касались сексуальной возбудимости взрослых на детей. Первый из них (Briere and Runtz 1989) проводился среди двухсот студентов университета, из которых 21% признали сексуальное влечение к маленьким детям, 9% описали свои сексуальные фантазии с участием детей, 5% признались в мастурбации во время фантазирования, и 7% показали, что могли бы вступить в сексуальную связь с ребенком, если бы были уверены в своей безопасности. Исследование, которое последовало через несколько лет (Smiljanich and Briere 1996), предложило вопросник 279 студентам, среди которых были 99 мужчин и 188 женщин. Оно выявило, что 22% мужской выборки (и 3% женской) признают «некоторую степень сексуальной привлекательности детей», 14% мужчин пользуются детской порнографией, 4% мастурбируют во время сексуальных фантазий с участием детей, и 3% признали «возможность секса с ребенком при условии собственной безопасности» (цифры для женской выборки соответственно: 4%, 0% и 0%). Относительно этих двух исследований нужно подчеркнуть, что данные личных признаний в социально неприемлемом феномене могут быть занижены. Самое последнее исследование (Becker-Blease et al 2006) было проведено с помощью тех же опросников, что и предыдущие, среди 531 студента мужского пола. Это исследование выявило, что только 7% респондентов признают сексуальное влечение к детям, но при этом 18% имеют сексуальные фантазии с участием детей, 8% мастурбируют при подобном фантазировании, и 4% признались, что отважились бы на секс с ребенком, «если бы никто об этом не узнал».

Эти опросники, таким образом, подкрепляют данные клинических исследований, и опять же подтверждают мысль о том, что где-то в диапазоне один человек из пятерых, имеет ту или иную степень сексуального влечения к детям. При этом нужно учитывать, что эти опросы оперируют данными, которые участники сами пожелали о себе предоставить исследователям. Вполне вероятно, что даже в условиях полностью гарантированной анонимности, некоторые опрошенные не чувствовали себя в полной безопасности и поэтому предпочли скрыть информацию о своем влечении к детям, а посему цифру в 5% можно считать минимально возможной.

Данных о женщинах педофилах меньше, чем о педофилах мужчинах. И вообще, сексуальное влечение к детям свойственно в большей степени мужчинам, чем женщинам в соотношении примерно 1:10 (Feierman 1990; 10), что может объясняться нейрохимическим процессом маскулинизации и дефеминизации эмбриона, о котором говорилось выше.

Какие выводы можно сделать из этих исследований? Наиболее важный вывод состоит в том, что попытка изучить сексуальное влечение к детям с использованием одних лишь статистических выкладок о совершенных сексуальных преступлениях против детей, неизбежно приводит к искаженной картине (Cossins 1999, 2000). Как сказал однажды Финкелор с коллегами, это всего лишь те люди, которые имели несчастье попасться, и были недостаточно сообразительными, чтобы найти себе оправдание перед властями, и посему оказавшиеся в списке сексуальных преступников (Finkelhor et al. 1986). Приведенная статистика по Англии и Уэльсу, например, как уже говорилось ранее, лишний раз подтверждает, что большинство людей, имеющих сексуальное влечение к детям, включая и тех, кто отваживается на прямой сексуальный контакт с ними, находятся отнюдь не в тюрьме, а в обществе, и именно в обществе мы должны найти их и разузнать все об их сексуальных опытах. Следующая глава начнет этот процесс с рассмотрения «общества онлайнных педофилов».

Часть 2. Педофилы в интернете

Введение

Вплоть до недавних лет единственными источниками доступной информации для понимания сексуального влечения к детям служили пыльные тома медицинских книг и сенсационные репортажи бульварных газет. Но теперь у нас есть интернет, создавший революционный переворот в поиске информации и в ее качестве. Самым заметным изменением, которое внес интернет, оказалось стирание географических границ. При этом местонахождение человека и его компьютера может быть неизвестным и не имеющим принципиального значения.

Из почти двух миллиардов человек в мире, способных более или менее общаться на английском языке, 380 миллионов используют английский для общения в интернете. Английский является самым популярным языком в интернете, более 30% общения происходит на английском языке (Internet World Stats 2007). Исчезновение границ, наряду с повсеместностью английского языка как мирового, означает, что не так важно находишься ли я в Австралии, Канаде, Великобритании, Индостане, Ирландии, Новой Зеландии, юге Африки, в США, Вест-Индии, или какой-то другой стране: при условии подключения к интернету и способности общаться с помощью базового литературного английского одна и та же информация будет для меня доступной откуда бы то ни было, равно как и та информация, которой я захочу поделиться, окажется доступной и сможет повлиять на мнения миллионов людей. Другими словами, не существует более ни барьеров, ни границ для распространения информации, не важно, плохой или хорошей.

Эта часть поделена на три главы, каждая из которых посвящена отдельному аспекту деятельности в интернете. В первой главе будет рассмотрен обмен файлами в «даркнете», а так же вопрос сохранения приватности. Глава II будет посвящена вопросу обмена детской порнографией и различными формами графического искусства, изображающего детскую сексуальность. Третья глава отведена легальным и общедоступным сторонам сообщества педофилов. Та информация, которая в изобилии представлена в интернете, потенциально способна повлиять на взгляды буквально миллионов людей, и поэтому данная часть завершится коротким рассмотрением путей распространения и обсуждения про-педофильских аргументов в онлайн. Ну а в дальнейшем, в главах, посвященным опыту самих педофилов, будет более детально рассмотрено то, каким образом интернет используется сообществом педофилов.

Глава I. Пауки Даркнета

Ключевая функция киберпространства – содействие обмену, и в особенности, обмену файлами: с программами, фотографиями, музыкой и фильмами. Обмен с самого начала являлся главной целью Интернета. В сущности, у веб-программистов есть два основных виденья того, что они делают. Первым является революционно-утопический взгляд

неограниченной раздачи не подлежащих копирайту, свободных для использования «открытых ПО» или открытых программных кодов среди людей, объединенными усилиями создающих нечто более передовое, смелое и демократичное, чем что-либо доселе достигаемое людьми. Подобный взгляд, к примеру, представляет Джимбо Уэльс из Википедии, или совместная программа SETI (Совместная Программа по Поиску Внеземных Цивилизаций — научный проект, внедренный Калифорнийским Университетом в Беркли), или проект по изменению климата, в котором участвуют миллионы персональных компьютеров. Вторая точка зрения, которой изначально придерживалось меньшинство, это взгляд на Интернет как на место, где можно зарабатывать деньги, что хорошо иллюстрируется примером Билла Гейтса из корпорации Майкрософт. Делание денег, иными словами, капитализм, предусматривает установление контроля над ресурсами, без которого люди не станут платить за приобретенные программы. Наиболее остро и широко эти два подхода противостоят друг другу в вопросе скачивания музыки.

Изначально, в основании обоих ныне противостоящих подходов лежала первая инкарнация Интернета — ARPANET, военная технология, уделяющая основное внимание безопасным методам передачи информации, созданию файерволов для предотвращения утечки и обеспечения стабильности работы сети перед лицом возможных атак. В особенности со времен событий 11-го сентября, если со стороны правительства ощущается необходимость в большем контроле за происходящим в Интернете, возникает и необходимость в охране частной жизни и увливания от контроля. И каким образом в этой запутанной ситуации возможен обмен файлами?

Обмен файлами, как значительный феномен Интернета, начался в 1999 году с программы Napster, созданной для поиска и скачивания музыкальных файлов. Программа Napster была бесплатна для скачивания — и вдруг оказалось, что способ peer-to-peer в качестве способа обмена файлами привел к тому, что каждый пользователь мог приобрести любую музыку, несмотря на наличие копирайта. Napster довольно скоро попала под суд, но после нее возникли и более изощренные системы, такие как Gnutella. Она использовала жесткие диски компьютеров пользователей для хранения и передачи файлов, и таким образом, становилось почти невозможным выяснить, кто отправил или кто получил конкретный файл. Следующим шагом после Gnutella был Freenet. Freenet является системой P2P (peer-to-peer), которую установил ее создатель Иен Кларк. Она преднамеренно противостоит всем формам онлайн-цензуры. Так же, как и децентрализованная система Gnutella, Freenet использует шифрование, при котором все файлы, которые передаются, преобразованы в формат, защищающий от перехвата и выяснения что за информация была отправлена. Любой мог свободно публиковать информацию без необходимости приобретать доменное имя, как это было бы в случае с публикацией на веб-сайте. В то время, как обмен файлами обычно осуществлялся между друзьями, или по крайней мере, между знакомыми, в таких системах, как Freenet люди даже понятия не имели с кем они обмениваются файлами, или из какой вообще страны этот файл пришел. Таким образом, обмен файлами может превратиться в полностью анонимное виртуальное пространство, населенное десятками тысяч людей.

Поскольку Всемирная Сеть содержит миллионы веб-страниц, физически становится невозможным для отдельного пользователя отсеивание и нахождение нужной конкретной информации. Эту деятельность взяли на себя поисковые машины. Эти машины используют специальные программы, которые называются пауками, которые ползают в паутине (употреблено слово web, которое с английского так и переводится, «паутина», прим. переводчика), следуя от одной гиперссылки к другой, и извлекают важную текстовую информацию и затем используют ее для построения огромного указателя, в котором ключевые слова соотносятся с веб-страницами. Эта информация, находясь в базе данных, предоставляется пользователю, когда он вводит запрос в поисковик. Google, к примеру, имеет в своих базах данных более двух миллиардов страниц. И, тем не менее, очень большая часть паутины «паукам» недоступна. Отчасти это происходит из-за того, что поисковые машины в основном ищут сохраненные данные, а не живые страницы, на которых содержимое постоянно меняется и без конца пополняется. Но еще и потому, что некоторые сайты преднамеренно создаются невидимыми для «пауков». Например, в случае

с Freenet`ом, поскольку он не является частью Интернета, его страницы оказываются не подлежащими поиску машинами, подобными Google, и потому невидимыми для общества за пределами Freenet`а. Та часть Интернета, которая недоступна для широкой публики, получила название "Darknet".

Фринет является довольно любопытным экземпляром «Даркнета» в силу, с одной стороны, своей приверженности высокопарным рассуждениям о свободе слова и защите демократии, а , с другой стороны, полного игнорирования реального положения вещей, при котором Фринет является главным прибежищем распространителей детской порнографии. На своей странице основатель Фринета , Иэн Кларк , излагает свою философию, включающую следующие положения:

Свобода слова в большинстве западных стран является наиболее важным правом, которым человек может обладать. Для большинства правительств Запада обман населения стал уже настолько обычной практикой, что люди воспринимают это как должное, несмотря на то, что он подрывает те самые основы демократии, на которых в первую очередь держатся сами правительства... Единственный способ убедиться в эффективности демократии, это убедиться в том, что правительство не в состоянии контролировать возможность населения делиться информацией. А до тех пор, пока то, что мы слышим и видим будет подвергаться фильтрации, мы не можем считать себя целиком свободными. Цель Фринета — предоставить двоим или большему количеству людей, которые хотят поделиться информацией, такую возможность. (Кларк 2008)

Обсуждая (и осуждая) цензуру, Кларк в качестве примера приводит расизм. Защищая политику анонимности, Кларк заявляет: «Вы не можете иметь свободы слова без возможности оставаться анонимными. Большая часть цензуры ретроспективна, и как правило, легче урезать свободу слова, наказывая пост-фактум, нежели предостерегая людей заранее. И единственный способ уберечься от этого, это остаться анонимным». Кроме того Кларк поясняет, что коль скоро соблюдение копирайта требует мониторинг связи, "Фринет как система защиты свободы слова должна препятствовать соблюдению копирайта". Ставя потребность в свободе слова в качестве высшей ценности, которая отвергает другие ценности (такие, как ценность предотвращения пропаганды расизма или ценность уклонения от воровства), Кларк так определяет Фринет:

Фринет является свободным программным обеспечением, позволяющим вам публиковать и приобретать информацию в Интернете без боязни цензуры. ...Без анонимности не может быть настоящей свободы слова, а без децентрализации всемирная сеть беззащитна перед атаками. Связь через узлы Фринета зашифрована и проходит через другие узлы, что чрезвычайно усложняет возможность установить кто запросил информацию и что в себе включает контент. Пользователи вносят свой вклад в мировую сеть предоставляя широкополосный доступ и часть места на жестком диске (хранилище данных) для сохранения файлов. В отличии от других р2р файлообменных сетей, Фринет не позволяет пользователям контролировать содержание хранимых данных. Вместо этого файлы хранятся или удаляются в зависимости от популярности: наименее популярные уступают место более новому и популярному содержимому. Файлы в хранилище зашифрованы, что предотвращает вероятность доступа личностями, желающими подвергнуть Фринет цензуре.

Участники Фринета продолжают верить, идеализируя, что их сайт защищает свободу слова. Однако, комментаторы, к примеру на сайте Slashdot.org (сайт программистов, существующий с февраля 2008 года) подвергают такой подход сомнению, указывая на то, что "Свобода

слова способна защищать не только свободу личности, но и безответственность; вы должны отвечать за то, что вы говорите" и что "Фринет существует не ради защиты ваших мыслей и высказываний. Он существует ради детской порнографии и формата MP-3". И таким образом, несмотря на заверения о защите мировой демократии, фактически лишь в западном мире, где демократии по большей части ничего не угрожает, есть соответствующая инфраструктура, способная поддерживать Фринет (к примеру, тысячи домов со стабильным подключением к интернету). В развивающихся странах, где демократия подчас находится под реальной угрозой, условий для поддержки Фринета не существует. И опять же, сколько бы Кларк не заверял, что Фринет способен защитить демократию за счет платформы, на которой взгляды, отличные от общепринятых, высказываются и находят понимание, все же очевидно, что на самом деле он существует для поддержки малых субкультур, где люди общаются только между собой, укрепляя, таким образом, лишь свое мировоззрение. Как сказал один комментатор (Global Ideas Bank 2008), «В Фринете существует целый ряд документов, имеющих отношение к детской порнографии ... И в этих документах содержатся отнюдь не открытые дискуссии, точно так же, как и на сайтах, созданных сообществом ради распространения этих документов среди членов того же сообщества. Вместо того, чтобы объединять людей оппозиционных взглядов, Фринет устанавливает связи между людьми одного и того же типа».

Фактически, Фринет является не только далеко не единственным местом в Интернете для жарких политических споров, но эти споры гораздо чаще возникают в остальном Интернете, делая de facto Фринет и другие разновидности Даркнета единственным местом, где может публиковаться детская порнография вместо высокопарных политических дебатов.

А всё дело в том, что один выложенный архив, например, ls-models - вещь куда более политическая и оппозиционная, чем десяток политосрачей. - dodo

В действительности, программу Фринет используют около двух миллионов пользователей, и это едва ли сравнимо с популярностью P2P сайтов по обмену музыкальными файлами, количество пользователей которых порой исчисляется десятками миллионов. Это делает Фринет весьма специфическим рынком, обслуживающим лишь незначительную часть Интернет-сообщества в целом, предположительно включающую всех тех, кому есть что скрывать. Фринет защищается от цензуры различными способами, по иронии включая сюда и тот факт, что если правоохранительные органы запросят файл, то они смогут закачать лишь копию файла, но доказать, что этот файл хранился там, откуда они его закачали до того, как они его запросили для них будет совершенно невозможно. Кроме того, поскольку файлы, находясь на хранении, зашифрованы, владелец узла, с которого он был впоследствии скачан, может с успехом заявить, что понятия не имел о том, что файл там находился. И, наконец, вместо того, чтобы удалять преступные файлы, каждый запрос цензора с пораженческим эффектом генерирует новые копии этого файла в сети Фринет. Не так давно Фринет еще раз обзавелся дополнительной защитой. В 2006-м году вышла новая версия, Фринет 0,7, где используется архитектура «расширенного даркнета», позволяющая пользователям увеличивать безопасность за счет ограничения выбора пиров, с которыми он соединяется напрямую. И как заявляют разработчики, «Это означает, что Фринет не только будет скрывать от посторонних то, что вы делаете в Фринете, но скроет даже то, что вы вообще запускаете Фринет» (информация, выложенная на сайте Фринета 15 февраля 2008 года). А кому в паутине может потребоваться такая безопасность?

Глава II. Детская порнография

Защитники антицензурных сайтов подобных Фринету часто используют цитату 1996 года борца за права участников киберпространства и консультанта по правовым вопросам Википедии, Майка Годуина:

Меня постоянно беспокоит судьба моего ребенка и Интернета, несмотря даже на то, что она еще слишком мала для того, чтобы самой где-то зарегистрироваться. И вот, что меня беспокоит больше всего: спустя еще 10 или 15 лет, она однажды

подойдет ко мне и скажет: "Папа, где ты был, когда они забирали у нас свободу печати в Интернете?" (цитата приведена, например, на <http://freenetproject.org/>)

У других людей возникает более непосредственное беспокойство за детей. Автор одного неопубликованного исследования, студент из Нидерландов, Коен Лёрс, натолкнулся на процветающее сообщество педофилов, использующих Фринет. Лёрс пишет: "Отсутствие цензуры, характерное для Фринета, дает возможность педофилам свободно общаться на тему их мотиваций" (2005: 25). В качестве подтверждения Лерс приводит один из примеров общения, которое происходило между 23 октября и 19 декабря 2004 года на борде:

-BlackMidnight@Ls***SE - 2004.10.23 - 18:34:10 GMT -

Скажи правду, нет смысла лгать. У вас бывает секс с малолетними девочками и мальчиками?

Я вначале: Нет.

-zargon 10@xi***cl - 2004.10.23 - 21:17:18 GMT -

Нет, никогда не было и не будет. Хотя они бывают такими милыми...

-Anonimus- 2004.11.01- 23:51:31GMT-

Пока ни разу.

-Anonimus-2004.11.14-15:21:34GMT-

Однажды трогал и лизал, больше десяти лет назад, с тех пор ни разу.

-Anonimus-2004.12.19 - 11:15:23GMT-

Как-то раз я потрогал и полизал девочку-младенца, в возрасте где-то между пятью месяцами и годом. Это было два года назад, впервые, и с тех пор я ни разу не делал ничего подобного (её родители переехали, может быть, это и к лучшему).

Еще Лёрс приводит пример поста на фрисайте (вебсайт в Фринете), опубликованном кем-то под ником Напталла (Naphthala), призывающий ответить на борде Фринета:

*Что бы вы сделали, если бы 12-летний мальчик предложил вам отсосать у него? Меня бы, к примеру, это смутило... Хорошо ли то, о чем он меня просит? Почему он попросил об этом? Не кажется ли Вам, что такие вопросы задавать затруднительно?...] Не стесняйтесь, задавайте вопросы на фросте, скажите, что вы думаете (борды: чл, фринет, фрост)
(чл - cl - чайдлав, прим. переводчика)*

Но люди имеют возможность не только свободно общаться, но еще и делиться детской порнографией. Информация о том, какие файлы доступны и что в них содержится, публикуется на бордах сообщений (message boards), особо приватные сообщения формируются с помощью Фроста (программы по обмену файлами и сообщениями). С помощью комментариев и цифровых подписей, содержащихся в сообщениях, можно получить доступ к фрисайтам, которые без них остаются невидимыми и недоступными. Поскольку фрисайты не индексируются, ни одна поисковая машина не может их обнаружить. Таким образом фрисайты служат людям проводником в приватном пространстве, где может загружаться и распространяться детская порнография. Лёрс определяет Фрост как "крупнейшую онлайн-видеотеку с детской порнографией" и в качестве примера приводит транзакцию с использованием Фроста:

-guantanamo@Rm***qY- 2005.05.23 - 12:20:10GMT-

Привет, кто-нибудь может выложить список ключей к фантастической серии "Желания Лолиты"? Было бы здорово спасибо

-ntwrk@ty***gQ- 2005.05.30 - 12:26:00GMT-

Держи

СНК@shou3***HXbQ/suniy.rar (preteen-board)

Как показывает Лёрс, а Дженкинс обнаружил в более раннем (2001) исследовании борд и ньюсов, обмен подобными файлами происходит в довольно многолюдном пространстве, где чувствуется большая потребность, по крайней мере среди отдельных участников, в том, чтобы оправдывать, улаживать, приуменьшать, отрицать, противостоять, или вернее, приводить в согласие с нелегальным, социально неприемлемым и в высшей степени вредным материалом, который они приобретают, собирают и потом мастурбируют, материал, на котором представлены свидетельства физиологического разрушения втянутых в его производство детей.

Картинки, которые были переданы в примере выше, найти не составляет труда. На них - голенькая улыбающаяся девочка. Они даже близко не содержат никакого "физиологического разрушения". Как и почти вся детская порнография. - dodo

Много материалов, имеющих обращение в Интернете, кажутся довольно свежими. Это объясняется двумя причинами. Одна из них состоит в том, что рынок является расширяющимся пространством, где формируется устойчивый спрос на пополнение продукции. Другая заключается в том, что детская порнография как массовый феномен, продолжает оставаться новым. Коммерческих публикаций детской порнографии почти не существовало до 1969 года, когда всеобщая либерализация отношений в Скандинавии и Нидерландах сказалась на производстве журналов и фильмов, потакающих интересам педофилов, доступных через секс-шопы или через заказ по почтовым каталогам. Тем не менее, этот рынок около 1979 года был эффективно остановлен, и начиная с 80-х теоретически вся порнография ушла из обращения, и практически почти никакой порнографии не производилось заново. Как полагает Дженкинс (2001:40), к середине 80-х "весь бизнес был на грани исчезновения". Новые технологии, такие как видео, не сильно изменили ситуацию, поскольку пересылка их через почту грозила арестом и обнаруживала как распространителей, так и производителей. И только с развитием онлайн-досок объявлений (BBS, подробнее смотреть: <http://ru.wikipedia.org/wiki/BBS>, прим. переводчика) и ньюсов (newsgroups, подробнее: http://ru.wikipedia.org/wiki/Группа_новостей, прим. переводчика) в 80-х была сделана попытка оживить рынок детской порнографии. Впервые детскую порнографию на BBS стали предлагать, видимо, примерно в 1982 году, воспользовавшись возможностью обхода почтовой системы, а также экстерриториальными правовыми противоречиями, позволяющими переправлять изображения через границу между странами с различной юрисдикцией. "Уже к концу 1980-х," - заверяет Дженкинс, - "педофилы и энтузиасты от распространителей детской порнографии оказались среди наиболее опытных и образованных членов компьютерных сетей" (2001:47), далеко обогнав остальных, включая представителей правоохранительных органов. И, как он указывает: "Сейчас есть ветераны, чей стаж по обороту детского порно достигает двадцати и более лет" (2001:48). Таким образом, детские порнографы имеют твердую позицию в веб-структуре и приобрели на этом поприще такой уровень познания, которого мало кто среди агентов полиции когда-либо достигал.

С развитием технологий прожига CD, веб-камер, VOIP (протоколов голосовых сообщений через интернет, таких как Skype), MP-4 и MPEG4-программ потокового видео, возможностью выхода в Интернет через мобильные телефоны, процесс производства детской порнографии вне всякого сомнения опять изменится. Но, учитывая благоприятные условия, которые предлагает Фринет, едва ли в ближайшее время у распространителей детской порнографии возникнет необходимость покинуть его гостеприимные объятия.

Как писал Дженкинс, новые технологии, такие как BitTorrent, сделали загрузку больших файлов, например фильмов, гораздо проще и быстрее. BitTorrent является разновидностью P2P файлообмена, способного предложить огромное количество данных для большого количества компьютеров через систему, которая получила название "swarming". Эта система была создана Брэмом Коеном в 2001 году и сразу же завоевала популярность, несмотря на то, что имела отношение к нелегальному распространению материалов, защищенных копирайтом. К началу 2004 года, согласно отчету Британской аналитической компании CacheLogic (Pasic 2004), на BitTorrent приходилось около 35% всего трафика в Интернете, что превышало объем трафика всех остальных P2P сетей вместе взятых, и при этом сильно затрудняло передачу легального трафика, такого как веб-страницы. Даже беглого взгляда на BitTorrent сайт, хотя бы на примере Torrent.ffnn.nl (вход был осуществлен 17 февраля 2008), было достаточно, для того, чтобы сразу же наткнуться на файлы с именами "7-летняя Джекки", "фотки голый маленькой девочки" и "лоликом".

Много детской порнографии, изображающей девочек доподросткового возраста, известно под условными именами, производными от слова "лолита". Само имя Лолита было дано рассказчиком, Гумбертом Гумбертом, двенадцатилетней девочке Долорес Хейз в книге Владимира Набокова "Лолита", впервые опубликованном в 1955 году. С момента публикации этой книги (и выпуска двух фильмов с тем же названием) это имя приобрело статус международного кода для обозначения сексуальности не половозрелой девочки. Дженкинс пришел к выводу, что те люди, которые обмениваются детской порнографией на BBS и ньюсах очень часто представляются как "лоли-лаверы". Кроме того, слово Лолита породило термин "комплекс Лолиты", которым обозначают особый тип японского графического искусства, известного как манга (в виде рисунков и комиксов) и аниме (анимированные рисунки). Если вы не знакомы с характерами манги и аниме, вспомните о изображениях людей в необыкновенно популярной серии Покемон и Дигимон, с их чудными, едва не квадратными глазами и манерными (торчащими острыми клоками и выкрашенными в постельные тона) волосами. Образы из "комплекса Лолиты", это изображения школьниц или девочек дошкольного возраста, зачастую излишне сексуализированные. Они странным образом сочетают в себе слащавость с невинностью (огромные глаза и плюшевые мишки вокруг), недвусмысленную порнографичность и сцены насилия. Этот мультяшный образ породил реальный стиль в моде, известный как Элегантная Готическая Лолита, которого придерживаются девочки-подростки и молоденькие женщины в Японии. Он оказал влияние на создание кукольных и мультяшных образов, таких как Bratz, Bratz Kidz и Bratz Babies, в которых опять же используется смешение чрезвычайной инфантильности (непропорционально большая голова и глаза, очень маленький нос, пухлые ноги и (в случае Bratz Babies) бутылочки с детским питанием) с преждевременным сексуальным развитием (по-взрослому развитая грудь, талия, бедра (в Bratz), непропорционально длинные ноги и интересы, сконцентрированные на всепоглощающей "страсти к моде" и музыке в стиле Spice Girls.

Когда говорят о манге или аниме, термин "комплекс Лолиты" обычно сокращают на японский манер в "лоликом", "лоликон" или даже "рориком", а эквивалент с мальчиками обозначают словами "шота", "шотакон" и "сётакон". Кроме того, терминами подобными "лоликон" обозначают энтузиастов и фанатов лоликона, которые зачастую собирают у себя дома огромную коллекцию манги, аниме, кукол и фигурок в стиле лолликон.

На некоторых сайтах, имеющих дело с лолликон и шотакон, встречаются и порнографические изображения детей, принимающих участие в сексуальных действиях.

Лолликон широко представлен в сети, и даже весьма поверхностный поиск с использованием поисковых машин типа Google, дает богатый улов рисованных образов, от вполне невинных до эксцентричных и откровенно порнографических, а так же веб-сайтов, на которых без всяких возрастных ограничений на главной странице представлены те же самые картинки и мультяшные образы. Примечательно, что просмотр и коллекционирование лолликона многим видится как норма отдельной субкультуры, особенно в Японии, посредством которой неудовлетворенные жизнью люди могут выразить свое презрение и отвращение к обществу. Один из японских культурологов, Хироки Азума, выразил это так: "Для людей, чувствующих себя изгоями общества или которые были изгнаны из общества, педофильская манга

является наиболее приемлемой формой протеста. ... Даже те люди, которые не проявляют к детям никакого интереса, начинают представлять себя этакими злодеями, испытывающими влечение к маленьким девочкам" (цитата в McNicol 2004).

Не могу не отметить, что надо быть полным идиотом, чтобы коллекционирование манги или влечение к девочкам считать злодейством. - dodo

Проблема порнографических изображений, в которых были задействованы не реальные дети, а "виртуальные" образы, является спорной, и вызывает сильные затруднения у законодателей многих стран. Верховный Суд США в 2002 году отменил закон шестилетней давности, запрещающий виртуальную детскую порнографию и установил закон о защите детей от непристойности и порнографии, который запрещал только те виртуальные образы, которые были неотличимы от реальной детской порнографии, а так же запрещал все непристойные порнографические образы с допубертатными детьми. Тем не менее, такие образы не являются запрещенными и не рассматриваются обществом как табуированные в японской культурной традиции, хотя не исключена возможность изменения этой ситуации. Растущая озабоченность относительно лоликона была выражена недавно в связи с похищением и убийством маленькой девочки человеком, которого "совратили" образы лоликона (Anime News Network 2005). А позднее, один из поклонников лоликона не мог понять какая может быть связь между просмотром лоликона и признанием детей в реальной жизни сексуально привлекательными. В своей статье "Любители лоликона, вы действительно можете превратиться в реальных педофилов?" он размышляет:

Есть ли какая-то польза от всего это бреда по поводу аниме-образов? Увлечение двумерными картинками могут приобрести невиданный размах? Слава богу, имея богатый опыт общения с реальными девочками в возрасте от семи до семнадцати лет, я давно пришел к заключению, что даже если б я превратился в фанатичного коллекционера лоликона, это ни за что не превратило бы меня в реального педофила. Нужно, в конце концов, осознать, что те аниме-лоли, которыми я увлекаюсь, НЕ СУЩЕСТВУЮТ в реальной жизни. ("Стрипи" 2007)

Другим примером онлайн увлечения, до опасного близко подобравшегося к реальной детской порнографии, являются "кукольные альбомы", на которых рисованные образы, или даже пластмассовые модели девочек, одевают в модную одежду. На сайте Кукольный Дворец (www.thedollpalace.com/doll-maker/dress-up-games.php), представлены рисунки в стиле манга, и посетитель может выбрать одежду, волосы и прочее, чтобы выставить свою "куколку" в "альбоме". Фигурки разбиты по разделам "Лолита" и "Гламур". Сайтом владеет некая "Джессика", или просто "Джезз", которая заявляет, что ей девятнадцать лет. В одном из разделов сайта Джезз пишет "Рассказы для детей", которые комментируют люди, подписывающиеся именами "Папочкина девочка" или "Ангела ПРЕКРАСНАЯ". Они указывают свой возраст в промежутке между тринадцатью и девятнадцатью, но, учитывая активность подобного рода, в это верится с трудом. Остается лишь надеется, что настоящие девочки не попадут на этот сайт по случайности. Куда более порнографические образцы, относящиеся к этому увлечению, представлены на сайте Dollalbum.com, перед входом на который висит предупреждение о контенте, предназначенном только для взрослых. Там представлены сугубо сексуальные фигурки, выполненные преимущественно из пластика, а затем сфотографированные и обработанные программой Photoshop для придания им максимальной жизненности. Как заявляет Лерс (Leurs 2005), эту область онлайн-фантазий отделяет лишь маленький шаг от создания цифровых порнографических образов, которые окажутся не только запрещенными, но и повлекут за собой суровые наказания (по крайней мере в некоторых юрисдикциях) за одно только скачивание.

Часть 3. Программа по изучению повседневной жизни людей с сексуальным влечением к детям

Тайный позор педофилии является всецело разрушающим опытом. Он заставляет не только чувствовать себя сломленным и разорванным на части, но и действовать таким же образом. И я не видел иного выхода, как только держать свои мысли и чувства упрятыми в маленьком тесном уголке сознания. Мне казалось, что моя жизнь тут же прекратится, едва я рискну поделиться своими секретами с кем-то. Я очень боялся, что однажды меня «раскроют». Ужасный образ жизни, не так ли? Могу с уверенностью заявить, что сейчас я стал более уравновешенным и самоуправляемым, благодаря тому, что рассказал нескольким людям о себе. И этот эффект мог бы лишь усиливаться, если бы признание меня распространилось дальше. (Тим)

Введение

Вплоть до этого места мы имели дело с информацией, широко представленной в общедоступных местах. Эту информацию каждый может с легкостью найти, имея подписку в библиотеке или доступ к интернету. Эта часть книги будет оперировать данными оригинального исследования, которое я проводила с 2006 по 2008 год по изучению повседневной жизни и взглядов на жизнь людей с сексуальным влечением к детям (MAAS - "minor-attracted adults").

В предыдущих главах мы частично рассмотрели текущую ситуацию, а так же разобрали некоторые проблемы, которые из этой ситуации возникают. Однако, это был взгляд «со стороны», с точки зрения нас как общества на педофилию и сексуальные контакты с детьми. Это ограниченный взгляд, очень многое упускающий из виду.

Основная часть научных исследований педофилии, известных на настоящий момент, проводилась на примерах тех, кто был либо осужден за сексуальное насилие над детьми, либо проходил лечение, добровольно или принудительно. Эти исследования преимущественно концентрировались на криминалистических вопросах, таких как уровень рецидива или психологический портрет насильника. Однако, такая выборка упускала из виду тех, кто, испытывая сексуальное влечение к детям, не действует согласно этому влечению. Не учитывались и те педофилы, кто независимо от того, действовали они согласно своему влечению или нет, сами себя не считали больными и потому не шли на добровольное лечение. Таким образом, примеры, которыми могли оперировать ученые-криминологи, представляли из себя лишь ничтожный процент педофилов, которые: (1) совершили сексуальное преступление против детей, (2) в момент совершения преступления находились в состоянии вменяемости, (3) подверглись судебному преследованию, (4) были осуждены, (5) подходили по всем параметрам для научного исследования и (6) дали свое согласие на то, чтобы их изучали ученые. Точно так же, в случае психиатрических исследований, доступными оказываются лишь выборки из тех людей, кто либо добровольно согласился на терапию, либо был вынужден согласиться на лечение в качестве одной из мер для своей реабилитации, получил приглашение на участие в исследовании, а затем дал свое согласие. При этом нужно помнить, что из таких исследований очень часто вычеркиваются те, кто получил небольшой срок за свое преступление, так как само исследование занимает обычно много месяцев, пока идут подготовительные процедуры, переговоры, опросы и обработка полученных данных. А все это требует участия постоянного контингента. Поэтому исследователи обычно предпочитают заниматься исследованием на примере наиболее серьезных преступников, которые получили длительный срок заключения и по этой причине оказываются наиболее доступными для изучения. Кроме того, заключенным, получившим малые сроки заключения, редко предлагается пройти курс терапии во время заключения, поскольку их обычно отпускают досрочно с испытательным сроком, и таким образом исследователям опять же приходится довольствоваться лишь более опасными преступниками.

Из числа тех педофилов, которые не совершают преступлений (либо они не были уличены в преступлении), есть некоторое количество педофилов, которые признают наличие у себя серьезных психологических проблем и необходимость пройти курс медикаментозного лечения, психотерапии или хотят получить консультации психологов. Из этого энного количества людей, которые признают необходимость лечения, нужно отделить тех, кто в реальности не соглашается на прохождение курса, поскольку всерьез опасается возможных судебных и социальных преследований, даже в том случае, если они расскажут о себе лишь ограниченному кругу профессионалов. А из тех, кто все же решается открыто обсудить свое сексуальное влечение к детям с профессионалами, мало кто соглашается на участие в исследовательских проектах того или иного рода. Поэтому выборки, собранные кое-как, вследствие всех этих ограничений, приводят к тому, что результаты оказываются смещенными в ту или иную сторону. Тех же, кто обычно оказывается за пределами крупных исследовательских проектов, сами исследователи относят к т.н. *dunkelfeld* (нем. "темная область", т.е. большая социальная прослойка, абсолютно неизвестная властям), и в одном недавнем исследовании, которое проводилось в немецком Институте Сексологии и Сексуальной Медицины при Свободном университете (*Freie Universität*) и университете им. Гумбольдта в Берлине (это два различных берлинских университета с одним общим факультетом медицины, прим. переводчика), была сделана попытка призвать педофилов из *dunkelfeld* согласиться на условиях бесплатной анонимной консультации принять участие в исследовательском проекте (Beier 2004). Тем не менее, берлинское исследование остается пока единственным исследованием такого рода, но опять же, оно касается не повседневного быта педофилов, а преимущественно чисто психологических вопросов.

Наряду с этими криминалистическими и клиническими исследованиями есть ряд и «альтернативных» проектов, предпринятых со стороны более или менее явных апологетов педофилии. Эти исследования, как правило (если можно проследить доказательства), предпринимались людьми, которые идентифицировали сами себя в качестве педерастов, либо были связаны с движением бойлаверов (хотя они не всегда афишировали это публично). Среди вышедших большими тиражами в академических издательствах исследованиях педофилов, никогда не подвергавшихся тюремному заключению, не проходивших курсы терапии и живущих среди широких слоев населения, можно выделить исследования Паркера Россмана (1976), Гленна Уилсона и Дэвида Кокса (1983), Эдварда Бронгерсмы (1986), Тео Сэндфорта (1987) и Чин-Кин Ли в соавторстве (1990), а так же более недавние неакадемические исследования Дэвида Ригеля (см. например Riegel 2007), а так же докторскую диссертацию Ричарда Юиля (Richard Yuill), получившую премию университета Глазго в 2005 году и которой пока нет в широком доступе. Из перечисленных авторов, пожалуй, лишь Ли отступает дальше всех от первоначального предмета исследования и проводит опросы среди широкой аудитории. (Более подробное обсуждение этого и других текстов, написанных бойлаверами и чайдлаверами, представлено в этой книге в дальнейшем).

Ну а кроме тех исследований, которые либо проводились на обитателях тюрем, либо были написаны апологетами педофилии, какие другие источники дадут нам возможность выяснить все об этой глубоко упрямой и всеми проклятой группе людей? Самый простой ответ напрашивается сам собой: нужно спросить об этом их самих. Лишь те, кто идентифицируют себя сами как педофилы, смогут рассказать нам, что значит иметь сексуальное влечение к детям, и что они чувствуют, имея такое влечение. Однако, как и в отношении любых других данных, информация, полученная и от педофилов и из любых других источников, не может быть принята за чистую монету, и должна подвергаться критическому и строгому анализу. Позиция нашего исследования отлична и от «мейнстрима» псевдо-психологических исследований и от апологетики «альтернативных» методов, и строиться на данных, полученных в результате опросников, интервью и более широких методов общения, которые затем были тщательно проанализированы с той же позиции, с которой обычно критикуется чисто мужской подход к сексу и сексуальности.

Эта часть разбита на три главы. В первой главе приводится обзор того, как начинался проект Изучения Повседневной Жизни МАА (*Minor-Attracted Adults* - взрослые, испытывающие сексуальное влечение к детям, прим. переводчика). По разным причинам мы испытали

различные трудности, предпринимая этот проект, и вторая глава как раз посвящена всем подоплекам, с которыми нам пришлось столкнуться и той атмосфере, в которой эти исследования проходили. А третья глава посвящена обзору этических и методологических трудностей, стоявших на нашем пути в период подготовки и проведения исследования. В следующей части мы расскажем о том, как проходило исследование, а дальше детально рассмотрим результаты.

Глава I. Начало проекта изучения Повседневной Жизни Взрослых, Сексуально Ориентированных на Детей

Мой проект начался с брошюры, вложенной в журнал. Журнал был предназначен в основном читателям из среднего класса, а брошюра, вложенная в него, была написана какой-то национальной благотворительной организацией. В самой брошюре говорилось о педофилах. Ее обложка была оформлена в виде вырванного из газеты заголовка, гласившего что-то типа «Самый плохой педофил Великобритании» или «Педофил совратил мальчика 14-ти лет с тем, чтобы вовлечь его в занятие сексом». Авторы брошюры настаивали: «Поскольку педофилы организованы, мы должны быть организованы еще лучше. Поскольку педофилы коварны, мы должны быть умнее. Поскольку их много, мы должны получить поддержку еще большего количества людей, и чем больше становится их, тем больше мы нуждаемся в вас» (значительная часть таких «благотворительных» организаций и Обществ Милосердия на Западе управляются бездельниками, которые живут за счет собранных пожертвований. Они существуют в виде религиозных сект или организаций, отстаивающих права животных, они борются с курением или педофилией, совершенно не понимая всей сути проблем, т.к. профессионалы и специалисты никогда в такие организации не вступают, прекрасно понимая степень дилетантства «борцов». - прим. переводчика).

Изображения сексуальных совратителей детей, которые были представлены в брошюре, сводились к тому, что педофилы коренным образом отличаются от всех остальных людей: хитрые, нелюдимые, ловкие и страшные существа, представляющие возрастающую угрозу обществу, бесчеловечно злые.

Эта брошюра всерьез меня обеспокоила. Звучало как-то неискренне. Все теории и исследования, посвященные событиям прошлых веков, говорили о том, что монстров не бывает. На свете не существует никаких «мы» и «они». Никто не бывает ни всецело злым, ни всецело добрым. Мы все способны причинять боль и быть ужасно жестокими, и мы все способны бескорыстно о ком-то заботиться. Упрощенный взгляд на педофилов, как на «них», которые отличаются от нас, идет вразрез со всеми исследованиями социологов. И он идет вразрез с воспоминаниями тех взрослых мужчин и женщин, которые в детстве оказались жертвами сексуальных преступлений. Эти преступления совершались людьми, которых они любили и которым всецело доверяли, а отнюдь не монстрами, которых они боялись и ненавидели. И что еще более важно, это никак не соотносится с основополагающим фактом: жертвами сексуальных преступлений оказываются около четверти всех девочек и, по меньшей мере, десятая часть всех мальчиков (Itzin 2006). И это еще больше убеждает в том, что не существует четко обозначенной границы между «мы» и «они». Как уже говорилось в части I, сексуальное влечение к детям и сексуальные контакты с детьми, так или иначе, присущи очень большому проценту населения земного шара. Мое стремление дать ответ тому, что говорилось в этой брошюре и привело меня к проведению одного спекулятивного эксперимента, который целиком отразился на моем исследовании и, как следствие, повлиял на книгу.

Представьте на минуту, что вы взрослый (или подросток) с вполне адекватным мышлением, типичной моралью и связями в обществе. И вас очень тревожит обнаруженные у себя за последние несколько месяцев или лет сексуальные чувства по отношению к детям. Вы чувствуете, что могли бы воспользоваться некоторой информацией или советом, которые вам помогут справиться с тяжелой ситуацией. Что бы вы сделали?

Вы бы:

1. Обсудили свои новые чувства с супругом/партнером или кем-то из других близких вам людей?
2. Обратились бы за советом к профессионалу, например, вашему участковому доктору или психологу?
3. Бросились бы в библиотеку и поинтересовались, нельзя ли получить книгу «Как побороть у себя педофилию» или что-то в этом роде? (Любопытно, но американцы, выпустив массу пособий в серии «for dummies» (для чайников) от способов приготовления омлетов до устройства циклотрона, до сих пор не выпустили в этой серии книгу о педофилии - прим. переводчика)
4. Тихо зайдете в интернет, когда никто не видит, и постараетесь выяснить что-то там?

Наиболее возможная реакция для большинства людей, воспользоваться относительной анонимностью интернета для первого знакомства с самим собой. Их первым шагом окажется слово, набранное в поисковике Google, например слово «педофил». Google представит результаты на множестве страниц, используя алгоритм, согласно которому, на первых местах окажутся наиболее релевантные и чаще всего используемые ссылки. И после каких-нибудь трех-четырёх кликов мышкой (зависит от уровня сетевой активности), человек попадет на полностью легальный про-педофильский сайт (такой, как Puellula, упомянутый ранее в этой книге, ныне не существующий)

(вместо несуществующего ныне сайта Puellula, можно легко найти множество других сайтов, таких как ipce: <http://www.ipce.info/> или онлайн-энциклопедия newgon http://newgon.com/wiki/Category:Official_Encyclopedia - прим. переводчика),

где он сможет получить объемную информацию, множество советов и поддержку, включая и мнение, что сексуальное влечение к детям может оказаться весьма положительным опытом, как для взрослого, так и для ребенка. Это те самые сайты, на которых выложена информация о взглядах и мнениях людей, которые и составили предмет моего исследования. Это альтернативные рассуждения о педофилии и сексуальных контактах между взрослыми и детьми, которые легко доступны в Интернете, и которые к тому же резко отличаются от ежедневной словесной каши, заваренной либо на сухой бюрократической бездарности социальных работников, либо на такой же беспомощной, сенсационалистской упрощенности масс-медиа.

Будучи весьма обеспокоенной толкованием слова «педофил», которое навязчиво предлагалось в брошюрке Общества Милосердия, я написала две заметки о «переосмыслении педофилии», которые потом представила на Медицинско-Социологической Конференции Общества Британских Социологов в Йоркском университете в 2005 году и на Общенаучной Конференции по изучению Человеческих Пороков и Злоупотреблений (Interdisciplinary Conference on Wickedness and Human Evil) в Зальцбурге в 2006 году. В феврале 2006 года я получила короткое сообщение на e-мэйл от кого-то из США, который прочел выдержки из моих заметок, опубликованных на сайте конференции, и просил меня прислать полную копию этих заметок. Обратный e-мэйл адрес убедил меня, что письмо было отправлено с про-педофильского веб-сайта. Я ответила, приложив к письму копию заметок, и намекнув, что была бы очень рада переписке с людьми, которые сами себя идентифицируют как педофилы. Мне ответил некий «Даррен»:

Спасибо, что ответили на мой запрос. Я испытываю, по-видимому, врожденное чувство, которое принято называть «сексуальное влечение к детям» ... Я убежден, что для детей, которые оказываются втянутыми в сексуальные отношения со взрослыми существует значительный риск, и я не поддерживаю идею снижения возраста согласия в законах. Я согласен с тем, что детская порнография приносит вред моей группе и обществу в целом. Я считаю, что те репрессии, в условиях которых живет эта группа людей, вызвана склонностью общества к крайним мерам... Что касается того, что лежит за пределами ориентации, то я ничуть не

*отличим от остального общества. Я консерватор, христианин по вероисповеданию, республиканец; я голосовал за Джорджа Буша и являюсь сторонником Тони Блэра... Я женат и имею детей... Я с удовольствием приму участие в любом диалоге, который будет полезен в Вашей работе. Я всего лишь человек, и многие просто не могут понять, что мне свойственны те же заботы и стремления, что и им в обществе. Я очень ценю то, что Вы делаете.
(Даррен, из личной переписки 2006г.)*

В следующих письмах Даррен поведал мне о том, как был «жестоко избит и изнасилован из-за своей ориентации», и сказал, что его едва не убили, узнав, что он педофил. Как и Дэвид, с которым мы встретились в части I, Даррен обеспокоился своей ориентацией, едва перешагнув подростковый возраст. Как и любой, кто когда-то подвергся сексуальному совращению в детстве, Даррен «ненавидел хранить тайны в себе» и поэтому, в отличии от Дэвида, решил, что должен поговорить с кем-то о своих чувствах и рассказал обо всем школьному психологу. Выслушав, психолог оставила Даррена одного в кабинете на целых два часа, заставив сильно волноваться, пока не явилась с работницей социальной службы, которая определила Даррена в психиатрическое отделение. По дороге в психбольницу, работница дала Даррену совершенно ясно понять, что больше всего на свете она ненавидит педофилов. И через несколько часов, прошедших после первых рассказов о том, что его беспокоило, Даррен оказался привязанным кожаными ремнями к кровати. Вокруг него стояло четверо взрослых. Один из них расстегнул Даррену брюки, взялся за пенис и, щелкая ножницами, стал угрожать, что отрежет его. В ту минуту Даррен был совершенно убежден, что именно это сейчас и произойдет. И учитывая то, что Даррен и сам в то время был всего лишь ребенком, такая форма «защиты детей от насилия» кажется, мягко говоря, немного странной.

Когда Даррен попросил о встрече с родителями и о том, чтобы ему предоставили нормальную помощь, ему сказали, что такое лечение ему назначил судья, и никто не намерен его слушать. Лечение заключалось в том, чтобы сидеть на твердом деревянном стуле лицом к стене, всю неделю ежедневно, с семи утра до одиннадцати вечера, с пятиминутным перерывом на то, чтобы сходить в туалет под присмотром приставленных к нему работников, готовых применить насилие в случае, если он откажется что-то выполнять. К Даррену неоднократно применялись «меры усиленной дисциплины, которые длились от 24 часов в сутки до сорока, в течении нескольких последующих лет». Лечение, которое Даррен получил тогда и впоследствии, не «вылечило» его от педофилии, и напрочь лишило его склонности к откровениям относительно своих чувств и поступков. Как он сам заключает, «я перестал чувствовать боль. Это была трудная жизнь, которой я никому не желаю». Как и в отношении подозреваемых, сосланных в Залив Гуантанамо (Guantánamo Bay, залив, находящийся на юго-востоке Кубы и принадлежащий США. С 1898 года там располагается военно-морская база США, а с 2002 года тюрьма для подозреваемых в причастности к движению Аль-Каида и Талибан, вина которых не доказана - прим. переводчика), осужденных лишь за социально неприемлемые мысли и взгляды, в отношении Даррена не было судебного процесса, и его наказали не за совершенное преступление, а за возможный вред, который он мог принести своими девиантными мыслями обществу. Но это лечение не заставило его бояться своих педофильских наклонностей. Радикальные методы лечения сделали из него радикального политического борца.

Наряду с тем, что Даррен поведал мне о своем собственном опыте и мыслях, он еще сказал: «Я встречался с несколькими сотнями людей с сексуальным влечением к детям, не совершающих сексуальных преступлений. Многие из них признались мне, что я первый и последний из тех, кому они о себе расскажут, и не от жажды приключений, а от безысходности».

Тот факт, что Даррен оказался активным членом «сообщества педофилов» и имел связь со многими сексуально-ориентированными на детей людьми, сделало его идеальным проводником в тот мир. Получив этот удачный шанс, я приступила к собиранию данных.

Памфлет "Педофилы"

перевод с английского

автор **Clogo team**

Данная брошюра распространяется по всему миру людьми, разделяющими надежду на то, что более глубокое понимание педофилии и педофилов, более адекватное отношение к ним способны сделать наш мир дружелюбнее и безопаснее.

Мы призываем всех, кто согласен с содержанием данной брошюры, всячески распространять её.

1 - Предисловие

Депривация зрительных или звуковых стимулов на ранних стадиях человеческой жизни, как известно, приводит к необратимым психическим дефектам у ребенка. Также ограничение детской игры становится в будущем причиной задержки интеллектуального развития.

Однако, зрением, слухом, обонянием и вкусом не исчерпывается вся сенсорная система человека. В нее еще входят две так называемые сомосенсорные системы. Одна из них ответственна за баланс тела и сохранение вертикального положения при ходьбе. Другая связана с кожей и восприятием прикосновений.

Из работ James W. Prescott, Ph.D., и других ученых к середине 70-х годов была установлена исключительная важность этих ранее недооцениваемых систем для развития социальных способностей. Их депривация есть главная причина жестокости взрослых. Многими учеными документально подтверждена важность прикосновений, движений, физического контакта и сексуальной свободы для того, чтобы дети и подростки, вырастая, становились здоровыми и мирными взрослыми. Лишение ребенка физической привязанности считается главной причиной депрессий, агрессии и наркомании.

Боязнь педофилии и педофилов, к сожалению, заставляет многих людей отвергать важность нежных отношений в юности для формирования мирного и любвеобильного поведения. Отчасти этот страх имеет основания, но совершенно неправильно считать любую ласку или сексуальный контакт с "незнакомцем" опасными для ребенка.

Данная брошюра распространяется по всему миру людьми, разделяющими надежду на то, что более глубокое понимание педофилии и педофилов, более адекватное отношение к ним способны сделать наш мир дружелюбнее и безопаснее. Мы призываем всех, кто согласен с содержанием данной брошюры, всячески распространять её.

2 - Педофилия

Со временем в результате социальных процессов значение слова "педофилия" изменилось. Когда-то оно обозначало просто любовь к детям, сейчас же оно как минимум включает в себя сексуальный аспект.

В наши дни педофилию можно определить как влечение, в том числе сексуальное, к допубертатным детям одного или обоих полов. Заметьте, что данное влечение (или предпочтение) не означает каких-либо действий. И оно определенно не является каким-то экстремально сильным побуждением, которому невозможно противостоять. Педофилия может включать в себя эротический, эстетический, эмоциональный и духовный аспекты. Впрочем, все эти аспекты односторонни, так как относятся только ко взрослому партнеру.

Большинство педофилов предпочитают либо мальчиков, либо девочек; бисексуальные педофилы составляют меньшинство. Также большинство предпочитают определенную возрастную группу.

Многие педофилы смотрят на вещи иначе, чем другие взрослые, так как они относятся к детям в основном как к равным. Они полагают, что некоторые взрослые не внимательны к своим детям и обращаются с ними, как с неполноценными. Воспитывая детей, такие взрослые часто заставляют ребенка что-то делать и не берут в расчет чувства самого ребенка и его мнение. Педофилы, имеющие такую обеспокоенность, хотели бы предоставить детям право иметь свое собственное мнение, в том числе в области секса.

Большинство педофилов, осознав свои необычные чувства к детям, пугаются и смущаются того, что с ними происходит. Не станут ли они такими же ужасными педофилами-насилъниками, как те, о которых говорят в СМИ? Их внутренняя борьба может закончиться, если они осознают, что далеко не все педофилы – монстры, и что существует два типа педофилов.

3 - Два вида педофилов

Хотя, конечно, все педофилы разные, их можно разделить на два весьма различающихся типа:

- *эгоцентричные педофилы*, которые могут быть агрессивными садистами или просто рассматривать детей как единственный способ достичь сексуального удовлетворения,
- *инфантицентричные педофилы*, для которых чувства ребенка имеют первостепенное значение.

3.1 - Эгоцентричные педофилы

Эгоцентричные педофилы либо испытывают агрессивно-садистские чувства, либо же для них ребенок лишь способ получить сексуальное удовольствие. Большинство из них не пытаются разобраться в своих необычных чувствах к детям и принять их. Они подавляют свои чувства из-за страха. Это делает их потенциально опасными для окружающих, включая детей и их самих. Не умея справляться со своими чувствами, они одержимы страстью к детям, которая может привести к неконтролируемым навязчивым действиям.

Контакт ребенка с эгоцентричным педофилом может содержать насилие, угрозу насилия, обман, эмоциональный шантаж, нападение и изнасилование. Педофилы этого типа сосредоточены только на своем сексуальном удовлетворении.

В таких контактах похоть взрослого служит для него единственным мерилom и ценностью. Ребенок рассматривается как пассивный и случайный сексуальный объект. При этом обычно ребенок не может избежать нежеланной сексуальной активности. Эгоцентричные педофилы используют стыд ребенка для соблюдения секретности. В такой гнетущей атмосфере ребенок будет чувствовать себя незащищенным, будет испытывать страх и отвращение.

3.2 - Инфантицентричные педофилы

Для инфантицентричных педофилов на первом месте стоят чувства ребенка. Они внутренне уравновешены, так как они изучили и приняли свои чувства к детям как часть себя. Поэтому они могут справиться со своими эмоциями и направить их в позитивное русло.

Отношения между ребенком и инфантицентричным педофилом не сводятся к эротическому или сексуальному контакту. Взрослый искренне заинтересован в чувствах, мыслях и опыте ребенка, он хочет, чтобы эти отношения стали ценным и важным этапом в жизни ребенка. В таких отношениях взрослый выражает заинтересованность миром ребенка, находит с ним общий язык, даже если их общение одноразово и непродолжительно. Спонтанность и дружба не исключают друг друга.

Хотя большинство инфантоцентричных педофилов имеют сексуальные фантазии о детях, их действиями не движут исключительно сексуальные желания, и они осуждают любые формы недобровольного сексуального контакта. Для более четкого обозначения этого факта многие из них предпочитают называть себя детолюбями, мальчиколюбами и девчоколюбами.

Когда ребенок взрослеет, потребность как взрослого, так и ребенка в их сексуальном общении постепенно слабеет. Подросток может влюбиться в сверстника, в то же время он становится менее привлекательным для взрослого. Но взрослый, как правило, не бросает ребенка резко и небрежно. Физическая близость – если такая была – может перестать быть частью отношений, но дружба может продолжаться еще долгие годы.

4 - Вопросы

На следующих двух страницах будут разобраны четыре наиболее часто возникающих вопроса о педофилии и педофилах.

4.1 - Могу ли я распознать педофилов?

Нет, распознать педофила, лишь взглянув на его внешность, невозможно. Педофил это совсем не обязательно старый грязный мужчина.

Эгоцентричные педофилы это, как правило, мужчины, обладающие агрессивно-садистскими наклонностями или рассматривающие детей как единственный способ достичь сексуального удовлетворения. Последнее может привести к совершению (инцестуального) насилия.

Инфантоцентричные педофилы могут быть мужчинами или женщинами, гетеро- или гомосексуальными, молодыми или старыми. Как и эгоцентричные педофилы, они могут принадлежать любой расе, национальности и социоэкономическому классу.

4.2 - Может ли педофилия быть вылечена?

Это зависит от обстоятельств. Невозможно изменить главную сексуальную ориентацию педофилов, но в особенности эгоцентричные педофилы могут научиться примирять свои чувства к детям с обществом, могут обрести самоконтроль. Но им необходимо самим сделать первый шаг к тому, чтобы не подавлять свои чувства, открыто взглянуть на них и принять как часть самих себя. Никакое принудительное "лечение" не способно изменить сексуальную ориентацию человека. Оно способно привести лишь к потере самоуважения пациентом.

4.3 - Что в детях привлекает педофилов?

Большинство педофилов не уверены в том, каковы причины их влечения, и не похоже, чтобы это имело первостепенную важность для них. В этом вопросе педофилов, как правило, больше всего интересует, являются ли их чувства к детям врожденными, или приобретенными, или и то, и другое вместе. Они могут задать встречные вопросы, например, "Почему гетеросексуалов влечет к противоположенному полу?" или "Почему гомосексуалов влечет к своему полу?".

Некоторые педофилы считают детей чистыми и неиспорченными нашим миром. Их восхищает то, как дети могут радоваться простым вещам, к которым взрослые безразличны. Для большинства педофилов содержательные отношения с ребенком – более значимая цель, чем чисто сексуальные взаимодействия. Педофилы любят детскую восприимчивость, энтузиазм, доброжелательность, гибкость, честность, спонтанность, сердечность и красоту. Последнее может также сексуально возбуждать педофилов.

4.4 - Как много существует педофилов?

Никто точно не знает. Большинство оценок учитывают только тех педофилов, которые попали в поле зрения правоохранительных органов или обратились за психологической/

психиатрической помощью. Ясно, что результаты таких оценок оказываются искаженными.

Табу, наложенное на педофилию, делает невозможным подсчет числа педофилов, так как большинство из них будут отрицать свои чувства к детям при опросе. Некоторые эгоцентричные педофилы даже себе в этих чувствах не признаются.

5 - Мифы

На следующих двух страницах мы обсудим четыре наиболее распространенных мифа о педофилии и педофилах.

5.1 - Миф: детям не нравится секс

Дети – сексуальные существа от природы. Исследование своего тела и мастурбация обычное дело для детей. Большинство маленьких детей намеренно играют со своими гениталиями ради удовольствия. Маленькие мальчики могут ритмично тереть или растягивать свои пенисы, а девочки могут тереть себя, сжимать ноги и иногда даже засовывать какие-то предметы в вагину. Осознанная мастурбация с целью достижения оргазма обычно начинается в период полового созревания и маленькие дети не понимают всех аспектов этого, но, тем не менее, дети в любом возрасте способны получать удовольствие от секса по тем или иным причинам.

Из-за сильного влияния окружения в вопросах секса ребенок, опрошенный на эту тему, обычно будет врать или отмалчиваться. И когда это касается сексуального опыта со взрослым, нельзя наивно полагать, что ребенок будет непременно говорить правду.

5.2 - Миф: дети становятся гомосексуалами

Некоторые люди до сих пор считают гомосексуальность результатом гомосексуального опыта или отношений с педофилом в юности. Они также считают гомосексуальность аморальной.

Гомосексуальные или гетеросексуальные наклонности не могут рассматриваться как результат педосексуального опыта в детстве. Среди людей, имевших такой опыт, и людей, его не имевших, процент гетеросексуалов примерно одинаков.

5.3 - Миф: педофилы всегда злоупотребляют своей силой

В любых отношениях могут быть различия между партнерами в их характерах, знании, интересах, желаниях, возрасте, власти и т.д. Несмотря на эти различия, оба партнера могут переживать свои отношения как приятные и ценные, пока есть взаимное уважение и подлинная любовь.

В любых отношениях между ребенком и взрослым существуют различия как в физической, так и в интеллектуальной силе. Это относится и к отношениям между ребенком и педофилом. Однако, это вовсе не означает, что последний обязательно будет злоупотреблять своим превосходством.

5.4 - Миф: сексуальный опыт всегда наносит травму

Безусловно, некоторым детям их сексуальный опыт причинил психологическую травму. Но, к счастью, такой опыт травмирует далеко не всех детей. Причинят ли ребенку вред отношения с педофилом, зависит от многих факторов.

Потеря взрослым партнером контроля над собой может привести к серьезной психологической травме. Также требование держать всё в тайне может вызвать у ребенка чувство вины и даже депрессию и стресс.

Главным образом всё зависит от аккуратности взрослого, так как любая сексуальная игра должна соответствовать уровню психосексуального и физического развития ребенка. (Равно как и любые другие отношения с ребенком должны соответствовать его развитию.) Если сексуальная игра происходит с согласия ребенка, доставляет ему удовольствие и он знает, что может в любой момент ее прекратить, то подобный опыт вряд ли будет травматичным.

6 - Обращение к родителям

Объективное и внятное сексуальное образование является важной частью воспитания ребенка. Игнорирование этого аспекта создает в детях трусливое любопытство по этому поводу. Открытое обсуждение сексуальности со своими детьми поможет избежать многих трудностей. Вашим детям будет проще быть честными насчет своих сексуальных мыслей и чувств, так как сексуальность не будет для них невыносимо обременительной или абсурдно табуированной темой.

Исследование своего тела и мастурбация обычны для детей. Очень важно не вызвать у ребенка страх или стыд из-за этого. Но также важно объяснить, что всему свое время и место. Если ваш ребенок мастурбирует на людях, не ругайте его и не выражайте отвращения, но постарайтесь объяснить, что это хорошее, но приватное занятие. Мастурбация абсолютно здоровая часть взросления.

Возможно, вы неожиданно столкнетесь с дружбой между вашим ребенком и взрослым. Разумеется, подобная дружба вызывает ряд вопросов. Нуждается ли мой ребенок в большей любви и заботе? Кто этот взрослый человек и какое влияние он оказывает на моего ребенка? Эти и подобные вопросы являются вполне понятной обеспокоенностью родителей, которые заботятся о своих детях. Возможно, подобные отношения вызовут у вас агрессию, негодование или даже панику. Хотя немедленно вызывать полицию это обычно плохая идея, но вам определенно нужно предпринять какие-то действия. Постарайтесь выяснить, что это за взрослый человек и какие у него намерения. Попробуйте узнать, как ваш ребенок воспринимает эти отношения. Если взрослый совершает психологическое или физическое насилие с вашим ребенком, то немедленно сообщите об этом в полицию. Если же он является инфантоцентричным педофилом, который реально заботится о вашем ребенке, то четко обозначьте нужные на ваш взгляд границы отношений и будьте уверены, что вы остаетесь в курсе того, как эти отношения развиваются.

7 - Исследования

Уже довольно давно ученые изучают сексуальный опыт у детей и его возможные последствия (см. [библиографию на стр. 16](#)). Однако, это сложная для исследования область, так как объективные факты вступают в противоречие с предрассудками и моральными убеждениями. Эти убеждения часто заставляют людей клеймить любой детский сексуальный опыт как "злоупотребление". Так что неудивительно, что исследования и фактические данные могут быть использованы для преувеличения опасности подобного опыта.

7.1 - Сложности в получении данных

Большинство исследований проводятся в психиатрических и других клинических учреждениях. Далее, большинство исследований фокусируются на людях, заявляющих о пагубных последствиях раннего сексуального опыта, в то время как люди, чувствующие, что данный опыт их обогатил, редко попадают в поле зрения исследователей или даже не хотят обнаруживать свои чувства, идеи и опыт, которые не признаются и порицаются обществом.

Часто душевные проблемы рассматриваются исследователями как прямые следствия раннего сексуального опыта. Если у имеющего психологические трудности пациента обнаруживается подобный опыт, то немедленно делается вывод о наличии причинно-следственной связи, при этом игнорируются другие возможные источники травмы.

Сбалансированное вовлечение педофилов в исследования также проблематично. Большинство исследований педофилов проводятся в клиниках или тюрьмах. Предсказуемо, что в результате педофилы кажутся весьма проблемным типом людей. Душевно здоровые педофилы, которые не были арестованы и посажены в тюрьму, практически не доступны ученым. Несмотря на несбалансированность, "клинические и судебные" исследования стали стандартной основой теорий о педофилии и образцом для составления психологического портрета педофилов. Это такие исследования, которые используются при составлении педагогических инструкций, полицейских инструкций, стратегий лечения и при разработке политического курса. Общественное мнение усиливается подобного рода исследованиями.

Реальная картина может быть получена только при изучении всех возможных ситуаций, а не только людей, имеющих проблемы.

7.2 - Негативный опыт

Оценки процента тех людей, которых на длительный период травмирует их детский сексуальный опыт, сильно варьируются. Наиболее интересны те исследования, которые не основывались на априорном предположении, что любой детский сексуальный опыт является "злоупотреблением", и в которых людей опрашивали, как они на самом деле воспринимают этот опыт. Такие исследования обнаруживают, что есть два главных фактора, из-за которых люди могут негативно воспринимать сексуальный эпизод:

- *принуждение* играет важнейшую роль: чем больше принуждения, тем вероятнее получение психологической травмы; чем меньше принуждения, тем меньше риск травмы. То есть оказывается, что травму вызывает прежде всего принуждение, а не сексуальный эпизод как таковой.
- *семейная обстановка* также играет очень важную роль: она оказывает куда большее влияние на будущее благополучие человека, чем сексуальный опыт. Жестокое обращение, игнорирование, нищета и другие проблемы значительно влияют на душевное благополучие детей.

Если эти факторы взяты в расчет, то корреляция между величиной раннего сексуального опыта и будущими проблемами практически отсутствует у мальчиков и наблюдается у одного процента девочек, имевших такой опыт.

7.3 - Характеристика педофилов

Несмотря на трудности, существуют исследования тех педофилов, которые были в отношениях с ребенком (до или во время исследования), но которые не имели проблем с законом и не проходили какую бы то ни было терапию. Но, конечно, оставалось то ограничение, что могли быть проинтервьюированы лишь люди, осознававшие свои педосексуальные чувства и открыто признававшие их – по крайней мере, перед учеными.

Различные личностные тесты, пройденные инфантоцентричными педофилами, показали незначительные отличия их от основной популяции. Это относится как к неврологическим, так и к психологическим исследованиям. Как бы ни были важны эти отличия, они столь малы, что являются не патологией, а, скорее, вариацией в пределах нормы.

Некоторые различия всё же были найдены. Педофилы представляются несколько застенчивыми людьми, испытывавшими одиночество в детстве. Вопреки мнению большинства, многие педофилы не испытывают экстремально сильных сексуальных желаний, их сексуальность сравнительно невысока. Они не склонны к конкуренции с другими мужчинами и женщинами и показывают низкий уровень агрессии. При этом они поразительно чувствительны.

Несколько более высокий уровень стресса и психологических проблем у педофилов следует рассматривать как результат их чувств к детям и враждебности общества в целом, но не как причину этих чувств.

8 - Обращение к педофилам

Мало что может быть столь же тяжелым, как невозможность выразить свою любовь. Что делать с этими необычными чувствами к детям? Как вы, вероятно, понимаете, нет простого ответа на этот вопрос.

Некоторые педофилы покупают куклы, которые выглядят как живые; некоторые выбирают себе занятие, позволяющее заботиться о детях; некоторые ищут взрослого партнера с юной внешностью и манерой поведения. Для сексуального удовлетворения многие педофилы ограничиваются мастурбацией на свои фантазии или педофильские рассказы.

Есть одна большая ошибка, которую вы можете совершить. Вы можете решить, что сами выдумали свои чувства и желания; возможно, вы будете стараться преодолеть их, избегая любых контактов с детьми. Но подавляя свои чувства к детям, вы никогда не научитесь жить с ними. Это сделает вас потенциально опасным для других, включая детей и вас самих, так как останется лишь навязчивая жажда детей, способная привести к потере самоконтроля.

Первый шаг в правильном направлении будет прямо противоположным: принять свои чувства как часть себя и обращаться с ними наилучшим для себя образом. Развлечения и дружба с детьми – очень хороший вариант. Встречаться с детьми, разделяющими ваши интересы (в спорте, музыке, искусстве, науке и т.д.), в рамках клуба или кружка может стать хорошим решением для вас. Такие контакты вполне естественны, так как фокусируются на общих интересах, а не на ребенке.

Хорошей идеей будет поговорить о ваших чувствах с такими же как вы. Если вы решите обратиться за помощью к психиатру или сексологу, то принимайте её только от того, кто признаёт, что лучше принять свои чувства, чем подавлять их.

8.1 - Четыре главных принципа

В настоящее время все законы о взросло-детских сексуальных отношениях базируются на возрасте согласия, который варьируется от страны к стране и может быть разным для гомосексуалов и гетеросексуалов. Однако, всё больше и больше исследователей склоняются к тому, что отправной точкой для новых законов о сексуальных преступлениях должно стать право на самоопределение.

Эти законы не только упростят защиту детей от насилия и навязчивой похоти эгоцентричных педофилов, они также предоставят возможность детям и инфантоцентричным педофилам свободно исследовать свою сексуальность в рамках здоровых отношений до тех пор, пока они находятся в согласии с четырьмя главными принципами, или условиями:

согласие как ребенка, так и взрослого;

свобода для ребенка прекратить отношения в любой момент;

соответствие отношений уровню психосексуального и физического развития ребенка;

открытость перед родителями ребенка.

8.2 - Открытость перед родителями

В большинстве обществ педофилия – эмоционально окрашенное понятие. Из-за большого числа предрассудков педофилы боятся сообщать о сексуальных отношениях родителям детей. Тем не менее, открытость является важным условием. Детей следует всегда защищать от эгоцентричных педофилов. Родители должны иметь возможность определить, в какой степени соблюдаются три другие принципа. Чувства – ваше личное дело, но действия

– нет. Родители имеют право знать, что вы желаете встречаться с их ребенком... и что ребенок желает встречаться с вами.

9 - Библиография

Archives of Sexual Behavior, December 2002, special issue about pedophilia

Bauserman, R. & Rind, B., Psychological Correlates of Male Child and Adolescent Sexual Experiences with Adults: A Review of the Nonclinical Literature, Archives of Sexual Behavior, vol. 26, no. 2, 1997

Bernard, F., Paedophilia: A Factual Report, Enclave, Rotterdam, 1985

Howitt, D., Paedophiles and sexual offences against children, John Wiley & Sons, Wiley, Chichester, 1995

Kirkegaard, H. & Northey, W., The Sex Offender as Scapegoat: Vigilante Violence and a Faith Community Response

Prescott, J. W., Body pleasure and the origins of violence, The Bulletin of The Atomic Scientists, November 1975, pp. 10-20

Randall, J. L., Childhood and Sexuality: A Radical Christian Approach, Pittsburgh: Dorrance, 1991

Rind, B. & Tromovitch, P., A Meta-Analytic Review of Findings from National Samples on Psychological Correlates of Child Sexual Abuse, The Journal of Sex Research, vol. 34, no.3, 1997, pp. 237-255

Rind, B., Bauserman, R. & Tromovitch, Ph., An Examination of Assumed Properties of Child Sexual Abuse Based on Nonclinical Samples, Paper presented to the symposium sponsored by the Pauluskerk, Rotterdam, The Netherlands, on the 18th of December 1998

Rind, B., Tromovitch, Ph. & Bauserman, R., A Meta-Analytic Examination of Assumed Properties of Child Sexual Abuse Using College Samples, Psychological Bulletin 1998, vol. 124, no. 1, pp. 22-53

Tromovitch, Ph., Rind, B. & Bauserman, R., Adult Correlates of Child Sexual Abuse: A meta-analytic review of college student and national probability samples, SSSS-ER April 18, 1997

Wilson, G. D. & Cox, D. N., The Child-Lovers, A Study of Paedophiles in Society.

Приятные воспоминания

Принимаемые в обществе драконовские законы, направленные против близких отношений между взрослыми и детьми, опираются на активно распространяемый политиками и СМИ [фактоид](#) о том, что такие отношения всегда и во всех случаях происходят против воли ребёнка, обязательно наносят ему тяжёлую психотравму, а став взрослым он/она никогда не оценивает эти отношения положительно.

Мы представляем вашему вниманию фрагменты из книги Т. Риваса "Приятные воспоминания" ([английский оригинал](#)), вышедшей в 2013 году в Нидерландах, ISBN 978-90-815403-1-5. В книге представлены рассказы реальных людей (с некоторыми из которых автор связывался лично), показывающие, что никакие обобщения в этой области не уместны, и, следовательно, фундамент вводимых драконовских законов более чем шаткий.

Истории девушек - 1

История 1 (GM-1)

Я была ребенком, имевшим счастливые отношения с "педофилом".

Женщина, анонимно написавшая эту историю на форуме в 2011 году, очевидно, была под влиянием социальных табу, когда описывала свой позитивный опыт сексуальных отношений в детстве.

"Часть меня считает его больным человеком, раз он занимается сексом с детьми". Также она подчеркивает: "Я понимаю, что таких, как я, меньшинство, и не поддерживаю сексуальные отношения между взрослыми и детьми".

Однако она добавляет: "Просто я подумала, что мне стоит рассказать о своем позитивном опыте". И описывает его как прекрасные, эротические и безопасные отношения.

Вот её история:

"Сейчас мне 31 год, но с одиннадцати до тринадцати лет я была в отношениях с 42-летним мужчиной. Я наслаждалась сексуальными инструкциями, которые он давал мне, и понимала, что то, что мы делаем, секретно и запретно. Быть с ним физически, эмоционально и сексуально было приятно и познавательно. Мои отношения с родителями были испорчены, и он помог восполнить этот пробел. Я не чувствую какого-либо вреда от этих отношений и мои воспоминания о них в основном счастливые.

Он был отцом моей лучшей подруги и жил двумя этажами ниже меня. Он был отцом-одиночкой. Я могла прийти играть с подругой и остаться у них на час или даже дольше. Также мне разрешали оставаться там на ночь несколько раз в неделю и иногда я спала в его постели.

Первый раз это случилось, когда я ночевала у них. Подруга уже заснула, а я была на кухне. Он отвел меня в свою комнату смотреть телевизор, чтобы не разбудить её. Он начал с легких прикосновений к моим ногам. Не знаю почему, но, когда он делал это, я перевернулась с живота на спину и слегка открыла свои ноги. Он никогда не форсировал события и каждый раз спрашивал, всё ли хорошо и можно ли ему продолжить. Я говорила, что мне хорошо. Мне были очень интересны эти ощущения, и он долгое время не делал ничего кроме легких прикосновений и исследования моего тела своими руками.

Это закончилось, когда в 13 лет у меня появился парень, который был из моего класса. Он [её взрослый любовник] три года назад нашел меня на Фейсбуке. Мы чатились несколько

раз, но разговор не был сексуальным.

Я согласна, что это ненормально и не отражает опыт большинства людей. Я не заявила о нём в полицию, потому что не верю, что он будет делать это с ребенком, который этого не захочет. Я хотела в этом участвовать и он постоянно проверял это. Я не думаю, что наши отношения отражают типичные взросло-детские сексуальные отношения, которые обычно происходят не по согласию.

Мои чувства говорят, что он не был совратителем или насильником. Я чувствую, что у нас с ним были любовные отношения. Не думаю, что он хотел бы быть в таких отношениях с кем-то, кто не достаточно развит для них".

Она упоминает один беспокоящий её аспект:

"Меня возбуждают вещи, которые вызывают отвращение у мужчин, с которыми я встречалась во взрослом возрасте (например, когда он называет меня маленькой девочкой или когда я называю его папочкой)".

Хотя она описывает это как проблему в своих отношениях, очевидно, что настоящая проблема заключается в реакции мужчин на подобные пристрастия, нарушающие связанные с педофилией табу.

История 2 (GM-2)

"Это оказало огромное влияние на мою жизнь, и оно не было негативным"

Б. – бывший участник форума Newgop. Судя по её постам, она студентка колледжа, имевшая в раннем возрасте отношения со взрослым мужчиной. Она выступает против детской порнографии.

Она сообщила следующую информацию о своих отношениях:

"Пока отношения происходят по согласию и не являются злоупотреблением или инцестом, я не вижу в этом ничего плохого. Разумеется, девочка (или мальчик) должны быть достаточно взрослыми, чтобы понимать происходящее. Но это сложный вопрос, так как все дети разные.

У меня были отношения с 19-летним парнем, когда мне было почти 10, и они длились больше года. Это оказало огромное влияние на мою жизнь, и оно не было негативным.

Единственная вещь, которую я могу оценить как негативную, это то, что отношения в основном развивались вокруг секса, но это не была его вина. Мы должны были сохранять всё в тайне и это ограничивало наши возможности. Когда отношения закончились, я стала весьма неразборчивой, чего не случилось бы, если бы мы остались вместе. (...)

Думаю о том, чтобы, когда закончу колледж, написать книгу об этих отношениях и их влиянии на мою жизнь. Перспективам женщины в подобных отношениях/увлечениях уделяется не достаточно внимания. Обществу проще навесить ярлык "монстр" на мужчину, а интернет-сообщества, позволяющие обсуждать этот вопрос, переполнены молодыми парнями, чьи голоса заглушают друг друга".

В другом посте она добавила:

"У меня очень классная жизнь с тонной веселья и мне не нужны никакие эксперты, которые скажут, что я 'депрессивная', так как я занимаюсь сексом почти каждый день, начиная с 10 лет".

История 3 (GM-4)

18-летняя девушка рассказывает о случаях изнасилования, которые ей пришлось пережить в детстве, а также о добровольных отношениях с 19-летним парнем в 12-летнем возрасте.

Сейчас я 18-летняя девушка, в прошлом пережившая сексуальные отношения по принуждению. В детстве у меня было три случая изнасилования и сексуального принуждения со стороны трёх различных взрослых, которые были мне близкими людьми. Это сформировало у меня сильное недоверие к людям в целом, поскольку среди принуждавших меня были как мужчины, так и женщины. [...]

Будучи девушкой, которая отказывается чётко определять свою сексуальность, я твёрдо уверена, что любовь никогда не может быть плохой. Если в ваших отношениях с детьми отсутствует принуждение, манипулирование или применение силы, в них нет абсолютно ничего плохого. [...]

В подростковом возрасте меня всегда тянуло к взрослым мужчинам. Разница в возрасте с самым старшим из всех, с кем я встречалась, составляла 7 лет, а мне тогда было 12. Формально это "педофилия". Я была в полном согласии с тем, что происходило в этих отношениях, и не подвергалась совершенно никаким манипуляциям.

Я могу подтвердить, что дети несомненно имеют сексуальные желания, но, думаю, это зависит от ребёнка. Например я начала мастурбировать с 4 лет. Но я не думаю, что была готова к романтическим отношениям с кем-либо до 11-летнего возраста. Даже сейчас, будучи по законам США уже взрослым человеком, я нахожусь в отношениях с мужчиной на 4 года старше меня. И хотя сейчас, когда я стала совершеннолетней, в этом нет ничего особенного, когда всё начиналось ситуация была совершенно иной.

История 4 (GM-5)

Женщина, выступающая под псевдонимом Е., рассказала на одном из интернет-форумов приведённую здесь историю из своей жизни в раннеподростковом возрасте и просит дать комментарии (которые, разумеется, оказались в основном негативными):

"Вот моя история: в 12-летнем возрасте у меня был секс со взрослым мужчиной и мне это нравилось.

Это был мой самый первый опыт с женщиной. Он заботился обо мне, покупал мне классные вещи. Я приходила домой и мама гадала откуда у меня все эти вещи и деньги.

Но это был не тот случай, когда извращенец платил мне за секс. Он был скорее как папа, но я по-настоящему любила его. Он не только был моей испытательной площадкой в области сексуальных переживаний, это было гораздо больше.

В столь юном возрасте меня очень возбуждало, как этот взрослый мужчина ласкал, обнимал и доставлял мне удовольствие днём и ночью.

Так что я хотела бы спросить, почему это считается столь ужасным, когда взрослый мужчина желает заботиться о юной девушке. Он не заставляет её страдать и не использует её. Почему же столь многие люди относятся к этому негативно и клеймят такие отношения как педофилию?? Что вы думаете об этом, только честно?"

История 5 (GM-6)

В мае 2011 года 27-летняя женщина, пожелавшая остаться анонимной, поделилась своими воспоминаниями об отношениях со взрослым мужчиной на одном из голландских интернет-форумов.

"Начиная с 6-летнего возраста у меня были сексуальные отношения со взрослым. Это было прекрасно и у меня об этом только приятные воспоминания. Его звали Питер, ему было около 40 лет, он жил по соседству. Он жил один и был кем-то вроде друга нашей семьи. Питер часто помогал моему отцу в делах по дому или в саду. Он также любил обедать вместе с нами. У нас было какое-то взаимное притяжение и перед сном мы часто резвились вместе".

Питер также часто брал её кататься на лодке. У него был классный попугай и большая игрушечная железная дорога. Он был прирождённой нянькой, сочетая в себе качества старшего брата, друга и партнёра по играм. Питер читал ей старые журналы Donald Duck, когда она сидела у него на коленях, гладил ей волосы и целовал в лоб.

"Он по-настоящему любил меня и я любила его. Нам всегда нравилось быть вместе".

Сексуальный аспект возник постепенно, в виде игры. Со временем это перешло в регулярные, почти ежедневные, сексуальные отношения. В средней школе у неё был парень её возраста, но она продолжала встречаться с Питером. Даже сейчас они иногда занимаются сексом, пусть и не так часто, как раньше, поскольку после окончания университета она переехала в другой город.

"Мысленно возвращаясь в детство, проведённое с Питером, я нахожу там исключительно приятные воспоминания".

История 6 (GM-7)

Женщина, выступающая на интернет-форуме под псевдонимом G., рассказала такую историю:

"Мне было 14 и я не была девственницей, когда начались сексуальные отношения с отцом моей лучшей подруги. Это продолжалось около 6 лет и после нескольких лет расставания мы сошлись вновь и поженились. Он был молодым папой, но всё равно гораздо старше меня. Он был женат и его супруга знала о нашей с ним связи. У них были свободные отношения.

Сейчас я всё так же замужем за ним и у меня нет проблем, которые есть у людей, не имевших такого опыта в детстве. [...]

Моя идея в том, что могут быть законы, правила и общепринятые взгляды на то, что хорошо что плохо. Но посмотрите на них, посмотрите на бывшего президента Клинтона. Все эти руководители страны, попавшиеся на гомосексуальных контактах, оказываются теми же самыми людьми, говорившими какой это страшный грех. Так что вы можете послушать мнение других на эту тему, но оно ничего не значит. Вы делаете, что вам нравится и не позволяйте кому-либо указывать вам, что делать, если вы этого не хотите."

История 7 (GM-11)

На голландском интернет-форуме женщина под псевдонимом J. рассказывает о своём опыте.

"В возрасте от 10 до 12 лет у меня были сексуальные отношения с соседом гораздо старше меня. Он рассказывал прекрасные истории и я любила сидеть у него на коленях, потому что он ласкал мои ноги. Я чувствовала себя избранной и любимой - это было прекрасное ощущение.

Спустя некоторое время ласки стали более интимными и постепенно возник игривый ритуал, по которому я разрешала ему смотреть и прикасаться ко мне, а потом он также орально ласкал меня. Он никогда ничего не делал против моей воли и всё было по любви.

Я часто тоскую по тому времени, поскольку этот период моей жизни был совершенно особенным".

Истории девушек - 2

Новая порция историй от девушек, имевших в раннем возрасте сексуальные отношения с мужчинами и сохранивших об этих отношениях [Приятные воспоминания](#).

История 8 (GM-12)

Этот фрагмент взят из рассказа женщины, называющей себя Jezyka, в ответ на вопрос 16-летней девушки о её отношениях с 32-летним мужчиной.

"В возрасте 14 лет я влюбилась в 22-летнего парня. Я любила его, рассталась с девственностью вместе с ним и не жалею об этом. Всё было не слишком романтично, но это было тем, что мы оба хотели. И по сей день я рада, что отдалась ему тогда, потому что 4 года спустя мы всё также вместе и я рада сообщить, что мы обручены и любим друга до чёртиков. Сейчас ему 26, а мне 18, мы живём вместе и когда я закончу колледж, мы заведём детей."

История 9 (GM-17)

Джон Катц, не являющийся сторонником близких отношений между взрослыми и детьми, опубликовал такое сообщение на сайте в интернете. В нём речь не идёт о взрослой женщине (т.е. женщине старше 18 лет), но она близка по возрасту, поэтому есть смысл включить эту историю в данный раздел.

"Ваши высказывания пестрят странными точками зрения" написала девушка-подросток, подписавшаяся Кэти. Она сказала, что в ближайшее время достигнет "возраста согласия", под чем я понимаю 18-летие. Вот что она написала г-ну Катцу:

"Я хочу рассказать вам, что в течение нескольких лет у меня были реальные отношения со взрослым мужчиной, с которым я познакомилась в интернет-чате. Ему было уже давно за 30. Я полагаю, что по закону он насильник и секспреступник. Несомненно, что мои родители именно так его и называли бы. Да и полиция, думаю, тоже. Он мог попасть в тюрьму до конца своих дней за встречи и секс со мной. Но он был тем, кого я очень любила.

Он прекрасно относился, был нежным и ласковым и никогда ни к чему меня не принуждал. Он многое рассказывал, давал мне книги. Именно он всегда говорил, что может наши отношения - не лучшая идея, может нам стоит прекратить, может стоит подождать. Но я так не думаю.

Я полагаю эти отношения помогли мне, может даже спасли мне жизнь. Я знала, что скорее всего они не продлятся долго, но я решила написать вам, потому что для меня всё не настолько черно-белое. Этот мужчина, арестованный в Нью-Джерси, - просто подонок, нападавший на детей. Он должен сидеть в тюрьме. Но не все отношения между старшими и младшими по возрасту столь кошмарны. Общество должно научиться видеть разницу.

История 10 (GM-18)

Женщина под ником k., в прошлом имевшая канал на YouTube с видеофильмами на вызывающие много споров темы, описала свои сексуальные отношения с взрослым мужчиной в юном возрасте.

"Я говорю не на основе идей или убеждений, я говорю на основе своего собственного жизненного опыта. В 12 и 13-летнем возрасте у меня были отношения с мужчиной гораздо

старше меня. Я ни разу не подумала, что он или я делаем что-то плохое. У нас были нормальные отношения и я всё так же не вижу в них ничего плохого."

История 11 (GM-21)

Участница немецкоязычного форума под ником Мама1990 открыла тему об отношениях с разницей в возрасте. В момент написания этого сообщения ей было 20 лет. Она рассказывает об отношениях, начавшихся, когда ей было 14, а её партнёру 34. Они и сейчас живут вместе, у них родился сын и они очень любят друг друга. Когда ей исполнилось 16, они стали жить вместе.

"Мы не богаты, но мы счастливы. Ведь это самое важное, правда?"

Отношения начали развиваться с момента, когда он неоднократно утешал её в минуты грусти.

История 12 (GM-22)

Эта история взята из письма, присланного в голландский журнал OK Magazine.

Цензура в телепрограмме "Rondom Tien" [голландское телешоу о "педофилии"]

Письмо от Майи

"Я женщина, мне 29 лет. С 14-летнего возраста в течение полутора лет у меня были сексуальные отношения с 35-летним мужчиной. Сейчас я мать двоих детей, одному 10 лет, другому 7.

Наши отношения с Роелом - так звали того мужчину - были для меня очень приятными и я ощущала себя в безопасности. Сразу после того, как моим родителям стало известно о них, они постарались всеми силами сделать нашу связь невозможной. Но полицию к этому не привлекали. Кроме того, завершение этих отношений было естественным и, как следствие, не травматичным.

Всегда, когда я вспоминаю о Роеле, у меня внутри возникает приятное чувство.

Сейчас, по прошествии времени я стала замечать, что ваша передача оставляет меня с чувством передаваемого в ней посыла "Такие отношения никогда не могут быть благом для ребёнка." Не будь у меня самой такого опыта в прошлом и не будь у меня друзей, которые сейчас есть, я, вероятно, поверила бы в это."

История 13 (GM-27)

Эта история взята из исследований Фрица Бернарда, цитируемого в книге "Paedophilia: The Radical Case":

"У меня был опыт отношений со взрослым мужчиной, когда мне не было ещё и 12 лет, но обстоятельства были совсем не таковы, чтобы повергать меня в ужас при каждом воспоминании о них.

Наоборот, у меня остались прекрасные воспоминания о первом, пусть и немного странном, знакомстве с сексуальностью и по прошествии 8 лет не имеется никаких негативных последствий.

У меня нет никаких травм по этому поводу и в результате я не стала сексоголиком или фригидной. Произошло то, что я в очень раннем возрасте узнала, как мужчина и девочка могут доставить друг другу удовольствие, и также я получила практическое руководство,

благодаря которому мне не нужно было узнавать по книгам как выглядит обнажённый мужчина, как у него возникает эрекция, семяизвержение, мастурбация и так далее.

В моей ситуации никакой речи об изнасиловании и быть не могло. Он был очень милым и, как мы говорим, "вора сделала возможность", а я инстинктивно воспользовалась искусством соблазнения (хотя, конечно, мне стало это ясно только спустя время), что, бесспорно является удивительной способностью, демонстрируемой нами, женщинами, в столь раннем возрасте, особенно, когда в этом самом возрасте ты встречаешь мужчину, относящегося к тебе так, как будто ты уже не ребёнок.

[...]

Я вспоминаю сейчас это как странный, но в то же время замечательный опыт. В действительности мне это так нравилось, что когда я приходила домой, я сама спрашивала, можно ли прийти и снова поиграть "в Еву" (так он это называл).

[...]

Несомненно, что никакого вреда мне всё это не принесло."

История 14 (GM-28)

Эта история взята с ныне недействующего сайта. В ней речь идёт о женщине по имени Речел. Вот несколько относящихся к теме книги фрагментов:

"Когда мне было шесть лет, меня "совратил" сосед. Я не уверена, стоит ли называть так то, что произошло, потому что он на самом деле не хотел меня "совращать" в том смысле, как они рассказывают об этом в школе и по телевидению.

Всё начиналось достаточно невинно. Он сажал меня на колени и читал мне книгу, иногда массируя плечи и проводя руками по волосам. То, как он держал меня на руках, придавало мне чувство тепла и безопасности. Он говорил мне как я красива и как он хотел бы иметь такую дочь как я (у него был сын на год старше меня. Мы с ним были лучшими друзьями вплоть до нашего переезда, когда мой отец получил повышение по службе).

Он часто сажал меня и своего сына себе на колени и читал нам.

Одной рукой он проводил по моим волосам, а другой гладил сына по животу. Однажды он спросил не против ли я, если он точно так же будет гладить и мой живот. Меня всегда учили не позволять никому трогать меня за места, закрытые одеждой, но я знала, как это нравится его сыну, мне было очень любопытно и я согласилась.

Он обычно разрешал сыну ходить по дому в нижнем белье, а иногда и полностью голым, что мне казалось странным, потому что в моём доме действовал строгий принцип "закрывать всё" (я выросла в строгой неопуританской семье "рождённых свыше" христиан).

Спустя некоторое время он предложил мне тоже снимать одежду, и поскольку мне очень нравилось, как он массировал мою спину, живот и грудь, приходя к ним я тоже стала снимать футболку.

Я не чувствовала, что меня кто-то вынудил сделать это, во-первых потому что он спрашивал комфортно ли мне, а во-вторых, потому что мне самой это нравилось. Мне было по настоящему приятно это чувство близости и ощущение его рук, когда они касались моей кожи. Мне особенно нравилось когда он ласкал мои маленькие соски, хотя тогда я не понимала почему.

Вот таким образом наши отношения всегда и пребывали. Он всегда спрашивал у меня разрешения на все прикосновения, и когда я говорила "нет" (что было два раза - когда он

захотел поцеловать меня в асос и когда он попросил сосать у него ... что спустя некоторое время я сама захотела сделать), он уважал моё решение и больше не просил.

Наш физический контакт перешёл от поглаживаний спины, живота и груди до позволения ему целовать моё тело и шею, а затем и до поглаживаний ягодиц и бёдр, а спустя время и до мастурбации, которую он мне делал. У меня также были близкие контакты с его сыном - прикосновения друг к другу, лежание вместе, взаимная мастурбация и т.п. Со временем дошло и до секса (мой первый раз был в возрасте 12 лет с его сыном. Отец наблюдал за всем процессом, давая что-то вроде руководства по тому как быть хорошими любовниками).

Мой нынешний парень, который учится на психолога в университете, сказал мне, что я должна ненавидеть этого соседа и его сына за "то, что они мне сделали", но я не могу заставить себя сделать это. Мне нравилась близость, прикосновения и эмоциональный контакт, присутствовавший в этих отношениях. Меня не "совращали", я была добровольным и активным участником всего этого процесса, и случившееся не нанесло мне каких-либо травм.

Сейчас я счастливая, уважающая себя, довольная жизнью, уверенная в себе женщина-профессионал. Я работаю референтом. Я уверенно чувствую себя в отношении своего тела и сексуальности, поскольку сейчас я убеждена, что ничего этого не было бы, не будь моего соседа, поскольку дома у меня не было никакой возможности изучить своё тело и чувства. Секс был темой, о которой в моей семье просто никогда не упоминали. Мои родители не сделали ни одной попытки, чтобы поговорить со мной об этом!

Почему я должна чувствовать себя виноватой в связи с прекрасными отношениями, которые у меня были с этим мужчиной вплоть до его смерти и его сыном, с которым я продолжаю общаться. Мы больше не любовники, но остаёмся близкими друзьями.

Мне было хорошо и я с охотой участвовала во всём, что произошло, и я просто не могу заставить себя смотреть на эти вещи как-то по другому, кроме как с теплотой. Произошедшее в детстве не сделало меня психом или социопатом. Я не стала из-за этого совратителем детей и в действительности до сих пор питаю симпатию к старшим по возрасту мужчинам. Осмелюсь сказать, что мой ранний сексуальный опыт с соседом и его сыном принёс мне куда больше пользы, чем какого-либо вреда, вопреки всему тому, что людям пытаются навязать СМИ и законодательство.

Я нахожу весьма прискорбным, что столь внимательных людей как мой сосед, смешивают в одну кучу с самыми гнусными нелюдьми на земле на том лишь основании, что они дают девочкам вроде меня возможность исследовать себя куда более полно, чем наши сумасбродные законы позволяют ей. Без него я не была бы тем человеком, которым являюсь, и я очень по нему скучаю."

История 15 (GM-31)

Женщина, пожелавшая остаться анонимной, разместила следующую историю на голландском интернет-сайте, посвящённом личным откровениям, в ответ на историю инцеста. Она пишет:

"Лично у меня нет какого-либо опыта инцеста, но, надеюсь, моя история вам чем-то поможет.

Сейчас мне 48 лет. В возрасте от 11 до 16 лет у меня были сексуальные отношения с мужчиной на 30 лет старше меня. В 16 лет эти отношения прекратились, потому что у меня появился парень моего возраста.

Несмотря на это мы продолжаем поддерживать контакты (не сексуальные). Мы остаёмся друзьями и сейчас.

Он никогда меня не принуждал и всегда относился с нежностью и уважением. Дело совсем не в сексе. Он всегда мне во всём помогал, поддерживая в тяжёлые моменты жизни.

Он просто хороший человек и да, он "педофил". На это я отвечаю: ну и что?

[...]

В жизни встречается не только исключительно чёрное или исключительно белое."

История 16 (GM-32)

Женщина, выступающая под ником Т. на одном из интернет-форумов, представила свои взгляды на тему разновозрастных отношений.

"Он никогда не просил чего-либо, что для меня было неприемлемым."

Также она пишет:

"Сейчас мне 19 лет, недавно я удачно вышла замуж за 42-летнего мужчину. Однако я считаю наши отношения непохожими на другие. Мой муж был лучшим другом моего отца ещё с времён, когда я не родилась и мы знакомы с ним всю мою жизнь. Его первая жена умерла, когда я была ещё ребёнком. Мы подружились и между нами образовалась связь, переросшая со временем в романтические отношения.

Он был крайне терпелив. Он никогда не просил чего-либо, что для меня было неприемлемым. Он почти всегда разрешал мне взять инициативу на себя, в то же время делая всё так, что я чувствовала себя комфортно.

У нас был период, когда нашу любовь нужно было держать в секрете, но когда мы объявили о помолвке, оказалось, что моя семья и его друзья настолько привыкли видеть нас вместе, что это не оказалось ни для кого сюрпризом. Друзья мне завидовали."

История 17 (GM-33)

Данная история взята из статьи Терри Лихи в журнале Gender & Society, Vol 8, No 1, 48-72; March 1994. Лихи пишет:

В своей истории Уенди так описывает поведение Пола:

"То есть, он желал этого. Он хотел близости, он хотел быть физически ближе и я это чувствовала. Я помню как тёрлась об него, когда у него была эрекция и подобные вещи, но большую часть времени я чувствовала, что он просто хочет по-настоящему быть рядом...Мы много обнимались, целовались и всё такое. Одно время в был и некоторый сексуальный аспект. Поцелуи взад-вперёд... прекрасная мокрая борода. Он был очень очень нежным. Самым нежным среди всех тех, кого я знала. Очевидно, он был очень внимателен. В этом весь Пол, и таковым он был по своей сути, а не потому, что я была тогда совсем юна."

В интервью есть места, где она описывает свои отношения с Полом согласно определению, даваемого Грином понятию "романтический герой": отеческий, наставнический и заботливый тип. В одном из частей интервью она рассказывает о чувстве защищённости, когда Пол носил её на руках.

Можно заключить, что Уенди оценивала и воспринимала свои переживания с позиций, которые не отходят от установленных и консервативных понятий романтических отношений. Однако в нескольких важных аспектах она проводит различие между её опытом и этой моделью отношений. Ключевым аспектом является то, что Уенди не пишет, о том, что была тогда влюблена. Она сообщает, что Пол часто признавался ей в любви, но она лишь в редких случаях отвечала ему:

"Я чувствовала себя... не знаю точно как. Трудно сказать что я чувствовала тогда, потому что с тех пор я об этом слишком много размышляла. Но я думаю, он давал мне больше, чем я ему, и он ко мне прекрасно относился и очень мне нравился. В самом деле нравился. Я считала его прекрасным, но это не было любовной связью, где оба участника любят друг друга до беспамятства."

В своих рассказах на эту тему Уенди объясняет свою позицию с точки зрения распространённых идей о подростковом возрасте как о переходном периоде к состоянию взрослого. Она была рада попробовать романтические отношения с Полом, но её молодость дала основание не воспринимать их слишком серьёзно.

"Я лишь думаю, что он хотел чего-то большего, чем я могла тогда дать, и полагаю, что это было нечестно с моей стороны, но я не могу сказать точно. У меня не было достаточно опыта, чтобы понять, что именно этого он и хотел. В действительности я всё время заигрывала с ним, то давая ему приблизиться, то притормаживая, когда всё начинало становиться слишком страстным, но это тоже было частью игры. Иногда на меня находило поэтическое настроение и я говорила, что он показывает мне мою расцветающую женственность или что-то вроде того.

Лишь сам факт, что я могу кого-то привлечь, как конкретно это можно сделать и вызвать чью-то ответную реакцию, не приводя к полному погружению в меня, что могло бы произойти, если бы это был человек моего возраста, если бы я сделала в отношении его то, что сделала в отношении Пола. Но в действительности, я не знаю, возможно, они бы даже и не заметили, поскольку коммуникация была очень тонкой. Он был гораздо более отзывчивым и куда более внимательным, чем мои тогдашние сверстники."

Обсуждение

Введение

На настоящий момент наша подборка насчитывает 141 историю длительных отношений и кратковременных контактов. Очевидно, что это количество достаточно условно и, учитывая современное табу на данную тему, настоящее количество добровольных и позитивных отношений и контактов должно быть гораздо больше, чем публикуется.

Иногда слышны голоса критиков, утверждающих, что все эти истории нельзя считать надёжным источником, то есть, что все они в лучшем случае представляют собой безумную попытку небольшой части жертв сексуальных посягательств логически объяснить свои по факту травматичные переживания. Однако это не объясняет тот факт, что о своих приятных воспоминаниях рассказывают люди, очевидно выглядящие вполне довольными своей взрослой жизнью и являющиеся успешными как общественной, так и с личной точки зрения. Я лично связывался с некоторыми из авторов, чьи истории опубликованы здесь, и, исходя из полученных впечатлений, я совершенно не могу представить, что они просто обманывают себя.

Ещё одно куда более возмутительное обвинение состоит в том, что эти истории якобы искусно выдуманы "лживыми педофилами". Сколь удобным бы ни был этот тезис для противников самого явления добровольных близких отношений между взрослыми и детьми, его, безусловно, не стоит рассматривать всерьёз в отношении подавляющего большинства историй.

В противном случае всех этих людей, включая хорошо известных личностей, таких как Кирк Дуглас, стоило бы считать "лживыми педофилами". Кроме того, с некоторыми из рассказчиков я встречался лично или контактировал с ними с помощью различных средств связи и уверен в их искренности. То же самое справедливо в отношении участников таких отношений, с которыми контактировали объективные, а не предвзятые, исследователи.

В целом, если взять это обвинение в обмане читателей, я так и не смог понять для себя, как настоящий насильник может вообще быть озабочен поиском рациональных аргументов в пользу прав на непредосудительные отношения. Основной интерес этих людей заключается во вступлении в сексуальные отношения с ребёнком и стратегии по сокрытию своих истинных намерений.

Все те, кто в настоящее время предаёт гласности свои "необычные" чувства в отношении детей или подростков, не только очень смелы, но и ясно показывают намерение придерживаться строгих этических принципов.

Противники могут счесть это наивным или психически ненормальным поведением, но умышленное сочинение выдуманных историй о приятных отношениях других людей просто не вписывается в психологический портрет этих личностей. Логическое объяснение своих чувств - это одно, а неприкрытый и умышленный обман - это совсем другое.

Что действительно нуждается в объяснении - так это то, почему многие критики считают возможным разом отбросить все истории, где данный опыт оценивается положительно, при этом никогда не проявляя такого отношения к опыту, оцениваемому негативно. Мне это кажется пристрастным и нечестным, и, следовательно, неразумным. В любом другом контексте бездумное отбрасывание отдельных фактов было бы сочтено догматичным и закоснелым подходом.

Я признаю тот факт, что некоторые истории куда более подробны, чем другие, начиная от анонимного сообщения на интернет-форуме и кончая рассказами, основанными на обширной личной переписке или общении.

Выводы

Однако, с моей точки зрения, все эти истории вместе взятые демонстрируют следующее:

- между взрослыми и детьми действительно существуют добровольные и безвредные близкие отношения;
- во многих этих отношениях присутствует дружба, привязанность и взаимная любовь, а сексуальная сторона является лишь одним из многих аспектов искренних и близких отношений (платонические отношения показывают, что сексуальный аспект может вообще отсутствовать); другие аспекты, например, эмоциональная близость и поддержка, игры, культурные мероприятия и стимулирование интеллектуального роста; ни в одной из историй, где описаны интимные отношения, у нас нет оснований считать, что сексуальный аспект подорвал общее качество отношений;
- что они могут начинаться даже до достижения ребёнком 12-летнего возраста (в трети историй в этой книге на момент начала отношений ребёнку было меньше 12 лет). Это своего рода сюрприз для исследователей, которые реально верят, что нежность, сексуальные чувства, влюблённость или любовные отношения до начала полового созревания совершенно отсутствуют. Важно понимать, что половое созревание всего лишь оказывает влияние на эти явления, а не порождает их. Ведь как ещё можно объяснить влюблённость между двумя детьми доподросткового возраста или мастурбацию и сексуальные игры учеников начальной школы и совсем маленьких детей?
Из этого следует, что возраст ребёнка сам по себе не является хорошим критерием для определения какие отношения должны быть разрешены, а какие нет. Для так называемого "возраста сексуального согласия" нет твёрдого основания.
- Некоторые отношения продолжаются и после того, как ребёнок вырос, обычно в платонической форме, но иногда и как близкие отношения между взрослыми.
- Дети, участвующие в таких отношениях могут быть как мальчиками, так и девочками - это подтверждает результаты предыдущих исследований, например тех, что провёл Лихи. Утверждение, что почти все положительно оцениваемые отношения являются отношениями с мальчиками, не соответствует действительности.

- негативное отношение и вмешательство со стороны общества часто приводят к страданиям младшего участника
- добровольная и горизонтальная дружба между взрослым и ребёнком вне рамок семьи может оставаться целиком платонической. Лично я считаю, что все виды добровольных отношений, которые возможны между детьми, в принципе также возможны и между взрослым и ребёнком, начиная от близкой дружбы без сексуального влечения и вплоть до любовных отношений с сексуальным аспектом или без него. С этой точки зрения я представляю себе существование континуума отношений от отношений между сверстниками до отношений между взрослыми и детьми.

Это значит, что добровольные близкие отношения со взрослым нужно рассматривать с точки зрения их качеств в каждом конкретном случае, а не на основе пола или возраста ребёнка.

Из приведённых в книге историй не следует, что с этого момента любые отношения должны безусловно приниматься опекунами ребёнка. Из этих случаев мы узнаём, что многие близкие отношения со взрослым или с партнёром с большой разницей в возрасте являются добровольными, по согласию и безобидными, но мы не должны соглашаться на какие-либо отношения до тех пор, пока мы не выяснили, попадают ли они в эту категорию или, наоборот, являются собой эксплуатацию одного участника другим.

Проведение этой границы является одним из краеугольных камней этически ответственной легализации добровольных и безвредных отношений.

Некоторые читатели могут задаться вопросом, почему я не использую статистику для анализа того, сколь часто психологические последствия подобных отношений являются негативными, нейтральными или позитивными. Причину этого легко понять: в этой работе я сосредоточился исключительно на случаях, в которых сами респонденты сообщают об отсутствии какого-либо заметного вреда (сущностного, не исходящего извне).

Кстати, статистический анализ или мета-анализы не могут быть использованы для демонстрации (весьма вероятного) факта, что существуют безвредные и добровольные отношения, это можно показать только в рамках истории конкретных отношений.

В этом сборнике не ставится задача исследовать, являются ли отдельные случаи предполагаемых "злоупотреблений" на самом деле безвредными, и, будь оно так, какой процент их попадает в эту категорию. Здесь лишь показывается, что добровольные отношения без неотъемлемых негативных последствий существуют.

Другими словами, эта работа не опирается на крайне размытые и широко распространённые понятия "сексуальное посягательство" или "педофилия", она охватывает именно случаи отношений и кратковременных контактов, с точки зрения ребёнка считающиеся добровольными.

Поэтому такие вопросы как "Правда ли, что мальчики и дети старшего возраста менее подвержены психологической травме, чем девочки и дети младшего возраста?" здесь просто не применимы. Существование приятных воспоминаний об отношениях между взрослыми и детьми вряд ли можно теперь отрицать, и, следовательно, это порождает вопрос чётких критериев морально приемлемых отношений. На основе работ других авторов, таких как доктор Франс Гилес (Dr. Frans Giele) и доктор Франк ван Рее (Dr. Frank van Ree), а также моих собственных соображений, я вывел набор этических критериев, которые будут кратко представлены далее.

Важные этические критерии

- 1. Взрослый и ребёнок (подросток) желают иметь отношения друг с другом и положительно оценивают эти отношения. Младший участник должен иметь возможность разорвать связь в любой момент. Взрослый должен чётко объяснить, что любой интимный контакт должен происходить только на основе искреннего желания

ребёнка, вместо того, чтобы быть любезностью, которую ребёнок оказывает взрослому. В книге "Тайгер" Марго Фрагосо (Margaux Fragoso), Тайгер описывает отношения, в которых взрослый очевидно не уважает этот основной принцип.

- 2. В случае интимных отношений не должно наноситься физических травм и не должна наступать нежелательная беременность.
- 3. Личные границы детей должны уважаться и любой возможный близкий контакт должен быть полностью добровольным в обычном, не юридическом значении этого слова. В случае сомнений на предмет желаний ребёнка (напр. потому, что они пока не были явно выражены или потому что ребёнок показывает признаки эмоциональной неуверенности или отсутствия соответствующих стремлений) взрослый должен просто воздержаться от любых интимных контактов с этим ребёнком. Обычно, инициативу для такого контакта должен проявлять сам ребёнок или подросток. Этот подход гарантирует, что любой возможный интимный контакт будет опираться на собственные желания ребёнка и склад его характера, а также будет держать под контролем односторонние желания взрослого.

Разумеется, со стороны взрослого не должно быть никаких признаков манипуляции или психологической обработки.

Добровольный контакт по определению основывается на тех же сексуальных действиях, которыми дети занимаются самостоятельно или с другими детьми. В этих отношениях к проникновению обычно не прибегают, особенно с детьми младшего возраста. Обычно практикуются поцелуи, ласки, петтинг, мастурбация друг другу или совместно и оральная стимуляция. К другим видам прибегают лишь в редких случаях.

- 4. Взрослый должен быть честен на предмет сущности и масштаба его чувств и привязанности к ребёнку/подростку. Ребёнок должен быть осведомлён, что он или она может ожидать от взрослого и отношений с ним, чтобы избежать мучительно разочарования и чувства, как будто взрослый его предал. Взрослый должен анализировать чувства ребёнка и понять, соответствуют ли они его собственным чувствам и намерениям. Если не соответствуют или есть сомнения, взрослый конечно же не должен разрывать отношения, но должен избегать интимных контактов и, при необходимости, оказать помощь в том, чтобы ребёнок мог справиться с ситуацией.
- 5. Взрослый должен целиком уважать характер, занятия и желания ребёнка. Личная свобода и социальные связи, а также свобода отношений не должна ограничиваться взрослым каким-либо образом.
- 6. В случае, когда у ребёнка достаточно хорошие отношения с родителями или опекунами, последние должны быть поставлены в известность об отношениях. (Это значит, что взрослые, играющие роль родителя в жизни ребёнка, должны всегда быть информированы об отношениях.

Единственное допустимое исключение будет касаться тех родителей или опекунов, которые практикуют недопустимое отношение к ребёнку и игнорируют его интересы. Это означает, что наличие одних лишь повседневных проблем в отношении родителей/опекунов и детей не могут считаться основанием для сокрытия информации об отношениях. Если фигура родителя или опекуна отсутствует, взрослый должен постараться найти ребёнку подходящего приёмного родителя.)

Важные решения родителей на предмет отношений должны уважаться. Взрослый также должен убедиться, что его отношения с ребёнком не оказывают негативного влияния на эмоциональную связь между ребёнком и родителями.

В целом, важные границы, установленные общественными, религиозными и культурными запретами, а также законом, не должны преступаться до тех пор пока это способно породить скандал или негативно отразиться на самооценке ребёнка или его восприятии отношений.

В общем, любой взрослый, испытывающий влечение к ребёнку, должен понимать, что может потребоваться немало времени (возможно несколько десятилетий), чтобы преобладающее отношение к добровольным и безвредным контактам изменилось, и всегда вести себя соответствующим образом.

- 7. Взрослый не должен слишком баловать ребёнка, вместо этого ему надлежит поддерживать развитие самооценки и самоконтроля юного друга, а также его талантов, потенциала и социальных навыков, воспитывать в нём отношение в пользу общества и нравственности. Интимная близость не должна заменять эмоциональные потребности

или потребность в отношениях и частота интимных контактов должна быть умеренной, дабы избежать образования пристрастия. Отношения, основанные на близости и привязанности, не должны сводиться к одному лишь сексу.

- 8. Взрослый должен рассказать ребёнку о возможности недопустимого отношения к детям со стороны взрослых и предупредить его о существовании недобровольного секса.
- 9. Близкие отношения между взрослым и ребёнком не только должны быть приняты (благожелательными) опекунами и родственниками последнего, но детей также следует защищать от негативных реакций со стороны сверстников и консервативно настроенных соседей. Из этого вытекает необходимость осторожности в раскрытии информации об отношениях, хотя эта осторожность не должна вести к секретам от других взрослых, с которыми у ребёнка сложились тесные эмоциональные связи.
- 10. Отношения не должны резко разрываться и взрослый должен всегда стараться быть на связи до тех пор, пока ребёнку это нужно.

Примером того, что стоит избегать, могут служить отношения между голландским хореографом, танцором и писателем Руди ван Данцигом и канадским солдатом, когда ван Данциг был подростком. Эта история получила известность в связи с фильмом "For a Lost Soldier", снятого по книге ван Данцига "Voor een verloren soldaat". После войны солдат больше не выходил на контакт со своим юным другом, что было для последнего причиной больших страданий.

В общем, близкие отношения заслуживают того, чтобы продолжаться в форме дружбы в дальнейшем, когда интимные связи завершились.

Ничем иным как деструктивным заблуждением является убеждение о том, что педосексуалы обычно неспособны понимать ценность личной симпатии, потому что по своей сути они менее склонны любить и более эгоистичны, чем другие взрослые или ведут себя так по причине недостатка социально-эмоциональных навыков.

Только отношения, удовлетворяющие этим критериям, заслуживают уважения и защиты. Такие отношения по определению являются морально безупречными и в большинстве случаев включают ценные узы взаимной привязанности, которые не должны приноситься в жертву невежеству, предрассудкам и консервативной нетерпимости.

Эти критерии можно в дальнейшем уточнять на основе опыта отношений и растущих знаний о личности и психологии развития.

К моему удивлению некоторые критики поспешили заявить, что хотя эти этические нормы в принципе достаточны, позволяя предотвратить нанесение вреда ребёнку, ни один взрослый не сможет на практике следовать им. С моей точки зрения, это происходит из-за недооценки моральной устойчивости людей с педосексуальными чувствами. Пессимистичные ожидания в отношении моральных качеств и самоконтроля конкретного взрослого могут быть оправданы в отношении настоящих насильников детей, людей с психическими расстройствами или социопатов. Однако нет оснований предполагать, что одно лишь наличие педосексуальных влечений может сделать человека более эгоистичным или менее способным контролировать свои действия, чем, скажем, среднестатистический гетеросексуальный мужчина в отношениях со взрослой женщиной.

Даже так называемые "добродетельные педофилы" (virtuous pedophiles), которые отвергают все виды добровольных интимных отношений (как в настоящее время, так и в более либеральном будущем), иногда заявляют, что среднестатистический человек никогда не сможет соответствовать этим моральным стандартам. Я считаю этот взгляд весьма прискорбным, потому что он означает, что противники близких отношений между взрослыми и детьми всегда правы в своём желании держать таких взрослых подальше от своих детей.

Если педосексуальность автоматически связывается с аморальной потерей самоконтроля, почему мы должны ожидать, что и чисто платонические отношения будут безопасными для ребёнка?

Почему педосексуал, вступивший в чисто платонические отношения будет уважать интересы ребёнка, если он по определению неспособен на такое в интимных отношениях? Это можно отрицать только если "добродетельные педофилы" заявляли бы, что причина, ведущая к опасной потере самоконтроля, лежит не в самой по себе ориентации не имеющего психических проблем взрослого, а в самом интимном контакте с ребёнком. Однако такая гипотеза не объясняет почему для педосексуалов без психиатрических проблем (кроме самой "педофилии") превращение в эгоистичного насильника будет реальным риском в условиях интимных контактов с детьми, в то время как точно такой же контакт в целом не несёт подобного риска в случае участия в нём сверстников ребёнка или любого другого человека, не имеющего проблем с психическим здоровьем.

Другими словами, или среднестатистический не совершавший преступлений педосексуал обладает способностью контролировать свои желания, когда он остаётся наедине с ребёнком, или нет. Если предположить, что он не может себя контролировать, то вся работа, направленная на общественное признание добровольных платонических отношений (ведущаяся в частности "добродетельными педофилами" - прим. пер), неизбежно обречена на крах.

Роль родителей или опекунов

В идеале родители или опекуны должны играть важную роль в условиях, когда их ребёнок имеет близкие отношения со взрослым.

Путём регулярного общения с ребёнком они должны в расслабленной, не указующей манере, проверять, соответствуют ли отношения и их возможные интимные аспекты желаниям ребёнка и уважает ли взрослый его границы.

(Это не просто фантазия из области утопий. В Нидерландах одно время был более либеральный климат вокруг педосексуальности, который позволил некоторым родителям дать согласие на отношения с их ребёнком и следить за развитием этих отношений.) Более того, родителям также следует изучить характер взрослого, его уровень самоконтроля и честность, а также убедиться, что он или она не имеет судимости за преступления против детей, репутации насильника или сутенёра в сети детской проституции. В случае сомнений можно счесть оправданным привлечение (доброжелательно настроенных) специалистов. Последние также должны разработать доступные инструкции для облегчения оценки качества взрослого.

Какой бы то ни было "возраст согласия" является скорее формальным, а не качественным стандартом и поэтому неизбежно приводит ко множеству нежелательных ситуаций. Однако это не значит, что добровольные близкие отношения между взрослыми и детьми должны с этого момента быть неконтролируемыми как однополюсные отношения между взрослыми. Наряду с отказом от формального критерия родители или опекуны должны применить для оценки близких отношений со взрослым метод качественной оценки и контроля, который они уже используют в отношении дружеских или интимных отношений их ребёнка со сверстниками.

Поэтому их осведомлённость о критериях позитивных и безопасных отношений совершенно точно не приведёт к увеличению случаев злоупотреблений, а скорее предотвратит нанесение вреда ребёнку со стороны тех потенциальных взрослых партнёров, которые имеют благие намерения, но, к сожалению, обладают недостаточной эмпатией.

Кроме того, декриминализация позитивных отношений в целом приведёт к большей открытости между родителями или опекунами и детьми не только на предмет этих отношений, но также и на предмет настоящего сексуального насилия. Это в свою очередь, станет дополнительным препятствием для настоящих насильников и маньяков.

Для безопасности ребёнка и в случае сомнений на предмет намерений взрослого оправданным выглядит разрешение каких-либо близких отношений только спустя несколько

месяцев исключительно дружеских контактов.

Это также важно с учётом того, что ребёнку даётся возможность ознакомиться с тем, что можно ожидать от взрослого и предупреждает нереалистичные фантазии об отношениях.

Добровольные отношения детей со сверстниками уже получили широкое признание и они уже контролируются родителями или опекунами. Почему бы не открыть такую же возможность для их добровольных отношений со взрослыми? Почему взрослый в таких отношениях неизбежно будет более опасным или менее надёжным партнёром, чем сверстник ребёнка? На самом деле, если мы убеждены, что среднестатистический взрослый не способен удовлетворять вышеописанным этическим критериям, можно ли ожидать, что сверстники ребёнка будут чем-то лучше?

Заметим, что речь идёт о взрослых, которые подтвердили свою готовность находиться под таким наблюдением, а не тех, кто желает использовать своё преимущество в физической силе, власти или опыте с целью использовать ребёнка в своих целях. Если мы настаиваем на сравнении отношений детей со сверстниками с добровольными и контролируруемыми отношениями со взрослыми, при этом избегая недооценки потенциала отношений у детей, в действительности можно ожидать, что ответственные взрослые друзья в целом будут более осмотрительными и менее импульсивными, чем среднестатистические друзья из числа сверстников.

Кроме того, любой взрослый, участвующий в близких отношениях с ребёнком, должен полностью осознавать, что несоответствие вышеописанным этическим критериям непременно приведёт к неприятным последствиям как для ребёнка, так и для него самого. Небольшие (но структурные) нарушения могут просто привести к ограничениям или даже к прекращению отношений. В более серьёзных случаях возможно применение к взрослому и юридических санкций, даже если с точки зрения ребёнка отношения всегда были абсолютно добровольными. Это будет служить препятствием для морально слабых.

Информация

Чтобы повысить общую осведомлённость о критериях хороших отношений между ребёнком и взрослым, крайне желательно, чтобы СМИ дали достаточно информации на эту тему и проводили чёткую границу между морально безупречными отношениями и манипуляцией или принуждением.

Ответственные взрослые, испытывающие влечение к детям, должны чувствовать стимул совершенствовать своё понимание и эмпатию по отношению к ним. Взрослые могут получить пользу от ознакомления с опытом единомышленников как индивидуально, так и с помощью благонамеренных организаций.

Дети должны получить всю информацию о своих правах и интересах в контексте возможных платонических или интимных отношений со взрослым через легко доступные печатные источники или фильмы, специально предназначенные для детей и подростков.

Добровольные отношения и их интерпретация

Я осознаю, что в настоящее время общее негативное восприятие близких отношений между взрослыми и детьми препятствует большинству людей в том, чтобы поверить в само существование добровольных отношений в этих условиях.

Это отражено в либерально-гуманистическом дискурсе о педосексуальности, который всё более сосредоточен на вопросе благонадёжности конкретных взрослых (воздерживающихся от близких отношений с детьми) или на эффективном лечении насильников, а не на неприкосновенности и качестве добровольных отношений.

С морально-этической точки зрения это неизбежно означает, что в настоящее время для взрослого нежелательно вступать даже в добровольные интимные отношения с детьми.

Во множестве или даже в большинстве случаев произойдёт переоценка добровольных отношений в насильственные, что может иметь пагубные психологические последствия во взрослом возрасте для младшего участника, включая замешательство и чувство вины.

С моей точки зрения сначала должен измениться интеллектуальный климат перед тем, как близкие отношения с ребёнком снова станут морально безупречными. К сожалению, это по большей части справедливо и в отношении чисто платонических отношений, за исключением тех, на которые есть полное и недвусмысленное согласие родителей или опекунов ребёнка, а также общественной среды в целом.

Негативные последствия добровольных отношений?

Иногда слышны утверждения, что, даже если бы близкие отношения между взрослым и ребёнком были полностью легализованы и принимались бы окружением последнего, вступление в них всё равно следует считать аморальным. Даже с учётом достоверности свидетельств, представленных в этой книге, всё равно остаётся неясным, какие из добровольных отношений способны привести к негативным последствиям в долгосрочной перспективе.

Эта подборка историй ясно показывает, что ни пол ни возраст ни сам по себе сексуальный контакт не являются прямой причиной каких-либо потенциальных проблем в будущем. Учитывая существование добровольных отношений, в результате которых был нанесён вред, можно заключить, что источник этого вреда кроется где-то во внешних факторах.

Мы уже упоминали явление вторичной виктимизации, то есть негативной переоценки добровольных отношений на насильственные под влиянием общества. Кроме того, некоторые кажущееся добровольными отношения могут быть недобровольными в некоторых важных аспектах, таких как начало, частота или виды интимного контакта. Это может быть вызвано недостатком коммуникации или недостаточным знанием уровня развития и характера ребёнка.

Здесь задачей родителей или опекунов является регулярная проверка в открытой и непредвзятой манере того, нужны ли эти ребёнку эти отношения и их возможные интимные аспекты.

Особое внимание в этой связи следует уделить детям с нарушениями психики или развития, дабы предотвратить возможные недопонимания. В случае, когда ребёнок подвергся сексуальному насилию со стороны другого взрослого, любые близкие отношения могут быть позволены только после завершения терапии.

Однако в контексте прямых последствий подлинно добровольных отношений я могу представить себе две основные проблемы: недопонимание в части намерений взрослого (напр. о длительности физических аспектов отношений - ребёнок может желать продолжения интимной связи, когда взрослому она уже не очень интересна), и трудности с определением своей сексуальной идентичности, когда ребёнок вырастает.

Первая проблема охвачена четвёртым этическим критерием.

Вторая проблема в основном связана с однополыми интимными отношениями, в которых юный участник не хотел бы иметь влечение к своему полу и испытывать неуверенность в отношении своей сексуальности во взрослом возрасте. Решение этой проблемы очевидно лежит в большем общественном признании гомосексуальных чувств, этапов в жизни и экспериментов, и в этом отношении она связана с правами ЛГБТ-граждан.

Некоторые авторы по-видимому считают возможным существование ещё одной проблемы, когда отношения были особенно приятными. У бывшего ребёнка во взрослом возрасте может возникнуть недовольство, когда оказывается трудным найти отношения сравнимого качества с теми, что были в детстве. Что-то в этом духе (помимо других возможных недостатков его отношений со взрослым) по-видимому высказывалось Тедом ван Лишоутом (Ted van Lieshout), голландским автором книг *Zeer kleine liefde* и *Mijn meneer*.

(Заметим, что подобное мнение относится только к последствиям хорошо сбалансированных отношений, а не только односторонних, чрезмерно сексуализированных отношений, способных привести к ненасытным сексуальным желаниям; см. седьмой этический критерий.) Однако с моей точки зрения это вообще не может служить аргументом против близких отношений с детьми. Он скорее направлен на то, как взрослые обычно относятся друг к другу в отношениях. Винить в этом близкие отношения ребёнка со взрослым - это то же самое, что обвинять выдающегося музыканта в том, что многие или большинство музыкантов по сравнению с ним посредственны.

В идеале легализация позитивных и добровольных отношений между взрослыми и детьми должна проходить вместе с поддержкой хороших отношений между взрослыми как часть "любовной революции" или "революции отношений".

И более того, любая возможная неудовлетворённость имеет прямое отношение к табу на близкие отношения с ребёнком, по той причине, что выросшему ребёнку трудно сказать в открытую о том, чего ему недостаёт в отношениях со взрослыми партнёрами.

В настоящее время, если эта тема вообще обсуждается, она по большей части рассматривается как негативное последствие близких отношений в детстве. Доходит даже до того, что любые позитивные отношения считают насилием, потому что взрослый по их мнению неизбежно принимает на себя риск сделать невозможной "нормальную" личную жизнь для ребёнка в будущем.

Некоторые также заявляют, что позитивные близкие отношения с ребёнком могут привести к предпочтению более старших по возрасту партнёров, как будто это предпочтение по своей сути чем-то опасно. Аналогично некоторые утверждают, что для человека, имевшего в детстве такие отношения, сверстники будут казаться менее привлекательными из-за отсутствия сексуального опыта, как будто этот недостаток нельзя устранить по инициативе самого человека, ищущего себе пару.

Есть даже мнение, что опытный в отношениях ребёнок будет выглядеть менее привлекательным для потенциальных партнёров того же возраста. Это бред, поскольку многие люди считают опыт возлюбленного преимуществом, а не недостатком.

Хотя качество позитивных, добровольных отношений с ребёнком можно принять как стандарт для привязанности или интимной близости, даже такие отношения всё равно часто считаются нежелательным, ненормальным вмешательством взрослого в жизнь уязвимого ребёнка. У меня сложилось впечатление, что некоторые исследователи приветствуют любые негативные последствия, лишь бы их можно было использовать как аргумент против добровольных близких отношений с детьми.

Сторонники расхожего мифа о неизбежной непредсказуемости вреда обычно отказываются видеть разницу между последствиями морально безупречных отношений и влиянием безответственных контактов, вторичной виктимизацией, связанной с общественным порицанием отношений, и последствиями по-настоящему насильственных, недобровольных отношений.

Многое в обществе должно измениться, но позитивные явления заслуживают защиты.

В целом я считаю, что у добровольных отношений не существует неизбежных негативных последствий, пока взрослый понимает социальный контекст, в котором они происходят, и придерживается вышеописанных этических критериев. Другими словами, нет оснований

предполагать, что любые подлинно добровольные и морально безупречные отношения в условиях безопасной и восприимчивой среды будут обязательно иметь серьёзные негативные последствия.

Разумеется, как исследователь, я готов услышать о других возможных негативных последствиях, не охваченных в этой работе, но в целом мой анализ выглядит вполне законченным. Есть ещё одна не упомянутая мной возможность, которая хоть и логична, но всё же маловероятна. Заключается она в том, что добровольные близкие отношения по сути безвредны, если в них не участвуют дети с конкретными генетическими предрасположенностями или чертами характера.

Критикам стоит помнить, что между взрослыми и детьми действительно существуют безвредные добровольные отношения и конструктивный подход состоит в том, чтобы сделать такие отношения возможными (не увеличивая риск ненадлежащего отношения со стороны взрослого), а не считать, как будто они вообще не существуют.

Предотвращение нанесения вреда

Даже если с помощью аудиовизуальных средств мы будем полностью следить за всеми действиями и контактами детей, на них всё равно может напасть насильник ещё до того, как мы успеем вмешаться. Исключить все возможные риски из жизни ребёнка невозможно. Например, обман со стороны незнакомцев будет невозможен только в том случае, если мы превратим всех людей в полностью дистанционно управляемых роботов (разумеется за исключением самих управляющих). Вдобавок, чрезмерный страх и ограничения во имя безопасности могут воспрепятствовать развитию ребёнка и нанести вред его развитию попытками предотвращения.

В контексте добровольных близких отношений со взрослым полный запрет может вызвать фрустрацию и огорчение ребёнка. Разрушение уже существующих отношений с конкретным взрослым может даже привести к реальной психотравме. Поэтому полный запрет отношений является крайней мерой, морально оправданной только в случае реальной опасности, например когда есть серьёзные свидетельства безответственного поведения или нечестности со стороны взрослого. В статье "Demons: The Utopian Dream of Safety" авторы Huib Kort и G.G. точно подметили: "Подавлением, низвержением или уничтожением ничего не решить". По этой причине мы должны скорее стремиться к минимальному риску в общем контексте свободы. Описанные выше этические критерии в сочетании с принципом общего (недирективного) мониторинга отношений и взрослого участника ставят своей целью именно это.

Как я пытался показать выше, общественное принятие и мониторинг добровольных отношений весьма вероятно приведут к уменьшению, а не к увеличению случаев насилия по отношению к детям. Я приглашаю всех, кто не согласен с этой оценкой, дать аргументированные предложения для улучшения этических критериев.

Вред, наносимый реакционными силами

Некоторые критики считают, что хотя легализация добровольных отношений в обществе, полностью принимающем эти отношения, является морально обоснованной, это всё равно может навредить психологическому благополучию детей в долгосрочной перспективе. С их точки зрения мы никогда не можем быть уверены, будет ли существовать общественное признание в то время, когда ребёнок вырастет. Ведь если оно по какой-то причине сойдёт на нет, этот взрослый человек может в конечном итоге изменить своё отношение к опыту в детстве на негативное.

Честно говоря, я считаю этот взгляд слишком уж пессимистичным. Хотя я согласен, что могут возникать временные всплески нетерпимости в ответ на расширение прав в сфере отношений, это не значит, что мы должны ожидать непрекращающихся циклов сменяющейся

толерантности и репрессий без какого-либо долговременного прогресса. Особенно на западе мы наблюдаем расширение гражданских прав начиная с эпохи Просвещения, а временные отступления назад в конечном итоге вели к дальнейшей консолидации этих прав. Подобные тенденции наблюдаются и в других частях света. Это по-видимому связано с фактом, что гражданские права основаны на глубинных всеобъемлющих и транскультурных моральных понятиях сущностной ценности и достоинства индивидуума. По моему мнению, требуется весьма циничный взгляд на современную историю, чтобы просто так игнорировать это замечательное явление.

Однако я полагаю, что родители или опекуны должны подготовить детей к временным реакционным проявлениям после того, как добровольные близкие отношения со взрослыми станут социально приемлемыми. Также будет хорошо выпустить множество книг, статей и документальных фильмов о позитивных и безвредных отношениях, что сделает очень трудным отрицание их существования. С помощью этих мер дети и подростки будут достаточно подготовлены к противостоянию диким посылам ненависти и отрицания, и будут и дальше положительно оценивать свой опыт, несмотря на негативную пропаганду реакционных сил, с которой они могут столкнуться позднее в жизни.

Добровольные и позитивные, но всё равно аморальные?

Некоторые критики добровольных и безвредных близких отношений между взрослыми и детьми признают существование самого этого явления, но они всё равно считают, что такие отношения и дальше должны быть абсолютно противозаконными.

С их точки зрения любые такие отношения по своей природе аморальны, потому что всегда являют собой вмешательство во внутренний мир ребёнка. Иногда они доходят до заявлений, что личная оценка переживания ни при каких условиях не должна быть единственным или окончательным критерием моральной приемлемости конкретных действий.

Они даже опускаются до сравнения взрослых, положительно оценивающих свои отношения в детском возрасте, с бывшими рабами, которые благодаря доброму хозяину имели относительно положительный опыт рабства. Другими словами, для этих консерваторов столь очевидно, что такие отношения по сути морально недопустимы, что никакие положительные оценки непосредственно переживших их людей не могут этого изменить.

Однако это сравнение неверно. Рабство - действительно большое зло, потому что оно отнимает у людей их личную свободу и это нельзя изменить тем фактом, что некоторые оценивают свою жизнь в рабстве как относительно приятную. В случае подлинно добровольных отношений между взрослым и ребёнком по определению невозможно, чтобы участвующие в них дети или подростки утратили в этом процессе свою свободу. Точнее говоря, в этом плане подобные отношения являют собой выражение личной свободы ребёнка.

Только с консервативного и закостелого взгляда на жизнь и человеческие ценности может казаться очевидным, что некоторые явления, которые добровольны и психологически безвредны, должны всё равно считаться аморальными. С любой другой точки зрения личный опыт очевидно куда важнее, чем чьи-то предрассудки и карикатуры на него.

Криминальная сексология

Публикуем отрывок из 13-й главы монографии Геннадия Дерягина "Криминальная сексология". Книгу целиком можно скачать по ссылкам внизу публикации.

Сексуальное поведение молодёжи в России

Последние десятилетия в России характеризуются значительным ускорением полового развития подростков, что само по себе уже является фактором, приводящим к ранней сексуальной активности. <...> Тема сексуальной активности школьников в России является довольно закрытой. Это ведет к искаженным толкованиям подростковой сексуальности, ошибочным воззрениям относительно вопросов полового просвещения, сексуальных взаимодействий детей между собой и с взрослыми, различного рода заблуждениям, имеющим социальные и правовые последствия. <...>

Ввиду практически полного отсутствия исследований сексуального поведения современной молодежи в России, мы провели собственное исследование. Часть полученных данных целесообразно здесь представить.

Обнажение своего тела перед детьми противоположного пола не допускает практически 90% родителей, остальные прекращают это в период начала полового созревания детей (к их среднему возрасту 9 лет), что может быть проявлением подсознательного табуирования инцеста. Лишь в единичных семьях сохраняется постоянная практика обнажения взрослых детей или родителей перед уже взрослыми детьми, расцениваемая членами таких семей как вполне естественное явление. В 5% семей взрослые члены семьи (родители, братья, дяди, сестры) специально демонстрируют детям, преимущественно девочкам, свои половые органы и мастурбаторные акты.

Недостаток внутрисемейного и общеобразовательного (в рамках школьной программы) полового просвещения обычно заменяется суррогатными его видами "дворовой" информацией и ранним ознакомлением с порнопродукцией. Так, в конце 1990-х годов до достижения 14 лет просматривали порнофильмы практически половина девочек и мальчиков. В начале 2000-х годов, по сравнению с концом 1990-х, отметились достоверное снижение возраста первого ознакомления детей с порнопродукцией, в среднем к 11 годам.

К моменту появления менархе (первой менструации) или ойгархе (первого семяизвержения), с объяснением сути этих явлений, подготовлены 82% девочек и 42% мальчиков из относительно благополучной среды (к 11 и 12 годам, соответственно), причём лишь 2/3 девочек и 1/4 мальчиков получили эту информацию от родителей, остальные - от сверстников и из средств массовой информации (СМИ). Подавляющее большинство юношей не имеют знаний о предстоящих ойгархе, и закономерно бывают испуганы данными явлениями. Тогда как подготовленные дети воспринимают рассматриваемые явления, как правило, спокойно и даже с чувством радости. <...>

При анализе возрастов начала половой жизни и первых половых партнёров обратил на себя внимание педофильный аспект с проявлением педофилии не только со стороны мужчин, но и со стороны лиц женского пола, что много чаще наблюдается в пролетарской среде.

Нами выявлены нередкие проявления гетеросексуальных и единичные - гомосексуальных противоправных деяний, предусмотренных ст. 134 и ст. 135 УК РФ. Причем, при вступлении детей в половую жизнь довольно часто отмечается существенная возрастная разница с их первым половым партнером. Например, 14-летний мальчик начал половую жизнь с 32-летней женщиной, 15-летний с 39-летней, 12-летний с 19-летней, 9-летний мальчик с 40-летним мужчиной и т. п., но, в основном, половая жизнь 12-15-летних начинается с лицами, находящимися в возрасте от 18 до 25 лет.

10% школьниц и 6,5% школьников вступают в половую жизнь в возрасте до достижения ими 16 лет с совершеннолетними партнерами (ст. 134 УК РФ). Кроме того, соответствующим, в основном гетеросексуальным предложениям с нарушением установленного законом возраста согласия подвергается 15% школьниц и 6% школьников (ст. 135 УК РФ). Изложенное может свидетельствовать о:

1. высоких уровнях, бытующих в нашем обществе, не только мужских, но и реализуемых женских педофильных потребностей, особенно в пролетарской среде;
2. нецелесообразно высоким "возрасте согласия" на сексуальную активность, установленном нашими законодателями.

Скачать книгу "Криминальная сексология":

[Лекция 1](#) - Сексология как наука

[Лекция 2](#) - Сексуальность, ее проявления

[Лекция 3](#) - Понятие "Пол". Основные формы полового поведения и сексуальных расстройств

[Лекция 4](#) - Сексуальные комплексы в культурах мира

[Лекция 5](#) - Социально-правовые аспекты некоторых видов и форм девиантного сексуального поведения

[Лекция 6](#) - Натуризм и нудизм. Сексуально-религиозные секты

[Лекция 7](#) - Аутоэротическое поведение

[Лекция 8](#) - Деструктивная сексуальность. Серийные сексуальные убийства

[Лекции 9-12:](#)

Лекция 9 - Уголовное законодательство о половых преступлениях

Лекция 10 - Следственные действия при половых преступлениях

Лекция 11 - Судебно-медицинская экспертиза при преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Лекция 12 - Криминологическая характеристика сексуального насилия

[Лекция 13](#) - Сексуальное поведение молодежи в России. Инцест, проституция

[Лекция 14](#) - Гомосексуализм и педофилия

[Лекции 15-17:](#)

Лекция 15 - Педофилия

Лекция 16 - Проявления сексуальности уголовников

Лекция 17 - Профилактика сексуального насилия

Педофилия: радикальный взгляд

Публикуем перевод избранных глав книги Тома О'Кэрролла "[Paedophilia: The Radical Case](#)".

Томас Виктор О'Кэрролл (1945 г.р.) – ирландский писатель, педоактивист. Состоял в таких организациях, как [PIE](#) и [IPCE](#).

Глава 2. Детская сексуальность: что мы имеем в виду?

С тех пор, как Зигмунд Фрейд шокировал чересчур воспитанных людей открытиями в области детской и младенческой сексуальности, прошло уже более полувека. Достаточный, казалось бы, срок, чтобы даже те, кто был наименее готов принять факты как есть, смогли пережить этот шок. Но нет, поклонники детской невинности, всё также настаивающие на асексуальности детей, не вымерли до сих пор. От Фрейда даже прикрываются самим Фрейдом. Мэри Уайтхаус - ведущая британская борцунья за так называемую "нравственность", детскую невинность всего лишь переименовала в "латентную фазу". А о том, что у детей на этой самой латентной (доподростковой) фазе Фрейд демонстрирует (на основании бесчисленных свидетельств) богатство сексуальных действий и переживаний, лучше, конечно, умолчать, равно как и о том, что полную сексуальную латентность даже сам Фрейд считал лишь теоретической крайностью. Словами Фрейда:

Моё убеждение, что нет ни единого ребёнка — по крайней мере, из числа психически здоровых, а из одарённых тем более, — которому не пришлось бы сталкиваться с сексуальными проблемами ещё в допубертатном возрасте.¹

Формулировке удивляться нечего, ведь Фрейд работал в эпоху, когда всякое проявление сексуальности у ребёнка, даже мастурбация, считалось истинно «проблемой», подлежащей устранению. Не так уж много изменилось с тех пор. Даром медики признали безвредность мастурбации — родители с учителями всё равно отваживают детей от этой и любых других проявлений сексуальности. Они ведут себя так, как будто хотят, чтобы дети были асексуальны, как будто есть некий внутренний стопор или сопротивление тому, чтобы признать сексуальные переживания ребёнка.

Немаловажно в самом начале определиться с моим пониманием «детской сексуальности» — термина, который всякий толкует по-своему. Сам Фрейд отмечен как ярый поборник сексуальной сути разнообразных форм телесных наслаждений у детей и младенцев — не только связанных с половыми органами. Хотя этот взгляд и проясняет некоторые вещи, понимание размытой природы сексуальности младенцев чрезвычайно важно для понимания их потребностей и развития, также оно обесценивает мнение о детской сексуальности как о "реальной" сексуальности, потому что для большинства людей единственной чувственной реакцией, имеющей право называться сексуальной, может быть только та, которая связана с половыми органами и имеет тенденцию к оргазму. И я, говоря о детской сексуальности в данной главе, буду подразумевать конкретно генитальную, оргазменную сторону жизнедеятельности детей.²

В дальнейшем повышенное внимание будет уделяться собственно сексуальному поведению детей, а эмоциональным и социальным условиям его проявления будет уделено лишь совсем немного места. Это не значит, что я считаю данные аспекты неважными (им

посвящена вся книга за вычетом данной главы), просто единственным способом показать наличие у детей сексуальности является сосредоточить всё внимание именно на ней, а не на чём-либо другом.

Множество опытных исследований подпирают неопровержимые факты по нашей теме. Наиболее известные исследования осуществлены под руководством биолога Альфреда Кинси и коллег,³ которые прогремели в послевоенное время подобно Фрейду в его годы.

Пожалуй, наиболее удивительное открытие Кинси в части сексуальности допубертатных детей, является их способность к оргазму. «Оргазм наблюдался у мальчиков всех возрастов, начиная с пятимесячного и кончая подростковым». «Нами зарегистрирован оргазм у девочки четырёх месяцев от роду». Разумеется, таким заявлениям обязано предшествовать точное определение термина «оргазм» и идентифицирующие физиологические факторы описываются достаточно подробно:

Оргазм у младенца или [допубертатного] ребёнка мужского пола есть замечательный аналог оргазма взрослого человека за вычетом эякуляции... Поведение включает в себя серию последовательных физиологических изменений; развитие ритмичных телодвижений при явной пульсации полового члена и тазовых выпадах; очевидное изменение чувствительности; конечное напряжение мышц, особенно в областях живота, бёдер и спины; внезапное облегчение с конвульсиями, включая ритмические схватки анального отверстия; вслед за всем этим полное исчезновение признаков.⁴

А также:

В пяти случаях наблюдение за детьми допубертатного возраста продолжалось более чем месяцы и годы — до тех пор, пока люди не становились взрослыми настолько, чтобы подтвердить истинность своего оргазма. Во всех указанных случаях последующие реакции оказались настолько подобны раннему поведению, что не может быть никакого сомнения в оргазмической природе первого опыта.⁵

В труде, посвящённом женской сексуальности, Кинси рассказывает о «типичных реакциях маленькой девочки при оргазме, по наблюдениям образованной матери, часто наблюдавшей мастурбацию своей трёхлетней дочери. Эта женщина сообщает:

Она кладёт личико на кроватку, колени выпрямляет и начинает ритмично тыкать тазом не чаще одной секунды. И тыкается только тазом, ноги же неподвижно напряжены. Поступательные телодвижения дальше плавнее, а ритм нарушается разве только на мгновения, чтобы половые органы приладить к продавливаемой кукле. Возвратное движение всегда отрывистое, судорожное.

44 толчка выдержанного ритма, краткий перерыв, затем 87 толчков, снова небольшой перерыв, затем 10 толчков, завершающихся остановкой всей этой деятельности. Чем ближе к оргазму, тем усиленнее и учащённее дыхание при резких рывках. В течение этих трёх поздних этапов мастурбации девочка совершенно не обращала внимания на происходящее вокруг. Глаза стекленеют, взгляд пустеет.

После оргазма отмечено заметное облегчение и расслабление. Через пару минут вторая серия реакций из 48, 18 и 57 толчков, разделённых краткими паузами. При

*усилении напряжённости отчётливо слышится тяжёлое дыхание, но по завершении толчков бёдрами - полное расслабление с бесцельными движениями.*⁶

Кинси обнаружил, что и мальчики, и девочки всех возрастов доводят себя до оргазма мастурбацией. Из его записей следует, что ребята его не ограничиваются: не менее 10% мальчиков в возрасте пяти лет участвуют в сексуальных играх, и, подобно детям других возрастных групп доподросткового периода, по большей части в этих играх они участвуют с другими детьми того же и обоих полов.

Процент этот растёт до 39% для двенадцатилетних, 23% из которых участвуют в таких играх с девочками, 29% — с другими мальчиками, а не менее 13% уже пробовали половой акт. Даже в десятилетнем возрасте 11% мальчиков совершали половой акт. В целом, 57% мужчин сообщили об участии в сексуальных играх в доподростковом возрасте, также была получена информация от мальчиков, среди которых об этом сообщили 70% респондентов. Большинство случаев датировано 9-13-летним возрастом, хотя сексуальная активность присуща всем возрастам.

Представляя, как оно может быть в сексуально-раскрепощённом обществе будущего, Кинси пишет:

*... возможно, не менее половины мальчиков свободного общества могут достичь оргазма к своему 3-4-летию, а остальные — за 3-5 лет до начала полового созревания.*⁷

Процент женщин, сообщивших Кинси о доподростковых сексуальных играх, составил 48%, что его мнению гораздо меньше, чем было в реальности, из-за невозможности вспомнить (подобно тому, как мы уже видели в случае воспоминаний мужчин, у которых цифра была гораздо меньше, чем более свежие воспоминания мальчиков). В отличие от мальчишеских, девичьи сексуальные игры имеют стремительную тенденцию к сокращению перед самым половым созреванием. Кинси объясняет это влиянием культуры:

Предвидя половое созревание ребёнка, родители могут устанавливать ограничения на общение девочки с противоположным полом. Они могут предупреждать ребёнка касательно поцелуев, прикосновений, демонстраций или конкретных сексуальных взаимодействий. У многих народов девочка в этом возрасте ограничена сильнее мальчика. У европейцев, латиноамериканцев и у нас, англо-американцев, у девочки меньше возможностей остаться наедине с детьми, чем у мальчика. Приостановка сексуальных игр в последние доподростковые годы и была подхвачена фрейдистами как латентность половой жизни. На самом же деле затишье и спад в сексуальной активности навязаны взрослому ребёнку культурой, особенно это касается детей женского пола.

*С другой стороны, привычка доподростковой мастурбации обычно сохраняется и в подростковом, и во взрослом возрасте, возможно потому, что она не подпадает под ограничения, налагаемые на социально-сексуальную активность. Это предоставляет дополнительные аргументы в пользу того, что никакая биологическая латентность не является причиной прекращения межличностных сексуальных взаимодействий.*⁸

Тем, кто при всём при этом продолжает считать, что сексуальность - это исключительно атрибут взрослых людей, будет полезно поразмышлять над фактом, что по крайней мере в

одном аспекте сексуальные способности ребёнка превосходят взрослых:

Наиболее замечательный аспект доподростковой выборки заключается в способности к повторению оргазма за ограниченные промежутки времени. Эта способность значительно превосходит возможности мальчиков-подростков, которые, в свою очередь, превосходят взрослых мужчин.⁹

Влияние культуры, о котором говорит Кинси, огромно, оно больше, чем многие думают. Его исследования проводились по выборке белых американцев и хотя оказалось, что сексуальная активность в доподростковом возрасте столь значительна в их обществе, которое, подобно нашему, традиционно раздираемо противоречием между отрицанием детской сексуальности и её подавлением, весьма вероятно, что удалось бы обнаружить гораздо больше проявлений сексуальности, если бы исследование проводилось в более сексуально свободной культуре.

Хотя в таких культурах не проводились столь же масштабные исследования, как провёл Кинси, сейчас уже есть большое количество антропологических данных, подтверждающих это мнение. При всём при этом классические труды на эту тему Клеллана Форда и Фрэнка Бича, не смогли пока оказать на широкую публику такого влияния, которого они заслуживают. Как христианские педагоги тщательно скрывали от внимания школьников гомосексуальные связи в древней Греции, так и в других культурах царит заговор молчанию на тему сексуального поведения. Видели ли вы хоть одну документальную телепередачу о детском сексе? Несмотря на то, что взору камеры и мужеству операторов покоряются самые непроходимые местности Амазонии и Австралии, из их передач вы никогда не узнаете что учёным известно о детской сексуальности.

Ведущий одной из популярных радиопрограмм недавно удивил слушателей экзотическим фактом из жизни обитателей Тробрианских островов, зубами вырывающих друг у друга ресницы во время занятий любовью. Однако в таких "семейных" радиопередачах никогда не упоминаются куда более важные и не менее экзотические факты о сексуальной жизни детей на тех же островах.

Для восстановления справедливости нет ничего лучше, чем процитировать достаточно длинный фрагмент из работы Форда и Бича: Помимо свободы детского сексуального выражения, не является простой случайностью, что описываемые здесь взгляды открывают дорогу для немалого распространения детско-взрослых сексуальных взаимодействий.

Взрослое население многочисленных культур разделяют терпимый и потворствующий взгляд на половое самовыражение в детстве. При указанных условиях малолетние определённое время прилюдно участвуют в сексуальных играх... Прикосновение к гениталиям других детей своего или чужого пола часто происходит в момент свободной сексуальной игры. Дополнительные формы сексуальной активности со стороны малолетних иногда включают в себя орально-генитальные контакты и попытки полового акта.

В некоторых толерантных обществах взрослые активно участвуют в стимуляции половых органов младенцев и маленьких детей. Родители племён Хопи и Сириано часто мастурбируют своим детям. У этих индейцев самостимуляция гениталий проходит практически незамеченной в раннем детстве, а взрослые допускают любую форму сексуального поведения детей как минимум до начала полового созревания. У казахов во время игры с маленькими детьми, особенно мальчиками, взрослые возбуждают гениталии младших посредством трения и игры ими.

В этой культуре самостимуляция гениталий детьми считается нормальной практикой. Матери племени Алорезе иногда поглаживают гениталии маленьких детей во время кормления. В детстве мальчики Алорезе свободно мастурбируют и могут имитировать коитус с девочками. Хотя по мере взросления половое поведение осуждают, а мальчикам и девочкам старшего возраста — запрещают. Однако в реальности они продолжают свои сексуальные игры, но уже втайне от взрослых.

Родители племени Пукапука в Полинезии игнорируют половое поведение маленьких детей, мальчики и девочки свободно и прилюдно мастурбируют. В племени Нама Готтентот не делается секрета из самостимуляции гениталий маленькими детьми. Маленькие дети жителей Тробрианских островов вовлечены во множество сексуальных практик. При отсутствии контроля со стороны взрослых игры Тробрианских мальчиков и девочек сопровождаются мануальными и оральными стимуляциями гениталий, имитацией коитуса.¹⁰

Всего лишь имитацией? Учёные споткнулись об ошибку Бронислава Малиновского, автора книги «Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии»¹¹, на которую они опирались. Когда Малиновского заверяли в подлинности детского соития, воспитание не позволило ему поверить своим ушам, что вполне ожидаемо от человека с западным воспитанием.

Я часто слышал благодушную болтовню примерно такого рода: "Такая-то (девочка) уже имела половое сношение с таким-то (мальчиком)"... Но очевидно, что здесь речь может идти лишь о неполном соитии, а не о настоящем акте. Некоторые из моих информаторов настаивали, что такие маленькие дети женского пола действительно имеют половые сношения с проникновением. Однако если помнить об очень сильной склонности Тробрианцев к преувеличению, вплоть до гротеска, о склонности, не вовсе лишенной некоторого злого раблезианского юмора, я бы не стал принимать во внимание подобные утверждения упомянутых мной авторитетных источников. Если же мы отнесём начало реальной сексуальной жизни к возрасту от 6 до 8 лет — в случае с девочками, и от 10 до 12 лет — в случае с мальчиками, то мы, возможно, не очень сильно ошибёмся в отношении как тех, так и других.¹²

Раблезианский у дикарей юмор или нет, при всей понятности скептицизма Малиновского вряд ли для него есть основания. Как мы увидим далее, даже дети младшего возраста способны совершать соитие. Форд с Бичем продолжают:

В обществах, где это им разрешается, дети постепенно увеличивают свою сексуальную активность как по мере приближения пубертатного периода, так и во время подросткового возраста. Реально существуют общества, в которых единственным ограничением на сексуальную жизнь подростков является то, что относится к инцесту...

Родители африканского племени Чева верят, что без раннего сексуального опыта их дети не смогут в будущем обзавестись потомством. Старшие дети собирают шалаши на некотором расстоянии от деревни, где при полном одобрении родителей мальчики и девочки играют в супружество. Образование пробных пар может продолжаться и дальше, в том числе в течение подросткового возраста, и вплоть до заключения брака имеет место периодическая смена партнёров. В филиппинском

племени Ифугау придерживаются аналогичного отношения к сексуальным играм старших детей и подростков.

В их культуре неженатые и незамужние индивидуумы с раннего возраста проживают отдельно. Спать мальчику каждую ночь с девочкой у них обычай. Единственным сдерживающим от промискуитета фактором является желание самой девочки. До готовности к замужеству она обычно не хочет поддерживать слишком длительные отношения с одним мальчиком. Отцы обычно понуждают мальчиков к ранней половой жизни, и могут пристыдить сына, если последний в этом не очень успешен. Даже после пубертатного периода количество беременностей, возникающих в результате этой свободной сексуальной активности, судя по всему невелико. Однако иногда они всё-таки происходят, в этом случае один из любовников девочки обязан на ней жениться.

В индийской народности Лепча верят, что девочки не созреют без полового сношения. Ранняя сексуальная игра мальчиков и девочек характеризуется многими формами взаимной мастурбации и обычно заканчивается попыткой полового сношения. До 11-12-летия большинство девочек регулярно вступают в полноценное половое сношение. Иногда и взрослые мужчины совершают с ними совокупление, и бывает, что девочке в этом случае всего 8 лет. Вместо признания подобного поведения тяжким преступлением, Лепча считают это забавным происшествием.¹³

Форд и Бич дают множество примеров детско-взрослых половых сношений, считающихся нормальной частью жизни.¹⁴

В долине Сива, что в северной Африке, среди жителей распространён следующий обычай. Все мужчины и мальчики участвуют в анальном сексе. Уклоняющиеся мужчины считаются странными. Мужчины, имеющие в племени высокое положение, предоставляют друг другу своих сыновей для этих целей.

У аборигенов Аранда из центральной Австралии педерастия возведена в обычай. Часто холостой мужчина, который полностью прошёл возрастную инициацию, вместо жены берёт на несколько лет мальчика 10-12 лет. Связь расторгается с заключением старшим мужчиной брака.

На острове Киваи (Новая Гвинея) практикуют педерастию, „чтобы сделать молодых мужчин сильными“.

Холостяки Кераки (Папуа Новая Гвинея) „везде практикуют педерастию, и в ходе возрастных инициаций каждый мальчик проходит через пассивную роль в анальном сексе со старшими мужчинами. По прошествии первого года и до заключения брака он пассивную роль сменяет на активную в анальном сексе с новыми иницируемыми. Указанная процедура считается необходимой для подрастающих мальчиков. Они верят, что мальчики беременеют от педерастии и для предотвращения этого периодически производится ритуал поедания лайма как противозачаточного средства.

Конечно, мальчики не беременеют. Здесь Кераки совершают большую ошибку и факторы, подобные этому, дают возможность членам "продвинутых" и "высших" народов западных стран с лёгкостью заключить, что обычаи "примитивных" обществ не могут ничему их научить. Среди описанного выше есть аспекты, которым, по моему мнению, не стоит подражать. Я не думаю, что нужно клеймить мужчину чудачком за отказ от анального секса, и также я не считаю, что отец должен подталкивать своих детей к сексуальной активности, которую они не желают, равно как и мешать их сексуальному самовыражению. Но всё равно

подобные примеры неоспоримо демонстрируют, что при соответствующей возможности у детей развивается своя собственная сексуальная жизнь, в которой нет места "латентной фазе" психосексуального развития.

Наверняка найдутся те, кто всегда будет относиться скептически к "раблезианскому юмору" дикарей невесть откуда, чьи слова почти невозможно проверить. Поэтому давайте вернёмся поближе к дому. Но перед этим обратимся к основному заключению Форда и Бича по сексуальному развитию. Их вывод: у людей в наибольшей степени и в меньшей степени - у человекообразных обезьян, воспитание играет гораздо более важную роль, чем инстинкты.

В обществе с множеством сексуальных запретов, в котором обсуждение сексуального поведения не является само собой разумеющимся и нет способа узнать о нём, нечего ждать от взрослого, что в браке он сможет сделать всё "естественным образом". "Естественным образом" ничего не произойдёт: он или она весьма вероятно будет невежественным и неспособным в сексуальном плане. И напротив, если процесс обучения запущен в детстве путём постепенного знакомства с сексуальностью, будь то посредством старших детей или взрослых, гораздо меньше вероятность того, что "механизм поломается" в попытке собрать и запустить его с первого раза.¹⁵

К тому же, в нетерпимой среде может показаться, что у детей сексуальность вообще отсутствует или она гораздо меньше, чем могла бы быть, потому что им не удаётся узнать, как достичь оргазма самостоятельно. Многим детям удаётся самим разобраться, что к чему. Но немало и тех, кто не столь успешен. И действительно некоторые, особенно женщины, совершают для себя это открытие уже в достаточно взрослом возрасте и то по книгам. В этих условиях вполне понятно их возмущение, что ни родители, ни кто-либо другой не рассказал им обо всём раньше. (Высказывалось предположение, что у девочек меньше вероятность открыть способность к оргазму, чем у мальчиков, потому что клитор выделяется на фоне тела куда меньше, чем пенис, что снижает вероятность экспериментов с ним.)

Убедительные аргументы в пользу влияния среды как основы сексуального развития и в пользу изначально присущим детям сексуальных склонностей и возможностей, изложены в недавно вышедшей работе К. Джонстона и Р. Дейшера¹⁶, посвящённой воспитанию малолетних американцев в коммунах. Авторы лишь вскользь коснулись темы сексуальности, тем поразительнее их наблюдения.

Они пишут:

В двух группах из четырёх, содержащих много детей старшего возраста, сексуальность проявилась очень рано. В этих двух группах родители не боялись обсуждать секс и терпимо относились к физическому контакту. Их дети в большинстве своём изучали тела друг друга и практиковали половой акт к моменту достижения 5-6-летнего возраста. Секс такие дети воспринимали как что-то интересное и приятное, но не самое главное. Периоды сексуального экспериментирования чередовались с ослаблением сексуальных интересов. В отношениях со взрослыми и другими детьми они были достаточно открытыми в части своей сексуальной активности, но в отношении детей, не желавших участвовать в ней, почти никакого особого пренебрежения не отмечалось.

В ответ на вопросы исследователей касательно возможных вредных последствий ранней генитальной половой активности отдельные взрослые выразили обеспокоенность тем, что она способна привести к раннему сексуальному развитию, тем самым лишая детей ценных переживаний детства. Многие отмечали, что не видели в поведении детей никаких подтверждений тому, что генитальная сексуальность и обычные детские занятия каким-то образом противоречат друг другу. Признана, но опытно не подтверждена проблема помехи учёбе от сексуальных интересов детей.

Другие родители обращали внимание на проблему восприятия сексуальных нравов традиционной культуры после раннего знакомства с генитальной сексуальностью, но эта проблема считалась неотделимой от более общей задачи по подстройке к множеству различий в стандартах поведения между коммуной и традиционным обществом. Большинство родителей выразило удивление быстротой развития у детей толерантного понимания дозволенных и недозволенных форм поведения вне коммун. Родители отметили два положительных момента раннего сексуального самовыражения.

Во-первых, свобода от системы моральных установок (которые в нашем обществе мешают достижению полного удовлетворения в сексуальной жизни) является огромным достоянием этих детей в части личного счастья.

Во-вторых, эти дети по большей части избегают подростковых конфликтов между физической готовностью и общественным запретом. Важно будет узнать, каковы будут последствия раннего сексуального экспериментирования по мере развития этих детей.¹⁷

Этот ценный короткий фрагмент задаёт и начинает отвечать на целый ряд важных вопросов. Что касается общего развития детей из этих коммун, будет полезно обратиться к заключениям Джонстона и Дейшера, перед тем, как мы перейдём к рассмотрению сексуальных особенностей:

Большинство детей из коммун продемонстрировало высокую степень зрелости и уверенности в себе. За исключением четырёх детей, трое из которых воспитывались в конфликтных и игнорирующих семьях, стремление к приставанию, плачу, хныканью и привлечению внимания были редкими. Ранняя психологическая зрелость выглядит правилом. Двое старших наблюдаемых детей принимали взрослые роли в своих группах в возрасте 13-14 лет.

Вопреки немногочисленным и примечательным исключениям многие дети выражали словами и поступками, что в коммуне они занимают осмысленное место. Отсутствие страха перед незнакомцами и доверие в личных отношениях ярко выражены.

Способность к сотрудничеству и разрешению конфликтов рано развились у детей без вмешательства взрослых.

Общая готовность к свободному выражению мыслей и чувств, даже вопреки мнению взрослых, очевидна почти у всех детей старше 2-3 лет.¹⁸

Можно только догадываться, каков вклад свободной сексуальности коммуны в эту очевидно благоприятную ситуацию и есть ли он, но, по крайней мере, можно заключить, что она ничему не навредила и не помешала.

Да не укроется от критиканов факт, что, не взирая на участие самых маленьких в полноценном соитии, в 5-6 лет секс «не самое главное». Для многих взрослых, особенно сексуально удовлетворённых, он тоже «не самое главное». Лёгкая доступность сексуального партнёра, обычно жены или мужа, часто означает, что человек не стремится использовать каждую возможность для секса. Только у сексуально неудовлетворённых людей велика вероятность возникновения одержимости, подобно тому, как пищей озабочены лишь в голодном краю.

Тем не менее, можно подумать, что непрерывная потребность в половом самовыражении испытывается в виде тяги, начиная с пубертатного периода (причём у юношей сильнее, чем у девушек) вследствие биологических и гормональных перестроек организма при половом созревании и непосредственно перед ним. Исследования показали много случаев, в которых отсутствие гормонов у кастрированных мужчин и женщин после менопаузы не влияет или почти не влияет на продолжение на том же уровне существовавшей до этого сексуальной активности.¹⁹ Судя по всему, сексуальные чувства и образ поведения зависят от гораздо большего количества факторов, чем одни лишь гормоны.

Самое раннее из моих воспоминаний об оргазме относится к возрасту 10 лет. Открыв прелесть мастурбации, я подсел на то, чтобы заниматься ей как минимум раз в день и, возможно, это было бы и значительно чаще, если бы я не испытывал сильное чувство вины, из-за которого пытался обжигать свои пальцы с помощью спичек с целью создать отвлекающее ощущение. Важно не то, является ли тот или иной уровень сексуальной активности "нездоровым" или "зависимостью". Главное, что нестерпимая потребность оргазма ощущалась во мне за целых три года до пубертата, до развития способности семяизвержения, до лобкового оволосения. Как минимум у части детей этот период может быть гораздо длиннее, так что сильное желание регулярного сексуального выражения может начать проявляться за много лет до пубертата.

Сам Кинси с большой неохотой был вынужден признать, что люди в огромной степени отличаются друг от друга в части сексуальности. Сравните взрослых людей по росту или весу - все они почти одинаковы, в крайних случаях один может быть в два раза тяжелее или вдвое выше. В половой жизни люди могут различаться в сотни, в тысячи раз сильнее, при этом не обязательно, что у них будет какое-то заметное внешнее отличие. Например, в отношении мужчин Кинси пишет, что средняя частота сексуальной разрядки от подросткового периода и до возраста 30 лет составляет 3 раза в неделю. Однако:

«Несколько лиц мужского пола долгие годы обходились без эякуляции: один пережил данное явление лишь раз за 30 лет, будучи на вид физически здоровым. Были такие, для которых средняя частота эякуляций долго составляла 10, 12 и больше в неделю: один (учёный и опытный адвокат) насчитал в среднем 30 раз за неделю на протяжении 30 лет. Это отличие в несколько тысяч раз!»²⁰

С учётом такого большого разброса, те, кто не помнит значительной сексуальной активности в своём собственном детстве, должны быть очень осторожны с обобщением этого опыта (даже предположив, что у них нет вытесненных воспоминаний). Факт эротизированности даже самых маленьких детей неоспорим и сейчас в медицинских кругах признаётся, что среди детей есть такие, чья сексуальность направлена на взрослых.

Это было признано уже в 1912 году Моллем²¹ и во множестве вышедших позже исследованиях, где признавался феномен "ребёнка-соблазнителя", чаще называемого "жертвой-соучастником" так называемых "сексуальных преступлений".

Возможно, наиболее известное даже сейчас исследование - это работа Бендера и Блау 1937 года²², в которой авторы утверждают:

Похоже, исследование выявило, что указанные дети не вполне заслуживают имиджа невинности, приписанного им моралистами, общественными реформаторами и законодателями. Судьбы исследованных нами отношений обычно демонстрируют как минимум детское соучастие в деяниях, а в некоторых случаях именно ребёнок берёт на себя активную роль в установлении отношений.

Ещё интересней то, что отношение Бендера и Блау было весьма традиционным. Своей задачей они сочли предотвратить интерес к сексу у детей. Их больничная "терапия" была специально составлена таким образом, чтобы подавить сексуальное выражение и переключить внимание детей на более "нормальные" интересы.

Так, семилетняя Вирджиния

*Однажды попала на сексуальной игре с мальчиком, затем она призналась, что уже имела подобный опыт в детдоме. За пять месяцев до того её заметили за частыми визитами к консьержу её дома для сексуальных контактов. Отношения включали куннилингус, взаимную мастурбацию, минет. На протяжении этого периода её тётя ловила девочку за сексуальной игрой с собакой.*²³

Девочку «лечили» от этой странной болезни, которую в просторечии называют «озабоченность» или «похотливость». Авторы пишут:

Поначалу она свободно и без стыда рассказывала о своём сексуальном опыте, но после того, как её научили стыдиться, «стала более скрытной и уклончивой».

Бендер с Блау обследовали 16 детей доподросткового возраста, 11 из которых девочки. Среди них был 11-летний Эдвард.

Приблизительно в четырёхлетнем возрасте он практиковал взаимную мастурбацию с двоюродной сестрой того же возраста... В 6-8 лет он жил с младшим двоюродным братом, они вместе спали и купались, каждую ночь играли гениталиями друг друга. В десять лет Эдвард был на пляже и раздевался в той же самой кабинке, что и его двоюродная сестра на два года младше. По его предложению они часто занимались сексуальными играми...

Мальчик 13 лет научил его педерастии²⁴, которую Эдвард впоследствии практиковал (вместе с минетом) с другим мальчиком. Эдвард также завидовал сексуальной жизни взрослых людей. Он наблюдал за переодевавшимися на пляже мужчинами, чтобы увидеть их половые органы.

*Последний опыт имел с 40-летним женатым продавцом, имевшим привычку наблюдать за играющими мальчиками. Однажды мужчина повредил бедро и спустил брюки проверить рану — мальчик проявил интерес к половым органам взрослого и был приглашён на сексуальную игру... Они практиковали взаимную мастурбацию, оральный секс и стимуляцию бёдрами.*²⁵

После они встретились снова, занявшись тем же самым.

Бендер и Блау отмечают:

Интеллект Эдварда средний, отношение к сексу откровенно гедонистическое. Его сексуальная активность представляет собой как гетеросексуальные, так и гомосексуальные отношения и берёт начало в раннем детстве. Невозможно определить, что в раннем детстве сформировало его интересы. Не может быть никаких сомнений, что в данном случае именно мальчик соблазнил взрослого.

Ряд факторов предрасполагают Бендера и Блау, а также других авторов, считать детскую сексуальность нездоровым явлением. Среди них главным является культурный фактор, согласно которому в нашем обществе ожидается, что дети не должны вступать в сексуальные отношения, со взрослыми-то уж точно, и любое проявление подобных "симптомов" является достаточным свидетельством необходимости "терапии".

Социальных работников и медиков в этом взгляде укрепляют (часто предшествующие сексу со взрослым) психические нарушения у «жертв-соучастников» и происхождение таковых из неблагополучных семей.

Нашей, к примеру, Вирджинии вспомнили и детдомовскую жизнь, и проживание в течение некоторого времени в проблемной семье, где мачеха была настроена крайне пуритански по отношению к сексуальности, а отчим был алкоголиком.

Уайсс с коллегами²⁶ провёл в 1955 исследование девочек, бывших «жертвами-соучастниками» и нашёл у них в качестве общего признака конфликты с родителями на почве их отношения к сексуальности. Один из родителей нарочито навязывал стыдливость и в присутствии ребёнка всегда был полностью одетым, а другой в то же время — внушал противоположное, терпимое к телесности отношение. Уайсс счёл, что это противоречие подтолкнуло ребёнка к сексуальным контактам со взрослым:

Родители различными способами подталкивали детей к сексуальной активности. В некоторых семьях мать с раннего возраста предостерегала дочь от контактов с мужчинами из-за возможных сексуальных последствий. Благодаря этому девочка узнавала о возможности сексуальных контактов со взрослыми мужчинами, таким образом, мамы предупреждения одновременно и запрещали, и подталкивали.

Некоторые матери в открытую стимулируют „сексапильность“ дочерей, например, одна мать заставляла шестилетнюю дочь танцевать за компанию стриптиз. Иногда отец был очень соблазнительным, стимулировал девочку поцелуями, ласками, борьбой. Большое количество "жертв-соучастников" получало соответствующие стимулы через возможность наблюдать секс между родителями.

У многих вышеупомянутых народов детям разрешено наблюдать за сексом родителей или родители сами мастурбируют им, без каких-либо заметных негативных последствий вроде тревожности или эмоциональных проблем. Однако в такой культуре, как наша, где столь сильно негативное отношение к детско-взрослому сексу, совершенно ясно, что изменение этих взглядов обычно будет происходить в контексте общего изменения приемлемых семейных стандартов; в контексте конфликтов между родителями, зачастую заходящих гораздо дальше вопросов секса, а также в контексте, где поставлена под сомнение сама способность родителей создать любящую и безопасную среду для ребёнка.

Но это не оправдывает скоропалительный вывод, который сделали некоторые учёные на основе анализа проблем в жизни детей, что сексуальное самовыражение последних само по себе нежелательно. Да, вполне возможно, что ребёнок получит от взрослого возлюбленного ту самую любовь, привязанность и защиту, которыми он обделён дома. Подтверждения этому есть в работах некоторых исследователей. Но также стоит добавить, что попавшие в поле зрения психиатров дети — лишь ничтожная часть из тех, кто имел сексуальные отношения со взрослыми. У детей из более благополучных семей гораздо больше вероятность, что их сексуальные отношения не будут раскрыты.

Чего я добиваюсь настоящей главой, так это убедить, что при благоприятных обстоятельствах дети участвуют в сексуальной активности, иногда даже с участием взрослых. В целом говоря, благоприятствующие этому обстоятельства могут влиять хорошо,

плохо или никак, но это ни в коем случае не отменяет факт, что как только социальные барьеры по какой-либо причине отсутствуют, как минимум часть детей ищут интимных отношений со взрослыми и практикуют их к своему удовольствию. Некоторые исследования "жертв-соучастников" утаивают этот факт, стараясь объяснить сексуальное поведение ребёнка психологической реакцией на неурядицы в семье. Так Уайсс пишет о мотивах ребёнка исключительно с позиций домашнего баланса сил:

*Она не могла не знать, что отцовская вседозволенность не означала повода к началу половой жизни, так что её поведение (т.е. сексуальные отношения со взрослым) было чем-то вроде презрительного послушания. К тому же, она могла понимать, что своим поведением докажет в родительском разногласии правоту матери (не допуская никакой вседозволенности) и сделает ей приятное. Девочка поняла, что отец будет корить себя, а не её, за произошедшие сексуальные контакты, а мать также будет обвинять во всём отца. Так что своим сексуальным поведением ребёнок посмеялся над родителями и тем добился расположения обоих.*²⁷

Неизвестно насколько справедливы подобные этому пустые рассуждения о том, что было на уме у ребёнка. Весьма о многом говорит привычка выдумывать (семейную) мотивацию за детей и даже не предположить, что сексом они занимаются ради самого секса (после их с ним знакомства, разумеется). Ни слова о характере отношений девочки со взрослым — как сексуальных, так и общих. Равно как никто не счёл необходимым узнать отношение самой девочки к произошедшему. Вместо этого всё исследование, все опросы сосредоточены с фрейдовской близорукостью исключительно на отношениях ребёнка с родителями. Только и гадай, какие семейные (вместо сексуальных) мотивы подвёл бы Уайсс под объяснение сексуальных игр Вирджинии с собакой, не включая в их число простой ответ, что это просто её возбуждало!

Как замечал Фрейд, все дети «полиморфно извращены»²⁸, особенно когда они ещё слишком маленькие, чтобы воспринимать рамки в отношении сексуального поведения, навязываемые взрослыми (так называемое "кастрирующее супер-эго") или обществом в целом. Или, как было в случае с многими "жертвами-соучастниками", их приобщение к этим ограничениям было нарушено. Тут и объяснение открытию Кинси, что секс с животными более распространён среди детей младшего возраста, чем среди подростков и юношей. И тем меньше надо удивляться влечению детей к зрелым особям своего вида и гомосексуальным контактам со сверстниками.

Ещё более загадочной является доля в общей популяции таких детей, которые, как оказывается, испытывают постоянную потребность в реализации своих сексуальных желаний, будь то путём мастурбации или с партнёром. Эта неопределённость пока что оставляет для большинства людей пространство для неуверенности в признании реальности детской сексуальности. Иной скажет, будто дети в работах Малиновского, а также Джонстона-Дейшера движимы исключительно любопытством либо имитацией занятий взрослых. Ранее я описывал, сколь неодолимыми были сексуальные импульсы, испытанные мной в доподростковом возрасте. Значит ли это, что я вхожу лишь в небольшой процент детей с ненормальной сексуальностью? И детей Бендер и Блау, Уайсса туда же запишем?

Вот Линди Бёртон²⁹ и другие даже предполагали возможность повреждения мозга у детей с сильными сексуальными импульсами.

Действительно, некоторые дети обладают обострённой потребностью и заниженным самоконтролем... Некоторые исследования показали беспокойство, гиперактивность, нервозную манерность подвергшихся сексуальным посягательствам детей, что наводит на мысль о наличии у них каких-либо

неврологических отклонений. Результаты этого исследования ничему перечисленному не противоречат. Для этих детей как группы характерны незначительные нервные особенности, а их неуёмная жажда близости, видимо, прекрасно отражает чрезмерную потребность в стимуляции, вызванную какой-то формой небольшого повреждения головного мозга.

А почему не допустить, что подвижность и возбуждённость крайне сексуально заинтересованных детей берёт своё начало от невозможности удовлетворить свои желания из-за попыток психиатров и прочих предотвратить это?

Последнее время стало модно полностью отказываться от теории сексуальности как влечения. Фрейд считал сексуальность безудержной энергией внутри нас, постоянно старающимся вырваться наружу огромным зверем, которого нужно сдерживать и дрессировать, что позволит нам вести себя как "цивилизованные" люди. По мнению Райха, попытки подавить неподдающееся делает из нас невротиков и сексуально неполноценных индивидуумов. Но сейчас появились социологи, которые, вопреки тому и другому считают, что сексуальность приобретает для нас важность как для индивидуумов только из-за того, что эту важность в неё вкладывает общество по какой-либо причине.

В какой-то степени это тоже справедливо. Сейчас в западном обществе всё больше женщин "учатся" быть сексуальными. Их первый оргазм обычно происходит при контакте с партнёром, в то время как до этого контакта, который может случиться достаточно поздно, похоже, что у неё не должно быть никакого желания, которое было бы достаточно сильным, чтобы самой стремиться к достижению оргазма, будь то самостоятельно или с партнёром. То же может быть справедливо для некоторых детей, которые "учатся" быть сексуальными благодаря подсказкам взрослого или сверстника об их возможности оргазма. Эта мысль развивается дальше в том направлении, что у всех - взрослых и детей - с рождения есть все необходимые психические и физические средства для сексуальных отношений, но они нуждаются не в биологическом, а в социальном импульсе для запуска и придания им значимости.

Однако эта теория становится преувеличенной, если заявляется об отсутствии неодолимых сексуальных позывов. Данные, по крайней мере в отношении мужчин, совершенно чётко показывают, что в определённый момент, который обычно связан с половым созреванием, но часто бывает задолго до этого, достижение оргазма происходит практически всегда (иногда в виде ночных поллюций), и кроме того, испытываемое желание столь сильно, что никакие помехи со стороны общества не способны его сдержать. Некоторые адепты теории "влечения нет" полагают, что человек только считает сексуальные позывы "сильными" из-за чувства вины, окружающего их в нашем обществе. По их словам сама по себе вина является элементом, делающим секс столь волнующим. Для некоторых это вне всяких сомнений справедливо, но что касается меня, то в школьном возрасте чувство вины на тему сексуальности для меня было сущим несчастьем, а не чем-то волнующим.

Выше уже было показано, что дети способны к сексуальной активности в любом возрасте. Также можно с достаточной уверенностью заключить, что большой процент мальчиков, если не девочек, начинают сексуальную активность задолго до полового созревания, даже в обществе, где это серьёзно осуждается. В 1943 году было опубликовано исследование Дж. Рамси³⁰, работавшего вместе с Кинси. Оно было основано на опросе 291 мальчика, при этом большинство из респондентов были белыми протестантами из среднего класса среднего запада США. 5% мальчиков сообщили о мастурбации в возрасте 5 лет. К 9 летнему возрасту цифра возросла до 20%, к 11 годам - до 60%, а к 13 годам - до 80%.³¹

Эти цифры не показывают нам распределение случаев мастурбации на случайную и являющуюся предметом второстепенного интереса каждого конкретного мальчика и на привычное, следующее компульсивной модели поведение. Но учитывая, что они выросли в культуре, в которой на мастурбацию навешена большая печать стыда, выглядит обоснованным заключить, что многие из этих мальчиков испытывали большое желание

мастурбировать, непреодолимое искушение, чтобы вообще этим заниматься. То, что большинство их попробовало мастурбацию уже в возрасте 11 лет, являющемся почти для всех мальчиков допубертатным, и то, что это произошло вопреки всем попыткам предотвратить это, с моей точки зрения является доказательством факта наличия сильного либидо у многих допубертатных мальчиков.³²

Исследование сексуальных преступников, проведённых Гебхардом и коллегами, признало сильные сексуальные склонности мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет. В эту группу в её нижней возрастной границе должно входить большое число подростков, ещё не достигших половой зрелости. Исследование показало, что эти подростки показывают интенсивность реакции, соответствующей или часто превосходящей реакцию взрослого. Это факт хорошо известен многим взрослым гомосексуалистам, которые тем самым подвергаются искушению, от которого избавлены гетеросексуальные взрослые.³³ Если бы девушки от 12 до 15 лет имели бы такое же сильное либидо как их юноши-сверстники, наши места лишения свободы затрещали бы по швам.³⁴

Судя по всему, на развитие сексуального поведения девочек и женщин культурные факторы оказывают куда большее влияние, чем на его развитие у мальчиков. Как отмечалось ранее, женщины гораздо проще, чем мужчины, могут прожить всю свою жизнь, так никогда и не открыв свою способность к оргазму, но однажды открыв её и получив удовольствие, формируется психологический фундамент для продолжения его получения.

Подобно тому, как это происходит со взрослыми женщинами в брачных и других подобных отношениях, так же оно происходит и с некоторыми девочками до половой зрелости. В нашем обществе их, конечно, небольшая часть, но в исследованиях "жертв" есть доказательства, что среди тех, кто вступил в сексуальные отношения со взрослыми, значительная часть играла активную положительную роль, пусть даже большинство исследований основаны на делах, дошедших до суда, а их авторы имели сильную склонность к включению в них большого числа случаев реального совращения/ изнасилования в противоположность добровольным взросло-детским интимным отношениям.

Участие ребёнка не всегда можно отнести исключительно на счёт сексуального желания с его стороны, но всё равно интересно замечание Шульца, резюмировавшего результаты нескольких исследований:

В сделанных ранее исследованиях сексуальных преступлений, участие юных жертв женского пола характеризовалось как "сотрудничество" в 7,8% из 330 преступлений (иссл. Ганьона), "отсутствие возражений" в 40% из 1994 преступлений (иссл. Радзиновича), "одобрение действий преступника" - от 66% до 95% всех сексуальных преступлений (иссл. Гебхарда), полное "участие" в 60% из 73 случаев (иссл. Уайсса) и как "активные соблазнительницы" в 21% из 185 случаев (иссл. Глюка).³⁵

К сожалению, в некоторых из этих исследований не проводится деление между детьми младшего и старшего возраста. В исследовании Гебхарда такое деление проводится наряду с делением по полу: в его исследовании охвачены дети обоих полов до 12 лет и подростки от 12 до 15. Преступления, где взрослый применял физическую силу и случаи инцеста, рассматриваются отдельно. Все обвиняемые были мужчинами.

Касаясь детей до 12 Гебхард выяснил, что, согласно протоколам, 16,4% девочек одобряло действия преступника, а ещё 8,2% вели себя пассивно. По мнению самих обвиняемых 48,4% жертв одобряли их действия, а 36,9% вели себя пассивно. Среди мальчиков до 12 лет, согласно протоколам, целых 52,3% одобряли, а 6,8% были пассивны. По мнению самих обвиняемых эти цифры были 60,5% и 26,3% соответственно.

Я признаю, что могут найтись те, кто на основании статистики по девочкам заключит, что гораздо более важной цифрой, следующей из протоколов, является 83,6% (100%-16,4%) тех, кто не одобрял действие преступника, т.е. их принуждали. Я могу только ещё раз отметить, что не пытаюсь притвориться, будто сексуальное насилие над детьми не существует или что это несущественная проблема. Я только хочу показать, что насилие или принуждение не является характеристикой абсолютно всех детско-взрослых сексуальных отношений, даже когда ребёнок достаточно мал и даже когда в использованном исследовании заметна явная методологическая предвзятость с целью сделать долю недобровольных отношений искусственно высокой.

Цифры "одобрения" действий преступника стремительно возрастают в отношении подростков обоих полов в возрасте от 12 до 15 лет. Из протоколов следует, что 86% девушек одобряли, а 0,9% вели себя пассивно. Для юношей эти цифры составили 70,3% и 11,0% соответственно. Конечно, цифры "по мнению обвиняемых" были всё равно выше: для девочек 89,5% одобрения и 3,5% пассивных, а для юношей 82,8% и 9,3 соответственно.

Хотя выходит, что между степенью участия детей и подростков есть значительная разница, также ясно, что уровень участия детей, даже согласно "протоколам", которые могут быть столь же необъективны подобно словам обвиняемого, не является минимальным или незначительным.

Один судья, специально исследовавший эту тему, выразился достаточно ясно. Судья Давид Рейфен из Тель-Авива сказал:

*... сексуальные игры в допубертатном и пубертатном возрасте, особенно если в них не происходит полового акта, является для многих притягательными и приносят удовлетворение. По этим причинам дети, являющиеся жертвами сексуальных преступлений, часто продолжают участвовать в этих играх и привлекают к ним своих друзей.*³⁶

Даже в вышедшем недавно отчёте Министерства внутренних дел Великобритании даётся важная доля официального признания того факта, что дети старше 10 (это возраст уголовной ответственности в Великобритании, исследование не коснулось детей младшего возраста) могут дать и дают согласие на сексуальные контакты со взрослыми. В отчёте детей называют "партнерами" в этих отношениях, а не "жертвами".³⁷

В первой части главы я не только подробно рассмотрел факт сексуальной реакции у детей, но также и вопрос того, сколь многие из них могут испытывать сильные сексуальные импульсы, особенно в отношении взрослых. Найдутся те, для кого этот вопрос имеет первостепенную важность. Они заявят, что раз нельзя показать наличие у большинства детей младшего возраста жгучего и неудовлетворённого желания секса со взрослым, то нет никакого смысла в освобождении детей с целью сделать реализацию этих желаний для них возможной. Сторонники такой позиции скорее выскажутся в пользу нынешнего акцента на общественной и законодательной "защите" детей от в некоторых случаях нежелательного интереса со стороны взрослых, которые, вне всякого сомнения, обладают жгучими и неудовлетворёнными желаниями в отношении их.

Надеюсь, я показал, что дети всех возрастов обладают способностью испытывать оргазм и что в менее репрессивных культурах они реализуют свои сексуальные устремления. Некоторые дети младшего возраста, составляющие значимое меньшинство (а в некоторых категориях, большинство) в раскрытых сексуальных преступлениях против них, одобряют поведение обвиняемого взрослого, несмотря на табуированность самого акта. Хотя я согласен, что не желающие участвовать в этих отношениях дети не должны принуждаться к сексу, я не вижу оснований, почему их право не участвовать не могло бы сосуществовать с сексуальным освобождением остальных.

В сексуальной свободе детей есть много аспектов, включая свободу доступа к своему телу для мастурбации, право на интимные отношения со сверстниками и право на интимные отношения со взрослыми. Эти свободы в значительной мере связаны друг с другом. То общество, которое накладывает абсолютный запрет на детско-взрослый секс, также склонно быть антисексуальным и в других аспектах, в особенности в части предвзятого отношения к детской сексуальности. Впечатления, складывающиеся у детей от сексуальных запретов в ранний период воспитания, оказывают большое влияние на их взгляды, и я могу заключить, что последствия являются негативными для всех детей, не только для тех, кому выпало иметь сильный интерес к сексуальному взаимодействию со взрослыми. В следующих главах это будет рассмотрено подробнее. Однако в первую очередь необходимо рассмотреть некоторые из расхожих взглядов о том, что из себя представляют интимные отношения между ребёнком и взрослым, особенно якобы существующая противоположность между участниками, между "совратителем" и "жертвой".

---

¹ Lindy Burton, "Vulnerable Children", Routledge & Kegan Paul, London, 1968, p.91.

² Есть и ещё одна проблема, заключающаяся в том, что возбуждение половых органов может возникать как безусловный рефлекс без осознанного стремления удовольствия со стороны ребёнка. Например, во время родов у новорождённых мальчиков часто наблюдается эрекция, также ритмичные движения поезда могут вызывать самопроизвольную генитальную реакцию. Дальше всё зависит от ребёнка - насколько приятно это будет для него, чтобы пытаться воспроизвести это чувство через самостимуляцию.

Я думаю, о "сексуальном поведении" ребёнка есть смысл говорить в отношении его стремления к удовольствию через мастурбацию, и есть все основания сделать вывод о том, что имеет место стремление к удовольствию на основе конкретного поведения (напр. ритмичное, повторяющееся стимулирование половых органов). Это стремление к удовольствию обычно имеет социальный аспект, получающий своё развитие во взрослом возрасте. В целом он заключается в желании сексуального взаимодействия с другим человеком и даже во время одиночной мастурбации есть тенденция к стимулированию фантазиями о сексе с другим человеком или о привлекательности его тела.

Можно счесть, что в разговорах о "детской сексуальности" есть опасность ошибочно приписать детям набор строго определённых межличностных желаний и ожиданий, при том что в реальности они могут отсутствовать до получения определённых знаний. Эти знания приобретаются посредством опыта сексуального контакта с другими людьми, открывающего, что некоторые виды такого контакта (массаж, проникновение и т.п.) возможны и могут быть приятными.

Сам Фрейд попал в эту ловушку: говоря о желании мальчика-младенца сексуально обладать своей матерью, он ожидает буквального понимания, будто ребёнок уже знает о возможности проникновения и осознанно желает его.

С другой стороны нужно признать, что с очень раннего возраста дети могут открыть удовольствие сексуальных отношений с партнёром, если они имеют к ним доступ. Имея такой доступ, они перестанут пребывать в неведении о том значении, которое в этот опыт вкладывают взрослые. Подобно взрослым, дети, участвовавшие в приятном сексуальном акте с другим человеком способны предвкушать удовольствие от него в будущем, фантазировать или стремиться к его повторению. Равно как подобные контакты не обязательно должны являть собой получение наслаждения посредством половых органов.

Поцелуи и объятия в младенческом возрасте способствуют усвоению детьми того факта, что тело является самым сильным средством для выражения привязанности и любви.

³ A. Kinsey et al. , Sexual Behaviour in the Human Male, Saunders, Philadelphia, 1948; Sexual Behaviour in the Human Female, Saunders, Philadelphia, 1953.

Отчёты Кинси стали предметом эмоционально окрашенных диспутов сразу после их издания и было написано много работ, оспаривавших достоверность демонстрируемых в них статистических данных. Я сам избегаю всецело полагаться на эти данные. Это будет видно далее в этой главе, где я цитирую работу Рамси, дающего более высокие и, по моему мнению, более достоверные цифры мастурбации мальчиков до подросткового возраста. Но также стоит заметить, что в долгосрочной перспективе эти отчёты завоевали обширное признание как важный (пусть и не единственно справедливый) источник.

⁴ Kinsey, *Sexual Behaviour in the Human Male*, op. cit., p. 177.

⁵ B. Malinowski, *The Sexual Life of Savages in North West Melanesia*, Halcyon House, New York, 1929.

⁶ *Sexual Behaviour in the Human Female*, op. cit., pp. 104-5.

⁷ *Sexual Behaviour in the Human Male*, op. cit., p. 178.

⁸ *Sexual Behaviour in the Human Female*, op. cit., p. 116.

⁹ *Sexual Behaviour in the Human Male*, op. cit., p. 179.

¹⁰ Clellan S. Ford and Frank A. Beach, *Patterns of Sexual Behaviour*, Harper & Row, New York, 1951, pp.201-2.

¹¹ B. Malinowski, *The Sexual Life of Savages in North West Melanesia*, Halcyon House, New York, 1929.

¹² *Ibid.*, pp. 48-9.

¹³ Ford and Beach, op. cit., pp. 202-4.

¹⁴ *Ibid.*, pp. 139-40.

¹⁵ John Money and Patricia Tucker, "Sexual Signatures: On Being a Man or a Woman", Little Brown, Boston, 1975, pp. 210-13.

В этой книге детально и с юмором изложены несколько историй, повествующих о провальных попытках людей потерять свою девственность. Конфузы и неудачи происходили из-за сексуальной безграмотности одного из партнёров.

¹⁶ C. M. Johnston and R.W. Deisher, "Contemporary communal child rearing: a first analysis", *Paediatrics*, Vol.52, No.3, 1973, pp. 319-26.

¹⁷ *Ibid.*, pp. 324-5.

¹⁸ *Ibid.*, p. 326.

¹⁹ Bermant and J.M. Davidson, *Biological Bases of Sexual Behaviour*, Harper & Row, New York, 1974, Chapters 5 and 8.

²⁰ Kinsey, *Sexual Behaviour in the Human Male*, op. cit., p. 195.

²¹ A. Moll, *The Sexual Life of the Child*, Macmillan, London, 1912, p. 134.

Молль описывает случай семилетнего мальчика, испытывавшего влечение к взрослым мужчинам.

²² L. Bender and A. Blau, "The reaction of children to sexual relations with adults", American Journal of Orthopsychiatry, Vol.7, 1937, pp. 500-18.

²³ Ibid., p.503.

²⁴ Я думаю, что авторы подразумевали его знакомство с анальным совокуплением. Не утверждается, что данный опыт станет определяющим для его сексуальной ориентации в будущем. См. в 3 главе.

²⁵ Bender and Blau, op. cit., pp. 509-10.

²⁶ J. Weiss et al., 'A study of girl sex victims', Psychiatric Quarterly, Vol.29, 1955, pp. 1-27.

²⁷ Ibid., p.7.

²⁸ Вильгельм Стекел в его работе "Patterns of Psychosexual Infantilism, Liveright, New York, 1952" оспорил этот термин на основании того, что слово "извращены" не должно использоваться в отношении нормального признака. Он предпочёл слово "пансексуальны", в котором отсутствует уничижительный оттенок.

²⁹ Lindy Burton, "Vulnerable Children", op. cit.

³⁰ G.V. Ramsey, "The sexual development of boys", American Journal of Psychology, Vol. 56, 1943, pp. 217-33.

³¹ В работе самого Кинси были получены куда меньшие цифры, но они основаны на опросе взрослых, вспоминая своё детство, и по словам самого Кинси, память могла их подвести.

³² Paul Gebhard et al., Sex Offenders: An Analysis of Types, Harper-Hoeber, New York, 1965.

³³ В исследовании Гебхарда изучались только взрослые мужчины.

³⁴ Gebhard et al., op. cit., p. 299.

³⁵ Leroy Schultz, "Psychotherapeutic and legal approaches to the sexually victimized child", International Journal of Child Psychotherapy, Vol. 1, No.4, 1972, pp. 115-28.

³⁶ Burton, op. cit., Chapter 6.

³⁷ R. Walmsley and K. White, Sexual Offences, Consent and Sentencing, Home Office Research Study No. 54, HMSO, London, 1979, Chapter 2.

Глава 3. "Совратитель" и его "жертва"

Иногда нам указывают на то, что поведение, называемое взрослыми "сексуальным", может не иметь такого смысла для ребёнка. Возможно, для младенца, играющего со своими половыми органами, это всего лишь игра и ничего более, даже если она приводит к оргазму. В испытываемое при этом "приятное чувство" может не вкладываться то значение, которое в него вкладывают взрослые¹. Наряду с этим публика весьма скептически относится к явлению "ребёнка - соблазнителя". Может ли "сексуальное поведение" такого ребёнка быть осознанным?

Возьмём для примера девочку, радостно улыбающуюся и болтающую с приятным мужчиной, которая вскоре садится ему на колени и разводит ноги. Если мужчина имеет педосексуальные влечения, он может быть склонен считать это "соблазнением", в то время

как ребёнок может совершенно не осознавать, каким образом взрослый интерпретирует события. Она может демонстрировать всю "невинность" детства в традиционном смысле этого понятия (пусть даже при всём при этом девочка весьма сексуализирована и знает, как самостоятельно достичь оргазма).

Распространённое предубеждение состоит в том, что эта возможность недопонимания непременно является чем-то плохим, но это совсем не обязательно. Обычно в формировании педосексуальной привязанности, как и в случае привязанности между взрослыми, реальное поведение сторон развивается не рывком, а последовательно. На каждой стадии участники "договариваются" с помощью намёков и сигналов, вербальных и невербальных, с помощью которых один участник показывает другому, что приемлемо, а что нет.

В нашем примере мужчина может начать, похвалив трусы девочки, и гораздо более вероятно, что он попытается перейти на следующую стадию, если она обрадуется в ответ на его слова, чем если она покраснеет и сведёт ноги. Несмотря на "ошибку" в попытке истолковать её поведение как сексуальное соблазнение, он, тем не менее, может быть прав, постепенно выяснив, что девочка любит прикосновения и считает, что очень здорово, когда её щекочат под трусами.

К тому же стоит помнить, что хотя "сексуальное" поведение ребёнка может не быть сексуально мотивированным, это не значит, что она совершенно не осознаёт своей способности привлекать. Она уже может специально использовать эту способность для получения внимания и любви. Различные исследования "жертв-соучастников" показывают, что дети этой категории обычно жаждут именно любви. В близости изобилующих телесным контактом отношений, педосексуал даёт как раз ту самую любовь, которую ребёнок так желает.

Тем не менее, как я уже говорил, потенциал неправильной интерпретации сексуально окрашенных намерений обычно приводится как аргумент против педосексуальных отношений и вообще против взгляда на детей как на людей, обладающих сексуальностью. Некоторые считают, что любое признание их сексуальности способно подтолкнуть тех, кто может прийти к ложным заключениям. Вполне очевидно, что в нашем обществе существуют люди, ведущие себя вызывающе в сфере межполовых взаимодействий и по большей части это мужчины. Почти каждой женщине приходилось переживать неприятные моменты проявления мужского нахальства, от свиста в свой адрес, задирания юбок, шлепков по ягодицам до, в отдельных случаях, изнасилования. Феминистки поспешили указать, что такое поведение в какой-то части может происходить не от ложных предположений о том, что приемлемо для женщин, а от полного безразличия к тому, что приемлемо, или даже от неприкрытой враждебности.

В любом случае факт в том, что мы живём в сексистском обществе. Социальная и сексуальная среда, в которой воспитываются мужчины, поощряет у них такое надменное, агрессивное и потребительское отношение, в котором их же и обвиняют. И также, согласно тому, что можно ожидать в таком обществе, очевидным фактом является то, что некоторые дети подвергаются агрессивному принуждению к сексуальным контактам.

Однако я хотел бы показать, что в добровольных педосексуальных отношениях, в противоположность насильственным, есть достаточно того, что предрасполагает к нежному, почти женскому типу сексуального выражения, вместо того, который соответствует мужскому стереотипу доминирования и агрессии. Добровольные близкие отношения между взрослым и ребёнком существуют в реальности, но многие этого не осознают именно потому, что общество не делает различий между этими отношениями и теми, которые навязываются насильственным путём. Этот абсурд отражается в [британской] юридической формулировке "непристойное нападение" (indecent assault), которой описывается не только нападение в обычном смысле этого слова, но и случаи, когда ребёнок был согласен и, возможно, являлся инициатором, как нередко бывает.

В большинстве случаев сексуальный контакт между взрослым и ребёнком происходит не в результате агрессивного навязывания. В этом данные отношения аналогичны отношениям между взрослыми. Д. Дж. Уэсту пришлось признать в своей работе о педосексуалах следующее:

Коренным образом отличаясь от нестесняющихся в средствах сексуальных маньяков, их отношение к детям почти всегда отличается добротой и нежностью, а имеющие место сексуальные контакты, представляющие собой по большей части демонстрацию и прикосновение, аналогичны сексуальной активности, происходящей между самими детьми.²

В одной из наиболее известных работ о педосексуальности "Paedophilia and Exhibitionism: A Handbook" авторов Мора, Тёрнера и Джерри даётся несколько цифр, показывающих вопрос насильственного секса в перспективе:

В отношении половых сношений с детьми с использованием принуждения доступно лишь совсем мало статистического материала и тот отрывочен. Revitch et al. (1962), сообщавший о сексуальных преступлениях против детей, зафиксированных в государственном диагностическом центре, отмечает, что "эти преступления сравнительно нечасты, хотя они упомянуты в литературе". Из этого можно заключить, что среди 836 совершивших преступления против детей, наблюдавшихся в этом центре, таких случаев не было выявлено ни одного. Мириам Дарвин в исследовании 74 детей, ставших жертвами преступлений в Калифорнии, не смогла найти ни одного случая, когда использовалось бы насилие.

В отдельной работе Мора и Тёрнера³ авторы пытаются лопнуть мыльный пузырь паранойи, порождённой этим вопросом:

Случаи педофилии (дословно "любовь к детям") порождают наиболее сильные реакции народных масс, по крайней мере, в нашем обществе. Несмотря на полувековое просвещение идеями Фрейда о младенческой сексуальности и несмотря на изменение взглядов на почти все остальные сексуальные девиации, отвращение и страх перед педофилией не уменьшились. Родители, школа и общественные организации постоянно твердят детям опасаться незнакомцев и не доверять любому, кого они не знают. К сожалению, представляемая ими картина обычно не согласуется с фактами большинства случаев преступлений против детей и поэтому не даёт детям почти никакой защиты. Опасность внушения ксенофобии и параноидальных страхов может оказаться более серьёзной для воспитания детей, чем контакты с педофилами.

Вполне разумно предупредить ребёнка, чтобы тот не соглашался на предложения незнакомых людей прокатить его, но факт остаётся фактом, что незнакомцы лишь в редких случаях вступают в сексуальные отношения с детьми, взрослый участник обычно является родственником, соседом или другим знакомым из окружения ребёнка.

Случаи убийства детей с сексуальным подтекстом получают огромную огласку, которая сама по себе хоть и объяснима, но именно она ответственна за абсолютно ложный стереотип педосексуала в общественном сознании. Обычно это "картина нападения в тёмном переулке на ничего не подозревающего ребёнка, при котором нападавший лишь по стечению

обстоятельств не прибегнул к изнасилованию или даже убийству". Хотя неоднократно проведённые исследования (см. Radzinowicz, 1957) однозначно показали, что сексуальные преступники склоняются к одному виду сексуального поведения, обычно к какому-то совершенно конкретному, и очень редко когда переходят к более тяжким видам, данный факт встречает серьёзное сопротивление даже у информированной публики. Редкие исключения из этого правила получают огромную огласку и в стране численностью 50 миллионов даже редкое событие происходит примерно раз в месяц. Такие стереотипы глубоко влияют на взгляды родителей.⁴

В следующих главах я рассмотрю более тонкие аспекты вопроса агрессии, например тот момент, когда она сливается с неуместным понуждением, основанным на авторитете взрослого. Давайте на минуту рассмотрим виды сексуальной активности, предпочитаемые педосексуалами. В наиболее обширном из всех исследований лиц, судимых за сексуальные преступления, Пол Гебхард⁵ представил цифры, показывающие соотношение видов сексуальной активности, имевших место в процессе этих "преступлений". (Как я уже отмечал ранее, нужно всегда учитывать, что эти сведения, как и большинство научных данных по данному вопросу, основаны на преступлениях, закончившихся обвинительным приговором и поэтому в них большой перекосяк в сторону отношений, приведших к тому, что ребёнок пожаловался на действия взрослого.)

Гебхард установил, что с девочками до 12 лет преобладали действия, не включавшие в себя половое сношение. Таких действий было ни много ни мало 94%, и большинство из них заключалось в манипуляциях с половыми органами. В отношении мальчиков до 12 лет эта цифра была ещё больше. 97% действий не было связано с анальным сношением, из них 45% представляли собой действия руками с половыми органами, а орально-генитальные акты - 38%. Гебхард выделил в отдельную небольшую, но существенно отличающуюся группу те преступления, где присутствовала агрессия против девочек. В тех случаях, где присутствовала какая-то доля насилия или принуждения, попытки полового акта совершались в 23% случаев и из них в 23% акт реально произошёл. Интересно, что случаев агрессии против мальчиков было столь мало, что Гебхард не счёл необходимым включать их в отдельную категорию.

Большая часть педосексуалов интересуется детьми старшего возраста. Опрос среди членов британской организации PIE показал, что педосексуалы мужского пола склонны предпочитать мальчиков от 11 до 15 лет и девочек от 8 до 11. Эти цифры близки к данным исследований Мора, Тёрнера и Джерри, а также других учёных. Совсем немногих педосексуалов привлекают новорождённые или младенцы, и, хотя определённый интерес к 5 или 6-летним существует (в качестве минимально интересующего возраста)⁶, предпочитаемый возраст значительно выше.

Для тех, кто считает добровольные сексуальные отношения безвредным и приятным занятием, вопрос возраста не стоит, но исследование фактов породило одно интересное замечание, высказанное Кейтом Хоузом, готовившим опрос для PIE. Он заметил корреляцию между распределением возрастного предпочтения педосексуалами мальчиков и гистограммой Кинси, показывающей процент мальчиков, участвовавших в сексуальных играх в каждом возрасте до подросткового периода. Распределение было очень похожим, из чего напрашивается вывод, что, если британские мальчики чем-то похожи на американских, педосексуалы испытывают наибольшее влечение к тем возрастам, в которых мальчики наиболее сексуально активны.

Словами самого Хоуза:

Можно заключить, что именно интерес к сексуальной активности со стороны ребёнка является тем, что запускает влечение у педосексуала.

Это может быть справедливым и в гетеросексуальных отношениях. Возрастной диапазон привлекательности педосексуальных мужчин находится несколько ниже по возрасту, а, по словам Кинси, доподростковая сексуальная активность у девочек начинается раньше, чем у мальчиков.⁷

Ранее я привёл факты, показывающие общий принцип сексуальных отношений между взрослыми и детьми. В рамках этого принципа критически важно различать взрослых, реально предпочитающих детей в качестве сексуальных партнёров, и тех, для кого дети не являются основным объектом предпочтения. Есть основания считать, что агрессивное, сексистское использование девочек как сексуальных объектов, присуще по большей части мужчинам со "стандартной" ориентацией, предпочитающих взрослых женщин. Эти преступники часто склонны к нарушению закона и по несексуальным статьям. Во время совершения преступления они часто пьяны и, находясь дома, используют ребёнка как доступную и неспособную к сопротивлению замену взрослому партнёру, которого они предпочитают. Да и далеко не все из совершивших неагрессивные преступления предпочитают детей: среди них много мужчин, переживающих стресс в результате развода, алкоголь также играет большую роль в их преступлениях, после которых обычно следует период "похмелья", сопровождающийся сильным чувством вины.⁸

Я не хочу сказать, что преступники, для которых дети являются предпочтительными сексуальными объектами, автоматически должны считаться "высшим классом". Нет оснований полагать, что сексуальная ориентация каким-то незримым образом определяет качества человека. Но есть основания полагать, что многие из предпочитающих детей стремятся к взаимопониманию с ними, чего нет у тех, для кого дети являются просто заменителем. Неудивительно, что предпочитающим детей взрослым нравится проводить много времени в их компании, они стараются узнать детей получше и дружелюбно относиться к ним.

Подобно мужчинам-натуралам, которым приходится прилагать большие усилия, чтобы произвести хорошее впечатление на потенциальных сексуальных партнёров (ведь даже в нашем сексистском обществе изнасилование не является нормой), педосексуалы проходят тот же путь. Сознавая что их сексуальное предпочтение направлено на детей, они также оказываются способны на то, чтобы дети им нравились и они их любили - любовная реакция вырастает из эротической. Д. Дж. Уэст отметил это в своей работе о педосексуалах:

Их искреннее восхищение объектами своего сексуального желания иногда приводит к удивительным актам щедрости с целью сделать ребёнка счастливым или улучшить его будущее.⁹

Этот благожелательный взгляд находит своё подтверждение в недавнем исследовании К. Хоуэллса, объектом которого были люди, совершившие неагрессивные преступления против девочек:

Я думаю ... что дети нравятся этим педосексуалам не только с физической стороны; это согласуется с предположением, что совершающие такие преступления люди могут испытывать чувство симпатии к жертве. Если вы готовы поверить во всё, что угодно, только не в то, что совершающий сексуальное нападение человек может испытывать симпатию к жертве, я хочу отметить, что в предыдущем исследовании мной были получены результаты, показывающие, к примеру, что некоторые насильники совершают свои преступления в состоянии сильного гневного возбуждения и стремятся причинить боль, а не добиться сексуального удовлетворения.¹⁰

Это приводит нас к тому, что мы подразумеваем, говоря о педосексуальности, потому что, как взрослые могут ошибочно интерпретировать поведение детей как "сексуальное", так и взрослые с другой ориентацией могут ошибочно считать "сексуальными" намерения педосексуалов. Само слово "педофилия" обладает медицинским оттенком, что не удивительно, поскольку Краффт-Эбинг ввёл термин "paedophilia erotica" в процессе разработки обозначений, когда ему потребовались названия для всего множества сексуальных "болезней". По ряду обоснованных причин многие сексуальные радикалы полностью отвергают медицинские категории, которые со времён Краффта-Эбинга создали картину "гомосексуалиста" и "педофила" как клинических субъектов. Поскольку медицинские обозначения используются в деле репрессий против сексуальных меньшинств (не говоря уже о грубом искажении реальности, которые простые названия накладывают на такую сложную область), я согласен, что от них следует отказаться, но обозначения также могут быть использованы аналитически с позитивной точки зрения.¹¹

Краткий Оксфордский словарь¹² трактует слово "педофилия" как "сексуальная любовь, направленная на ребёнка". Интересно, что бесконечно сложное слово "любовь" нашло место в этом определении. И я очень рад этому. Оно мне больше по душе и гораздо лучше описывает мои чувства, чем бесцветная альтернатива "сексуальное влечение к ребёнку". Использование слова "любовь" автоматически исключает возможность использования "педофилии" в контексте "сексуальной ненависти к ребёнку", т.е. секс, основанный на враждебности, вроде того, что происходит при садистском изнасиловании или убийстве ребёнка.

В психиатрической литературе можно найти и ещё более подходящее определение. Там педофил определяется как человек, "нуждающийся в *сотрудничестве* ребёнка того же или противоположного пола для достижения сексуального удовлетворения"¹³. Здесь описано то, что Дэвид Суонсон называет "классическим педофилом", чьей основной характеристикой является наличие постоянного и часто эксклюзивного интереса к детям как к сексуальным партнёрам.¹⁴

Под "сотрудничеством" здесь подразумевается то, что педосексуала возбуждают ситуации, в которых ребёнок сексуально активен. Ещё в 1912 году это было отмечено в важной и часто упускаемой из виду работе Молля, в которой он пишет:

*Прикосновение к половым органам ребёнка играет основную роль часто по той причине, что сам преступник способен получить сексуальное удовлетворение только путём сексуального возбуждения ребёнка и наблюдения за этим возбуждением.*¹⁵

Полагаю, что важность этого утверждения очевидна. Вероятность сексуального возбуждения у детей гораздо выше в расслабленной и радостной атмосфере в компании любящего педосексуального взрослого, чем когда их запугивают. Педосексуал практически вынужден стремиться к тому, чтобы они чувствовали себя уверенно, для достижения сотрудничества. При всём при этом, помимо большой вероятности, что он в действительности любит детей, у него есть другая мощная причина стремиться к хорошим отношениям с ними. Он хочет нравиться детям и, скорее всего, относится к ним как к тем, кого социологи называют близкими людьми, "спутниками жизни". Чарльз МакКай пришёл к такому заключению:

В плане взаимодействий некоторые взрослые относятся к детям как к близким людям, чьё мнение и одобрение критически важно для формирования образа себя у взрослого. Некоторые взрослые не хотят ставить под угрозу свой внутренний образ путём совершения поступков, способных подорвать доверительное отношение ребёнка. Поэтому мы сочли, что среди созратителей, относящихся к

детям как к близким людям, преступления будут такого характера, чтобы не нанести вред ребёнку и не потерять его доверие.¹⁶

МакКаи в своей работе идёт дальше и развивает эту идею: те, кто относятся к детям как к близким людям, в межличностных контактах и сексуальных отношениях будут вести себя с ними более приемлемо, чем другие взрослые. Он проверил гипотезу, по которой они будут фактически иметь больше взаимодействий с детьми, чем другие люди, совершающие подобные преступления. И действительно так и вышло: "Как и ожидалось, ни один из совратителей, имевших много взаимодействий с детьми, не использовал принуждение в какой-либо форме, в то время как около трети тех, чьи взаимодействия были минимальны, прибегали к принуждению".

Есть большое искушение развить образ педосексуала (хотя никакого единого образа не существует) путём обращения к целому ряду вопросов, которые часто задаются и к которым обращались исследователи. Некоторые такие вопросы весьма интересны¹⁷, но основной характеристикой тех, что задаются наиболее часто, является то, что они происходят от глубинных антисексуальных страхов. То же относится и к вопросам о "жертве", классическим примером которого является избитое "не станет ли совращённый мужчиной мальчик гомосексуалистом?". Радикальный ответ состоит не в том, чтобы сослаться на результаты исследований, доказывающих обратное (при том, что такие исследования действительно существуют), а сказать "Даже если это так, ну и что? Что плохого в гомосексуальности?". Только когда такой ответ станет приемлемым, мы основательно встанем на путь к сексуально свободному обществу. Мы достигнем его, только когда люди перестанут задавать этот вопрос.

В то же время, касаясь этого конкретного вопроса, я думаю, такой бестактный ответ неприемлем, поскольку есть весьма умные, либерально настроенные люди, испытывающие в то же время ужасный страх от одной мысли, что их собственные дети могут стать гомосексуалистами. Как и в других подобных случаях, нет ничего хуже, чем этот страх, он же и является единственной проблемой, хотя не от каждого человека можно ожидать осознания данного факта.

Позвольте мне пролить бальзам на раны: свидетельства однозначно показывают, что педосексуальное соблазнение не приводит к развитию гомосексуальной ориентации у мальчиков (и девочек). Пожалуй, для большей весомости мне достаточно только процитировать сведения из отчёта Уолфендена:

Распространённым взглядом, получившим большое хождение среди полиции и свидетелей в судебных процессах, является мнение о соблазнении в детстве как об определяющем факторе для формирования гомосексуальности, и мы осведомлены о вкладе данного взгляда в общую обеспокоенность родителей и учителей. Мы не нашли убедительных доказательств в поддержку этого убеждения. Наши респонденты единогласно заявили, что соблазнение не оказало особого влияния на формирование устоявшихся предпочтений... гомосексуального поведения и из других источников мы также не получили никаких свидетельств, противоречащих их суждению.¹⁸

Ганьон и Саймон отметили, что психосексуальная ориентация и реакции в любом случае не определяются в результате конкретно сексуальных взаимодействий, они определяются, скорее, через несексуальные взаимодействия в раннем детстве. Примерно к возрасту 6 лет у детей уже имеются вполне развитые понятия, какое поведение является мужским, а какое женским, и какой принцип поведения "правильный" в том и другом случае.¹⁹

Более общие страхи в отношении "жертвы", особенно в вопросе получения им или ей психологической травмы в результате рассматриваемых отношений, по меньшей мере частично возникают от навязывания самого понятия "жертва" во все детско-взрослые сексуальные отношения, вне зависимости от того, мягкие они или с применением силы, нравятся или не нравятся ребёнку. Вершина абсурда в цеплянии за ложное противоречие между "совратителем" и "жертвой" содержится в термине, упоминавшемся ранее, а именно "жертва-соучастник". Исследователи, принявшие для использования этот любопытный термин, вероятно, сочли, что им нужно пойти на уступки ортодоксальному мышлению: невозможно ожидать от общества, что оно сразу поймёт идею детско-взрослого секса, в котором нет виктимизации.

Возможно, потому, что мужчины предполагаются основными источниками этой виктимизации, женщины более склонны цепляться за образ ребёнка как жертвы. Однако, что самое смешное, наибольший вклад в разрушение этого мифа сделали два исследователя - женщины.

Одной из них была Лоретта Бендер. Вслед за её описанием группы сексуально активных детей²⁰ последовало повторное исследование той же группы, проведённое через 16 лет²¹. В нём ставилась цель выяснить наличие какого-либо заметного психологического вреда, выраженного в невозможности построить удовлетворительную взрослую жизнь в сексуальной и других сферах. Л. Бендер не выявила никаких проблем, которые, по её мнению, могли бы быть обоснованно связаны с сексуальной активностью в детстве. Помните 7-летнюю Вирджинию, у которой был секс с вахтёром? Эта связь не привела её к отвращению к сексу на всю жизнь и не сделала её нимфоманкой. Она стала медсестрой, в возрасте 21 года вышла замуж и, как написано в исследовании, "стала счастливой женой и матерью". К сожалению, в работе Л. Бендер не показывается, был ли какой-то долговременный эффект от чувства вины, которое она пыталась во время "лечения" в больнице привить Вирджинии за её сексуальную активность. Стала ли отруганная в детстве женщина склонной к ругани матерью, помешанной на том, чтобы навязать своим детям чувство вины в отношении всего, что связано с сексуальностью?

Психологические последствия "сексуальных нападений" на детей были исследованы Линди Бёртон²² с куда большей научной точностью (на что исследования Л. Бендер никогда не претендовали). Хотя в исследование Л. Бёртон вошло некоторое количество эпизодов, действительно заслуживающих названия "сексуальное нападение", она скрепя сердцем вынуждена была подчеркнуть, что в остальных отношениях были обычно добровольными. Она исследовала 41 ребёнка, на которого было совершено сексуальное нападение, и контрольную группу их сверстников. 6 из 41 были мальчиками, 35 - девочками. В период совершения преступления большинству из них ещё не было десяти и только четверым было 10 и более лет. Преступник был обычно соседом или другом родителей ребёнка (15 эпизодов) или человеком, знакомым ребёнку, но не его семье (17 эпизодов). Чаще всего это были рабочие или торговцы, к которым у детей была привычка ходить или которым помогать. Обычно эпизод происходил в доме этого человека, у него на работе или дома у ребёнка.

Л. Бёртон использовала в отношении этих детей две шкалы личностной адаптации. Первой из них была Бристольская шкала социальной адаптации (Bristol Social Adjustment Scale), позволяющая выявить тенденции ребёнка к эмоциональной неустроенности по записям школьных учителей. Второй шкалой являлся Thematic Apperception Test (TAT) - стандартный личностный тест, используемый психологами. В этом тесте ребёнок должен был придумать истории на основе набора картинок. На основании тем этих историй психологи считают возможным узнать что-то о страхах, потребностях и эмоциях ребёнка. Всех детей тестировали дважды с годичным интервалом. Первый тест проводился в среднем спустя 2 года после нападения.

В результате этих тестов Л. Бёртон смогла выявить явные характеристики личности, отличавшие переживших "нападение" детей от их сверстников:

Возможно, наиболее существенной характеристикой этих детей является их стремление получить проявления любви. Эта характеристика была отмечена учителями (которые не знали о сексуальном эпизоде) как во время первого теста, так и во время второго теста, через год. Наиболее частым комментарием об их поведении было то, что эти дети стремились сблизиться с учителем и находиться как можно больше времени рядом с ним. Кроме того, о них сообщалось как о стремившихся приносить учителю разные вещи, всегда находя причины обращаться к нему по каким-то вопросам, стремившихся быть вместе с коллективом, пытавшихся быть центром внимания и ярко одеваться.²³

Хотя она говорит о возможной причине стремления получать проявления любви, состоящей в необходимости быть ближе к знакомым взрослым после неприятного переживания, Л. Бёртон также признаёт совершенно другую альтернативу (которая, по её словам, подтверждается другими исследованиями²⁴), состоящую в том, что недолюбленные дети проходят через сексуальные эпизоды в своём поиске этой любви. Бёртон также заключает, что нельзя игнорировать и ещё одну возможность:

Стремление получить проявления любви, наблюдавшееся в этом исследовании, также может показывать попытку со стороны ребёнка заменить взрослого, который у него был в сексуальных отношениях. Как показали многие предыдущие исследования, дети не всегда рассматривают сексуальный контакт как неприятный и многие дети получают немало удовольствия от чувства, что взрослый их любит и желает. По этой причине, презрение ребёнка к властным фигурам, наблюдавшееся в классе²⁵ могло происходить от его неприятия ко всем тем, кто, возможно, мог бы осудить его отношения с взрослым другом.

Работа Л. Бёртон не проводилась с целью выявить мотив стремления получить любовь взрослых, однако, если говорить конкретно о её исследовании, приведённые выше комментарии являются лишь абстрактными рассуждениями. Куда более важно её общее заключение:

Как оказывается, сексуальное нападение не оказывает крайне негативного влияния на личностное развитие ребёнка, что следует из его поведения. Поэтому мы вынуждены заключить, что обследованные дети почти не имели продолжительных страхов или тревожности в результате сексуального опыта.

Также интересны результаты некоторых исследований²⁶, которые показали, что среди всех жертв "сексуальных нападений" быстрее всего удаётся оправиться не "жертвам-соучастникам", а тем, кто стал жертвой случайно. В число последних входят пострадавшие в истинном смысле этого слова, т.е. пережившие нападение в парке, детской площадке и т.п. Однако, данный парадокс легко объясним. Случайные жертвы нападений обычно получают большое сочувствие родителей и поддержку в связи со случившимся. С другой стороны, ребёнку, "попавшемуся" на отношениях со взрослым, вероятно, будут навязывать чувство вины за эти отношения. Особенно стараться будут родители, старающиеся подавить неприятные мысли, что в возникновении этой связи со взрослым изначально виноваты они сами (особенно в части недодачи ребёнку родительской любви). Проблема слегка усложняется тем фактом, что некоторые "жертвы-соучастники" происходят из семей, где не уделялось никакого внимания господствующим в обществе сексуальным устоям. Выходцы из таких семей представлены в чрезмерной пропорции в исследовании Л. Бендер и, возможно, в меньшей степени, в работе Л. Бёртон. Так что мы не должны особо удивляться

комментарий Л. Бёртон: "Как группа эти пережившие сексуальное нападение дети... не показали особой степени чувства вины или тревожности после произошедшего с ними...".

Однако реальные проблемы могут быть гораздо серьезнее в случаях, когда родители являются яркими поборниками "морали" и не очень хорошими в плане проявлений тепла и любви к своим детям.

Как правило, вред начинается ощущаться в истеричной реакции родителей, когда они только узнают о произошедшем. Отец Майкл Ингрэм - католический священник и детский психолог - описал процесс во всём его ужасе с момента получения информации родителями и до судебного вердикта:²⁷

Возьмём случай 11-летнего мальчика, родители которого услышали его разговор с братом, где он рассказал о мужчине, который "занимается с ним сексом". Состоялась семейная сцена: мать плакала, отец ходил из стороны в сторону и клялся "убить мерзавца". Вызвали полицию. Мальчика вновь и вновь допрашивали оба родителя и сотрудники полиции. Его отвезли в полицейский участок, где велели спустить штаны. Врач осмотрел его половой орган, оттянув крайнюю плоть. Мальчику велели наклониться, в то время как врач ввёл ему в задний проход свой палец с предварительно надетым смазанным напальчником. Мужчине предъявили обвинение, он отверг его, и мальчик был допрошен судьями. Мужчину был отпущен под залог и, чтобы предотвратить дальнейшие встречи с мальчиком, был отправлен к родственникам в Ирландию до суда, который должен был состояться через 3 месяца.

По видимому, произошло то, что мальчик был лишён любви со стороны родителей, которые были холодными и безучастными. Он часто позволял мужчине обнимать его, иногда при этом взрослый трогал его под брюками. Если вы можете сделать усилие по обузданию чувства отвращения, которое это могло вызвать, и подумать о возможном вреде для мальчика от недостатка родительской любви, от необходимости терпеть негодование, пугающие допросы и, более всего, подвергнуться со стороны врача повторению всех действий, вызвавших эти неприятности, вы сможете понять, что преступник был последним из тех, от кого мальчику была нужна защита. По словам участвовавшего в данном деле психиатра: "Если мальчик не был жертвой мужеложства со стороны взрослого друга, то он уж точно стал ей из-за действий врача."²⁸

Ингрэм продолжает:

Подсудимый был посажен в тюрьму, где он притворился отбывающим срок за кражу. Его поместили в обычную камеру. Когда стало известно, за что именно он сидит, его избили, нанеся серьёзные травмы. Мужчина потерял работу, разорвались его связи с семьёй и добровольной общественной работой, которую он выполнял. Он сделал очень многое для местной общины, особенно для детей, и всё это было забыто. В возрасте 26 лет он стал человеком с искалеченной судьбой лишь за то, что дал мальчику слишком много любви.

Спустя 9 лет мальчику уже 20. Это холодный, подавленный, боящийся секса, изолированный и не имеющий друзей человек, сидящий на антидепрессантах, делающих его состояние хоть как-то выносимым.

Читатели могут вспомнить дело 1977 года, когда учительницу судили в Льюэсском королевском суде за половое сношение с учеником 11 лет. Она была оправдана,

следовательно, мы должны заключить, что в реальности секса не была, несмотря на показания мальчика об обратном. Тем не менее, любовная связь между ними была очевидна - обмен любовными письмами и признаниями, а ребёнок показывал все признаки положительного восприятия отношений.

Всё это быстро поменялось с вмешательством правоохранительных органов. По стечению обстоятельств, отец мальчика был полицейским. Когда он случайно, не по жалобе сына, узнал об этой связи, он посчитал, что в интересах общества сына следует заставить дать против неё показания. В результате мальчику пришлось пройти через всю процедуру полицейских допросов, его отец признал, что допрашивал его с пристрастием, как любого другого свидетеля, и пока дело дошло до суда, пришлось ждать девять месяцев. За это время он мог бы спокойно отойти от якобы "ужасов" приятных отношений. Возможно, что мальчик пережил бы первичный допрос, но вместо этого ему пришлось переживать всю историю его связи с женщиной под пристальным вниманием судей. Ему пришлось занять место свидетеля в судебном заседании, где места для прессы были заполнены журналистами, записывающими каждую мелочь, и, по-видимому, самое худшее - ему пришлось лицом к лицу общаться с адвокатом защиты, чьей задачей было запутать его и выставить лжецом.

Неудивительно, что для него это было чрезмерной нагрузкой. Он несколько раз начинал плакать, находясь на месте свидетеля, только для того, чтобы непременно быть возвращённым назад для следующей встречи со своими мучителями. И всё это во имя защиты ребёнка! В конечном итоге обвинение проиграло дело, результатом процесса было лишь клеймение мальчика как лжеца, и переживания на первый взгляд доброй и любящей женщины, которую выставили душой или кем похуже.

С некоторой степенью символического идиотизма, который полностью резюмирует этот дикий подход к "защите детей", отец после вердикта заявил, что его план действий был правильным и "Я бы снова заставил своего сына пройти через это". Ради чего, спрашивается?²⁹

Хорошо только, что не все участники процесса преследования за эти преступления столь догматично настроены. В письме газете "Таймс"³⁰ полицейский врач с 25-летним стажем, поделился созвучным словам Ингрэма высказыванием, что в большинстве педофильских процессов юридические процедуры наносят детям больше вреда, чем пользы, и этот врач был честен и достаточно смел, чтобы признать вклад в общий вред осмотров детей, которые он был обязан проводить все эти годы.

Такая просвещённость является редкостью и обычно судьба детей и их взрослых возлюбленных незавидна, если в дело привлекли полицию. Среди сведений, хранящихся в организации PIE, есть рассказ о 15-летнем педосексуальном юноше, которого избивали каждый день его пребывания в изоляторе предварительного заключения Рисли близ Манчестера. Некоторые заключённые царапали его спину заточенными расческами, и юноша совершил попытку самоубийства.

В 1960 годах в агентство по консультированию гомосексуалистов обратился клиент под псевдонимом Джек и рассказал такую историю. В возрасте примерно 40 лет у Джека были сексуальные отношения с 16-летним юношей. Юноша был арестован в связи с другой связью и допрошен полицией. Под давлением он выдал имена других мужчин, включая Джека. Из-за этого спустя некоторое время юноша совершил самоубийство. Когда полиция арестовала Джека, ему сказали: "Ваш юный друг покончил с собой; возможно, это лучшее, что он мог сделать". Джек, любивший своего друга, вскоре сам совершил попытку самоубийства и повторял её несколько раз после этого.

Даже в просвещённой Голландии известны случаи давления на детей со стороны полиции с целью выбить из них признания в сексуальных отношениях со взрослым, хотя такие инциденты сейчас случаются гораздо реже, чем в прошлом. Эдвард Бронгерсма пишет:

*Всего три года назад в нашей собственной стране 13-летнего подростка допрашивали в отделении полиции с 9 утра до 17:00 в маленькой камере с решётками на окнах с целью выбить из него показания. Он упрямо повторял, что ничего не было, до того момента когда следователь сказал: "Ну хорошо. Если ты и дальше будет лгать, нам придётся отпустить твоего друга. Но твой отец сказал мне, что он подкараулит этого парня и убьёт его. Тогда твой друг будет мёртв, а отец получит 15 лет тюрьмы за убийство. И всё только потому, что ты продолжаешь лгать". В ответ на это подросток рассказал всё, после чего впал в состояние глубочайшей психической подавленности.*³¹

В США ситуация гораздо хуже. Журналист NBC Робин Ллойд сообщил³², что известны случаи, когда полиция не гнушалась ничем, чтобы выбить из детей признание их сексуальных связей со взрослым. В одном деле признание было получено путём подвешивания мальчика за ноги над утёсом до момента, когда тот заговорил. В этом случае не составляет никакого труда счесть ребёнка жертвой, но отнюдь не сексуальных отношений со взрослым.³³

Не правда ли странно, что общество проповедует заботу о детях и с рвением стремиться удержать его/её от сексуальности взрослых в качестве выражения этой заботы. Однако, когда - неважно каким образом - становится известно о сексуальных контактах, подлинные интересы ребёнка идут к чёртовой матери. Родители или полиция могут читать ребёнку нотации, подвергнуть медицинскому обследованию, тасканию по судам и запрету видеться с подозреваемым взрослым другом. Какая забота, чёрт возьми!

В этой главе сделана попытка подвергнуть сомнению две связанных концепции: взгляд на педосексуала как на непременного совратителя или будущего совратителя, и взгляд на ребёнка как на жертву в абсолютно всех случаях. Вопрос того, как ребёнок может стать жертвой в результате физических повреждений, в противоположность психологическим, будет рассмотрен в 6 главе в связи с предложением организации PIE по возрасту сексуального согласия.

---

¹ См. множество работ John Gagnon и William Simon, ссылки на которые приведены в [Библиографии](#).

² D.J. West, *Homosexuality Re-examined*, Duckworth, London, 1977.

³ J.W. Mohr and R.E. Turner, *Sexual Deviations, Part IV: Paedophilia*, *Applied Therapeutics*, Vol. 9, No. 4, 1967, pp.362-5.

⁴ T.C.N. Gibbens and J. Prince, *Child Victims of Sex Offences*, Institute for the Study of Delinquency, London, 1963.

⁵ Gebhard, *op. cit.*, p 819.

⁶ F. Bernard, 'An enquiry among a group of paedophiles', *Journal of Sex Research*, Vol. 11, No.3, 1975, pp. 242-55.

⁷ См. Kinsey, *Sexual Behaviour in the Human Female*, *op. cit.*, p. 110.

⁸ См. Gebhard, *op. cit.*

⁹ West, *op. cit.*, p. 214.

[10](#) K. Howells, 'Some meanings of children for paedophiles', paper presented at the International Conference on Love and Attraction, Swansea, 1977.

[11](#) Термин "педофилия эротика" почти всегда сокращается в медицинском применении до "педофилия". При отсутствии слова "эротика" теряется аспект, который мог бы подсказывать несексуальную привязанность к детям.

В действительности данное слово использовалось в этом смысле, хотя и редко. Розмари Гордон (в работе Kraemer et al., *The Forbidden Love*, Sheldon Press, London, 1976) говорит о "позитивной педофилии": чувства, демонстрируемые нежностью и ласковым отношением, проявляемым взрослыми людьми и животными по отношению к детёнышам, при отсутствии попыток сексуального сближения (хотя некоторая степень сексуального влечения в этом случае возможна).

"Педерастия" является более старым, но не древним словом (впервые оно появилось в литературе 17 века). Оно, несомненно, несёт сексуальный смысл из-за присутствия греческого корня *erastes*, означающего "(сексуальный) любовник". В Оксфордском словаре оно уничижительно трактуется как "содомия с мальчиком" и, следовательно, описывает конкретный акт, а не предрасположенность или ориентацию.

Сейчас это слово реже используется, чем в прошлом, особенно в прошлом веке, когда оно было практически синонимом "содомии", поскольку "мальчик", о котором шла речь, мог быть как ребёнком, так и молодым мужчиной.

Первая часть обоих слов начинается с *país*, что означает "мальчик", но только в слове "педофилия" эта часть была обобщена, чтобы обозначать детей обоих полов. Кроме того, "педофилом", в отличие от "педераста", может быть и женщина. Обычно считается, что только взрослый может быть "педофилом" или "педерастом".

Ни тот ни другой термин не применяется в отношении детей, вступающий в сексуальные контакты друг с другом, хотя сексуальное влечение подростков к детям называется педофилией (см. во 2 главе) и Лоретта Бендер описывает 10-летнего мальчика, которого 13-летний подросток "научил педерастии".

В английском языке нет слова, описывающего ребёнка, испытывающего сексуальное влечение к взрослым. Поскольку дети способны к достаточно разнообразным видам сексуальных реакций, такое слово будет фактически бессмысленным. Иногда влечение взрослых к подросткам называют "гебефилией" или "эфебофилией" (в отличие от влечения к допубертатным детям).

[12](#) Sixth edition, 1976.

[13](#) S. Lorand and H. I. Schneer, 'Sexual deviations', in A. M. Freedman et al. (eds), *Comprehensive Textbook of Psychiatry*, Williams & Wilkins, Baltimore 1975.

[14](#) D. W. Swanson, 'Who violates children sexually?' *Medical Aspects of Human Sexuality*, February 1971, pp. 184-97. Некоторые идут дальше и предлагают, чтобы слово "педофил" использовалось только в отношении тех, чей любовный импульс в отношении детей имеет большую важность. В Голландии есть течение, придерживающееся такой точки зрения. Loes Rouweler-Wutz считает, что "педофилия - это состояние человека, в котором чувства влечения к детям, включая сексуальные чувства, столь важны для человека, что определяют всю его жизнь" (из диссертации 'Paedophiles in contact or conflict with society', Nijmegen, 1976, цитированной в работе, 'The legal status of the paedophile', by Edward Brongersma, представленной Psychiatric-Juridical Society, Amsterdam, 1977).

[15](#) A. Moll, *op. cit.*, p.224.

¹⁶ C.H. McCaghy, 'Child molesters: a study of their careers as deviants', in M.B. Clinard and R. Quinney (eds.), *Criminal Behaviour Systems*, Holt Rinehart & Winston, New York, 1967.

¹⁷ Меня часто спрашивают, каков процент педосексуалов во взрослом населении и к какому полу большинство из них испытывает влечение. Попытки ответить на оба эти вопроса наталкиваются на трудности с определением и практические затруднения в получении точных данных.

- Можно ли назвать женщину педосексуалом, если её дико заводит быть родителем?
- Что насчёт тех матерей, кто рассказывает о возбуждении в области половых органов во время кормления грудью?
- Или как насчёт вполне себе гетеросексуальных отцов, к своему неудовольствию ощущающих у себя эрекцию, лаская своего маленького сына?
- Нужно ли человеку испытывать эксклюзивное влечение к детям или самим называть себя педосексуалами, чтобы считать это обозначение применимым?
- И кого мы считаем "ребёнком"?
- Считаем ли мы верхней границей детства пубертат или слово "педофилия" должно охватывать также и влечение к пубертатным подросткам?
- И наконец, учитывая все эти неоднозначности, не создаёт ли процесс присвоения обозначения ложного впечатления о существовании отдельных категорий людей, когда в действительности различия между ними куда менее важны, чем сходства?

Трудность в получении надёжных данных ещё более велика. Взрослых можно опросить о сексуальных предпочтениях с помощью анонимной анкеты. Также можно сделать выводы о реальных предпочтениях тех, чьё поведение приводит к судебному преследованию за сексуальные преступления против детей. Или мы можем опереться на профессиональный опыт психиатров, к которым педосексуалы обращаются за "лечением".

Ни один из этих методов, равно как и все другие, обсуждение которых я видел, не является удовлетворительным по ряду причин. Если обратиться конкретно к судебной статистике, то нельзя лишний раз не подчеркнуть, что она создаёт ложное впечатление, потому что большинство осуждённых за сексуальные преступления против детей не являются "классическими" педосексуалами, они предпочитают взрослых. Кроме этого, отношения лишь небольшой части педосексуалов раскрываются и доходят до суда.

Из активных педосексуалов, опрошенных П. Росманом лишь 1% когда-либо подвергался аресту (Parker Rossman, *Sexual Experience Between Men and Boys*, p. 13).

Эдвард Бронгерсма пишет: "В недавно опубликованном французском исследовании 129 мужчин (средний возраст 34 года) заявили, что имели сексуальные контакты с 11 007 мальчиками (в среднем 85 разных мальчиков на мужчину). Следовательно, законы, делающие такие контакты преступлением, являются на практике неэффективными. Эта чрезмерно большая цифра невыявленных преступлений показывает, что закон деградировал до чистого произвола в отношении совсем небольшого числа тех, кому не повезло. Согласно французскому исследованию, только один из трёх тысяч наказуемых актов становится известен полиции." (E. Brongersma, *The legal status of the paedophile*, работа представлена Psychiatric-Juridical Society, Amsterdam, 1977).

Сообщения взрослых о сексуальных контактах в их собственном детстве могут служить осмысленным источником в плане размаха педосексуальной активности, хотя они не способны особенно помочь в деле оценки общего количества педосексуалов по причине возможности нескольких контактов любым из этих взрослых. В результате опроса студентов Католического университета Неймегена 13% юношей и 18% девушек сообщили, что в детстве у них был как минимум один сексуальный контакт со взрослым (цитата по работе 'The unknown paedophile' by Edward Brongersma).

У Кинси были данные по 4 441 женщине, из которых 24% сообщили, что в доподростковом возрасте мужчины пытались обращаться к ним с сексуальными намерениями или имели с

ними сексуальные контакты. Половина этих случаев (52% от этих 24) составляли случаи эксгибиционизма со стороны взрослого, а менее четверти (22% от 24) - генитальный контакт с ребёнком.

В опросе студентов Калифорнийского университета 30% юношей и 35% девушек сообщили о сексуальных отношениях со взрослыми в детском возрасте (J. Landis, 'Experience of 500 children with adult sexual deviation').

Паркер Россман (цит. выше, стр. 12) дал оценку, что среди американских мужчин насчитывается как минимум миллион тех, кто с возраста 21 года имел один или более сексуальных актов с мальчиками - подростками и добавил: "Помимо их есть ещё как минимум полмиллиона мужчин старше 21 года в США, кто ценит сексуальные игры с мальчиками и считает, что это не должно быть противозаконным. Также в будущем они один или несколько раз хотели бы вступить в незаконную сексуальную связь с мальчиками - подростками." Однако, он не указывает, как получены эти цифры.

В статистике правоохранительных органов Англии и Уэльса не делается различий по возрасту при учёте "непристойных нападений" (indecent assault), но последнее исследование научной группы британского МВД под руководством Р. Уалмсли и К. Уайта (Sexual Offences, Consent and Sentencing, Home Office Research Study No.54, HMSO, London, 1979, pp.30-32) показало, что в исследуемом году (1973) 88% партнёров/жертв мужского пола и 70% - женского пола в делах по "непристойному нападению" были младше 16 лет. В том году 802 человека (из них 8 женщин) были осуждены за непристойное нападение на жертву мужского пола и 3 006 (из них 6 женщин) - за непристойное нападение на жертву женского пола.

Также в 1973 году (там же, стр. 26-29) 640 мужчин были осуждены за незаконное половое сношение с девочкой младше 13, 14 и 15, а 121 - за то же преступление в отношении девочки до 13 лет. 135 мужчин были осуждены за сексуальные контакты с мальчиками до 16 лет.

[18](#) Report of the Committee on Homosexual Offences and Prostitution, Cmnd. 247, HMSO, 1957.

[19](#) W. Simon and J.H. Gagnon, 'On psychosexual development', in D. Goslin (ed.), Handbook of Theory and Research in Socialization, Rand McNally, Chicago, 1969. Anyone still in doubt should consult the following works listed in the Bibliography: Landis; Tolsma; West; the Speijer Report; Rainer et al.; Money and Tucker.

[20](#) L. Bender and A. Blau, op. cit.

[21](#) L. Bender and A.L. Grugett, 'A follow-up report on children who had atypical sexual experience', American Journal of Orthopsychiatry, Vol.22, 1952, pp.825-37.

[22](#) L. Burton, 'Vulnerable Children', op. cit.

[23](#) L. Burton, 'The assaulted child', New Society, 20 May, 1965, pp. 17-19.

[24](#) См. особенно M. Ingram, 'A study of 92 cases of sexual contact between adult and child', British Journal of Sexual Medicine, Vol. 6, No.44, January 1979, p. 22f (Part 1), and Vol. 6, No.45, February 1979, p. 24f (Part 2).

[25](#) Вероятно, этот комментарий сделан с целью охватить лишь тех немногих, кто презирает авторитеты - такое презрение выглядит несовместимым с тенденцией быть рядом с учителем, о которой было сказано выше.

[26](#) В любом случае результаты следует интерпретировать с осторожностью. Калифорнийское исследование, упомянутое в работе Мора (см. выше), говорит о большем количестве

проблем среди жертв-соучастников, но дети, уже имеющие проблемы (возможно по причине недостатка внимания) могут быть более склонны искать отношений [на стороне].

[27](#) Michael Ingram, 'FILTHY: Reaction to paedophilic acts', *Libertarian Education*, No.21, 1977, pp.4-5.

[28](#) Я думаю мысль Ингрэма не в том, что действия врача были ужасны как поступок, а в том, что в тех обстоятельствах они проводились формально, с холодным, клиническим безразличием к чувствам мальчика. Хотя анальное сношение может испытываться как приятное в проникнутых любовью отношениях, врачебный осмотр вряд ли может быть таковым.

[29](#) Reported in a front-page lead story, *News of the World*, 4 September, 1977.

[30](#) Letter from Dr A.P. McEldowney, *The Times*, 16 February, 1978.

[31](#) E. Brongersma, 'The legal status of the paedophile', paper presented to the Psychiatric Juridical Society, Amsterdam, 1977.

[32](#) Robin Lloyd, *Playland: A Study of Boy Prostitution*, Blond & Briggs, London, 1977 (originally published as *For Money or Love*, Vanguard Press, New York, 1976).

[33](#) В Олд Бэйли в 1979 году подсудимый Роджер Муди был по решению судьи оправдан по обвинению в попытке сексуального контакта с 10-летним мальчиком, когда стало известно, что совершённый с нарушениями полицейский допрос привёл к тому, что мальчик оговорил мужчину. Другое обвинение в непристойном нападении на того же мальчика было снято присяжными после 15-минутного совещания.

Оба обвинения относились к предполагаемому инциденту, когда мальчик во время выходного дня спал на матрасе, лежащем вплотную рядом с матрасом мужчины.

Наиболее важной чертой процесса были показания мальчика - "жертвы" на суде в том, что он не подавал жалобы на мужчину, а просто согласился с обвинениями как с возможными, когда полиция предложила им ему через 18 месяцев после "преступления" и это было в отсутствие родителей, чего требует процедура допроса детей этого возраста.

Другими словами, к чему пришли присяжные, полиция довела его до того, чтобы он обвинил в попытке преступления с наказанием до пожизненного заключения, в то время как реально имело место преступление с наказанием до 10 лет тюрьмы, пусть даже в суде он наконец признал, что прикасавшийся к нему объект мог быть рукой и это могло быть случайным, и в любом случае это был момент когда он только просыпался...

Что интересно, Роджер Муди открыто признал себя педофилом и что он испытывал к мальчику большую симпатию. Из того факта, что знавшие об этом судья и присяжные без колебаний оправдали Муди, вытекает массовое обвинение полицейских, расследовавших дело. (Об этом деле рассказано в газете *Peace News*, 6 April, 1979.)

Глава 5. Нужен ли детям секс?

Когда вызванная организацией PIE волна дискуссии на тему влечений к детям и детской сексуальности только набирала обороты, к экспертам обратились с просьбой прокомментировать данную тему. Один или два из них были готовы признать, что дети могут получать удовольствие от секса со взрослыми. В то же время они не были готовы заключить на основании этого допустимость таких отношений. Интервью доктора Дэвида Шэффера, консультанта по детской психиатрии в лондонской больнице Модсли, данное им журналу *Time Out*, является собой типичным тому пример:¹

Организация PИE игнорирует другие интересы ребёнка, помимо удовольствия. В том ли функция детства, чтобы приятно проводить время, или же она в том, чтобы сформировать доверительные отношения и приобрести полезные в будущем навыки? Полагаю, что получение удовольствия стоит достаточно низко в этом списке приоритетов.

Надеюсь, доктор Шэффер не считает функцией детства унылое времяпрепровождение? Не так много времени прошло с тех пор, когда именно такой философии открыто придерживались, если не пропагандировали, в английских школах-интернатах с их акцентом на дисциплине и отказе [себе в исполнении желаний] как на факторах, "формирующих характер". Но если мы доверимся ему и сочтём, что он пытается сказать что-то другое, мы увидим в этой небольшой скромной цитате некоторые ключевые предположения в нынешнем общепринятом взгляде на мир, которые остро нуждаются в том, чтобы поставить их под сомнение.

Главным среди них является то, что получение удовольствия в детстве, особенно сексуального удовольствия, каким-то образом вредит формированию "доверительных отношений" и приобретению навыков. Но это попросту не так. Взрослые, чья сексуальная жизнь куда менее ограничена, чем у детей, могут формировать доверительные отношения и приобретать навыки, и мы не считаем, что способности к этому как-то ослабляются в зависимости от степени их сексуальной активности.

Отметим, однако, что есть и те, кто уверены в обратном: бывший премьер-министр Индии, г-н Десаи, сказал, что открыто воздерживается от секса, чтобы сохранить "телесные жидкости" и тем самым, как он считает, энергию для других дел. Возможно, г-на Десаи такая политика вполне устраивает, но мы знаем, что медицинские данные не подтверждают его теорию. Почему же тогда со всех остальных точек зрения умные и образованные люди начинают полагаться на такие странные утверждения, когда речь заходит о детской сексуальности?

Нет никаких данных, что секс лишает детей большего, чем взрослых. Восходит всё это к какому-то внутреннему чувству, что секс в детстве плох или опасен и неважно, какие аргументы предлагаются против этого. В качестве подхода, судя по всему, используется "Не обращай внимания на довод - почувствуй вывод".

Факт в том, что в результате участия в сексуальных отношениях способность детей осваивать математику или географию никак не ухудшается. Педосексуалы, подобно родителям, действительно любят помогать "своим" детям делать домашнее задание, чинить велосипед и многими другими способами. Они испытывают удовольствие от этого процесса, который укрепляет их чувство собственного достоинства. Прежде всего, это просто выражение испытываемой ими любви.

Будь моя воля, я писал бы о любви бесконечно. Если бы я писал не об одном лишь сексе, а о любви в интимных отношениях между взрослым и ребёнком, убеждён, что это позволило бы вызвать долю сочувствия в сердцах читателей, во всех остальных отношениях враждебно настроенных к этой теме. Я полагаю, что люди согласятся с существованием тех, кто имеет эротическую тягу к детям или подросткам и также испытывает к ним любовь и привязанность.

Проблема с этим подходом в том, что в нём упускается сама суть. Он не пытается оспорить лежащее в его основе важнейшее убеждение в том, что любовь к детям - это нормально, а секс с ними - нет, что в сексуальной близости есть нечто, что требует дополнительного обоснования, помимо собственно удовольствия для участников. В этой системе убеждений человек не выражает любовь к ребёнку через близость с ним, он не занимается любовью как физическим актом.

Всё как раз наоборот. Можно предположить, что если взрослый действительно любит ребёнка, он будет воздерживаться от сексуальных контактов с ним. Часто сами педосексуалы повторяют эти слова, являющиеся отражением чувства вины, навязанного им в процессе воспитания. Множество раз я слышал что-то наподобие: "Я люблю его/её слишком сильно, чтобы поступить так".

Джон Мани из всемирно известной Клиники гендерной идентичности университета Джона Хопкинса чётко показал деструктивность противоречия "любовь - страсть":

У мужчины, которому с детства прививали, что сексуальные намёки являются оскорблением для женщин, остаётся лишь возможность искать сексуальных удовольствий с мужчинами или искать женщин, которых он считает достаточно падшими, чтобы их можно было безболезненно оскорблять. Какие отношения с женщинами могут быть у мужчины, если, подобно многим среди воспитанных в викторианском стиле, он удовлетворяет своё желание в борделе, а потом возвращается домой и молится на жену? Противоречие между любовью и страстью питает нарушения в сексуальной сфере...

Трудность соотнесения любви и страсти между собой, после того, как в детстве их надёжно развели порознь, является причиной почти каждой проблемы интимных отношений между двумя людьми.²

Хотя я согласен, что никто не должен навязывать другому человеку свою сексуальность, в то же время я не вижу причин для принижения взаимно приятных действий. Как и Джон Мани, я вижу в этом позитивную безвредность, потому что невозможность в детстве сформировать положительное отношение к сексуальным удовольствиям является причиной огромных страданий. В этом смысле я говорю не только о небольшом количестве детей, которым удалось участвовать в интимных отношениях со взрослым, но обо всех детях. Взгляды, ответственные за порицание взаимно приятных сексуальных отношений между взрослыми и детьми, являются частью антисексуальной культуры, с которой всем нашим детям приходится справляться.

Фрейд признавал важность детской сексуальности не только для ребёнка, но также и для взрослого, который из него вырастет. И действительно, именно его аналитические прорывы в вопросах психосексуальных проблем взрослых позволили проследить сексуальные конфликты и травмы в раннем возрасте. Фрейд мог ошибаться в большей части его анализа этих конфликтов и травм, но в одном сомнений быть не может: миллионы и миллионы взрослых испытывают психическое и физическое страдание в результате проблем, прямо или косвенно связанных с сексуальностью. Именно этот факт по большей части отвечает за резкий рост спроса на психоанализ и лечение сексуальных проблем. И обращение людей за такими услугами - никакая не буржуазная причуда, как некоторые считают. Старик Вильгельм Райх объясняет этот спрос историей, которая для меня ярко показывает исключительную серьёзность сексуальных бедствий:

Неврозы среди рабочего населения отличаются только тем, что в них нет культурной утончённости других слоёв общества. Они представляют собой грубый, неприкрытый бунт против психического убийства, которому все они подвергаются. Материально обеспеченный гражданин с достоинством переносит свой невроз или вымещает его тем или иным способом. В людях рабочего класса он проявляется как гротескная трагедия, которой на самом деле и является.

Пациентка страдала от так называемой "нимфомании". Она никогда не могла достичь удовлетворения. Поэтому она спала со всеми доступными мужчинами, не получая удовольствия. В конце концов она попыталась мастурбировать ручкой

ножа, а после попробовала делать то же самое лезвием до момента, когда у неё открылось вагинальное кровотечение...

*Эта пациентка также раскрыла разрушительную роль, которую в её жизни играла бедная многодетная пролетарская семья, сильно обременённая заботой. В таких семьях у матерей нет времени на должное воспитание своих детей. Когда мать застаёт ребёнка за мастурбацией, она бросает в него ножом. В ребёнке нож ассоциируется со страхом наказания за сексуальное поведение и чувством вины, он не смеет удовлетворять себя и в дальнейшем, испытывая это чувство на подсознательном уровне, пытается достичь оргазма с помощью ножа.*³

Фрейд, Райх и многие другие видные фигуры в традиции психоанализа вплоть до настоящего времени, непреклонны в своём мнении о значительной роли, которую в этиологии неврозов и "перверсий" играет развитие сексуальности в младенчестве и детском возрасте. Конечно, последователи этой традиции могут быть совершенно не правы, ведь лишь совсем немногие из их гипотез получили эмпирическое подтверждение. Фрейд сам изначально делал большой акцент на "травматичных" последствиях развратных действий в младенчестве, но в дальнейшем пришёл к мнению, что многие из предполагаемых действий были на самом деле фантазиями, основанными на *желаемых* формах сексуальных контактов.⁴

Тем не менее, я не могу отделаться от чувства, что некоторые наблюдения Фрейда на тему связи между подавлением сексуальности, чувством вины и неврозом заслуживают принятия во внимание даже теми, кто справедливо настроен скептически к точным психическим механизмам, которые он приписывает Эдиповому комплексу, развитию "анального характера" и прочему.

Но в упрощённой форме получается что-то вроде следующего: в младенчестве и раннем возрасте дети дают волю своим сексуальным чувствам до момента, когда запреты взрослых начинают препятствовать этим чувствам. Запреты несут в себе угрозу наказания за нарушение и, чтобы избежать наказания, сексуальные импульсы подавляются. Этот запрет сопровождается развитием в ребёнке взгляда на сексуальное самовыражение как на что-то плохое. Он не только избегает сексуальных действий, но также, считая их плохими, подавляет сами мысли об участии в них. Если это подавление заходит слишком далеко, оно вызывает психический стресс и со временем начинает проявляться в виде невротических симптомов.

Не каждый из переживших сексуальные запреты в детстве становится невротиком, но развитие самой идеи о сексуальности как о чём-то плохом, чувства вины и стыда, являются в нашем обществе практически нормой и отношение всех взрослых к сексу окрашено им. Следовательно, слова Фрейда об "истериках" на самом деле лишь описывают переживание большинства людей, выраженное в явной форме :

*Характер истериков демонстрирует степень сексуального подавления, превышающую обычную, усиленное сопротивление против полового инстинкта (с чем мы уже встречались в виде стыда, отвращения и морали) и что-то вроде инстинктивного отвращения с их стороны в отношении любого интеллектуального рассмотрения сексуальных проблем.*⁵

Более поздний психиатрический вклад в исследование данной проблемы, сделанный доктором (г-жой) Алейн Йейтс⁶, опирается на эмпирические исследования от Кинси до Мастерс и Джонсона, которые были Фрейду недоступны, не говоря уже о её собственном опыте матери целых 13 детей (7 собственных и 6 приёмных). Г-жа Йейтс подчёркивает

оценку Мастерс и Джонсона, по которой в половине всех браков в США имеют место сексуальные неудачи, трудности или несовместимости. Она пишет:

Когда женщина не может достичь оргазма, проблема почти всегда чётко связана с недостатком раннего сексуального опыта. Хотя молодой мужчина обычно достигает кульминации без особых проблем, он может страдать от других затруднений. Он беспокоится о размере члена, продолжительности эрекции, способности удовлетворить партнёршу. Он переживает глубокое чувство несоответствия, делающее из постели площадку для соревнований, а иногда и позорную парту. Его тревожность преобуславливает преждевременное или запоздалое семяизвержение, а также импотенцию. Проблемы мужчины также происходят из детства, особенно под влиянием размытого и неохотного отношения к сексуальному воспитанию.

Г-жа Йейтс пишет, что родители должны давать детям сексуальную уверенность. Причина нарушений в сексуальной сфере почти всегда лежит в неспособности/нежелании родителей демонстрировать положительное отношение к способности ребёнка получать сексуальное удовольствие. Иногда калечащие последствия этой неспособности проявляются уже в детстве. Г-жа Йейтс цитирует множество впечатляющих исследований. Я хотел бы привести здесь одно из них, в котором рассказывается история шестилетнего Дэвида, потому что эта работа показывает, как даже хорошие родители могут нанести своим детям травму, ведя себя, как обычно принято. Так совпало, что в той же истории сведения о школьной успеваемости Дэвида дают совсем другую картину на предмет "приобретения навыков", о чём выше говорил д-р Шэффер:

Дэвид был самым младшим среди 5 мальчиков, родившихся в крепкой семье умных родителей, оба из которых были выпускниками колледжа. Хотя родители отошли от буквальной интерпретации Библии, они регулярно посещали церковь и прививали своим детям ответственность, терпение и хорошие навыки труда. Старшие мальчики были успешными и плодотворными членами общества.

Дэвид был поздним ребёнком, младше других на 10 лет. Он получал больше внимания и у него было меньше обязанностей, чем у братьев. В возрасте трёх лет ему нравилось тереть и дёргать свой член, сидя на унитазе. Мать увидела это и застегнула ширинку на его брюках.

После этого она всегда старалась, чтобы при нахождении в туалете он всегда был занят книгой или игрушкой. Она следила, чтобы сын не задерживался там слишком долго. Спустя примерно год Дэвид увидел, как одна собака вскочила на другую и побежал к отцу узнать, что они делают. Отец бросил палку и крикнул, чтобы собаки убежали прочь. В возрасте 5 лет сексуальное образование Дэвида состояло в объяснении учителями воскресной школы некоторых историй из Библии. Он знал, что взрослые будут недовольны, если он откроет двери без стука, но всё, что ему удалось когда-либо увидеть - это свою мать в нижнем белье.

В возрасте 6 лет его любимый старший брат сбежал с девушкой другой веры. Дэвид скучал по брату. Он чувствовал замешательство в семье и злость отца. Однажды он услышал, как отец сказал, что "это худшее из всего, что могло было произойти".

В возрасте 7 лет Дэвид поведал дома услышанную в школе шутку о мальчике, принимавшем ванну со своей матерью. Эта шутка, вызвавшая неудержимый хохот одноклассников, в доме была принята зловещим молчанием. Мама сказала, что это плохая шутка и не стоит больше никому её пересказывать. Незадолго до этого

случая Дэвид снова начал играть со своим половым органом, в этот раз тщательно скрывая всё действие ночью под покрывалом.

После провала шутки он перестал заниматься этим и задумался - не сделали ли грязные мысли плохим его самого, подобно любимому брату, так никогда не вернувшемуся домой. Охваченный чувством вины и никчёмности, Дэвид начал проводить много часов в одиночестве и стал демонстрировать странное поведение. Он не выполнял свои обязанности по дому и получал замечания. Он забывал взять в школу карандаш до того момента, когда учитель прислал записку его родителям. Ещё недавно учившись на отлично, теперь он стал безнадежно путать буквы и слоги и начались проблемы с чтением. Все виды коррекции оказались неэффективными. Родители Дэвида были недовольны, разозлены и озабочены.

Наконец, мальчика отправили на психиатрическое лечение. Во время первых месяцев терапии он играл без особого интереса и оставался один. Он наполнял ведёрко песком и переворачивал его снова и снова. Он очень боялся запачкать руки и часто ходил в ванную. На третьем месяце он непринуждённо улыбался и начал играть с различными предметами - куклами, красками, пластилином и пистолетами для дротиков.

Теперь наши сеансы ему очень нравились. Однажды мы заговорили с ним о том, как появляются дети. Дэвид замолчал и начал ковыряться в ухе. Вдруг он спросил, умирают ли дети от "гадостей". Мальчик отказывался объяснить подробнее даже после моего заверения, вновь и вновь ударяя длинноносым игрушечным крокодилом по раковине. На следующем сеансе терапии Дэвид вёл себя замкнуто и с недоверием. Он снова начал пересыпать песок из одной ёмкости в другую.

Я молча слепила красный пенис из пластилина и приделала его к кукле, изображающей ребёнка. В течение нескольких секунд он смотрел на неё не отрываясь. Вдруг ни с того ни с сего он бросился на куклу и, ударив кулаком по пенису крикнул: "Я знаю что это!". В последующие недели другие органы также были слеплены и разрушены. Я спросила, хотел ли он когда-нибудь повторить это на себе. В ответ на это последовал поток слов вперемешку со слезами. Его половой орган был "грязным, мерзким, гадким и вонючим". Причина заключалась в том, что он играл с ним даже зная, что это плохо. Мальчик сказал: "Если человек делает это - бог возненавидит его и выгонит из дома".

Родители Дэвида были поражены. Они никогда не наказывали сына и не говорили, что секс был чем-то плохим. К счастью, они поняли и заверили Дэвида, что он совсем не плохой и его не выгонят. Отец разрешил ему мастурбировать, поведав о своих наслаждениях и интересах в детском возрасте. Дэвид опять начал читать без проблем и перестал забывать взять карандаши в школу.

Поскольку у Дэвида тогда почти не было позитивной информации или переживаний, он в корне неправильно понял произошедшее. Пристыженный и несчастный, он попытался отрицать все эротические чувства, участвуя только в чистых и приличных занятиях. Для него это оказалось невыносимым и отсюда берут своё начало все эти симптомы. Если бы он получил заверение, поддержку и разрешение заниматься сексуальной игрой, терапия бы не потребовалась.

Дэвида спасли от стыда на сексуальной почве. Другим повезло меньше, отсюда необходимость терапии в сексуальной сфере, возникающая в более позднем возрасте. Как отмечает г-жа Йейтс, высокоэффективная терапия сексуальных проблем, разработанная в последние годы вслед за инновационной работой Мастерс и Джонсона, обязана своим успехам не длительной и дорогостоящей психотерапии, а знакомству взрослых с самой простой, детской сексуальной игрой, где удаётся избежать страха неудач, а также с помощью

специалиста постепенно покончить со стыдом. Также она пишет: "Нашим детям повезло больше - они с интересом занимаются этим и многим другим в садовом домике, за кустами и в шалаше на дереве." И, добавим мы, в компании педосексуалов.

Тем, кому удалось избежать возникающего у невротика отвращения к сексу, подвержены впадать в перверсии - под этим я подразумеваю сексуальную жизнь, основанную на враждебном отношении к сексуальному объекту.⁷ В такой враждебности нет недостатка:

Сексуально возбуждающее убийство, расчленение ради возбуждения, изнасилование, садизм с конкретными физическими наказаниями, такими как хлестание или нанесение порезов, игры с заковычиванием и связыванием, мочеиспускание или испражнение на сексуального партнёра - все стоят на убывающей шкале сознательной ярости к сексуальному объекту, неотъемлемая цель которой состоит в том, чтобы доминировать, вредить или возноситься над другим.⁸

По мнению Роберта Столлера враждебность мотивирует в том числе непристойные звонки по телефону и даже различные формы беспорядочных сексуальных контактов. Для меня его анализ выглядит как минимум правдоподобным:

Подумайте о Дон Жуане - парадигме распущенности, раскрывающем свою ненависть к женщинам столь невинно и незаметно для зрителей, которых он должен привлечь для одобрения его действий. Он заинтересован в соблазнении, а не в любви, и в хвастовстве перед друзьями множеством покорённых женщин и тем, как они унижались в своей потребности в страсти, которую он в них вселил.

Его возбуждение и удовлетворение идут не от чувственных удовольствий сексуального контакта или близости, которую он мог установить с другим человеком, на самом деле его интерес к сношению невелик, он сосредоточен на преодолении сопротивления на первый взгляд неуверенной женщины. Легкодоступные женщины его не привлекают... Поэтому, встречая распущенного человека, мы не должны делать обобщения, считая его просто вольной птицей, выражающей естественную сексуальную безудержность, являющуюся неотъемлемой характеристикой нашего вида...⁹

Возрождая столь старомодный и презрительный термин "извращение", в отличие от "девиация" или "вариант", Столлер стремится вновь сделать акцент на роль морали и личной ответственности (из концепции греховности секса), к которой он, как сторонник свободы воли, имеет глубокую философскую приверженность. Я поспорил бы с ним на предмет ценности понятия "грех", но важным аспектом его работы является следующее:

1. Он прояснил, что лежит в основе определённых видов сексуального выражения, а именно - скрытый мотив враждебности, и это обоснованно порождает чувство тревоги на предмет того, каким может быть общество, где даётся полная свобода "извращениям" и
2. сосредоточившись на сексуальных мотивах людей, он провёл бесценную границу между происхождением истинных извращений в раннем возрасте с одной стороны и невраждебных отклонений (в число которых я бы включил свои педосексуальные чувства) с другой.

Он пишет:

Начиная с Фрейда, утверждается, что раннее возбуждение стимулирует извращение. Я соглашусь, но с одной оговоркой: это справедливо в обычной ситуации, когда имела место чрезмерная стимуляция и слишком мало возможностей для разрядки или присутствовало сильное чувство вины. Они будут ощущаться как травматичные и потребуют трансформации посредством таинства извращённого ритуала в успешное начинание. С другой стороны, если в слишком юном возрасте удовольствие велико, а чувство вины незначительно, результатом, по моему мнению, будет не "извращение", а переносющаяся во взрослую жизнь склонность, заключающаяся в пристрастии к этому "девиантному" способу получения удовольствия, который, в отличие от "извращения", не управляется потребностью нанести вред объекту.¹⁰

Лично я не вижу ничего плохого в "склонности" к девиантному поведению, которое не мотивировано враждебностью. С другой стороны, отсутствие чувства вины и успешная разрядка вызванных стимуляцией желаний в "ранней" сексуальной жизни, по признанию Столлера, способны рассеять причины, по которым возникают сексуальное поведение, мотивированное враждебностью.

На тему извращения необходимо добавить ещё несколько слов, потому что я не хочу, чтобы читатели считали меня пытающимся возвысить своё "извращение" за счёт других. История знает достаточно много случаев, когда некоторые деятели именно так и поступали: гомосексуалисты, нормально ощущающие себя в мужской одежде и следующие традиционному для мужчины поведению в обществе, обличали накрашенных, вычурных геев, которые создавали для них дурную репутацию. Гетеросексуальные трансгендеры также имели тенденцию обличать гомосексуалистов, а последние обычно заявляют, что они не совратители детей и обличают педосексуальность.

Все сексуальные меньшинства указывают пальцем на других в поисках признания большинства. Для нас, педосексуалов, есть искушение делать то же самое. Я думаю, что большинство из нас, по крайней мере те, кого я знаю лично, ведут себя по отношению к детям так, что невозможно осмысленно обосновать это поведение мрачными и враждебными мотивами. Наоборот - акцентируются доброжелательные чувства. Поэтому так и хочется, радостно потирая руки, перенаправить всю вину на садистов, потому что они, как мы бы сказали вслед за Столлером, настоящие извращенцы. Они враждебны к своим сексуальным партнёрам. Они грешны. В крайних случаях эти люди склонны к изнасилованиям и убийствам.

Убийство и изнасилование, а также все недобровольные контакты заслуживают лишь всемерного осуждения. В то же время не стоит упускать из виду, что люди, испытывающие "извращённое" желание унижать и причинять боль реальному или воображаемому сексуальному объекту обычно являются вполне нравственными. Они не виноваты в своих сексуальных склонностях, а только в том, какие способы разрядки используются. Раз так, удобные и взаимно приемлемые отношения между садистом и мазохистом позволяют первому удовлетворить свои, в других условиях неприемлемые желания, морально приемлемым способом, который никто не имеет права осуждать. Пусть никто не думает, что я пытаюсь как-то принизить увлекающихся садомазохизмом - все добровольные сексуальные отношения приемлемы.

Вернёмся к теме телесных удовольствий в раннем возрасте и последствий их недостатка. Американский невропатолог Джеймс Прескотт осмелился заявить, что сексуальное удовлетворение в раннем возрасте и получение чувственного, в особенности тактильного, удовольствия непосредственно снижает склонность к насилию во взрослом возрасте.¹¹ Его теория основана на корреляции между уровнем насилия в 49 дописьменных культурах, для которых были доступны данные, и некоторых переменных, отражающих уровень физической ласки, таких как показатели частоты объятий, нежности и игр с младенцами, а также допустимым уровнем доброго и внебрачного секса.

Конечно, метод измерения уровня "ласки" или "насилия" в каждой конкретной культуре всегда будет предметом споров, но стоит заметить, что использованные Прескоттом шкалы были независимо разработаны антропологами.¹² Результаты исследования показали, что сообщества с высокой степенью физической ласки к младенцам характеризуются низким уровнем насилия. Уровень физического насилия взрослых был точно предсказан в 36 культурах (73 %).

В шести культурах, оказавшихся явными исключениями, наблюдался как высокий уровень ласки к младенцам, так и высокий уровень насилия взрослых. Но в пяти из этих культур сильно ценилась девственность, а подавление добрых проявлений сексуальности было нормой. С другой стороны, в семи культурах был выявлен низкий уровень физической ласки к младенцам и также низкий уровень насилия взрослых. Во всех этих культурах бытует благосклонное отношение к раннему сексуальному поведению, что склонно подтверждать замеченный некоторыми наблюдателями терапевтический эффект объятий и ласки, которые получают в отношениях с педосексуалами лишённые эмоционального контакта дети.

Работа Прескотта проливает свет на распространённое предубеждение, что секс и насилие обычно идут рука об руку, как будто это некая неразделимая связка. Прескотт ссылается на лабораторные эксперименты с животными, подтверждающими его теорию. По его словам "Неистовое, агрессивное животное вдруг успокаивается, когда электроды стимулируют центр удовольствия в его мозге. Подобно этому, стимуляция центров, связанных с агрессией, прекращают приятные ощущения и мирное поведение животного."

Однако не столь прямые способы, когда стимулы проходят через органы чувств, склонны приводить к совершенно другому результату, в котором сексуальное возбуждение и агрессивные импульсы связаны положительной связью, а не наоборот. Когда одно возрастает, у другого тоже наблюдается склонность к росту, когда снижается одно, то и другое также снижается. В ряде работ было предложено биологическое обоснование для такой связи. В одной из таких работ Маклин¹³ обнаружил свидетельства того, что в лимбической системе мозга участки, отвечающие за агрессию и сексуальное поведение находятся в близости и могут частично накладываться друг на друга или иметь прямую связь. Психиатр Йельского университета профессор Майкл Шерд в обследовании мужчин обнаружил связь между высоким уровнем тестостерона (мужского полового гормона) и склонностью к насилию.¹⁴

Также Эндрю Баркли из того же университета провёл ряд экспериментов¹⁵, в которых исследовались агрессивные и сексуальные фантазии студентов колледжа. Он исследовал образы, возникавшие в воображении студентов, которые они записывали в виде историй после того, как их специально пытались разозлить, подвергая различным оскорблениям и унижениям. В сравнении с контрольной группой людей, к которым не применялись подобные попытки разозлить, эти студенты, среди которых были мужчины и женщины, продемонстрировали большее количество не только агрессивных (что ожидалось), но и сексуальных образов.

Вполне предсказуемо, что подобные исследования были скоропалительно использованы в качестве доказательства, что сексуально свободное общество (будь эта свобода для детей или для кого-то другого) будет непременно охвачено изнасилованиями, грабежами, убийствами и всеми видами насилия. Визит на Тробрианские острова или в одну из описанных Прескоттом культур быстро обезоруживают этот аргумент, но связь между сексуальностью и агрессией, если она есть, очевидно заслуживает отдельного комментария. В этой связи я считаю необходимым особо подчеркнуть следующие три вещи:

Во-первых надо признать, что такая связь соответствует уже известным нам на уровне "здорового смысла" фактам. Сексуальное соперничество, по-видимому, ответственно за такие знакомые нам явления, как конфликты на танцплощадке: большинство видов животных вступают в борьбу или демонстрируют угрожающее поведение с целью получить преимущества в выборе партнёра. И люди здесь не являются исключением.

Во-вторых, эта связь также согласуется с агрессивными, извращёнными сексуальными чувствами, описанными Столлером. (Кстати, в экспериментах вроде проведённых Баркли нужно лишь небольшое число "извращённых" испытуемых, чтобы был сделан значительный вклад в общую степень корреляции между сексуальными и агрессивными чувствами.)

В-третьих, приняв возможность наличия такой связи, следует сделать одну оговорку насчёт природы "агрессии". Агрессивные образы нельзя приравнять к враждебным, садистским или деструктивным импульсам. Эту проблему иллюстрирует имевшая большие продажи в Великобритании песня "Hit Me With Your Rhythm Stick". Создаваемые в ней образы были несомненно агрессивными, в то же время выражаемый в песне взгляд (мужской взгляд, строго говоря) на то, что все женщины в мире приглашают сделать своих мужчин: "Hit me with your rhythm stick/Das ist gut, c'est fantastique".¹⁶ Другими словами под "ударь меня" (hit me) подразумевается "заведи меня" или "накинься на меня", но не "причини мне боль". Подразумевается желаемый контакт с целью получения удовольствия, а не боли или унижений. В этом контексте образы, связанные с насилием, являются вполне здоровым выражением увлечённой страсти, а не враждебности или садизма.

Ни один из перечисленных выше факторов не даёт мне оснований считать, что общество с положительным отношением к сексуальности непременно будет эгоистичным, захватническим и насильственным. Такой взгляд основан на предубеждении, что в обществе, где от людей ожидается сдержанность, они ведут себя так же, как в лабораторных экспериментах, где это не требуется. Кроме того, здесь также имеет место предубеждение об определяющем вкладе биологических факторов, гораздо большем, чем это оправдано в случае людей. Модели поведения людей, в отличие от других животных, не записаны полностью в генах. Люди подвержены сильному влиянию общества, особенно в раннем возрасте, когда усваивается какое поведение является приемлемым, а какое - нет.

На этом этапе у детей есть возможность усвоить должное чувство сдержанности. Мальчику, усвоившему, что не нужно лезть в драку с желанием отнять чужую игрушку, будет легче контролировать свою первобытную склонность силой забрать желанную женщину. Подобно этому, ребёнок, родители которого поощряют проявления сексуальности и который в результате начинает ассоциировать сексуальные чувства с теплом, любовью и нежностью, почти неизбежно вырастет в человека с сексуальной увлечённостью (не исключая и такой, что в песне Rhythm Stick) и со взглядом на сексуальные отношения без склонности к насилию.

Консерваторы в вопросах сексуальности также свято верят в общественное формирование характера, особенно внутри семьи, но они считают себя реалистами в том, что знают ограниченность таких влияний. Глубоко внутри они считают, что люди неизбежно эгоистичны и "греховны" и единственный способ справиться с этими тенденциями - выжигать их калёным железом, начиная с младенческого возраста, чтобы "сломать волю ребёнка", как это было прямо высказано в эру ещё большей суровости, чем наша.

То, что консерваторы, видимо, никогда не пытались сделать, так это попытаться оценить свой собственный подход. В конце концов, во многих обществах, где доминируют традиционные, сексуально репрессивные ценности, нет недостатка в изнасилованиях, убийствах и прочем. В этой связи поучительно рассмотреть взгляды самых искалеченных жертв нашего общества: невменяемых преступников. В книге "Sex and Personality" Ханса Айсенка¹⁷ приводится удивительное исследование 186 пациентов больницы Брудмур, ведущего британского учреждения для невменяемых преступников. 3% из них были помещены по 26 разделу "Акта о душевном здоровье", а остальные были осуждены за следующее:

16% - сексуальные преступления

11% - поджог

26% - умышленное или неумышленное убийство

28% - попытки убийства и нанесения телесных повреждений

16% - разбойное нападение и преступления против собственности.

Можно было бы ожидать, что взгляды на предмет сексуальности, демонстрируемые в такой группе, покажут что-то такое, что консерваторы немедленно признали бы чудовищно плохим, неспособностью усвоить традиционные ценности. Не тут-то было. Напротив, оказалось, что они были усвоены чрезмерно хорошо:

Пациенты Брудмура в целом гораздо более закрепощены в сексуальном плане, чем "нормальная" группа. Поэтому они сложнее достигают сексуального возбуждения; о сексе думают лишь редко; сознательно пытаются изгнать мысли о сексе из своей головы; при наличии сильных сексуальных чувств не могут их выразить; не думают о сексе каждый день; утверждают, что возбуждаются с большим трудом; относятся к сексу лишь как к средству размножения, а не способу получения удовольствия; секс для них не особо важен; их не возбуждает мысль о связи на стороне.

Они проводят чёткие границы между тем, что является правильным и неправильным сексуальным поведением, считают омерзительным смотреть на совокупляющихся животных; есть вещи, которые бы они никогда ни с кем не сделали; они находят отвратительной мысль о сексуальной оргии; они не считают, что в некоторых случаях женщина может быть сексуально агрессивной; они предпочитают секс под покрывалом в темноте; им не хотелось бы царапать и покусывать своих сексуальных партнёров; они возражают против использования слов из четырёх букв в компании людей разных полов; они считают обмен жёнами непристойным; они считают некоторые виды занятий любовью отвратительными.

Они придерживаются весьма консервативных взглядов на тему сексуальности: девственность - самое важное достоинство девушки; их не интересует возможность увидеть кого-то обнажённым; они будут защищать своих детей от знакомства с сексом; они не воспользуются возможностью понаблюдать за сексом других; они против свободной публикации порнографических рассказов; они верят в сексуальную цензуру; их мораль однозначна и прямолинейна; они считают, что сексуальная раскрепощённость подрывает общество; они не считают безобидной сексуальную игру между детьми; они считают правильным, что мужчина должен доминировать.¹⁸

После всего этого так и напрашивается фраза "я всё сказал" с продолжением из утончённых риторических пышностей. И продолжить мне придётся, но не без напоминания читателям, что рассмотренные в этой главе вопросы ни в коем разе не относятся исключительно к педосексуальности. Это лишь небольшой вклад в манифест всему нашему обществу, в который вносят всё большую долю думающие люди со всего мира, большинство из которых, скорее всего, педосексуалами не являются.

---

¹ Tim Gopsill and Duncan Campbell, 'Untouchable subject', Time Out, 9 September, 1977.

² J. Money and P. Tucker, Sexual Signatures, op. cit., p. 216.

³ Wilhelm Reich, The Function of the Orgasm, 2nd ed., Orgone Institute Press, New York, 1948, p. 93.

⁴ Развитие идей Фрейда об этих вопросах обсуждается у Joseph J. Peters в 'Children who are victims of sexual assault and the psychology of offenders', American Journal of Orthopsychiatry,

Vol. 30, 1976, pp. 399-402.

⁵ S. Freud, Three Essays on the Theory of Sexuality, The Penguin Freud Library, Vol. 7, 'On Sexuality', p. 78

⁶ Alayne Yates, Sex Without Shame, op. cit., pp. 40-42.

⁷ Такое определение этому слову дано в полезной книге Роберта Столлера (Robert Stoller) "Perversion: The Erotic Form of Hatred", Quartet, London, 1977.

⁸ Ibid., p. 56

⁹ Ibid., p. 57.

¹⁰ Ibid., p. 7.

¹¹ James W. Prescott, 'Body pleasure and the origins of violence', Bulletin of the Atomic Scientists, November 1975, pp. 10-20.

¹² The research tool was R. B. Textor's A Cross-Cultural Summary, which gives some 20,000 statistically significant correlations of anthropological data.

¹³ Quoted in H. Eysenck and D. Nias, Sex, Violence and the Media, Temple Smith, London, 1978, p. 249.

¹⁴ Сообщалось в Science Now, BBC Radio 4, 12 December, 1978.

¹⁵ См. в особенности A.M. Barclay and R.N. Haber, 'The relation of aggressive to sexual motivation', Journal of Personality, Vol. 33, 1965, pp. 462-75.

¹⁶ Rhythm Stick, by Ian Dury and the Blockheads, Stiff Records, 1978.

¹⁷ H. Eysenck, Sex and Personality, Open Books, London, 1976, pp. 177-91.

¹⁸ Ibid., pp. 179-80.